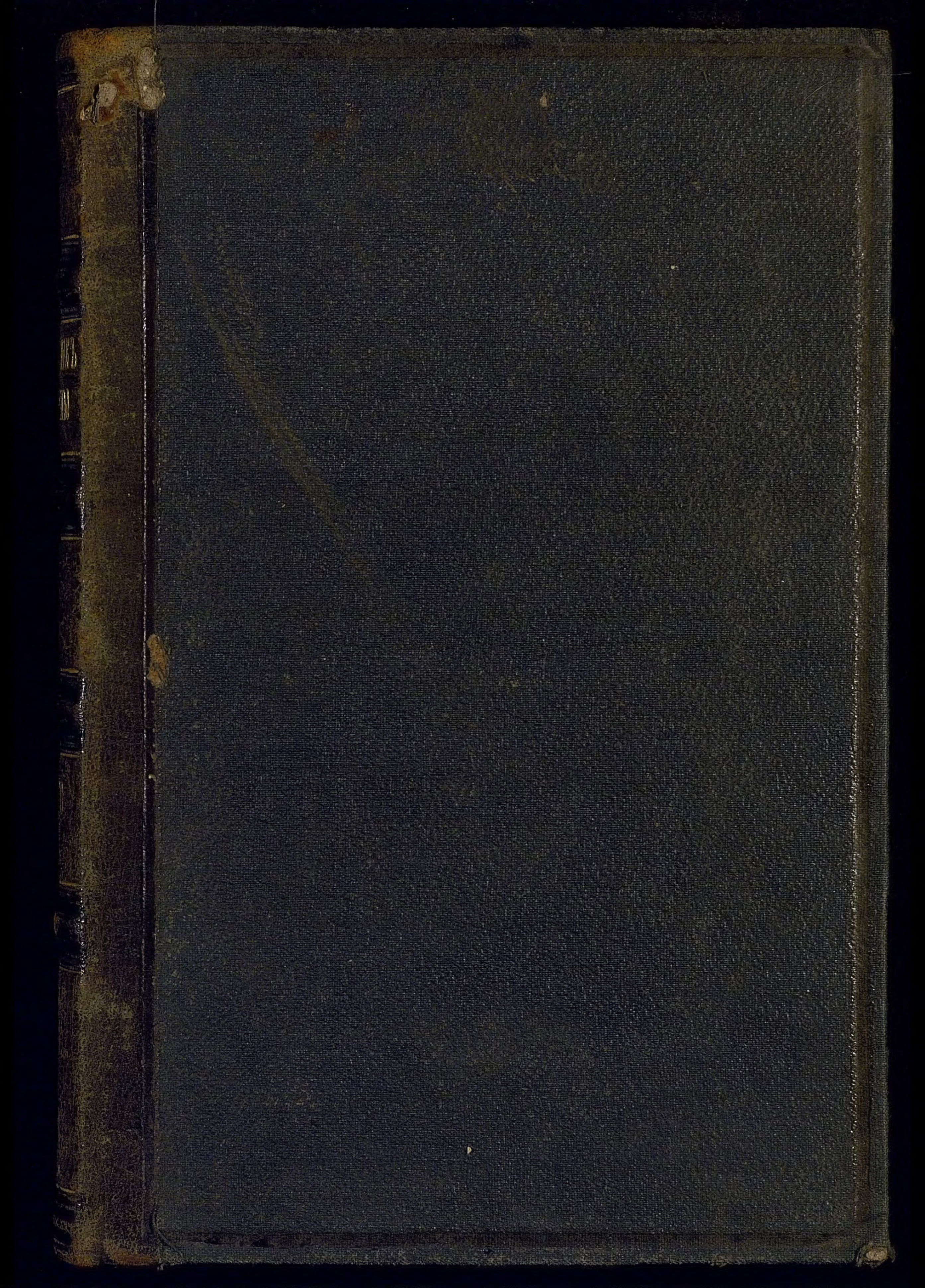
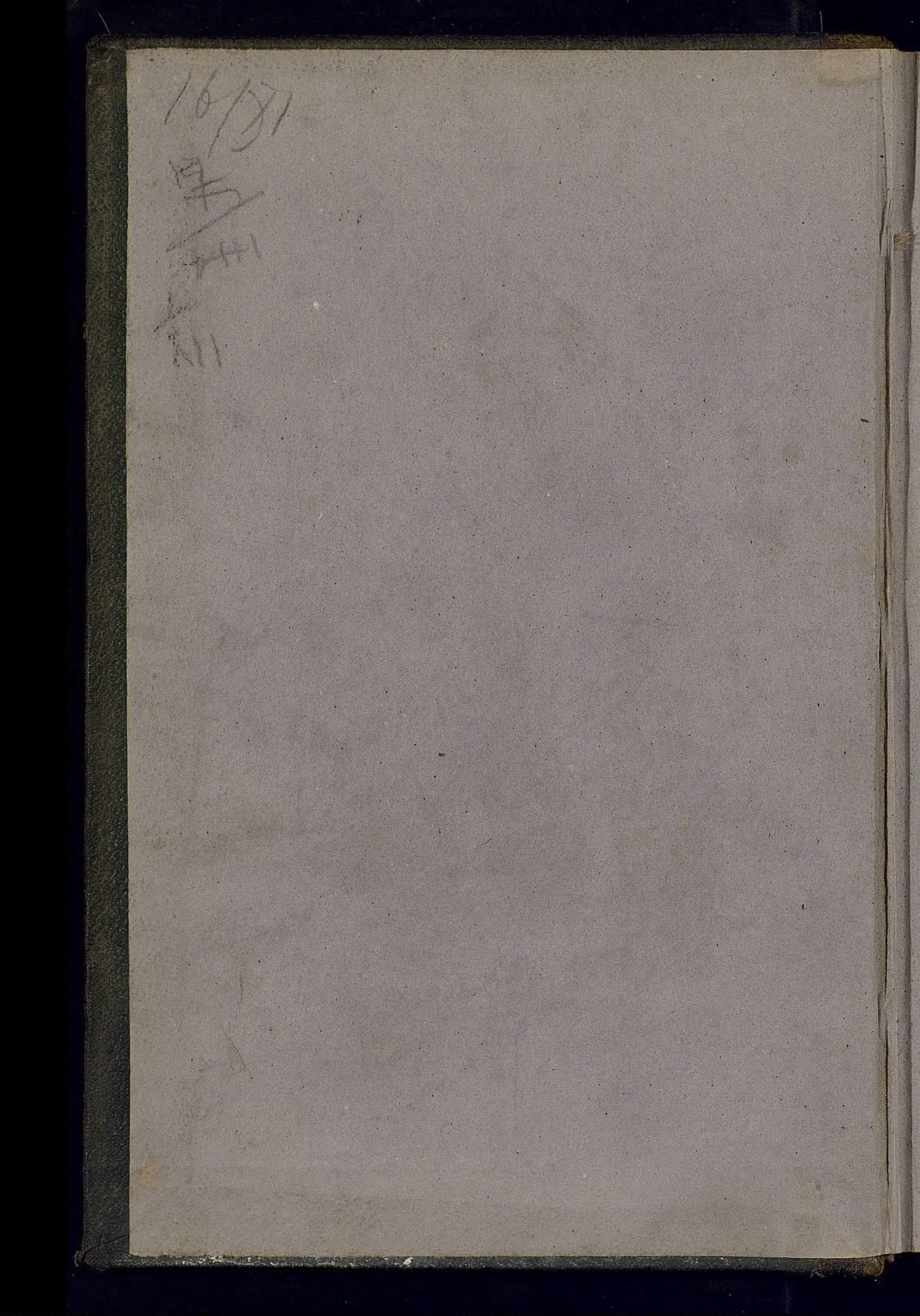

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Передъ вечеромъ, въ началѣ мая 1854, къ лучшей N-ской гостинницѣ подъѣхала телѣга, сильно забрызганная грязью весеннихъ, еще неустановившихся дорогъ, и запряженная тройкой, замѣтно усталыхъ, ямскихъ лошадей. На встрѣчу этого некрасиваго экипажа выбѣжала почти вся прислуга гостинницы, откланиваясь пріѣзжему молодому господину, въ дорогомъ тепломъ пальто, и спѣша вынуть изящную дорожную подушку и изящный дорожный мѣшокъ, потонувшіе въ сѣнѣ, которымъ была набита телѣга.

Этотъ господинъ, Андрей Васильевичъ Верховской, ужъ около двухъ недѣль прожилъ въ N-ской гостинницѣ, пріѣхавъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ и въ дилижансѣ, а теперь возвращался изъ короткой поѣздки верстъ за сорокъ, въ одно большое имѣніе. Всему N. было извѣстно, что Верховской за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы купить это имѣніе, но половодье и испорченныя дороги до сихъ поръ не давали туда добраться. Онъ равнодушно переносилъ эту задержку, а въ гостинницѣ ей были очень довольны. Съ нимъ не было собственнаго камердинера и лакеи гостинницы старались угождать ему съ услужливостью крѣпостныхъ, почти негодуя, что требованія богатаго молодого барина были очень несложны.

— Дайте переодѣться и пообѣдать, сказалъ Верховской, войдя въ свою комнату, между тѣмъ какъ лакей суетился, спуская сторы, смахивая воображаемую пыль, передвигая кресла.

— У васъ были господинъ губернаторъ, и, вотъ, еще карточки. Вотъ, ёще письмо съ почты. Сегодня по утру заходилъ, спрашивалъ васъ господинъ Духановъ.

— Хорошо.

Верховской ходилъ по комнатѣ, пока накрывали на столъ. Его закачало. Онъ посмотрѣлъ на письмо, хотѣлъ распечатать, отложилъ и сѣлъ обѣдать. Зналъ-ли онъ заранѣе, что письмо незанимательно, но по его лицу пробѣжало что-то похожее на нетерпѣніе. Онъ задумался, наконецъ, рѣшаясь, опять взялъ и развернулъ письмо. Оно состояло изъ двухъ тонкихъ листочковъ, исписанныхъ четкой, красивой рукой по транспарану. Верховской бѣгло читалъ и перевертывалъ, будто добираясь до дѣла, нахмурился, сложилъ все опять въ конвертъ и возвратился къ прерванному обѣду.

Ему, впрочемъ, было не суждено кончить его покойно. Лакей явился снова и доложилъ:

— Господинъ Духановъ.

Духановъ былъ молодой чиновникъ мелкаго происхожденія, не крупнаго чина, нѣсколько разъ терявшій мѣста и всегда тотчасъ-же находившій другія, — чѣмъ доказывалось, что онъ дѣлецъ и человѣкъ нужный. Онъ хорошо и замѣтно сознавалъ это, хотя держался съ приторной ласкательной скромностью, когда считалъ ее необходимой и приличной. Это, вѣроятно, многимъ нравилось, потому что Духановъ былъ почти всеобщій ходатай по дѣламъ въ N. Въ настоящее время, ему было поручено сладить съ Верховскимъ продажу имѣнія; сами владѣльцы жили въ Петербургѣ. Духановъ разсчитывалъ на свои выгоды, и потому, въ пятидневное отсутствіе Верховскаго, безпрестанно навѣдывался о его возвращеніи и даже не поскупился заплатить въ гостинницѣ, чтобъ ему донесли «какъ-только баринъ явится». Это было исполнено.

— Имѣю честь поздравить съ пріѣздомъ, сказалъ онъ скороговоркой, на секунду пріостановясь у порога, и въ ту-же секунду, вспомнивъ о своемъ достоинствѣ, развязно вступилъ въ комнату. — Какъ съѣздили, Андрей Васильевичъ?

— Бока отломало, отвѣчалъ Верховской. — Здравствуйте.

— Мое почтеніе,.... сказалъ опять скороговоркой Духановъ, шаркнувъ еще разъ, и опять напомнилъ себѣ о свѣтскихъ манерахъ. — Что-жъ это вы такъ жалуетесь, Андрей Васильевичъ, хе-хе, будто старикъ какой, въ самомъ дѣлѣ. Конечно, не спорю, непривычно вамъ.... экипажъ не такой.... хе-хе...

— Не въ телѣгѣ дѣло, а въ дорогѣ.

— Да вѣдь весна-съ, возразилъ съ снисходительной улыбкой Духановъ.

— У всѣхъ весна, возразилъ Верховской: — но у всѣхъ гати, какіе-нибудь мостики, а къ вашему Спасскому проѣзда нѣтъ; подъ самой деревней — не мостъ, однѣ сваи....

Духановъ прервалъ его смѣхомъ.

— Это мостъ, точно, плохъ, сказалъ онъ: — мнѣ *они* еще въ прошломъ году доносили. Ну, вотъ, какъ купите, новый построите.

— Слишкомъ много придется строить, возразилъ Верховской: — тамъ все на боку.

— Какъ вы, Андрей Васильевичъ, разочаровались! сказалъ Духановъ, продолжая смѣяться, не то для того, чтобъ ободрить себя, не то насмѣшливо. — Домъ, конечно, не новый, но потому собственно это даетъ ему цѣну: барскій домъ, барская постройка; ныньче ужъ такихъ и не умѣютъ.... Комфортъ весь, паркеты, отдѣланъ какъ.... Конечно, можетъ-быть, пожелаете роскошнѣе....

— Я, вѣдь, покупаю не домъ одинъ, а деревню, прервалъ Верховской: — я пять дней пробылъ тамъ, осматривалъ.

— Хозяйство, кажется, въ порядкѣ-съ, сказалъ съ достоинствомъ Духановъ: — скотный дворъ, оранжереи....

— И ни одной крѣпкой избы во всей деревнѣ, снова прервалъ Верховской: — ни зерна хлѣба у мужиковъ; пахать начали — побираются другъ у друга лошадьми; въ пятидесяти дворахъ — пять кошекъ какихъ-то, а не коровъ....

— Ну-съ, наберется и побольше! возразилъ, захохотавъ, Духановъ. — Нѣтъ, ужъ вы, ей-богу, очень разочаровались, Андрей Васильевичъ; я никакъ не ожидалъ....

— Я самъ никакъ не ожидалъ найти такое разореніе, отвѣчалъ серьезно Верховской: — объ этомъ вамъ слѣдовало-бы меня предупредить, какъ мнѣ кажется.

— Мнѣ господа Запольцовы поручили только продажу, отвѣчалъ Духановъ: — я вамъ представилъ опись земли, планы; какой долгъ на имѣніи, какія недоимки — вамъ тоже извѣстно. Хоть сейчасъ покупай — все въ порядкѣ сдѣлано.

— И еслибы я купилъ, не глядя, вы считали-бы, что все сдѣлано по совѣсти?

Духановъ повернулся на мѣстѣ; его маленькое лицо вспыхнуло и маленькіе глаза сверкнули. Онъ въ минуту сдержалъ себя и, пристально глядя на богатаго барина, отвѣчалъ смиреннымъ голосомъ:

— Я человѣкъ зависимый, Андрей Васильевичъ. Господа

Запольцовы мои благодѣтели; я черезъ нихъ имѣю и мѣстишко. Хорошо говорить о совѣсти, когда деньги есть. У меня ихъ нѣтъ-съ.

Онъ еще разъ поднялъ на Верховского взглядъ, выражавшій, что богатство можетъ безнаказанно унижать и обижать,—взглядъ унизительно-обидный, — сжалъ губы въ улыбку презрѣнія къ невниманію, которое ему оказывали, но продолжалъ прежнимъ, сладко-смиреннымъ голосомъ:

— Госпожа Запольцова мнѣ писала, что онѣ очень дружны съ вашей супругой; такъ я полагалъ, что вы уже обо всемъ предупреждены.

— Ровно ни о чемъ, сказалъ Верховской, ходя по комнатѣ, чтобъ расправить усталыя ноги.

Духановъ тихо разсмѣялся, когда онъ отвернулся.

— Госпожа Запольцова мнѣ подробно описывала, продолжалъ Духановъ:—какъ онѣ съ вашей Лидіей Матвѣевной даже нарочно искали имѣть квартиру въ одномъ домѣ, чтобы дѣти вмѣстѣ занимались.... Для моей довѣрительницы будетъ весьма прискорбно, если вы сочтете, что послѣ такихъ дружескихъ отношеній она рѣшится на обманъ противъ васъ....

— Да и моей довѣрительницѣ не будетъ пріятно, если я ей куплю нищенскую колонію, возразилъ Верховской.

Духановъ опять усмѣхнулся ему вслѣдъ.

— Но самое милое—что вы смолчали о главномъ, продолжалъ Верховской, остановясь.—Если и это—въ интересахъ вашей довѣрительницы, то, извините, это ни ей, ни вамъ чести не дѣлаетъ... Спасскіе мужики недавно убѣгали всей деревней?

Духановъ завертѣлся на стулѣ.

— Пришли сюда въ городъ, и просились всѣ, годные и негодные, въ военную службу?

— Да вѣдь, Андрей Васильевичъ, мало-ли бездѣльниковъ... Кто-нибудь имъ натолковалъ, что военное время, всѣхъ требуется,... служба царская, усердіе... Извѣстно, мужикъ—дуракъ; ну, сказали ему, за это земля будетъ, льготы разныя.... Имъ-ли было не житье...

— Прелестное. Я его видѣлъ, это житье. Какъ-же вы мнѣ этого не сказали?

— Я полагалъ, Андрей Васильевичъ, вы знаете, отвѣчалъ Духановъ, уже въ затрудненіи:—всѣ въ городѣ знаютъ, Спасское....

— *Спасскихъ*—три села въ одномъ уѣздѣ, только изъ тѣхъ двухъ не бѣгали; бѣгали изъ вашего. Такъ вы поступили по совѣсти, скрыли отъ меня, что крестьяне недовольны?

— Да вѣдь, они, Андрей Васильевичъ, ужъ покорились. Кого тогда, тутъ, въ полиціи,—успѣли перехватить,—а то, туда двѣ роты ходили, отвѣчалъ успокоительно-ласково Духановъ. — Теперь они, ей-богу, ничего-съ. За это дѣло и губернаторъ ужъ нахлобучку получилъ, какъ могъ допустить, и исправникъ теперь, и становой... всѣ мѣры приняты, все кончено-съ. Ей-богу, они ничего. И вамъ никакого безпокойства не можетъ быть. И если вашей супругѣ угодно когда въ поле, или въ коляскѣ, — такъ куда угодно теперь, никакого безпокойства!... Госпожа Запольцова писала, что вашей Лидіи Матвѣевнѣ собственно для здоровья нужна деревня. Такъ здѣсь онѣ все найдутъ: мѣстоположеніе, воздухъ, всякую, если позволите сказать—прихоть. Что-жъ дѣлать, нынѣшнимъ временемъ за границу нельзя — въ Крымъ тоже... А здѣсь совсѣмъ будетъ по вкусу Лидіи Матвѣевны. Отъ столицы недалеко... Лидія Матвѣевна въ Москвѣ въ настоящее время?

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ Верховской, продолжая расхаживать и думая, почему онъ это знаетъ.

Духановъ помолчалъ, глядя ему вслѣдъ. Верховской молчалъ тоже и, казалось, не заботился о его присутствіи. Чиновникъ кашлянулъ, чтобъ о себѣ напомнить, но это не подѣйствовало. Верховской взглянулъ въ окно, потомъ на часы.

— Такъ какъ-же-съ, Андрей Васильевичъ? рѣшился наконецъ спросить Духановъ.

— Что?

— Да на счетъ деревни. Ужъ вы разочаровались очень, ей-богу!

— Подумаю, отвѣчалъ Верховской и позвонилъ.

— Мнѣ будетъ истинно жаль, Андрей Васильевичъ, если вы пропустите такую покупку.

— Не перебьютъ, отвѣчалъ Верховской.

— Конечно, господа Запольцовы, по дружбѣ, вамъ скорѣе уступятъ, чѣмъ кому другому, и деньги отъ васъ вѣрныя, а все-таки... золотое дно!

— Да, Запольцовымъ выгоднѣе сбыть его до аукціона, прервалъ Верховской:—а до аукціона немного найдется охотниковъ на это золотое дно. Я подумаю.

Вошелъ лакей. Верховской спросилъ одѣться.

— Куда-нибудь сбираетесь? спросилъ Духановъ.

— Да; извините.

Духановъ поднялъ съ пола свою шляпу.

— Такъ до пріятнаго свиданія, Андрей Васильевичъ. Когда-жъ прикажете явиться?

— Я напишу Лидіи Матвѣевнѣ; дождусь отвѣта и дамъ вамъ знать.

— Это будетъ, стало быть, рѣшительное?

— Да, рѣшительное, отвѣчалъ Верховской, очень довольный, что тотъ кончилъ свои поклоны и затворилъ дверь.

Черезъ нѣсколько времени, онъ самъ шелъ черезъ бульваръ, гдѣ было много гуляющихъ, въ клубъ, гдѣ тоже собралось довольно.

Въ провинціи, въ то время, еще веселились, не уступая Петербургу, который веселился какъ никогда. Верховской, хотя оставилъ его вскорѣ послѣ святой недѣли, наслушался концертовъ, насмотрѣлся спектаклей и баловъ до усталости и былъ радъ уѣхать въ провинцію, чтобъ отдохнуть. Но повидавшись по дѣлу съ двумя-тремя лицами, пришлось знакомиться и съ другими, такъ, что въ двѣ недѣли, Верховской узналъ все, что называло себя «высшимъ N — скимъ обществомъ». Верховской убѣдился, что въ Петербургѣ бываютъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленные часы для бездѣлья, и что тамъ люди, ничего недѣлающіе, дѣлаютъ по крайней мѣрѣ видъ, будто заняты; въ провинціи не соблюдалась и эта церемонія, и, казалось, не было ни службы, ни занятія, не оставляющаго времени для долгихъ визитовъ по утру, для праздношатанія днемъ, для игры въ карты отъ сумерокъ до разсвѣта. Верховскому пришлось жить также, принимая и отдавая посѣщенія. Его особенно ласкали, какъ будущаго помѣщика N — ской губерніи, можетъ-быть, даже N — скаго жителя. Дамы нѣсколько огорчились, узнавъ, что онъ женатъ, но сообразили также, что «это будетъ пріятный домъ», потому что жена Верховского любитъ удовольствія. Это уже знали, хотя Верховской не разсказывалъ.

Верховской провелъ послѣднія десять лѣтъ въ Петербургѣ, но зналъ и Москву, и провинціи, и не находилъ большой разницы въ складѣ провинціальнаго общества и складѣ богатыхъ петербургскихъ среднихъ кружковъ. Это было почти тоже съ небольшими измѣненіями: въ провинціяхъ было только поменьше формальности и экономіи, побольше разгула и сплетень; даже сужденія провинціи казались запоздалыми только сравнительно съ разсужденіями высшаго или литературнаго петербургскаго круга. Такъ думалъ прежде Верховской; теперь, уѣзжая въ провинцію, онъ ожидалъ найти болѣе разницы. Война продолжалась ужъ полгода; событія быстро слѣдовали одно за другимъ, затрудненія усложнялись, затрогивались существенные, родные

интересы. Столицы каждый день читали газеты, получали опредѣленныя извѣстія, были на-слуху распоряженій и намѣреній, болѣе или менѣе знали чему вѣрить, чего ждать, чего опасаться. Но столичные толки, хотя и жаркіе съ вида, были сдержанны, осторожны: недовѣріе и опасенія прятались; настроеніе было искусственное, неискреннее. Столица не страна; это какое-то нарядное, праздничное мѣсто, съ своими уставами и условіями. Правда, туда сбираются люди со всѣхъ концовъ страны, но столица имѣетъ свойство скоро передѣлывать людей на свой ладъ, не выслушиваетъ ихъ, а заставляетъ себя слушать, не узнаетъ отъ нихъ обычаи, силы и нужды страны, а внушаетъ забывать все это, предлагая обо всемъ свои понятія — не широкія, не вѣрныя, успокоительныя, какъ все, что составляется на-скоро и съ предвзятымъ намѣреніемъ приказывать и не безпокоиться.... Только въ настоящее время, когда обнаруживается жизненная дѣятельность провинцій, жители столицъ,—и то еще далеко не всѣ,—начинаютъ терять вѣру въ столичное знаніе вещей и непогрѣшимость столичнаго мнѣнія. Но прежде, тогда, было не то: 1854-й былъ послѣднимъ и самымъ тяжкимъ годомъ молчанія одной стороны, невниманія другой и разъединенія обѣихъ...

Верховской принадлежалъ къ немногимъ жителямъ столицы, не увлекавшимся ея предположеніями, строже обсуждавшимъ ея приговоры и уставшимъ отъ ея веселій. Уѣзжая въ провинцію, онъ надѣялся отдохнуть,—что не удалось ему,—но удостовѣрился, что веселье провинціи—не навязанное, не поддѣльное, а искреннее... Убѣдясь въ этой искренности, онъ сталъ искать ее и въ другомъ, счелъ обязанностью присмотрѣться ближе. Въ Петербургѣ онъ слышалъ довольно фразъ; въ провинціи должна быть правда. Здѣсь, на болѣе родной и твердой точкѣ опоры, общественное мнѣніе и общественная сила должны были являться свободнѣе, съ болѣе яснымъ сознаніемъ; увлеченіе здѣсь не могло быть подготовлено, вынуждено модой, вызвано разсчетомъ и желаніемъ выставиться на видъ. Здѣсь всякій ближе и опредѣленнѣе зналъ свои средства: по увлеченію, можно было судить о возможномъ размѣрѣ самоотверженія... Верховской сталъ внимательно слушать толки. Сначала его поразила, въ большинствѣ, недостаточность политическаго знанія, но онъ видѣлъ единственные источники этого знанія — «Инвалидъ» и «Сѣверную Пчелу» на столѣ клуба, а на столѣ губернаторши, m-me Волкаревой, листы выкроекъ, которые назывались иностранными газетами. Ясно, что многого и требовать было нельзя. Верховской воздержался отъ взыскательности, постарался не находить смѣшнымъ, что m-me Волкарева разбрасывала свою «Indépen-

dance» какъ можно живописнѣе и примѣтнѣе; что клубные читатели вѣрили только въ свои двѣ газеты и презирали иностранныя; что патріотизмъ выражался иногда выспренно-сантиментально, иногда съ грубымъ самохвальствомъ: чувство могло быть сильно, но могло не умѣть выражаться. Верховской боялся судить неосмотрительно. Онъ удерживался даже отъ улыбки на ни съ чѣмъ несообразныя, блестящія предположенія, опровергалъ ихъ осторожно, чтобъ не испугать увлеченія, которое могло быть... Но онъ недолго оставался въ этомъ пріятномъ заблужденіи. Въ нѣсколько дней онъ убѣдился, что ничего не было, ни сознанія силъ, ни народной гордости, ни пыла, ни глубокаго чувства, убѣдился тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ всякій прекращалъ какой-бы ни было разговоръ о современныхъ дѣлахъ и обращался къ самому себѣ, къ своимъ интересамъ, къ вчерашней сплетнѣ, къ завтрашней попойкѣ. Едва раскрывались игорные столы, общество бросалось за нихъ, замѣтно облегченное и обрадованное. «Гдѣ-то» дѣлалось «что-то»; потолковали — и довольно. Это не у нихъ дѣлалось, не ихъ касалось... Это было не мужество, обсудившее свой долгъ и положеніе, и, въ ожиданіи своей очереди дѣйствовать, въ свободный часъ, обращающееся къ житейскимъ мелочамъ. Это была не отвага, готовая, шутя, всѣмъ жертвовать и, шутя, умереть; не горе, которое, утомясь само собою, ищетъ въ чемъ-нибудь забыться. Это было холодное, тупое, сонное равнодушіе. Отъ него-то и была такъ искренно весела провинція...

Верховскому стало тяжело, когда онъ въ этомъ убѣдился. Искусственная жизнь Петербурга одолѣвала; *эта* была не лучше: равная пустота содержанія, только на другой ладъ. Петербургъ фразировалъ и устроивалъ аллегри; провинція махнула рукой и сѣла за карты. Равнодушіе подрумяненное и равнодушіе откровенное. Верховской рѣшился разбирать то, которое было передъ глазами.

Разборъ выходилъ неутѣшительный...

Общество не оглядывалось на себя, не размышляло. По временамъ оно чувствовало, что стѣснено, но въ чемъ — не могло сказать и не задавало себѣ этого вопроса. Оно существовало; оно было формально устроено, формально ограждено. Тому, кто умѣлъ, не запрещалось богатѣть, какъ умѣлъ; на способы смотрѣли снисходительно, если они были обставлены нужною формальностью; о нихъ и не спрашивали, если богатство веселило кружокъ, въ которомъ процвѣтало. Выработывалась легкая совѣсть; никому не запрещалась удача. Передъ удачей благоговѣли, можетъ быть, отъ внутренней неопредѣленной печали

стѣсненія, заставлявшей высоко цѣнить удачу, тамъ, гдѣ были напрасны трудъ и достоинство; можетъ быть, отъ порчи, въѣдавшейся въ это довольное рабство. Послѣднее едва-ли не вѣрнѣе: въ обществѣ не было негодованія. Общество доводило свое всепрощеніе и неосужденіе до крайности, возможной только въ конечномъ стѣсненіи: преступники только въ тюрьмѣ сочувствуютъ другъ другу... Своекорыстное, отъ отсутствія всякаго общаго интереса, общество мельчало мыслью, сжималось по кружкамъ, дробилось на единицы, и каждая изъ этихъ единицъ привыкала дорожить только собою. Не задумываясь, даже ужъ не о постыдности, а, просто, о забавной сторонѣ своихъ поступковъ, — эти люди изъ-за личностей ссорились, изъ-за личностей дружились; гражданскій долгъ былъ для нихъ нѣчто отвлеченное, чему они не видѣли примѣненія, слѣдуя по обычной колеѣ, не смѣя размышлять, куда ведетъ она, можетъ быть, чувствуя ея неудобство, боясь потерпѣть, если отъ нея отступять,—но чаще всего, довольные этой колеей, довольные болѣе всего тѣмъ, что никто не спрашиваетъ ихъ, какъ провести новую... Самое слово «гражданскій долгъ» — считалось фразой. Выработывался даже языкъ чинный, приличный, гладкій, исключающій всякое прямое названіе вещей по имени. Но языка сильнѣе не было и не нужно: говорить было нечего. Для такъ-называемыхъ «высокихъ предметовъ» были высокіе казенные образцы слога, и тѣ понадобились только въ послѣднее время, и то—для немногихъ строкъ въ вѣдомостяхъ. Живой рѣчи не было мѣста въ обществѣ, гдѣ существовали только свѣтскія, денежныя, пустыя отношенія, въ обществѣ не имѣвшемъ ни общей мысли, ни общей заботы, отученномъ отъ предпріимчивости, не дерзавшемъ и облѣнившемся по убѣжденію. Укрѣплялось и укрѣпилось одно убѣжденіе: что все хорошо какъ есть, потому что такъ — покойно... Общество облежалось на узкой и короткой постелѣ, гдѣ засыпало, и осмѣивало, осуждало тѣхъ немногихъ, которые смѣли увѣрять, что мириться съ подобнымъ положеніемъ и невыгодно и нечестно. Но такіе голоса раздавались рѣдко и осторожно; такихъ людей презирали, когда не боялись; отъ нихъ сторонились. Въ свою очередь мельчали и эти люди, тратя на звонкія слова и провинціальныя придирки душевную силу, при другихъ условіяхъ годную для многого хорошаго; въ свою очередь и они дѣлались виноватыми, когда, уставъ отъ своего одинокаго протеста, не видя отъ него пользы ни себѣ, ни другимъ—вдругъ круто сворачивали въ общую колею, ко всѣмъ прелестямъ лѣни, барства, крѣпостного права, безмыслія, всего въ чемъ погрязали всѣ,— и эти *всѣ* встрѣчали ихъ сначала съ насмѣшкой, какъ ново-

обращенныхъ, потомъ съ привѣтомъ, какъ *своихъ*. Эти новообращенные только хуже подрывали кредитъ правды, здраваго смысла и достоинства: на нихъ указывали какъ на примѣръ того, что съ ихъ прежними понятіями жить нельзя и не должно, какъ на доказательство и подтвержденіе благоустройства общества въ его настоящемъ видѣ...

Въ несчастномъ 1854 году, это несчастное общество дошло до послѣднихъ границъ ослѣпленія: оно начало хвастаться. Правда, за него сначала прихвастнули столицы, прихвастнули люди, никогда его незнавшіе, — кто изъ разсчета, кто по собственному искреннему чувству, считая его только за отголосокъ общаго; а кто—предполагая, что громкія слова возбудятъ чувство, «такъ сказать, одушевятъ». Громкія слова вызвали не одушевленіе, но смѣшное, ужасающее самомнѣніе, самодовольство, и заставили хуже застынуть эту неподвижность: она вообразила себя гранитомъ. Нечего измѣняться, когда все такъ прекрасно, такъ разумно, такъ справедливо. Нечего безпокоиться, когда все такъ сильно, такъ прочно, такъ ограждено. Говорятъ, надо *постоять*... что-жъ, пожалуй!... Хотя для общества, отвыкшаго отъ серьезныхъ словъ, это слово было какъ будто непонятно, хотя, казалось, имъ требовалось чего-то не вошедшаго въ разрядъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, чего-то ускользнувшаго изъ жизни, чего-то необычайнаго,—но общество тотчасъ догадалось, что трудность исполненія лежитъ не на немъ, а на темномъ народѣ, съ которымъ оно день ото-дня все больше разрывало связь. Догадавшись, общество получило еще основаніе не безпокоиться: крѣпостной, обязанный все дѣлать, сдѣлаетъ и *это,—постоитъ*. Оно поняло, что будутъ нужны деньги, но въ началѣ 1854 г., ихъ надобилось еще не такъ много, въ оборотѣ ихъ было довольно, а давая громкія оффиціальныя обѣщанія, общество знало, что расплатится не оно, а все тѣ-же, которые должны постоять, и если, впослѣдствіи, изъ этого произойдутъ какія-нибудь денежныя затрудненія, то ихъ будетъ легко наверстать, все изъ того-же неистощимаго источника,— тѣмъ болѣе, что и бѣда-то вовсе не велика и «Сѣверная Пчела» положительно говоритъ, что ее можно закидать шапками...

Городъ N. представлялъ образъ полнѣйшаго довольства и спокойствія; въ обществѣ ни у кого не было траура; война не коснулась никого и со стороны семейной заботы; веселиться ничто не мѣшало. Верховской не удивился, найдя много народа въ

клубѣ. Старшина приказывалъ освѣтить маленькую залу и посылалъ за музыкой.

— Развѣ собираются танцовать? спросилъ Верховской.

— Да. Съ гулянья зашла Марья Васильевна, съ ней дамы, и еще, вѣроятно, подъѣдутъ. Покуда, въ ожиданіи, тамъ у насъ пѣніе.

Верховской слышалъ издали звуки рояля. Въ большой залѣ, которую проходилъ онъ, еще были отворены окна; она была еще полна тихаго весенняго вечерняго свѣта и въ немъ терялся огонь свѣчей, зажженныхъ на карточныхъ столахъ. Эти столы были ужъ большею частію заняты. Между другими знакомыми, Верховскому встрѣтился губернаторъ Волкаревъ, проходившій съ картой въ рукѣ.

— Вотъ и вы! вскричалъ онъ: — возвратились? Eh bien, êtes-vous à nous? Вы знаете, здѣсь умы волнуетъ вопросъ: поселитесь-ли вы или нѣтъ въ Спасскомъ? On tient à vous avoir ici.

— Очень благодаренъ.

— А я желаю этого едва-ли не больше всѣхъ, продолжалъ Волкаревъ, понизивъ голосъ и по-французски:—сегодня вы здѣшній помѣщикъ, а завтра — здѣшній предводитель, и это моя надежда. Всѣ эти здѣшніе господа!... Мы бы съ вами поняли другъ друга. Когда поселяешься въ провинціи, мой милый, то начинаешь понимать такія надежды... Да и просто, эгоистически, Марья Васильевна и я хотимъ васъ завербовать сюда какъ товарища въ изгнаніи, прибавилъ онъ, любезно смѣясь.

— Мѣсто-то изгнанія мнѣ не совсѣмъ по вкусу, отвѣчалъ по-русски Верховской.

— Какъ, Спасское?

— Да.

— Quelle idée! une propriété magnifique!

— Да, но хлопотъ съ ней много, отвѣчалъ Верховской, взглянувъ на любезнаго собесѣдника и чувствуя удовольствіе, что онъ какъ-будто сконфузился отъ отвѣта и взгляда.

— Хлопотъ?... повторилъ Волкаревъ и опять понизилъ голосъ.—Oh, croyez-moi, c'est fini, bien fini! Меня здѣсь знаютъ. Мнѣ стоило приказать однажды... Это все закваска прежнихъ поблажекъ, прибавилъ онъ съ презрительной злостью: но меня, стараго кота, больше не обманутъ. Можете быть покойны. Исправникъ и становой... скажите имъ моимъ именемъ, что если когда-нибудь... Это люди мнѣ преданные. Однимъ счастіемъ въ жизни могу я похвалиться, мой милый Андрей Васильевичъ,— я здѣсь любимъ! заключилъ онъ вдругъ съ умиленіемъ, съ ко-

тораго также быстро перешелъ на прежній веселый тонъ. Такъ когда же мы васъ водворяемъ? Затрудненій, кажется, особенныхъ нѣтъ? Межеваніе съ казенными кончено?

— Нѣтъ, сказалъ Верховской, которому это наскучило.

— Нѣтъ?... Ну, тутъ ужъ я ничего не могу!! продолжалъ губернаторъ, на этотъ разъ по-русски и очень громко. Здѣшній управляющій палатою государственныхъ имуществъ, господинъ Багрянскій, упрямъ какъ семинаристъ... каковъ онъ, впрочемъ, и есть... Полгода тянуть такіе пустяки! Я ужъ обращался къ нему, по просьбѣ m-me Запольцовой, и имѣлъ честь получить... да, почти-что наставленіе не мѣшаться не въ свое дѣло. Право, да! подтвердилъ Волкаревъ, засмѣявшись, на что откликнулись слушатели:—j'ai eu cette leçon-là, а потому, несмотря на все мое желаніе быть вамъ полезнымъ, дорогой Андрей Васильевичъ...

— Благодарю васъ, прервалъ Верховской:—я постараюсь самъ видѣться съ г. Багрянскимъ.

— Да, *постарайтесь*, именно такъ, *постарайтесь*, потому что это невидимка, подхватилъ развеселившійся губернаторъ:— въ палатѣ своей онъ всегда занятъ, а дома никогда не принимаетъ. Вамъ придется осаждать его... Et à ce propos, savez-vous la nouvelle? вдругъ зашепталъ онъ таинственно и, взявъ подъ руку Верховскаго, даже отвелъ его отъ кружка, впрочемъ, по направленію къ игорному столу, гдѣ его ждали: въ Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ!

— Въ Балтійскомъ морѣ? повторилъ Верховской.

— И ужъ дрались, нападали на барки... это, вотъ, новенькое, въ пять дней, покуда васъ здѣсь не было... Мнѣ пишутъ. Вообще, событія... Mais, excusez, le whist est à l'ordre du jour!.. вамъ разскажетъ моя жена... договорилъ онъ, оставляя Верховского, и, на послѣднемъ переходѣ къ столу, раскланиваясь съ двумя входящими молодыми дамами. — Mesdames, пріятная и важная новость, — я получилъ сегодня: on nous enverra ici les prisonniers de guerre français!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Скоро?

— Вотъ, когда будутъ.

— А, еще долго!

— Молитесь, mesdames, за успѣхъ нашего оружія, за христолюбивое воинство.

Молодая дама разсмѣялась.

— А что-жъ вы сдѣлаете съ французами?

— Жду вашихъ приказаній, отвѣчалъ съ поклономъ губернаторъ.

— Покажите, если будутъ хорошенькіе, сказала одна.

— Вы ихъ запрете? прибавила другая.

— Mesdames, ils ne porteront d'autres chaînes que les vôtres...

Верховской отошелъ, когда они заговорили. Извѣстіе его поразило. Онъ подумалъ, не напугавшись-ли, его жена такъ неожиданно и скоро уѣхала изъ Петербурга. Но въ ея письмѣ не было ни слова о приближеніи непріятеля; оно все состояло изъ приказаній скорѣе купить деревню, изъ разсчетовъ, что дачи дороги и неудобны, что нужны комнаты для гувернантки, нужны ванны, нужно молоко; что другія деревни Лидіи Матвѣевны— въ глуши и въ нихъ нѣтъ господскихъ домовъ... Верховской все это давно зналъ, сто разъ слышалъ и уже шесть разъ прочелъ въ шести письмахъ, присланныхъ ему въ N. Въ послѣднемъ не было главнаго: причины выѣзда изъ Петербурга. Но если перепугалась—не нужно-ли съѣздить въ Москву, успокоить?.. Верховской не отвѣчалъ себѣ на этотъ вопросъ, но подумалъ, что сію минуту уѣхалъ бы въ Петербургъ...

— Будете танцовать? спросилъ его Лѣсичевъ, молодой человѣкъ изъ избраннаго интимнаго кружка Волкаревыхъ.

— Я не танцую.

— Полноте, не огорчайте Марью Васильевну; для нея... хоть полюбуйтесь.

— Я и совсѣмъ уйду, если тутъ танцы; я сейчасъ съ дороги, зашелъ сюда нечаянно, въ сюртукѣ, перчатки черныя...

— Э, Боже мой, ничего. Вечеръ внезапный, импровизированный. Вамъ извинится. Это, вотъ, на дѣйствующую армію сейчасъ была сдѣлана *постройка* бѣлыхъ перчатокъ. Полковникъ ихъ распорядился, послалъ, а то они хотѣли сами сбѣгать, продолжалъ Лѣсичевъ, хохоча и показывая на офицеровъ, толпившихся у стѣнъ.

— Откуда они? спросилъ Верховской.

— Офицеры? Не знаю. Какой-то полкъ, идутъ на Дунай... Впрочемъ, чтобъ не переврать—и этого не знаю. Вчера пришли и здѣсь имъ на недѣлю велѣно остановиться; чего-то ждутъ... Да пойдемте въ гостинную. Смѣхъ!.. Марья Васильевна вѣдь тотчасъ готова продюизировать...

Въ дверяхъ гостинной было тѣсно. Почти у входа стоялъ рояль и за нимъ сидѣлъ молоденькій, бѣлокурый прапорщикъ, очевидно, изъ недавно выпущенныхъ кадетъ; его маленькая головка даже серебрилась отъ густоты волосъ и короткой стрижки;

круглыя щеки съ ямочками еще не успѣли похудѣть, мѣдные эполеты сіяли. Онъ конфузился, краснѣлъ и пѣлъ, постукивая по клавишамъ красными короткими ручками, на которыя надвигались красные обшлага, безобразно широкіе, — сшитые по модѣ, какъ былъ увѣренъ мальчикъ, «на ростъ» — какъ насмѣшничали его старшіе товарищи. Онъ пѣлъ стихотвореніе, въ то время всѣмъ знакомое, удостоенное переложенія на музыку и производившее такой фуроръ, что публика долго приписывала его то одному, то другому изъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ:

Вотъ, въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ...

Офицерикъ пѣлъ это ужъ въ четвертый разъ, по желанію m-me Волкаревой, которая просила повторить всякій разъ, едва въ гостинную входило новое лицо. M-me Волкарева стояла, положивъ руки на его стулъ, и громко разговаривала съ тѣми, кого сбирала слушать.

— А, m-r Верховской! сказала она, увидя его: — давно-ли воротились?

— Ну, слава-Богу, теперь «Пальмерстону» конецъ, — сказалъ одинъ статскій молодой человѣкъ другому, тоже изъ статскихъ, подъ шумокъ, пока Верховской раскланивался.

— Ты думаешь?

— Вотъ, увидишь; больше не попроситъ.

Офицерикъ, ужъ привыкшій повторять, едва кончалъ, ударилъ опять первый аккордъ.

— Merci, прервала его m-me Волкарева: — bien merci за удовольствіе, которое вы доставили...

— Довольно... пояснилъ ему, вполголоса, сѣдой полковникъ.

— Неправда-ли, мы оригинально проводимъ вечеръ... заговорила m-me Волкарева Верховскому и, оглянувшись, что никто болѣе не выражаетъ своей благодарности артисту, обратилась опять къ нему: — У васъ прекрасный голосъ, m-r Соловьевъ... pardon, m-r Соколовъ; вамъ бы надо заниматься, постоянно заниматься...

— Вотъ, прежде кое-чѣмъ другимъ займемся, отвѣчалъ за него полковникъ: не до пѣсенъ покуда.

— Ахъ, пѣть, пѣніе одушевляетъ! возразила m-me Волкарева, оглядываясь на другихъ дамъ, чтобъ выпросить у нихъ хоть нѣсколько словъ для поддержки разговора.

Дамы молчали или разговаривали между собой и статскими господами.

— Пѣніе оживляетъ... повторила она почти отчаянно.

— И очень, сказалъ командиръ N-скаго гарнизоннаго баталъона:—у меня здѣсь теперь обучается партія рекрутъ; славно спѣлись.

— Русскій народъ, вообще, музыкаленъ, прибавила губернаторша.

— Да вотъ, неугодно-ли вашему превосходительству, можно будетъ какъ-нибудь вечеромъ, послѣ ученья, пригнать ихъ сюда на бульваръ (онъ показалъ въ окно), они вамъ хоть до полночи пропоютъ.

— Ахъ, непремѣнно... Слышите, mesdames, намъ даютъ военную серенаду! Война доставляетъ свои удовольствія.

— Кому какія, замѣтилъ Верховской.

Старый полковникъ улыбнулся молча.

— Ахъ, нѣтъ! вскричала m-me Волкарева:—а слава? отличиться, взять знамя.

Она опять оглянулась на дамъ.

— Желаю вамъ взять знамя, сказала маленькому прапорщику хорошенькая женщина съ плутовскими глазками, къ которой особенно обращались взгляды губернаторши.

Юноша только-что успѣлъ вылѣзти изъ-за рояля, гдѣ его прижали, и услыша, что съ нимъ говорятъ, еще больше сконфузился.

— А если убьютъ? выговорилъ онъ своимъ дѣтскимъ голоскомъ и, почти шопотомъ.

— А сколько по васъ заплачутъ! возразилъ ему, хохоча, Лѣсичевъ.

Желаніе m-me Волкаревой исполнилось: разговоръ сдѣлался нѣсколько живѣе, хотя военные, по прежнему, мало принимали въ немъ участія. Эти некрасивые, загорѣлые армейцы уже болѣе десяти лѣтъ не были въ модѣ въ губернскомъ свѣтѣ и понимали, что ихъ пора не наставала и теперь: женщины умѣли только пророчить имъ побѣды, а мужчины спрашивали, откуда и далеко-ли они идутъ. Они изъ-подлобья смотрѣли на собесѣдниковъ, хмурились, или насмѣшничали даже надъ своими товарищами, которые менѣе односложно отвѣчали на вопросы. Губернское общество въ свою очередь переглядывалось и смѣялось. Это были два отдѣльные свѣта и настоящая минута, казалось бы, общаго интереса ихъ не соединяла. Для обѣихъ сторонъ интересъ былъ новъ, принятъ обѣими неглубоко; забыть старое было не въ чемъ, говорить о новомъ—не о чемъ... Ихъ какъ-то неловко ласкали, за ними какъ-то обидно ухаживали...

— Да, теперь мы понадобились, сказалъ въ своемъ кружкѣ

одинъ особенно неловкій и немолодой поручикъ, отцѣпляя шпагу и укладывая каску на окно: въ ближней залѣ раздалась музыка.

M-me Волкарева и другія дамы между тѣмъ приставали къ полковнику и старшимъ офицерамъ, чтобъ они дали этими днями вечеръ, на дачѣ, дали бы послушать музыку, которой славился ихъ полкъ. Полковникъ долго отговаривался, наконецъ, уступилъ. Дамы были въ восхищеніи.

— А я вызываюсь быть хозяйкой на вашемъ балѣ и звать къ вамъ гостей, сказала m-me Волкарева, весело отправляясь танцовать.

Вслѣдъ за губернаторшей отправилось и все общество. Въ гостинной и большой залѣ, въ сторонѣ отъ играющихъ, бродили только офицеры, которые не нашли себѣ дамъ. Они были сумрачны, толковали между собою о назначенномъ вечерѣ, о томъ, что походъ великъ, денегъ ни гроша...

II.

Верховской ушелъ домой. N-ское общество показалось ему какъ-то особенно не по-душѣ. Его тупо одолѣвала мысль, что здѣсь ему придется поселиться...

Онъ не забывалъ, что его столько-же одолѣвала и петербургская жизнь, что слишкомъ въ десять лѣтъ онъ не могъ въ нее втянуться. Втянувшіеся называютъ ее лихорадочной, завлекательной. Верховскому она казалась одуряющей бѣготней все въ одномъ и томъ же ограниченномъ пространствѣ, бѣготней, въ самомъ дѣлѣ, доводящей до лихорадочнаго состоянія и завлекательной только потому, что больше дѣлать нечего... Верховской служилъ, какъ вообще служатъ люди съ состояніемъ, не особенно дѣятельно, но ясно убѣждался, что и большая дѣятельность была бы одинаково безполезна. Въ обществѣ, казалось бы, оживленномъ, дѣятельномъ, потому что суетливомъ, Верховскому наскучало однообразіе воспитанія, мнѣній, вкусовъ, обычаевъ, установившихся и незыблемыхъ. Иногда общество какъ будто и само тяготилось ими, но какъ будто находило ихъ и удобными, потому что безъ нихъ не знало бы, что съ собою дѣлать. Ни на что ненужныя знакомства, считавшіяся необходимыми потому только, что однажды были заведены — и также безъ всякой необходимости; положенные пріемные вечера разъ въ недѣлю и совершенное сходство этихъ вечеровъ отъ перваго до послѣдняго; абонементъ въ оперѣ, будто нѣчто непреложное; чай послѣ оперы

непремѣнно у однихъ и тѣхъ-же знакомыхъ, будто нѣчто неизбѣжное,—и тамъ все тѣ-же лица и тѣ-же толки, не дальше красоты Маріо и скандаловъ по этому поводу, не дальше вчерашняго производства и завтрашняго парада; балъ за баломъ; какая-то обязанность веселиться, потому что больше ничего не придумывалось, потому что больше не на что потратить время,—все это одолѣвало. Пустота мучила, и мучила тѣмъ болѣе, что ею, казалось, никто не скучалъ. Никто,—иначе, люди съ достаткомъ постарались бы изъ нея выдти, или хоть оживить ее. Но они-то ее и создавали. Ими и держались эти загородные зимніе пикники, эта дачная скука, эта пошлость театра, гдѣ, по ихъ мнѣнію, были необходимы водевильчики, чтобъ отдохнуть отъ Рашели. Они-то и гнали, ужъ не только всякую книгу, но даже всякій романъ серьезнѣе «Трехъ мушкатеровъ», пробиваясь въ отечественной литературѣ знаніемъ анекдотцевъ, переносимыхъ изъ редакцій и перевранныхъ на дорогѣ. Что бы ни случалось, гдѣ-то далеко, принималось тоже въ видѣ анекдотца и служило предметомъ легкаго разговора на полчаса, не больше. Такъ прошли для этихъ кружковъ общества 1848—49 годы, такъ подступали и грозные настоящіе, все въ той-же нарядной, дорогой праздности жизни и постыдной праздности мысли. Верховской по положенію принадлежалъ къ этимъ кружкамъ. Они составляли средину между высоко поставленной, недоступной аристократіей и небогатымъ людомъ, въ которомъ, въ то время, затеривался и людъ ученый, артистическій, литературный. Верховского тянуло туда по наклонностямъ и воспитанію; но однажды принятое положеніе въ свѣтѣ, семейныя отношенія, служба, знакомства,—вся эта обрядовая сторона, связывали и удерживали тамъ, куда онъ попалъ по неволѣ...

Впрочемъ, онъ не могъ сказать: «по неволѣ». У него на совѣсти лежалъ грѣхъ и годъ отъ году все тяжелѣе за себя отплачивалъ: Верховской былъ бѣденъ и женился изъ-за состоянія. Онъ продалъ свою волю и съ нею возможность жить какъ бы хотѣлось, выбирать себѣ друзей и занятія, даже возможность быть самимъ собою. Такая продажа — дѣло довольно обыкновенное и обходится, кажется, довольно легко, потому что несчастныхъ отъ нея незамѣтно; — судьба ли устроиваетъ все къ благополучію людей, люди ли мирятся съ судьбою и своею совѣстью, вознаграждая себя чѣмъ могутъ, или, если страдаютъ, то молчатъ? потому что подобная жалоба ведетъ за собою много тяжелыхъ и неловкихъ признаній и вызываетъ или сочувствіе, отъ котораго дѣлается какъ-то стыдно, или осужденіе людей под-

часъ не менѣе виноватыхъ, но на этотъ разъ не пропускающихъ случая щегольнуть фразами честности...

У Верховскаго не было повѣренныхъ, и свѣтъ, который видѣлъ его жизнь, находилъ его правымъ со всѣхъ сторонъ и счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ эта жизнь текла стройно, прилично, достойно уваженія. Онъ одинъ зналъ и чувствовалъ ея настоящую цѣну...

Онъ былъ единственный сынъ. Его отецъ когда-то имѣлъ состояніе и, уже немолодой, женился на дѣвушкѣ изъ стариннаго дворянскаго дома, за которой не спросилъ приданаго. Спрашивать, впрочемъ, было бы напрасно: старинный домъ былъ въ большомъ упадкѣ. Отецъ Верховскаго доставилъ себѣ удовольствіе заплатить нѣсколько долговъ, наиболѣе грозившихъ этому семейству, которое, деликатно, никогда впослѣдствіи не конфузило его своею благодарностью и не возвращало денегъ. Это семейство было многочисленно, но, служа, такъ разсѣялось по отечеству, что когда отецъ Верховскаго самъ запутался въ своихъ дѣлахъ, онъ не могъ добиться ни отъ кого изъ родственниковъ ни помощи, ни совѣта, а наконецъ, и отвѣта на свои письма. Онъ запутался скоро. Житье, хотя и въ губернскомъ городѣ, но выше средствъ, игра, спекуляціи, которыми онъ вздумалъ-было поправиться, унесли до конца его состояніе. Разореніе шло быстро. Андрею было четырнадцать лѣтъ, когда отецъ его умеръ на бѣдной постелѣ, во флигелькѣ о трехъ кривыхъ окнахъ, куда переѣхали Верховскіе изъ своего большого дома, описаннаго и проданнаго съ молотка. Разореніе, хотя и ожиданное, было ужасно... Верховскаго знали за человѣка неразсчетливаго, но любили, какъ человѣка добраго; никто не вызвался предостеречь, удержать его, когда онъ тратился на свою безумную хлѣбъ-соль, напротивъ, его будто поощряли тратиться, — но послѣ его смерти, эту хлѣбъ-соль вспомнили. Общество обратилось съ участіемъ и предложеніемъ помощи его вдовѣ. Тогда эта женщина, воспитанная въ барствѣ, прожившая въ довольствѣ, избалованная свѣтомъ за свою необыкновенную красоту, избалованная любовью и предупредительностью мужа, выказала твердость, рѣдкую даже въ наше время, а тридцать лѣтъ назадъ — неслыханную. Она, безъ гордости и обиды, отказалась отъ всякой помощи. Не обязываясь никому, она не теряла своей независимости, а отъ сочувствія общества приняла только одно: возможность трудиться. Она стала давать уроки. Въ то время, особенно въ далекомъ губернскомъ городѣ, было трудно найти

даже посредственныхъ учителей языковъ и музыки, а Верховская оказывалась учительницей отличной. Тутъ только узнали, что она сама занималась воспитаніемъ сына, изящнаго, умнаго мальчика, на котораго вдвое тяжелѣе падала перемѣна обстоятельствъ. Всѣ думали, что мать попроситъ объ его устройствѣ кого-нибудь изъ своихъ братьевъ; она этого не сдѣлала. Рѣзко и рѣшительно она положила не обязываться никому, тѣмъ болѣе роднымъ, которыхъ заранѣе предвидѣнный отказъ могъ бы только огорчить и ожесточить впечатлительнаго мальчика, — тонкости, многими часто забываемыя. Она дѣлала сына товарищемъ своей жизни, всякаго своего горя и всякаго лишенія. Уже больше года, еще при жизни отца, Андрей ходилъ въ гимназію, потому что не было средствъ имѣть учителей дома. Теперь, возвращаясь изъ классовъ въ бѣдный флигель, онъ находилъ свою неутомимую мать, тоже возвратившуюся съ уроковъ, готовую, какъ прежде, заниматься съ нимъ. Она не теряла ни одной минуты; въ свободные промежутки, она шила и вышивала на продажу. Свѣтская женщина только не умѣла и не могла хозяйничать; она хворала отъ кухоннаго чада; ея нѣжныя руки не выносили тяжестей и холодной воды, — музыкантшѣ было необходимо беречь ихъ; все грубое ее мучило и отвращало. Сынъ вступился во время помогать, разсчелъ расходы, нашелъ работницу; въ промежуткахъ чтенія, занятій, переводовъ, англійскихъ уроковъ, носилъ воду, кололъ дрова, топилъ печи, подметалъ дворъ; онъ сторожилъ бы ночью вмѣсто собаки, еслибъ это было нужно для спокойствія матери. Онъ прежде любилъ ее, въ бѣдности сталъ обожать. Онъ видѣлъ, что она не старалась выказывать твердость, только для того, чтобъ поддержать его: она не притворялась, она была тверда въ самомъ дѣлѣ,—въ самомъ дѣлѣ, товарищъ, съ которымъ легко жилось, при которомъ было стыдно сробѣть или залѣниться. Она была его нравственной силой; ему хотѣлось быть чѣмъ-нибудь для нея. Онъ сталъ ея радостью. Бѣдность была велика, но велико было счастье всякій день больше и больше любить другъ друга, встрѣчаться каждое утро съ восторгомъ, будто послѣ разлуки нѣсколькихъ годовъ, жить только вдвоемъ — и все не наговориться... Онъ называлъ мать: «ненаглядная». Она не говорила, но съ удовольствіемъ женщины замѣчала, что онъ хорошѣетъ; онъ становился похожъ на нее...

Но чѣмъ лучше было ихъ счастье, тѣмъ яснѣе становилась необходимость скоро разстаться; молодому человѣку нельзя было покончить свое воспитаніе одной гимназіей и уроками матери... Безъ малѣйшаго движенія барства и брезгливости, когда не слу-

чалось выгодныхъ уроковъ, Верховская ходила учить грамотѣ въ дома купцовъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ,—но не могла подумать безъ ужаса, что ея сынъ поступитъ въ число писарей какого-нибудь присутственнаго мѣста. Правда, въ свѣтскихъ богатыхъ домахъ ей намекали и даже говорили положительно, что это устроится, что ея André, «un enfant de bonne maison», можетъ быть замѣщенъ при губернаторѣ, что онъ не затеряется, что онъ увидитъ общество. Верховскую едва-ли еще не болѣе пугало это предположеніе. Она ясно видѣла, что, такъ, жизнь ея сына начнется съ невѣрнаго шага, съ кривой дороги, съ ложнаго положенія. Праздность, протежированіе и мелкія услуги, которыхъ оно требуетъ будто должнаго, — неловкость и затрудненія, неизбѣжныя въ богатомъ обществѣ для молодого человѣка образованнаго и бѣднаго,—Верховская обо всемъ передумала. Она не остановилась на пріятной мечтѣ, что сынъ постарается не терять времени, будетъ вникать въ дѣло, будетъ помнить свои средства и не постыдится своей бѣдности. «Въ восемнадцать лѣтъ служить рано, а въ этомъ обществѣ онъ измельчаетъ», рѣшила она съ своею обычною твердостью и перестала думать о трудныхъ и черныхъ дняхъ, которые ему предстояли. У нея только тяжело легла на душѣ мысль, что придется съ нимъ разстаться, что онъ будетъ одинокъ... да и она одинока.

— Хочешь въ университетъ? спросила она его, безъ вступленія, въ одинъ день, когда онъ усердно готовился къ своему послѣднему экзамену.

Объ этомъ между ними никогда не бывало рѣчи. Онъ давно думалъ объ университетѣ, но не смѣлъ сказать, зная, что туда не съ чѣмъ собраться. Мать нашла съ чѣмъ. Она съумѣла сберечь дорогіе часы, когда-то прихоть и нарядъ, а въ послѣдніе годы служившіе ей во время уроковъ. Много разъ, въ крайности, Верховская бывала готова продать ихъ и всегда удерживалась, говоря себѣ, что придетъ необходимость важнѣе насущнаго хлѣба. Она и тогда думала о студентствѣ сына. Она продала эту послѣднюю вещь безъ сожалѣній и воспоминаній, безъ умиленій и восторженности, этихъ принадлежностей людей слабонервныхъ,—накупила холста и сукна и стала снаряжать Андрея. Ея знакомые, мелкіе и важные, ахнули на такое безразсудство: она заставляла сына мѣнять вѣрное на невѣрное, мѣсто въ губернаторской канцеляріи на студентское бездомное житье. Ей даже выговорили это; она, не споря, не возражая, отвѣчала только, что такъ имъ обоимъ кажется лучше. Эта женщина была совершенная противоположность другихъ женщинъ: ни жалобы, ни возни, ни лишнихъ толковъ, ни даже чувствительности. У

ней даже не мелькнуло обыкновенное женское желаніе — чѣмъ-нибудь «потѣшить своего мальчика»: все, что она дѣлала для него, было единственно необходимое. Правда, у нея не достало бы денегъ. Ихъ и безъ того было мало. Она заложила свою шубу и отпустила его покойно; Андрей уѣхалъ въ Москву экипированный «comme un enfant de bonne maison» и обезпеченный на нѣсколько мѣсяцевъ прожитка.

— Не безпокойся, я еще пришлю, говорила ему, прощаясь, мать, сама не зная, что она ему пришлетъ, но обрекая себя, если будетъ нужно, и на постъ, какъ ужъ обрекла на стужу.

Ни онъ, ни она не смѣли назначить срока, когда увидятся. На его предположеніе, что она могла бы тоже переселиться въ Москву, Верховская только засмѣялась и возразила, что учительницъ тамъ и безъ нея много. Только, проводивъ его, оглянулась она на весь ужасъ разлуки и поняла, что эта разлука можетъ быть вѣчною. А онъ, съ первой минуты, сталъ думать о минутѣ свиданія, и эта мысль его поддерживала. Онъ унесъ съ собой память матери, ея привычную твердость въ трудѣ и скупость на трату времени. Едва устроясь въ университетѣ, онъ нашелъ себѣ уроки и, торжествуя, писалъ матери, что онъ богачъ. Она знала, что онъ не обманетъ, даже для того, чтобъ утѣшить.

Студентская жизнь Верховского пошла счастливо; занятіе занимало; особенно-изящное воспитаніе доставляло знакомства даже въ довольно взыскательныхъ домахъ, но эти знакомства не отдаляли отъ друзей-бѣдняковъ, которые нашлись еще скорѣе. Жизнь извѣстная, почти одинаковая для всѣхъ, кто жилъ ею и, можетъ быть, оттого тѣснѣе связывающая, милая своимъ однообразіемъ и памятная всякому, какъ лучшая пора существованія. Верховской терпѣливо трудился и нетерпѣливо ждалъ конца перваго курса, спалъ-и-видѣлъ вакацію, далекій губернскій городъ и свою мать. Но когда пришла вакація, онъ увидѣлъ уже наяву, что ему возможно ѣхать не за пятьсотъ верстъ, а только на урокъ въ подмосковную, и что это еще счастье, которое не всѣмъ дается. Онъ скучалъ, какъ дитя. Мать, тоскуя вдвое, шутила надъ нимъ и называла его школьникомъ. Эта первая несбывшаяся надежда его переломила. Онъ сказалъ себѣ, что желанное надо не ждать, а доставать, отказался отъ знакомствъ, отъ всякаго удовольствія, не зналъ ничего кромѣ лекцій и уроковъ, уходилъ изъ общества товарищей и принялся упрямо копить деньгу. Онъ посмѣялся этому, но ужъ много

позже. Видя, съ приближеніемъ мая, что всѣ усилія были тщетны, онъ придумалъ другое: припечаталъ въ газетахъ, что «студентъ желаетъ заняться преподаваніемъ и ѣхать на лѣто непремѣнно въ губернскій городъ ***, на какихъ угодно условіяхъ». Средство удалось. Господинъ, ѣхавшій въ *** и умѣвшій изъ всего извлекать свои выгоды, предложилъ ему условія невѣроятныя, изъ которыхъ еще не самое трудное было — возвращеніе Верховского въ Москву на свой собственный счетъ. Верховской на все согласился и послѣ пятидневнаго путешествія, прямо отъ заставы, выпросивъ у своего наемщика милости отложить до завтра знакомство съ его семерыми птенцами, побѣжалъ въ знакомый переулокъ, къ знакомому флигелю.

Мать не ждала его; онъ не успѣлъ написать. Блѣдная, она замерла у него на шеѣ. Это былъ первый и единственный въ ея жизни признакъ слабости, но его было довольно, чтобъ поразить сына. Онъ въ одну минуту увидѣлъ все, и бѣдность ея жилья, и бѣдность ея платья; все какъ-то обветшало кругомъ, и не мудрено: все убиралось только по привычкѣ, а не изъ желанія украсить чѣмъ-нибудь мѣсто, отведенное на свѣтѣ для сладкаго житья вдвоемъ. Она сама не то постарѣла, не то перемѣнилась; ей не было сорока лѣтъ, а ея волосы посѣдѣли, ея стройная талія обрисовывалась какъ-то особенно тонко въ черной блузѣ; сынъ узналъ и эту старую блузу, мелькомъ, разомъ, смѣшивая воспоминанія съ настоящимъ...

— Похудѣла... Ты была больна? выговорилъ онъ на первое слово.

— Просто, постарѣла, отвѣчала она, оживая, становясь прежнею, веселою безъ притворства: — вѣдь и ты не помолодѣлъ, студентъ второго курса!

— Нѣтъ, теперь ужъ третьяго, возразилъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣни; она казалась ему святою.

— Спасибо... Чтожъ ты плачешь? Видишь — жива, вотъ, твоя, какъ была...

Онъ думалъ, что обезумѣетъ отъ счастія и горя. Всѣ два года ея одинокой печали сказались ему въ этомъ свиданіи. Она была та же, что прежде, также добра, весела, впечатлительна; также судила, также ясно, полно всему сочувствовала, но какъ-то тихо, будто робко; она стала неразговорчива, «замолчалась», какъ сказала она, смѣясь. Ее будто забило непогодой, къ которой она привыкла. Лишенія были приняты и вынесены съ твердостью; они не сломили характера, но привычка къ нимъ отразилась на всемъ, даже на мелочахъ. Верховскому эти мелочи казались тѣмъ больше, чѣмъ были мельче. Онъ не могъ

удержать слезъ, когда мать сказала, что у нея закружилась голова отъ дорогого чая, который онъ привезъ ей въ гостинецъ; онъ заставилъ ее признаться, что она болѣе года не пила чая, и пришелъ въ отчаяніе отъ равнодушія, съ которымъ она призналась.

— Если ты будешь волноваться такими пустяками, сказала она: — я стану скрытничать.

Онъ понялъ, чего она хотѣла. Она давала ему послѣдній и самый трудный урокъ. Она учила жить, хотя розно, но все-таки вдвоемъ, понимать любимое существо и вѣрить въ его силы; понимать, что этимъ силамъ не нужна поддержка жалостливости и ухаживанья, что онѣ живутъ собственной вѣрой въ силы другого. Она учила спокойствію за того, кто дорогъ,—тому спокойствію, которое непонимающіе суетливые люди называютъ равнодушіемъ и холодностью, которое эгоисты рады назвать эгоизмомъ, думая найти въ немъ свое отраженіе,—тому спокойствію, которое есть высшее выраженіе любви, потому что въ немъ вся полнота уваженія, сливающаго два существованія въ одно...

— Нѣтъ, ужъ не скрытничай! выговорилъ онъ, глядя ей въ глаза.

Она улыбнулась.

— Мы съ тобой желѣзные, не разобьемся, сказала она: намъ только смѣхъ смотрѣть, какъ по насъ судьба колотитъ.

Онъ не возражалъ, но разсчелъ про себя, насколько ему жилось легче нежели ей. У него были друзья, общество, удовольствія. Его занятія доставляли ему наслажденіе. Если онъ и трудился, то не всякій же часъ его былъ трудомъ для куска хлѣба. Наконецъ, и хлѣбъ, который онъ ѣлъ, былъ вкуснѣе. Онъ молодъ и здоровъ; она — старѣе его почти двадцатью годами...

Онъ похолодѣлъ... Ему вообразились опустѣлыя комнаты этого флигеля...

Онъ старался превозмочь то, что́ она назвала бы праздной сантиментальностью, еслибы могла угадать, до какихъ страховъ дошло его мучительное раздумье. Но успокоиться онъ не могъ и только притворился веселымъ... Она не могла и вообразить притворства у того, кто требовалъ отъ нея искренности. Онъ страдалъ, обманывая... И это та желанная вакація, которой онъ едва дождался!

Эта вакація прошла скоро. Живя у чужихъ людей, Верховской даже не всякій день видѣлся съ матерью. Противоположность ея житья и удобствъ этихъ чужихъ людей еще болѣе его мучила. Онъ говорилъ себѣ, что такъ нельзя, несправедливо, не

должно, что должно настать время, когда его мать вздохнетъ свободно, что онъ ускоритъ это время. Оплакивать и плакать— равно безполезно, недостойно, смѣшно; но дѣйствовать—другое дѣло. Верховской былъ готовъ на все, лишь бы перенести мать въ другія стѣны, лишь бы заставить ее не трудиться. Этотъ трудъ сталъ ему ненавистенъ. Онъ не зналъ, что́ сдѣлаетъ, какія найдетъ средства, какъ устроится, но онъ рѣшился на все возможное, призывалъ чудеса, вѣрилъ въ нихъ...

— Послушай, сказалъ онъ ей, прощаясь:—мы не увидимся опять два года. Обѣщаешь ли ты мнѣ...

— Не умереть? прервала она, засмѣявшись.

— Что́ ты говоришь! вскричалъ онъ.

— А что́ же больше? Какія обѣщанія можемъ мы давать другъ другу? Не перемѣниться?... Ужъ мнѣ не взять ли съ тебя обѣщанія не шалить?

— Обѣщай мнѣ, едва я кончу курсъ...

— Ну, и заживемъ вмѣстѣ, прервала она: —это давно рѣшено.

У него только и осталась мысль, что «зажить вмѣстѣ». Съ этою мыслью онъ вставалъ и ложился, шелъ на лекціи и на уроки, встрѣчался съ знакомыми, бывалъ въ посторонних домахъ, присматривался къ небольшимъ квартирамъ, справлялся о возможности скорѣе получить мѣсто. Онъ ничего не писалъ матери объ этихъ тревогахъ. Онъ чувствовалъ, что готовъ просить покровительства и обязываться, готовъ добиваться и просить, готовъ упасть духомъ отъ неудачи. Онъ сознавалъ, что виноватъ передъ матерью, что отступалъ отъ ея убѣжденій, надѣялся на успѣхъ, какъ на оправданіе и мечталъ объ успѣхѣ какъ ребенокъ. Онъ началъ брать занятія исключительно въ богатыхъ домахъ; богачи принимали его особенно любезно, какъ «молодого человѣка совершенно порядочнаго», и рекомендовали другъ другу. Свою третью вакацію Верховской провелъ въ роскошномъ аристократическомъ домѣ, гдѣ хозяева такъ восхитились имъ, что предлагали, на будущій годъ, по окончаніи курса, ѣхать съ ними за границу; они намѣревались тамъ продолжать воспитаніе своихъ дѣтей. Верховской отказался. Онъ всякій день считалъ, что лѣтомъ будущаго года будетъ уже жить съ матерью,—а передъ этимъ счастьемъ, какъ тѣнь, уходили всѣ соблазны довольства, пріятнаго общества, любопытства, даже любви къ знанію и изящному. Онъ ни слова не написалъ объ этомъ матери; онъ даже забылъ и предложеніе и свой отказъ: онъ въ первый разъ посылалъ ей свои заработанныя деньги съ письмомъ, въ которомъ радость, восторженность доходили до су-

масшествія. Онъ забывалъ все на свѣтѣ. Онъ не подумалъ и не оглянулся, что свѣтскія и знатныя знакомства охлаждали къ нему бѣдныхъ товарищей: изъ большого кружка остались не многіе, которые поняли Верховского, какъ должно, безъ предубѣжденія, безъ мелкой зависти и ложной гордости бѣдняковъ,— поняли цѣль, для которой онъ жертвовалъ и молодымъ весельемъ, и молодой дружбой. За то, эти немногіе были надежны.

На послѣдній годъ, желая получить кандидатство, Верховской оставилъ частные уроки и давалъ ихъ только въ одномъ семействѣ, гдѣ и старшіе и дѣти были ему по душѣ. Жить стало трудно. Друзья, съ которыми самъ онъ, бывало, дѣлился, поддерживали добрымъ словомъ и дѣлились чѣмъ могли. Занимаясь цѣлые дни, не поднимая головы, Верховской позволялъ себѣ только изрѣдка посѣщенія своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, у которыхъ бывалъ прежде какъ учитель, а теперь приглашался какъ гость. Онъ ходилъ къ нимъ, какъ говорилъ, «съ корыстными цѣлями», все въ видахъ скорѣйшаго полученія мѣста. Друзья смѣялись съ нимъ вмѣстѣ, не осуждая, желая ему успѣха, но меньше его надѣясь.

— Студенты нынче въ модѣ, сказалъ онъ однажды.

— На балахъ, прибавилъ одинъ изъ друзей.

Ему пришлось въ этомъ убѣдиться...

Пришла весна, послѣдніе экзамены, и въ одно прелестнѣйшее утро, Верховской въ послѣдній разъ сошелъ съ лѣстницы университета — кандидатомъ правъ и съ такой горячей радостью въ душѣ, что не слышалъ поздравленій кругомъ и самъ забывалъ поздравлять. Товарищи расходились, онъ не видалъ; у него въ глазахъ стоялъ маленькій старый флигелекъ, разстилалась длинная дорога съ колеями и ветлами; онъ сейчасъ прыгнулъ бы въ телѣгу и помчался, полетѣлъ бы, какъ стрижи, которые кружатся надъ кремлевскими крестами. Онъ былъ въ чаду, бродилъ по улицѣ, ушелъ въ садъ, усѣлся, будто прячась, чтобъ ему не мѣшали думать, ничего не думалъ; и все чего-то ждалъ, и опомнился, когда на Иванѣ-Великомъ ударили къ вечернѣ. Тогда ему вообразилось, что мать, которая знаетъ заранѣе, что сегодня «великій день», была, по обыкновенію, занята утромъ, а теперь свободна и идетъ въ церковь. Ему представилось ея лицо, ея походка, весь ея образъ, дорогой, прекраснѣе котораго онъ не зналъ въ мірѣ; ему послышались слова ея молитвы за него, — и онъ заплакалъ, какъ маленькій ребенокъ... Видѣть ее было ему необходимо, но ѣхать къ ней совершенно невозмож-

но — ни средствъ, ни попутчиковъ. Золотыя мечты разлетались одна за другою.

Еще въ концѣ зимы, давая уроки въ семьѣ Ольшанскихъ, людей очень хорошихъ, не знатныхъ, но достаточныхъ, Верховской разсчитывалъ, что въ ихъ домѣ можетъ встрѣтиться для для него возможность, случай, наконецъ (онъ выговаривалъ слово) покровительство, чтобъ опредѣлиться на мѣсто. Онъ пошелъ дальше: Ольшанская была женщина уже не молодая и особенно добрая; онъ высказалъ ей все, что было на душѣ, свои планы и ожиданія. Она обѣщала попросить за него заранѣе; онъ обрадовался. Искренность ея участія и добрый здравый смыслъ облегчили для него неловкость положенія. Ольшанская, точно, заботилась, не протежировала, не навязывала, а только говорила о Верховскомъ, какъ о человѣкѣ, способномъ принести пользу дѣлу, которое ему поручатъ. Это именно и было причиной, почему Ольшанская нигдѣ не успѣла. Важныя лица, которыхъ дамы просятъ о чемъ-нибудь, привыкли къ фразѣ: *«сдѣлайте, хотя бы это было невозможно»*, и безъ нея, видятъ въ просьбѣ только легкую шутку, отъ которой легко отдѣлываются. Еще хуже, если въ короткой не докучающей просьбѣ они поймутъ ея серьезность и серьезность характера просителя, при его небольшой неопытности; тогда важные господа умѣютъ отказать еще короче и серьезнѣе, обставивъ просьбу десятками невозможностей и придавая ея предмету чуть не государственное значеніе. Такіе отказы и объясненія выслушивала Ольшанская и передавала Верховскому, уговаривая его ждать и терпѣть; сама она ужъ оробѣла.

Въ настоящее время, трое лучшихъ друзей Верховского уже уѣхали изъ Москвы; другіе товарищи, къ которымъ онъ обратился за совѣтомъ, что дѣлать, были заняты собственнымъ устройствомъ; одни приняли его затрудненія довольно разсѣянно, другіе и вовсе равнодушно, нѣкоторые даже пошутили надъ его великими несбывшимися планами. Между тѣмъ было необходимо какъ-нибудь пристроиться, хоть на время. Верховской опять обратился къ Ольшанскимъ. Они переѣзжали на дачу въ подмосковную и предложили ему ѣхать къ нимъ и заняться лѣтомъ съ дѣтьми. Верховской согласился; кромѣ вѣрнаго средства набрать денегъ и въ сентябрѣ съѣздить къ матери, онъ все еще надѣялся, съ помощью Ольшанскихъ, найти мѣсто. Онъ и Ольшанская, рѣшившись, разсказали свои неудачныя зимнія попытки ея мужу. Тотъ сказалъ, что женщины, вообще, неловко берутся, что просить неопредѣленно — значитъ только все портить, но не ограничился одними словами, а взялся хлопотать. Онъ ни-

гдѣ не служилъ и ничего не дѣлалъ. Разузнавъ, что есть три вакантныя мѣста, — одно въ Москвѣ, другія въ губерніяхъ,— Ольшанскій вмѣнилъ себѣ въ долгъ и занятіе — добиваться какого-нибудь изъ этихъ мѣстъ для Верховскаго. Почти всякое утро, съ верха, изъ окна классной комнаты, Верховской видѣлъ, какъ подавали Ольшанскому коляску; онъ влѣзалъ въ нее, румяный и здоровый, и весело махая рукою въ сторону Москвы, кричалъ:

— Ждите къ обѣду съ добрыми вѣстями!

Три вакансіи — были для Верховского три разныя муки. Ожиданіе, направленное въ разныя стороны, разбивало всѣ мысли; оставалась только одна, неотвязная, одно желаніе, одна забота. Это было уже не прежнее, золотое мечтаніе о далекомъ, это было что-то томящее; онъ уставалъ даже физически, будто все бѣжалъ и гнался, не отдыхалъ даже во снѣ. Въ этомъ раздраженномъ, напряженномъ состояніи ужъ не могло оставаться мужества: послѣднее мужество уходило на старанія держаться прилично при постороннихъ и помнить, по какимъ учебникамъ учатся дѣти.... Послѣ письма, отправленнаго въ день выпуска, Верховской двѣ недѣли не писалъ матери. Онъ не зналъ, что писать. Какой-то пріѣзжій привезъ слухъ о ней, что ея дѣла шли не очень успѣшно, что уроковъ у нея, кажется, убавилось. Верховской вспомнилъ, что она писала объ этомъ, по своей привычкѣ ничего не скрывать; но въ послѣднее время курса, онъ принялъ легко это извѣстіе, даже забылъ о немъ, за радостной увѣренностью, что всѣмъ невзгодамъ скоро конецъ. Извѣстіе подтверждалось теперь. Верховской не имѣлъ духу отыскать и перечитать письмо матери; онъ боялся взглянуть прямо на свое горе, боялся еще взволновать себя, чтобъ не потерять головы окончательно.

— Авось судьба сжалится... говорилъ онъ.

Но судьба не сжалилась. Одинъ за другимъ, Ольшанскій передалъ ему два отказа. Въ этотъ-же день, Верховской получилъ письмо матери,—отвѣтъ на его веселое письмо послѣ выпуска. Оно было тоже веселое, полное надеждъ; сынъ прочелъ между строками радость близкаго отдыха. До сихъ поръ, она будто не чувствовала усталости, и въ этомъ письмѣ о ней тоже не говорила, ничего не вспоминала; единственное слово письма, въ которомъ могъ мелькнуть намекъ на прошедшее, было:—«Вотъ, мы съ тобой и дождались!..» За нее говорила ея радость; только по ея счастью можно было судить о томъ, что она вынесла.

Верховской думалъ, что помѣшается, читая это письмо. У него даже промелькнуло желаніе помѣшаться... умереть...

— Она вынесетъ, все равно... подумалъ онъ:—а не вынесетъ—одинъ конецъ! Что́-жъ, развѣ легче такъ...

Онъ еще ждалъ. Дня черезъ два, Ольшанскій возвратился изъ Москвы замѣтно огорченный: онъ привезъ третій и послѣдній отказъ. Онъ подробно разсказывалъ, ка́къ получилъ его, ка́къ ему внушали, что, въ настоящее время, для службы и въ особенности для видной, есть спеціалисты, правовѣды, а студентъ-юристъ, хоть-бы и кандидатъ,—это все не то, не то направленіе, не та выдержка.

— Я, кстати, справился, прибавилъ Ольшанскій:—и на тѣ оба мѣста тоже назначены правовѣды.

— Правовѣды? Это—мальчишки съ зелеными воротниками? спросила молодая дѣвица, находившаяся въ гостиной, когда разсказывалъ Ольшанскій.

— Тѣ самые, только когда выростутъ, отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, презрѣнные! Къ намъ ихъ возили въ институтъ, на балы. Терпѣть не могу зеленаго.

Верховской сидѣлъ и слушалъ.

— Такъ ка́къ-же намъ быть, милый мой Андрей Васильевичъ? сказалъ Ольшанскій.

Жена его глядѣла на Верховского.

— Что̀-жъ, такъ и быть, выговорилъ Верховской и, чувствуя, что въ глазахъ темнѣетъ, постарался выдти изъ комнаты какъ можно непринужденнѣе, ровнымъ, тихимъ шагомъ.

Онъ позабылъ поблагодарить за хлопоты, но съ него не взыскивали; хозяева слишкомъ хорошо понимали, каково ему. Они толковали о немъ, но какъ люди, не бывавшіе въ подобныхъ обстоятельствахъ, не могли ничего придумать. Молодая особа, выразившая свое презрѣніе къ правовѣдамъ, послушала немного эти толки, соскучилась и ушла въ садъ.

Ее звали Лидія Матвѣевна Мерéжникова. Она была родственница Ольшанскихъ въ такомъ отдаленномъ колѣнѣ, что даже мастера считать родство, едва могли его досчитаться. Родственникъ немного поближе, г. Каруцкій, былъ у нея въ Петербургѣ и занималъ значительную должность; онъ былъ и ея опекуномъ. Лидія Матвѣевна была круглая сирота и богачка. Два года назадъ она вышла изъ одного петербургскаго института и жила у петербургскаго опекуна. Онъ и жена его богато вывозили ее въ свѣтъ вмѣстѣ съ своими тремя дочерьми, кото-

рыхъ наряжали на ея счетъ, вѣроятно, находя удобнѣе дѣлать однородные расходы изъ одного источника. Лидія Матвѣевна замѣтила это, несмотря на свою восемнадцатилѣтнюю неопытность; она изъ всѣхъ подругъ своего выпуска отличалась способностью къ математикѣ. Расходы ей не нравились, что она и выразила. Ей гораздо больше нравилось, что за нею, богатой невѣстой, ухаживали гвардейцы, удостоивавшіе своего вниманія только фрейлинъ и княженъ, между тѣмъ какъ кузины, наряженныя на ея деньги, часто оставались даже безъ кавалеровъ. Ей понравилось погордиться и она отказала пятерымъ женихамъ, единственно изъ удовольствія отказать въ глазахъ кузинъ, за которыхъ никто не сватался и которымъ не было предоставлено свободы ни отказать, ни согласиться, еслибы кто и посватался. Эти отказы сильно не нравились родителямъ-опекунамъ. Ихъ родныя дочери засиживались въ дѣвицахъ отъ присутствія въ домѣ богатой невѣсты. Чтобъ заставить ее поскорѣе выдти замужъ, они попробовали нѣсколько стѣснить ее, веселить порѣже, поменьше принимать молодежи. Лидія Матвѣевна впала въ меланхолію, стала плакать, жаловаться на судьбу, упрекать, что ее никто не любитъ, хворать, желать смерти, грозить, что начнетъ пить уксусъ. Испугавшись, родственники возобновили угожденія, развлеченія, удвоили ласки и заботы, не щадили даже своихъ собственныхъ издержекъ, но это уже не помогло. Лидіи Матвѣевнѣ понравилось скучать, или вѣрнѣе, играть въ скуку, мечтать, «презирать», томно воображать чахотку и близкую смерть, будто сквозь сонъ говорить дерзости старшимъ и колкости гостямъ, за неуловимыя тонкости ссориться съ кузинами, ненавидѣть и прогонять прислугу, ничѣмъ не умѣвшую угодить, молчать по цѣлымъ днямъ, являться въ обществѣ въ видѣ жертвы, и, вдругъ, въ порывѣ откровенности, жаловаться на свою жизнь постороннимъ, выбирая именно такихъ, которые были не очень расположены къ семейству ея родственниковъ. Наконецъ, съ наступленіемъ весны, она положительно объявила, что умретъ на петербургскихъ болотахъ, и желаетъ, чтобъ ее везли куда-нибудь. Доктора не находили этого необходимымъ, но на ихъ первое слово Лидія Матвѣевна сказала столько словъ, что оставалось только выбрать мѣсто въ Европѣ, куда ѣхать. Она не могла рѣшиться въ выборѣ, потомъ кричала, что не желаетъ общества кузинъ и ихъ матери, потому что не желаетъ расплачиваться за ихъ поѣздку. Исторія изъ домашней грозила сдѣлаться скандаломъ для знакомыхъ, когда вдругъ улеглась совершенно неожиданно и не-

обыкновенно просто: вмѣсто Европы, Лидія Матвѣевна захотѣла въ Москву.

— У меня тамъ родные, говорила она:—тётя Ольшанская; родные, которые меня любятъ, съ которыми меня разлучали всю жизнь. Я хочу къ нимъ. Здѣсь только чопорность, холодность, корыстолюбіе. Отвезите меня въ Москву, или я убѣгу.

Опекунъ написалъ Ольшанскимъ, конечно, даже не намекнувъ о томъ, что происходило. Онъ былъ радъ развязаться съ обузой. Къ святой его сдѣлали директоромъ департамента и предвидѣлась возможность нанять дачу въ Петергофѣ, а къ зимѣ, можетъ-быть, просватать хоть одну дочь. Ольшанскіе, олицетворенная доброта, обрадовались, что «дѣвочка» ихъ вспомнила, и въ ожиданіи ея, наняли нарядный домикъ въ самой живописной изъ подмосковныхъ. Жена опекуна привезла Лидію Матвѣевну и, чтобъ не испортить дѣла, тоже промолчала о ея нравѣ и обычаяхъ. Къ тому же всѣ ея разсказы могли бы показаться самой черной клеветою: едва почувствовавъ надъ собою московскій воздухъ, Лидія Матвѣевна сдѣлалась кротка, добра, послушна, весела, ласкова, чувствительна, неприхотлива, снисходительна на удивленіе. Ольшанскіе на нее не нарадовались.

Верховской ужъ засталъ ее, когда переѣхалъ къ Ольшанскимъ. Онъ былъ слишкомъ занятъ своимъ дѣломъ и не обратилъ на нее вниманія. Онъ, вообще, мало смотрѣлъ на женщинъ и еще ни разу не бывалъ влюбленъ; было некогда. Теперь было тоже некогда; къ тому-же «петербургская барышня», какъ ее называли въ домѣ, не показалась ему хороша. Онъ видалъ ее въ теченіе дня, говорилъ, если случалось, о пустякахъ, гулялъ въ общей компаніи, раза два нарвалъ ей водяныхъ цвѣтовъ, которые ей понравились, и одинъ разъ подумалъ о ней, глядя какъ она перегонялась съ дѣтьми въ аллеяхъ и щеголяла тонкими ножками и перетянутой таліей.

— Такъ, коза,—заключилъ онъ свои размышленія.

Но Лидія Матвѣевна думала о немъ гораздо больше. Она съ первой минуты разглядѣла, что Верховской прехорошенькій. Она, можетъ быть, не нашла бы его хорошенькимъ, еслибы онъ былъ въ статскомъ платьѣ, но Верховской, изъ экономіи, еще донашивалъ свой студентскій сюртукъ. Это—почти мундиръ, утѣшительный обманъ для глазъ петербургской барышни. Верховской не занялся ею. Она занялась имъ нисколько не изъ противорѣчія, а потому, что ей было пріятно смотрѣть на него, замѣчать его движенія, любоваться какъ онъ ловокъ, какой у него тонкій профиль и длинныя рѣсницы, какъ его руки бѣ-

лы и горячи. Ей было пріятно покраснѣть, когда онъ нечаянно на нее взглядывалъ. У нея начало упадать сердце, когда онъ входилъ въ комнату. Ей становилось скучно, когда сбирались гости и онъ говорилъ съ какой-нибудь изъ дѣвушекъ. Однажды, онъ взялъ къ себѣ на колѣни и поцѣловалъ маленькую дочку Ольшанскихъ. Лидія Матвѣевна убѣжала къ себѣ и разрыдалась.

Съ этого дня тетка замѣтила перемѣну въ ея ангельскомъ характерѣ. Не слушая ничьихъ увѣщаній, Лидія Матвѣевна стала уходить по ночамъ въ аллеи и поднимала съ горничными битвы, еще не петербургскія, но ужъ порядочныя. Она была постоянно недовольна своимъ туалетомъ.

— Вы не находите, тётенька, сказала она однажды, смотрясь въ зеркало въ гостинной:—что я дѣлаюсь страшна? Не мудрено; мнѣ двадцать лѣтъ, а счастья я не знала... Бѣдная я!

Она бросилась цѣловать Ольшанскую. Верховской показался въ дверяхъ въ эту минуту и, увидя нѣжную сцену, воротился, чтобъ не быть лишнимъ. Лидія Матвѣевна залилась горьчайшими слезами, но сколько ее ни просили, не объяснила ихъ причины. Тётка, чтобъ ее развеселить, затѣяла позвать гостей; пили чай въ цвѣтникѣ, танцовали на террасѣ. Лидія Матвѣевна убѣдилась, что Верховской прекрасно танцуетъ и влюбилась въ него такъ, какъ ужъ больше не могла.

Верховской хотя и бывалъ въ обществѣ, но не такъ много, чтобы знать его совершенно; хотя и видалъ кокетокъ, но именно потому и не могъ вообразить, чтобы обращеніе Лидіи Матвѣевны было кокетство и относилось къ нему. Кокетство, думалъ онъ,—это что-то граціозное, блестящее, веселое, игриво- и не такое нецеремонное. Разъ, оглянувшись на Лидію Матвѣевну серьезнѣе, онъ подумалъ, что это, пожалуй, добрая дѣвушка, наивная какъ институтка, ласковая потому, что сирота; можетъ быть, не забалована богатствомъ и, должно быть, жилось ей не легко, если она часто плачетъ. Съ ней ни весело, ни скучно; отдалиться отъ нея неловко и совѣстно, она добрая... Во всемъ этомъ разборѣ Верховскому не пришло на умъ даже слово «любовь». Ему было все по душѣ въ домѣ Ольшанскихъ; онъ за-одно, и не раздумывая, включилъ въ это *все* и Лидію Матвѣевну, и на этомъ остановился...

Выслушавъ послѣднее рѣшеніе своей участи, Верховской ушелъ въ свою комнату. Она была на антресоли, подлѣ классной, гдѣ играли дѣти. Первое, что подумалъ онъ, заглянувъ

къ нимъ, это, что дѣтей въ августѣ сдадутъ въ гимназію, и онъ останется безъ уроковъ. Ему было холодно и кругомъ показалось какъ-то пусто. Ушли всѣ надежды, всѣ радости, которыми онъ населялъ для себя этотъ временный пріютъ. Онъ тутъ только понялъ, что жилъ одними ожиданіями, что вѣрилъ въ нихъ какъ въ сбывшееся; что минутное мужество, съ которымъ онъ, бывало, предположивъ неудачу, говорилъ себѣ: «такъ и быть»!—было самообманъ; что мужества у него нѣтъ,—нѣтъ именно теперь, когда нужно обсудить будущее, стало-быть, не будетъ и тогда, когда придется выносить это будущее... Ему стало стыдно, страшно, какъ-то дурно физически. Онъ прилегъ на свою постель и тотчасъ вскочилъ.

— Еще захвораешь въ чужомъ домѣ, сказалъ онъ со злостью.

Для него всѣ стали чужіе, даже тѣ, которые хлопотали за него какъ за родного, и теперь еще горевали о немъ,—чужіе, которымъ онъ, бѣднякъ, обязывался, которымъ кланялся, чтобъ они за него поклонились... Онъ вспомнилъ свою гордую мать; она не кланялась и роднымъ братьямъ. Но это воспоминаніе не вызвало твердости. Онъ вспомнилъ мать, но не утѣшительницу, не опору, не примѣръ, — а жалкую, исхудалую, истощенную труженицу... Она вообразилась ему мертвая на той старой кровати, гдѣ умеръ отецъ...

— Мотъ!... выговорилъ онъ, пугаясь и помысла, и слова, вырвавшихся вдругъ изъ темной глубины, гдѣ они спали до этой минуты, укрощенные любовью, терпѣніемъ, великимъ прощеніемъ матери, свѣжей чистотой дѣтской памяти, благоговѣніемъ вѣрующей молодости...

— Оставилъ-бы хоть кусокъ хлѣба..., продолжалъ Верховской, и крѣпко зажалъ глаза руками, прячась отъ всего, что чудилось, отъ самого себя...

— Поцѣловать-бы ея ноги, покуда онѣ еще не застыли! вскричалъ онъ, и зарыдалъ отчаянно.

Часа два провелъ онъ, такъ, то—головой въ подушку, то глядя передъ собою безъ всякой мысли; провелъ-бы и больше, еслибъ его не позвали...

Этимъ временемъ, Лидія Матвѣевна, гуляя одна въ аллеяхъ, соскучилась и придумывала, какъ было бы хорошо, еслибы, вдругъ, на-встрѣчу, изъ зелени вышелъ молодой человѣкъ. Увидя одного изъ маленькихъ Ольшанскихъ, она подозвала:

— Гдѣ учитель?

— У себя на верху, отвѣчалъ мальчикъ.

— Что дѣлаетъ?

— Плачетъ.

— Какой вздоръ. Поди, позови его. Скажи, что я хочу кататься въ лодкѣ.

Верховской долженъ былъ повиноваться и придти. Онъ подумалъ, покуда шелъ, что у него нѣтъ ни своего угла, ни своей воли, и никому нѣтъ дѣла, каково ему на душѣ... Лидія Матвѣевна, увидя его, подумала, что, такъ, разстроенный, блѣдненькій, онъ просто душка. Катанье удалось совершенно. Лидія Матвѣевна обѣжала знакомыхъ дачниковъ, пригласила ихъ, объявляя, что ѣдетъ одна, безъ тётеньки, и дѣтей не возьметъ, шутила и смѣялась безъ умолку, сама не зная чему, была довольна собою и тѣмъ, что сидѣла въ лодкѣ подлѣ Верховского и мѣшала ему грести. Воротились поздно, по мѣсяцу. Лидія Матвѣевна взяла Верховского подъ-руку и проводила всѣхъ гостей по домамъ.

— А теперь пойдемте тихонько, сказала она, оставшись съ нимъ одна: — я, ужасъ, устала.

На-людяхъ, Верховской постарался притвориться, замять свою печаль, чтобъ не дать ея замѣтить; онъ какъ-то смутно разсѣялся. Но когда всѣ разошлись, когда кругомъ стихло, печаль поднялась опять еще больнѣе и живѣе. Онъ шелъ, не замѣчая, куда вела его спутница, не замѣчая и ея самой, хотя она крѣпко сжимала ему руку. Ему думалось Богъ-знаетъ что, далекое.... вѣрнѣе, ничего не думалось. Что-то холодное подступало къ сердцу. Минутами онъ оглядывался на сыроватую дорогу, на дальнія лужайки, рѣзко перехваченныя полосами тѣни и свѣта, на черныя куртины съ бѣлѣющими розами, на все великолѣпіе лѣтней ночи. Каждая минута, каждая оглядка, вдругъ, будто что обрывала у него въ груди; точно онъ томился и ждалъ, пугался, вздрагивалъ, падалъ съ просонка.

— Присядемъ тутъ, сказала Лидія Матвѣевна, остановясь у скамейки.

Верховской, не отвѣчая, глядя передъ собою, машинально сѣлъ и машинально снялъ фуражку. Онъ не оглядывался на сосѣдку, но почувствовалъ на своихъ волосахъ ея руку.

— Какой скучный, сказала она. — Полно! Ну, что это?

Ему стало больно, и вдругъ какъ-то легко отъ этихъ словъ, сказанныхъ нѣжнымъ, молодымъ голосомъ. Онъ обрадовался ласкѣ, какъ чему-то болѣе простому, нежели участіе, какъ чему-то родному. Онъ принялъ эту ласку безъ тревоги, даже не удивился, будто такъ и слѣдовало, — и не отвѣчалъ ни слова. Это была минута чисто дѣтскаго спокойнаго забытья, отъ котораго ему пришлось тутъ же очнуться. Лидія Матвѣевна обняла его, приподняла его наклоненную голову, и поцѣловала.

— Душка, прелесть, красавецъ, повторяла она, повторяя поцѣлуи.

Верховской испугался. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлалось, не имѣлъ духа оттолкнуть ее, не могъ отвѣчать на ея поцѣлуи, не могъ сказать слова. Она крѣпко обвила его руками, прижималась къ его груди и шептала:

— Я тебя никому не отдамъ, никому, никому на свѣтѣ. Не смѣй и думать. Поцѣлуй меня. Ты будешь моимъ мужемъ.

— Пойдемте домой, выговорилъ Верховской, вставъ съ скамейки.

— Развѣ здѣсь есть кто-нибудь? спросила она, оглядываясь.

— Да, тамъ, гуляющіе, отвѣчалъ онъ.

Никого не было.

— Пойдемъ.... Но ты мнѣ скажи.... Я такъ хочу! Мы непремѣнно женимся, скоро. Говори, такъ?

Онъ велъ ее какъ могъ скорѣе, ввелъ на балконъ, какъ-то невольно сжалъ ей руку и ушелъ къ себѣ. Она приняла за согласіе и его смущеніе, и это пожатіе руки. Ольшанская была одна въ гостинной. Лидія Матвѣевна вошла къ ней, торжествуя.

— Тётенька, Верховской сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я выхожу за него замужъ.

Верховской думалъ, не сошелъ-ли онъ съ ума. Только этого приключенія не доставало, чтобъ отнять у него послѣднее — выгнать его изъ дома Ольшанскихъ, лишить единственнаго средства хоть черезъ два мѣсяца увидѣть мать. Какъ честному человѣку, ему слѣдуетъ сейчасъ уйти пѣшкомъ въ Москву, оставя письмо, въ которомъ объяснить Лидіи Матвѣевнѣ, что равнодушенъ къ ней. Онъ схватился-было писать это письмо—и остановился....

Точно-ли онъ равнодушенъ? Ему было такъ по-сердцу ея доброе слово. Въ теченіе этого ужаснаго дня, ничье слово не отозвалось на его печаль такъ сочувственно и нѣжно. Она добра. Она искренно любитъ, потому что забыла всѣ чопорности. Она страстно любитъ.... У Верховского вспыхнули щеки отъ воспоминанія всѣхъ поцѣлуевъ, которые онъ отклонялъ, не отвѣтивъ ни однимъ. Будь она передъ нимъ въ эту минуту, онъ обнялъ-бы ее страстно. Ему было двадцать два года; онъ еще никогда не любилъ.... Любовь, можетъ быть, такъ начинается. Можетъ быть, его холодность была только испугъ чувства, захваченнаго неожиданностью, оторопѣлаго отъ слишкомъ близкой возможности счастья.... А въ ея любви, точно, счастье: она пряма, она откровенна.... Голова его горѣла. Горе смѣшалось съ какой-то новой, неиспытанной тревогой. Онъ думалъ до зари и заснулъ,

рѣшивъ, что объясниться будетъ легче на словахъ, нежели на письмѣ.

Утромъ, сконфуженный тѣмъ, что долго проспалъ, онъ сбиралъ свой классъ. Къ нему вошла Ольшанская.

— Дайте на сегодня вакацію дѣтямъ, Андрей Васильевичъ, сказала она, и, когда они разбѣжались, присѣла на ихъ мѣсто.— Потолкуемъ. Мнѣ сказала Лидія, что вы ее любите и сватаетесь. Правда-ли это?

Верховской смутился. Все, что онъ передумалъ за ночь—никуда не годилось. Изъ порыва страсти, изъ чувства, изъ шутки— онъ не зналъ какъ назвать, — составлялось или что-то формальное, или сплетня.

— Я не люблю Лидію Матвѣевну и не сватался, отвѣчалъ онъ.

— Такъ какъ-же?...

Верховской смутился еще больше и разсказалъ все какъ было. Ему было бы легче разсказать собственное признаніе въ любви, даже собственную глупость. Ольшанская должна была ему повѣрить: племянница чуть не до свѣта толковала ей о своей любви къ Верховскому, а для Верховского, въ его положеніи, такая любовь была находка. Идя къ нему объясняться, Ольшанская даже согрѣшила, подумала, не было-ли у него этого на умѣ. Но Верховской, разстроенный, растерянный, положительно и настоятельно увѣрялъ, что былъ удивленъ, не знаетъ что дѣлать, готовъ уйти сію минуту изъ дома, давалъ клятву во вѣки обо всемъ молчать. Не повѣрить ему было-бъ еще грѣшнѣе. Ольшанская давно и хорошо его знала. Его увѣренія навели ее на другую мысль. Она была, какъ многія женщины, охотница женить, а петербургская родственница, оставляя у нея Лидію Матвѣевну, выразила желаніе, чтобъ молодая дѣвица поскорѣе составила партію; на состояніе смотрѣть нечего, — она сама богата, — лишь-бы по сердцу...

— Вы ни въ кого не влюблены? спросила Ольшанская, уже улыбаясь.

— И не бывалъ отъ роду, отвѣчалъ студентъ, со злостью, будто виноватый.

— Такъ я вамъ посовѣтую: женитесь на Лидинькѣ. Она дѣвочка добрая, немножко фантазерка; — да теперь видно, почему у нея, вотъ, этимъ временемъ, были капризы: она въ васъ влюбилась. Вы сейчасъ сказали, что уважаете ее, любите какъ сестру, — и больше полюбите, когда ближе узнаете. Никто себя заранѣе не знаетъ. Вы сдѣлаете ея счастіе. Она богата....

— А у меня нѣтъ ничего, прервалъ Верховской: — стало-быть и говорить нечего.

— Совсѣмъ напротивъ, тутъ-то и говорить. Вы — человѣкъ честный. Другой женится на ней и не подумаетъ, не позаботится, чтобъ она была счастлива, броситъ ее и закутитъ. А съ вами, я за нее покойна. Я васъ четыре года знаю. Я отъ души буду рада, что вамъ, а не другому достанется состояніе. Будь у меня взрослая дочь, — я бы сейчасъ отдала ее за васъ. Одно — что у моей дочери нѣтъ тысячи душъ и не знаю сколько денегъ въ ломбардѣ, какъ у Лидиньки. А вамъ тысяча душъ очень кстати. За что̀ вамъ губить вашу молодость? Вотъ, вчера, въ это время... все вамъ неудачи. Но, еслибы и удача, развѣ служба легка? А ваша матушка? Подумайте о ней! Сколько ей еще ждать, покуда вы устроитесь! Года все уходятъ, а съ ними здоровье.... Со вчерашняго дня, чего вы не передумали, какъ ей написать, что̀ ей сказать.... Я знаю, каково вамъ.

Она еще долго совѣтовала, уговаривала, искушала. Но послѣ того, какъ Верховскому назвали его мать, всѣ остальныя слова были лишнія. Для матери онъ всегда былъ готовъ на все, и въ настоящую минуту — готовъ даже безъ размышленія. Онъ никогда не думалъ о богатствѣ Лидіи Матвѣевны, даже не зналъ навѣрное, точно-ли и какъ она богата. Размышляя ночью, что долженъ оставить домъ Ольшанскихъ, онъ ставилъ причиною только свое равнодушіе къ Лидіи Матвѣевнѣ, а не разницу состоянія; эта разница даже не приходила ему въ голову, также какъ мысль, что его могутъ заподозрить въ разсчетѣ. Только послѣ совѣтовъ Ольшанской, разсчетъ вползъ ему въ душу. Ни пристаница, ни службы, а тутъ — богатая влюбленная невѣста и у нея родственникъ — важный вліятельный чиновникъ... Это не былъ торгъ съ совѣстью человѣка пожившаго, или раннее растлѣніе человѣка молодого. Это была память нужды, очевидность будущей нужды, и, выше всего, страхъ, томленіе за существо, дороже собственной жизни.... Борьба не могла быть сильна. Верховской сказалъ себѣ, что можетъ привязаться къ дѣвушкѣ, которая его любитъ и этой любовью доставляетъ ему счастье не разставаться съ его сокровищемъ—матерью, дать отдохнуть этому сокровищу.... Едва мелькнула эта мысль, онъ ужъ любилъ Лидію и клялся любить вѣчно....

Думать долго было нѣкогда, спросить совѣта нѐ у кого, но девять изъ десяти совѣтниковъ, руководясь житейскою мудростью, навѣрное сказали-бы тоже, что̀ говорила Ольшанская. Многіе, вѣроятно, стали-бы еще сильнѣе настаивать. Верховской припомнилъ, какъ она расхваливала удовольствія молодой обезпе-

ченной жизни, и невольно улыбнулся. Передъ нимъ промелькнули сырыя квартиры, обѣды въ харчевнѣ, осенняя слякоть, заемъ гривенниковъ у дворника.... И еслибы еще выносить все это одному!... Онъ рѣшился. Спорить съ нимъ могла бы какая-нибудь романическая голова, презирающая земныя блага, какое-нибудь измученное сердце, отыскивающее истины въ каждомъ чувствѣ. Удержать его могла бы одна его мать. Она образумила-бы его не дѣлать надъ собою этой пробы, этой, имъ самимъ несознаваемой, нравственной ломки. Она доказала бы ему, что именно оттого и бываютъ несчастны люди, оттого и не удается имъ никакое устройство, казалось бы, прекрасно разсчитанное, что, разсчитывая, они берутъ на себя лишнее житейское благоразуміе, разсматриваютъ только внѣшность, выгоду, и забываютъ собственную душу, будто надѣясь, что у нихъ выростетъ какое-нибудь чувство имъ необходимое, или умретъ чувство, мѣшающее устройству матеріальнаго благосостоянія. Мать сказала бы ему, что на-заказъ чувства родятся и умираютъ только у людей безсердечныхъ и недумающихъ; а у человѣка съ душою, напротивъ, является совершенная невозможность покориться, даже помириться съ этимъ нравственнымъ насиліемъ; и тогда, благо, для котораго человѣкъ изломалъ себя, дѣлается его зломъ, его казнью,—или, просто,—нейдетъ въ прокъ, потому что у человѣка нѣтъ ни доброй воли, ни снаровки взяться....

Верховской рѣшился. Ольшанская дала ему свое благословеніе и обѣщала въ чемъ нужно содѣйствовать. Это обѣщаніе вдругъ привело ему на мысль, что съ сватовствомъ сопряжены разныя формальности, знакомства съ родственниками, оффиціальныя поздравленія, посѣщенія.... Это было ново, неловко, глупо какъ-то. Онъ засмѣялся, потомъ вдругъ оробѣлъ, сконфузился передъ собою и разсердился. Онъ не давалъ воли этому школьничьему чувству, но и не могъ совсѣмъ превозмочь его. Оно долго удерживало его идти въ гостинную, гдѣ была Лидія Матвѣевна; наконецъ, онъ рѣшился, пошелъ, думая, что не сейчасъ же все это совершится, что еще будетъ время.... самъ не зналъ, что. Въ гостинной были гости, дѣвушки. Верховской увидѣлъ ихъ издали. Вдругъ сверкнуло у него въ головѣ, что, женившись, онъ ужъ будетъ не свободенъ, что молодость кончится, что Лидія Матвѣевна не хороша собою. Въ немъ вспыхнуло непреодолимое, страстное желаніе красоты и свободы; у него исчезъ всякій помыслъ, кромѣ того, что надо «все это» скорѣе, сейчасъ, сію минуту бросить....

Забывшись окончательно, онъ не замѣтилъ, какъ сдѣлалъ свѣтскую неловкость.

— Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.... сказалъ онъ, идя прямо къ Лидіи Матвѣевнѣ, не кланяясь и не здороваясь ни съ кѣмъ, прерывая ея разговоръ съ гостьями и пожимая руку, которую она ему тотчасъ протянула.

Гости переглянулись. Лидія Матвѣевна вспыхнула отъ радости: ей безъ памяти хотѣлось скорѣе объявить, что она выходитъ замужъ. Она выпорхнула за Верховскимъ въ другую комнату.

— Ну, что̀?

Она бросила свои худенькія открытыя ручки на плеча Верховскому и глядѣла улыбаясь.

— Послушайте, сказалъ онъ въ смущеніи: — я обдумалъ. То, что̀ вы вчера говорили—невозможно. Я бѣденъ....

— Не хочу слышать! вскричала Лидія Матвѣевна, обнявъ его и таща къ двери, разцѣловала громко въ виду всѣхъ, и закричала еще громче и игривѣе: — Mesdames, поздравьте, — мой женихъ!

Послѣ такой выходки, конечно, только человѣкъ, пренебрегающій свѣтскими приличіями, могъ бы посовѣтовать Верховскому бѣжать отъ невѣсты.... Но Верховской ужъ не спрашивалъ совѣта, онъ растерялся. Къ тому же, какъ это ни странно, а эта выходка привлекла его, а не оттолкнула; она ему понравилась; молодая голова вообразила преданность, страстность, силу, — это замѣняло красоту.... Какъ глупо, неловко онъ заговорилъ о своей бѣдности.... и, какая мелочность! дѣвушка отдаетъ ему свою душу, а онъ толкуетъ о деньгахъ! Ему стало стыдно, она стала ему милѣе. Она ласкалась и сладко плакала, оставаясь съ нимъ вдвоемъ; онъ говорилъ о своей матери. Она прерывала поцѣлуями, нѣжно выговаривала, что ревнуетъ, что это все «послѣ, въ другое время», а покуда онъ принадлежитъ ей, одной ей нераздѣльно; она требовала, какъ своего права, чтобъ онъ, счастливый, забылъ въ эти минуты весь міръ и жилъ только настоящимъ, только ею. Отуманенный, увлеченный, онъ не возражалъ....

Вечеромъ, онъ написалъ матери. Подъ впечатлѣніемъ цѣлаго дня поцѣлуевъ, эти нѣсколько строкъ вышли пламеннымъ признаніемъ въ любви, полнымъ самой радостной увѣренности въ будущемъ. Верховской не задумался ни минуты, какъ это письмо удивитъ мать, которая менѣе всего на свѣтѣ ожидаетъ подобнаго извѣстія.

— Напиши къ матушкѣ, шепнулъ онъ Лидіи Матвѣевнѣ, сбѣжавъ въ гостинную.

— Охъ.... не умѣю! сказала она, будто испугавшись.—На-

пиши за меня чтó хочешь, все, чтó хочешь, только приходи скорѣе.

Онъ написалъ, что Лидія любитъ ее столько же, сколько онъ самъ.

На другой день, его рано позвали въ гостинную. Ольшанскіе писали въ Петербургъ, извѣщая опекуна.

— Пиши, рекомендуйся, весело говорила Лидія Матвѣевна.

Верховской затруднился до того, что отупѣлъ. Ольшанскій продиктовалъ ему. Узнавъ тутъ, что женихъ приходится родной племянникъ генерала Зурова, который бываетъ на вечерахъ дядюшки Каруцкаго, Лидія Матвѣевна запрыгала отъ радости.

— Чтóжъ ты мнѣ давно не сказалъ, что maman — сестра генерала? спрашивала она.—Слава Богу, ахъ, слава Богу!

— Я его вовсе не знаю, возразилъ Верховской.

— Не знаешь? Почему? Онъ божественный. Все говорилъ мнѣ, что хочетъ за меня свататься. А вотъ, я же, ему на зло, дѣдушкой его сдѣлаю!

Оффиціальная рекомендація поставила Верховского въ новое положеніе, какого онъ еще не зналъ, выучила новой заботѣ, совсѣмъ новаго свойства. Прежде, въ его раздумьи, огорченіяхъ, предположеніяхъ было что-то отвлеченное, мечтательное, почти дѣтское; теперь, хотя основаніемъ всего была любовь, все выходило какъ-то практически-положительно, *«какъ у всѣхъ»*, говорилъ Верховской, и это неопредѣленное слово было очень вѣрно: на мѣсто восторженныхъ надеждъ, поэтическихъ, хоть и скромныхъ плановъ, явились разсчеты, ожиданія, приготовленія, хлопоты, общія всѣмъ, кружащимся на свѣтѣ.... Онъ понялъ, что, на языкѣ общества, его *«бракъ по любви»* былъ *«выгодная партія»*; что общество, только видя въ немъ племянника генерала Зурова, признавало его достойнымъ руки m-lle Мережниковой. Ему стало гадко,—но тоже мнѣніе общества, къ которому онъ прислушивался, доказывало ему, что отступать ужъ поздно; онъ и самъ уже не чувствовалъ сначала отваги, потомъ охоты отступать. Въ немъ вдругъ поднялось свѣтское самолюбіе, — воспитанное нѣсколькими годами успѣха въ этомъ «свѣтѣ», который теперь будто неохотно принималъ молодого человѣка окончательно своимъ,—самолюбіе, сдержанное уваженіемъ къ трудовой жизни, замятое недостаткомъ средствъ; въ настоящую пору, оно твердило ему, что получить отказъ отъ петербургскихъ родственниковъ—будетъ смертельная обида. Но въ нѣсколько дней, Верховской уже настолько заразился свѣтскимъ мнѣніемъ, что считалъ отказъ невозможнымъ: Лидія Матвѣевна слишкомъ публич-

но и нецеремонно выказала свою любовь; отказать—не допуститъ приличіе.

— Свѣтскія приличія тутъ ничего не потеряютъ, возразилъ ему одинъ другъ, пріятель изъ бывшихъ студентовъ, съ которымъ онъ, увлекшись, разговорился: — скажутъ, что молоденькая дѣвушка, институтка, позабавилась, пошалила, и вольно-же было бѣдному дураку принять это за серьезное.

Верховского взорвало. Это, точно, могло быть. Такія вещи у *нихъ* дѣлаются. Онъ сталъ бояться, чтобъ отъ него не ускользнула богатая невѣста. Онъ даже думалъ, именно въ этихъ выраженіяхъ, уже не краснѣя, и, также не краснѣя, успокоивалъ себя тѣмъ, что «не рѣшатся обидѣть отказомъ племянника генерала Зурова»....

Но невѣста не ускользнула, ему не отказали, хотя совсѣмъ по другой причинѣ. Петербургскій опекунъ былъ радъ развязаться съ своей институткой; ей скоро доходило совершеннолѣтіе; съ мужемъ ея, «изъ бѣдныхъ студентовъ», можно было скорѣе надѣяться свести счеты, а она слишкомъ хорошо знала ариѳметику. Верховской покуда не замѣчалъ этого знанія; время было коротко и шло нѣжно. Лидія Матвѣевна торопила свадьбу. Ее отпраздновали тутъ же, на дачѣ, нанявъ для этого огромный домъ владѣльца, въ іюлѣ 1842 года.

Верховской былъ какъ въ чаду. Его молодая жена танцовала, онъ танцовалъ тоже. Визиты, гулянья, катанья, пикники, обѣды, вечера, поцѣлуи, трата денегъ, круженье на одномъ мѣстѣ, перемѣна лицъ, множество лицъ, новость положенія, новость ощущеній.... Онъ недѣли три не очнулся. Онъ написалъ матери, что женатъ и счастливъ. Это было самое короткое изъ всѣхъ его писемъ: у него не было ни свободнаго часа, ни свободнаго угла въ домѣ; жена не оставляла его ни на минуту. Она сидѣла на ручкѣ его кресла, покуда онъ писалъ, торопила его и тормошила, ласкаясь.

— Кончай, кончай скорѣе, твердила она.

— Напиши же и ты, сказалъ онъ.

— Развѣ необходимо?... Ахъ, да!... Еслибъ ты зналъ, какъ я не люблю, не умѣю.... я такъ и скажу.

Но она такъ не сказала, а свернула нѣсколько очень гладенькихъ и ловкихъ фразъ, какъ особа, упражнявшаяся въ сочиненіяхъ, просмотрѣла, поставила всѣ accent-grave и accent-aigu, и вдругъ спохватилась:

— Ахъ, я написала по-французски! Est-ce que la vieille comprendrait?

— Напиши хоть еще на трехъ языкахъ, если умѣешь, отвѣчалъ Верховской, котораго передернуло.

— Я ничего не умѣю, я умѣю только тебя любить, вскричала она, бросаясь ему на шею.

Онъ подумалъ, что она извиняется въ своей институтской глупости; — онъ не понялъ, что то была очень выработанная свѣтская дерзость, а объятія—нисколько не желаніе извиняться. Ему стало совѣстно своего рѣзкаго отвѣта; онъ поспѣшилъ загладить его нѣжнымъ словомъ, но желаніе скорѣе увидѣть мать, стало, если возможно, еще сильнѣе. Онъ твердилъ о немъ безпрестанно.

— Устрой прежде жену, возразила ему Лидія Матвѣевна.

Ей надо было принять счеты своей опеки. Молодые супруги поѣхали въ Петербургъ. Опекунъ, важный чиновникъ, захотѣлъ щегольнуть добросовѣстностью предъ кандидатомъ-юристомъ, получавшимъ съ богатствомъ жены голосъ въ обществѣ. Верховской даже оказалъ ему услугу, укротивъ мелкія придирки Лидіи Матвѣевны; онъ все еще воображалъ въ этихъ придиркахъ не характеръ, а незнаніе дѣла. Дядюшка-опекунъ, директоръ департамента, пожелалъ пріязни молодого семейства и предложилъ Верховскому мѣсто подъ своимъ начальствомъ. Лидія Матвѣевна располагала жить въ Петербургѣ, веселиться зимою. Въ десять дней, Верховской получилъ мѣсто съ тремя тысячами жалованья и великолѣпной казенной квартирой. Лидія Матвѣевна нашла, что она недовольна роскошна, почему дядюшка представилъ, кому слѣдовало, о необходимости ее исправить и отдѣлать вновь къ осени. Верховской возразилъ-было, что это излишнее, но дядюшка засмѣялся; а Лидія Матвѣевна даже вспылила:

— Изъ чего же разоряться? сказала она мужу: — казенный домъ, пусть казна его и отдѣлываетъ. Полагаю, это совершенно основательно! Довольно купить свое — мебель, бронзы, ковры. У меня еще нѣтъ экипажа; у меня еще нѣтъ туалета...

Но прежде всего оказалось, что не было довольно наличныхъ денегъ; Лидія Матвѣевна не пожелала трогать изъ ломбарда. Она дала мужу довѣренность на управленіе всѣми своими имѣніями и хожденіе по всѣмъ своимъ дѣламъ, и поручала съѣздить въ одну замосковскую деревню. Дядюшка давалъ отпускъ тотчасъ по вступленіи въ должность.

— Надо получить оброкъ за годъ. Никогда эти мужики въ срокъ не платятъ! замѣтила Лидія Матвѣевна съ неудовольствіемъ, котораго Верховской не замѣтилъ за своей собственной мыслью.

— Поѣдемъ вмѣстѣ къ матушкѣ, сказалъ онъ.—Дѣла твои устроены, а пустяки еще успѣютъ сдѣлаться.

— Какъ пустяки—завестись цѣлымъ домомъ? вскричала она съ ужасомъ.—Но скоро сентябрь! Ты не жилъ хозяйствомъ, ты не знаешь....

— Но ты знаешь, что я два года жилъ только тѣмъ, что увижу мать, прервалъ онъ.

Онъ чуть не выговорилъ, что для этого одного и женился.

— Ты должна ѣхать, настаивалъ онъ:—я долженъ привезти къ ней мою жену. Ты, стало быть, меня не любишь, если не спѣшишь ее видѣть.

Лидія Матвѣевна расплакалась.

— Нѣтъ, André, ты меня не любишь, если такъ говоришь! Вѣдь это — полторы тысячи верстъ въ одинъ конецъ! Ты бы звалъ меня, когда мы были въ Москвѣ, лѣтомъ.

— Я сто разъ звалъ, возразилъ онъ.

— Виновата, я тогда была глупа.... Или нѣтъ, я невиновата! Ты самъ знаешь, было некогда. А теперь, развѣ возможно? Скоро сентябрь, дороги ужасныя, такая даль, я занемогу....

Отговорка нашлась превосходная. Полторы тысячи верстъ въ одинъ конецъ и столько же обратно, вели неминуемо къ упрекамъ, что молодой мужъ не заботится о здоровьѣ жены, слѣдовательно, мало ее любитъ. Лидія Матвѣевна утвердилась на этомъ и нарочно поднимала разговоръ о поѣздкѣ при тетушкѣ и дядюшкѣ, которые, конечно, поддерживали, что ей ѣхать—рисковать жизнью.

— Такъ я поѣду одинъ, сказалъ Верховской.

Лидія Матвѣевна обрадовалась:

— А въ деревню? спросила она съ новымъ безпокойствомъ:—мнѣ вѣдь нужны деньги. Я здѣсь все закажу, все будетъ готово, а ты тамъ пробудешь долго....

Верховской успокоилъ ее, что вышлетъ ей деньги. Она была довольна. Дядюшка и тетушка пригласили ее остаться на это время у нихъ въ домѣ; всѣ три кузины еще не имѣли жениховъ, почему Лидіи Матвѣевнѣ было особенно пріятно заводиться своимъ роскошнымъ хозяйствомъ у нихъ на глазахъ. Время для этого было удобное, глухое, предосеннее, когда Петербургъ еще пустъ. Лидія Матвѣевна заранѣе восхищалась мыслью, что будетъ разъѣзжать по магазинамъ и примѣрять наряды съ утра до вечера. Наканунѣ отъѣзда, Верховской сказалъ ей, что ужъ купилъ мебель для комнатъ, которыя назначилъ матери въ новой квартирѣ, рядомъ съ своимъ кабинетомъ.

— Эту заботу я взялъ на себя; не ревнуй, моя милая, при-

бавилъ онъ, держа жену на колѣняхъ:—ты не знаешь ея вкуса, а я вижу всякое ея движеніе. Ты накупи книгъ, чтобъ она нашла ихъ больше въ домѣ. Я ужъ выбралъ рояль. Она играетъ, какъ ангелы. Наконецъ-то, моя радость будетъ играть не для насущнаго хлѣба!

Онъ крѣпко обнялъ жену. Это была горячая благодарность, горячая любовь изъ благодарности. Желанное счастье было такъ близко! Онъ обожалъ ту, которая его доставляла; въ эту минуту, онъ соединялъ обѣихъ женщинъ въ одно чувство и, цѣлуя жену, забываясь, назвалъ ее *радостью*, тѣмъ именемъ, которое прежде восторженно клялся не давать никому кромѣ матери.

— О, какъ намъ будетъ хорошо всѣмъ вмѣстѣ! повторялъ онъ.

— Развѣ ты привезешь ее сюда? спросила Лидія Матвѣевна.

— А то какъ же? отвѣчалъ онъ весело:—я и гостинцы ей везу только дорожные. Вотъ, посмотри, что̀ я накупилъ, не знаю, хорошо ли. Поѣдемъ осенью, можетъ захватить непогода....

Лидія Матвѣевна встала и, молча, съ любопытствомъ оглядѣла въ подробности ватную шубку и мѣховую шубу, приготовленныя для укладки въ чемоданы мужа. На ея лицѣ выразилось, что подарки лучше нежели бы она желала.

— Мастеръ! сказала она наконецъ. — Сколько лѣтъ твоей матери?

— Сколько лѣтъ? Только недавно минуло сорокъ. Она красавица.

Лидія Матвѣевна сама хорошенько не опредѣляла, что̀ было бы ей непріятнѣе: имѣть свекровь разслабленную капризную старуху, или образованную, талантливую красавицу. Старуху еще можно спрятать, запереть въ ея комнатѣ съ немощами и докторами; но—красавица!... Она захочетъ выѣзжать, принимать, обрадовавшись средствамъ....

— Я этого ужъ никакъ не потерплю! сказала себѣ Лидія Матвѣевна, засыпая поздно, передумавъ много и не сообщивъ мужу ни одной своей думы. — Еще увидимъ. Если она презентабельна, ее можно будетъ брать съ собой въ театръ; а чуть что̀—можетъ уѣзжать, откуда пріѣхала.

Поутру она проснулась еще съ новыми соображеніями.

— Une maîtresse de piano à tant par cachet, — хороша belle-mère! Это назвать нельзя, срамъ. Генералъ Зуровъ никогда и не поминалъ о ней. Это должно быть Богъ-знаетъ что̀.... А André еще не былъ у генерала....

Но André не поддался на просьбу сдѣлать визитъ генералу, хотя бы въ день отъѣзда. Онъ уѣзжалъ, какъ счастливецъ и

даже упрекнулъ себя, что не сочувствовалъ огорченію жены, которая, прощаясь, заплакала. Верховскому стало жаль ее и совѣстно, но онъ чувствовалъ, что былъ бы въ отчаяніи, еслибъ пришлось остаться. Онъ показался себѣ неблагодарнымъ, какъ будто раскаявался,—но едва очутился въ дилижансѣ, едва выговорилъ себѣ внятно: — «Черезъ двѣ недѣли я увижу мать....» какъ забылъ всѣхъ, все, даже то, что женатъ. Онъ не пробылъ и дня въ Москвѣ, только пересѣлъ изъ дилижанса на перекладную и поспѣшилъ въ имѣніе жены, чтобы скорѣе кончить дѣла и быть свободнымъ. Судьба благоволила ему во всемъ; оброкъ былъ ужъ готовъ. Верховской взялъ изъ него тысячи двѣ, написалъ женѣ, поручилъ управляющему отправить ей это письмо вмѣстѣ съ остальными деньгами, потомъ, какъ счастливецъ и новый баринъ, надавалъ милостей и награжденій, и, въ суевѣрной надеждѣ, что, за радость, доставленную другимъ, сохранится ему и его радость,—наконецъ выѣхалъ къ матери.

Въ это свиданіе, не она, а онъ почти безъ памяти припалъ къ ней на шею. Въ его счастьи было какое-то отчаяніе. Точно будто только въ эту минуту пришло ему сознаніе, какой цѣною купилъ онъ это счастье. «Остаться съ нею» — горячо и ярко мелькнуло ему.... и, въ туже секунду, другая холодная мысль задушила эту, будто во снѣ сбросила его съ высоты, заставила очнуться, и онъ зарыдалъ, неутѣшный, какъ на прощанье....

Матери было довольно этого, чтобы все понять, и, покуда онъ не поднималъ головы съ ея колѣнъ, она подумала, — тоже отчаянно. Она сказала себѣ, что нужно покориться, что нужно простить, не упрекать, даже разспрашивать осторожно, не вызывать сожалѣнія, не допускать раскаяваться; что нужно утвердить человѣка въ его поступкѣ, дать ему силу жить такъ, какъ онъ избралъ.... Она сказала себѣ, что нужно проститься съ этимъ человѣкомъ, что нужно притворяться передъ нимъ....

— Полно плакать; вѣдь ты мнѣ не измѣнилъ, что женился, сказала она.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ съ новымъ порывомъ.

— Я знаю, что нѣтъ.

— Она не стоитъ твоего пальчика....

— Вотъ прекрасно! Но ты съ ума не сходи; развѣ можно такъ говорить о женщинѣ, которая тебя полюбила? Она, видно, ужъ успѣла тебя избаловать?

Она шутила. Онъ былъ радъ шуткѣ, хотя, въ первую минуту, ему показалось, будто это что-то не то, чего онъ ждалъ,

будто не такъ она говорила прежде. Но онъ былъ радъ, ему стало ловчѣе; онъ ужъ настолько былъ испорченъ, что могъ страдать отъ неловкости положенія. Ему казалось, будто она что-то обходитъ въ разговорѣ; онъ самъ точно также обходилъ многое, сознавалъ это, смущался; старался подмѣтить, замѣчала-ли она его смущеніе; успокоивалъ себя, что она не обращаетъ вниманія на его недомолвки; убѣждалъ себя, что она весела искренно. Мать не спросила, почему не пріѣхала Лидія Матвѣевна; онъ увѣрилъ себя, что она забыла спросить отъ радости.... Они скрытничали оба, но онъ или въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ ея притворства, или отводилъ себѣ глаза, между тѣмъ какъ для нея все было ясно. Никогда еще въ жизни не бывало ей такъ тяжело; никогда не любила она сильнѣе своего бѣднаго сына, виноватаго изъ любви къ ней. Ей было грустно-весело видѣть, что онъ неловокъ въ своемъ богатствѣ, что у него нѣтъ затѣй и все тѣ-же бѣдныя привычки. Онъ былъ все тотъ же; онъ надѣялся. Спугнуть однимъ словомъ его надежды было бы жестоко. Онъ какъ будто праздновалъ старые дни въ бѣдномъ домѣ, послѣдніе дни, и не торопилъ конца вакаціи. Онъ разсказывалъ матери, какъ убралъ ея петербургскія комнаты, повторялъ, что они будутъ вмѣстѣ каждую минуту,—и дальше не шло его воображеніе. Онъ самъ не замѣчалъ, что не умѣлъ придумать, что будетъ дѣлать его жена среди его счастія; она была тамъ, мелькала ему, не мѣшала, вспоминалась даже ласково, — но никакъ не далѣе. Чаще всего, онъ совсѣмъ забывалъ о ней.

Лидія Матвѣевна сама о себѣ напомнила. Срокъ отпуска приходилъ къ концу; она написала мужу.

Письмо пришло въ темный вечеръ. Верховской сидѣлъ вдвоемъ съ матерью, у ногъ ея, тихо и уютно, слушалъ какъ шумѣло сентябрьское ненастье, и, по старой памяти, весело топилъ печку... Много лѣтъ потомъ вспоминалась ему эта минута, рѣшившая его жизнь.

Письмо и полузнакомый почеркъ обдали его холодомъ. Онъ развернулъ.

— Отъ Лидіи, сказалъ онъ и, самъ не зная почему, сталъ читать про себя, хотя желалъ-бы и находилъ, что долженъ читать вслухъ. Ему показалось, что мать какъ-то особенно пристально заглядѣлась на огонь, будто не желая мѣшать чтенію. Онъ положилъ руку ей на платье.

— Не уходи, мама.

— Нѣтъ, я здѣсь, отвѣчала она.

Лидія Матвѣевна писала, что ея будуаръ отдѣланъ голубымъ ситцемъ, bleu de Sèvres,—и прочее въ подробности. Зала

такая-то, гостинная такая-то. Подробности о мебели, объ экипажахъ. Нумеръ абонированной ложи у французовъ. Одинъ знакомый обѣщается всегда доставать ложу въ балетъ. Дядюшка Зуровъ былъ съ визитомъ. Кузина Annette сломала зубъ, вставила фальшивый и страшна какъ смерть. Скандальная исторія въ высшемъ обществѣ, со множествомъ именъ. Тетка подарила un cachemire de France и прихвастнула цѣной. Объятія, поцѣлуи и точки. Въ припискѣ:

— «Дядюшка приказываетъ, чтобъ ты скорѣе возвращался».

Верховской сжалъ письмо.

— Лидія больна? спросила мать.

— Нѣтъ... Она тебя цѣлуетъ, отвѣчалъ онъ.

Ему хотѣлось бросить письмо въ печку, броситься самому на шею матери и сказать ей, что онъ пропалъ, погибъ, все сказать... Онъ удержался. Что-жъ это будетъ? Вѣдь все равно, надо ѣхать...

— Надо ѣхать, мама, сказалъ онъ:—мой отпускъ конченъ. Дѣлать нечего. Я завтра куплю здѣсь карету, ты уложишься, а послѣ-завтра покатимъ.

Для нея тоже минута была рѣшительная; она готовилась къ ней давно. Едва получивъ извѣстіе о женитьбѣ сына, она сказала, что такъ должно быть, — но мужество, для котораго наставалъ часъ, было трудно, тяжело, едва-ли не выше силъ...

— Подумаемъ немножко, сказала она.

У него упало сердце. Ея голосъ былъ какъ будто не тотъ, къ которому онъ привыкъ, а слово было осторожное, нерѣшительное. Верховской ужъ слышалъ въ немъ то, на чемъ не смѣлъ остановить мысли. Онъ понялъ, что она все поняла и притворялась двѣ недѣли; онъ испугался того, что прежде бывало его отрадой—откровеннаго разговора; трусливо, не искренно попробовалъ замять чувство шуткой, оттолкнуть правду, которая становилась предъ глазами.

— Что думать, мама! возразилъ онъ: — что скоро сдѣлано, то и хорошо...

Онъ остановился: вѣдь и она могла-бы, тоже шутя, возразить ему, что не все скорое хорошо, — напримѣръ — его женитьба... Онъ ужаснулся, какъ такіе мелкіе и раздирающіе душу помыслы могли закрасться въ ихъ жизнь, и, отчаянно, ужъ не зналъ какого отвѣта ему хотѣлось.

Она долго не отвѣчала; она рѣшалась. Она видѣла, что въ настоящую минуту его можетъ успокоить только обманъ; но этотъ обманъ — начало будущихъ несчастій, и что за счастіе

въ минутномъ покоѣ? Ей было невыразимо тяжело отнять у него надежду, которой у нея уже не оставалось...

Десяти французскихъ строчекъ рекомендательнаго письма Лидіи Матвѣевны и короткаго, сбитаго разсказа о томъ, какъ устроилась эта любовь—было довольно для матери, чтобы вполнѣ узнать жену сына. Жить между ними—значитъ, каждую минуту, даже единственно своимъ присутствіемъ, яснѣе выказывать весь разладъ привычекъ, понятій, вѣрованій этихъ двухъ существъ, связавшихся на вѣки... Перевоспитывать ее? Но такіе характеры, какъ Лидія Матвѣевна, не перевоспитываются, даже если бы перенесть ее въ другой кругъ, въ другую обстановку. И это не дѣло матери мужа, этой насильно навязывающейся власти. Это можетъ сдѣлать только самъ мужъ, любовью и твердостью...

Она глядѣла на сына.

— «У него нѣтъ твердости»... подумала она.

Онъ уступилъ искушенію, измѣнилъ себѣ изъ любви къ матери. Тѣмъ болѣе онъ виноватъ: матери было не нужно этой жертвы, и онъ зналъ, что не нужно; онъ зналъ, что его нравственное достоинство, его нравственное счастье для матери выше всѣхъ житейскихъ благъ. Онъ не выдержалъ перваго испытанія, въ которомъ была такая вѣрная опора. Онъ не выдержитъ никакого другого, а ихъ представится много. Онъ будетъ только несчастнѣе, когда придется выносить ихъ на глазахъ у той, которая,—онъ это знаетъ,—можетъ простить, но извинять не умѣетъ и сама перемѣниться не можетъ... Зачѣмъ-же дѣлать ему жизнь еще тяжелѣе? вѣдь у него и безъ того будутъ оглядки...

— Я не поѣду съ тобой, сказала она.

На взрывъ его печали, просьбъ, моленій и упрековъ она не проговорилась, не выдала всего, чтó передумала. Онъ былъ ей такъ дорогъ, такъ смертельно тяжко было съ нимъ разстаться, что она сама, невольно, старалась успокоить и себя, ка́къ-нибудь облегчить свое горе, позволила и себѣ заблуждаться, позволила и себѣ понадѣяться... Онъ такъ добръ, такъ хорошъ! Неужели женщина, которая его полюбила, не захочетъ сдѣлаться достойной его?..

— Дай установиться вашему житью, сказала она:—устрой мнѣ настоящее гнѣздо. Полюбите другъ друга неразрывно, сживитесь всей душой; вы еще другъ друга не узнали... Когда вы будете *одно*, тогда и я буду ваша. Ждите меня, и я подожду.

— Здѣсь? спросилъ онъ съ ужасомъ.

— Здѣсь.

— Здѣсь, какъ жила, въ этой бѣдности?

— Чтó ты говоришь? прервала она:—что-жъ я такое буду, если не возьму хлѣба моихъ дѣтей?

— Ты сказала: «дѣтей»... выговорилъ онъ, цѣлуя ея ноги.

— Дѣтей, моихъ дѣтей, повторила она...

«Что-жъ я такое буду, спрашивала она себя въ безсонную ночь послѣ этого вечера: — если отниму у него послѣднее утѣшеніе, послѣднее вознагражденіе? Онъ для меня себя продалъ, а я не приму его денегъ? Такое наказаніе будетъ хуже его вины...»

Она нашла въ себѣ новую силу, новое мужество. Она рѣшилась говорить ему то, чтó на ея мѣстѣ сказали-бы многіе, но чего она не говорила никогда: обыкновенныя слова житейскаго благоразумія,—эти, большей-частью, пошлости, которыми большинство людей оправдываетъ уступки своей совѣсти. «На этомъ человѣкѣ нѣтъ еще порока. Онъ выбралъ себѣ не суровый путь труда и самоотверженія, но *вездѣ можно остаться честнымъ человѣкомъ*»...

Она прерывалась на полусловѣ, ужасаясь сама своего отступничества. Вспомнивъ все общее прошедшее, сынъ могъ вообразить, будто она его презираетъ... она ужаснулась этой мысли. Но сынъ этого не вообразилъ. Слишкомъ эгоистически огорченный разлукой съ нею, желая найти въ ея словахъ себѣ оправданіе, поддержку, онъ не замѣчалъ, что слова были не *прежнія*, не замѣчалъ, чего они ей стоили...

Отказываясь ѣхать, чтобъ сказать чтò-нибудь положительное, она сказала, будто привыкла къ своему углу, отвыкла отъ общества.

— Я восемь лѣтъ «въ свѣтѣ» не бывала, говорила она: — дай оглядѣться. Здѣсь у меня есть знакомые, заведу еще новыхъ...

Верховской не уѣхалъ на другой день. Онъ просрочилъ съ своимъ отпускомъ, но выбралъ, нанялъ и меблировалъ для нея домикъ, скромный, уютный, изящный, такой, какой мечтался имъ обоимъ когда-то для житья вдвоемъ. Онъ еще прожилъ съ нею три дня, въ комнатѣ, которую она назвала его комнатой. Онъ думалъ, что обезумѣетъ. Ее эти дни сломили, будто годы.

— Я не уѣду... сказалъ онъ, когда почтовыя лошади ужъ ждали у крыльца.

— Поѣзжай... живи и пріѣзжай за мною, сказала она, торопя прощанье.

Она воротилась съ крыльца спокойная, холодная, безъ слезъ, но, какъ мертвая, безчувственная, чтò бы могло еще случиться съ нею. Для нея все было кончено, — всѣ надежды, вся дѣя-

тельность чувствъ, мысли, труда: милое отошло на вѣки; завѣтныя вѣрованія разбиты именно въ томъ, во что они были всѣ положены; жизнь обезпечена такимъ достаткомъ, что и руки не нужны... Для кого же и на что нужно ея существованіе?.. Она припомнила свою новенькую «житейскую мудрость» и ея успокоительныя правила, что «добро можно дѣлать на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ положеніи», и горько хохотала надъ собою. Ужъ не сдѣлаться-ли ей покровительницей, благодѣтельницей? Не искупать-ли нравственную погибель сына тайными подаяніями и выставкой благочестія? Не попробовать-ли еще привязаться къ кому-нибудь (къ чему-нибудь въ родѣ собакъ и кошекъ, она не умѣла и вообразить),—но къ кому-нибудь, къ какому-нибудь оставленному ребенку, и приняться за его воспитаніе, начать опять сначала эту радостную задачу, забыться въ ней, лелѣять, мечтать, ждать...

— О, гдѣ-же онъ, *мой*-то! вскрикивала она отчаянно..

Ей доставался еще урокъ житейской мудрости. Всѣ ея знакомые за нее радовались и поздравляли при встрѣчахъ. Эти знакомства возобновились очень-скоро и сами собою, — и изъ участія, и изъ провинціальнаго любопытства. Она должна была высказывать, что довольна; иначе, ее-бы не поняли, или, понявъ по-своему, осудили-бы ея сына... Пусть лучше смѣются надъ нею, что она обрадовалась богатству.

— Привыкать къ нему не трудно, думала она, насмѣхаясь надъ собою первая.

Она долго ждала письма отъ сына; онъ не писалъ съ дороги. Онъ въ первый разъ испыталъ мученіе, когда мы не знаемъ что сказать тѣмъ, кому прежде отдавали всю душу,—странное чувство стѣсненія, робости, въ которомъ мы себѣ не признаемся, отговариваясь сами передъ собою недосугомъ, незанимательностью окружающаго, а между тѣмъ, очень хорошо зная и помня, что для тѣхъ, передъ кѣмъ мы молчимъ, нужно только нѣсколько нашихъ строкъ и вовсе не нужно извѣстій ни о чемъ постороннемъ... Верховской написалъ ужъ изъ Петербурга. Въ его письмѣ было много новостей, о его опредѣленіи, о его домѣ, о знакомствахъ, которыя нужно сдѣлать, о представленіяхъ начальникамъ. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ писалъ всѣ эти подробности, зачѣмъ придавалъ всему важность, которой въ самомъ дѣлѣ не чувствовалъ... Студентомъ, онъ, случалось, писалъ очень подробно, цѣлые разсказы, цѣлыя сцены изъ своей жизни, даже въ драматической формѣ, даже въ перемежку со стихами, тутъ-же складно или нескладно импровизированными; если что и преувеличивалось, то преувеличивалось въ увлеченіи, весело, пылко,

молодо; шутилось по-дѣтски; дѣтски-нѣжныя названія обожаемому существу сыпались между дѣльными, честными словами выростающаго человѣка. Письма бывали некончены за усталостью, сказывавшейся въ почеркѣ, за недостаткомъ свѣчки, въ чемъ весело признавался авторъ... Теперь, письмо было дописано до конца своей изящной бумаги, но Верховской жаловался, что долженъ ѣхать со двора, а то написалъ бы больше.

— Чтожъ бы онъ еще написалъ? спросила себя мать.

Вслѣдъ за письмомъ, онъ выслалъ ей рояль. Онъ говорилъ, что его вышлетъ. Она поставила его на мѣстѣ, которое онъ назначилъ. Ни годы, ни скука уроковъ съ дѣтьми не отняли у нея привязанности къ музыкѣ; она берегла свой талантъ, зная, что онъ дорогъ ея дорогому. Она обрадовалась какимъ-то забытымъ чувствомъ радости, увидя великолѣпный инструментъ, будто что живое, родное вошло подъ ея кровлю. Но первые звуки холодомъ схватили ее за сердце. Она оглянулась съ испугомъ и не могла продолжать. Кругомъ пустота, двѣ мерцающія свѣчи, темнота изъ дверей другой комнаты — и ждать нѣкого...

Она ясно, окончательно поняла, что положила всю свою душу въ одного человѣка, и что теперь, когда для нея больше нѣтъ его, — она обязана ужиться хоть какъ-нибудь, для того, чтобъ этотъ человѣкъ могъ жить для себя. Но какъ ей жить? Она не знала куда дѣвать свои дни. Знакомства ей были въ тягость, пріятельницъ у нея не было. И собственный характеръ, и долгое отчужденіе отъ жизни и привычекъ этого общества, дѣлали, что она не находила въ немъ ни удовольствія, ни занимательности; правда, того и другого было немного. У нея былъ свой, недостигнутый идеалъ образа жизни и замѣнить его другимъ она не могла. Оставалось одно—простая пріязнь людей. Но губернское общество вообще безтактно; оно умѣло держаться порядочно съ m-me Верховской — учительницей, но растерялось отъ неожиданности, что m-me Верховская—богата, что ея сынъ женатъ на родственницѣ вліятельнаго господина, и, растерявшись, не знало какъ себя поставить. Въ ней стали заискивать, къ ней какъ-то льнули. Она чувствовала, что теряетъ способность пріязни, и тосковала. Разъ, уступая слишкомъ настоятельнымъ просьбамъ, она поѣхала на вечеръ; она была одѣта просто, скромно, не молодо; но все-таки, это былъ нарядъ и выказалъ ея необыкновенную красоту, для которой, казалось, не было возраста...

— Чего добраго, станутъ женихи свататься... сказала она себѣ съ неиспытанною злостью, уѣзжая домой.

Она испугалась въ себѣ этой злости. Надо было скорѣе спасти свое сердце. Она разсудила, что ей необходимо устроить свое житье по-старому, и если ужъ безъ радости и надеждъ, то хотя свободно. Ей былъ всегда милъ ея трудъ; она сказала въ домахъ, гдѣ давала уроки,—отъ важныхъ господъ до мѣщанъ,— что хочетъ учить по прежнему, но даромъ, и съ той разницей, что желаетъ ученицъ постарше, и не будетъ приходить сама, а проситъ ихъ приходить къ себѣ. Важныя дамы сконфузились такого «безконечнаго снисхожденія m-me Верховской», но еще больше сконфузились того, что въ ея домѣ ихъ дочки «будутъ Богъ-знаетъ съ кѣмъ»; онѣ, конечно, не выразили этого m-me Верховской, но любезно отклонили ея предложеніе. За то, для дѣвушекъ средняго и бѣднаго круга эта наставница пришлась вполнѣ по сердцу. Ея уютная гостиная обратилась въ рабочую-классную и подъѣздъ заперся для докучныхъ визитовъ. Такой образъ жизни, и въ наше время показался-бы не совсѣмъ обыкновеннымъ; въ то время, онъ былъ диковинкой. Предъ нимъ недоумѣвали. Общество сначала попробовало объяснять его хвастливою благотворительностью, кстати, не стоющей ни гроша, — но наконецъ навело справки и сообразило, что чего-нибудь стòитъ усталость шести-часовыхъ ежедневныхъ занятій не въ-шутку, не на-показъ, а добросовѣстныхъ и не приносящихъ ни гроша. Это объяснить было еще труднѣе. И въ то время, и въ наше время, было-бы безполезно, едва-ли даже не слишкомъ взыскательно требовать отъ людей обезпеченныхъ, привыкшихъ къ своему складу, не скучающихъ праздностью, чтобы они поняли, какъ можно не наслаждаться богатствомъ, томиться однообразіемъ казалось-бы веселой жизни, тяготиться своими незанятыми руками. Того, чтò довершало печаль Верховской — общество не знало и, конечно, отгадать не могло,—но если бы и узнало, то поняло-бы еще меньше. Общество рѣшило коротко и просто: «Это женщина оригинальная, странная; забыла какъ люди живутъ; можетъ-быть, отъ несчастій, отъ бѣдности, а теперь, вотъ, отъ неожиданнаго благополучія — немножко помѣшалась. Это бываетъ»...

Она осталась одна, спокойная и свободная. Ее не испугало однообразіе трудовой жизни. У нея оставалось еще довольно незанятого времени, въ которое она выходила, видалась съ родными своихъ ученицъ и читала. Сынъ высылалъ ей множество книгъ. Сказавъ себѣ, что не заниматься музыкой—сантиментальность, а не пользоваться именно тѣмъ подаркомъ, который сынъ выбиралъ съ особенною любовью—обида сыну, она открыла его рояль и играла, изучала одна, для себя, для искусства. Пришла

весна. Верховской, нанимая домъ, помнилъ, что необходимъ и садъ! онъ выслалъ сѣмянъ и луковицъ. Садъ былъ убранъ прелестно. Мать не оставила его на попеченіи одного садовника; она занялась и сама. Вообще, она брала все, что̀ представлялось ей по вкусу, по привычкамъ, *добросовѣстно* наполняла свою жизнь. Эта жизнь была, для многихъ, по справедливости завидная...

Она была одна. И всякій день, — она это чувствовала, — больше закрѣплялъ ея одиночество. Ей было не съ кѣмъ подумать, не съ кѣмъ сказать слова. Слова книгъ складывались въ ея памяти, какъ добро никому ненужное, кромѣ ея самой; но она уже воспользовалась имъ, а нераздѣленное впечатлѣніе, не животворя, а измучивъ, угасало понемногу. Въ обществѣ нечего было-бы и искать отвѣта: въ тѣ годы оно самымъ презрительнымъ образомъ смѣялось надъ какимъ-бы то ни было знаніемъ; люди бѣдные, близкіе Верховской, не стали-бы смѣяться, но, необразованные, все равно-бы ее не поняли; съ своими ученицами, дѣвушками отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ ей пришлось-бы только слушать самую себя. Ея умъ изнывалъ. То, что̀ было на сердцѣ—ужъ и вовсе нельзя было никому довѣрить...

Прежде, все ожидая счастья, она и въ бѣдности, сколько могла, заботилась о своемъ здоровьи. «Сохрани Богъ занемочь; Андрей голову потеряетъ». Теперь ей отозвались всѣ прошлыя лишенія, а ежедневная нравственная мука не давала замѣчать болѣзни. Когда эта болѣзнь сказывалась сильнѣе, Верховская съ досадой говорила себѣ, что это блажь богачки. Она догорала, не обращая на это вниманія. У нея темнѣло въ глазахъ за книгой, ее раздражала музыка,—она думала, что это отъ скуки. Ее тяготили уроки и безпокоилъ неизбѣжный, веселый говоръ учениць,—она упрекала себя въ лѣни и эгоизмѣ. Уставъ отъ недолгой прогулки въ своемъ саду, она была рада лечь въ постель, но была увѣрена, что не устала-бы, еслибы провела вечеръ не одна. Ночи были безсонныя. Она пробовала занимать ихъ чтеніемъ, работой,—но это выходило продолженіе того-же безконечно тяготящаго, одинокаго дня...

И прежде, цѣлые четыре года она была одна. Но она ждала. Какая прелесть въ ожиданіи, въ откладываніи и бережи чувствъ, впечатлѣній, думъ, когда ими надѣемся подѣлиться! Теперь—все замолкло кругомъ, все мертвое. Надъ этимъ довольствомъ нѣтъ надежды, свѣта, любви. О, ка̀къ бы сейчасъ она промѣняла его на тѣ годы, когда зябла и голодала! Всякая подробность воспоминанія, всякая мелочь оставшаяся отъ прошлаго, полевой цвѣ-

токъ забытый въ старой книгѣ, тетрадь нотъ переписанная Андреемъ, всякая бѣдная вещь, сохраненная среди богатаго хозяйства,—все было ей дорого, свято, все становилось между ею и настоящимъ. Она принуждала себя привязаться къ настоящему и не могла; дѣлала все, чтобы съ нимъ примириться—и все напрасно, старалась забыться и была не въ силахъ; разбирала себя съ своею обычною строгостью, напоминала себѣ свою обязанность передъ сыномъ, заставляла себя смиряться, говорила себѣ, что должна, какъ тысячи простыхъ людей, быть благодарна за ниспосланный кусокъ насущнаго хлѣба... Этотъ хлѣбъ былъ даровой, излишній и одинокій!..

Сынъ писалъ ей каждыя двѣ недѣли. Аккуратность отучаетъ отъ ожиданій. Ожиданіе, нечаянность были-бы, можетъ-быть, благодѣтельнымъ волненіемъ для этой истомившейся женщины. Вмѣсто нихъ, у нея мелькнула догадка:

— Ужъ не дѣлаетъ-ли онъ себѣ обязанности, изъ переписки со мною?

Она не совсѣмъ ошибалась...

Онъ воротился отъ матери съ полной тяжестью чувства разлуки, съ нимъ переступилъ свой порогъ и первое слово женѣ было:

— Матушка не поѣхала.

— А!.. сказала Лидія Матвѣевна.

Она была такъ рада его возвращенію; столько было хлопотъ, столько дѣла, столько разсказовъ, столько вопросовъ, — любитъ-ли онъ ее, — столько народу кругомъ, столько новыхъ вещей надо было показать, столько счетовъ свести, что голова у нея кружилась,—какъ она увѣряла и ни о чемъ его не спрашивала. Онъ это очень замѣтилъ. Она не замѣчала въ немъ никакой перемѣны. Исполняя прощальное приказаніе матери, Верховской старался привязать къ себѣ жену и потому былъ терпѣливъ на мелочи и ласковъ. Лидія Матвѣевна была въ восхищеніи; не оставалось посторонняго, кому бы она не говорила, какой у нея «душка мужъ», не разсказывала его угожденій, не сочиняла цѣлыхъ его рѣчей, цѣлыхъ сценъ, не хвасталась его ласками. Она была-бы ревнива до бѣшенства, но къ полнѣйшему своему благополучію, не видѣла и тѣни повода ревновать: Верховской былъ слишкомъ отуманенъ новою жизнью, слишкомъ озабоченъ сердечно. Онъ былъ неловокъ съ женщинами, покрайней-мѣрѣ, съ женщинами кружка гдѣ вертѣлся. Страстная нѣжность жены какъ-то смѣшно его ограждала, но хотя-бы и

не было этого огражденія, Верховской смотрѣлъ на любовь слишкомъ строго и серьезно, тяжело думалъ о будущемъ и, стараясь узнать, полюбить свою жену,—не сталъ-бы искать забавы отъ-нечего-дѣлать.

Лидія Матвѣевна была очень счастлива. Она хозяйничала, распоряжалась своимъ домомъ, повелѣвала, капризничала, наряжалась, знакомилась, выѣзжала и принимала гостей съ утра до вечера. Ей было очень грустно принадлежать только къ «чиновничьей аристократіи»; она вознаграждала себя тѣмъ, что важничала, отыскала двухъ-трехъ институтскихъ подругъ титулованныхъ и не очень богатыхъ, была съ ними на *ты* и щеголяла въ ихъ салонахъ, доставляя себѣ наслажденіе удивлять ихъ, когда приглашала къ себѣ. Постоянно наряжаясь и получая комплименты, Лидія Матвѣевна воображала себя красавицей, а своего мужа влюбленнымъ. Въ очарованіи своей страсти, она вообразила еще, что мужъ нарочно не привезъ матери, чтобъ не стѣснять молодую жену и сдѣлать ей угодное. Лидія Матвѣевна сообщила это генералу Зурову, правда, какъ тайну, но за то не въ видѣ своей догадки, а какъ положительный фактъ. Генералъ пріятно посмѣялся и сталъ очень любезенъ съ племянникомъ. То хитря, то не понимая мужа, Лидія Матвѣевна объясняла родственникамъ его холодность какъ неловкость, непривычку къ «хорошему» обществу. Это извиняли и обходились съ нимъ такъ дружелюбно, что безъ рѣзкой неучтивости было невозможно не отвѣчать тѣмъ-же. Невозможно было отказывать женѣ, когда она, то хитря, то нѣжничая, безпрестанно возила его въ общество, заставляла знакомиться, заставляла веселиться. Уступая ей, уступая и собственной молодости, Верховской увлекался и веселился. Искушеніе было велико въ двадцать-два года, жизнь заманивала, средства были подъ рукою, времени было много.... Правда, Верховского какъ будто утомляло бездѣлье, круженье цѣлаго дня, послѣ немногихъ часовъ безполезной службы, какъ будто было совѣстно и самой службы,—но въ то-же время было какъ-то невозможно перемѣнить это, повести день на другой ладъ; одно было не въ его власти, другое—огорчило-бы жену. Огорчать жену на первыхъ порахъ, за то, что она хочетъ повеселиться—и несправедливо, и не средство, чтобъ привязать ее къ себѣ; она оглянется сама на пустоту этого веселья...

Но она не оглядывалась, она только входила во вкусъ, между тѣмъ какъ Верховскому становилось скучно отъ этого преходящаго минутнаго веселья, которое никогда не хотѣлось ни вспомнить, ни повторить, и которое напоминалось, повторялось безъ

желанія, безъ сознанія и забывалось опять, оставляя оглядку, что въ этой пустотѣ проходитъ жизнь....

Онъ рѣшился высказать это женѣ. Вышла сцена.

— Ты недоволенъ этимъ образомъ жизни? Какого-же ты-бы еще хотѣлъ? Развѣ ты знаешь лучше?....—Извини, André, я не способна быть un bas-bleu и не желаю! я предоставляю это другимъ....—Не требуй отъ меня невозможнаго....

Онъ разобралъ, послѣ этой сцены, что она любитъ его больше нежели онъ ее,—любитъ какъ можетъ и умѣетъ.... Зачѣмъ она такъ мало можетъ и такъ мало умѣетъ!... Строгость съ нею не поведетъ ни къ чему и невозможна. Онъ рѣшился, безъ напрасныхъ жалобъ, сценъ и траты словъ, выждать, чтò скажетъ время, сторожить за собою, не облѣниться, не опошлиться, сберечь свои силы, свой протестъ окружающему, свое негодованіе на себя.

«Пусть она лучше меня узнаетъ....» думалъ онъ.

Ему досталось узнавать ея характеръ. Какъ бòльшая часть молодыхъ людей, воспитанныхъ кроткими женщинами и нѣсколько мечтательныхъ, Верховской не могъ взять въ толкъ причудъ, мелочности и злости жены; онъ дивился и не вѣрилъ. Разглядѣвъ, ему было совѣстно вступаться; онъ боялся, можетъ быть, огорчить. Такое «можетъ быть»—великая остановка: у мелкихъ людей и горе по ихъ росту; мелкій человѣкъ будетъ несчастенъ.... достанетъ-ли духу сдѣлать чужое несчастье? А огласка?... Родственники зорко и обидно слѣдили за ихъ супружескою жизнью; Верховской подмѣтилъ это. Негодованіе вспыхнуло и улеглось: чтòжъ будетъ послѣ огласки? Разрывъ, а дальше?... Онъ отчаянно, но безпощадно заставилъ себя сознаться, что у него уже нѣтъ силъ отказаться отъ этой жизни, что эта пустота, за которую онъ отдалъ все свое счастье, втянула его, закупила своимъ привольемъ....

У него не было мужества разсказывать все это матери; онъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ себѣ обязанность обманывать ее сколько могъ, хотя, по прежнему, зналъ, что ей нужны не утѣшенія, а правда; что самая горькая правда обрадовала бы ее какъ доказательство вѣры въ ея твердость, — слѣдовательно, его собственной твердости; хотя зналъ, что его искренность была бы доказательствомъ любви, безъ которой томится его мать.... У него явилось совсѣмъ новое чувство — стыдъ. Онъ отъ-роду не зналъ его ни передъ кѣмъ, а теперь испытывалъ передъ нею, передъ этою совѣстью, любовью, совершенствомъ.... Пусть лучше она ничего не знаетъ! Она еще не обвиняетъ его, не потеряла вѣры въ него! Но покаяться, что грѣхъ опуталъ—кому изъ нихъ будетъ тяжелѣе?.... Онъ страдалъ, но не признавался....

Онъ забывалъ, что она умѣла читать между строками....

Время шло скоро и не производило перемѣны, только прочнѣе складывало этотъ образъ жизни, крѣпче стягивало эти отношенія. Зимой, Лидіи Матвѣевнѣ было необходимо веселиться, весной стало необходимо нѣжиться, а противорѣчить ей въ чемъ-нибудь сдѣлалось уже совершенно невозможно: она была беременна. Верховскому опять мелькнула надежда; еще не все пропало; съ рожденіемъ ребенка все пойдетъ иначе, жена пойметъ его, новая, общая, милая обязанность соединитъ ихъ новою любовью. Онъ заранѣе обожалъ своего ребенка; жена становилась ему милѣе, когда онъ воображалъ свою прелестную мать надъ этой будущей колыбелью, мать, вѣчно-молодую, ненаглядную радость. Онъ падалъ на колѣни при мысли объ этомъ счастьи; примиреніе, прощеніе, новая жизнь мерещились ему и охватывали такимъ свѣтомъ, такой полнотой ощущеній, что не было словъ для нихъ и сердце замирало сладко, такъ сладко, какъ, казалось, ужъ отучилось замирать.... Онъ съ страннымъ удивленіемъ это замѣтилъ; онъ оглянулся, что забылъ самое ощущеніе радости; что незамѣтно отвыкъ отъ плановъ и мечтаній о подробностяхъ, о тѣхъ бездѣлицахъ, которыя придаютъ счастью, конечно, небольшую цѣну, но что-то праздничное и оживляющее, безъ чего и самое счастье входитъ въ обрядъ и принимается холоднѣе.... Его поразила эта оглядка. Чтобы скорѣе избавиться отъ всего, что она поднимала въ душѣ, онъ схватился исполнить свое завѣтное желаніе.

— Лидія, сказалъ онъ ей:—я пошлю эстафетъ мамѣ, чтобъ она пріѣзжала крестить нашего будущаго.

Лидія Матвѣевна поблѣднѣла, что̀ было у нея выраженіемъ сильнѣйшаго гнѣва, но что̀ неопытный супругъ принималъ всегда, а теперь принялъ въ особенности за болѣзненное разстройство. Онъ даже нѣсколько смутился.

— Она не успѣетъ пріѣхать, произнесла Лидія Матвѣевна очень отчетливо.

— Всего три недѣли, даже меньше, на посылку письма и ея пріѣздъ.

— Не успѣетъ, повторила Лидія Матвѣевна.

— Такъ подождемъ съ крестинами.

— А ты можешь поручиться, что я не умру? Спросила она, съ тѣмъ-же спокойствіемъ, но съ блѣдностью уже смертельною.

— Полно, Лидія, Богъ съ тобой! возразилъ онъ, испугавшись.

— Ты долженъ ко всему приготовиться, продолжала она.— Ты мало обо мнѣ думаешь. Но, если я и останусь жива,— въ

чемъ я очень сомнѣваюсь!—до того-ли мнѣ тогда будетъ, чтобы знакомиться съ особой, о которой я понятія не имѣю, заботиться, чтобъ ей было у меня покойно, думать, какъ ей угодить, какъ не сказать лишняго слова.... Въ болѣзни отвѣчать за себя нельзя, а кто знаетъ, какъ она приметъ.... Почему я знаю, что̀ она вообразитъ; какія у нея привычки, какой характеръ....

— Какой ты вздоръ говоришь! прервалъ онъ, не выдержавъ больше.

— Какъ? Что̀... и она съ воплемъ залилась слезами.—Теперь я вижу—ты меня не любишь! Ты нарочно выбралъ такую минуту, чтобъ меня мучить! Ты хочешь моей смерти! Я знала, что такъ будетъ! И лучше умереть, лучше умереть!

Ему осталось только успокоивать ее въ нервномъ припадкѣ, пославъ за докторомъ и тетушкой. Докторъ имѣлъ свои причины дорожить этой практикой, а потому прямо объяснилъ Верховскому, что онъ убьетъ жену, если тотъ чѣмъ-нибудь еще разъ ее потревожитъ. Тетушка кротко, но выразительно, сказала ему только, что она «этого отъ него не ожидала». Дядюшки, генералъ и департаментскій, явившіеся вслѣдъ за тетушкой, ничего не сказали, но глядѣли на Верховского какъ на преступника. Верховской былъ еще слишкомъ молодъ и не зналъ настоящей цѣны женскихъ нервныхъ припадковъ; онъ былъ испуганъ, смущенъ, огорченъ; ему стало тяжело будто въ самомъ дѣлѣ виноватому. Лидія Матвѣевна нѣсколько дней притворялась разстроенною. Она была изобрѣтательна, и, въ присутствіи тетушки, сплела мужу сплетню, будто генералъ Зуровъ по секрету признавался ей, что онъ и его сестра въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ и едва-ли могутъ когда-нибудь примириться. Верховской, конечно, удивился, что никогда ничего похожаго не слыхалъ отъ своей матери.

— Вѣроятно, изъ деликатности, maman не хотѣла тебя огорчать, сказала Лидія Матвѣевна. Но дядя такъ благороденъ! прибавила она, спохватившись, что слишкомъ нѣжно выразилась о maman. Дядя никогда не говоритъ о ней ни слова! Онъ такъ меня полюбилъ. Для чего ты хочешь это разстроивать? Для чего ставить меня между двухъ огней?... Напиши, спроси свою мать!...

— Я не осмѣлюсь спрашивать ее письменно о томъ, чего она сама не открывала мнѣ во всю жизнь, возразилъ Верховской.

— Видишь-ли, стало быть, я права! сказала Лидія Матвѣевна, въ радости, что такъ безошибочно разочла успѣхъ своей сплетни,

и увидя входящаго генерала, протянула ему ручку и запищала своимъ институтскимъ, звонкимъ голоскомъ.

— Oncle, здравствуйте! Вы не очень на меня сердиты, за то, что скоро дѣдушка? Вы окрестите внучка, вотъ, съ тётей? Я потому прошу тётю, что она добрая, не дастъ вамъ, злому, усатому, проглотить моего ребеночка....

Вскорѣ послѣ этого, мать Верховского получила отъ него неожиданно слѣдующее письмо:

— «Мама, у меня родился сынъ. Его крестили Зуровъ съ женой Каруцкаго. Назвали—Элимъ. Аристократично и поэтично. Какой-то князь Элимъ сочинилъ какія-то *«Черныя Розы»*. Я съ ума схожу. Брошу все и уѣду къ тебѣ».

У нея изъ рукъ выпало это письмо.

Что онъ не можетъ отвязаться отъ своихъ покровителей, что онъ не воленъ назвать своего ребенка какъ хочетъ, — все это только обыкновенныя послѣдствія его положенія. Но это рабское подшучиваніе, но эта жалоба, которая доказываетъ, что если онъ и бился, то не съ людьми, а одинъ, о стѣну головою; но это неисполнимое *брошу все* — рѣзкость, которая говорится именно потому, что рѣзкія слова, утомивъ, надорвавъ душу, даютъ ей какъ-будто законный предлогъ опять затихнуть и успокоиться на томъ, что есть.... Вотъ оно, полное нравственное безсиліе!

Она позволила себѣ плакать. Прежде она никогда не знала слезъ. «Какой вздоръ, слезы, говорила она бывало, въ это золотое время. Только глаза портить. И о чемъ? Чего недостаетъ, что такое Богъ отнялъ? Есть хлѣбъ насущный — и ни у кого неотнятый, заработанный, свой по праву. Есть добрые люди, которые уважаютъ и любятъ, а въ неожиданной бѣдѣ—сказать имъ слово—помогутъ. Есть радость, свѣтъ, сокровище—любовь, ради которой жизнь мила, изъ которой безконечно черпаются силы и ей-же отдаются. О чемъ плакать, когда живется полно и, при самомъ строгомъ судѣ—безупречно?»

А теперь—праздная, ненавистная, позорная сытость, и отказаться отъ нея нельзя; она куплена цѣною той души, для которой жилось на свѣтѣ!

«Если бы.... ну, если бы такъ случилось, говорила она, мечась въ жару безсонной ночи, въ которую десять разъ хваталась за короткое письмо сына и не имѣла мужества развернуть его и перечитать: — несчастія всякія бываютъ. Если-бъ *тогда* случилось несчастіе, ну, самое ужасное, такое, въ кото-

ромъ мысль уничтожена, руки связаны и нищета неизбѣжна,— ссылка. За что́-нибудь, куда-нибудь далеко. Полугодовая ночь, снѣга́, темная изба.... Такъ что̀жъ? я убирала-бы его избу, стирала-бы его рубашки. Богъ надо всѣми. Жили-бы вмѣстѣ, ждали-бы.... Если бы даже онъ умеръ, — что-жъ, и я за нимъ. Для кого-же мнѣ жить?...»

Она такъ знала, такъ вѣрила, что нужна ему, что ни на минуту не могла допустить мысли—умереть раньше его. Ей никогда даже не мелькнуло эгоистическое желаніе умереть, чтобъ отдохнуть.... Потому она съ ужасомъ взглянула на себя, когда утромъ, шатаясь, едва встала съ постели.

Скоро она убѣдились сама и заставила своего доктора сказать прямо, что ей жить не долго.

— Съ полгода? спросила она, не то смутясь, не то оробѣвъ, но испытывая странное, еще незнакомое ощущеніе.

Онъ промолчалъ.

— Меньше?... Что̀-жъ, такъ и быть, сказала она съ искреннимъ мужествомъ предъ своимъ приговоромъ и невыразимой тоской за сына.

Она подумала, что умретъ осенью и еще успѣетъ его *приготовить*. Прежде она не разъ смѣялась этому глупому слову, и повторила его теперь съ такимъ же презрѣніемъ: она знала, какъ тяжелъ ударъ, знала, что ничѣмъ нельзя облегчить его. Ей стало еще противнѣе, еще мучительнѣе ея житье, еще милѣе все несбывшееся. Ей захотѣлось умереть среди блаженства, о которомъ она молилась и мечтала, для котораго трудилась столько лѣтъ. Черство и рѣзко сказала она себѣ, что ненавистныя деньги, разлучившія ее съ сыномъ, должны дать ей хоть послѣднее утѣшеніе—насмотрѣться на сына. Она написала ему, что больна и чтобъ онъ пріѣхалъ.

Письмо шло недѣлю. Верховской получилъ его утромъ и выѣхалъ черезъ два часа, безъ отпуска, безъ спроса у своего начальства, сказавъ только женѣ и то въ-торопяхъ: Лидія Матвѣевна уѣзжала по желѣзной дорогѣ въ Царское-Село, обѣдать и танцовать въ лагерь у дядюшки генерала.

Черезъ недѣлю, Верховской былъ съ матерью.

Она не ждала его такъ скоро, но совладѣла съ своей слабостью и волненіемъ и выбѣжала на крыльцо, завидя, что онъ подъѣхалъ... У него въ памяти вѣчно осталась она, какъ стояла, въ бѣломъ, ея распустившіеся золотистые волосы, ея вспыхнувшія щеки, ея божественный взглядъ, весь ея образъ въ свѣтѣ вечерняго солнца. Онъ схватилъ ее на руки и внесъ въ комнаты; онъ не надѣялся застать ее живую.

— Какъ ты похорошѣлъ! сказала она бодро и радостно, не чувствуя ничего кромѣ счастья, что онъ тутъ, съ нею, подумавъ, что вовсе не больна, что вызвала его изъ прихоти,—и въ ту-же секунду весело сказавъ себѣ, что отлично сдѣлала, но все-же надо покаяться и скорѣй его успокоить.

— Виновата, милый! я тебя напугала, а ты тотчасъ на перекладную! Виновата! Я здорова, гляди: противъ зимы, я даже поправилась. Это только такъ, сегодня, и... и я обрадовалась, ну, признаюсь,—сердце упало. Пройдетъ. Покажись еще. Разсказывай; все разсказывай, и хорошее и дурное. Вѣдь мы одной душой живемъ, ты тамъ, а я здѣсь.... О, сладко намъ съ тобою жилось!... Все разсказывай; молчать некогда....

Точно, было не время молчать, но и не разсказалось ничего: было некогда разсказывать. И онъ, и она были всѣ въ своемъ общемъ прошломъ, въ своихъ настоящихъ минутахъ; забывали какъ сонъ и промежутокъ разлуки и все, что̀ въ немъ совершилось, или обходили это, будто что̀ докучное, ненужное, чего поднимать не хотѣлось, о чемъ еще будетъ время позаботиться. Обоимъ не хотѣлось вѣрить и цѣлыми днями не вѣрилось, что близка другая разлука. Только вечерніе косые лучи и длинныя тѣни всякій разъ будто болью охватывали Верховского, и всякій разъ, уводя мать изъ сада, ему думалось, что однимъ днемъ еще стало меньше...

Пришелъ и послѣдній день. Онъ былъ свѣтлый, солнечный до самаго заката. Ея душа улетѣла въ ту минуту, какъ исчезло солнце. Верховской отошелъ отъ постели, гдѣ лежало то, что̀ было его жизнью, его разумомъ, его радостью. Онъ отворилъ окно. Въ переулкѣ проходили люди, въ церкви звонили всенощную. Онъ подумалъ, неужели есть еще люди, которые живутъ и могутъ молиться?

Она унесла съ собой его молодость. Въ одно мгновеніе все и всѣ стали ему чужды и ненавистны. Жизнь ужаснула; мелькнула мысль покончить съ нею.... И въ самомъ дѣлѣ, кому онъ нуженъ?

— Ты была не одна, выговорилъ онъ, блѣдный какъ то лицо, въ которое вглядывался: — тебѣ хорошо было....

И не докончивъ упрека, онъ упалъ передъ ней на колѣни....

Онъ похоронилъ ее. Губернскій городъ ожидалъ парадныхъ обрядовъ. На нихъ разсчитывали, какъ на случай познакомиться съ молодымъ богачемъ: съ самаго пріѣзда Верховского, у нихъ не принимали никого, но когда въ домѣ покойникъ—двери всѣмъ открыты. Къ панихидамъ пріѣзжали дамы высшаго кружка, въ прекраснѣйшихъ траурныхъ и туалетахъ важные господа, хорошо

помнившіе, что Верховской женатъ на племянницѣ директора департамента. Верховской не встрѣчалъ никого и уходилъ въ комнату матери. Это еще объясняли его горестью, но когда узнали, что пригласительныхъ билетовъ не заказано, что Верховскую отпѣваютъ и хоронятъ въ раннюю обѣдню, въ бѣдной, загородной кладбищенской церкви, — то приняли это за обиду. Верховскую проводили бѣдняки, которымъ она была своя, которые не пожалѣли потратить свое трудовое утро на прощанье съ труженицей. Ихъ было много. Въ толпѣ мелькали молодыя, расплаканныя личики *ея* учеництъ. Верховской вдругъ вспомнилъ жену. Онъ подумалъ, что, можетъ быть, здѣсь, между ними, та, которую мать выбрала бы ему въ подруги,—та, которая теперь плачетъ надъ нею. Онъ подумалъ, что, вотъ, *его люди*, и что къ нимъ ему нѣтъ возврата. Конечно, нѣтъ. Онъ такой важный, богатый баринъ.... Ему вдругъ бросилось въ глаза, что передъ нимъ стѣснялись, его будто боялись безпокоить; сочувствіе къ нему было, можетъ быть, искреннее, но какое-то робкое, подобострастное....

«Если у кого-нибудь изъ нихъ умретъ мать, меня не позовутъ на похороны», сказалъ онъ себѣ съ холодной злобой, которая все больше и больше набѣгала ему въ сердце.

Эта злоба помогла ему вынести горе. Онъ зналъ, что въ его волѣ и власти было прожить, можетъ быть, много лѣтъ съ матерью, въ честномъ кружкѣ людей трудовыхъ, людей образованныхъ, людей по душѣ. Если сдѣлалось не такъ — онъ самъ виноватъ. Но при всемъ полномъ сознаніи, никто себя не обвиняетъ до конца, а горе — тѣмъ меньше: оно не въ силахъ еще накладывать на себя руки упреками и ищетъ оправдаться. Жена, ея родные, ея общество — могли бы, должны были бы быть лучше. Виноваты они, а не несчастный, который имъ довѣрялся. Верховской ненавидѣлъ ихъ. Онъ метался одинъ въ опустѣломъ домѣ, безумно повторяя, что не выйдетъ изъ него, не воротится *туда*....

— Чтожъ ты этого прежде не сдѣлалъ? вскрикивалъ онъ.

Отчаяніе подняло въ немъ неожиданную, злобную, но твердую силу. Изъ его положенія нельзя было избавиться; онъ рѣшился не пользоваться его выгодами. Во всемъ виноваты проклятыя деньги,—не надо ихъ. Есть средство жить, не одолжаясь женѣ: служба. Правда, мѣсто далъ женинъ дядюшка, но это только должное: человѣкъ, котораго способность признавала *она* (Верховской оглядывался на ея пустую постель), стоитъ мѣста и повыше. Можно пользоваться безъ угрызеній совѣсти. Жалованьемъ

можно жить безъ спроса и отчета; нужно только повѣрнѣе считаться....

«Считаются враги».... пролетѣло въ его памяти. Это слово сказала когда-то его мать.

— О, но вѣдь тебѣ хорошо было! вскричалъ онъ, рыдая:— тебя обожалъ всякій, кто хоть разъ тебя встрѣтилъ!..

Онъ принялся за счеты, тутъ же, въ эти дни. Все, что̀ онъ присылалъ матери денегъ и вещей, бывало изъ его собственнаго жалованья; еще не прослуживъ и года, онъ, неизвѣстно за какія заслуги, ужъ получилъ награду. Онъ былъ долженъ женѣ только то, что̀ привезъ матери въ свой первый пріѣздъ.

— Я выплачу, сказалъ онъ:—моя мать ей ничего не будетъ сто́ить.

Онъ взялъ себѣ ея старыя книги, старыя ноты, старый памятный рабочій ящикъ съ недоконченнымъ вышиваньемъ; онъ имѣлъ мужество собрать письма, записки, то, въ чемъ именно выражается и отражается жизнь, смотрѣлъ на эти листки.... память счастья, будто что̀ живое, крѣпко и больно цѣплялась за сердце; смотрѣлъ на свои ученическія тетради съ ея замѣтками, на свои юношескія письма, сбереженныя съ такою нѣжностью.... О, гдѣ эта молодость, гдѣ ея любовь?... Письма послѣдняго года были тоже сложены и спрятаны бережно.... но почему она положила ихъ не вмѣстѣ, не въ старую шкатулку отца, а въ этотъ портфель съ перламутромъ и золотомъ, щегольской, сіяющій, гдѣ кромѣ ихъ нѣтъ ничего?... Взять, сохранить все это невозможно такъ, чтобъ не притрогивались чужія руки....

Онъ перечитывалъ и жегъ цѣлую ночь. Рано утромъ, онъ пошелъ къ кладбищенскому священнику, *ея* духовнику, котораго она называла хорошимъ человѣкомъ.

— Я уѣзжаю, сказалъ ему Верховской:— возьмите все, что̀ осталось въ домѣ; оставьте себѣ, раздайте кому хотите; вы знаете, кого она любила и кому что̀ нужно.

Отъ священника онъ прошелъ къ ея могилѣ. Туда привезли всѣ кусты розъ съ клумбы, у которой онъ и она сидѣли въ послѣдній разъ. Верховской помогъ рабочимъ пересадить ихъ кругомъ деревяннаго креста и поставить деревянную рѣшетку. Когда все было кончено, онъ сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ, не заѣзжая въ городъ, не оглядываясь на пустой домъ видный издали, на садъ, гдѣ на мѣстѣ пышнаго цвѣтника чернѣла свѣжая яма....

Онъ возвращался другимъ человѣкомъ. Мать не порадовалась бы такой перемѣнѣ....

Лидія Матвѣевна получила отъ него только одно письмо во все это время, тотчасъ по его отъѣздѣ. Она была рада, что онъ не писалъ: извѣстія о болѣзни такой близкой родственницы заставляли бы, ради приличія, отказываться отъ разныхъ удовольствій. Мысль, что надо одѣться въ сукно на цѣлый годъ—первая промелькнула у нея, когда она увидѣла мужа.

— C'est fini? спросила она, идя за нимъ въ его комнату.

Верховскому хотѣлось ее выгнать. Онъ ничего не сказалъ.

Лидія Матвѣевна конфузилась. У нея былъ, по-своему, твердый характеръ и притворяться печальной она не желала: это, во-первыхъ, было бы довольно трудно, а во-вторыхъ, много обязывало впослѣдствіи. Но сказать что-нибудь было необходимо изъ приличія.

— Le monument est joli? спросила она.

Верховской поднялъ на нее глаза.

— Est-ce qu'il s'est trouvé quelque chose de convenable dans cette petite ville...., продолжала она.

— Никакого нѣтъ монумента, прервалъ онъ по-русски, понявъ ее наконецъ. — Выйди, сдѣлай одолженіе; здѣсь уберутъ мои вещи....

Такъ начались его новыя отношенія....

Когда онъ воротился съ кладбища, гдѣ зарылъ свою мать, ему не казалось такъ пусто, какъ въ этомъ убранномъ, богатомъ домѣ. Что-то черное, чернѣе и глубже могилы раскрывалось предъ нимъ. Точно будто въ первый разъ оглянулся онъ, въ первый разъ понялъ все это страшное нравственное разстояніе; все, что передумалось прежде, было ничто въ сравненіи съ сознаніемъ настоящей минуты.... Одна кровля, одинъ столъ, одна комната—а не дальше была бы для него эта женщина, еслибъ она была на другой планетѣ, не пустѣе было бы кругомъ, еслибъ вовсе ея не было! Пусто,—а отъ нея тѣсно. Ребенокъ.... Онъ о немъ и не вспомнилъ. Ничего не нужно. Ему стало какъ-то жутко; ненависть его душила.... Онъ заперся у себя одинъ.

Но утромъ надо было, наконецъ, и выдти. Онъ засталъ Лидію Матвѣевну въ хлопотахъ съ модисткой. Столы были завалены чернымъ сукномъ и чернымъ крепомъ.

— Это совсѣмъ напрасно, Лидія, сказалъ онъ:—я не хочу, чтобъ ты носила трауръ.

5*

Она посмотрѣла на него съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Да, повторилъ онъ:—не надо. Ты меня очень обяжешь.

— Какъ ты хочешь, отвѣчала она.

— И прошу не перемѣнять ничего въ твоемъ образѣ жизни. То, что случилось, до тебя не касается.

Она не спросила причины и покорилась очень охотно. Все пошло по прежнему. Ни родственники, ни знакомые, никто не помянулъ ни слова Верховскому о «томъ, что случилось». Это его злобно, мучительно радовало. Эти люди не стóили, чтобъ онъ позволялъ имъ даже назвать его мать. Онъ думалъ только, какъ скорѣе разорвать съ ними свою связь....

Разсчетъ загубилъ его жизнь, разсчетъ сталъ мерещиться ему во всемъ. Верховской сдѣлался мелко подозрителенъ; онъ видѣлъ намеки или попреки въ незначащихъ словахъ, которыя гораздо законнѣе могли бы отвратить своею пошлостью, еслибъ онъ о ней подумалъ. Но онъ уже не думалъ ни о пошлости, ни о нелѣпости, ни объ испорченности этихъ людей, не выказывалъ ни въ чемъ своего характера, не предлагалъ и не отстаивалъ ни одного своего мнѣнія. Онъ только *считался*, какъ будто въ счетѣ была вся его независимость. Когда годъ назадъ, въ первое время брака, Лидія Матвѣевна выказывала себя госпожей, Верховской находилъ неделикатнымъ ей противорѣчить; позднѣе, оспариваніе первенства казалось ему презрительно и смѣшно; теперь, онъ рѣшилъ коротко и злобно:

«Я ея управитель по довѣренности и ничего больше».

Упорно начавъ одинъ разъ, онъ не останавливался. Его это какъ-то тѣшило. Насмѣшливо предложилъ онъ Лидіи Матвѣевнѣ, что будетъ вносить изъ жалованья на свое содержаніе въ общій расходъ. Она согласилась такъ просто и натурально, какъ будто удивляясь, что это давно не пришло ему въ голову; она даже помогла ему разобраться и сообразиться въ этой смѣтѣ общаго расхода. Напримѣръ, за пользованіе квартирой, отопленіе и освѣщеніе, которыми Лидія Матвѣевна была обязана службѣ своего супруга, супругъ освобождался отъ издержекъ на экипажъ и могъ пользоваться имъ безплатно. Были обсуждены всѣ статьи хозяйства, затраты на удовольствія, непредвидѣнные случаи. Верховской выслушивалъ молча и отвѣчалъ хладнокровно. Онъ напомнилъ о деньгахъ, взятыхъ имъ годъ назадъ на поѣздку къ матери и ея устройство, и предложилъ дать въ нихъ вексель. Лидія Матвѣевна нашла, что вексель — излишнее, но приняла проценты за прошлый годъ и слѣдующій.... Выходя изъ ея кабинета, Верховской еще разъ поклялся себѣ, что не будетъ стóить женѣ своей ни одного гроша.

Въ качествѣ управляющаго, онъ поставилъ себѣ въ обязанность аккуратно и во всякой мелочи спрашивать приказаній Лидіи Матвѣевны; онъ даже записывалъ болѣе сложныя. Это ей очень нравилось. Онъ никогда не спорилъ. Чувствуя, что внутренно ежеминутно раздраженъ, онъ тѣмъ болѣе сдерживался наружно, и никто, въ особенности жена, не могъ-бы упрекнуть его ни въ одной вспышкѣ, ни въ одной неровности обращенія. Онъ дѣлалъ все, что ей было угодно, исполнялъ малѣйшія ея прихоти, считая это своимъ долгомъ; онъ былъ только молчаливъ. Лидія Матвѣевна по прежнему хвалилась его нѣжностью, и, чтобъ выразить свою нѣжность, дѣлала ему иногда подарки. Ее особенно восхищало, что онъ тотчасъ-же отдаривалъ ее вещами одинакой цѣнности; она видѣла въ этомъ самое влюбленное вниманіе. Въ глазахъ всѣхъ, по ея разсказамъ, это былъ обожаемый, страстный мужъ,—правда, съ вида немного невеселый, но это приписывали его неловкости въ обществѣ,—можетъ быть его недавнему огорченію, — впрочемъ, объ этой причинѣ скоро забыли. Онъ отлично держался съ родственниками. Ничего нѣтъ приличнѣе и учтивѣе ненависти.

Верховской достигъ чего хотѣлъ; у него была одна мысль—*не обязываться,*—онъ ее исполнилъ. Онъ разсчелъ всѣ необходимости своей дорогой свѣтской жизни вровень съ жизнью жены, стѣснилъ себя, въ чемъ можно было стѣсниться незамѣтно: у него не было на что купить книгъ, чѣмъ помочь бѣдному человѣку. У него не осталось своей воли, не осталось ни одной привычки, не осталось минуты нравственнаго довольства. Оставалась все одна и та же мысль—не обязываться. Твердость характера являлась только въ настойчивости самоотреченія, отъ котораго на сердцѣ бывало постоянно тяжело, горько и стыдно...

Въ буквальномъ, матеріальномъ смыслѣ, онъ не зависѣлъ отъ этихъ людей, съ которыми хотѣлъ «разорвать всѣ связи»; но онъ не разорвалъ связей, не разстался съ этими людьми, не придумалъ для себя другого образа жизни. Вся эта пустая, дорого стоющая, довольная собою свѣтская ничтожность кружила его, владѣла имъ, налагала свои обычаи, туманила его понятія; онъ незамѣтно настолько втянулся самъ, что затруднялся опредѣлить, какой ему хотѣлось перемѣны. Онъ понималъ только *одну* жизнь—*жизнь съ нею,* какъ въ дѣтствѣ, въ юности, какъ въ послѣдніе роковые дни. Онъ мечталъ объ этомъ невозможномъ, воображалъ его, повторялъ въ памяти, переживалъ всѣмъ своимъ существомъ, утомлялся и мучился до безсилія, даже физическаго. Разбитый, онъ былъ не въ состояніи шевельнуться, не только обдумать, предпринять и дѣйствовать. Онъ чувство-

валъ, что нравственная поддержка ему необходима, но откуда, чья?.. У отчаяннаго горя бываютъ тысячи оттѣнковъ. Одинъ изъ нихъ—какая-то ревность, которая считаетъ преступленіемъ замѣну невозвратнаго новымъ. Верховской испыталъ и это, но убѣдился также, что ему нечѣмъ и замѣнить своего невозвратнаго. Онъ потерялъ изъ вида большую часть своихъ университетскихъ товарищей; нѣкоторые отстали сами отъ «богача, отъ человѣка, измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, отъ свѣтскаго чиновника». Онъ понялъ это; досада и обида облегчали ему чувство вины, за которую доставалось ему отчужденіе; онъ говорилъ съ какимъ-то хвастовствомъ отчаянія:

— Когда *ея* нѣтъ—*это* ужъ куда ни шло!

Двое-трое друзей еще ему писали. Онъ самъ прекратилъ переписку. Они были такъ откровенны, такъ задушевны, такъ просты, такъ скромно и вмѣстѣ смѣло смотрѣли въ будущее, такъ жарко принимали къ сердцу все совершающееся! Имъ писать не было силъ. Ихъ слова поднимали мучительную безсильную тревогу, горькую зависть, упрекъ судьбѣ, упрекъ себѣ, а за нимъ — сознаніе еще болѣе тяжкое. Кто не можетъ самъ говорить откровенно, тотъ не въ-правѣ слушать откровенныя слова; кто ненавидитъ, тотъ недостоинъ знать людей любящихъ. Пусть эти честные голоса взываютъ къ живымъ, а не къ мертвому! Верховской разстался съ ними молча и твердо.

— *Она* жила и терпѣла, не довѣряясь никому, говорилъ онъ себѣ:—я съумѣю сдѣлать тоже.

Онъ забывалъ, *какъ* она жила; онъ забывалъ, что трудъ и мысль—поддержка терпѣнію... Странно и ужасно: погруженный въ счеты и разсчеты, онъ вообразилъ, что его матери «отозвалась восьмилѣтняя нищета»; отупѣлый, не понималъ, что единственной причиной ея единственнаго страданія—была его нравственная перемѣна. Конечно, это заблужденіе спасало его отъ ужасовъ раскаянія... Онъ не понималъ, что своего страданія она не могла выдавать никакому другу; онъ понималъ только, что ей была тяжела разлука. Но онъ самъ столько страдалъ отъ этой разлуки! Она была одинока,—но вокругъ него было столько пустыхъ людей! Она не дорожила житейскими благами — но ему-то какъ эти блага унизительно доставались! Она вынесла много— но онъ выносилъ и выноситъ вдвое больше....

— Тебѣ хорошо было...., повторялъ онъ, ставя себѣ въ какую-то заслугу свою любовь къ ней....

Такъ прошли цѣлые годы....

Его поглотили свѣтская жизнь и чиновничество. Онъ сдѣлалъ себѣ занятіе изъ службы, тѣмъ болѣе, потому что служба была необходима, но это было только занятіе, обрядъ, а не дѣло, которому охотно посвящаются душевныя силы. Оно помогало жить и куда-нибудь дѣвать время. Было нéкогда оглядываться и вникать въ себя. Въ душѣ еще лежалъ источникъ протеста, вѣчно живой, но этотъ горькій протестъ уже не вызывалъ на дѣйствіе; онъ только какъ будто отмщалъ за уступку совѣсти, не давая ни покоя, ни счастья.... Но понемногу, какъ-то ужъ смѣшивалось и самое понятіе о счастьи, ужъ замирало молодое желаніе свободы, молодое желаніе дѣятельности, мысли, дружбы; все это были ужъ недостижимыя, невозможныя блага. Оставалась, можетъ быть, любовь. Но именно способность этого чувства и замерла въ немъ. Въ самую нѣжную и жаркую пору онъ отдалъ свое сердце безъ сознанія и безъ страсти; что-то неопредѣленное, будто доброе, освѣтило его не надолго и погасло, оставивъ горе и стыдъ. Идеалъ любви отошелъ далеко, но сталъ еще чище, свѣтлѣе, возвышеннѣе. Неужели искать его въ кругу пріятельницъ жены, въ томъ «свѣтѣ», котораго ничтожность и испорченность такъ бросались въ глаза? Неужели, безобразно, отвратительно, взять что̀ попало? Искать дальше,—гдѣ?... Верховской былъ вѣренъ своей женѣ отъ тяжкой, вѣчной памяти своей неволи, отъ злой, унизительной мысли, что онъ—ея собственность....

Минутами, онъ обвинялъ, презиралъ и ненавидѣлъ себя самого за-одно съ другими.

В. Крестовскій.
(псевдонимъ).

ОБЩИНА-СОБСТВЕННИКЪ

и

ЕЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ*).

Предметомъ серьезнаго спора въ вопросѣ объ общинѣ могутъ быть не принципъ общинной поземельной собственности, а исключительно лишь способы внутренняго распредѣленія угодій между сообщинниками. Поэтому спрашивается: дѣйствительно ли *настоящая форма* нашей обычной [1]) общины соотвѣтствуетъ, какъ увѣряютъ многіе, своему великому призванію? Не задумываясь, мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Наша обычная община, какъ уже сказано, страдаетъ двумя капитальными недостатками: *внутри себя* она слишкомъ склонна къ застою, къ рутинѣ; по отношенію же къ сторонней конкурренціи или враждебному на нее напору *извнѣ*—она не обладаетъ необходимой выдержкой и крѣпостью, обнаруживая почти одну лишь способность — сплачиваться донельзя въ самой себѣ. Правда, способность эта — тоже сила, и притомъ въ нашей общинѣ — сила почти неисчерпаемая, хотя только страдательнаго свойства и во всякомъ случаѣ сокрушимая. Но—возразятъ намъ—замѣченный недостатокъ весьма условенъ. Вполнѣ соглашаясь съ справедливостью этого замѣчанія,

---

*) См. выше, февр. 573 стр.

[1]) Употребляя терминъ «обычная» община повсюду въ смыслѣ общины, усвоившей срочный *душевой* передѣлъ земель, мы дѣлаемъ лишь уступку господствующему у насъ мнѣнію—будто этотъ видъ есть исконный, основной принципъ поземельнаго устройства нашихъ крестьянъ. Такой взглядъ раздѣляетъ и Гакстгаузенъ; но мы, какъ читатель увидитъ ниже, совершенно другого мнѣнія объ этомъ предметѣ.

мы однако не допускаемъ, чтобы условность эта могла измѣнить или хотя бы только ослабить значеніе нашего приговора. Для бо̀льшаго выясненія нашей мысли, кажется лучше всего обратиться къ наглядному примѣру. На немъ читатель увидитъ, что̀ способна дать обычная община при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. община, не стѣсняемая внѣшнимъ врагомъ и разумно управляемая. Примѣромъ этимъ могутъ служить поволжскіе колонисты, о бытовомъ положеніи которыхъ за прежнее время читатель найдетъ ближайшія свѣдѣнія въ книгѣ «Наши колоніи» (стр. 118—128).

Къ 1858 году, въ поволжскомъ водвореніи, по кадастровымъ свѣдѣніямъ, изъ общаго числа взрослыхъ работниковъ 16—60-лѣтнихъ:

	Сарат. губ.	Самар.
а) совершенно оставили земледѣліе, занимаясь торговлею, промысломъ, ремеслами и заработками	16,4 % —	8,4 %
б) обработывали только часть надѣла, занимаясь преимущественно табаководствомъ, огородничествомъ, обще съ ремесломъ или промысломъ	15,5	—13,2
в) обработывали весь надѣлъ	20,8	—30,9
и г) обработывали, сверхъ надѣла, еще наемныя земли	47,3	—47,5

Съ 1847, но особенно съ 1858 года [1]) началось заселеніе земель дополнительнаго надѣла выходцами изъ коренныхъ колоній. При этомъ общества послѣднихъ въ выдѣлъ даютъ оставляющимъ ихъ переселенцамъ: годовую пропорцію сѣменного и продовольственнаго хлѣба, подводы, до 3-хъ лѣтъ льготы отъ податей и повинностей и до 100 рубл. на душу наличными деньгами, такъ что вся эта операція обойдется кореннымъ водвореніямъ *одними денежными* выплатами, не считая хлѣба, подводы и льготы, приблизительно до 2.570,000 рубл. До $^3/_4$ этой суммы причитается на однѣ 46 коренныхъ колоній саратовской губерніи.

Съ 1862 по 1867 годъ, поволжское водвореніе подверглось неурожаямъ хлѣбовъ и травъ. Ослабленныя чрезвычайными расходами на выселеніе, общества не могли обойтись въ это время безъ затрудненій, займовъ и ссудъ. Но, къ чести колонистовъ, они и въ этомъ случаѣ изворотились собственными средствами,

---

[1]) «Наши колоніи», прилож., стр. 43 и 44.

не требуя отъ казны пособія ни прямого, ни косвеннаго. Объ экономическомъ положеніи водворенія по уплатѣ сборовъ за первую половину 1866 г. могутъ дать приблизительное понятіе слѣдующія цифры.

Въ запасныхъ магазинахъ, послѣ повозможнаго взысканія долговъ изъ урожая 1866 г., состояло на лицо хлѣба не болѣе 162,292 четвертей, въ недоимкѣ 2,047 и ссудѣ 80,482 четверти. Этотъ недочетъ наличія былъ пополненъ тою же осенью при помощи чрезвычайной мѣры, о которой скажемъ ниже.

По 16-ти волостнымъ ссудо-сберегательнымъ кассамъ числилось: на лицо 93,946 руб., въ ссудахъ 700,592 рубля.

Только у 50 обществъ оставались остатки мірскихъ капиталовъ, въ суммѣ не болѣе 36,890 руб., до 10 обществъ имѣли особые мірскіе запасы хлѣба, всего не болѣе 1256 четвертей ярового.

Наконецъ, займы *обществъ* у частныхъ лицъ въ предшествовавшіе неурожаи,—преимущественно въ колоніяхъ самарской губерніи, въ которыхъ заработки основаны почти исключительно на земледѣліи и торговлѣ, достигли уже суммы 161,072 руб., ссуженныхъ большею частію на условіяхъ крайне отяготительныхъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, по саратовской губерніи въ окладъ 1867 года была введена, вмѣсто прежней подушно-оброчной подати, подать подесятинная оцѣночная, вступившая по самарской губерніи въ дѣйствіе уже съ 1866 г., увеличивъ здѣсь прежній окладъ на 64,811 руб. Приблизительно на ту же сумму, съ 1867 года, увеличилась оцѣночная оброчная подать и для саратовскихъ колонистовъ.

«Неурожаи предшествовавшихъ лѣтъ,—сказано въ одномъ изъ тогдашнихъ донесеній мѣстнаго начальства,—поглотивъ безъ малаго всѣ денежные хлѣбные запасы обществъ, ввели большинство ихъ въ самое крайнее, почти безвыходное положеніе. Особенно были стѣснены католическія общества, хозяйственное положеніе которыхъ вообще менѣе удовлетворительно. Къ веснѣ 1866 г. капиталы окружныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ почти сполна и повсемѣстно были разобраны; точно также были розданы всѣ запасы хлѣбныхъ магазиновъ; объ уплатѣ прежнихъ ссудъ и займовъ нечего было и думать».

Въ такихъ-то обстоятельствахъ водвореніе было застигнуто новымъ, еще болѣе рѣшительнымъ неурожаемъ на хлѣба, травы, овощи и вообще всѣ виды произрастеній.

Такое чрезвычайное несчастіе потребовало и чрезвычайныхъ мѣропріятій. Поэтому начальство колоній поставило себѣ зада-

чею — ободрять населеніе и его выборное начальство къ дружному и своевременному устраненію представлявшихся крайнихъ затрудненій, всѣми способами содѣйствуя выборнымъ старшинамъ въ изысканіи нужныхъ матеріальныхъ средствъ, *не вводя водвореніе ни въ недоимки по сборамъ, ни въ неоплатные долги.* Для достиженія этой двойной цѣли, потребовалось прежде всего возможное сосредоточеніе всѣхъ наличныхъ средствъ, съ тѣмъ, чтобы распредѣлять и направлять ихъ туда, гдѣ въ пособіи имѣлась наибольшая нужда, къ кредиту же прибѣгать только по самой крайней необходимости.

Предупреждая частное, непредусмотрительное распоряженіе скудными запасами хлѣба, доставленными жатвою 1866 г., запасы эти *почти сполна были ссыпаны въ хлѣбозапасные магазины, тотчасъ по уборкѣ съ полей.* Такимъ образомъ, магазины почти всѣхъ колоній заключали въ себѣ по осени 1866 г. безъ малаго все количество зерна, долженствовавшее быть въ нихъ по положенію. Это дало выборному начальству возможность, *обезпечивъ прежде всего озимые и яровые посѣвы*, обращать остатокъ зерна на продовольствіе населенія предусмотрительно, съ должною разсчетливостью. Въ то же время опредѣлились точныя цифры и сдѣлался возможнымъ правильный разсчетъ того количества хлѣба, котораго недоставало на продовольствіе до новаго урожая. Недочетъ этотъ представился повсемѣстно.

«Вслѣдствіе того — говоритъ бывшій управляющій конторою и. п., — сколько по личнымъ моимъ приглашеніямъ, столько же и по собственной инціативѣ, выборныя начальства и зажиточные изъ колонистовъ не замедлили учредить въ главнѣйшихъ центрахъ водворенія подобныя же мѣры призрѣнія, какія были приняты въ пользу бѣдныхъ колонистовъ, собравшихся въ Саратовѣ [1]). Многія сотни бѣдняковъ-колонистовъ кормились безмездно на счетъ благотворительности обществъ и зажиточныхъ хозяевъ и, благодаря такимъ дружнымъ усиліямъ, не только были отвращены отъ водворенія обыкновенныя послѣдствія народнаго голода—болѣзни, преступленія и т. д., *но и произведены безпрепятственно, въ обыкновенныхъ размѣрахъ, всѣ посѣвы озимые и яровые*».

Для обезпеченія исправнаго поступленія казенныхъ, земскихъ и общественныхъ сборовъ, оставалось одно — отыскать или создать обществамъ кредитъ, предупреждая однако ростовщичество, которое играло слишкомъ большую роль при займахъ предшествовавшихъ лѣтъ, когда сельскія общества, предоставленныя

---

[1]) См. № 58 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1867.

самимъ себѣ, весьма нерѣдко входили въ крайне разорительныя для нихъ обязательства.

Колонисты-капиталисты, положительно отказываясь кредитовать, на обычныхъ до того времени основаніяхъ, частныхъ лицъ и даже сельскія общества, выражали тѣмъ не менѣе полную готовность на помощь только въ такомъ случаѣ, если имъ даны будутъ вполнѣ надежныя гарантіи въ своевременномъ возвратѣ ссудъ.

Вслѣдствіе того, каждое сельское общество привело въ положительную извѣстность какъ суммы долговъ своихъ по ссудосберегательнымъ кассамъ, хлѣбозапаснымъ магазинамъ и частнымъ займамъ, такъ и количество недостававшихъ денежныхъ и хлѣбныхъ средствъ, которыя предстояло собрать при помощи новаго займа. Въ то же время общества обязывались обезпечить своевременную уплату всѣхъ этихъ долговъ — старыхъ и новыхъ—введеніемъ общественныхъ запашекъ, въ размѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ по каждому обществу общей суммѣ его долговыхъ обязательствъ. На этомъ основаніи, волостные старшины были уполномочены мірскими приговорами кредитоваться *за счетъ волостного общества и за круговою его порукою,* въ тѣхъ суммахъ и запасахъ, которыхъ недоставало сельскимъ обществамъ волости.

Этими гарантіями колонисты-капиталисты удовлетворились, выдавъ обществамъ до 189 т. руб. и до 95 т. пудовъ хлѣба. Только при помощи этихъ средствъ были предупреждены послѣдствія неурожая; *всѣ сборы поступили съ поселенцевъ бездоимочно и своевременно,* и общества избавились отъ необходимости имѣть дѣло съ ростовщиками.

Наконецъ, новая жатва не обманула возложенныхъ на нее надеждъ: урожай оказался, большею частью, вполнѣ удовлетворительнымъ, и собранное съ общественныхъ запашекъ зерно почти сразу погасило всѣ долги обществъ кассамъ, магазинамъ и частнымъ лицамъ.

Независимо отъ общественныхъ запашекъ, урожай съ частныхъ полей, за отдѣленіемъ необходимой пропорціи зерна на годичное продовольствіе, сѣмена и окладную ссыпку въ запасные магазины, далъ въ 1867 году *излишекъ* въ 1.131,324 четв. ярового и *недочетъ* въ 15,511 четв. озимого хлѣба.

Нѣкоторыя изъ лучшихъ поволжскихъ колоній далеко превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ большинство нашихъ уѣздныхъ городовъ. Такъ, напр., въ колоніи Екатеринштадтѣ (Баронскъ) самарской губ., при 2,185 рев. муж. пола душахъ 10-й ревизіи, въ числѣ 590 семействъ, состоитъ домовъ: каменныхъ 32, въ

томъ числѣ 17 въ два этажа, деревянныхъ 1,236, и изъ нихъ 8 двухъ-этажныхъ; двѣ каменныя церкви — протестантская и католическая, и одна деревянная православная; школьныхъ домовъ: два каменныхъ двухъ-этажныхъ, и одинъ деревянный; постоянныхъ лавокъ: каменныхъ 16 (гостинный дворъ) и деревянныхъ 18. Общая стоимость всѣхъ этихъ зданій, по *страховой оцѣнкѣ* (весьма впрочемъ умѣренной), составляетъ болѣе 700,000 руб. сер. Кромѣ того, на пристани колоніи выстроены 224 хлѣбныхъ анбара, вмѣстимостью до 400 тыс. четв. хлѣба, и происходитъ весьма обширная торговля лѣсомъ и всякаго рода лѣсными издѣліями.

Изъ принадлежащихъ опекамъ капиталовъ и имуществъ въ колоніи Екатеринштадтѣ приходится по 1,045 руб. на опеку, или до 411 руб. на каждаго сироту.

Въ числѣ мѣстныхъ обывателей состоитъ: купцовъ 1-й гильдіи — 3, 2-й гильдіи — 35; торгующихъ по крестьянскимъ свидѣтельствамъ — 78; земледѣльцевъ чистыхъ 400, полуземледѣльцевъ — 75; ремесленниковъ 20, полуремесленниковъ 23. Кромѣ того, въ 1866 г. изъ постороннихъ проживали здѣсь временно или постоянно: 18 купцовъ, 103 мѣщанъ, 217 крестьянъ и 447 колонистовъ другихъ колоній.

Екатеринштадтское общество, по среднему разсчету, отпускаетъ каждогодно въ продажу собственнаго произрастенія хлѣба 59,178 четвертей, на 255,712 р. и табаку 10,680 пудовъ на 8,010 р. Изъ имѣющихся въ Екатеринштадтѣ промышленныхъ заведеній укажемъ на 1 пивоварню, 3 маслобойни, 3 кирпичныхъ завода и 1 мыловарню, производящія издѣлій на сумму до 20 тыс. руб. въ годъ.

Оборотъ екатеринштадтской волостной ссудо-сберегательной кассы составлялъ въ 1866 г.. около 200 т. руб. Наконецъ, съ 1858 года, по приговору общества, введенъ здѣсь порядокъ — дѣлить полевыя угодья и сѣнокосы *уравнительно* между одними земледѣльческими семействами (400), *независимо отъ числа душъ*, каковой передѣлъ возобновляется чрезъ каждыя 8 лѣтъ. Это первый рѣшительный шагъ въ пользу земледѣлія, а 134 желѣзныхъ плуга, 151 молотильныхъ каменныхъ валовъ и 23 молотильныхъ и сортировочныхъ машинъ подтверждаютъ, что екатеринштадтскіе земледѣльцы вообще не чуждаются улучшеній въ хозяйствѣ.

Указанные нами результаты достигнуты при тѣхъ самыхъ общинныхъ порядкахъ, которыхъ держится огромное большинство нашихъ крестьянъ. Здѣсь милліонеръ - торговецъ или купецъ, и хозяинъ-земледѣлецъ или ремесленникъ, обсуживаютъ на общемъ

сходѣ свои общественныя нужды, какъ вполнѣ равноправные члены одной и той же общины. Не думаемъ, чтобы легко было подобрать другой подобный примѣръ. Сообщенныя, далеко еще неполныя свѣдѣнія о приволжскихъ колоніяхъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ въ пользу великаго значенія общиннаго принципа въ дѣлѣ сельскаго благосостоянія и благоустройства. И въ самомъ дѣлѣ, не подъ неотразимымъ-ли вліяніемъ этого начала сбродная, обнищалая и нравственно-распущенная толпа нѣмецкихъ выходцевъ образовала то дѣятельное, солидарное населеніе, эти органически сплоченныя земледѣльческія общины, которыя мы встрѣчаемъ въ колоніяхъ прежней «накипи Германіи»?... Чему же, какъ не общинному землевладѣнію по преимуществу, приволжскіе поселенцы обязаны возможностью легко и свободно ассоціировать свои силы и средства, и, смотря по надобности, направлять ихъ въ интересахъ цѣлаго общества, всего водворенія?...

Читатель видитъ, что мы далеки отъ мысли — безусловно отвергать несомнѣнныя политико-соціальныя, а въ извѣстномъ смыслѣ, даже и хозяйственныя достоинства нашей обычной общины. Но мы положительно не беремъ на себя ручательства ни въ томъ, что поволжскіе колонисты-капиталисты оказались бы тѣми же доброхотами въ отношеніи своихъ обществъ въ томъ случаѣ, еслибъ послѣднія, какъ полные собственники своихъ земель, имѣли право продавать и закладывать ихъ; ни въ томъ, что общества, какъ полные собственники, находя кредитъ единственно только подъ залогъ земли, не нашлись бы вынужденными согласиться на такое условіе. И что-же? Тогда оставалось-бы только обмануться имъ въ надеждѣ на урожай, либо допустить недосмотръ и нѣкоторую неурядицу въ своемъ общинномъ хозяйствѣ, и они были бы навсегда лишены болѣе или менѣе значительной доли своего владѣнія, нашлись бы въ худшихъ противъ прежняго условіяхъ, повторились бы новыя затрудненія, новые займы, заклады и отчужденія, а въ концѣ концовъ, вмѣсто сельскаго общества, мы имѣли бы помѣстныхъ владѣльцевъ и толпы обезземеленныхъ батраковъ [1]).

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія еще и на существенное различие въ результатахъ и условіяхъ выселенія изъ коренныхъ поволжскихъ общинъ на земли дополнительнаго надѣла, а изъ южныхъ — на земли покупныя. И здѣсь и тамъ усилія и пожертвованія на это дѣло обществъ громадны, въ обоихъ случаяхъ выселеніе совершается добровольно, безъ всякой прину-

---

[1]) Подобный примѣръ см. «Наши колоніи», стр. 302 и слѣд.

дительности. Но въ Поволжьѣ, при подушныхъ уравнительныхъ передѣлахъ, на выселеніе рѣшается только «замотавшійся» хозяинъ, который въ получаемомъ выдѣлѣ изъ общиннаго имущества и даруемыхъ льготахъ видитъ возможность раздѣлаться съ долгами. Поэтому, хотя и слѣдовало бы по правиламъ выпускать только порядочныхъ хозяевъ, но общества рады почти всякому желающему, и отправляютъ въ новыя поселенія тоже свои «подонки», которые являются почти такими же безсильными и безпутными колонизаторами, какъ и предки ихъ, вышедшіе изъ Германіи. Напротивъ того, въ южныхъ колоніяхъ, при участковой системѣ, контингентъ готовыхъ къ выселенію всегда превышаетъ потребность, такъ что общины, выпуская переселенцевъ обыкновенно съ строгимъ разборомъ и при этомъ даже по жребію, устраиваютъ новыя колоніи, такъ-сказать, «за ночь» изъ хозяевъ со средствами и благонадежныхъ, не нуждающихся ни въ чрезвычайныхъ пособіяхъ, ни въ особенныхъ льготахъ.

Тѣмъ не менѣе мы готовы согласиться, что обычная наша община, не стѣсняемая извнѣ и управляемая съ должнымъ вниманіемъ и пониманіемъ, можетъ давать блестящіе результаты. Но для этого, какъ у нашихъ крестьянъ, такъ и у поволжскихъ колонистовъ, *непремѣннымъ условіемъ успѣха являются: сильное, честное и просвѣщенное центральное попечительство*, или же *такой уровень нравственнаго развитія и домашняго быта общинниковъ*, достиженіе котораго въ ближайшемъ будущемъ, по нашему мнѣнію, немыслимо ни у колонистовъ, ни у крестьянъ. Если же уровень образованія массъ можетъ быть значительно поднятъ развѣ только усиленнымъ трудомъ нѣсколькихъ поколѣній, и если административное, чиновничье попечительство о крестьянскомъ хозяйствѣ найдено вреднымъ, въ чемъ и не можетъ быть сомнѣнія, то все это однако еще не доказываетъ, что полезно освободить это хозяйство безусловно отъ всякаго спеціальнаго покровительства, *не исключая* домашняго, мірского, *и даже попечительныхъ гарантій положительнаго закона*. Если допустить послѣднее, то въ силу какихъ же данныхъ можно было бы надѣяться, что наша сельская земледѣльческая община (общество, міръ, ассоціація — ad libitum, дѣло не въ имени), управляясь сама собой, собственнымъ умомъ, собственными знаніями и средствами, достигнетъ прочныхъ успѣховъ, хозяйственныхъ и образовательныхъ?... Развѣ намъ возможно въ этомъ случаѣ разсчитывать на обычай, на здравый смыслъ народа?... Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало-бы и мѣшаться въ его дѣла. Если же мы вмѣшиваемся, то прежде всего цѣль вмѣшательства должна быть та, чтобы община не оставалась въ первобытномъ только видѣ,

а заключала въ самой себѣ, строго организованными, всѣ тѣ основные элементы, правильнымъ взаимодѣйствіемъ которыхъ, даже вопреки различнымъ враждебнымъ вліяніямъ, обезпечивается *возможность правильнаго самоуправленія, успѣха гражданственнаго и хозяйственнаго.* Основывать же наше крестьянское хозяйство и самоуправленіе на обычаѣ и однихъ началахъ интеллигентныхъ, въ настоящее время совершенно нельзя; это невозможно уже потому, что быстрый, даже немедленный успѣхъ въ этомъ направленіи есть для насъ вопросъ жгучій, въ виду котораго сидѣть, сложа руки, не приходится. Современное патологическое состояніе нашихъ сельскихъ сословій — ненормальное; они находятся въ положеніи больного, только-что пережившаго кризисъ страшной, смертельной болѣзни—кризисъ крѣпостничества. Процессъ выздоровленія начался, но до *полнаго* исцѣленія еще далеко. И если колебанія врача въ выборѣ средствъ для выздоравливающаго могутъ быть гибельны, то совершенно тѣ же послѣдствія можетъ имѣть нерѣшительность законодательной власти. Отсюда ясно, что если сознана потребность во вмѣшательствѣ законодательномъ въ землевладѣніе крестьянскихъ общинъ, то нужно, чтобы это вмѣшательство было благотворно и достигало цѣли. Поэтому намъ остается *прежде всего* окончательно и безъ колебаній усвоить одну, *оправданную опытомъ,* систему сельско-поземельнаго устройства, и, сообразно съ нею, комбинировать не только главныя основы крестьянской общины, но, внутри общины, и самую постановку поселянскаго двора; словомъ, намъ предстоитъ: общину, дворъ-хозяйство и поселянскую семью сдѣлать институтами вполнѣ *юридическими* по внутреннему строю и во взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ-общинниковъ по имуществу и землѣ. И мы не можемъ, не должны ждать, пока опытъ, *горькій опытъ* жизни самъ собою наведетъ нашихъ общинниковъ, какъ мы видимъ это въ безсильныхъ попыткахъ земледѣльческихъ ассоціацій Запада, на искомую, болѣе совершенную форму общиннаго устройства.

Предоставить это дѣло случаю, или что̀ тоже, обычаю, было бы слишкомъ рисковано, особенно на нашихъ западныхъ окраинахъ. Нашъ недремлющій конкуррентъ,—западъ Европы, давно уже и *вполнѣ послѣдовательно* выработалъ себѣ одну *опредѣленную систему* землевладѣнія. Ошибочна ли эта система, или нѣтъ — не въ томъ вопросъ; для насъ важно знать, что конечные результаты, или, по нашему личному убѣжденію, ложность западно-европейскаго поземельнаго строя, дѣлаютъ его такимъ опаснымъ конкуррентомъ, противъ котораго обычная община, чуждая насильственныхъ захватовъ и завоеваній, устоять положительно

не въ состояніи. Вообразимъ себѣ наше обычно-общинное колонистское водвореніе передвинутымъ съ Поволжья на западную границу Имперіи. Предположимъ далѣе, что этому водворенію предоставлено нынѣшнее свободное хозяйственное самоуправленіе, но съ устраненіемъ центральнаго попечительства. Какъ общество это поведетъ здѣсь борьбу съ личнымъ принципомъ во всѣхъ видахъ, напирающимъ на насъ съ Запада также безустанно, какъ въ прежнее время оно вламывалось и къ чехамъ, моравамамъ и т. д.? Мы полагаемъ, что поволжскія общины, какъ въ свое время и мораво-чешскія, по самой сущности своей, ограничились бы однѣми оборонительными мѣрами; онѣ вскорѣ нашлись бы въ необходимости уступать шагъ за шагомъ, болѣе и болѣе сплачиваться въ самихъ себѣ, и наконецъ,—погибнуть. Бокъ-о-бокъ съ поволжскими колоніями долгое время лежали массы свободныхъ земель, которыя не очень давно еще можно было пріобрѣсти за безцѣнокъ; сами поселенцы постоянно, и не безъ основанія, жаловались на стѣсненіе въ земельномъ довольствѣ. Съ другой стороны, въ средствахъ для покупки въ собственность сосѣднихъ земельныхъ участковъ недостатка у обществъ не могло быть, а въ случаѣ нужды, незначительная, но постоянная, общественная запашка дала бы нужные капиталы, какъ она же, при другихъ случаяхъ, всегда доставляла имъ кредитъ на любую сумму. Наконецъ, въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ водворенія сосредоточено уже теперь до 900 тысячъ рублей, и при всемъ томъ одни только *отдѣльные колонисты* пріобрѣли здѣсь до 100 тыс. дес. собственной земли; у самихъ же обществъ, если не ошибаемся, даже до послѣдняго времени нѣтъ ни одной пяди ея.

Напротивъ, поселенцы южнаго края, при несравненно значительнѣйшемъ земельномъ надѣлѣ и позднѣйшемъ поселеніи въ краѣ, пріобрѣли покупкою уже теперь, сверхъ надѣла, еще до 500 тыс. дес. частныхъ и казенныхъ земель, и готовятся къ пріобрѣтенію новыхъ десятковъ, сотенъ тысячъ десятинъ. Болѣе обширныя волости южныхъ колоній, отличающіяся вообще и лучшимъ благоустройствомъ и состоятельностью, сами, безъ участія административнаго попечительства, давно уже ввели у себя ссудо-сберегательныя кассы и взаимное страхованіе; о введеніи же этихъ учрежденій въ Поволжьѣ, починъ принадлежитъ не обществамъ, а попечительству, которое начало настаивать на этихъ мѣрахъ еще съ 40-хъ годовъ, но добилось соглашенія съ обществами только въ недавнее время: здѣсь кассы открыли свое дѣйствіе только съ 1860, а страхованіе—съ 1866 года. Кромѣ того, только крайняя нужда 1866—1867 г.г. привела поволж-

скихъ колонистовъ къ правильному и солидному кредитованію и къ возстановленію хозяйственнаго баланса обществъ. Слѣдовательно, въ обыкновенное время эти важныя статьи общинной экономіи, даже при надзорѣ попечительства, оставались въ значительномъ небреженіи. Наконецъ, сравнивая наслѣдственныя права по имуществу, мы находимъ, что равноправіе обоихъ половъ установилось не въ Поволжьѣ, гдѣ населеніе и до сего времени считаетъ женщину выдѣленною изъ отцовскаго хозяйства по выдачѣ ей приданаго. Такимъ образомъ, южные колонисты вполнѣ подтверждаютъ, что основаніемъ *истиннаго* права служитъ лишь строй, основанный на правильномъ взаимодѣйствіи двухъ началъ — общиннаго и индивидуальнаго. Все это объясняется тѣмъ, что въ южныхъ колоніяхъ общинно-земледѣльческое ядро каждой колоніи есть въ тоже время представитель лучшихъ интеллигентныхъ силъ и главный распорядитель матеріальныхъ средствъ цѣлаго общества, тогда какъ въ Поволжьѣ интеллигенцію составляютъ, по преимуществу, капиталисты-торговцы и промышленники, которые, вмѣстѣ съ своими капиталами, оставили земледѣліе. Незаинтересованные лично и непосредственно въ успѣхѣ земледѣлія, капиталисты эти, по самой сущности ихъ ближайшихъ выгодъ и дѣятельности, склонны скорѣе къ эксплуатаціи земледѣльческаго труда, нежели къ поддержанію и развитію его, сами же земледѣльцы не вездѣ достаточно сильны и не всегда довольно предусмотрительны для того, чтобы уклониться отъ этого зла. Въ то время, какъ въ торгово-промышленной колоніи Екатеринштадтѣ на каждую опеку приходится до 1,045 р., та же цифра—по среднему выводу на цѣлое саратовско-самарское колонистское водвореніе — не превышаетъ 140 руб., у меннонитовъ же она доходитъ до 660 руб. и у прочихъ колонистовъ южнаго края до 405 руб.

У нашихъ крестьянъ вся капитальная интеллигенція выходитъ изъ состава общества навсегда и окончательно: она записывается въ городское сословіе. Поэтому, крестьянская община избавлена внутри самой себя отъ конкурренціи началъ, представителями которыхъ являются въ колоніяхъ капиталъ и сила рабочая. Но послѣдствіе этого порядка есть отсутствіе въ крестьянскомъ быту почти всякаго капитала [1]), почти всякой интеллигенціи. Если же капиталы торгово-промышленные мѣстами и давятъ на колонистовъ-земледѣльцевъ, то, съ тѣмъ вмѣстѣ, они же вызываютъ въ послѣднихъ и усиленный отпоръ, а во

---

[1]) Въ 1866 году, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ Саратовской губ. причиталось, въ общей сложности, на каждую опеку до 29 руб.

многихъ случаяхъ, будучи направляемы при лично-общинной системѣ — сходомъ въ силу крѣпости, предусмотрительности и стойкости хозяевъ-земледѣльцевъ, а въ обычной общинѣ — центральнымъ попечительствомъ, оказываютъ весьма существенныя услуги общему благосостоянію, общему благоустройству и успѣхамъ въ хозяйствѣ.

Всѣ эти замѣчанія и сопоставленія мы дѣлаемъ въ подтвержденіе того, какъ трудно обойтись нашей *обычной* общинѣ безъ строгаго контроля. Но тѣ же доводы доказываютъ, по нашему мнѣнію, неопровержимо, что вполнѣ юридическій общинный строй южныхъ колоній совмѣщаетъ въ себѣ всѣ тѣ условія и элементы, которыми обезпечивается за общиной избытокъ какъ пассивныхъ, такъ и самодѣятельныхъ, активныхъ силъ всякаго рода. Комбинація эта, устраняя надобность въ ближайшемъ вмѣшательствѣ и руководствѣ со стороны попечительства и пользуясь послѣднимъ лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, исключительно какъ орудіемъ ассоціаціи, дѣлаетъ поселянское общество вполнѣ способнымъ не только къ успѣшному отраженію напора извнѣ враждебной пропаганды, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, но въ свою очередь и къ не менѣе успѣшнымъ наступательнымъ предпріятіямъ. И сила нашей юридической общины такова, что *нѣмцы*-колонисты, не смотря на сохраненіе ими своего языка и вѣры, давнымъ давно утеряли всякую связь и солидарность съ прежними соотчичами своими, за границей. Еслибы поставить наши южныя колоніи авангардомъ въ борьбѣ съ политико-соціальными началами Запада, ихъ можно сломать грубою силою, но путемъ мирной пропаганды онѣ не уступятъ ни одной пяди напору этихъ элементовъ, и такая стойкость есть только *одна* изъ характеристическихъ чертъ этихъ обществъ. Другое капитальное свойство ихъ—это совершенная недоступность для эксплуатаціи земледѣльца, а затѣмъ полнѣйшее развитіе и правильная организація силъ послѣдняго, соединенныя съ удивительнымъ удобствомъ—направлять эти силы своевременно на тѣ пункты, въ которыхъ противникъ оказывается наиболѣе слабымъ и не въ состояніи противостоять ихъ напору. Не вовсе же безъ причины въ періодической печати раздаются отъ времени до времени болѣе или менѣе отчаянные возгласы съ юга на земельные захваты нашихъ колонистовъ; не безъ всякаго же основанія голоса эти убѣждаютъ, что въ Новороссійскомъ краѣ почти нѣтъ доступа къ землямъ: гдѣ колонистъ-покупщикъ или арендаторъ одинъ, самъ по себѣ безсиленъ, тамъ является на сцену — товарищество, а за нимъ, если обстоятельства того потребуютъ, сельское общество, цѣлая волость и даже ассоціація нѣсколькихъ

волостей. Капиталъ, рабочая сила и знаніе дѣла, сплоченные и сплачиваемые въ потребныхъ размѣрахъ круговою порукою, вотъ та фаланга, при посредствѣ которой каждогодно, на мѣсто безпутнаго хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ устраиваются новыя поселянскія общины. Эти общины, достигая съ изумительной быстротой благосостоянія, въ свою очередь вступаютъ въ общую борьбу такими же живыми дѣятелями, какъ и метрополіи ихъ. И борьба эта ведется честно, открыто, на основаніяхъ *свободной конкурренціи*, такъ что едва-ли кто, кромѣ развѣ ярыхъ soi-disant патріотовъ, рѣшится утверждать, что такая постановка дѣла грозитъ опасностью, что лучше бы сохранить разоренную личную собственность на мѣсто заступающихъ ее цвѣтущихъ сельскихъ общинъ и т. д. Наконецъ, эти общины положительно не нуждаются въ признаніи за ними правъ полной собственности на земли надѣла; для нихъ важно, и притомъ существенно важно одно, чтобы онѣ сохранили, по прежнему, свое потомственное, неотъемлемое право на хозяйственную обработку этихъ земель въ свою пользу, на опредѣленныхъ условіяхъ. Во всемъ остальномъ, какъ-то: въ правѣ продажи и заклада земель, онѣ готовы видѣть скорѣе не право, а напротивъ посягательство на ихъ права, такъ какъ цѣль ихъ стремленій, ихъ безустанной заботы *не отчужденіе старыхъ, а пріобрѣтеніе новыхъ земель*. Еще не было примѣра, чтобы южныя колоніи доходили до такого крайняго положенія, въ какомъ мы видѣли поволжскихъ колонистовъ въ началѣ 1867 г. Слѣдовательно, нѣтъ и причины предполагать, чтобы онѣ могли дойти до подобной крайности впредь, если только дѣла ихъ пойдутъ путемъ болѣе или менѣе нормальнымъ. Въ то же время не слѣдуетъ забывать, что продажа со стороны земледѣльческаго общества малѣйшаго клочка своей земли можетъ быть вызвана только крайнею безвыходностью даннаго положенія, которою съумѣютъ капиталъ или кулаки воспользоваться для обезземеленія крестьянъ.

Изслѣдованіе судебъ нашихъ сектаторовъ-колонистовъ привело насъ къ положительному убѣжденію, что чехи, моравяне, лужичане и т. д. поддались онѣмеченію только послѣ того, какъ былъ сломанъ у нихъ принципъ общиннаго землевладѣнія. Любушинъ судъ не указываетъ ли прямо на вторженіе въ чехо-моравское семейное общинное право латино-германскихъ имущественныхъ началъ, въ основѣ которыхъ лежитъ прежде всего полное, исключительно личное землевладѣніе?.. Впослѣдствіи, когда начала Запада успѣли уже охватить всю массу чехо-моравянъ и принести свои плоды, гусситы-табориты вновь подняли знамя славянской соціальной идеи. Но было по-

здно, тѣмъ болѣе, что и сами они, въ хаосѣ всеобщаго броженія и неурядицы, не съумѣли вылить свою идею въ практически пригодную форму. А Польша?... На чемъ же иномъ, какъ не на исключительно личномъ поземельномъ строѣ сокрушилась самобытность польскаго государства? Оно пало, во-первыхъ, потому, что Рѣчь-Посполитая съ ея знаменитымъ и всесильнымъ «не позволямъ» была похожа на міръ крестьянъ-собственниковъ, гдѣ, при подворномъ владѣніи и отсутствіи хозяйственно-общиннаго принципа «масса крестьянъ-односельцевъ находится въ рукахъ каждаго отдѣльнаго крестьянина-собственника, неподчиняющагося сходу въ своихъ хозяйскихъ дѣлахъ», а во-вторыхъ, потому, что королевскій режимъ, ненаходя себѣ нигдѣ и ни въ комъ надежной опоры для противовѣса произволу цѣлой Рѣчи-Посполитой, не могъ достигнуть значенія русскихъ царей, которые, укрѣпляя городскія и сельскія общины и ставъ въ отношеніи ихъ на степень высшей власти, находили въ нихъ необходимую силу для борьбы съ мѣстничествомъ, мало-по-малу побѣдили и послѣднее, и такимъ образомъ сдѣлались высшимъ регуляторомъ всей русской земли, поддерживая равновѣсіе между двумя началами, личнымъ и общиннымъ. Или магнатство, панство и шляхетство въ Польшѣ выросли и могли развиться на иной почвѣ, какъ не исключительно только на развалинахъ крестьянскаго землевладѣнія? А продажность, необузданный произволъ, уродливая спѣсь и безумное мотовство польской аристократіи—развѣ не были *прямо* пропорціональны степени неуравнительнаго распредѣленія въ краѣ землевладѣнія, и напротивъ, *обратно* пропорціональны—нищетѣ и безправію обезземеленнаго крестьянина?... Развѣ не на нашихъ глазахъ личные землевладѣльцы въ Босніи и Герцеговинѣ, сдѣлавшись давно уже правовѣрными поклонниками Магомета, являются самыми ярыми врагами своихъ же христіанскихъ единоплеменниковъ-крестьянъ, и не они-ли именно стремятся къ окончательному разрушенію единственнаго оплота сельчанъ—ихъ бытового общинно-поземельнаго устройства?

Нѣтъ, *не въ исключительно личномъ* землевладѣніи, *но и не въ обычно-общинномъ землепользованіи* крестьянъ слѣдуетъ Россіи искать будущихъ успѣховъ экономическихъ, гражданственныхъ и политическихъ. *Лично-общинное поземельное устройство крестьянъ, окончательно организованное законодательнымъ путемъ, начиная съ крестьянскаго двора*, въ томъ именно направленіи, которое ясно обозначилось уже и, такъ-сказать, апробовано многолѣтнимъ опытомъ; затѣмъ, рядомъ съ крестьянскими обществами, — болѣе или менѣе крупное помѣстно-фер-

мерское хозяйство и землевладѣніе; наконецъ, запасы свободныхъ, до времени, казенныхъ земель, какъ средство для регулированія со стороны высшаго государственнаго режима нормальныхъ соотношеній этихъ двухъ главнѣйшихъ видовъ сельской поземельной собственности, — вотъ, по нашему убѣжденію, та комбинація, на которую опираясь, мы смѣло и увѣренно можемъ установить наши внутреннія экономическія отношенія. Примѣняя неуклонно эту систему, и наблюдая притомъ, чтобы повсюду, *начиная съ волости*, экономическіе центры совпадали съ центрами административными и судебными, у насъ не замедлитъ выработаться *и здоровый городской элементъ*. Вездѣ главные центры тяготѣнія народной жизни, по мѣрѣ устраненія искусственныхъ преградъ, примутъ мало-по-малу условія благотворной городской жизни. Вездѣ городъ, вмѣсто эксплуататора сельчанъ, явится ихъ подспорьемъ и воспріемникомъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, для которыхъ рамка сельской жизни окажется почему-либо тѣсною.

Комбинація эта, въ главныхъ чертахъ, уже существуетъ у насъ и по закону, и на дѣлѣ; но остается *примкнуть сюда крестьянскій дворъ*, обставленный тѣми-же законодательными гарантіями, какими обезпечиваются его цѣлостность въ нашихъ колоніяхъ, и вообще неразрывная взаимная связь обществъ— сельскаго, волостного, городского и земскаго. Вотъ, по нашему мнѣнію, та программа, по которой Россія исполнитъ свою миссію въ дѣлѣ развитія человѣчества, являясь какъ-бы противовѣсомъ индивидуальнаго принципа, нашедшаго свой фокусъ на американской почвѣ.

Для свободнаго и полнаго развитія на указанныхъ основаніяхъ всего нашего государственнаго строя, намъ предстоитъ, конечно, разрѣшить еще немало вопросовъ. Такъ, напр., необходимо намъ отрѣшиться окончательно отъ весьма важнаго, но крайне ошибочнаго понятія, положеннаго въ основаніе существующаго территоріальнаго дѣленія на волости, уѣзды и губерніи. Мы разумѣемъ здѣсь дѣленіе, основанное па такъ-называемыхъ «административныхъ соображеніяхъ» и «живыхъ урочищахъ». Было время, когда судоходная рѣка, озеро и т. д. дѣйствительно разобщали интересы того и другого берега; но теперь судоходныя рѣки и озера не разобщаютъ, а напротивъ, сплачиваютъ и связываютъ край—по обѣ стороны воднаго пути—въ одно неразрывное цѣлое; желѣзныя паровыя дороги довершаютъ эту связь. На водныхъ и желѣзно-паровыхъ путяхъ окончательно устанавливаются наши главные экономическіе центры; къ каждому изъ нихъ тянетъ и, вопреки административно-судебному дѣле-

нію, всегда будетъ тянуть вся жизнь извѣстнаго района. Поэтому, спрашивается: соотвѣтствуетъ ли такому естественному ходу развитія существующее дѣленіе на уѣзды и губерніи?.. Чтобы сознать, насколько жизненной важности для населенія заключается въ совпаденіи центровъ администраціи, полиціи и суда съ центрами мѣстной экономической дѣятельности, мы приводимъ слова отчета новоузенской земской управы.

Доказывая необходимость присоединенія Новоузенскаго уѣзда къ Саратовской губерніи, мѣстная управа говоритъ [1]):

«Всѣ интересы жителей Новоузенскаго уѣзда (220,500 душъ на 42 тыс. кв. верстъ) по торговлѣ и промышленности сходятся въ Саратовѣ и на пристаняхъ р. Волги, которая, вмѣсто того, чтобы служить видомъ соединенія населенія обоихъ береговъ по торговлѣ и промышленности, служитъ въ настоящее время немалымъ препятствіемъ и даже разрозниваніемъ ихъ интересовъ. Интересы того и другого берега большею частію бываютъ общіе, а между тѣмъ, предпринять къ осуществленію ихъ одновременно общія мѣры почти невозможно, потому что, съ одной стороны, Саратовская губернія, а съ другой — Самарская, и уѣздныя власти, какъ административныя и хозяйственныя, такъ и судебныя, будучи подъ управленіемъ двухъ губернскихъ властей, не могутъ всегда согласовывать свои дѣйствія. Напримѣръ: 1) въ настоящее время, саратовское губернское земство хлопочетъ о проведеніи линіи желѣзной дороги отъ Козлова къ Саратову, и есть предположеніе о соединеніи послѣдняго желѣзною же дорогою съ Элтонскимъ озеромъ. По этимъ двумъ дѣламъ интересы новоузенскаго земства такъ тѣсно связаны съ саратовскимъ, что новоузенскимъ земскимъ учрежденіямъ необходимо должно принять въ нихъ участіе, потому что отъ осуществленія ихъ зависѣть будетъ развитіе благосостоянія всего уѣзда; принадлежа же къ Самарской губерніи онъ почти лишенъ этой возможности. 2) Въ скоромъ времени въ Самарской и Саратовской губерніяхъ должна быть введена судебная реформа, которая, и въ особенности мировой институтъ, тѣсно связана съ земскими учрежденіями, потому что выборъ мировыхъ судей и ихъ содержаніе отнесены къ обязанностямъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ много землевладѣльцевъ изъ лицъ знатнаго происхожденія и съ высшимъ образованіемъ, но они не приняли участія въ реформѣ по крестьянскому дѣлу и мировые посредники нынѣ назначаются отъ правительства изъ чиновниковъ. Тоже самое можетъ случиться и съ мировыми судьями, если новоузенскій уѣздъ будетъ принадлежать къ самарской губерніи. Принадлежа же къ саратовской губерніи, новоузенскія земскія учрежденія могутъ избѣжать этого неудобства, потому что многіе изъ землевладѣльцевъ Новоузенскаго уѣзда, живя въ Саратовѣ, могли бы принять участіе въ мировомъ институтѣ. Сверхъ того, имѣемый открыться, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Саратовѣ окружный судъ могъ бы съ большимъ удобствомъ и для себя, и для населенія отправлять правосудіе въ Новоузенскомъ уѣздѣ, чѣмъ окружный судъ, открытый въ другой какой-либо мѣстности Самарской губерніи, къ коему могутъ причислить Новоузенскій уѣздъ. 3) Земельныя владѣнія иностранныхъ колонистовъ находятся и въ Саратовской и въ Самарской губерніяхъ, преимущественно же въ Новоузенскомъ уѣздѣ (8 округовъ) и только небольшая часть (2 округа—и тѣ не вполнѣ) въ Николаев-

[1]) Отчетъ новоузенск. уѣздн. управы за 1866 годъ. Саратовъ. 1867.

скомъ уѣздѣ. Въ настоящее время, когда эти поселенцы находятся подъ особымъ управленіемъ саратовской конторы иностранныхъ поселенцевъ, неудобствъ особенныхъ еще не встрѣчается; но, съ передачею ихъ въ общія губернскія учрежденія, явятся, не говоря уже въ хозяйственномъ, но и въ административномъ управленіи, очень важныя неудобства [1]. А потому, въ 4) и въ отношеніи административнаго надзора, Новоузенскому уѣзду выгоднѣе принадлежать къ Саратовской, чѣмъ къ Самарской губ. Прежде новоузенскій край нуждался въ защитѣ отъ набѣговъ киргизовъ внутренней Букеевской орды, почему и самарская губернія и орда находились въ завѣдываніи оренбургскаго генералъ-губернатора. Теперь же, съ установившимся въ ордѣ болѣе порядкомъ и за отчисленіемъ Самарской губ. изъ вѣдѣнія оренбургскаго генералъ-губернатора, причисленіемъ Новоузенскаго уѣзда къ Саратовской губерніи не только не измѣнится въ семъ случаѣ порядокъ къ худшему, но напротивъ, мѣра эта оказывается полезною и вполнѣ необходимою».

Есть ли надежда на осуществленіе настоящаго предположенія новоузенскаго земства—намъ неизвѣстно; но что на наши уѣздныя и губернскія границы, сложившіяся при совершенно отличныхъ отъ современнаго быта условіяхъ, нельзя и не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто окончательно установившееся, и что теорія, принимающая въ основаніе дѣленія на уѣзды и губерніи—даже главныя артеріи народной жизни—положительно вредна и ошибочна, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Всѣ виды человѣческаго общенія и общежитія—по внутренней организаціи и наружнымъ очертаніямъ, слагаются, поддерживаются и развиваются подъ такими же основными законами, какъ и всякій иной живой организмъ. Несомнѣнно, что судоходныя рѣки и желѣзные пути играютъ въ народной государственной жизни ту же роль, какая въ животномъ организмѣ выпала на долю кровеносныхъ артерій. Въ колонизаціонномъ законѣ 1764 г. указано—округи отводить въ размѣрѣ не менѣе 60—70 верстъ въ окружности на 1000 семействъ, а колоніальныя дачи внутри округа располагать такимъ образомъ, чтобы «по умноженіи поселянъ» было «способнѣе сдѣлать всякое потребное по обстоятельствамъ учрежденіе» и чтобы сами «поселенія имѣли взаимную другъ въ другѣ нужду», установленіе же ярмарокъ и торговъ дозволять, по преимуществу, только въ главныхъ селеніяхъ округа. Это правило примѣнено, къ сожалѣнію, не вездѣ въ колоніяхъ. Но, будучи примѣнено,

---

[1] Два округа колонистовъ, земельныя владѣнія которыхъ раздѣлены николаевско-новоузенскою уѣздною границею, вошли уже къ министрамъ гос. имущ., внутр. дѣлъ и юстиціи, съ просьбою, въ которой подробно доказываютъ упоминаемыя управою неудобства и просятъ о перечисленіи ихъ къ Новоузенскому уѣзду и Саратову, какъ средоточію ихъ экономической дѣятельности, съ тою цѣлію, чтобы, по упраздненіи саратовской конторы ин. пос., въ Саратовѣ же удержался,—по прежнему—центръ ихъ интересовъ административныхъ, земскихъ и судебныхъ.

оно дало блестящіе результаты; главнѣйшими представителями хозяйственныхъ и интеллигентныхъ успѣховъ колонистовъ повсюду являются теперь именно округи или волости большаго размѣра. Здѣсь выборная служба обезпечена хорошимъ содержаніемъ и обходится населенію весьма дешево. Съ другой стороны, представляя довольно широкое и почетное поле дѣятельности, служба эта привлекаетъ людей наиболѣе развитыхъ, нерѣдко съ порядочнымъ образованіемъ и матеріально обезпеченныхъ, людей, которыхъ удачный выборъ здѣсь возможнѣе, потому что онъ производится изъ значительнаго числа конкуррирующихъ кандидатовъ. Хотя общее положеніе 19-го февраля 1861 г. держится по волостному устройству иного взгляда, но опытъ уже теперь настаиваетъ на непрактичности малыхъ волостей, настоятельно требуя устраненія этого неудобства.

Далѣе раздаются у насъ почти всеобщія жалобы на несостоятельность крестьянскаго волостного суда. Но развѣ какой-бы то ни было судъ можетъ успѣшно дѣйствовать при неустройствѣ его положительнымъ закономъ?... Что же вышло бы изъ нашихъ новыхъ судебныхъ установленій, еслибъ имъ дали въ руки десятокъ-другой статей, а затѣмъ предоставили бы судьямъ руководствоваться чѣмъ Богъ на душу положитъ?... Почти въ такомъ именно положеніи находится современный волостной судъ: обществамъ указано—какъ образовать личный составъ его; для вѣдомства его постановлены грани, а тамъ внутри этихъ границъ, какъ въ обычной общинѣ и по поземельному устройству, царитъ обычай. Правда, обычай въ сущности тоже своего рода законъ; но существенное различіе между тѣмъ и другимъ—это возможность несравненно болѣе произвольнаго толкованія обычая, а слѣдовательно, и несравненно болѣе широкій просторъ для судебнаго произвола. Но, могутъ намъ возразить, обычаи въ поселянскомъ быту настолько существенно важны, что игнорировать ихъ положительно нельзя, а съ другой стороны, они въ такой степени разнообразны и своебытны, что законодателю невозможно обнять и кодифицировать ихъ всецѣло?... Вполнѣ согласны; до кодификаціи обычныхъ правилъ поселянъ еще далеко, хотя твердое начало этому дѣлу уже положено законодательствомъ по поземельному устройству сельскаго состоянія, съ которымъ органически связаны права наслѣдованія и вообще семейно-имущественный бытъ этого состоянія. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что кодификація обычая—только одна сторона вопроса, неимѣющая притомъ ничего общаго съ внѣшнею и внутреннею организаціею волостного суда со стороны формальной, механической. Условіемъ,

sine qua non, для быстраго и правильнаго отправленія правосудія нашими общими судебными установленіями, наука и законодательство признали между прочимъ, *во-первыхъ*, возможно подробнѣйшую регламентацію самого порядка веденія дѣлъ и отношеній къ суду тяжущихся и подсудимыхъ; *во-вторыхъ*, полную независимость всѣхъ органовъ суда отъ администраціи; и *въ-третьихъ*, необходимость одной инстанціи, разсматривающей и разрѣшающей дѣла безъ ограниченія цѣною иска или спора; другой, рѣшающей дѣла по существу только въ порядкѣ апелляціонномъ, но окончательно; и наконецъ, третьей—кассаціонной инстанціи. Почему же эти самыя основныя начала не вполнѣ примѣнить, по возможности, и къ суду волостному?... Или сущность дѣла здѣсь не нуждается въ такихъ же гарантіяхъ, какія опытъ и наука выработали для успѣшнаго отправленія правосудія во всѣхъ климатахъ, среди всякихъ національностей и сословій?... Опытъ, несмотря на его кратковременность, привелъ уже къ установленію для волостного суда кассаціонной инстанціи. Но почему же этою инстанціею является не съѣздъ мировыхъ судей (гдѣ это учрежденіе существуетъ), а съѣздъ мировыхъ посредниковъ, на который подобную обязанность можно и, по духу нашего законодательства, слѣдовало бы возлагать только временно, впредь до введенія новыхъ судебныхъ установленій?... Впрочемъ, обстоятельство это объясняется отчасти неустройствомъ крестьянскаго волостного суда и тѣми затрудненіями, которыя встрѣчаются при примѣненіи въ губерніяхъ судебно-мировыхъ учрежденій.

Волостной судъ, въ настоящихъ условіяхъ его существованія, разсчитанъ на волости территоріально ничтожнаго размѣра, несостоятельность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Съ увеличеніемъ размѣра волости (мѣра эта кажется уже въ ходу), и тѣмъ болѣе съ увеличеніемъ хозяйственнаго быта крестьянъ, волостной судъ окажется окончательно несостоятельнымъ до тѣхъ поръ, пока ему не дана будетъ приблизительно такая же организація, какую имѣютъ судебно-мировыя учрежденія, такъ, чтобы мировому судьѣ соотвѣтствовалъ *сельскій судъ* (или судья), какъ первая инстанція въ каждомъ сельскомъ обществѣ, или на нѣсколько ближайшихъ, смежныхъ сельскихъ обществъ; съѣзду мировыхъ судей—*судъ волостной*, какъ апелляціонная инстанція, и наконецъ, *съѣздъ мировыхъ судей*—въ качествѣ кассаціонной инстанціи волостного суда.

По сущности дѣла, въ такомъ приблизительномъ видѣ организовался путемъ практики и административныхъ инструкцій гражданскій и полицейскій судъ въ нашихъ колоніяхъ, рѣша-

ющій, начиная съ сельскаго приказа, всѣ гражданскіе споры и иски колонистовъ *на всякую сумму. И почти единственное неудобство этого порядка* заключалось доселѣ въ зависимости этого суда отъ колоніальной выборной и главной мѣстной администраціи, такъ какъ центральный органъ ея составляетъ *не чисто кассаціонную*, а *3-ю судебную инстанцію*, на рѣшенія которой нѣтъ даже кассаціи.

Устроивъ крестьянскій волостной судъ примѣнительно къ судебно-мировымъ учрежденіямъ и предполагая, что мѣры въ пользу народнаго образованія должны же принести какіе-нибудь плоды въ ближайшемъ будущемъ, намъ не пришлось бы долго ждать того времени, когда всѣ имущественные споры поселянъ на сумму *по крайней мѣрѣ* до 500 рублей [1]) могли бы безбоязненно быть предоставлены вѣдѣнію этого суда; а придумать для крестьянъ болѣе удобное, дешевое и доступное судебное учрежденіе едва-ли мыслимо. На мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ оставались-бы затѣмъ кассаціонныя жалобы на рѣшеніе волостного суда, разсмотрѣніе междусословныхъ исковъ и споровъ и дѣла о проступкахъ, такъ какъ въ отношеніи послѣднихъ, какъ выходящихъ уже изъ области обычнаго права, власть волостного суда едва ли можетъ быть расширена, а еслибы и допустить такую возможность, то расширеніе это могло бы быть лишь постепенное, крайне осторожное, и притомъ во всякомъ случаѣ не ранѣе изданія обстоятельнаго сельско-судебнаго устава или уложенія.

Всѣ эти вопросы, по нашему убѣжденію, весьма важны уже потому, что примѣненіе въ провинціяхъ, т.-е. среди сельскаго населенія, судебно-мировыхъ учрежденій, сколько оно ни желательно, въ настоящее время наталкивается однако на два капитальныхъ, почти несогласуемыхъ неудобства. Одно—это территоріальныя, пространственныя условія, требующія, въ интересахъ удободоступнаго суда, возможно большаго числа мировыхъ судей; другое — это недостатокъ вполнѣ способныхъ и достойныхъ лицъ, готовыхъ посвятить себя этой дѣятельности, а затѣмъ и дороговизна этого учрежденія, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣла, которое (замѣтимъ мимоходомъ) еще

---

[1]) При подворно-общинномъ хозяйствѣ и весьма значительной, какъ извѣстно, цѣнности поселянскаго двора въ колоніяхъ, даже норма до 500 рубл. удовлетворитъ условіямъ обезпеченнаго хода общинныхъ дѣлъ *только въ такомъ случаѣ*, если *положительный законъ* оградитъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣлостность этого двора при переходѣ его изъ рода въ родъ, отъ одного хозяина къ другому, установленіемъ подобныхъ правилъ, какія проектированы нами въ книгѣ «Наши колоніи» (стр. 241 и слѣд.).

не скоро можетъ измѣниться къ лучшему, въ большинствѣ случаевъ только вполнѣ обезпеченное содержаніе привлекаетъ, въ уѣздахъ, на должность мирового судьи лицъ надежныхъ и достаточно подготовленныхъ. Но, по плечу ли нашему земству, въ его настоящей экономической обстановкѣ и при бѣдности провинцій интеллигентными силами, учреждать *такое число* мировыхъ участковъ и замѣщать ихъ *такими* судьями, чтобы это учрежденіе могло удовлетворять самымъ существеннымъ для крестьянскаго сословія требованіямъ правосудія: *удободоступности, дешевизнѣ, правильности и быстротѣ?*... Съ своей стороны, мы положительно сомнѣваемся въ этой возможности; въ одномъ мѣстѣ недостанетъ людей, въ другомъ — денегъ, а въ большинствѣ случаевъ—и тѣхъ и другихъ.

Но намъ нѣтъ мѣста ни развить подробнѣе частностей, ни исчерпать вообще всѣхъ вопросовъ, на которые наводитъ анализъ результатовъ, достигнутыхъ нашей иностранной колонизаціею: для этого пришлось бы наполнить цѣлый томъ. Поэтому, спѣша воспользоваться остаткомъ терпѣнія читателя, скажемъ только еще нѣсколько словъ по главному предмету—о поземельномъ устройствѣ сельскаго состоянія.

По этому вопросу законодательство еще не сказало своего послѣдняго слова. А между тѣмъ только приведеніемъ къ концу крестьянскаго дѣла прежде и главнѣе всего условленъ весь дальнѣйшій успѣхъ нашего экономическаго, гражданскаго и политическаго развитія. Если не озаботиться *нынѣ же* завершеніемъ крестьянскаго дѣла *по одной, нормально разработанной системѣ*, то легко быть можетъ, что величественное зданіе, надъ созиданіемъ котораго кипитъ работа во всѣхъ концахъ Россіи, будетъ возведено не на кремнеземномъ или гранитномъ фундаментѣ, какъ бы слѣдовало по всѣмъ правиламъ техники и искусства, а на сыпучемъ пескѣ или, при особенной удачѣ, на рыхломъ известнякѣ. Крестьянство, и при томъ *крестьянство земледѣльческое* было, есть и еще долгое время будетъ главнѣйшею основою всего нашего государственнаго строя. И если-бы предоставить сельско-поземельное устройство въ настоящихъ условіяхъ самому себѣ, *дѣйствію обычая*, то западные публицисты оказались бы болѣе или менѣе правы, говоря о «сѣверномъ колоссѣ на глиняныхъ ногахъ». Взявшись разъ за дѣло, пора было бы намъ довести свои начинанія *органически до конца*. Въ этомъ смыслѣ, признавая необходимымъ безотлагательное, рѣшительное обращеніе *законодательства къ повытно-общинной системѣ крестьянскаго хозяйства, съ принципомъ мірской поземельной собственности въ основаніи*, — какъ къ ком-

бинаціи, условливающей, sine qua non, правильную постановку экономическаго, гражданственнаго и политическаго быта нашего сельскаго состоянія,—мы, какъ уже выше замѣчено, ничего чуждаго для русскаго человѣка отнюдь не предлагаемъ. Напротивъ, историческія изслѣдованія древняго быта на Руси, и въ особенности труды гг. Бѣляева [1]), Чичерина [2]), Кавелина [3]) и другихъ, доказали ясно и положительно, что въ XV и XVI столѣтіяхъ, всѣ сельскіе обыватели наши, — кромѣ извѣстныхъ «холопей», жившихъ во дворѣ владѣльца, а на землѣ его только какъ рѣдкое исключеніе,—были людьми вполнѣ свободными и граждански полноправными по закону и на дѣлѣ. Крестьяниномъ именовался собственно только *пахарь-домохозяинъ*, который, сидя *на выти* или обжѣ, т.-е. на извѣстнаго размѣра участкѣ земли или собственной, или общинной, или чужой, — былъ обязанъ «тянуть тягло», т.-е. повытно или съ обжи платить казенныя подати и отправлять повинности по общиннымъ разрубамъ и разметамъ. «Безъ хозяйства на землѣ, говоритъ г. Бѣляевъ, отъ своего лица нельзя было быть крестьяниномъ; крестьянинъ съ землей и земля съ крестьяниномъ такъ тѣсно были связаны, что крестьянинъ не могъ быть крестьяниномъ безъ земли, а земля безъ крестьянина переставала быть крестьянскою землею; всѣ отношенія крестьянина къ обществу и государству опредѣлялись *землею*, и всѣ отношенія земли, какъ земли крестьянской, условливались *хозяйствомъ крестьянина*. Сверхъ того, крестьянинъ, какъ свободный членъ русскаго общества, имѣлъ право переходить не только съ одной земли на другую, изъ города въ село и изъ села въ городъ, но и могъ поступать въ другіе классы общества: въ купцы, въ духовенство, въ служилые люди у князя» и т. д. Если же хозяева-крестьяне древней Руси представляются людомъ болѣе или менѣе кочевымъ, то подвижность эта была далеко не такъ велика, какъ обыкновенно думаютъ; къ тому же причину ея слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ общихъ политическихъ и гражданскихъ неустройствахъ; съ другой — въ многоземеліи и условленной имъ конкурренціи между землевладѣльцами, перезывавшими сельчанъ съ одной земли на другую разными льготами, выгодами и даже насиліемъ. Наконецъ, причина этой подвижности заключалась еще въ злоупотребленіяхъ

---

[1]) «Крестьяне на Руси». И. Бѣляева. Москва, 1860.

[2]) «Опыты по исторіи русскаго права». Б. Чичерина. Москва, 1858.

[3]) «Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія.» Спб. 1860.

со стороны казны или владѣльца тягломъ, которое нигдѣ не было опредѣляемо *положительно* ни уложеніемъ, ни другимъ какимъ-либо извѣстнымъ указомъ, а предписывалось въ «послушныхъ грамотахъ» крестьянамъ *въ общихъ выраженіяхъ:* «пашню на помѣщика или вотчинника пахать и доходъ вотчинниковъ имъ платить». Изъ всего этого слѣдуетъ, что повытный земельный участокъ (обжа) имѣлъ для крестьянина *нормальное хозяйственное* значеніе только въ неразрывно тѣсной связи съ тягломъ; говоря иначе, прочность на землѣ и благосостояніе крестьянина условливались прежде всего—*правильнымъ соотношеніемъ двухъ единицъ: одной хозяйственно-поземельной къ другой подоходно-фискальной.* Далѣе доказано, что каждый крестьянинъ состоялъ непремѣнно членомъ сельской общины или волости, и что какъ общинѣ, такъ и отдѣльному ея члену-домохозяину, были присвоены весьма широкія права по распоряженію своими общинными землями и повытными участками: и тѣ и другіе могли даже свободно продавать свои земли, или по крайней мѣрѣ, какъ наши колонисты, свое право потомственнаго пользованія ими. Населеніе общины слагалось изъ поселянъ трехъ главныхъ видовъ: *крестьянъ, бобылей и казаковъ.* Изъ нихъ, бобыли сидѣли на половинныхъ, четвертныхъ и т. д. вытяхъ, и тянули, конечно, половинное, четвертное и т. д. тягло. Казаки составляли большею частію классъ бездомныхъ батраковъ, «вольныхъ государевыхъ, гулящихъ людей, захребетниковъ, подсусѣдниковъ»; они сидѣли «за чужимъ тягломъ», а потому не имѣли голоса и значенія въ земскихъ дѣлахъ общины до тѣхъ поръ, пока сами не дѣлались тяглыми домохозяевами. Община пользовалась самоуправленіемъ и самосудомъ, чрезъ выборныхъ начальниковъ и судей. Мѣстами было ей присвоено даже право жизни и смерти надъ своими членами и выборными начальниками.

Этимъ порядкомъ дѣла шли частію даже еще въ продолженіе XVII вѣка. Но, съ прекращеніемъ, въ 1598 г., Рюрикова дома, Русь лишилась своего прежняго регулятора — царскаго режима, а съ нимъ представители двухъ началъ — личнаго и общиннаго, увлекаемые противоположностью своихъ сословныхъ интересовъ, потеряли и прежнее свое равновѣсіе; они сдѣлались послушными орудіями собственныхъ своекорыстныхъ цѣлей и интригъ внѣшняго врага: настало «смутное время». Извѣстно, съ какими притязаніями выступали въ этотъ грустный періодъ обѣ борющіяся силы русской земли: бояре и вообще служилое сословіе, какъ представители личной собственности, и земство, какъ представитель общиннаго начала. Только напоръ внѣшняго

врага и всеобщее изнеможеніе доказали враждующимъ, что взаимное порабощеніе путемъ грубаго насилія для нихъ невозможно и что непримиреніе приведетъ ихъ только подъ власть иноземцевъ. Наконецъ, съ избраніемъ въ 1613 г. на царство Михаила прежній режимъ, а съ нимъ, повидимому, и прежнее равновѣсіе были возстановлены на Руси. Но, внесенныя смутнымъ періодомъ въ русское общество начала западно-европейскаго поземельнаго строя были поняты и усвоены боярами и людьми служилыми и не замедлили охватить всю Русь страшнымъ зломъ крѣпостного состоянія.

Кто же изъ нашихъ читателей въ русской общинѣ XV и XVI столѣтій сразу не узнаетъ прототипа того *граждански развитаго* и юридически организованнаго колонистскаго общества, которое мы рекомендуемъ? И кто же, зная историческій ходъ развитія у насъ крѣпостного состоянія, созданнаго постепеннымъ возведеніемъ частныхъ злоупотребленій, личнаго произвола и насилія — въ общія нормы народной жизни, въ законъ, кто же, зная это, не убѣждается, что безотрадное состояніе крестьянства, обусловленное сперва общими неустройствами, все еще ухудшалось по мѣрѣ того, кткъ шла ломка его общинныхъ правъ и хозяйственно-фискальныхъ условій. Дѣло это началось съ *закрѣпленія къ землѣ*, сверхъ крестьянъ-хозяевъ, лишившихся такимъ образомъ возможности уходить отъ злоупотребленій владѣльческимъ и казеннымъ тягломъ, еще и *родичей* этихъ хозяевъ, и вообще «государевыхъ вольныхъ, гулящихъ людей». Благосостоянію и общинному благоустройству крестьянъ былъ нанесенъ новый рѣшительный ударъ, когда, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, вотчинники и помѣстные владѣльцы начали переводить крестьянъ и мѣняться ими *безъ земли*, и когда это злоупотребленіе было узаконено указомъ 13-го октября 1675 г. Но, сами по себѣ, эти мѣры еще не были въ состояніи довершить хозяйственнаго разстройства крестьянъ, такъ какъ владѣльцы, по закону, все еще были обязаны ограничивать свои съ нихъ требованія соразмѣрностью съ землей, а количество земли на каждый крестьянскій и бобыльскій дворъ все еще оставалось по прежнему, постоянно одно и тоже, именно: «на крестьянскую выть четыре чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ, и на бобыльскую по двѣ чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ» [1]).

---

[1]) По правиламъ генеральнаго межеванія «четь» принята въ размѣрѣ пол-десятины. По этому разсчету, *крестьянскій дворъ* имѣлъ до 6 десятинъ однихъ пахотныхъ полей, а *бобыльскій* — до трехъ десятинъ «доброй земли». (Ст. 567 ч. 3 т. X зак. меж.). Встрѣчались, впрочемъ, дворы: двутяглые и т. д. Кромѣ того, размѣръ выти

«Но, говоритъ г. Бѣляевъ, что было прежде злоупотребленіемъ, теперь мало-по-малу переходитъ въ обычай и незамѣтно утверждается закономъ. Незамѣтно узелъ прикрѣпленія затягивается туже и туже, земля ускользаетъ изъ-подъ крестьянъ, и они, изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ, дѣлаются крѣпостными своихъ господъ, наравнѣ съ холопами» (дворовыми). Наконецъ дошло и до *совершеннаго отдѣленія тягла отъ земли*; мало-помалу тягло было перенесено на личность крестьянина безъ всякаго соотношенія къ землѣ, къ выти, т.-е. прежнее *хозяйственно-подоходное тягло* обратилось въ *тягло лично-подушное*. Въ тоже время крестьяне *лично* же сдѣлались какъ бы полною частною собственностью либо казны, либо вотчинника и помѣщика, которые, напротивъ, утеряли окончательно существовавшее между ними въ началѣ весьма существенное правовое различіе. Народною переписью 1719 г., первой въ имперіи, всѣ лишенія крестьянъ прежнихъ правъ, мало-по-малу вошедшія въ жизнь, были окончательно утверждены закономъ; извѣстнымъ указомъ 1722 года, подушный окладъ положенъ въ основаніе казеннаго фиска, безъ одновременнаго гарантированія цѣлости тяглового двора-хозяйства, и съ того времени начинается самый мрачный періодъ нашего крестьянства.

Для насъ совершенно достаточно вышесказаннаго, чтобы убѣдиться, какимъ путемъ законодательство, подъ давленіемъ крѣпостничества и цѣлей чисто фискальныхъ, постепенно теряло изъ виду прежнее экономическое значеніе крестьянскаго двора-хозяйства, а наконецъ, утерявъ его совершенно переложеніемъ тягла съ выти на душу, привело крестьянъ, путемъ фискальнаго насилія къ душевому передѣлу тягло-вытныхъ угодій, какъ къ единственному исходу, какой оставался прикрѣпленному къ землѣ населенію для спасенія хотя призрака прежняго тяглоповытнаго оклада. «Теперь, — говоритъ г. Чичеринъ въ своихъ опытахъ по исторіи русскаго права, — когда народъ (а не земля, какъ было прежде) сдѣлался главною силою государства, тягло должно было необходимо перейти на лицо. Посошная подать, черезъ подворную, естественнымъ образомъ перешла въ подушную: лицо выступило на первый планъ, а земля сдѣлалась его придаткомъ, прежняя же община изъ владѣльческой и поземельной сдѣлалась сословною и государственною» (стр. 32). Въ тоже время «когда введена была подушная подать, установился и обы-

---

завнсѣлъ еще отъ качества земли: на нее полагалось «середней» земли 14 четей или 7 десятинъ, а въ «худой» землѣ 16 четей или 8 десятинъ. («Крестьяне на Руси.» Бѣляева, стр. 117 — 118).

чай раздѣлять земли по числу душъ, написанныхъ въ ревизіи» (стр. 46). Различіе двухъ окладовъ—подушнагô и десятинно-поземельнаго—слишкомъ существенно, чтобы сразу не понять его; наглядный примѣръ тому приведенъ въ книгѣ «Наши колоніи» (стр. 140), въ сравнительныхъ окладахъ, существующихъ доселѣ для колонистовъ. И еслибъ предположить, что подобный порядокъ обложенія сборами будетъ продолжаться еще съ полвѣка, то невольно спрашивается: что же вышло бы въ такомъ случаѣ изъ нынѣшнихъ образцовыхъ колоній, платящихъ подушно-оброчный окладъ? Развѣ здѣсь, *не теперь* уже мы видимъ попытки безземельнаго населенія добиться въ крайнемъ случаѣ уравнительнаго передѣла общинныхъ угодій *по душамъ, соотвѣтственно податному окладу*, несмотря даже на полное сознаніе неминуемыхъ послѣдствій, къ которымъ привела бы такая мѣра?... Къ счастію, колонисты и въ массѣ понимаютъ это дѣло очень хорошо; если же не обращались доселѣ къ правительству о замѣнѣ подушно-оброчнаго оклада — подесятиннымъ, то только потому, что система эта общая по имперіи, и что прочія преимущества ихъ предъ крестьянствомъ лишили бы подобное ходатайство относительно справедливаго основанія.

Но колонисты рѣшили помочь себѣ инымъ путемъ. Они спѣшатъ во чтò бы то ни стало вывести изъ среды коренныхъ водвореній, *на новыя земли, излишекъ своихъ окладныхъ душъ*, и этимъ путемъ возстановить повозможную соразмѣрность съ землевладѣніемъ подушно-оброчнаго оклада. Наконецъ, и само правительство пришло къ заключенію, что подобной фискальной системы не въ силахъ выдержать даже и самое образцовое крестьянское хозяйство: на основаніи положенія и временныхъ правилъ для земскихъ учрежденій, всѣ повинности, отбываемыя не натурою, взыскиваются по уравнительнымъ раскладкамъ съ имуществъ и доходныхъ статей (предметовъ обложенія), а указъ 24 ноября 1866 г., опредѣлилъ кратковременные сроки, въ которые прежняя подушно-оброчная подать повсемѣстно должна быть переложена обратно на землю, и чтò главное, *въ теченіе 20 лѣтъ*, со дня введенія владѣнныхъ записей или люстраціонныхъ актовъ, *не можетъ быть увеличена*. Вообще же и впослѣдствіи возвышеніе оклада оброчной подати можетъ состояться *не иначе, какъ законодательнымъ путемъ*. Такимъ образомъ, отъ прежней фискальной системы остаются: подушная государственная подать въ тѣсномъ смыслѣ и тѣ изъ повинностей, которыя отбываются доселѣ натурою, но либо самимъ земствомъ могутъ быть обращены на предметы обложенія, либо, какъ напр., повинность рекрутская, отбываются, по желанію и возможности,

натурою или деньгами. Но, во всякомъ случаѣ, желательно совершенно и однажды навсегда устранить нынѣшнее *подушное* обложеніе, тѣмъ болѣе, что осуществленіе этой мѣры точно также незатруднительно, какъ и совершающееся переложеніе оброчной подати — съ душъ на землю. По нашему мнѣнію, если положительно *нѣтъ* возможности допустить какимъ бы то ни было путемъ облегченіе податной тяги вообще, то необходимо и весьма удобно обратить *подушную* подать въ *рабочій* налогъ, такимъ образомъ, чтобы общая сумма нынѣшняго подушнаго сбора, будучи разверстана уравнительно на наличное по новой ревизіи число рабочихъ 18—60-ти лѣтняго возраста, дала окладъ, который слѣдуетъ признать нормальнымъ и не подлежащимъ увеличенію или *навсегда*, или *по крайней мѣрѣ* на тѣ же сроки, какіе будутъ устанавливаемы для неизмѣнности государственной оброчной подати. Понятно, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ отъ ревизіи до ревизіи числа окладныхъ работниковъ должна возрастать сама собою и общая сумма сбора; но здѣсь это увеличеніе потеряло бы свой фатальный для плательщиковъ характеръ, такъ какъ рабочій налогъ, при внутренней раскладкѣ самихъ обществъ съ одной стороны, всегда оставался бы пропорціоналенъ рабочей, т.-е. дѣйствительно производительной, силѣ общины, а съ другой — падалъ-бы непосредственно и именно только на податноспособное лицо, а не на малыхъ дѣтей, недорослей и дряхлыхъ стариковъ [1]).

---

[1]) Всѣ согласны въ томъ, что «круговая порука» сдѣлалась особенно тягостною только въ относительно недавнее время, т.-е. со времени значительнаго увеличенія подушныхъ окладовъ и введенія земскихъ учрежденій. Земскія раскладки особенно возбуждаютъ въ насъ самыя серьезныя опасенія; принятая ими *пропорціональность* обложенія по имущественнымъ разрядамъ или классамъ очевидно всею тяжестью обрушивается главнымъ образомъ на массу крестьянъ, которыхъ активное участіе въ земскомъ *само*обложеніи есть очевидная для всякаго фикція. Промысло-торговый и фабричный классъ извѣстнымъ закономъ избавленъ отъ произвольныхъ земскихъ пропорціонированій, классификацій и другихъ мѣропріятій; но за-то крестьяне отданы на полнѣйшій произволъ. Если закономъ не будетъ положенъ и здѣсь нормальный предѣлъ «мѣропріятіямъ», то система эта не можетъ не привести къ *окончательному* разоренію сельскаго состоянія. А у насъ думаютъ не объ этомъ. Наша податная коммиссія, напротивъ, выбивается изъ силъ, чтобы создать, сверхъ земскаго еще и фискальный винтъ, который выкачивалъ-бы сокъ изъ крестьянъ по той же системѣ пропорціонированій и классификацій!... Читателямъ, спеціально интересующимся этими вопросами, мы совѣтуемъ со вниманіемъ прочесть недавно вышедшую брошюру нашего финансиста А. Леонгарда: «Нѣсколько словъ о нашихъ финансовыхъ учрежденіяхъ» и въ «Отечеств. Запискахъ» (ноябрь 1869), статью Скалдина: «Въ захолустьи и въ столицѣ». Повидимому, крайне опасное положеніе крестьянъ начали сознавать даже экономисты, столь усердно ратовавшіе въ пользу отмѣны подушной податной системы: «Моск. Вѣд.» № 233 и «С.-Пет. Вѣд.» № 309, 1869.

Ясно и несомнѣнно, что съ душевой фискальной системой при томъ примѣненіи, какое она находила слишкомъ долгое время, могла бороться до агоніи одна только наша община, связанная круговою порукою. Но не менѣе понятно и то, что этому грѣху не причастны ни самая система *личнаго* обложенія, ни общинный принципъ. Въ вѣковой борьбѣ съ насиліями и злоупотребленіями личнаго начала, крестьяне утеряли свое повытно-общинное поземельное устройство, свой повытно-тяглый дворъ-хозяйство; только подъ роковыми ударами личнаго принципа и *ложно-примѣненной* фискальной системы разбилась эта панацея, охранявшая гражданскую полноправность и хозяйственную состоятельность крестьянъ даже въ роковые періоды самыхъ тяжелыхъ невзгодъ; только съ замѣною тягла подушнымъ окладомъ, и, какъ прямое послѣдствіе этого, съ замѣною выти—душевымъ передѣломъ земли, окончательно пало общинное благоустройство и подсѣклись въ самомъ корнѣ экономическія и нравственныя силы народа; только на развалинахъ крестьянскаго повытно-общиннаго поземельнаго владѣнія, личное начало, въ видѣ безграничнаго чиновничьяго и владѣльческаго произвола, получило возможность безпрепятственно пировать свое торжество. Но глухое броженіе народныхъ массъ не переставало заявлять о попранныхъ правахъ народа; тутъ и тамъ оно сказывалось въ частныхъ возстаніяхъ крестьянъ. Наконецъ, броженіе это, разразившись страшнымъ кризисомъ—пугачевщиной, положило твердое начало реакціи въ пользу страдальца-крестьянина.

Ледяной, мертвящій холодъ вкрадывается въ душу, когда глубже вдумываешься въ эту трехвѣковую драму народной жизни. Съ невольнымъ ужасомъ спрашиваешь себя: вошли-ли по крайней мѣрѣ въ настоящее время въ законные предѣлы силы личнаго начала и не продолжается-ли прежняя работа крѣпостничества? Правда, рѣшительный поворотъ къ утраченнымъ порядкамъ прежняго русскаго сельскаго устройства сдѣланъ. Но зачѣмъ же останавливаться на полъ-пути?... Или смущаютъ насъ порядки Запада, — его summum jus, summa injuria?... Но развѣ тамъ не начался давно уже конечный разсчетъ съ чрезмѣрными притязаніями всемогущаго личнаго принципа, — разсчетъ, зловѣщія знаменія котораго, наполнивъ уже исторію кровью и всякаго рода ужасами, должны-бы служить для насъ предостереженіями добраго генія, витающаго надъ русскою землею?... Развѣ не 70—100 и болѣе лѣтъ уже наши колонистскія общины-собственники существуютъ при общественномъ самоуправленіи и поземельномъ устройствѣ, которое есть несомнѣнное достояніе русскаго народа и только на нашихъ глазахъ, послѣ вѣковой агоніи, возвращается

къ крестьянству вновь?... Спросите, допытайтесь отъ нашихъ колонистовъ, во что̀ они цѣнятъ свою юридическую общину-собственника, и на какую *иную* комбинацію они были-бы готовы смѣнять *эти чисто-русскіе порядки*, давно уже сдѣлавшіеся для нихъ *вполнѣ своими*?... Вспомните, какъ колонисты пересаживаютъ свои общинно-поземельныя начала повсюду — даже на земли, пріобрѣтаемыя обществомъ или товариществомъ земледѣльцевъ въ полную собственность. Если же современный бытъ колонистовъ поставилъ въ колоніяхъ на очередь такіе вопросы, которые не по плечу новымъ крестьянскимъ Положеніямъ, то развѣ тѣ же вопросы не возникнутъ со временемъ и въ средѣ крестьянъ?... Понятно, если эти Положенія соразмѣрены болѣе или менѣе удовлетворительно со скромными средствами и не широкими до времени потребностями крестьянъ; но ясно и то, что тѣ же Положенія, будучи примѣнены всецѣло къ колоніямъ, должны-бы казаться во многихъ отношеніяхъ дѣтскою курткою, напяленною на взрослаго человѣка. Съ другой стороны, каждый русскій, которому дороги слава, могущество и благосостояніе отечества, живетъ въ полномъ упованіи, что должна же, наконецъ, и для нашего крестьянина вновь настать пора возмужалости. Поэтому спрашивается, что̀ же въ смыслѣ общаго преуспѣянія выгоднѣе для насъ, т.-е. выгоднѣе-ли напялить на наши колонистскія общины куртку, рискуя стѣснить ихъ дальнѣйшее прогрессивное развитіе, настоятельно требующее нѣсколько болѣе широкаго простора, нежели разслабленный, едва-едва оправляющійся отъ вѣкового кошемара бытъ крестьянъ; или напротивъ, взявъ во вниманіе порядки и потребности колоній, которыя въ полномъ соку и представляютъ собою столѣтній опытъ примѣненія на болѣе современныхъ началахъ искони русскаго, общинно-крестьянскаго устройства, привести эти порядки къ одному знаменателю, т.-е. окончательно выработать, на основаніи вѣкового опыта, одну нормальную систему общаго сельскаго устроенія и, послѣдовательно примѣняя ее къ поселянскому быту *во всѣхъ частяхъ имперіи*, довести такимъ образомъ наше сельское состояніе въ уровень съ колонистами, остающіяся же доселѣ привилегіи послѣднихъ — свободу отъ рекрутства и военнаго постоя — обратить въ срочную льготу. И едва-ли не сами поселенцы, понявъ правильно свои интересы въ земствѣ, приходятъ мало-по-малу уже теперь къ убѣжденію въ полной справедливости этой послѣдней мѣры.

Только, и единственно только при постановкѣ общаго вопроса въ указанномъ нами смыслѣ, колонисты наши сторицею расплатятся съ русскимъ обществомъ за всѣ тѣ выгоды, льготы и

преимущества, которыя или давно уже не существуютъ, или въ большинствѣ случаевъ утратили свою прежнюю исключительность, сдѣлавшись теперь условіями совершенно нормальными. Только рядомъ съ гражданскимъ безсиліемъ, нравственною приниженностью и экономическимъ разстройствомъ огромнаго большинства русскаго крестьянства, такъ-называемое «привилегированное» положеніе колонистовъ сохраняетъ и по сю пору въ глазахъ нашего общества такое широкое значеніе, которое, съ точки зрѣнія внутренняго благоустройства и благосостоянія колонистскихъ общинъ, есть оптическій обманъ, не выдерживающій критики. Еще болѣе страннымъ должно казаться чувство безотчетной, слѣпой антипатіи, дѣлающее многихъ изъ насъ почти глухими и слѣпыми къ очевиднымъ, несомнѣннымъ заслугамъ колонистовъ, какъ трудолюбиваго, достигшаго замѣчательныхъ успѣховъ въ своемъ быту, земледѣльческаго сословія. Неужели, спросили бы мы такихъ лицъ — колонисты лучше отблагодарили бы насъ, еслибъ они и доселѣ остались тѣмъ же нищимъ, безпутнымъ сбродомъ, какимъ была бо́льшая половина ихъ въ началѣ поселенія?... Или было бы отраднѣе, еслибъ *наши самые старательные опыты русскаго сельскаго устройства* оказались въ концѣ концовъ вполнѣ несостоятельными и неудачными?!..

Нѣтъ, мы иначе смотримъ на благоустройство, богатство и современныя потребности колоній. Главнѣйшія, существеннѣйшія основанія этого устройства были установлены колонизаціоннымъ закономъ *19 марта* 1764 г. и инструкціями 1801 — 1803 гг. И что законы эти стоятъ всецѣло *на народной рускoй почвѣ*, въ томъ, послѣ всего сказаннаго, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Уже въ XVIII вѣкѣ вниманіе правительства, въ лицѣ лучшихъ представителей общества, было серьезно озабочено экономическимъ и нравственнымъ разстройствомъ крестьянъ. Неопровержимымъ тому доказательствомъ служитъ между прочимъ экономическая инструкція, данная, въ 1770 г. [1]),

[1]) Въ п. 6 этой инструкціи (Полн. Собр. Зак. 1778 г: № 13,590) сказано: «Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ крестьяне дѣлятъ землю не по числу имѣющихся во дворѣ *работниковъ*, но по числу написанныхъ въ ревизскихъ сказкахъ мужескаго пола душъ, отъ чего происходитъ, что, вмѣсто должнаго управленія, крестьяне одинъ предъ другимъ несутъ въ прокормленіи своихъ семей и въ платежѣ податей разорительное отягощеніе, потому что нерѣдко случается, что хотя во дворѣ, состоящемъ въ пять мужескаго пола душъ, одинъ только находится работникъ, а четыре въ томъ числѣ малолѣтные, или престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества исправлять не могущіе, однако же долженъ тотъ одинъ работникъ какъ для всего своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не за одну только свою душу, но и за малолѣтныхъ и престарѣлыхъ заплатить, и хотя на всѣ оныя души земля у него и есть, но недостаетъ у него силы оную об-

для управленія крестьянами духовнаго вѣдомства, отобранными въ то время въ казну.

Цѣль и значеніе п. 6-го этой инструкціи, понятныя уже изъ буквальнаго смысла текста, выяснены окончательно г. Чичеринымъ путемъ научнаго изслѣдованія [1]); но насколько была достигнута предположенная правительствомъ цѣль, о томъ нѣтъ слѣдовъ. Впрочемъ, пальятивный пріемъ въ практическомъ приложеніи инструкціи въ отношеніи собственно распредѣленія земель, раскладки сборовъ и т. п. внутри сельскаго общества, уже самъ собою ручается, что мѣра эта не могла оказать значительнаго и прочнаго вліянія на крестьянъ, до которыхъ она касалась. Но для насъ актъ этотъ имѣетъ важное значеніе, вполнѣ объясняя тѣ соображенія, которыми законодательная власть, нестѣсняемая ни крѣпостническими тенденціями, ни исключительно финансовыми цѣлями, руководилась при устройствѣ внутреннихъ поземельныхъ распорядковъ колоній. Отсюда же ясно, почему общимъ правиломъ колонизаціи, измѣнившимся только впослѣдствіи подъ вліяніемъ фискальной нивеллировки, было постановлено облагать колонистовъ *одною поземельною податью*; почему у нихъ явились, и доселѣ сохранились, *по закону*, общественные сборы «съ взрослыхъ работниковъ отъ 16 до 60-ти-лѣтняго возраста» и почему въ большинствѣ южныхъ колоній, и прежде всего тамъ, гдѣ вмѣсто подушно-оброчнаго оклада существовала подесятинная поземельная подать, могли сами собою установиться, съ одной стороны, *полное равноправіе по имуществу обоихъ половъ*, отъ котораго до полной политической правоспособности

работывать, ниже другою крестьянскою работою исправляться, почему таковые и принуждены излишнюю землю и сѣнные покосы отдавать другимъ въ наемъ, но и то за дешевую цѣну, ибо сосѣди, зная его необходимость, надлежащей цѣны не даютъ. Сверхъ сего бываетъ и то, что по довольству въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земель, и въ наемъ оныхъ брать некому, почему принужденъ такой одинокій крестьянинъ свой участокъ земли оставить впустѣ, а сами они отъ времени до времени приходятъ въ скудость и совершенное разореніе. Въ отвращеніе сего экономическимъ правленіемъ, каждому въ своемъ вѣдомствѣ, при каждомъ случающемся изслѣдованіи о допущенныхъ недоимкахъ надлежитъ наиприлежнѣйше освѣдомиться, не отъ сего ли описаннаго крестьянскаго, *издревле вкоренившагося обычая* (?) сами они къ своему разоренію терпятъ оскудѣніе, и буде подлинно при томъ откроется тотъ порядокъ, то *немедленно велѣть такое селеніе непремѣнно расписывать на тягла, полагая въ оное работниковъ отъ 15 до 60-лѣтняго возраста и исчисляя собираемую со всего селенія подать, раскладывать на тягла;* а посему *раздѣленіе земель и взысканіе податей* дѣлить уже не съ душъ, но съ тяглъ, а сверхъ сего наблюдать и того, дабы крестьяне малосемейные отъ семей своихъ не отдѣлялись, а непремѣнно бы считалось въ каждомъ тяглѣ по 4 человѣка, и покрайней мѣрѣ по 3 работника».

[1]) «Опыты по исторіи русскаго права» стр. 46, 134 и 135.

одинъ только, и притомъ совершенно естественный шагъ, а съ другой стороны, *обычай* уплачивать сборы, налагаемые подушно, по уравнительной раскладкѣ на взрослыхъ *работниковъ обоего пола.* Понятно, что это послѣднее обстоятельство подвигаетъ вопросъ о безусловномъ равноправіи обоихъ половъ еще ближе къ окончательному разрѣшенію, такъ какъ женщинѣ-хозяйкѣ, несущей, лично и по имуществу, всѣ податныя и повинныя тягости, наравнѣ со всякимъ другимъ членомъ общества, едва ли можетъ быть отказано въ правѣ личнаго участія въ занятіяхъ сельскаго схода и т. д. Вотъ на какомъ основаніи мы утверждаемъ, что успѣхъ колоній есть только безспорное, фактически неопровержимое доказательство того, что существовавшее уже въ XV и XVI столѣтіяхъ, такъ сказать вчернѣ, въ зародышѣ, общинно-повытное устройство нашихъ крестьянъ составляетъ именно ту искомую поземельную комбинацію, внѣ которой для сельскаго работника нѣтъ спасенія отъ крѣпостническихъ поползновеній, какъ нѣтъ его и для работника-горожанина внѣ артели, внѣ Лассалевскихъ или Шульце-Деличевскихъ ассоціацій, и что еслибы означенное поземельное устройство, будучи систематически развито и утверждено положительнымъ закономъ, встрѣтило за всѣ прошлые вѣка, вмѣсто злоупотребленій и насилій всякаго рода, ту же постоянно-твердую опору въ попечительно-организующей законодательной власти, какою воспользовались за послѣднія 70 лѣтъ колоніи, то вовсе не существовало бы въ нашей исторіи темнаго періода крѣпостничества, и сами крестьяне не только стояли бы во всѣхъ отношеніяхъ въ уровень съ колонистами, но, быть можетъ, и несравненно выше ихъ; вѣрнѣе же всего, послѣднихъ бы на Руси вовсе не было, такъ какъ достало-бъ нашихъ собственныхъ силъ, нашихъ «государевыхъ вольныхъ, гулящихъ» людей, т.-е. безземельныхъ общинниковъ, для прочной, систематической колонизаціи окраинныхъ пустырей имперіи — благоустроенными общинами, а не казацкой вольницею.

Но русскому народу было суждено пережить страшную болѣзнь крѣпостного состоянія и всѣ послѣдствія неумѣлой растраты избытка силъ въ неустроенномъ казачествѣ и въ еще менѣе удовлетворительной колонизаціи служилыхъ людей-собственниковъ, образовавшихъ въ своемъ потомствѣ нашихъ жалкихъ однодворцевъ. И волей-неволею приходится теперь признать неопровержимость того историческаго факта, что во главѣ нашего сельскаго состоянія стоитъ не масса русскихъ крестьянъ, и еще менѣе прежній вольный казакъ или однодворецъ-собственникъ, а колонистская земледѣльческая община съ ея повытными хозяйствами. Быть можетъ горько, но нужно сознаться, что всякая попытка

сбить колонистовъ съ этой позиціи путемъ сознательнаго небреженія къ современнымъ ихъ потребностямъ была бы по меньшей мѣрѣ невыгодна для насъ самихъ, да къ тому же и крайне несправедлива, такъ какъ колоніи, въ огромномъ большинствѣ, выполняютъ свою задачу неуклонно, честно и добросовѣстно. Слѣдовательно остается одно: воспользоваться съ должнымъ пониманіемъ опытами колонизаціи и тѣмъ предохранить себя отъ той ошибки, въ которой сплошь и рядомъ обвиняютъ нашихъ крестьянъ [1]), а еще чаще самихъ колонистовъ. Или колоніи не представляютъ собою результата нашихъ собственныхъ опытовъ надъ своими же, чисто русскими, порядками? Что́ же можетъ препятствовать возведенію въ общіе принципы, *въ законъ*, всего того, что въ наилучше организованныхъ колоніяхъ оказалось пригоднымъ, отвергая напротивъ, при дальнѣйшемъ устройствѣ сельскаго состоянія, не исключая самихъ колонистовъ, все, оказавшееся у послѣднихъ почему-либо вреднымъ, несостоятельнымъ и несоотвѣтствующимъ цѣли?... Давши крестьянину-пахарю не только политико-гражданское полноправіе, но и землю, мы, конечно, имѣли въ виду, что только въ такихъ именно условіяхъ положеніе земледѣльца является нормальнымъ и выгоднымъ какъ лично для него, такъ въ особенности и для цѣлаго общества, государства. Но отсюда уже сама собою истекаетъ разумная необходимость оградить это, не дешево пріобрѣтенное, *нормальное* положеніе крестьянина, т.-е. необходимость предупредить *навсегда* всякую возможность къ обезземеленію пахаря-крестьянина вновь. Для достиженія же этой цѣли, необходимо постановить такіе порядки, при которыхъ крестьянская община будетъ вполнѣ обезпечена въ своемъ земельномъ вла-

---

[1]) И въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли читать и выслушивать такого рода толки, что колонизація иностранцевъ не принесла намъ никакой пользы, *такъ какъ* сосѣдніе съ колоніями крестьяне не усвоили себѣ ихъ порядковъ и т. д. Такіе критики забываютъ совершенно, что противъ требуемаго ими усвоенія стоялъ весь политико-соціальный строй нашихъ крестьянъ. Не могъ же кабальный бытъ, *по закону*, усвоивать себѣ порядки свободныхъ учрежденій—*вопреки закона*. Теперь всѣ главнѣйшія, органическія препятствія устранены; настало время и возможность для крестьянъ воспользоваться опытами своихъ сосѣдей-колонистовъ. И въ виду этого, было-бы уже *дѣйствительнымъ курьезомъ*, если бъ именно теперь столѣтній опытъ нашъ въ колоніяхъ надъ свободною земледѣльческою общиною-собственникомъ безслѣдно исчезъ изъ законодательства, а затѣмъ, быть можетъ, и изъ самой жизни, такъ какъ настоящую сплоченность колонистскаго сельскаго общества при дѣйствіи общинно-земельнаго принципа,—безъ этого принципа сохранятъ развѣ одни только сектаторы, у которыхъ вездѣ и повсюду религіозно-нравственные интересы столь жизненны, и церковно-общинная дисциплина настолько сильна, что факторы эти если не вполнѣ, то въ значительной степени приводятъ населеніе и къ тѣсной экономической связи.

дѣніи и ограждена отъ вторженія въ нее элементовъ чуждыхъ, враждебныхъ, находясь въ тоже время и въ такихъ хозяйственныхъ условіяхъ, которыя дадутъ ея хозяевамъ полную возможность къ наиболѣе выгодной эксплуатаціи своихъ земельныхъ угодій. Однимъ словомъ, если XVII вѣкъ, прикрѣпивъ крестьянина лично къ мѣсту, вырвалъ изъ-подъ него землю и тѣмъ привелъ его къ политико-гражданскому обезличенію, къ крѣпостному состоянію, то теперь, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, съ возстановленіемъ прежнихъ политико-гражданскихъ правъ крестьянина *внутри* и *внѣ* общества, задача законодательства можетъ состоять только въ томъ, чтобы окончательно организовать правовыя отношенія крестьянина *по землѣ*, равнымъ образомъ *внутри* и *внѣ* общества. Но здѣсь уже не могутъ не играть важнѣйшей роли преимущественно политико-экономическія соображенія, такъ какъ крестьянскій дворъ-хозяйство, въ извѣстномъ смыслѣ, прежде всего есть своего рода промышленная единица, успѣхъ или неуспѣхъ которой тѣсно связаны съ преуспѣяніемъ цѣлой общины и условлены не случайностію, а непреложными экономическими законами.

Такъ опытъ нашей иностранной колонизаціи неоспоримо доказалъ, между прочимъ, насколько необходимо, чтобы объ руку съ земледѣліемъ шли не столько *отхожіе* промыслы и заработки, сколько *мѣстныя* ремесла, промыслы и торговля, удовлетворяющія *нуждамъ сельскаго хозяйства*. И сознаніе это существовало уже въ прошломъ вѣкѣ. Колонизаціонный законъ 19-го марта 1764 между прочимъ указывалъ, чтобы «въ каждой округѣ» за надѣломъ поселянскихъ обществъ оставалась нѣкоторая часть запасной земли «для будущихъ дѣтей, дабы оныя, пришедши въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли», и чтобы, *сверхъ того*, при всякомъ отдѣльномъ селеніи отводилось «пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ для *рукомесленниковъ* шестая часть противъ общаго числа всѣхъ крестьянскихъ дворовъ», да такая же часть дворовъ «съ пашенной землею и прочими угодьями для размножающихся впредь жителей того же селенія». Такимъ образомъ, если первоначальное общество состояло изъ 30 хозяевъ—Wirthe, то такому селенію, независимо отъ ихъ надѣла и «запаса округи», прирѣзывалось еще угодій на 5 полныхъ Wirthe (по 65, 60 дес.), и на 5 Anwohner'скихъ усадебъ, каждая въ пять дес. усадебной, огородной и выгонной земли. Въ новѣйшихъ же правилахъ, на основаніи которыхъ съ 1855 г. водворяются въ самарской губ. меннониты изъ Пруссіи, въ каждой отдѣльной колоніи $1/_{20}$ часть ея надѣла предназначается исключительно подъ Anwohner'скія усадьбы,

каждая не свыше трехъ десятинъ. Наконецъ, уставъ о кол. (ст. 112 и слѣд.), не смотря на пріостановленіе еще съ 1820 г. собственно *земледѣльческой* колонизаціи иностранцевъ, и до сего времени дозволяетъ «верстать въ число колонистовъ», по пріемнымъ приговорамъ обществъ, иностранцевъ: портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ, кузнецовъ, горшечниковъ, мѣдниковъ, ткачей и каменьщиковъ. «Всѣ же прочіе художники и мастеровые, прибавляетъ законъ, кои для *деревенской жизни безполезны*, за колонистовъ признаваемы быть не могутъ». Такое предпочтеніе, оказываемое закономъ ремесленникамъ, объясняется тѣмъ, что приходившіе изъ-за границы первоначальные поселенцы, обращаясь, *всѣ* безъ исключенія, къ земледѣлію, забывали свои прежнія спеціальныя занятія, а молодыя поколѣнія, будучи вынуждены возвратиться къ нимъ и довольствоваться Anwohner'скими усадьбами, нуждались въ наставникахъ, которыми и служили приписываемые въ колонисты иностранцы-ремесленники.

О подобныхъ, въ высшей степени благопріятныхъ для сельскаго хозяйства постановленіяхъ колонизація *русскихъ* людей никогда ничего не вѣдала даже и до новѣйшаго времени. Но дѣло здѣсь не въ этомъ. Мы хотѣли только указать собственно на то, какимъ путемъ русское же, иностранно-колонизаціонное законодательство, едва-ли и само вполнѣ сознавая всѣ отдаленныя послѣдствія указанныхъ мѣръ и, по всей вѣроятности, преслѣдуя въ этомъ случаѣ лишь чисто экономическія цѣли, ввело въ среду колонистскихъ общинъ такой важный стимулъ не только экономическаго, но и политико-гражданственнаго процесса, какимъ являются въ настоящее время Anwohner'ы-прогрессисты и ихъ естественный резервъ Einwohner'ы-радикалы. И мы положительно отвергаемъ раціональность мнѣнія тѣхъ, которые, въ отношеніи нашихъ крестьянскихъ общинъ, этимъ стимуломъ избираютъ кулака-міроѣда, эксплуататора-оптимата. Кромѣ того, настоящими указаніями мы имѣли еще въ виду обратить вниманіе читателя на существенное различіе, существующее между An-и Einwohner'ами нашихъ колоній, какъ *полноправными* сообщинниками, и —батраками древней Руси: «казаками, вольными гулящими государевыми людьми, захребетниками, подсусѣдниками», сидѣвшими въ волости «за чужимъ тягломъ». Какъ въ свое время послѣдніе, такъ нынѣ и первые, во всякомъ случаѣ вольны безпрепятственно покинуть свою общину (уст. о кол. ст. 133 и слѣд.). Но батраки древней Руси, не неся никакихъ повинностей ни въ пользу казны, ни на нужды своего общества, въ силу такой льготы были и безправны, какъ въ отношеніи общественныхъ имуществъ волости, такъ и по дѣламъ мірского самоуправленія.

Вслѣдствіе того, они выходили изъ общиннаго союза голышами: на тягловыхъ хозяевахъ не лежало обязанности заботиться объ устройствѣ ихъ дальнѣйшей участи. Не таково, какъ читателю извѣстно, положеніе безземельнаго класса нашихъ колоній и въ этомъ-то именно обстоятельствѣ заключается главнѣйшій камень преткновенія нашихъ доктринеровъ-экономистовъ и финансистовъ. Въ юридической, поземельной общинѣ земледѣліе, ремесла и промыслы, въ лицѣ ихъ представителей, связаны взаимно опять-таки не случайно, а напротивъ такою органическою спайкою, какою является *мірское поземельное право*, требующее, правда, подчиненія себѣ частныхъ интересовъ, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой подчиненіе это необходимо для самобытнаго существованія общины. И въ этомъ-то смыслѣ мы желали бы обратить дѣйствительно серьезное вниманіе, кого слѣдуетъ, на неотложную необходимость изданія *нормальнаго сельскаго или сельско-судебнаго устава*, при составленіи котораго опытный матеріалъ колоній способенъ дать положительные отвѣты на всякаго рода вопросы сельскаго благоустройства. Не даромъ же сами иностранцы свидѣтельствуютъ, а факты, *помимо всякихъ привилегій*, вполнѣ подтверждаютъ, что наши «нѣмецкія колоніи принадлежатъ къ наиболѣе богатымъ и наилучше организованнымъ поселеніямъ въ Россіи, да не въ одной только Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ».

Затронутый нами сельско-поземельный вопросъ, по своимъ роковымъ, ближайшимъ и отдаленнѣйшимъ послѣдствіямъ, до такой степени важенъ, что вполнѣ удовлетворительно онъ будетъ разрѣшенъ только въ томъ случаѣ, какъ скоро интеллигенція наша, въ массѣ, вполнѣ уяснитъ и глубоко запечатлѣетъ себѣ въ душу, съ одной стороны, законъ, лежащій въ основаніи всемірнаго развитія человѣчества, а съ другой—историческую задачу, выпавшую въ этомъ отношеніи на долю Россіи.

Еще въ началѣ статьи мы высказали, что, по нашему мнѣнію, основной законъ, отъ котораго исходитъ и которымъ поддерживается всякая попытка человѣческаго общежитія, есть та или иная, по формѣ, комбинація двухъ элементарныхъ факторовъ, движущихъ судьбами человѣчества; именно: та или иная комбинація принципа *личнаго*, *индивидуальнаго* съ принципомъ *общественнымъ*, *ассоціаціоннымъ*, *государственнымъ*. *Первый принципъ* обнимаетъ всѣ функціи человѣка, какъ индивидуальнаго организма; въ область *втораго* входятъ всѣ тѣ требованія и отправленія, которыми обусловлено существованіе юридическаго

организма — общества, государства. Оба принципа, по самой сущности своей природы, противоположны одинъ другому, и потому каждый, самъ по себѣ, страдаетъ односторонностью. Такъ тенденція личнаго начала, безграничный захватъ въ свою личную пользу, встрѣчаетъ себѣ дѣйствительный отпоръ только въ стремленіи общественнаго начала — ограничивать, организируя на пользу общую. Уже вслѣдствіе этой односторонности обоихъ названныхъ принциповъ, самъ по себѣ ни одинъ изъ нихъ не способенъ удовлетворять конечнымъ цѣлямъ человѣчества; только нормальная связь и строго установившееся взаимодѣйствіе обоихъ началъ могутъ служить прочнымъ основаніемъ для права истинной гражданственности и разумной свободы; только дѣйствительнымъ разграниченіемъ обоихъ принциповъ и взаимнымъ ограниченіемъ ихъ въ предѣлахъ, указываемыхъ крайнею необходимостью, создается искомая общественная организація, удовлетворяющая общей всѣмъ народностямъ конечной цѣли — гарантировать индивидууму, лично и въ составѣ общества, наибольшую сумму всякихъ нравственныхъ и матеріальныхъ благъ.

Ни крестьянскій дворъ, какъ ячейка земледѣльческой ассоціаціи, ни сельское общество, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ основныхъ политико-экономическихъ организмовъ всякаго государственнаго строя, безнаказанно не могутъ быть изъяты изъ этого общаго закона.

Пора наконецъ сознать, что первое условіе успѣха земледѣльческаго общества, какъ живого общественнаго организма, есть его внутренняя бытовая связь, созидаемая подъ нормально-дѣйствующими основными законоположеніями самою жизнью, и возможно полная общность нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ, обусловливаемая множествомъ разнообразныхъ, для законодателя совершенно неуловимыхъ внутреннихъ потребностей. Конечно, въ доброй волѣ у насъ недостатка нѣтъ; нужны, слѣдовательно, еще только сознаніе, неуклонность, вниманіе. Но тогда уже не можетъ быть сомнѣнія, что у насъ сдѣлаются положительно немыслимыми подобныя грустныя отношенія къ дѣлу, какія на нашъ взглядъ обнаружилъ, напримѣръ, с.-петербургскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ приговорѣ своемъ по вопросу о вредѣ или пользѣ общины. И только въ такомъ случаѣ русскій народъ, руководимый въ дѣлѣ своего гражданственнаго и экономическаго развитія правильно, выполнитъ свою историческую задачу съ полнымъ успѣхомъ, съ честью и достоинствомъ, отдаленному же потомству его не придется, подобно намъ, мучиться сознаніемъ, что благодатныя, общечеловѣческія начала и условія русскаго историческаго развитія съумѣли оцѣнить своевременно и утвердить

окончательно — не мы сами, а иностранцы, и притомъ, легко быть можетъ, на нашъ же собственный счетъ.

Въ то время, какъ, ослѣпленные европейской культурой, мы всѣми правдами и неправдами усиливаемся выкраивать наши бытовые порядки по чуждому намъ образцу, на Западѣ приходятъ уже къ убѣжденію въ несостоятельности этого образца, и сворачиваютъ на ту дорогу, съ которой многіе у насъ желали бы сойти въ что бы то ни стало. Непонятное, роковое ослѣпленіе!!... «Неправда, говорилъ въ 1869 г. съ нѣмецкой трибуны, тотъ же Швейцеръ, слова котораго мы приводили не одинъ разъ, неправда, что соціализмъ стремится отмѣнить собственность. Какъ теперь, такъ и при господствѣ соціализма, каждый человѣкъ будетъ имѣть въ полной собственности всѣ предметы своего непосредственнаго потребленія, но *орудія производства* должны составлять *собственность общественную*, такъ какъ только этимъ путемъ возможно придать распредѣленію, которое теперь несправедливо, характеръ справедливости».

Насколько предлагаемая нами поземельная община-собственникъ удовлетворяетъ тѣмъ изъ требованій такъ-называемаго «соціализма», справедливость и разумность которыхъ признаютъ или должны признать даже и противники его,—объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Съ своей стороны, мы сдѣлаемъ только еще одно замѣчаніе. Изъ обыденныхъ возраженій противъ нашего общиннаго устройства, мы еще ни разу не упоминали о томъ, къ сожалѣнію, весьма ходячемъ мнѣніи, что личный составъ нашихъ крестьянскихъ обществъ сложился подъ давленіемъ разныхъ принудительныхъ обстоятельствъ, а не на основаніи *добровольнаго соглашенія*. Практическое значеніе этого замѣчанія приводится все къ тому же источнику, которому мы обязаны существованіемъ «срочно-аренднаго винта» и усиліямъ подчинить крестьянское землевладѣніе исключительно *частному* праву.

Закрѣпленіе крестьянъ къ землѣ застало ихъ конечно въ общинахъ, волостяхъ, личный составъ которыхъ сложился во всякомъ случаѣ *добровольно*. Отрицать это, значило бы не вѣдать бытовыхъ условій древней Руси. Дальнѣйшая колонизація русскихъ людей совершалась или властью помѣщика, или мѣрами правительства, или же путемъ самовольныхъ переселеній, причемъ главнѣйшая роль выпадаетъ, какъ общеизвѣстно, на послѣдній способъ разселенія. Допуская, что власть помѣщика передвигала крестьянъ изъ мѣста въ мѣсто безъ предварительнаго соглашенія съ ними, даже вопреки ихъ положительному желанію, мы однако не можемъ согласиться, чтобы это было такъ во *всѣхъ* случаяхъ помѣщичьихъ переселеній. Напротивъ, правительствен-

ныя переселенія, уже на оборотъ, носятъ такой характеръ только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ огромномъ же большинствѣ они являются *особою милостью*, дарованною крестьянамъ по ихъ же настоятельнымъ ходатайствамъ. Наконецъ, по меньшей мѣрѣ было бы странно утверждать, что крестьянскія общины, составившіяся изъ бѣглыхъ или «самовольныхъ» переселенцевъ, сложились не на основаніи добровольнаго соглашенія самихъ общинниковъ. Мы отвергаемъ эту мысль на основаніи здраваго смысла, бытовой исторіи русскаго народа и *нагляднаго личнаго* опыта. Такимъ образомъ, повальное отрицаніе въ нашихъ общинахъ добровольнаго соглашенія мы не можемъ не признать за наивный предразсудокъ или чистое заблужденіе. Но еслибы даже допустить безусловную справедливость этого предположенія, то что̀ же отсюда слѣдуетъ?.... Неужели мы были бы правы, повально ломая общину безъ оглядки и разсужденія?!... Вѣдь какимъ бы путемъ ни сложилась община, по принужденію ли, или по добровольному соглашенію, развѣ она не дѣйствительный, вполнѣ органическій фактъ нашей бытовой жизни, не фактъ, требующій отъ насъ самаго серьезнаго вниманія?... И какой же практическій или даже лишь теоретическій смыслъ могутъ имѣть въ отношеніи этого факта подобныя разсужденія, какія предлагаются русскому обществу, напримѣръ, въ журналѣ «Сельское хозяйство и Лѣсоводство» статьею г. Шилова «Сельско-хозяйственныя ассоціаціи»? Развѣ въ нашей колонистской общинѣ, на дѣлѣ гораздо разнообразнѣе, нагляднѣе, практичнѣе и удобопонятнѣе, мы не находимъ воплощенными въ кровь и плоть всѣ тѣ виды «осѣдлыхъ» ассоціацій, на которыя указываетъ г. Шиловъ, какъ на нѣчто намъ совершенно незнакомое, новое, многознаменательное?..... Съ г. Шиловымъ случился обыкновенный грѣхъ нашихъ экономистовъ: ослѣпленный блескомъ пирамидальной головы европейскаго общества, онъ у себя дома «слона-то и не примѣтилъ», просмотрѣлъ того именно ассоціаціоннаго слона, безъ котораго всѣ его западно-европейскія «сельско-хозяйственныя ассоціаціи» витаютъ на воздухѣ, между небомъ и землей, суля Россіи нѣчто въ родѣ безчисленнаго множества цыганскихъ таборовъ. Хороша картина нашей будущности, съ милліонными, странствующими изъ конца въ конецъ громадной Руси артельными ордами!!... Намъ конечно нужны не эти таборы. Намъ необходимы вполнѣ осѣдлыя, благоустроенныя общины, въ родѣ нашихъ колонистскихъ общинъ, а не оторванныя отъ земли артели, которыя, чего добраго, легко могли бы принять направленіе калабрійскихъ шаекъ или ирландскихъ артелей: «Молли-Могайровъ» и «лен-

товщиковъ». Но этого мало; рядомъ съ осѣдлыми, нормально организованными общинами, исполняющими, каждая въ отдѣльности, обязанности соціальнаго громоотвода, намъ нужны еще и вполнѣ *осѣдлые* хозяева-землевладѣльцы, которые, развивая улучшенное хозяйство во всеоружіи европейской культуры, были бы способны стоять во главѣ промышленно-хозяйственнаго развитія страны, какъ образцы для нашихъ общинъ-собственниковъ и ихъ правомѣрные конкурренты. И усвоивши себѣ эту цѣль, землевладѣльцамъ нашимъ, быть можетъ, не помѣшало бы вспомнить объ указѣ Петра I, 23-го марта 1714 г. («Наши колоніи», стр. 18 и 19), объ указѣ, въ которомъ нельзя не видѣть попытку организовать и частное землевладѣніе по началамъ, впослѣдствіи получившимъ свое примѣненіе въ особомъ «мірскомъ поземельномъ правѣ» колоній.

Итакъ, примите исходною точкою *существующее* землевладѣніе крестьянъ и частныхъ собственниковъ, внесите въ *существующіе* виды поземельнаго владѣнія ту организацію и тѣ гарантіи, на которыя мы указываемъ, а затѣмъ уже предоставьте дальнѣйшую работу самой жизни, свободной конкурренціи и ассоціаціи, словомъ — здравому смыслу народа. Повѣрьте, все то, о чемъ многіе такъ краснорѣчиво распространяются, все это окажется лишь малой и притомъ жалкой долей тѣхъ успѣховъ и усовершенствованій, какія выставитъ такая поземельная организація, которая ни коимъ образомъ не увлечется на путь насильственныхъ переворотовъ, канунъ которыхъ чувствуется во всякомъ соціальномъ движеніи Запада.

Таковъ покрайней мѣрѣ результатъ, къ которому привелъ насъ анализъ бытовыхъ условій нашихъ колонистскихъ общинъ. А наши либералы-экономисты, путаясь въ разныхъ политико-экономическихъ теоріяхъ Запада, повидимому, вовсе не замѣчаютъ, что принятые ими на вѣру кумиры, разоблачаемые нынѣ въ соціальномъ смыслѣ, большею частію и по самой сущности своей оказываются и для самой западной Европы вполнѣ несостоятельными. «Хлопотали, говоритъ въ этомъ отношеніи Г. Леонгардъ [1]), и хлопочутъ всѣ о Rechtsstaat'ѣ въ родѣ англійской конституціи съ цензомъ, держа римскій кодексъ въ умѣ и аристотелевскій Sclavenstaat — въ идеяхъ». Но, какъ сказано, теперь и на Западѣ направленіе умовъ измѣнилось радикально. Еще недавно, въ баденской камерѣ даже Блунчли—этотъ обще-

---

[1]) «Нѣсколько словъ» и т. д., стр. 35.

извѣстный защитникъ Rechtsstaat'а, обронилъ весьма знаменательныя въ его устахъ слова: «На совѣсти образованныхъ классовъ, говоритъ онъ, накопилось весьма не мало упущеній въ отношеніи класса рабочаго: настала пора исправить эти упущенія, хотя бы ради того только, чтобы съ этой стороны уменьшить опасность возмездія». И кто слѣдитъ вообще за соціальнымъ движеніемъ въ Европѣ, тотъ не могъ конечно не обратить самаго серьезнаго вниманія, между прочимъ, и на полемику, происходившую въ концѣ прошлаго года въ прусскихъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ по поводу столкновеній, въ Вальденбургѣ, рабочаго класса съ «хозяевами», отказавшими въ работѣ «всѣмъ членамъ рабочихъ ассоціацій». Отзывъ по этому событію Шульце-Делича, этого quasi-«короля въ царствѣ соціализма», находившаго въ «стачкѣ» вальденбургскихъ хозяевъ «стѣсненіе полной свободы коалиціи или коопераціи», вызвалъ цѣлый рядъ статей въ «National-Zeitung» и особенно въ органѣ графа Бисмарка «Norddeutsche Allg. Zeitung». Оставаясь вполнѣ вѣрною той основной мысли «экономистовъ», или, въ прусскомъ смыслѣ, «либераловъ», что въ силу коалиціоннаго права каждый индивидуумъ, въ отдѣльности, долженъ пользоваться тѣми же правами, какія принадлежатъ коллективной личности, «National-Zeitung» находитъ, что вальденбургскіе хозяева, согласившись между собою отказывать въ работѣ *членамъ* рабочихъ ассоціацій, воспользовались въ этомъ случаѣ только своимъ личнымъ правомъ по принципу свободной коопераціи; и что мнѣніе «маститаго мужа» по вопросу, «столь родственному грандіознымъ стремленіямъ всей его жизни», несомнѣнно заслуживаетъ полнаго вниманія; но,... Но, тѣмъ не менѣе, по заключеніямъ «National-Zeitung», это мнѣніе Шульце совершенно ложное. Что же касается органа графа Бисмарка, то имъ прямо и вообще отрицается у Шульце-Делича всякая состоятельность въ соціальныхъ вопросахъ. «Вчера,—отзывается одна изъ декабрскихъ передовыхъ статей названнаго органа,—мы выяснили тотъ circulus vitiosus, изъ котораго г. Шульце не въ силахъ высвободиться, обсуждая вальденбургскую стачку. Желая узнать ту силу, которая понуждаетъ его такъ неуклонно и безъ возможности спасенія вращаться все въ одномъ и томъ же, какъ бы заколдованномъ кругѣ, намъ необходимо возвратиться къ основной мысли «либерализма», признающей за аксіому, что всѣ функціи «государства» будто бы вполнѣ исчерпываются осуществленіемъ Rechtsstaat'а. Будучи приворожены къ кабалистическому кругу этой юридической формулы, всѣ исповѣдующіе ее видятъ себя совершенно безпомощными предъ лицомъ явленій

дѣйствительной жизненной борьбы, такъ какъ явленія эти, по самой природѣ своей, не укладываются въ рутинныя рамки обыкновеннаго судебнаго процесса, а по своему относительному смыслу, ему и до сего времени даже не подчинены. Слишкомъ часто забываютъ, что равноправіе, какъ формула юридическая, получаетъ силу дѣятельнаго фактора *не изъ самого себя*; что формула эта оставалась бы мертвой буквой, если бы не было на лицо того высшаго *понудительнаго* режима, которымъ, независимо отъ различія силъ и средствъ борющихся элементовъ, реализируются въ жизни и истинная справедливость и дѣйствительное право. Представимъ себѣ, что такого режима не существуетъ. Съ самаго этого момента всѣ споры, существующіе между *равноправными* партіями, будутъ разрѣшаемы уже не на основаніи права, а лишь соотвѣтственно тому пропорціональному отношенію *силъ*, въ какомъ находятся другъ къ другу борющіяся партіи. Такъ, напримѣръ, два лица спорятъ о правѣ на владѣніе какимъ-либо предметомъ; положимъ, что оба они признаны вполнѣ равноправными, но что въ тоже время они не подчинены ничьему понудительному приговору;... и спорный предметъ, по необходимости, перейдетъ въ руки болѣе сильнаго, въ руки именно той изъ спорящихъ сторонъ, которая достаточно сильна, чтобы или отнять спорный объектъ у своего противника, или защитить его отъ притязаній послѣдняго. Но какъ скоро въ этомъ хаосѣ является высшій регулирующій факторъ, съ того момента, *но только именно съ этого момента*, формула равноправія дѣлается живою силою. «До этого, прибавляетъ «Nordd. Allg. Zeitung», формула равноправія является только фикціею, и, ставя практическое приложеніе гарантируемыхъ правъ въ полную зависимость отъ различія индивидуальныхъ силъ, *не даетъ равноправія*; все же, признаваемое ею въ конечныхъ выводахъ за право, есть не что иное, какъ *право сильнѣйшаго*. Таково было состояніе «до-государственнаго» человѣчества, при которомъ право индивидуума равнялось, правда, его относительной личной силѣ, но въ этой же силѣ находило и свое неизмѣнное ограниченіе, такъ что здѣсь менѣе сильный всегда являлся и менѣе правоспособнымъ, а безсильный постоянно и вполнѣ безправнымъ».

«Перенося затѣмъ—заключаетъ «Nordd. Allg. Zeitung»—формулу равноправія, съ устраненіемъ высшаго регулирующаго режима, въ сферу экономическихъ интересовъ, мы и здѣсь закрѣпощаемъ (консервируемъ) не что иное, какъ экономическое положеніе того же до-государственнаго человѣчества. Мы предоставляемъ спорящимъ сторонамъ *равныя права*, но то *право*, которое является результатомъ *спора о правахъ*, представляется

уже *не равноправіемъ*, а напротивъ, соотвѣтственно неравенству спорящихъ сторонъ, и *правомъ неравнымъ*! Вотъ реальныя послѣдствія отъ послѣдовательнаго примѣненія къ соціальному быту формулы равноправія въ смыслѣ либераловъ! *И пока «либерализмъ» не откроетъ глазъ предъ этой реальностью, до тѣхъ поръ онъ окажется неспособнымъ регулировать наши соціальныя условія»*. Этотъ голосъ очевидно отзывается уже чѣмъ-то антиконституціоннымъ!

Что̀ же, спросимъ мы, означаетъ теперь наивный лепетъ нашихъ доморощенныхъ экономистовъ, на путь которыхъ увлекся и г. Шиловъ, ставя основными началами нашихъ «сельско-хозяйственныхъ ассоціацій» *исключительно*—«самопомощь» и «добровольное личное соглашеніе» т.-е. начала, предъ которыми преклоняемся и мы, но только не въ смыслѣ нашихъ экономистовъ и tutti quanti?! Многіе любятъ указывать въ этомъ случаѣ на примѣръ Англіи, этой классической страны «самопомощи и свободы ассоціацій». Что̀ же творится тамъ теперь, въ новѣйшее время?... Въ той же «Nordd. Allg. Zeitung», мы находимъ по этому предмету замѣтку «о протекціонистскомъ движеніи въ Англіи».

«Еще не очень давно, говоритъ авторъ этой замѣтки, признавалось за непреложную истину, что всѣ стремленія истиннаго «либерала» должны быть направлены прежде всего къ тому, чтобы всячески отстранять «государство» какъ отъ взаимныхъ бытовыхъ отношеній индивидуумовъ, такъ и вообще отъ всякихъ прямыхъ заботъ объ общихъ хозяйственно-промышленныхъ и соціальныхъ интересахъ общества. Laissez faire, laissez passer, вотъ что̀ служило девизомъ дня; а если недоставало доказательствъ въ пользу непогрѣшимости этого принципа, то въ помощь ему всегда являлась еще другая аксіома; а именно: «Разумное себялюбіе индивидуума неминуемо приводитъ къ общему благу; слѣдовательно, въ крайнемъ случаѣ, намъ недостаетъ развѣ еще немного просвѣщенія, хотя мы, либералы, и въ этомъ отношеніи ушли уже далеко». Проповѣдники и адепты этого ученія, продолжаетъ замѣтка, и теперь еще выискиваются въ большомъ числѣ повсюду въ западной Европѣ, но первые провозвѣстники, патріархи его принадлежатъ Англіи. И не многознаменателенъ-ли, не достоенъ-ли нашего полнаго вниманія тотъ несомнѣнный фактъ, что именно въ этой Англіи, въ этой колыбели манчестерства, и при томъ *именно тѣ партіи*, которыя усвоили себѣ знамя истинно либеральныхъ реформъ и общественнаго прогресса, нынѣ во всевозможныхъ сферахъ бытовыхъ интересовъ окончательно отвер-

таютъ принципъ безусловной индивидуальной свободы, эту панацею устарѣвшихъ воззрѣній, и требуютъ прямого посредничества государственной власти, какъ во имя соціальной справедливости, такъ и ради національныхъ общихъ интересовъ? Мы не говоримъ ни о передачѣ въ руки правительства всего телеграфнаго дѣла, ни о предложеніи — примѣнить ту же мѣру и къ управленію желѣзными дорогами. Можно-бы возразить, что въ этомъ случаѣ дѣло касается чисто техническихъ вопросовъ. Но всматриваясь глубже въ стремленія, въ новѣйшее время заявляющія о себѣ въ самомъ лонѣ англійскаго общества, мы, на всѣхъ этихъ проявленіяхъ, не можемъ не замѣтить прежде всего требованія объ установленіи своего рода протекціонизма, т.-е. того, что всѣ эти требованія сводятся къ одной цѣли—вызвать такую заботу государства въ пользу индивидуума и слабѣйшихъ классовъ, которая выходитъ далеко за предѣлы обыкновенныхъ гарантій частнаго права. Такъ, еще очень недавно, крайняя фракція прогрессистовъ выступила съ реформистскою программою національнаго воспитанія. Главнѣйшее требованіе этой программы заключается въ установленіи принципа «общеобязательности школьнаго обученія» и въ учрежденіи надъ школою правительственнаго контроля. Что взаимныя отношенія арендаторовъ и землевладѣльцевъ въ Ирландіи нуждаются въ регулированіи со стороны государственной власти,—эта необходимость многократно тоже признана либеральною партіею; если же Гладстонъ не внесетъ въ палату билля, исходящаго изъ этого основнаго начала, то единственною причиною тому будутъ лишь крайности феніанизма. Но, въ новѣйшее же время, посредничества государства начинаютъ добиваться и англійскіе фермеры, домогаясь установленія опредѣленной нормы того вознагражденія, которое арендаторъ въ правѣ требовать отъ землевладѣльца за улучшенія, произведенныя на его землѣ арендаторомъ. Сельско-хозяйственная камера въ Стафордширѣ сдѣлала уже въ этомъ смыслѣ предложенія, и эти предложенія вполнѣ одобрены однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ ея членовъ, лордомъ Лихфильдомъ. По мнѣнію послѣдняго, землевладѣльцы окажутся отъ такой мѣры въ несомнѣнной выгодѣ, такъ какъ она поощритъ фермеровъ къ затратамъ на улучшенія своихъ арендныхъ участковъ и ихъ почвы, но не оставитъ безъ вознагражденія и фермеровъ, которымъ гарантируется возвращеніе затраченнаго капитала. Что государство не должно оставлять на произволъ судьбы нуждающіеся классы,—движеніе въ этомъ смыслѣ пропагандируется въ Англіи и въ сферѣ политико-торговыхъ интересовъ. «Мы оставляемъ въ сторонѣ, сказано въ цитированной нами замѣткѣ,

«Trades'unions» и «Internationale», которыя, не домогаясь ни свободы торговли, ни протекціонизма въ нашемъ смыслѣ, требуютъ однако *вполнѣ новой организаціи работы* на основаніяхъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣ существующихъ. Но».... но довольно. Намъ, вмѣстѣ съ авторомъ замѣтки, хотѣлось только констатировать здѣсь тотъ фактъ, *что нынѣ уже и въ Англіи, во всѣхъ возможныхъ сферахъ, либерализмъ опытнымъ путемъ вынужденъ къ сознанію, что системою «невмѣшательства государства» и принципами «абсолютной самопомощи», «свободной конкуренціи» и т. д. не обезпечиваются ни соціальная справедливость, ни ненарушимость общественной организаціи*, безъ которыхъ, въ свою очередь, немыслима разумная, возможно-полная, индивидуальная свобода гражданина.

Наконецъ, рѣшительный поворотъ въ политической системѣ Франціи по необходимости и здѣсь выдвигаетъ на первый планъ вопросы о коренныхъ соціальныхъ реформахъ. «Съ настоящаго времени, говоритъ по этому поводу «Constitutionnel», можно предвидѣть, что чисто политическіе вопросы потеряютъ свой прежній интересъ и свое прежнее преобладающее значеніе. Реформы, вошедшія въ программу нынѣшняго правительства, въ видахъ какъ поднятія уровня общинной и провинціальной жизни, такъ и расширенія арены для индивидуальной дѣятельности; преобразованія въ судебномъ институтѣ, въ экономическомъ и соціальномъ быту народа, преобразованія, обѣщающія улучшить личное положеніе каждаго въ отдѣльности и поднять народное благосостояніе вообще, словомъ, реально-политическіе вопросы займутъ въ обществѣ первенствующее, господствующее мѣсто.

Вотъ тѣ ясно сознаваемыя цѣли, которыя руководятъ и народными массами и стоящими у руля «кормчими» европейскаго Запада. И вникая въ сущность этихъ задачь Запада, намъ нельзя не согласиться вполнѣ съ мыслію г. Леонгарда, что «европейскій человѣкъ идетъ на встрѣчу одному праву, одному закону», т.-е. стремится къ тому же конечному выводу исторически бытового развитія, который неминуемо долженъ быть результатомъ и нашихъ собственныхъ коренныхъ реформъ. Разница не въ сущности, а лишь въ пріемахъ, какими и здѣсь, и тамъ достигаются однѣ и тѣ же конечныя цѣли; различіе же это въ свою очередь обусловлено не менѣе рѣзкими контрастами въ исторіи Востока и Запада Европы.

Но что же дѣлаемъ мы у себя дома, чтобы неокончательно отстать отъ общаго движенія Европы по одному и тому же направленію? Какъ пользуемся мы тѣми неисчерпаемыми матеріальными средствами, которыми столь щедро надѣленъ нашъ на-

родъ, и тѣми благопріятными поземельными и общинно-бытовыми условіями, въ которыхъ, въ смыслѣ матеріальной же возможности къ лучшему обезпеченію насущныхъ нуждъ народной *массы*, застаетъ у насъ эту массу могучее соціальное движеніе Запада?... Мы... мы неисправимо повторяемъ устарѣлые зады, главнымъ образомъ тѣ зады «нашихъ учителей», отъ которыхъ они, или послѣдователи ихъ, сами отказались уже давно или спѣшатъ отречься нынѣ, сознавъ всю ихъ несостоятельность. Вмѣсто того, чтобы рѣшительно и осмысленно заняться окончательнымъ развитіемъ нашего поземельно-общиннаго построенія, мы пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы путемъ юридическаго насилія сломить эту панацею крестьянства, взваливая исключительно на ея безотвѣтныя плечи всю вину такихъ историческихъ ошибокъ, роковыя послѣдствія которыхъ могли быть вынесены до извѣстной степени *только одной неорганизованною юридически общиной*, но никакою иною формою поземельнаго построенія. Во всевозможныхъ политико-экономическихъ вопросахъ мы и по сіе время не перестаемъ поклоняться исключительному господству *частнаго* права, «самопомощи», «свободной конкурренціи», «стимулу личной инціативы» и т. д. и т. д. этимъ, въ извѣстномъ смыслѣ, уже заѣзженнымъ конькамъ нашихъ экономистовъ. Волостные банки мы признаемъ за «наивную» мечту, полагая «единственно возможною и раціональною формою» народнаго кредита «ссудныя товарищества по образцу шульце-деличевскихъ». Наиболѣе раціональную, т.-е. наименѣе измѣнчивую единицу податного обложенія—*поголовный окладъ рабочаго* мы отвергаемъ, предпочитая ему какой-то «дворъ», который въ нашихъ крестьянскихъ селеніяхъ, при отсутствіи тамъ и тѣни *правильнаго* подворно-общиннаго построенія, есть полнѣйшая фикція, нѣчто въ родѣ «дверей», «оконъ», и вообще «отверстій въ жилищахъ» во французской системѣ обложенія. Словомъ, подчиняя крестьянское землевладѣніе частному праву, оставляя на «податномъ» классѣ всю тягу податей и повинностей и прилаживая сюда подоходно-прогрессивные фискальные винты казны и земства, мы гонимъ этотъ «классъ» въ два кнута на встрѣчу полнѣйшему разоренію, обезземеленію и батрачеству. При этомъ, мы упорно отворачиваемся отъ сознанія, что вся бѣда нашего крестьянства заключается *прежде всего* въ отсутствіи правильной организаціи его общественно-хозяйственныхъ средствъ и распорядковъ, а затѣмъ уже и въ полнѣйшемъ его невѣжествѣ и совершенномъ несоотвѣтствіи съ нынѣшнимъ хаосомъ крестьянскаго хозяйства—*самаго размѣра* податно-повинной тяги, которая при иныхъ, лучше организованныхъ общинныхъ распорядкахъ и

при нѣкоторомъ лишь интеллектуальномъ развитіи нашего рабочаго люда, оказалась-бы для него не только выполнимою, но даже и не особенно тяжелою, оставляя въ пользу фиска *непочатою* обширнѣйшую область частнаго, нынѣ привилегированнаго, землевладѣнія.

И повторяя на всѣ лады весь этотъ хламъ, эти уже давнымъ-давно негодные зады, мы вполнѣ пребываемъ въ самодовольномъ упованіи, что дѣлаемъ дѣло и честно, даже не безъ пользы, служимъ нашему «излюбленному отечеству»!... Нѣтъ, Россія вдвинулась въ Европу благодаря своей физической силѣ и господству здѣсь до сего времени права сильнѣйшаго. Но настала пора, что рѣшительный перевѣсъ, даже въ международныхъ сношеніяхъ, возьмутъ — умъ, просвѣщеніе, знанія, словомъ, не мишура, не верхоглядство, а истинная, реальная «цивилизація». Въ виду этого, самодовольное повтореніе устарѣлыхъ задовъ, да притомъ еще и слѣпо, безъ сознанія, съ чуждаго образца, нужно отбросить. Необходимо скорѣе настежъ раскрыть всѣ двери для русскаго ума и русской самостоятельной мысли; нужны полный просторъ и самостоятельность русской умственной и хозяйственной дѣятельности, нуженъ самобытный критическій анализъ нашего соціально-юридическаго и экономическаго построенія, а главнымъ образомъ, необходима безотлагательная организація нашего народнаго труда, его поземельныхъ средствъ и т. д., что уже вполнѣ въ нашихъ рукахъ и не потребуетъ медленнаго процесса десятилѣтій, какъ, напримѣръ, забота о народномъ образованіи.

И еслибы у насъ не было иной вѣры, иныхъ упованій, кромѣ безвѣрія въ *универсальную непогрѣшимость началъ*, проповѣдуемыхъ нашими «экономистами», «финансистами» всѣхъ возможныхъ красокъ и оттѣнковъ; еслибы эти начала оставалось примѣнять дѣйствительно только въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ они передаются намъ, и дѣйствительно не представлялось никакихъ иныхъ способовъ ихъ примѣненія, какъ только въ видѣ такихъ мѣръ, каковы, напримѣръ, наши податные проекты и опубликованный прошлою осенью фискально-недоимочный аппаратъ для обезпеченія (?!) уплаты крестьянами-*собственниками* своихъ выкупныхъ платежей, то, безъ всякаго сомнѣнія, только и оставалось-бы намъ, огуломъ и безпрекословно, принять на себя печать «ташкентца», какъ вполнѣ заслуженное клеймо нашего полнѣйшаго безсилія въ смыслѣ не только бытового, но и государственнаго устроенія.

А. Клаусъ.

ИЗДАЛЕКА И ВБЛИЗИ

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе)

X.

ИЛЬИНЪ ДЕНЬ.

Имѣніе Новоселова находилось верстахъ въ пяти отъ Карповыхъ, вблизи деревни Вязовки, состоявшей изъ двадцати крестьянскихъ дворовъ. Ветхій господскій домъ, съ полуразвалившимися сараями и конюшнями, стоялъ особнякомъ, раздѣляясь отъ деревни глубокимъ оврагомъ, черезъ который перекинутъ былъ мостъ. Около барскаго дома находился прудъ, заиленый до того, что въ жаркіе дни скотина входила въ него на самую средину по колѣни.

Въ полуверстѣ отъ Вязовки протекала небольшая рѣчка съ мельницей и толчеей, на которыхъ издавна росла крапива и нѣсколько молодыхъ березъ, наглядно знакомившихъ путника съ распространеніемъ растеній при пособіи вѣтра, но мало говорившихъ въ пользу владѣльца этихъ заведеній.

Среди Вязовки красовался кабакъ съ мелочной лавочкой, откуда крестьяне брали соль, деготь и другіе товары, платя за нихъ почти вдвое дороже противъ городского, особенно въ осеннее время. Цѣловальникъ зналъ всѣ статьи новаго положенія, на основаніи которыхъ, какъ онъ увѣрялъ, производилъ съ крестьянъ взыски за долги не деньгами, а натурой, и притомъ безъ всякихъ формальныхъ судовъ, по мнѣнію самихъ крестьянъ, отнимавшихъ только время.

На барскомъ дворѣ во флигелѣ, состоявшемъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, помѣщался арендаторъ съ семействомъ. Онъ былъ изъ дворовыхъ и управлялъ когда-то имѣніемъ своего барина, но съ объявленіемъ воли приписался къ мѣщанамъ и сталъ заниматься арендой. Въ послѣднее время онъ пришелъ къ убѣжденію, что сельскимъ хозяйствомъ заниматься не стоитъ: «урожаи стали плохіе, земли вздорожали, съ рабочими никакъ не сообразишь. То ли дѣло, разсуждалъ онъ, состоять на коронной службѣ;— всегда сухъ, тепелъ; накупилъ акцій желѣзныхъ дорогъ или билетовъ внутренняго займа — и покуривай сигару; а тамъ, глядь, билеты поднялись въ цѣнѣ, или выигрышъ тысячъ въ десять....»

Рядомъ съ заросшимъ травою барскимъ домомъ стояла русская изба съ рѣзнымъ крыльцомъ, выстроенная на случай пріѣзда барина; надъ ея крышей возвышалась скворечница,—утѣха барскаго караульнаго, одинокаго старика. Во внутренности избы отгорожена была отдѣльная комната, которую украшали картины: отецъ Серапіонъ, кормящій изъ рукъ медвѣдя, затворникъ Іоаннъ и пр.

На Ильинъ день, послѣ обѣдни, арендаторъ подъѣхалъ на дрожкахъ къ своему флигелю и, увидавъ толпу мужиковъ, шедшихъ къ барскому дому, спросилъ:

— Куда это вы, ребята?

— Да велѣно сбираться къ барину; должно насчетъ сѣнокосу....

Пришедши въ комнату и повѣсивъ картузъ близъ старинныхъ часовъ, съ футляромъ до самаго потолка, арендаторъ обратился къ женѣ и сидѣвшему съ ней за самоваромъ, цѣловальнику:

— Съ праздникомъ!

— И васъ съ тѣмъ же, Алексѣй Митричъ, проговорилъ цѣловальникъ, выходя изъ-за стола и подавая руку хозяину.

Арендаторъ одѣлилъ всѣхъ, не исключая и дѣтей, возившихъ по полу бумажнаго коня, по кусочку просфоры и сѣлъ за столъ.

— Что-жъ не въ кабакѣ? спросилъ онъ цѣловальника.

— Тамъ есть кому безъ меня.... жена справится. Сами знаете, не добро быть человѣку едину....

Арендаторъ тряхнулъ кускомъ сахару надъ чайнымъ блюдцемъ.

— Зачѣмъ-то баринъ велѣлъ мужикамъ сбираться, сказалъ онъ.

— То-то и я подошелъ развѣдать: не будетъ ли нашему брату какой поживы? Что-нибудь баринъ хочетъ затѣять.

— Аль думаешь поддѣлаться къ нему?

— Отъ чего же?... Баринъ россейскій! онъ залетитъ опять въ Питеръ, а намъ пить, ѣсть надо.... Я прошлое лѣто снялъ у Горшковыхъ сто десятинъ по три рубля, а мужикамъ роздалъ по семи, а хорошенькую по десяти....

— Ничего! одобрительно проговорилъ хозяинъ.

— Да вѣдь въ долгъ, Алексѣй Митричъ; ждать до новины. Вонъ Карпухины должны мнѣ двадцать рублей, плотникъ Ѳедосѣй — шестьдесятъ, и безъ всякихъ росписокъ.

— Неужли ваши деньги не пропадаютъ за мужиками? спросила хозяйка.

— А Богъ-то? возразилъ цѣловальникъ: вѣдь у всякаго человѣка, Марья Прокофьевна, совѣсть есть: ежели я съ вами, будемъ говорить съ глазу на́ глазъ, Богу помолился и вы человѣкъ благородный, развѣ вы отопретесь отъ своихъ словъ? Опять небойсь у васъ на дворѣ есть какая-нибудь скотинишка.... вотъ какое дѣло....

Всѣ помолчали. Цѣловальникъ, опрокинувъ чашку и перекрестившись, началъ:

— Вотъ бы вамъ, Алексѣй Митричъ, подбиться къ погорѣловскому графу.... хоть бы насчетъ лѣсу.... ужъ и статья! однова́ дыхнуть!... А баринъ — угаръ! онъ слова не скажетъ.... человѣкъ то же, надо прямо говорить, благородный....

— Однако, село-то его сгорѣло!

— Да!... отъ молоньи.... говорятъ, ударило прямо въ Епихванову избу.... мужики-то были на покосѣ.... какъ есть все въ чистую рѣшило.... Такъ теперь стоитъ одинъ господскій домъ....

Въ это время арендаторъ взглянулъ въ окно и сказалъ:

— Баринъ пріѣхалъ.

— Съ мировымъ посредникомъ, подхватила жена: и старшина съ писаремъ.... что-нибудь не такъ.... Сходи, Алексѣй Митричъ, узнай, что̀ такое?

— Пойдемте вмѣстѣ, сказалъ цѣловальникъ и обратился къ хозяйкѣ: — Благодаримъ покорно за угощеніе. Къ намъ просимъ милости....

— Ваши гости....

Арендаторъ и цѣловальникъ отправились въ барскій домъ; у крыльца стоялъ тарантасъ, нѣсколько телѣгъ, и толпился народъ. Мужики разсуждали:

— Смотри, ребята: въ случаѣ чего.... ежели насчетъ старшины, — надо выбирать кого поаккуратнѣй.... чтобы за насъ умѣлъ сказать слово....

— Кого-жъ выбирать? раздались голоса.

— Да на что лучше Якова Калистратова?

— Постой! не хочетъ ли баринъ отбить у насъ Карнауховъ верхъ....

— Не шумите! закричалъ сельскій староста, выходя изъ сѣней: сейчасъ разверстка будетъ...

— Братцы вы мои! заговорилъ народъ...

— Что̀-то будетъ!...

Послышались тяжкіе вздохи, сдержанный шопотъ. Мужики вдругъ смолкли. На крыльцѣ появилось начальство. Съ минуту длилась тишина; слышно было, какъ по двору пищали цыплята, надъ которыми въ вышинѣ носился коршунъ.

— Ну, ребята, объявилъ посредникъ, держа въ рукахъ бумагу: вы должны благодарить Бога, что избавились отъ черезполосицы: размежеваніе кончилось и вамъ остается разверстаться съ вашимъ бариномъ. Такъ какъ вашъ поселокъ стоитъ далеко отъ водопою, то Андрей Петровичъ рѣшился отдать вамъ ту часть, которая могла бы преграждать путь къ рѣкѣ, то-есть онъ уступаетъ вамъ съ надѣломъ удобной и неудобной, по урочище Дубровный-Логъ, Парахинъ-Верхъ и Живое-Урочище — рѣку Осетръ, сколько на планѣ значится. Сверхъ того онъ уступаетъ вамъ небольшую рощицу, которая находится въ этомъ надѣлѣ. Что касается до вашихъ повинностей, то онѣ вами уже уплачены, когда дача находилась въ черезполосномъ владѣніи. Я очень радъ, продолжалъ посредникъ, что вы теперь справитесь; мнѣ будетъ легче сбирать съ васъ подати.

Посредникъ обратился къ барину вполголоса: «Бѣда съ этими сборами; исправникъ отъ того и отказался отъ должности.»

— Само собою разумѣется, объявилъ онъ мужикамъ, какъ люди темные, вы можете во зло употребить данныя вамъ средства.... Будьте осторожны, и въ случаѣ нужды не откажитесь помочь барину.

— Что же вы молчите? кивнувъ головой мужикамъ, подхватилъ старшина.

— Завсягда.... съ нашимъ удовольствомъ, заговорили мужики: — послѣднимъ подѣлимся....

— За этакой надѣлъ надо благодарить своего господина, сказалъ старшина, сходя съ крыльца и приготовляясь произнести рѣчь мужикамъ. Онъ сталъ къ нимъ лицомъ, поднялъ руку вверхъ и объявилъ:

— Таперича вамъ, къ примѣру, надо жить степенно, чтобы все было какъ слѣдуетъ: пуще всего не надобно займаться пьянствомъ.... да насчетъ поданéй быть исправными.... потому

что̀ хорошаго — доводить себя до этого? И какое ежели дѣло насчетъ уборки хлѣба господамъ, то они завсегда наши благодѣтели, — и безпримѣрно жить въ аккуратѣ! другъ друга не обижать, начальства не ослушаться.... соблюдать себя въ обхожденіи оба̀поло благородства.... въ случаѣ чего прямо ко мнѣ, — я васъ окорочу....

Старшина посмотрѣлъ на посредника, доставая изъ шляпы платокъ, чтобы утереть съ своего лица катившійся потъ. Посредникъ жестомъ далъ ему знать, что рѣчь его произвела впечатлѣніе. Старшина отошелъ въ сторону.

— Кто изъ васъ грамотные? объявилъ писарь: подходите....

— Ну, теперь ступайте домой! сказалъ посредникъ. Вотъ какъ господа объ васъ заботятся: умѣйте цѣнить и пользоваться такими благодѣяніями.

Мужики, держа въ рукахъ шапки, одинъ за другимъ потянулись съ барскаго двора. Вскорѣ всей ватагой они очутились въ кабакѣ, куда пришелъ и цѣловальникъ.

— Ну, ребята, объявилъ послѣдній: вамъ теперь ничего не остается дѣлать, какъ взять сороковую бочку вина....

— Ой ли? подхватили мужики.

— Вѣрно! потому изволишь видѣть, выкладывая на счетахъ, говорилъ цѣловальникъ: двадцать дворовъ, шестьдесятъ ревизскихъ душъ.... такъ?

— Такъ, согласились мужики.....

— Забылъ я: кто это дѣлалъ добрыя дѣла, Филаретъ милостивый, или Іоаннъ многострадальный? На милость образца нѣтъ! Понимаете? Вамъ теперь надо гулять цѣлую недѣлю.... жена! откупоривай бочку....

— Погоди, Перфилъ Семенычъ, заговорили мужики.

— Чего тамъ годить? входите сюда, выкатывайте....

— Ребята! брать что-ль? спросилъ одинъ мужикъ....

— Постой! Надо сперва разобрать....

— Да чего вы боитесь? Аль не выпьете? продолжалъ цѣловальникъ: дай-ко изъ сосѣднихъ деревень налетятъ, узнаютъ.... Ѳедюшка! Запрягай лошадь! Ступай на заводъ.... я вижу, дѣло-то не на шутку разыграется....

— Ведро, Семенычъ!

— Ведро! тамъ видно будетъ.

— Погоди! можетъ, послѣ что откроется....

— Чему открыться? кричалъ цѣловальникъ: аль вы въ первой видите барина? Опять, дѣло было при посредникѣ.... Экіе дураки! вамъ теперь сто молебновъ надо отслужить, а не то что изъ пустого въ порожнее перегонять....

— Семенычъ! стало быть наша земля по самый Парохинъ-Верхъ?

— Тебѣ сказано, по Дубровый-Логъ, Парохинъ-Верхъ и рѣчку Осетръ....

— Такъ, такъ.... заговорили мужики....

— Вѣдь область, али нѣтъ?

— Область!...

— А какъ же мы будемъ дѣлить землю? по тягламъ, аль по душамъ?

— За чѣмъ тебѣ дѣлить! Безъ тебя все сдѣлается.... Неси вино! тащи на улицу....

— Постой! какъ же насчетъ Парохина-Верха-то? Семенычъ! положи-ко намъ на счетахъ.....

— Ну, будетъ кричать! давай два ведра.

— Семенычъ! и ты съ нами выпей!

— Поздравляю васъ.... дай Господи вамъ богатѣть....

— Кушай на доброе здоровье.... А хозяюшкѣ твоей надо купить настоички....

— Это она потребляетъ.... да что-жъ вы не зовете своихъ бабъ?

— Антонъ! бѣги за ними.... да захвати ковригу хлѣба.... Ребята! неси вино на улицу.... тамъ просторнѣй....

— Что жъ не сказано: платить за нее, аль нѣтъ?

— За вино то что-ль?

— Толкуй еще! я вонъ плачу за двухъ, которые въ люлькѣ качаются....

— Ну, не толкитесь здѣсь! ступайте на улицу....

— Слава Богу! мы господами не обижены.... Я хотѣлъ давеча сказать: вы-то молъ насъ не забудьте, — а мы васъ изъ нужды выручимъ.... бываетъ, міромъ въ одинъ день справишь.... аль мы не крещеные?

— Вонъ Сорочинскіе завсегда уберутся съ хлѣбомъ, а у него копны въ полѣ....

— Что такое значитъ? отъ чего такъ?

На улицѣ раздавались пѣсни.

XI.

ПЕРЕПИСКА.

Новоселовъ В. Е. Карпову.

Село Кострюлино. Сентябрь.

Разставшись съ вами, по совершеніи купчей крѣпости, я долго стоялъ у растворенаго окна моей комнаты и вслушивался въ городской шумъ. Было около девяти часовъ вечера. Прощай миражъ! думалъ я: жаль, что ты унесъ изъ моей жизни цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Обращаюсь опять къ тебѣ, мать природа: прими къ себѣ заблудшаго, кающагося сына....

Но что значитъ эта перемѣна? Этотъ родной лугъ, который былъ такъ прекрасенъ во время моего дѣтства, рѣчка съ островами, поля, — все, что такъ радостно когда-то встрѣчало меня, возвращавшагося изъ дальней стороны — теперь смотритъ на меня непривѣтливо, все чуждо мнѣ, и увы! какъ будто гонитъ отъ себя прочь.... Я вижу, какъ на этомъ лугу сидятъ группы дѣтей; они веселы, они у себя дома; ихъ мудрая мать, какъ и меня прежде, ласкаетъ, занимается ихъ воспитаніемъ.... А я, одинокій, стою передъ ней и чувствую, что на родной землѣ уже нѣтъ для меня мѣста.... Я вижу, какъ и въ былое время, сидитъ у своей хатки старичекъ, тихо доживая вѣкъ свой; какъ онъ ни страдалъ здѣсь, какъ ни голодалъ, отъ сырости и холоду ни мерзъ, природа сберегла-таки его до сего времени....

Что же мнѣ дѣлать? Неужели на арену схватокъ съ ближними...? Нѣтъ, что бы со мной ни было, какъ бы мать природа ни наказывала меня за мои преступленія, я преклонюсь передъ ея ударами и, можетъ быть, вымолю у ней прощеніе. Я виновенъ въ томъ, что получивши ясный взглядъ на нашихъ *меньшихъ братьевъ*, сколько разъ пріѣзжалъ къ нимъ, воочію видѣлъ ихъ бѣдствія и уѣзжалъ, не сдѣлавъ имъ ничего, словно спасался бѣгствомъ....

Вотъ почему я оставилъ свою Вязовку.... Для новаго вина нужны и мѣхи новые....

Рано утромъ я выѣхалъ изъ города. Небо было пасмурно. Потянулись скошенныя поля, обозы, богомольцы съ сумками, — вотъ деревня, усаженная березками, рядъ высокихъ возовъ съ отпряженными лошадьми, въ сторонѣ, деревянная церковь....

Погода вдругъ перемѣнилась; подулъ холодный вѣтеръ; по небу понеслись тяжелыя, осеннія облака.

На первомъ постояломъ дворѣ я спросилъ себѣ водки и рѣдьки (не правда ли смѣло?), и проѣхавъ нѣсколько верстъ, снова возблагодарилъ Бога за его милости; вмѣсто того, чтобы получить лихорадку, несмотря на то, что у меня въ желудкѣ, вмѣсто ростбифа, была рѣдька, я чувствовалъ себя прекрасно... Я съ удовольствіемъ началъ бесѣдовать съ ямщикомъ о мужицкомъ житьѣ....

Но вотъ и ночь. Справа и слѣва появляются какіе-то одинокіе домá; пролетитъ тройка съ колокольцомъ.... Лошади наши выбираются на горку; ямщикъ идетъ рядомъ съ повозкой и закуриваетъ трубку...

— Такъ ты знаешь село Кострюлино?

— Какъ не знать. Тамъ наши часто бываютъ. Тамъ живетъ лекарь Гаврилъ Иванычъ...

— Къ нему-то я и ѣду.

— А много осталось до Кострюлина?

— Верстъ сорокъ.

Опять заскрипѣла повозка. Вотъ уѣздный городъ; замелькали кривобокія лачужки, пустыри, заборы и наконецъ каменные домá; въ окнахъ горятъ огни. Чтó дѣлаютъ тамъ люди? Купчиха-ли распрашиваетъ богомолку про чудеса, купецъ-ли съ очками на носу сидитъ за счетами, или чиновникъ блуждаетъ по своей квартирѣ, не зная, за чтò ему приняться? спать ли, пройтись-ли куда, переписывать-ли бумаги? Душа его, несмотря на долговременную, безпорочную службу, все куда-то просится, чего-то ждетъ... но ждать кромѣ пряжки и смерти нéчего.... Мѣщане-ли съ соборнымъ голосистымъ дьякономъ пьютъ чай и ведутъ бесѣду о концертѣ: «Кто взыдетъ на гору Господню?» Пройдутъ десятки, сотни лѣтъ, люди, какъ и теперь, будутъ изнывать въ своихъ коморкахъ и чего-то ждать...

Часовъ около десяти мы пріѣхали въ деревню Павловку. Я зашелъ въ крестьянскую избу, наполненную народомъ. За столомъ сидѣли дѣвицы; у нихъ были такъ-называемыя *посидѣлки*. На палатяхъ лежали мужики. Между тѣмъ осенній вѣтеръ стучалъ ставнями и подвывалъ подъ окнами, какъ бы акомпанируя грустнымъ пѣснямъ. Дѣвицы пѣли:

Ходила Маша по саду,
Сбирала вишенья,
Сбирала своихъ подруженекъ.
Сажала ихъ за дубовый столъ,
За бѣлы скатерти.
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила голову ниже всѣхъ.
Какъ мнѣ жить, подруженьки,

Во чужой семьѣ?
Какъ мнѣ чужого отца
Звать батюшкой?
Мнѣ звать его батюшкой
Не хочется.

Мнѣ было такъ грустно, я такъ полюбилъ избу, этихъ добрыхъ людей, что у меня подступили слезы. Я вышелъ на улицу.

Завернувъ за уголъ крайняго дома, я очутился въ полѣ, — опять на большой дорогѣ. Вѣтеръ не затихъ, но небо просвѣтлѣло; высоко и ярко свѣтила луна сквозь прозрачныя, бѣлыя облака; вокругъ нея образовался свѣтло-оранжевый, широкій кругъ. Я шелъ по гладкой дорогѣ; на небосклонѣ тускло очерчивались ветлы, словно избы, телеграфные столбы.... впереди вдругъ показалось что-то живое и вскорѣ исчезло... Я все шелъ... Но наконецъ безъ всякой причины меня объялъ ужасъ... Чѣмъ болѣе я всматривался въ пустынную даль, тѣмъ страшнѣе она мнѣ казалась... Невольно подумалъ я, что русскіе мужички, населяющіе эти страшныя степи, подвизающіеся въ этомъ мертвомъ пространствѣ, — великіе люди; вспомнилъ я наши города, пятиэтажные домá, мосты, насыпи, вспаханныя поля, *дубинушку зеленую,* наконецъ, эту вѣчную, безъисходную нужду, — и преклонился передъ мужикомъ.

Черезъ часъ я возвратился въ избу; народъ разошелся, исключая хозяевъ, садившихся за ужинъ. Семья начала ѣсть тюрю; хозяйка, державшая на рукѣ младенца, подала на столъ на днѣ чашки молоко. Всѣ хлебнули и, вздохнувъ, вышли изъ-за стола. Разумѣется, всѣ были голодны.

Поутру я зашелъ въ сосѣднюю избу. Такъ-называемая *черная* печь была только-что закрыта; по избѣ носился дымъ; запахъ былъ невыносимый. Посрединѣ хаты висѣли лапти; по полу бродили неумытыя дѣти. Одинъ мальчикъ съ разбитымъ носомъ, на которомъ запеклась кровь, пристально смотрѣлъ на меня.

— Это у васъ мазанка? спросилъ я, не зная съ чего начать разговоръ.

— Мазанка... Цыцъ! крикнула старуха на пѣтуха, запѣвшаго на всю избу. Мы недавно выстроились. Мы прежде были прудищенскіе. Баринъ нашу землю взялъ себѣ, а эту отдалъ намъ.

Вошелъ мужикъ съ красной, больной щекой, сказавъ:

— Добраго здоровья!

— Здравствуй. Что-жъ, вы довольны этимъ мѣстомъ?

— Мѣстечко бы и ничего, да вотъ достатки плохіе, сказалъ мужикъ.

Эта неизмѣнная пѣсня заставила меня не возобновлять разговора про *достатки.*

— Что̀ это мальчикъ-то ушибся? спросилъ я.

— Да вонъ объ чугунъ расшибся.

Старуха погладила мальчика по головѣ.

Я все разсматривалъ избу: на полу, на лавкахъ, на хорахъ была такая грязь, что меня ошеломила эта страшная картина человѣческаго униженія. Я почувствовалъ боль въ головѣ и вышелъ.

У самой избы я увидалъ телѣгу съ приходскимъ священникомъ. Его работникъ стучалъ палкой въ окно и кричалъ:

— Выносите новину!...

На улицѣ шумѣли грачи, летали голуби, вдали сверкала рѣчка. Свѣтило солнце. Пользуясь хорошей погодой, я отправился пѣшкомъ въ село Кострюлино. Дорогой мнѣ стало стыдно за свое малодушіе и я рѣшился непремѣнно выпить чашу до дна...

Сейчасъ только получилъ ваше письмо и прочелъ его съ удовольствіемъ. Работайте, мой милый другъ! не унывайте! Какъ только присмотрюсь къ роднымъ картинамъ, примусь и я за дѣло. Передайте вязовскимъ мужикамъ, что когда они поправятся и выстроятъ школу, я весь къ ихъ услугамъ. Вотъ видите, кусокъ хлѣба впереди есть....

Докторъ, у котораго я остановился, мой давнишній пріятель, поселившійся на вѣчныя времена въ глуши. Онъ купилъ у кострюлинскаго барина десятинъ пять земли, развелъ садъ, устроилъ пасѣку и занимается практикой, снабжая крестьянъ лекарствами и наставленіями. На вопросъ: отъ чего онъ не живетъ въ городѣ,—Гаврила Иванычъ (такъ звать его) отвѣчаетъ: «Мнѣ нужно, чтобы вотъ тутъ, противъ оконъ, пролетѣлъ вальдшнепъ, чтобы зимою я видѣлъ заячьи слѣды на снѣгу; безъ этого я не могу жить».

На счетъ моего намѣренія приняться за мужицкую работу, вотъ что онъ говоритъ: «даю вамъ честное слово, что черезъ недѣлю, а много черезъ двѣ вы схватите горячку. Вы хотите шутки шутить съ жизнью, такъ знайте же, ка̀къ закаливается нашъ русскій пахарь,—онъ съ ранняго возраста ходитъ разутый, раздѣтый, голодный; этого мало: тотъ изъ нашихъ крестьянъ дѣлается настоящимъ пахаремъ, кто въ дѣтствѣ перенесъ всякіе тифы, лихоманки (послѣднихъ народъ насчитываетъ двѣнадцать); а вы знаете, что рѣдкія изъ крестьянскихъ дѣтей переносятъ это испытаніе; статистика говоритъ, что нигдѣ такъ не мрутъ дѣти, какъ въ русскомъ народѣ».

Чудакъ воображаетъ, что я боюсь смерти.... На этихъ дняхъ я отправляюсь снова въ путь.... впрочемъ недалеко.... Если долго

не буду писать, не удивляйтесь этому. Но вы пожалуйста пишите. Попрежнему адресуйте на имя Гаврила Иваныча въ село Кострюлино.

Письмо Карпова къ Новоселову.

Октябрь.

На улицѣ грязь по колѣно и завываетъ вѣтеръ, но мы, любезный Андрей Петровичъ, пока не падаемъ духомъ. Сестра учитъ дѣтей грамотѣ, сама беретъ у меня уроки химіи. (Я вамъ писалъ, что единственная уступка, какую отецъ могъ сдѣлать,— это школа для крестьянскихъ дѣтей: всѣ остальныя мои просьбы признаны неподлежащими удовлетворенію; придется сознаться, что natura non facit saltum). Александрѣ Семеновнѣ я устроилъ акваріумъ, передъ которымъ она проводитъ цѣлые часы, любуясь какимъ-нибудь головастикомъ. Графъ къ намъ давно не ѣздитъ; слышно, что онъ завелъ борзыхъ и гончихъ собакъ. Относительно погорѣловскихъ его крестьянъ, къ сожалѣнію, извѣстно, что они побираются. Къ намъ онъ не ѣздитъ потому вѣроятно, что считаетъ насъ людьми «опасными». Да оно и лучше! пусть все размѣщается по удѣльному своему вѣсу.

Наши говорятъ, что вы сбили меня съ истиннаго пути. Я имъ сказалъ, что Андрей Петровичъ только ускорилъ процессъ кристаллизаціи моихъ убѣжденій. Тетушкѣ я на опытѣ показалъ это (растворъ глауберовой соли и готовый кристаллъ той же соли).

Александра Семеновна присутствовала при нѣкоторыхъ химическихъ опытахъ. Разъ у насъ зашла рѣчь съ ней, по поводу сѣрной кислоты, о кулачномъ правѣ. Я убѣдилъ ее, что химія вовсе не учитъ кулачному праву, и сѣрная кислота, вытѣсняющая слабѣйшія кислоты, доказываетъ лишь то, что въ природѣ надежны однѣ прочныя соединенія (гипсъ).

Въ настоящее время я приступаю къ опредѣленію свойствъ почвы по дикорастущимъ на ней растеніямъ. Это возможно въ такомъ случаѣ, когда извѣстенъ составъ золы растеній, длина и форма ихъ корней. У Либиха опредѣленъ составъ нѣкоторыхъ нашихъ полевыхъ растеній, но у него ничего не сказано про нашу кормилицу *лебеду*; поэтому я хочу начать анализы съ этого растенія.

Передъ тѣмъ я разлагалъ почву, находившуюся въ банкѣ съ давно умершимъ растеніемъ. Я открылъ, что послѣднее погибло отъ недостатка нѣкоторыхъ солей. Уже не въ первый разъ мнѣ

приходитъ мысль, что растеніе—тоже, что и животное, которому нужна пища, свойственная его организаціи; между тѣмъ люди не знаютъ, сколько борьбы, роковыхъ усилій поддержать свое существованіе заключалось, напримѣръ, въ этомъ умершемъ растеніи; а какая-нибудь ложка супу, спитой чай могли бы вдохнуть въ него жизнь и разукрасить его лепестки... Все это я объяснилъ сестрѣ. Она спросила меня: кто-жъ эти люди, которые преслѣдуютъ естествознаніе?

Сообщу вамъ кое-что о нашей школѣ. Она выстроена по моему плану и представляетъ два зданія; въ одномъ дѣтей учатъ, въ другомъ ихъ кормятъ (отецъ отпускаетъ провизію, но не безъ того, чтобы не сказать всякій разъ: ну, ужъ времена!). Отецъ Павелъ, нашъ священникъ, также учитъ дѣтей грамотѣ. Онъ составилъ-было программу преподаванія такого рода:

В. Кто спасся послѣ потопа?

От. Ной. (Какъ будто онъ одинъ).

В. Сколько было чистыхъ паръ животныхъ и сколько нечистыхъ? и т. д.

Новостей у насъ никакихъ. Отецъ ни мало не раскаевается въ покупкѣ вашей земли. Онъ часто бываетъ въ Вязовкѣ и вспоминаетъ, сидя въ старомъ домѣ, вашего покойнаго батюшку: «примѣрный былъ хозяинъ и добрый сосѣдъ! а вотъ что значитъ дѣтки! постройка вся развалилась, въ домѣ живутъ однѣ галки, самъ наслѣдникъ этого имѣнія пропалъ безъ вѣсти.» Отецъ хочетъ въ вашемъ имѣніи устроить отдѣльную ферму. Вязовскіе мужики замѣтно поправляются; они обѣщались у себя въ деревнѣ выстроить школу. Бывшій вашъ арендаторъ живетъ въ Сорочьихъ-гнѣздахъ и торгуетъ у графа десятинъ въ пятьсотъ лѣсъ. Наши всѣ вамъ кланяются и просятъ, чтобы вы пріѣзжали къ намъ на святки. Къ этому особенную просьбу присоединяемъ сестра и я —

Василій Карповъ.

Отъ того же къ тому же.

Декабрь.

Вотъ и зима на дворѣ, любезнѣйшій Андрей Петровичъ. Какъ-то васъ Богъ спасаетъ? Признаюсь, я безъ ужаса не могу подумать о вашихъ похожденіяхъ à la Вамбери. Я начинаю серьезно побаиваться за ваше здоровье: докторъ говорилъ вамъ правду...

Извѣщаю васъ, что ученье у насъ кончилось, ибо до Рождества осталась одна недѣля. Я никуда не поѣду во время праздника, буду ждать васъ. У насъ въ домѣ настоящая больница. Никто никуда не ѣздитъ, всѣ стонутъ, а иногда ведутъ разговорную канитель такого рода, что хоть уши зажимай. У насъ гостятъ двѣ барышни-сосѣдки (уже заматорѣлыя), которыя исправно играютъ въ свои-козыри и даже на гармоникѣ. Мать не выходитъ изъ своей комнаты; Александра Семеновна по цѣлымъ днямъ сидитъ на верху и раскладываетъ грапъ-пасьянсъ. Къ ней часто приходитъ изъ города странница—типъ, заслуживающій вниманія. Когда эта женщина тутъ, то весь домъ, не исключая прислуги, стекается наверхъ послушать, что́ будетъ говорить матушка Апраксія. Повидимому, Апраксія пользовалась когда-то красотой; потому что, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, она и теперь поражаетъ своими, какъ огонь сверкающими, карими глазами, правильными и тонкими чертами лица. Разглагольствованія ея въ такомъ родѣ:

— Всё мы недовольны! Отъ чего? отъ того, что стали вольны... Баба, змѣя подколодная, она взяла верхъ надъ мужемъ. Онъ на работѣ всю свою силу положилъ, а она думаетъ только о нарядахъ. Есть баба благочестивая, баба домовитая и баба—змѣя; выбирай любую.

— Выбирай любую, поощряетъ странницу лакей Иванъ. Вы вѣрно говорите.

— Что́ сказано въ писаніи? строго оглядывая публику, спрашиваетъ Апраксія: Сказано: бракъ есть таинство... развѣ онъ теперь таинство? жены всѣ пустились въ развратъ, надѣли кринолины, да шляпки, да разныя тряпки! Ходятъ въ церковь зачѣмъ? другъ друга перемывать, да осуждать. А что̀ читаетъ дьячокъ: «щедръ и милостивъ Господь», этого онѣ не слушаютъ. Цвѣты на лугахъ давно посохли и пропали. Гдѣ они? Они очутились всѣ на платьяхъ, да шляпкахъ!.. Всѣ стали умны, да у всѣхъ порожни гумны... всѣ учены, да въ ступѣ не толчены... я вѣдь вотъ какая!..

— Это проѣзжай всю Россею, замѣчаетъ Иванъ: нигдѣ такихъ умныхъ словъ не услышишь... Горничныя вздыхаютъ. Александра Семеновна слушаетъ съ глубокимъ вниманіемъ.

— А вы, толстые купцы, проклятые... обращается Апраксія къ воображаемымъ купцамъ: куда готовите свою душу? въ адъ ее готовите! Какъ кошка достаетъ изъ дупла скворцовъ, такъ и вы бѣдныхъ хватаете, обманываете! Ты хочешь чаю? погоди! я тебѣ изъ ада смолы кромешной накачаю! Прежде бѣсы шлялись гдѣ попало.... а теперь они сидятъ въ людяхъ... Всѣ забыли

храмы божьи; молятся, только бѣсовъ утѣшаютъ... А что дьяконъ голосомъ выводитъ? Никто не слушаетъ; всѣ живутъ обманомъ, хитростію... Всѣ Бога забыли, всѣ сатану возлюбили... Христа вторично распинаютъ, ко кресту его пригвождаютъ, родителей не почитаютъ... Мнѣ однажды сказалъ голосъ: «иди за мною, Апраксія»! Я и иду, словно паркомъ. Вдругъ опять слышу: «смотри! эти парки — будутъ жарки!..» Не правду я говорю? обращается Апраксія къ Ивану и продолжаетъ: Правда свѣтлѣе солнца: солнце померкнетъ, а правда никогда! Всѣ умны! Слава Богу, хоть я одна дура (Апраксія крестится). Одинъ про меня сказалъ: «она — словно Леонидъ». Да! нынче всякій Леонидъ, кто правду говоритъ.

— А что̀ значитъ вскую шаташеся? спрашиваетъ Иванъ, ухищренный въ писаніи.

— А вотъ что! Странница неожиданно напускается на Ивана за его дерзкія слова: вотъ ты постовъ не соблюдаешь, мамонъ свой набиваешь, бѣсо̀въ утѣшаешь, — вотъ и шатаешься, да скоро и въ адъ попадешь... Я вижу, продолжаетъ странница, обращаясь къ смущенному Ивану, — какъ за спиной твоей сидитъ бѣсъ, да на ухо тебѣ шепчетъ, вотъ ты вскую и шатаешься...

— Матушка Апраксія! говоритъ Иванъ: я спрашиваю насчетъ жизни: отъ чего я шатаюсь?

— Ну, а я отъ чего шатаюсь? Почемъ я знаю! Вотъ такъ-то одинъ говорилъ мнѣ: ты не за свое дѣло взялась; апостолъ сказалъ: «женщина да не учитъ». А развѣ я учу? Я разговариваю... Хочешь слушай, хочешь нѣтъ... Я говорю про развратъ: нынче парни покупаютъ — орѣхи, а отъ этого бываютъ прорѣхи...

— И все правду говоритъ, восклицаютъ слушатели.

Александра Семеновна очень любитъ странницъ; она даже ведетъ переписку съ монахинями. Посылаю вамъ образчикъ одной изъ душеспасительныхъ бесѣдъ: «Христосъ посреде насъ, моя безценая подруга и любезная собеседница Александра Семеновна (соблюдена ороографія подлинника). Спасайса, моя голубушка, придумываю и вспоминаю, какъ мы стобою, моя незабвенная, проводили время приятно, часто ты пекласа о своей жизти, я знаю, что не безъ скорби теперишняя ваша жизть, но что делать, нада всегда вуме держать, что здесь не вѣчность и здесь покою нечего желать, а ждать и думать о вечномъ покои кабы намъ не лишитца вбудущей жизни; о себе скажу, что теломъ здорова да духомъ часто бизпакойна и скорбями висьма давольна но все дыки моя галубушка опишу, какъ я грешная

празникъ встретила, послѣ утрени во второмъ часу обедня, пришли отобедни напились чаю збулками и легли спать...»

Теперь опишу я, какъ мы вообще проводимъ время. Мать, разсматривая въ увеличительное стекло разныя картинки, разспрашиваетъ меня, что такое діафрагма, которая будто бы не даетъ ей покоя (уѣздный докторъ опредѣлялъ ея болѣзнь); при этомъ она жалуется на безсонницу. Въ углу на столѣ сидитъ любимица матери — ангорская кошка, словно мертвая: она постоянно спитъ, опустивъ голову до самаго стола... Скука страшная. Въ залѣ за чаемъ или обѣдомъ идутъ разговоры такого сорта:

— Смотрите, какой снѣгъ идетъ! говорятъ барышни сосѣдки.

— Да! теперь дорога поисправится, замѣчаетъ отецъ.

Всѣ задумываются, какъ будто рѣшаютъ вопросъ: что̀ если въ самомъ дѣлѣ дорога исправится? Куда ѣхать? ѣхать-то и некуда. Затѣмъ идетъ рѣчь о томъ, что въ городъ пріѣхали фокусники, — купчиху Слабоумову схоронили, гувернантка Пряишникова убѣжала съ офицеромъ, Зина Горшкова влюбилась въ дьякона. (Отецъ любитъ слушать подобные курьёзы).

Иногда пріѣзжаетъ къ намъ сосѣдъ Пылаевъ и начинаетъ пороть околесную... (Надо замѣтить, что мужики почему-то стали ему поперегъ горла).

— Вы не знаете этого народа! вопитъ онъ, осушая одну рюмку водки за другой.

— Какъ мнѣ не знать мужиковъ? возражаетъ отецъ.

— Нѣтъ, вы не знаете! вы не знаете! Разными послабленіями, вы только избалуете мужика! его тогда не допросишься ни на какую работу. Тотъ только и работникъ, — у кого нѣтъ ничего... (каковъ?) Развѣ нашъ мужикъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ? у него есть лапти, да кусокъ хлѣба, онъ и лежитъ на печкѣ. Его, голубчика, тогда только и можно прикрутить, когда ему ѣсть нечего! О! вы не знаете этого народа!

Пылаевъ напивается у насъ всякій разъ до помраченія ума, и тогда только и слышишь: «Parole d'honneur, послѣднія времена пришли...» Каковы типы, любезнѣйшій Андрей Петровичъ, окружаютъ меня? Отецъ Павелъ также нерѣдко посѣщаетъ насъ; повѣствуетъ про больныхъ, про повсемѣстный угаръ, какъ одной бабѣ на толчеѣ руку отшибло и пр.

Я живу во флигелѣ съ старымъ охотникомъ Поликарпомъ, который разсказываетъ мнѣ про жизнь и нравы птицъ. Разсказы эти до того хороши, что я записываю ихъ для моихъ учениковъ, съ которыми послѣ святокъ намѣренъ проходить есте-

ственную исторію. На сонъ грядущій Поликарпъ разсказываетъ мнѣ про волковъ и разбойниковъ (во мнѣ уцѣлѣли барскія замашки): какъ, напримѣръ, въ старину шайка удальцовъ верхомъ на лошадяхъ, въ полночь, останавливалась передъ домомъ дьячка, который со смиреніемъ являлся передъ гостями и упрашивалъ ихъ зайти къ нему откушать хлѣба-соли. Незнакомцы съ кистенями и топорами спрашивали у причетника: не видалъ ли онъ проѣхавшей тройки?.. Людей бѣдныхъ и смирныхъ, говоритъ Поликарпъ, разбойники не обижали, а напротивъ даже помогали имъ; приходскаго попа самъ атаманъ нерѣдко просилъ помолиться за него Богу и давалъ на весь причтъ не менѣе красненькой.

Во время подобныхъ разсказовъ иногда съ такою силою бушуетъ вьюга на улицѣ, что флигель нашъ уподобляется морскому судну, носимому волнами. У меня кружится голова и я слышу явственно скрыпъ мачтъ, хлестаніе волнъ, даже крикъ народа... Господи, какъ иногда тяжело!.. невыносимо грустна ты, русская жизнь... Гдѣ-то вы теперь? Меня беретъ досада, что вы не пишете... Живы-ли?...

Отъ того же къ тому же.

Мартъ.

Что же вы не пишете, Андрей Петровичъ? Гдѣ вы? Что подѣлываете? Бесѣдой съ вами я только и отвожу душу... Одинъ въ полѣ не воинъ, вы это знаете. Если вы не откликнетесь и на это письмо, то я поѣду васъ отыскивать.

Посмотрите! уже весна начинается... Солнце такъ ярко свѣтитъ; съ крышъ, на которыхъ прыгаютъ воробьи, каплетъ растаявшій снѣгъ... Коровы и лошади подставили свои спины подъ теплые, солнечные лучи. «Ну! думаю я себѣ: зиму пережилъ! теперь не погибну...»

А между тѣмъ жалобно раздается благовѣстъ церковнаго колокола, призывающій говѣльщиковъ, богомольныхъ старушекъ къ часамъ. Одѣтые въ полушубки, толстыя сермяги и заячьи шубки, богомольцы тянутся по улицѣ, вѣроятно толкуя о грѣхахъ своихъ или вообще о предметахъ, въ которыхъ наиболѣе проявляется промыслъ божій.

Я, конечно, знаю всѣ порядки относительно богослуженія и поста. Я знаю, напримѣръ, что въ промежуткѣ между заутреней и часами говѣльщики собираются въ церковную караулку,

гдѣ подъ образами сидятъ духовные, рядомъ съ ними почетные люди: приказчикъ въ калмыцкомъ тулупѣ или богатый дворникъ. Они ведутъ рѣчь о зимней стужѣ, о четьи-минеѣ, и т. п. Ихъ слушаютъ мужики съ отмороженными носами, стоящіе близъ печи.

О своихъ занятіяхъ ничего вамъ не сообщаю, такъ какъ не знаю, доходятъ ли мои письма къ вамъ? Въ силу этого ограничиваюсь написаннымъ. До тѣхъ поръ, пока вы не отзоветесь, не стану писать. Отвѣчайте скорѣе....

Но отвѣта не было.

XII.

ВЕСНА.

Русскій народъ говоритъ, что весна начинается съ самыхъ «Спиридоновыхъ поворотовъ», когда *солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ.* Такимъ образомъ, почти весь великій постъ, называемый четыредесятницей, стоятъ сильные морозы и бушуетъ зимняя вьюга. Но иногда выпадаютъ красные деньки, когда всѣ говорятъ о веснѣ и когда внутренній голосъ подсказываетъ каждому деревенскому жителю, что у Бога милости много: онъ накажетъ, онъ и помилуетъ. Едва ли не въ каждомъ домѣ начинаютъ поговаривать о прилетѣ грачей и жаворонковъ; вынимаются изъ сундуковъ праздничныя платья, радужныя шали, полинялыя мантильи, подъ предлогомъ не попортила ли ихъ моль, при этомъ соображаютъ, что̀ лучше, надѣть на Благовѣщеніе, или на Свѣтлый день? такъ что красный денекъ, выпавшій на долю изможденныхъ зимними холодами людей, позволяетъ имъ запастись силами для новой борьбы съ стихіями, ибо вскорѣ опять сердито заглядываетъ зима.

Такъ начинается русская весна и народное изреченіе: солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ, показываетъ, что въ это время завязывается борьба зимы съ весною. Но вотъ наконецъ и несомнѣнные признаки весны: снѣгъ разрыхлѣлъ, соломенныя и закоптѣлыя крыши домовъ обнажились. По улицѣ шумятъ ручьи, на поляхъ показались проталинки, грачи кричатъ въ березникѣ. Въ село приходитъ извѣстіе, что черезъ плотину ѣздить нельзя, по причинѣ сильнаго напора воды, и мельница остановилась; вездѣ, какъ говорятъ, все растворилось. Между деревнями и городами прекращается всякое сообщеніе, время отъ времени разносятся вѣсти, что половину города М. затопило водой, а городскую мельницу снесло за пятнадцать верстъ, что въ оврагѣ засѣлъ какой-то баринъ въ возкѣ.

Мало-по-малу полая вода сбываетъ. Снѣгъ лежитъ только въ оврагахъ и на склонахъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу. На лугахъ и выгонахъ зазеленѣла трава, которую щиплютъ овцы. Приближается свѣтлый день.

Въ селѣ Кострюлинѣ, въ домѣ доктора Гаврила Иваныча, (о которомъ писалъ Новоселовъ) на столѣ подъ образами стояло каменное блюдо съ водой, назначенной для освященія. Было около четырехъ часовъ утра. У иконъ горѣли свѣчи. Тучный хозяинъ сидѣлъ на диванѣ и вслушивался въ неясный, но торжественный крикъ приближавшихся къ его дому «богоносцевъ», которые пѣли «Христосъ воскресе», что̀ свидѣтельствовало о наступившемъ свѣтломъ днѣ.

Съ фонарями и украшенными образами богоносцы вошли въ домъ Гаврила Иваныча, причемъ каждый изъ нихъ повторилъ: «Христосъ воскресе». Вслѣдъ за богоносцами вошелъ причтъ.

Послѣ водоосвященія хозяинъ пригласилъ священника въ другую комнату къ больному. Это былъ Новоселовъ.

— Христосъ воскресе! возгласилъ священникъ, прикладывая къ устамъ больного крестъ: Христосъ и тебя пришелъ посѣтить... Неужели въ эти радостные дни ты обреченъ на смерть? Выздоравливай! Священникъ положилъ у подушки больного красное яйцо.

На лицахъ присутствовавшихъ выразилось участіе къ больному, который лежалъ въ забытьи...

Н. Успенскій.

КОСТЮШКО

и

РЕВОЛЮЦІЯ 1794 ГОДА.

XI*).

Суворовъ. — Обезоруженіе польскихъ войскъ въ южной Руси. — Пораженіе Сѣраковскаго подъ Брестомъ. — Битва подъ Мацѣіовицами. — Пораженіе и взятіе въ плѣнъ Костюшки. — Впечатлѣніе этого событія.

Лицомъ къ лицу съ польскимъ повстаньемъ сталъ Суворовъ, безспорно, одинъ изъ величайшихъ военныхъ геніевъ XVIII вѣка, уже давшій себя знать полякамъ слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ, уничтоженіемъ Барской конфедераціи. Въ то время, когда другіе русскіе генералы боролись съ Костюшкою, и борьба дошла до безславной осады Варшавы, подъ начальствомъ прусскаго короля, лучшій изъ генераловъ находился въ Украинѣ и участвовалъ въ борьбѣ Россіи съ Польшею только обезоруженіемъ польскаго войска. Такимъ образомъ, въ іюнѣ, состоявшій подъ его начальствомъ генералъ-маіоръ Исленьевъ обезоружилъ безъ сопротивленія польскую полевую артиллерію и изяславскій пѣхотный полкъ; генералъ-маіоръ Шевичъ обезоружилъ винницкую и брацлавскую бригады; фонъ-Сталь — поднѣстровскую бригаду. Взятое оружіе отправлено къ брацлавскому губернатору Берхману. Охотниковъ вступать въ русскую службу оказалось чрезвычайно мало, да и правительство не заботилось о томъ, чтобы ихъ было много, не желая наполнять войско такими людьми, которые могли измѣнить.

---

*) См. выше, янв. 5; февр. 511 стр.

Поэтому, тѣхъ, которые пожелали служить въ россійской службѣ, велѣно было не оставлять въ завоеванномъ краѣ, а переводить въ другія мѣста, подалѣе въ глубь имперіи. Тогда оказалось много побѣговъ изъ русской арміи: не утерпѣли поляки, услышавъ призывъ своего военачальника. Поэтому приказано было ихъ казнить жестокою казнію, а всѣхъ подозрительныхъ, которые хотя чѣмъ-нибудь малымъ заявили себя, велѣно отправлять за побѣги изъ войска во внутреннія губерніи. Въ іюнѣ обезоруженіе было окончено, кромѣ тѣхъ, которые, какъ было уже выше показано, успѣли убѣжать къ Костюшкѣ.

Въ то же время уніаты продолжали переходить къ православной церкви. Императрица приказала для охраненія тѣхъ, которые обращаются къ вѣрѣ предковъ, подавать отъ войска нужную помощь, дабы, какъ выражалась императрица: «отвратить замыслы недоброжелательствующихъ и сократить тѣ слѣдствія, которыя уніатское духовенство, естественно будучи огорчено, паче чаянія станетъ усиливаться произвести для нарушенія общаго спокойствія, тѣмъ болѣе, что и вообще помѣщикамъ сіе пріятно быть не можетъ».

Тогда въ народѣ стали рѣзче, чѣмъ прежде, поговаривать, что пришла пора вспомнить казачину, Желѣзняка, Гонту, расправиться съ панами и жидами. Іюня 30, Берхманъ доносилъ государынѣ объ опасномъ духѣ въ краѣ между крестьянами. Это побудило уменьшить ревность къ распространенію православія, потому что у южно-русскаго народа понятіе о православіи связывалось съ понятіемъ объ освобожденіи отъ пановъ, а освобожденіе отъ пановъ немедленно воскрешало страшный духъ гайдамацкой мести.

Причиной, почему Екатерина не посылала Суворова въ Польшу, было опасеніе нападенія со стороны турокъ. Это опасеніе могло разсѣяться не ранѣе лѣта.

Суворовъ получилъ повелѣніе двинуться въ Польшу не ранѣе, какъ въ августѣ. Двадцать третьяго числа этого мѣсяца онъ находился уже въ Варковичахъ на Волыни, на пути въ Польшу. Отрядъ генерала Буксгевдена былъ въ Ковлѣ, генерала Маркова въ Могилевѣ. Жидъ Шмойло донесъ, что въ Брестѣ собирается отрядъ повстанцевъ, туда идетъ Сѣраковскій, а на помощь ему Мокрановскій, съ 1,000 чел. Суворовъ, получивъ это извѣстіе, рѣшился быстро двинуться на непріятеля. 26 августа, Суворовъ былъ уже въ Луцкѣ, гдѣ получилъ чрезъ Буксгевдена извѣстіе о снятіи осады Варшавы прусскимъ королемъ. Нужно было спѣшить, чтобы соединиться съ русскими войсками, отступавшими отъ столицы, и не дать освободившимся отъ дѣйствій противъ

прусскаго короля польскимъ войскамъ подоспѣть на помощь къ тѣмъ, которые собирались у Бреста. 20 августа, Суворовъ соединился съ Буксгевденомъ. 30 августа, онъ прибылъ въ Ковель, а 4 сентября былъ подъ Кобриномъ. На другой день, 5 сентября, онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Генералъ Сѣраковскій долго странствовалъ по Литвѣ и имѣлъ съ русскими нѣсколько стычекъ, которыя по своей незначительности и неопредѣленности поляки могли называть своими побѣдами. Такова, между прочимъ, была битва подъ Слонимомъ, съ генераломъ Лассіемъ, гдѣ однако поляки, какъ и сами сознаются, попятились, но за то съ удивительнымъ, по ихъ словамъ, мужествомъ. Тогда уже вся Литва была взята русскими, только на Жмуди держались еще отряды; Курляндія, взволнованная поляками, была усмирена; поляки принуждены были вывести оттуда свои отряды.

Услышавъ о томъ, что Суворовъ двигается впередъ, Сѣраковскій послалъ извѣстіе Костюшкѣ, но главнокомандующій повстаньемъ получилъ уже ложные слухи изъ Волыни и отвѣчалъ, что ему извѣстно навѣрное, что это не знаменитый Суворовъ, а другой; знаменитый Суворовъ не пойдетъ въ Польшу; онъ бережетъ границы отъ Турціи, которая готова не сегодня завтра ополчиться противъ Россіи на защиту Рѣчи-Посполитой; тотъ же, который идетъ на Польшу, какой-то неважный казачій генералъ. Сѣраковскій, въ этой, видно, увѣренности, получивъ извѣстіе, что Суворовъ близко, поспѣшилъ къ Бресту, и не дошедши до него, расположился подъ Крупчицами, у монастыря. Онъ выбралъ превосходную позицію. Рѣка Мухавецъ извилисто течетъ къ востоку и круто дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу. За нею течетъ другой ручей, впадающій въ рѣку. Берега рѣки и ручья очень болотисты. Оставивъ впереди себя рѣку и потомъ ручей, Сѣраковскій расположилъ свое войско такъ, что лѣвый и правый бока его упирались въ болотистые лѣса; передъ мостомъ на дорогѣ, шедшей изъ Кобрина въ Брестъ, на лѣвомъ крылѣ поставилъ онъ шесть батарей. Тылъ обезпеченъ былъ также болотомъ, не такимъ большимъ какъ переднее, и въ тылу у него оставались деревня и каменный монастырь. Установившись такимъ образомъ, онъ отправилъ впередъ партію подъ начальствомъ генерала Рущица, но этотъ передовой отрядъ разбитъ былъ русскимъ казачьимъ отрядомъ генерала Исаева. Взятые плѣнные показали, что у Сѣраковскаго тысячъ шестнадцать войска; это было невѣрно. Другой подъѣздъ, отправленный Сѣраковскимъ, былъ счастливѣе; онъ привелъ одного унтеръ-офицера, посланнаго самимъ Суворовымъ достать водки, съ огромною баклагою. Онъ объявилъ полякамъ,

что идущій на нихъ Суворовъ дѣйствительно тотъ, который уже былъ въ Польшѣ во время Барской конфедераціи, который прославился въ обѣ турецкія войны, однимъ словомъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, а не какой-то другой.

Бѣжать было стыдно и притомъ некуда. Сѣраковскій выслалъ сто человѣкъ конницы для развѣдыванія, но этотъ отрядъ, наткнувшись на русскихъ, былъ такъ разбитъ, что едва нѣсколько человѣкъ успѣли добѣжать до своего стана.

Утромъ 6 (17) сентября, въ 7 часовъ, русскіе начали переходить черезъ рѣку Мухавецъ. Пѣхота и артиллерія двинулись по мосту. Но тутъ съ противной стороны поляки стали угощать ихъ сильною канонадою; тогда артиллерійскій капитанъ Рѣзвый, по приказанію начальства, устроилъ на высотѣ батареи, началъ палить изъ четырнадцати орудій и сбилъ непріятельскія батареи, преграждавшія путь. Пользуясь этимъ, пѣхота стала переходить. Сперва подполковникъ Талызинъ съ егерями двинулся впередъ на другую сторону, но на русскихъ нападаетъ польская конница. Нужно было выдвинуть противъ нея русскую конницу. Вотъ кинбурнскій драгунскій полкъ, подъ командою секундъ-маіора Киндякова, спѣшивается, солдаты переходятъ въ бродъ, рубятъ хворостъ, бросаютъ на протоки, дѣлаютъ гать, переводятъ по ней лошадей: за ними по этой гати переходитъ украинскій легко-конный полкъ подъ командою подполковника князя Одоевскаго. Польская конница не пускала русскую пѣхоту,—русская конница отгоняетъ ее, русская пѣхота проходитъ безпрепятственно, тѣ по мосту, тѣ въ бродъ; за Талызинымъ, гренадерскій херсонскій полкъ, за нимъ мушкатерскіе: азовскій, ряжскій; генералъ Буксгевденъ, командующій пѣхотою, командуетъ ударить въ штыки; поляки не въ силахъ держаться, сомкнулись въ густую толпу, закрылись въ тылу большимъ карре, и начали отступать. Но ряжскій полкъ поражаетъ штыками лѣвое крыло, не успѣвшее стать въ карре; храбрый генералъ-маіоръ Шевичъ съ своею летучею конницею бросается на лѣвый флангъ карре, за нимъ черниговскіе карабинеры и кинбургскіе драгуны, уже успѣвшіе сѣсть на лошадей; за ними конные полки, александровскій, маріупольскій; ихъ полковники Гижицкій и Анненковъ, оба отважные, врубились въ карре. Анненковъ съ маріупольцами пробилъ карре насквозь; непріятельская конница хочетъ ударить ему въ тылъ, но бригадиръ Исаевъ съ казаками отгоняетъ ее казацкими длинными пиками. Въ то же время генералъ-маіоръ Исленьевъ съ переяславскимъ полкомъ, конныхъ егерей, врубился въ правый флангъ карре: оно разорвано. Поляки потеряли строй и бѣжали въ разсыпную по лѣсамъ и болотамъ. Русская кавалерія гнала

ихъ до тѣхъ поръ, пока ночь и неудобная мѣстность не спасли поляковъ отъ совершеннаго пораженія. По извѣстіямъ русскихъ, около трехъ тысячъ поляковъ легло на мѣстѣ, у русскихъ убито 55 человѣкъ, ранено 237. Поляки увѣряютъ, что русскихъ убито было до трехъ тысячъ, а у нихъ только 192. Но послѣднему вѣрить нельзя, потому что и поляки все-таки сознаются, что Сѣраковскій былъ разбитъ.

Суворовъ не давалъ непріятелю большихъ отдыховъ и имѣлъ обыкновеніе преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока не поразитъ совершенно, до конца. Въ 2 часа по полуночи, русскіе пошли на поляковъ снова, отдохнувъ часовъ восемь, и по пятамъ ихъ подошли на шесть верстъ къ Бресту. Ночь была лунная. Два раза приходилось русскимъ переходить извилистый и болотистый Мухавецъ. На разсвѣтѣ они дошли до Буга. Эта рѣка въ осеннюю пору въ тѣхъ мѣстахъ переходима: пѣхота прошла черезъ нее въ бродъ и перевезла артиллерію. За Бугомъ русскіе построились въ боевой порядокъ. Правое крыло состояло изъ конницы подъ начальствомъ Шевича, лѣвое изъ пѣхоты Исленьева, въ центрѣ былъ Буксгевденъ. Поляки закрылись спереди предмѣстьемъ Бреста, называемымъ Тересполь.

Суворовъ приказалъ ударить на непріятеля со всѣхъ сторонъ. Русскіе сразу овладѣли шестью пушками, одна за другою, въ разныхъ мѣстахъ. Поляки стали быстро отступать къ деревнѣ Коршинъ, и за нею на высотѣ хотѣлъ расположиться Сѣраковскій, но генералъ Шевичъ предупредилъ его, перерѣзалъ ему путь, ударилъ въ переднюю колонну своею конницею. Бригадиръ Боровскій съ ольвіопольскими гусарами сцѣпился съ польскою конницею, черниговскій и александровскій полкъ ударили во вторую колонну, а третья бросилась влѣво, въ сторону; на нее сильно ударилъ въ штыки генералъ Исленьевъ, отрѣзалъ и совершенно истребилъ. Разстроенное войско бросилось къ деревнѣ Добрину. Надо было ему переходить черезъ гать. Исленьевъ послалъ въ обходъ къ деревнѣ (подъ начальствомъ секретаря Суворова, Мандрыкина, и поручика Тищенко) охотниковъ пять эскадроновъ, конныхъ егерей и гусаръ; когда поляки подошли къ деревнѣ, она была уже занята и зажжена русскими. Полковникъ Новицкій съ черниговскимъ полкомъ ударилъ съ правой стороны деревни, а поручикъ артиллеріи Татариновъ началъ поражать ихъ сзади. За поляками гнались казаки съ своимъ храбрымъ и неутомимымъ Исаевымъ, а впереди заходили дорогу егеря лифляндскаго корпуса (4-й баталіонъ полковника Ржевскаго и 2-й баталіонъ Жукова), очищая лѣсъ и поражая поляковъ выстрѣлами. Тутъ поляки пустились въ разсыпную, кидали оружіе, ам-

муницію, знамена; однихъ изъ нихъ убивали, другихъ брали въ плѣнъ, конница завязла въ болотѣ, по правую сторону гати. Нѣкоторые тамъ и погибли со своими лошадьми, другіе побросали лошадей, спасались бѣгствомъ и прятались въ камышахъ. Казаки Исаева били ихъ и кололи по всѣмъ направленіямъ. Самъ Сѣраковскій ушелъ съ однимъ баталіономъ пѣшей гвардіи на Малову гору; съ нимъ ушелъ отъ бѣды эскадронъ конной гвардіи, подъ начальствомъ Космовскаго. По странному случаю, въ эскадронѣ, бѣжавшемъ съ поля битвы, не былъ никто раненъ.

Русскимъ досталось двадцать восемь пушекъ, всѣ ящики съ снарядами, и два корпусныхъ знамени, одно бѣлое, для пѣхоты, а другое свѣтлосинее для конницы, недавно присланныя Сѣраковскому въ знакъ чести отъ высочайшаго совѣта. До 500 плѣнныхъ было взято русскими. Въ этой битвѣ русскіе потеряли 95 убитыми и 228 ранеными, изъ которыхъ 141 были ранены тяжело. Русскіе увѣряли, что поляковъ было до пятнадцати тысячъ, а другіе говорили, что даже до шестнадцати тысячъ; но по вѣдомостямъ, которыя доставилъ Сѣраковскій передъ своимъ пораженіемъ правительству, у него значится въ корпусѣ 5,975 человѣкъ, но изъ нихъ больныхъ было 501. Вѣроятно, однако, что это число обнимаетъ только регулярное войско, а такъ какъ кромѣ того у него были волонтеры, набранные изъ народа, то это и умножало его корпусъ въ глазахъ его непріятелей.

Сѣраковскій убѣжалъ въ Сѣдльце. Туда стало собираться къ нему недобитое войско и примыкали другіе отряды, такъ что въ нѣсколько дней у него снова было до двухъ тысячъ. Самъ Костюшко, услышавъ о его несчастіи, поспѣшилъ изъ-подъ Варшавы въ Сѣдльце, разспрашивалъ о причинахъ пораженія и нашелъ, что никто не виноватъ, всѣ прекрасно воевали и исполняли свои обязанности, а несчастіе произошло отъ многочисленности непріятеля. Для ободренія онъ роздалъ даже нѣкоторымъ знаки отличія, и въ томъ числѣ Космовскому. Этотъ знакъ отличія только-что передъ тѣмъ выдуманъ былъ Костюшкою для наградъ. То было золотое кольцо съ надписью: «Отчизна своему защитнику». Его положилъ онъ давать военнымъ только подъ условіемъ, если коммиссія, состоящая изъ трехъ офицеровъ, признаетъ достойнымъ того, кому намѣреваются дать этотъ знакъ отличія. Имя получающаго должно было пропечатываться въ газетахъ, съ обозначеніемъ нумера, за которымъ получена награда, съ тою цѣлью, чтобы кто-нибудь не присвоилъ себѣ такой почести безъ права на нее.

Отъ Сѣраковскаго Костюшко поспѣшно отправился въ Гродно. Здѣсь онъ надъ остатками литовской арміи отдалъ начальство Мо-

крановскому; подъ его начальствомъ одну дивизію поручилъ Ясинскому, другую Вавржецкому, вмѣстѣ съ Гедройцемъ. Онъ написалъ имъ такой приказъ: «Предостерегаю все войско; если кто будетъ его тревожить разговорами о томъ, будто противъ москалей нельзя удержаться, или во время битвы станетъ кричать, что москали у насъ въ тылу, москали насъ отрѣзываютъ, и тому подобное, тотъ по донесенію команды будетъ тотчасъ заключенъ въ оковы, отданъ суду и, по доказательствѣ виновности, разстрѣлянъ. Приказываю генералу Мокрановскому, чтобы во время битвы часть пѣхоты съ артиллеріею всегда стояла позади линіи съ пушками, заряженными картечью, изъ которыхъ будутъ стрѣлять въ бѣгущихъ. Всякій пусть знаетъ, что идя впередъ, получаетъ побѣду и славу, а подавая тылъ, встрѣчаетъ срамъ и неминуемую смерть. Если между служащими въ войскѣ есть такіе, которые убѣждены, что москалей нельзя побить, люди, равнодушные къ отечеству, свободѣ и славѣ, тѣ пусть заранѣе объявятъ объ увольненіи своемъ изъ службы. Мнѣ больно, что я принужденъ установлять такія строгія правила». Костюшко нашелъ нужнымъ припомнить своимъ соотчичамъ и благословенную въ ихъ памяти эпоху московскаго разоренія. «Какіе-нибудь десятки вашихъ предковъ могли завоевать цѣлое государство Московское, привести въ оковахъ царей его, назначать москалямъ владыкъ,— а вы, потомки тѣхъ же самыхъ поляковъ, можете сомнѣваться въ успѣхѣ борьбы за отечество, свободу и домы ваши, за кровныхъ и друзей, и считаете непобѣдимыми эти хищныя шайки, которыя берутъ надъ вами верхъ только при вашей трусости».

Для усиленія Сѣраковскаго, Костюшко немедленно послалъ приказаніе отрядить изъ отряда Понятовскаго до двухъ тысячъ человѣкъ къ Сѣраковскому и приказалъ, сверхъ того, соединиться съ нимъ отряду генерала Княжевича, у котораго было до тысячи человѣкъ. Самъ Костюшко прибылъ снова въ Варшаву и стоялъ по прежнему въ Мокотовѣ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе отъ хозяйки этого имѣнія, княгини Любомирской. Онъ часто ѣздилъ въ Варшаву, бесѣдовалъ тамъ о дѣлахъ съ главными членами совѣта и генералами.

Русскій генералъ Ферзенъ съ своимъ войскомъ, по отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, отступилъ и самъ отъ столицы, а сначала сталъ у Песочной, и оставался тамъ до 30-го августа (11-го сентября), по просьбѣ прусскаго короля. Послѣдній прислалъ-было къ нему генерала Манштейна просить, чтобы онъ остался долѣе, пока король уйдетъ въ Великую Польшу, но Ферзенъ отвѣчалъ: «Дѣло подъ Варшавой покончилось, мнѣ нечего тутъ дѣлать, я не буду ждать долѣе 30-го августа».

«Пруссаки, писалъ онъ Репнину, единственно заботятся объ охраненіи своихъ новыхъ границъ, а до союзниковъ дѣла нѣтъ; цесарцы стоятъ недвижно, и мнѣ трудно теперь двигаться, не будучи ничѣмъ снабженнымъ». Цѣль его была перейти на правый берегъ Вислы и соединиться съ Суворовымъ, или же ударить на разсѣянныя части польскаго войска около Бреста или гдѣ придется. Онъ распустилъ слухъ, что хочетъ переправиться въ Пулавахъ, а самъ рѣшилъ переправиться въ Зелиховѣ. Переправа чрезъ Вислу было дѣло не легкое; оно требовало нѣсколькихъ дней работы, а поляковъ было много на другой сторонѣ; хотя это были небольшіе отряды, но при переправѣ они могли быть опасны; и дѣйствительно, Костюшко обратилъ усиленное вниманіе на то, чтобы не дать Ферзену совершить переправу. Это важное дѣло поручено было генералу Адаму Понинскому, который стоялъ на правомъ берегу Вислы и слѣдилъ за движеніями Ферзена, готовый ударить на него, когда онъ начнетъ переправу.

Выборъ былъ очень неудаченъ. Отрядъ Понинскаго состоялъ изъ четырехъ тысячъ и это все были новобранцы и охотники. Дисциплины въ войскѣ было мало. «Каждая сотня, говоритъ Зайончекъ, была подъ командою начальника, который считалъ себя независимымъ». Вооруженіе было плохое. Тѣмъ не менѣе русскій генералъ, осторожный и разсудительный нѣмецъ, примѣривался чуть не мѣсяцъ перейти черезъ рѣку. 3 (14) сентября онъ былъ въ Магнушевѣ, на противоположной сторонѣ. Поляки готовы были встрѣтить его. Онъ разставилъ свое войско по правому берегу Вислы, въ Магнушевѣ, Ричеволѣ, Козеницахъ и Гнѣвушовѣ. Переправляться было трудно еще и потому, что не было паромовъ. Онъ успѣлъ-было достать ихъ на рѣкѣ Пилицѣ, собралъ польскихъ мужиковъ и хотѣлъ переправиться, но поляки съ противоположнаго берега собрались и перестрѣляли мужиковъ. Тогда Ферзенъ велѣлъ доставлять суда на подводахъ; пока доставляли суда, онъ наблюдалъ за движеніемъ непріятеля, а поляки устраивали свои батареи. Наконецъ, обманувъ непріятеля, Ферзенъ началъ 22-го сентября переправу у Козеницъ и деревни Голендры. Хрущовъ сѣлъ на суда и очищалъ берегъ отъ непріятельскихъ батарей. Переправа продолжалась нѣсколько дней. Поляки не въ силахъ были помѣшать ей.

Дали знать Костюшкѣ.

Онъ получилъ это извѣстіе 24-го сентября и тотчасъ послалъ два полка пѣхоты съ нѣсколькими пушками на помощь къ дивизіи Сѣраковскаго, и послѣднему послалъ приказаніе поскорѣе идти къ Козеницамъ, противъ Ферзена, а потомъ призвалъ къ

себѣ Нѣмцевича и сказалъ: «Завтра съ разсвѣтомъ мы уѣдемъ къ Сѣраковскому; только это должно оставаться въ величайшемъ секретѣ». Онъ довѣрилъ однако тайну Зайончеку и Коллонтаю и сказалъ, что рѣшается отважиться на битву съ Ферзеномъ, чтобы не дать ему соединиться съ Суворовымъ. «Лучше пусть Ферзенъ соединится съ Суворовымъ, чѣмъ мы проиграемъ сраженіе, — сказалъ Зайончекъ. Армія Ферзена сильнѣе арміи Сѣраковскаго».—«Но силы Сѣраковскаго, возразилъ Костюшко, когда соединятся съ нимъ другія, возрастутъ до четырнадцати тысячъ и будутъ въ состояніи выдержать напоръ». Представленіе Зайончека не было принято Костюшкою. Неизвѣстно, притворился ли онъ передъ нимъ, что оставляетъ свое намѣреніе, или упорно стоялъ на своемъ. Онъ пріѣхалъ въ Варшаву и провелъ вечеръ у Закржевскаго. Тамъ были всѣ близкіе друзья его, Игнатій Потоцкій, Мостовскій, Коллонтай. Костюшко не подавалъ вида, что у него на умѣ. Друзья разстались въ часъ по полуночи. У Нѣмцевича былъ на пальцѣ превосходный антикъ, этрусскій перстень съ вырѣзаннымъ изображеніемъ раненаго воина, опирающагося на щитъ. Игнатій Потоцкій похвалилъ его. «Возьмите его себѣ и держите, пока мы не увидимся снова», сказалъ Нѣмцевичъ. Игнатій не понялъ значенія этихъ словъ, а Нѣмцевичъ хотѣлъ въ случаѣ несчастія оставить по себѣ память человѣку, котораго очень любилъ и уважалъ.

На зарѣ, рано, Костюшко съ Нѣмцевичемъ былъ уже на ногахъ. Отъѣзжая, Костюшко довѣрилъ начальство надъ войскомъ близъ Варшавы Зайончеку и приказалъ распустить слухъ, что ѣдетъ въ Варшаву. Они поѣхали на Прагу. Проѣхавъ верстъ около двадцати, они оставили своихъ утомленныхъ лошадей и поѣхали на перемѣнныхъ мужичьихъ. Жалко было имъ смотрѣть на этихъ лошадей, только кожа да кости, а сѣдла были безъ стремянъ, и удилъ не было, а вмѣсто нихъ были веревки. Край былъ разоренъ, хлопы обѣднѣли. Въ пять часовъ путешественники достигли обоза Сѣраковскаго, гдѣ съ послѣднимъ были генералы Каминскій и Понинскій, и бригадиръ Копець, прибывшій изъ своего лагеря, верстъ за тридцать оттуда.

Утромъ Понинскій уѣхалъ къ своему отряду съ Сѣраковскимъ; Каминскій поѣхалъ съ Костюшкою. Они въ Корытницу прибыли вечеромъ; тамъ былъ отрядъ, наблюдавшій за Ферзеномъ. Костюшко остановился въ опустошенномъ казаками панскомъ домѣ, и пробылъ тамъ цѣлый день. Погода была дождливая.

Польскіе подъѣзды взяли въ плѣнъ майора русской службы, снимавшаго планъ мѣстности. Оказалось, что этотъ маіоръ

былъ родомъ полякъ изъ брацлавщины, по прозванію Подчаскій. «Мы имѣли право повѣсить его какъ измѣнника, говоритъ Нѣмцевичъ, но удовольствовались тѣмъ, что вывѣдали у него о состояніи непріятеля». Чуть живой отъ страха Подчаскій объяснялъ, что нищета заставила его вступить въ русскую службу и онъ хотѣлъ увольниться, но его не пускали въ отставку. Онъ разсказалъ Костюшкѣ подробно о положеніи русской арміи и ея численности.

«Оказывается, что непріятель сильнѣе насъ вчетверо людьми и орудіями», сказали поляки. Вечеромъ дождь пересталъ. Прояснивало. Нѣмцевичъ и Каминскій, нѣкогда школьные товарищи, прогуливались по двору. Вдругъ по правую ихъ сторону пролетѣла стая вороновъ. «Припомни Тита Ливія, сказалъ Каминскій, вороны по правую сторону — дурное предзнаменованіе».— «Оно было дурнымъ для римлянъ, а не для насъ, сказалъ Нѣмцевичъ. Пусть это кажется невѣроятно, но увидишь,—мы побьемъ москалей».—«И я тоже думаю», сказалъ, ободрясь, Каминскій.

Настало ясное утро 28 сентября (9 октября). Полковникъ Крицкій привелъ изнуренные два полка изъ Варшавы. Имъ для подкрѣпленія дали водки.

Въ девять часовъ утра выступили поляки изъ Корытницы. Путь имъ лежалъ черезъ лѣсъ. Въ четыре часа по полудни вышли они изъ лѣса близъ Мацѣіовицъ и увидѣли вдоль Вислы раскинутый русскій обозъ. Русское оружіе сверкало противъ солнца. Шумъ голосовъ, крики командъ, ржаніе лошадей доходили до ушей поляковъ. Генералы устанавливали войско въ боевой порядокъ, а стрѣлки между тѣмъ уже начали драться съ передовыми казаками. Эти такъ-называемые *шармицели* не длились больше часа.

Маленькая рѣка течетъ въ Вислу черезъ мѣстечко Мацѣіовицы. На берегу ея стоялъ за̀мокъ; отъ этого за̀мка до села Ороннэ вдоль рѣчки на лѣвомъ ея берегу расположились поляки. Рѣчка, впадая въ Вислу, образуетъ уголъ; отъ этого угла вдоль Вислы, до Козеницъ, стояли русскіе. Понинскаго съ его отрядомъ не было. Костюшко послалъ къ нему вечеромъ гонца, приказывая прибыть какъ можно скорѣе.

Ночью отправились польскіе генералы въ за̀мокъ. Онъ принадлежалъ фамиліи Замойскихъ. На стѣнахъ его висѣли портреты лицъ этой фамиліи, знаменитыхъ въ исторіи канцлеровъ, гетмановъ, епископовъ. Казаки незадолго передъ тѣмъ посѣтили за̀мокъ и оставили слѣды свои; у однихъ изъ нарисованныхъ Замойскихъ были проколоты глаза, у другихъ разрублены саблями лица. Безсознательно русскій воинъ попиралъ древнюю славу Польши,

на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько дней спустя судьба опредѣлила разыграться одной изъ послѣднихъ сценъ ея исторической драмы.

Наступило утро рокового дня. Мѣстоположеніе, казалось, давало полякамъ болѣе выгоды и надеждъ. Они стояли на сухомъ мѣстѣ, а русскимъ надо было пробираться по болотамъ. Но русскіе не боялись дурныхъ путей, когда надобно и велѣно идти черезъ нихъ.

По составленному Ферзеномъ плану, генералъ Хрущовъ ударилъ на поляковъ прямо. Корпусъ Денисова обошелъ вправо и ударилъ на поляковъ въ лѣвый флангъ. Корпусъ Тормасова направилъ свой ударъ лѣвѣе отъ Хрущова, а еще лѣвѣе двинулся корпусъ Рахманова, перешелъ рѣчку, пошелъ вдоль ея по правой сторонѣ съ большимъ трудомъ, при упорномъ сопротивленіи поляковъ, потомъ снова перешелъ на лѣвую сторону по плотинѣ и ударилъ въ тылъ. Наконецъ резервъ, подъ начальствомъ полковника Толстого, взялъ Мацѣіовицы, перешелъ черезъ рѣку и потомъ очутился тоже въ тылу поляковъ, еще далѣе, лѣвѣе Рахманова. Сначала сыпались на поляковъ ядра и гранаты, потомъ, когда русскіе приблизились, со всѣхъ сторонъ открылся по нимъ убійственный ружейный огонь. Тогда русскіе ударили въ штыки. Все мѣшалось, кидало оружіе, бѣжало, но бѣжать было некуда. Русскіе окружили поляковъ. Костюшко бросился за бѣгущею и потерявшею духъ кавалеріею; онъ думалъ остановить ее и двинуть въ бой. За нимъ пустились въ догонку харьковскаго легко-коннаго полка корнетъ Лисенко, да елисаветградскаго конно-егерскаго полка корнетъ Смородскій, да два казака, Лосевъ и Топилинъ. Конь Костюшки споткнулся и упалъ. Казаки, доскакавъ, дали ему два удара пикою, а Лисенко ударилъ его саблею по головѣ. Казаки бросились обирать его — сняли съ пальца перстень, потомъ другой, потомъ стали снимать третій, съ изображеніемъ краковской шапки — девиза повстанья. Костюшко машинально сжалъ палецъ. Офицеръ присмотрѣлся и закричалъ: «Это Костюшко!» — «Я Костюшко, воды!» проговорилъ раненый начальникъ. Воины прониклись уваженіемъ къ храброму, честному и уже безсильному врагу. Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за водою. Офицеры приказали надѣть на него прежнюю одежду, перевязали ему раны. Онъ впалъ въ безпамятство. Казаки изъ пикъ устроили носилки и понесли его.

Генералы Сѣраковскій, Княжевичъ, Каминскій, Копецъ, всѣ полковники, штабъ и оберъ-офицеры, секретарь Костюшки Фишеръ, оставшіеся въ живыхъ, были взяты въ плѣнъ. Нѣмцевичъ былъ раненъ въ руку. «Первымъ моимъ движеніемъ, говоритъ онъ, была гордость при мысли, что я проливаю кровь за оте-

чество, но это патріотическое наслажденіе прошло, когда я увидалъ, что вся наша армія уничтожена». Казаки нагнали его, схватили за поводья его лошадь и повели.

Казацкій офицеръ, взявшій въ плѣнъ Нѣмцевича, не принадлежалъ къ числу образованныхъ и гуманныхъ офицеровъ, какими, къ чести ихъ, были многіе изъ героевъ екатерининской арміи, уважавшіе во врагѣ человѣка и исполнителя своего нравственнаго долга. Онъ сталъ его обирать, и увидя на раненой рукѣ бриллiантовый перстень, силился его снять, но это было трудно, — рука припухла отъ раны. Нѣмцевичъ закричалъ отъ боли, снялъ перстень и бросилъ ему въ лицо. «Этотъ офицеръ обратился въ слугу моего», говоритъ Нѣмцевичъ; онъ раздѣлъ его и надѣлъ на него мундиръ, снятый съ убитаго польскаго жолнѣра. Его повели посреди русскихъ батальоновъ. «За чѣмъ ведешь его?» кричали офицеру подобные ему товарищи. «Убей его». На пути подъѣхалъ полковникъ Миллеръ, обратился къ Нѣмцевичу вѣжливо и милостиво, и при немъ же далъ выговоръ грубому казацкому офицеру за жестокое обращеніе, и самъ взявъ подъ свое покровительство Нѣмцевича, повелъ его въ главную квартиру.—«Мы шли черезъ побоище, говоритъ Нѣмцевичъ; земля была покрыта ободранными трупами. Что́ было величественно въ этой картинѣ, это рослые жолнѣры, лежавшіе съ пробитою штыками грудью, съ запекшеюся въ ранахъ кровью, но еще видно было въ нихъ оставшееся послѣднее напряженіе мускуловъ; грозное выраженіе застыло на ихъ лицахъ».

Всѣхъ знатныхъ плѣнныхъ приводили къ Ферзену. Побѣдитель встрѣчалъ ихъ ласково съ трубкою въ рукахъ и безъ оружія, чтобы показаться скромнѣе. Отъ него ихъ отводили въ за́мокъ, гдѣ собрались русскіе генералы. Плѣнниковъ поставили въ рядъ. Русскіе генералы—Хрущовъ, Тормасовъ, Денисовъ и другіе утѣшали ихъ, ласкали. Костюшки не было. Всѣ думали, что онъ убитъ, какъ вдругъ казаки принесли его на пикахъ полуживого, и русскіе генералы бросились оказывать ему помощь. У Нѣмцевича въ карманѣ взяли польскую только-что написанную имъ пьесу: «Возвращеніе съ того свѣта». Русскіе, знавшіе по-польски, читали и хвалили пьесу, желая сдѣлать пріятное плѣнному автору.

Всѣхъ плѣнныхъ взято русскими двѣ тысячи семьдесятъ человѣкъ. Изъ нихъ восемьсотъ были тотчасъ отпущены, съ обязательствомъ не служить противъ Россіи. Русскіе взяли 21 пушку, изъ нихъ четыре двѣнадцати-фунтовыхъ и четыре шести-фунтовыхъ, а прочія трехъ-фунтовыя, два знамени и 26 пороховыхъ

выхъ ящиковъ. Сами русскіе потеряли убитыми 166 чел.; раненыхъ было 1,154.

Плѣнныхъ генераловъ разобрали къ себѣ на попеченіе русскіе генералы. Каминскаго, съ позволенія Ферзена, взялъ къ себѣ генералъ Дашковъ, который былъ въ Варшавѣ друженъ съ сестрою его Гурскою. Сѣраковскаго и Княжевича взялъ Хрущовъ, и обращался съ ними привѣтливо и дружелюбно. Всѣхъ убитыхъ похоронили съ военною честью и русскіе священники отпѣвали ихъ. Угождая французскому вольномыслію, поляки ставили русскимъ въ укоръ эту заботливость о приличномъ погребеніи мертвыхъ, называли ее суевѣріемъ, и порицали ихъ за то, что они въ тоже время оказывали менѣе старанія о раненыхъ плѣнныхъ, впрочемъ замѣчали, что и о своихъ раненыхъ они заботились не болѣе того. Быть можетъ, это было единственно оттого, что въ Россіи въ то время былъ еще недостатокъ во врачахъ, особенно искусныхъ.

Такъ какъ курьеровъ приходилось для избѣжанія плѣна посылать черезъ австрійскія земли, то Ферзенъ отправилъ къ Суворову извѣстіе съ плѣннымъ полякомъ, Станиславомъ Дубовицкимъ. По донесенію этого Дубовицкаго, всѣхъ польскихъ войскъ было подъ Мацѣіовицами десять тысячъ пятьсотъ человѣкъ, тогда какъ по извѣстіямъ польскимъ ихъ было не болѣе шести съ небольшимъ. Дубовицкій показывалъ, что Костюшко отправилъ изъ Варшавы четыре полка по 1,000 человѣкъ, тогда какъ Нѣмцевичъ говоритъ, будто онъ отправилъ ихъ только два. Дубовицкій указываетъ именно въ какомъ батальонѣ сколько людей находилось, и его показанія вообще носятъ печать правдоподобія; исключивъ число взятыхъ въ плѣнъ, окажется, что поляковъ легло болѣе восьми тысячъ въ этой *рѣзанинѣ*, какъ называли русскіе ветераны это сраженіе, вспоминая объ немъ въ своихъ разсказахъ впослѣдствіи.

Въ Варшавѣ сначала, какъ водится, стали ходить неясные слухи о мацѣіовицкомъ пораженіи. Имъ не хотѣли вѣрить. Патріоты, такъ боготворившіе своего начальника, никакъ не допускали мысли, чтобы этотъ идеалъ ихъ могъ быть взятъ въ плѣнъ. Боялись передавать другъ другу эти слухи, чтобы не подпасть обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи дурныхъ вѣстей. Потомъ разнесся даже слухъ, что Костюшко свободенъ, что его нашли въ болотѣ и везутъ въ Варшаву. Народъ толпами побѣжалъ къ мосту и стоялъ на берегу съ полудня до ночи, пока сильный осенній дождь не прогналъ его. На другой день Зайончекъ издалъ приказъ и извѣщалъ оффиціально войско и народъ о несчастіи, постигшемъ отечество. Онъ убѣждалъ не унывать,

но одушевиться чувствомъ и желаніемъ мести за любимаго начальника. Тогда раздались отчаянные крики: «Нѣтъ Костюшки! Пропало отечество». Иныхъ, по словамъ современниковъ, била лихорадка; другіе впали въ горячку, нѣкоторые совсѣмъ сошли съ ума, бѣгали по улицамъ и бились головами объ стѣны; женщины метались и кричали въ истерикѣ, а иныя даже разрѣшились отъ бремени преждевременно. Даже дѣти, слышавшія прежде безпрестанно отъ родителей имя Костюшки, теперь плакали навзрыдъ и кричали: «гдѣ дорогой Костюшко?» — Немало было и такихъ, которые втайнѣ радовались этому, видя по крайней мѣрѣ, что этимъ способомъ дѣло скорѣе дойдетъ до какого-нибудь конца, но и тѣ должны были притворяться. «Онъ въ плѣну — какой стыдъ! говорили такіе, желая набросить на Костюшку тѣнь. Да зачѣмъ же онъ не нашелъ славной смерти, какъ многіе другіе нашли ее подъ Мацѣіовицами? Зачѣмъ предпочелъ стыдъ пораженія и плѣнъ геройской смерти?» Крайніе демократы, которыхъ всякая неудача разъяряла, кричали, что теперь-то и надобно показать рѣшительныя мѣры и перебить плѣнныхъ москалей и измѣнниковъ поляковъ.

3 (14) октября, высочайшій совѣтъ по этому поводу принужденъ былъ издать прокламацію, гдѣ было сказано: «Высочайшій совѣтъ убѣжденъ, обыватели, что скорбь ваша и слезы нераздѣльны съ твердою рѣшимостью мстить непріятелю за утрату начальника. Но высочайшій совѣтъ, говоря о мести, отнюдь не думаетъ побуждать васъ мстить безоружнымъ людямъ изъ московскаго края, находящимся у насъ въ плѣну, или за ручательствомъ народа. Судьбу ихъ слѣдуетъ уважать и по долгу человѣчности и по вниманію къ нашимъ рыцарямъ, которые, будучи покрыты ранами, въ рукахъ непріятеля испытали бы такія же несчастія и жестокости».

Ферзенъ, по взятіи Костюшки, послалъ къ королю Станиславу-Августу курьера съ письмомъ. Костюшко собственною слабою рукою надписалъ курьеру паспортъ. «Ваше величество, — писалъ Ферзенъ, — истребленіе всего корпуса, стоявшаго у замка (Мацѣіовицкаго), взятіе такого множества воиновъ, высшихъ офицеровъ, командировъ и самого начальника революціи 1794 г. — вотъ слѣдствіе дѣла 10 октября. Надѣюсь, что теперь ваше величество и Рѣчь-Посполитая возвратитесь къ своимъ прежнимъ правамъ, и потому обращаюсь къ законнымъ властямъ съ требованіемъ увольненія всѣхъ генераловъ, офицеровъ, солдатъ и состоящихъ на службѣ русскихъ, въ томъ числѣ и принадлежащихъ къ дипломатическому корпусу, а равно и женщинъ, задержанныхъ вопреки достодолжному уваженію къ правамъ наро-

довъ. Я желаю, чтобы всѣ эти особы отосланы были въ корпусъ, находящійся подъ моею командою, и скорое ихъ возвращеніе увеличитъ во мнѣ желаніе сдѣлать съ своей стороны все, что могу и что отъ меня будетъ зависѣть. Надѣюсь, что усилія, до сихъ поръ напрасныя, возвратятъ наконецъ спасительное спокойствіе Польшѣ и что въ этомъ еще году я буду въ состояніи изъявить вашему величеству мое уваженіе».

Король, конечно, не могъ еще писать ничего другого, кромѣ того, что ему прикажутъ. Отвѣтъ его Ферзену отъ 4 (15) октября былъ таковъ:

«Милостивый государь! Какъ ни прискорбно для насъ несчастіе, постигшее насъ 10 октября, преимущественно утратою глубоко уважаемаго мужа, давшаго вновь начало независимости своему отечеству, однако это несчастіе не можетъ поколебать постоянство тѣхъ, которые поклялись или погибнуть или возвратить себѣ свободу. Не удивляйтесь, что ваше предложеніе объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ и заложниковъ, остающихся у насъ въ обезпеченіе судьбы поляковъ, увезенныхъ въ Москву, намъ неумѣстно принять. Еслибы вы постарались объ увольненіи вашихъ единоземцевъ посредствомъ освобожденія задержанныхъ въ вашей землѣ поляковъ, то я охотно содѣйствовалъ бы осуществленію вашего желанія».

Въ тотъ же день послано было отъ высочайшаго совѣта письмо къ Костюшкѣ (уже второе со времени его плѣна). «Высочайшій совѣтъ, писали ему, готовъ уволить за тебя всѣхъ непріятельскихъ плѣнниковъ; каждый изъ насъ готовъ пожертвовать собственною свободою за твою. Это голосъ цѣлаго народа. Если россійское правительство не согласится на это, то оно покажетъ, какъ дорожитъ твоею особою и какъ мало даетъ цѣны собственнымъ подданнымъ. Насъ извѣщали, что съ тобою, начальникъ, обращаются человѣколюбиво; у насъ плѣнники, особы русскаго происхожденія, состоящія за народнымъ поручительствомъ, и прежде испытывали тоже; теперь же, узнавъ, какъ хорошо съ тобою обращаются, мы особенно обѣщаемся усладить непріятность ихъ плѣна. Высочайшій совѣтъ установилъ навсегда имѣть твой портретъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ отправляться его засѣданія».

Президенствовать въ совѣтѣ, въ день, когда было писано это письмо, пришлось Игнатію Потоцкому. Онъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго прибавилъ и отъ себя изъявленіе чувствъ уваженія, и въ концѣ рѣчи сообщилъ, что король поручилъ передать свое участіе къ судьбѣ Костюшки и неизмѣнное къ нему уваженіе.

На другой день, 5 (16) октября, Костюшко прислалъ изъ плѣна высочайшему совѣту такое значительное письмо: «Обращаюсь къ высочайшему совѣту по поводу происшествія, которое касается чести нашего народа и войска. Сто слишкомъ офицеровъ взято было въ несчастной битвѣ 10 октября въ плѣнъ; они просили, чтобы ихъ содержали на честное слово. Они получили отъ генерала Ферзена эту милость. Но нашлось изъ нихъ девять негодяевъ и подлецовъ, которые, забывъ святость даннаго слова и честь офицера, а равно и тѣ непріятныя послѣдствія, которыя они навлекали на честныхъ своихъ товарищей, оставшихся въ плѣну, убѣжали изъ россійскаго обоза. Къ столькимъ утратамъ, которыя неблагопріятная судьба дала намъ почувствовать, не станемъ присоединять величайшей изъ потерь,—потери славы и чести. Пусть начальство примѣрнымъ наказаніемъ покажетъ, и своимъ и чужимъ, какъ оно гнушается всякою подобною подлостью, какъ умѣетъ строго преслѣдовать и карать ее. Прошу высочайшій совѣтъ немедленно приказать, гдѣ нужно, задержать этихъ негодяевъ, заковать въ цѣпи и препроводить въ лагерь генерала Ферзена подъ конвоемъ, какъ можно скорѣе, а если они въ Варшавѣ не отыщутся, то приказать ихъ вездѣ искать и доставить, затѣмъ имена ихъ вычеркнуть изъ списковъ и напечатать въ газетахъ».

XII.

Вавржецкій избранъ главнокомандующимъ.—Мѣры обороны.—Укрѣпленія Праги.—Пораженіе поляковъ подъ Кобылкою.—Волненія въ Варшавѣ.

Стали думать о новомъ народномъ начальникѣ. Генералы и вліятельные люди совѣта были между собою не въ ладу; одинъ другому готовъ былъ подставить ногу. Коллонтай предложилъ въ начальники Ѳому Вавржецкаго, бывшаго тогда въ Литвѣ. Этотъ человѣкъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, со всѣми ладилъ, былъ скроменъ, невластолюбивъ; можно было надѣяться взять его въ руки. Во время четырехлѣтняго сейма онъ красно говорилъ, слылъ за пламеннаго патріота, крѣпкаго сторонника конституціи 3-го мая; то былъ человѣкъ вполнѣ честный и прямодушный, но не обладалъ ни способностями, ни опытностью въ военномъ искусствѣ и даже не отличался склонностью къ нему. Учредили военный совѣтъ, который долженъ быть постоянно при верховномъ начальникѣ и состоять изъ шести членовъ; трехъ предоставлялось избрать самому начальнику, а трехъ назначалъ высочайшій совѣтъ.

Крайняя опасность была очевидна. Пораженіе Костюшки послѣ первыхъ дней напряженія располагало къ уступкѣ тѣхъ, которые предавали хладнокровному обсужденію положеніе польскихъ дѣлъ. Польша могла насчитать у себя еще до сорока тысячъ войска, но оно было раскидано: Домбровскій и Мадалинскій съ пятью тысячами и Понятовскій съ шестью находились въ Великой Польшѣ и должны были удерживать пруссаковъ. Мокрановскій и Гедройцъ стояли въ Литвѣ; у нихъ было тысячъ до десяти или до двѣнадцати; сверхъ того было три тысячи у Грабовскаго, четыре тысячи у Понинскаго, а въ Варшавѣ пять тысячъ съ половиною подъ начальствомъ Зайончека, которому самъ Костюшко поручилъ тамъ предводительство. Всего этого войска было недостаточно, если противная сторона захотѣла бы умножить свои силы. Нельзя было назвать его превосходнымъ; значительная часть его состояла изъ новобранныхъ, или вооруженныхъ косами. Начальники не отличались ни талантомъ, ни опытностью и были между собою постоянно несогласны. Предводители ничѣмъ не пріобрѣли любви подчиненныхъ, и еще меньше любви къ себѣ народа. Польскіе отряды для хлоповъ казались подъ-часъ хуже пруссаковъ и москалей: брали съ нихъ фуражъ, не обращая вниманія на бѣдность, не платили денегъ за взятое, брали даромъ подводы и загоняли лошадей, брали рабочій скотъ поселянъ, брали, подъ предлогомъ пожертвованій, все что ни попадалось имъ на глаза, и насильно вербовали жителей въ войско. «Одинъ Костюшко былъ отецъ, говорили поселяне, а эти генералы, и полковники, и офицеры — разбойники и грабители». Ихъ дѣйствія противъ пруссаковъ не принесли ничего плодотворнаго. 5-го октября, Домбровскій и Мадалинскій проникли до Быдгоща (Бромберга), разбили и плѣнили прусскаго генерала Секули, который тотчасъ умеръ отъ раны. Поляки овладѣли Быдгощью, забрали тамъ военные и продовольственные склады. Это, какъ водилось, надѣлало большого шуму, ославлено блестящимъ подвигомъ, подало поводъ къ еще болѣе блестящимъ надеждамъ, но въ сущности это былъ только удачный набѣгъ, который не могъ имѣть выгодныхъ прочныхъ послѣдствій. Поляки не могли удержать этого отдаленнаго города въ то время, когда по близости къ Варшавѣ пруссаки уже господствовали. Прусскій главный генералъ Фавратъ стоялъ въ Піотрковѣ. Города: Рава, Ловичъ, Сохачевъ, Вышегродъ, Закрочимъ, были заняты пруссаками. Радомъ былъ въ рукахъ австрійцевъ. Пулавы были захвачены ими же. Австрійцы не начинали непріязненныхъ дѣйствій и избѣгали всячески необходимости воевать съ поляками, но не пропускали подвоза продовольствія къ Вар-

шавѣ. Ясна была цѣль благоразумной политики австрійской. Не желая тратить людей, предоставляя русскимъ и пруссакамъ подавить, съ пролитіемъ собственной крови и съ большими издержками, польскую революцію, Австрія оставляла себѣ только трудъ взять на свою долю прилегавшую къ ея владѣніямъ лучшую часть Рѣчи-Посполитой.

Представлялось на выборъ,—или стянуть поболѣе войска къ Варшавѣ и сосредоточить дѣйствія на защиту столицы, или держать ихъ на разныхъ пунктахъ. Послѣднее было опасно, въ случаѣ когда бы на Варшаву напалъ Суворовъ, соединясь съ Ферзеномъ и Дерфельденомъ; тогда польскія силы для защиты столицы останутся слабы; а собрать ихъ всѣ вмѣстѣ въ одинъ пунктъ противъ Суворова значило бы обнажить Варшаву со стороны Великой Польши и тогда можно было ожидать, что прусскій король опять явится подъ столицею и будетъ ее осаждать вмѣстѣ съ пришедшимъ русскимъ войскомъ. Въ Варшавѣ чувствовался большой недостатокъ продовольствія. Край около столицы былъ опустошенъ, обѣднѣлъ и обезсилѣлъ. Съ приближеніемъ къ столицѣ русскаго войска онъ еще болѣе долженъ былъ подвергнуться опустошенію и упадку. Патріотическій духъ падалъ день ото дня. Если прежде, во время первой осады, при всей энергіи патріотовъ было много такихъ, которые втайнѣ были не прочь отдать Варшаву хоть пруссакамъ, хоть русскимъ, ради спокойствія, то теперь ихъ становилось еще гораздо больше. Многіе изъ такихъ, чтó прежде искренно горячились за революцію, теперь измѣнили свои убѣжденія, когда, испытавши уже много неудачъ, и впереди ничего не чаяли кромѣ неудачъ. Мысль о невозможности устоять противъ русскихъ вела къ желанію прекратить возстаніе. Патріоты, выражавшіеся языкомъ французской революціи, называли своихъ противниковъ роялистами, и приписывали все хитрости короля и его такъ-называемой дворской партіи. Зайончекъ, лично не терпѣвшій короля, разжигалъ противъ него умы. Въ самомъ же дѣлѣ король отнюдь не былъ виноватъ. Повстанье съ самаго начала не имѣло твердаго корня въ побужденіяхъ, руководившихъ большинствомъ.

По совѣту Зайончека рѣшили стянуть къ Варшавѣ отдѣльныя войска; они должны были служить оплотомъ противъ русскихъ, покушавшихся на столицу. Главнымъ центромъ обороны хотѣли дѣлать Прагу.

Новый начальникъ, Вавржецкій, прибылъ въ Варшаву на девятый день послѣ своего назначенія, 12 (23) октября. Онъ откровенно сознавалъ свою неприготовленность, свою неопытность въ военномъ дѣлѣ, но высочайшій совѣтъ настоялъ, чтобы онъ

принялъ на себя званіе начальника. «Онъ,—говоритъ Зайончекъ,—былъ похожъ на жертву, которую тянутъ на закланіе къ алтарю».

Вавржецкій заявилъ мнѣніе противное тому, какое было принято. Онъ совѣтовалъ не только оставить начатыя уже укрѣпленія Праги, но думалъ совсѣмъ сжечь ее, ограничившись защитою берега Вислы, и укрѣпить Варшаву орудіями большого калибра. Высочайшій совѣтъ былъ противъ этого, особенно Коллонтай, котораго многіе слушались. Невозможно оставить Прагу, говорилъ онъ и за нимъ другіе, она обороняетъ Варшаву; если Прагу возьмутъ, городское строеніе въ столицѣ будетъ тотчасъ разметано. Нельзя покинуть и погубить пороховой и оружейный заводы. Защищать Прагу есть кому; кромѣ войска найдется двадцать тысячъ жителей Варшавы, одушевленныхъ патріотическимъ отчаяніемъ, хорошо вооруженныхъ; они будутъ стоять за нее храбро и стойко». Мнѣніе Вавржецкаго было отвергнуто. Рѣшено непремѣнно укрѣплять Прагу.

Разсчитывали такъ: если Суворовъ явится къ Варшавѣ, то принужденъ будетъ осаждать Прагу; осада задержитъ его по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ, а въ это время начнутся дожди, непогода; русскіе не могутъ оставаться на зиму; имъ нужно будетъ получать продовольствіе, а они его имѣть не будутъ въ этомъ краѣ; они будутъ принуждены отступить къ Бугу; между тѣмъ политическія обстоятельства Европы могутъ измѣниться къ лучшему для Польши. Уже посланы были къ Мокрановскому, Грабовскому и Гедройцу приказанія, чтобы они съ своими отрядами спѣшили къ Варшавѣ.

Написано было воззваніе отъ высочайшаго совѣта къ великополянамъ, заохочивали ихъ продолжать возстаніе противъ пруссаковъ. Уполномоченный совѣта, Линовскій, взывалъ къ сендомирскому воеводству, которое въ послѣднее время оказывало большую холодность, требовалъ собирать жолнеровъ съ пятаго дома (что было приказано давно, но не исполнялось) и доставлять къ Варшавѣ продовольствіе. Вавржецкій писалъ одно за другимъ воззванія къ польскому народу, вспоминалъ древнихъ римлянъ и грековъ, доказывалъ, что воинъ свободный можетъ лучше биться, чѣмъ воинъ служащій деспотамъ, и т. под. Высочайшій совѣтъ раздѣлилъ Варшаву на отдѣлы для защиты города, установилъ депутацію, которая съ народнаго согласія должна была назначать начальниковъ надъ командами городского ополченія, ассигновалъ милліонъ злотыхъ для награды тѣмъ, которые отличатся при защитѣ города и, 16 (27) октября, издалъ пламенное воззваніе къ жителямъ Варшавы. «Не такъ страшна

непріятельская сила,—писано было тамъ,—какъ представляютъ ее трусы и люди нерасположенные къ повстанью. Будьте только крѣпки и отважны, и вражескіе замыслы обратятся ни во что. Думайте о защитѣ отечества и не безпокойтесь о продовольствіи, котораго недостаткомъ стращаютъ васъ враги народа. Будьте увѣрены, что правительство употребитъ всѣ средства для продовольствія столицы. Сражайтесь каждый за собственное существованіе. Развѣ не чувствуете, какою злобою дышетъ непріятель на эту столицу за то, что она осмѣлилась сбросить наложенное имъ ярмо, истребить тирановъ, безнаказанно глумившихся надъ невиннымъ народомъ; на ихъ трупахъ провозгласить свободу и независимость. Да, обыватели, вамъ нѣтъ иного спасенія, кромѣ своего собственнаго мужества. Правительство смѣло увѣряетъ васъ, что если вы теперь будете крѣпки и предпріимчивы, то скоро наступятъ обстоятельства, которыя изгонятъ непріятелей и дадутъ вамъ сладостный отдыхъ по трудахъ вашихъ».

Домбровскій и Мадалинскій подступили ближе къ Варшавѣ и расположились у Пилицы и Гостынина. Понятовскій стоялъ еще ближе къ столицѣ и заслонялъ ее съ лѣвой стороны Вислы.

Вавржецкій нашелъ необходимымъ для наблюденія за австрійцами отправить отрядъ въ три тысячи человѣкъ подъ командою бригадировъ Вышковскаго и Язвинскаго къ Пулавамъ, а маіора Либерацкаго съ семью стами кавалеріи въ сендомирское и радомское воеводства, для доставленія провіанта къ Варшавѣ. Приказано было разогнать австрійцевъ, расположившихся по деревнямъ и не допускавшихъ подвоза продовольствія къ Варшавѣ. Австрійцы, разсѣянные малыми отрядами, избѣгали стычекъ съ поляками, уходили къ Пулавамъ, и такимъ образомъ въ Варшаву успѣли привезти значительное количество хлѣба и пригнать скота. Наконецъ, Вавржецкій нашелъ нужнымъ выслать изъ Праги и генерала Гедройца, у котораго было около пяти тысячъ, на подкрѣпленіе Домбровскаго и Мадалинскаго: онъ боялся, чтобы пруссаки не сдѣлали на Варшаву нападенія; итакъ, для защиты Праги оставалось не болѣе десяти тысячъ человѣкъ; изъ нихъ настоящаго войска было только четыре тысячи, остальное все состояло изъ новобранцевъ.

Вавржецкій впослѣдствіи сознавался, что сдѣлалъ ошибку, разсѣвая такимъ образомъ войско, и тѣмъ лишилъ Варшаву и Прагу силъ для обороны. Его ввели въ обманъ увѣренія Коллонтая и другихъ патріотовъ, будто жители Варшавы примутся

дружно за оборону Праги и такимъ образомъ рукъ достанетъ, а содержать много войска въ одномъ мѣстѣ затруднительно.

Суворовъ послѣ побѣды подъ Брестомъ стоялъ около мѣсяца въ Брестѣ и выходилъ изъ себя за то, что ему не присылали на помощь Дерфельдена.—«Не будучи въ довольныхъ силахъ», писалъ онъ къ Румянцову, «не могу я съ своимъ войскомъ отважиться на очищеніе праваго берега Вислы. Время упущено. Приближаются винтеръ-квартиры и я могу сказать то, что говорилъ Магербалъ Аннибалу: ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою».

Суворовъ разсчитывалъ, что у него войска недостаточно, чтобы идти съ нимъ въ глубину Польши. Онъ кажется считалъ польское возстаніе болѣе важнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Это неудивительно, когда вѣсти получались очень не легко, и для того, чтобы имѣть сообщеніе съ Ферзеномъ, нужно было посылать курьеровъ черезъ австрійскія владѣнія. Получивъ отъ Репнина, подъ командою котораго находился Дерфельденъ, увѣдомленіе, что этому послѣднему наконецъ велѣно присоединиться къ Суворову, онъ составилъ такой планъ: оставить въ Брестѣ отрядъ войска (3 эскадрона херсонскаго полка, пѣхотный сѣвскій полкъ, кавалерію и 250 казаковъ) подъ начальствомъ бригадира Дивова, для охраненія вагенбурга и провіантскихъ магазиновъ, взять съ собою продовольствія до 1 ноября и идти на Яновъ, Венгровъ и Станиславовъ, соединиться въ послѣднемъ мѣстѣ съ Ферзеномъ, потомъ съ Дерфельденомъ и идти прямо на Варшаву, а между тѣмъ просить австрійскаго генерала Гарнонкура, протянуть цѣпь до Лукова для соединенія съ русскими и прусскими кордонами за Вислою, и прусскаго генерала Латорфа, находящагося въ Опатовѣ, просить о содѣйствіи русскимъ войскамъ въ покушеніи на Варшаву. Прежде всего слѣдуетъ овладѣть Прагою, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, отнять на Вислѣ мостъ и, оставя въ Прагѣ Дерфельдена, перейти рѣку у Вилланова и добывать столицу; или же, если почему-нибудь не прибудетъ Дерфельденъ, или пруссаки не станутъ содѣйствовать, то расположиться съ войскомъ на правомъ берегу Вислы, продовольствовать его изъ окольнаго края и держать сообщеніе съ Брестомъ, чтобы въ случаѣ, если сосѣдній край не можетъ доставлять во время осады провіанта, то получать его изъ Бреста; или же, наконецъ, смотря по надобности, отойти къ Бугу. «Остерегаться малѣйшаго раздробленія, писалъ Суворовъ къ Репнину, чтобы Варшава не получила прокормленія съ праваго берега Вислы».

Дерфельденъ долженъ былъ догнать Мокрановскаго, который,

по приказанію высочайшаго совѣта, долженъ былъ пробираться въ Польшу для защиты Варшавы. Но онъ не догналъ его. Суворовъ, узнавъ объ этомъ, пустился за Мокрановскимъ самъ, и какъ слѣдовало по его плану, соединился съ Ферзеномъ у Станиславова. Отрядъ Мокрановскаго былъ раздвоенъ; самъ онъ съ половиною его уходилъ къ Прагѣ, другая, подъ начальствомъ генерала Бышевскаго, тянулась еще сзади. Послѣдняго нагналъ Суворовъ, 14 (25) октября, въ 8 часовъ вечера у мѣстечка Кобылки. Поляки ускорили свой ходъ, и въ ту же ночь Мокрановскій прислалъ имъ изъ Праги подкрѣпленіе въ двѣ тысячи, такъ что у Бышевскаго было по однимъ извѣстіямъ четыре тысячи восемьсотъ человѣкъ, по другимъ 5080 чел. Когда онъ подходилъ къ Кобылкѣ въ $5\frac{1}{2}$ часовъ по полуночи, напала на него русская конница, и ударила на оба крыла польской арміи разомъ; на лѣвое крыло напалъ генералъ Исленьевъ, на правое Шевичъ. Польская конница смѣшалась. Пѣхота стала отступать по дорогѣ черезъ лѣсъ. Суворовъ, по указаніямъ генералъ-поручика Потемкина, замѣтившаго небольшую дорогу, отправилъ Шевича опередить непріятеля и захватить двѣ дороги, ведущія въ Варшаву. За Шевичемъ пошелъ скорымъ маршемъ, въ обходъ непріятеля, Потемкинъ. Между тѣмъ Исленьевъ отрѣзалъ одну польскую колонну, загналъ ее въ густой лѣсъ и здѣсь такъ прижалъ ее, что большая часть ея жолнеровъ легла на мѣстѣ, а остальная сдалась въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, съ двумя полковниками. Другая, бо́льшая часть войска, прошедшая лѣсъ, но преслѣдуемая по пятамъ казаками, наткнулась впереди на русскую кавалерію и на устроенныя уже противъ нея на пути русскія батареи; поражаемая сзади и спереди, она бросилась въ лѣсъ, но русская кавалерія спѣшилась и погналась за поляками, и начала рубить ихъ саблями. Кровопролитіе было большое. Поляки погибали сотнями, почти не успѣвая защищаться. Бышевскій, тяжело раненый, отдался въ плѣнъ и съ нимъ сдались 27 офицеровъ. Изъ всего отряда взято въ плѣнъ тысяча семьдесятъ три человѣка. Остальные, за исключеніемъ можетъ быть немногихъ, успѣвшихъ спрятаться въ глубинѣ лѣса, всѣ полегли на мѣстѣ. Въ то же время Дерфельденъ подъ Остроленкою разбилъ двухъ-тысячный отрядъ Грабовскаго, шедшій также къ Прагѣ. До двухъ сотъ человѣкъ убито, а 116 взято въ плѣнъ. Послѣ того Дерфельденъ присоединился къ Суворову.

Вслѣдъ затѣмъ, 20 числа октября, Суворовъ съ своимъ войскомъ появился передъ Прагою.

Работы по укрѣпленію Праги дѣлались скоро, но неосновательно. Окружавшій мѣстечко ретраншаментъ проведенъ былъ

такъ широко, что надобно было тысячъ тридцать войска, защищать его, тогда какъ, съ того времени, какъ прибылъ Суворовъ, для обороны его у поляковъ набралось для этого не болѣе двѣнадцати тысячъ. Они надѣялись на прибытіе отдѣльныхъ корпусовъ, но изъ нихъ одни были уже истреблены, или ослаблены, другіе не успѣли придти. Тогда внутри ретраншамента стали возводить другіе окопы; болѣе всего старались укрѣпить лѣвую сторону, гдѣ мѣсто представлялось суше и удобнѣе. Тамъ были впереди пригорки. Зайончекъ приказалъ занять ихъ стрѣлками и поставилъ впереди ретраншамента батареи. Сожгли деревушки напротивъ Праги для того, чтобы непріятель, пришедши, не нашелъ себѣ пріюта. Генералы, распоряжавшіеся этимъ дѣломъ, Вавржецкій и Зайончекъ, не показали великихъ дарованій и опытности. Зайончекъ былъ болѣе ученъ, чѣмъ опытенъ, болѣе запальчивъ, чѣмъ отваженъ, болѣе самолюбивъ, чѣмъ разсудителенъ. Вавржецкій былъ только хорошій риторъ. Онъ грозилъ висѣлицею всѣмъ, кто только осмѣлится заикнуться о мирѣ съ Москвою, и держалъ этимъ въ страхѣ умѣренныхъ, но никто еще не былъ свидѣтелемъ его личной храбрости. Онъ себѣ разъѣзжалъ по Варшавѣ въ королевской каретѣ, давалъ балы и обѣды; двадцать четыре музыканта играли за столомъ верховнаго полководца, по обычаю предковъ и отцовъ, въ то время, когда судьба Польши висѣла на волоскѣ.

Генералъ Ясинскій, человѣкъ самыхъ крайнихъ убѣжденій и самаго необузданнаго характера, горячился, порывался, спѣшилъ, и этимъ только болѣе портилъ дѣло, чѣмъ способствовалъ его успѣху. Въ городѣ день ото дня усиливалось смятеніе по мѣрѣ приближенія роковой минуты. Видно было, что возстаніе доходило до своей агоніи. Большинство гражданъ готово было сдаваться, но не могло рѣшить, кому и какъ сдаваться. Зажиточные купцы и мѣщане предпочитали заранѣе, не допуская русскихъ къ городу, послать къ прусскому королю и сдать ему Варшаву. Причина этого предпочтенія крылась тогда, во-первыхъ, въ томъ, что въ городскомъ классѣ въ Варшавѣ было много нѣмцевъ, которые естественно склонялись къ своимъ единоплеменникамъ, когда имъ предстоялъ выборъ; во-вторыхъ, они боялись русскаго войска, представляли его себѣ дикимъ, необузданнымъ, въ особенности потому, что въ этомъ войскѣ были казаки, татары и разные восточные инородцы, о которыхъ ходили слухи, что они кровожадны, не щадятъ побѣжденныхъ, даже и покорившихся добровольно, и способны совершать варварства, хотя и противъ воли своихъ начальниковъ. Конечно,

гостей, о которыхъ составили такое понятіе, не желательно было принимать въ городъ.

Король теперь, какъ нѣкогда, склонялся къ Россіи. Игнатій Потоцкій сталъ склоняться туда же. Думали попытаться примириться съ Екатериною, предложить ей—на польскій престолъ посадить кого-нибудь изъ внуковъ ея, хотя бы и будущаго наслѣдника россійскаго престола, великаго князя Александра, и, такимъ образомъ, соединить Польшу съ Россіею. Разсчитывали, что изъ многихъ золъ, какія могли угрожать Польшѣ, это было самое меньшее. До нихъ доходили слухи, что императрица болѣе другихъ внуковъ любитъ Александра, и слѣдовательно была надежда, что она изъ любви къ нему согласится. Такимъ образомъ достигалась бы цѣль самой Екатерины, Польша добровольно соединилась бы съ ея имперіею. Въ будущемъ могло все измѣниться къ выгодѣ поляковъ, по смерти императрицы наслѣдники ея могли держаться другихъ принциповъ и другой политики, и въ Европѣ положеніе дѣлъ могло быть иное. Преемники Екатерины могли вовсе не имѣть повода мѣшать водворенію въ Польшѣ свободныхъ и прочныхъ началъ конституціи 3-го мая, тѣмъ болѣе, что Екатерина, какъ чувствовали поляки, въ угоду прусскому королю согласилась на предлогъ обвинять польскую конституцію въ якобинствѣ только потому, что Польша черезъ эту конституцію хотѣла возвратить себѣ прочность и могущество, не въ союзѣ съ Россіею, а во враждѣ съ нею и къ явному ущербу ея политической силы на сѣверѣ и востокѣ Европы. Овладѣвши Польшею, императрица менѣе могла бояться ея благосостоянія. Такъ стали тогда размышлять поляки. Но эта мысль о сближеніи съ Россіею не могла взять перевѣса въ тѣ минуты, потому что задорные патріоты не дозволяли высказывать ее открыто и подробно. Коллонтай, наибольшій врагъ Россіи, стоялъ за крайнія мѣры и проповѣдовалъ, что съ москалями, какъ и съ пруссаками, не можетъ быть никакихъ сдѣлокъ, что полякамъ надобно или освободить отечество, или всѣмъ погибнуть. Онъ былъ уже во враждѣ съ цѣлымъ высочайшимъ совѣтомъ, и самъ Игнатій Потоцкій сталъ ему врагомъ. Коллонтай возбуждалъ противъ высочайшаго совѣта общественное мнѣніе и затѣвалъ устроить при высочайшемъ совѣтѣ три департамента, которые хотѣлъ наполнить людьми крайней партіи, чтобы чрезъ ихъ посредство ниспровергнуть весь совѣтъ. Вавржецкій не допустилъ исполниться этому плану. Коллонтай прежде стоялъ за Вавржецкаго, думая, что имъ можно будетъ вертѣть, но обманулся; новый начальникъ былъ противъ него. За Коллонтая были генералы Зайончекъ, Ясинскій, банкиръ Капостасъ: они волновали толпу и раз-

жигали ее противъ короля и пановъ чрезъ посредство клуба якобинцевъ, носившаго названіе сборища для поддержанія революціи и краковскаго акта. Въ его засѣданіяхъ предлагались кровавыя мѣры, въ подражаніе французскому царству ужаса. Ясинскій былъ ярымъ посѣтителемъ этого клуба. «Однажды, — говоритъ Огинскій въ своихъ запискахъ, — незадолго до окончанія повстанья, пришелъ Ясинскій ко мнѣ и сталъ говорить: вступите поскорѣе въ якобинскій клубъ, иначе вы подвергаетесь опасности быть повѣшеннымъ». Огинскій, какъ представитель одного изъ аристократическихъ родовъ, не могъ быть въ этомъ клубѣ, хотя и сражался за возстаніе. «Ради спасенія Польши, сказалъ Ясинскій, надобно покончить съ дворянствомъ; иного средства нѣтъ».— «Да вѣдь и вы принадлежите къ дворянству, сказалъ Огинскій, какъ и я; слѣдовательно и васъ, какъ меня, щадить не нужно». 17 (28) октября пришелъ опять Ясинскій къ нему и сказалъ: «Я брошу Польшу, я пойду пѣшкомъ въ Парижъ; въ Польшѣ нечего мнѣ дѣлать, въ Польшѣ одни измѣнники, слабодушные и трусы. Пойдемте вмѣстѣ». — «Зачѣмъ ходить такъ далеко, сказалъ Огинскій, и притомъ это такъ затруднительно. Лучше здѣсь погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ оставить отечество и думать о собственной безопасности».—Совѣтъ понравился Ясинскому; онъ остался.

Прошелъ день, другой, какъ вдругъ задорные якобинцы стали волновать народъ и по ихъ наущенію распространились зловѣщіе крики: «схватить короля, овладѣть имъ, запереть и перерѣзать всѣхъ, кто не съ нами, кто совѣтуетъ мириться». Паны ужасно перепугались и внушали королю, что ему грозитъ опасность. Огинскій, надававшій Ясинскому героическихъ совѣтовъ, бѣжалъ изъ Польши подъ вымышленнымъ именемъ.

Эти яростные крики, сопровождаемые угрозами, заставили умѣренныхъ перестать говорить о сдачѣ Варшавы. Одни только пріумолкли, другіе начали притворяться и вторить патріотамъ. Королю и панамъ угрожала ежеминутная опасность. Легкомысленная удобоволнуемая варшавская толпа могла безъ разсужденія прибѣгнуть къ кровавому дѣлу; нужно было только одному или двумъ смѣльчакамъ отважиться на убійство; отвѣдавши крови, толпа тотчасъ охмѣлѣла бы, и началась бы во всякомъ случаѣ безполезная бойня, въ которой не уцѣлѣли бы многіе. Такимъ образомъ, несмотря на то, что значительное большинство въ Варшавѣ было теперь болѣе чѣмъ прежде противъ революціи и готово было сдать городъ безъ боя, никто не смѣлъ рѣшиться заявить объ этомъ, потому что прежде, чѣмъ составится кружокъ достаточно сильный, смѣлые патріоты перерѣзали бы за-

чинщиковъ, и увлекли бы за собою ту многочисленную толпу, которая всегда и вездѣ безъ твердаго направленія примыкаетъ туда, гдѣ въ данную минуту чувствуетъ нравственное и матеріальное вліяніе. Поэтому ограничивались только ропотомъ на судьбу, вздохами, намеками на невозможность устоять въ борьбѣ, двусмысленными подозрѣніями въ измѣнѣ. Умѣренные стали платить ревностнымъ тою же монетою: ревностные ихъ укоряли, взваливали измѣну и продажность на всѣхъ умѣренныхъ и разсудительныхъ, а послѣдніе точно также стали бросать подозрѣніе въ измѣнѣ и неспособности на ревностныхъ. Послѣднихъ поддерживало то, что многіе ксендзы были если не во всемъ на ихъ сторонѣ, то по крайней мѣрѣ раздѣляли съ ними ненависть противъ москалей. Церкви день и ночь были отворены; народъ толпился въ нихъ, лежалъ крыжемъ, пѣлъ сочиненныя нарочно религіозныя патріотическія пѣсни, а ксендзы разжигали его къ смѣлости обѣщаніями будущихъ благъ послѣ геройской смерти. Всѣ эти обстоятельства держали умѣренныхъ въ страхѣ и принудили столицу принять оборонительное и враждебное положеніе противъ Суворова. Но въ кажущемся одушевленіи не было правды, и когда доходило до дѣла, слабость и упадокъ духа сейчасъ давали о себѣ знать. Мѣщане не слушались и не ходили на работу въ Прагу; не смѣя отказаться вовсе, они всячески уклонялись отъ работъ. Самое войско, стоявшее въ Прагѣ, не имѣло и того духа, который нѣсколько оживлялъ его въ предыдущихъ битвахъ, когда съ нимъ былъ Костюшко. Близость Варшавы содѣйствовала деморализаціи войска. Ожидая непріятеля, офицеры безпрестанно ѣздили въ Варшаву, простыхъ жолнеровъ также отпускали по немногу, тѣмъ болѣе, что постоянное пребываніе въ Прагѣ было тягостно; у войска не было ни шатровъ, ни соломы, да и въ хлѣбѣ былъ недостатокъ. Нельзя было не дозволить войску ходить въ Варшаву за необходимыми потребностями, а тамъ они заходили въ шинки и встрѣчали жителей, которые въ разговорахъ съ ними вздыхали о горькой судьбѣ, ожидающей Польшу, и ослабляли въ нихъ самоувѣренность. Всѣ начальники, исключая Зайончека и Ясинскаго, колебались и если ободряли подчиненныхъ, то такъ, что послѣдніе въ ихъ тонѣ и голосѣ слышали недовѣріе къ этому ободренію. Несчастіе отечества и въ эти минуты не соединило ихъ крѣпко, все-таки личное самолюбіе брало верхъ, они ссорились между собою, перечили другъ другу, какъ всегда съ поконъ вѣка дѣлалось въ польскомъ войскѣ. Одно только было имъ утѣшеніемъ—разсчетъ на такую пору года, когда осенніе дожди и холода не дозволятъ

русскимъ долго пребывать въ полѣ, когда осада ея можетъ быть продолжительпа, «москали» принуждены будутъ отойти, говорили тогда, а на штурмъ идти они не рѣшатся: это дѣло невозможное и смѣшно думать объ этомъ. Всѣ, и храбрые и нехрабрые, были увѣрены, что русскіе, если придутъ, расположатся на долгое время вокругъ ретраншамента, начнутъ дѣйствовать канонадою.

XIII.

Суворовъ подъ Прагою.—Штурмъ Праги.—Капитуляція Варшавы.

По всему видно, Суворовъ имѣлъ надлежащія свѣдѣнія объ устройствѣ пражскихъ укрѣпленій и о расположеніи умовъ въ Прагѣ и Варшавѣ. Подошедши къ Прагѣ, онъ приказалъ приготовить плетни, фашины и лѣстницы. 21-го октября (2-го ноября), русское войско вступило на приготовленныя лагерныя мѣста, при сильномъ барабанномъ боѣ и веселой шумной музыкѣ. Это дѣлалось какъ для ободренія своихъ, такъ и для того, чтобы озадачить и ввести въ думу непріятеля. У поляковъ лѣвая сторона окоповъ была далеко не кончена; нѣкоторыя изъ намѣченныхъ баттарей еще не были уставлены, вторая линія рва не проведена. Вавржецкій потребовалъ отъ городского президента десять тысячъ рабочихъ; но ихъ едва могли согнать тысячи двѣ. Такъ суетны оказались похвальбы ревностныхъ, увѣрявшихъ, что Варшава выставитъ двадцать тысячъ защитниковъ.

Въ слѣдующую ночь, на правой сторонѣ отъ польскихъ окоповъ, поставлены были русскія баттареи. Поляки изумились быстротѣ работы, увидѣвъ ихъ поутру. Съ нихъ, 23-го октября, гремѣло цѣлый день сорокъ восемь орудій. Это было сдѣлано для отвлеченія поляковъ; прежде они ожидали канонады, и теперь должны были увѣриться, что Суворовъ намѣренъ ихъ томить продолжительною осадою и канонадами. На лѣвой сторонѣ непріятеля не трогали, а между тѣмъ на слѣдующую ночь къ разсвѣту положено было начать штурмомъ съ этой именно стороны.

Русское войско было расположено около Праги такимъ образомъ. На лѣвой сторонѣ поставлены были четыре колонны, связанныя между собою. Первая, поближе къ Вислѣ, колонна генералъ-маіора Лассія [1]); вторая—полковника князя Дмитрія Ло-

[1]) Три батальона егерей лифляндскаго корпуса и три батальона фанагорійскаго гренадерскаго полка (издавна славнаго своей храбростью); въ резервѣ тульскій пѣхотный полкъ и три эскадрона конноегерскаго кіевскаго полка.

банова-Ростовскаго [1]); эти двѣ колонны составляли корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена; третья колонна генералъ-майора Исленьева [2]); четвертая генералъ-майора Буксгевдена [3]); обѣ состояли подъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина. На правой сторонѣ польскаго укрѣпленія, т.-е. на лѣвомъ боку русскаго стана, помѣщены три колонны, которыя находились между собою и отъ четвертой въ довольно далекомъ разстояніи, и состояли подъ главнымъ начальствомъ Ферзена. Пятая (по общему счету), генералъ-майора Тормасова [4]). Шестая генералъ-майора Рахманова [5]) (эти двѣ стояли близко одна возлѣ другой), и седьмая генералъ-майора Денисова [6]), стоявшаго далеко отъ двухъ послѣднихъ у берега Вислы, за рѣчкою, текущею въ Вислу у самой Праги. Кромѣ прикомандированныхъ къ резервамъ колоннъ, остальная конница находилась подъ командой генералъ-майора Шевича и разставлена была между колоннами [7]). Планъ Суворова, начертанный генералъ-квартир-

---

[1]) Два батальона егерей бѣлозерскаго корпуса, два батальона апшеронскаго и одинъ батальонъ низовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ у нихъ второй батальонъ низовскаго полка и три эскадрона кинбурнскаго драгунскаго полка.

[2]) Второй батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, четыре батальона херсонскихъ гренадеръ; въ резервѣ одинъ батальонъ смоленскаго мушкетерскаго полка и пять эскадроновъ смоленскаго драгунскаго полка; послѣдніе спѣшены.

[3]) Третій батальонъ егерей бѣлорусскаго корпуса, четвертый батальонъ егерей лифляндскаго корпуса, и два батальона азовскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ ряжскій мушкетерскій полкъ.

[4]) Первый батальонъ егерей екатеринославскаго корпуса, два батальона курскаго полка, и одинъ батальонъ гренадеръ, сформированныхъ изъ ротъ. Въ резервѣ батальонъ тѣхъ же гренадеръ, батальонъ новгородскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона екатеринославскихъ пѣшихъ егерей.

[5]) Баталіонъ егерей екатеринославскаго корпуса, три батальона сибирскихъ гренадеръ; въ резервѣ два батальона днѣпровскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона воронежскихъ гусаръ.

[6]) Двѣсти человѣкъ черногорцевъ, третій и четвертый батальоны екатеринославскаго корпуса, два батальона козловскаго мушкетерскаго полка, въ резервѣ два батальона угличскаго мушкетерскаго полка, три эскадрона елисаветградскихъ конныхъ егерей.

[7]) Для прикрытія артиллеріи на оконечности праваго крыла подъ командой бригадира Поливанова 12 эскадр. (2 эск. конно-егерскаго кіевскаго, 2 эскадр. сѣверскаго и 2 софійскаго карабинерныхъ полковъ, и состоящій изъ 6 эскадроновъ легко-конный маріупольскій полкъ). Промежъ четвертой и пятой колоннъ, по необходимости замѣстить большое пространство между ними и для прикрытія артиллеріи средняго корпуса, подъ личной командой Шевича 11 эскадроновъ (7 переяславскаго конно-егерскаго полка и 5 эскадр. александрійскаго), да ближе къ пятой колоннѣ въ правомъ флангѣ ея 13 эскадроновъ (10 черниговскаго и глуховскаго карабинерныхъ полковъ, и 3 эскадр. ольвіопольскихъ гусаръ). Съ лѣвой стороны между 6 и 7 колоннами, подъ командою Сабурова 13 эскадроновъ (4 елисаветградскаго конно-егерскаго, легко-конный ахтырскій и 3 эск. воронежскихъ гусаръ). Казаки на раз-

мейстеромъ Глуховымъ, состоялъ въ томъ, чтобы первымъ четыремъ колоннамъ напасть сразу, стремительно, на лѣвый бокъ непріятеля, овладѣть укрѣпленіемъ и ворваться въ городъ; двумъ— пятой и шестой, послѣдовать за ними, когда послѣднія уже успѣютъ прорваться въ укрѣпленіе. Седьмая колонна имѣла назначеніе дѣйствовать противъ укрѣпленія, сдѣланнаго поляками на прилежащемъ островѣ Вислы. Первая и седьмая, стоявшія на двухъ противоположныхъ концахъ загибающейся рѣки, имѣли назначеніе обѣ, идя каждая по берегу Вислы съ своей стороны, отрѣзать поляковъ отъ моста и перервать ихъ сообщеніе съ Варшавою.

Въ три часа ночи, 24-го октября (4-го ноября), двинулись всѣ колонны въ пункты, назначенные имъ для того, чтобы съ нихъ начать приступъ. Въ пять часовъ пущена сигнальная ракета. Стремительно, разомъ бросились четыре колонны на ретраншаментъ. Первое, чтó они должны были встрѣтить—были стрѣлки, разставленные на пригоркахъ; не ожидавъ нападенія, они бѣжали. Первая колонна проходила подъ огнемъ баттарей, стоявшихъ на берегу Вислы. Всѣ достигли до волчьихъ ямъ, вырытыхъ поляками передъ ретраншаментомъ, закидали ихъ, перешли, спустились въ ровъ, потомъ по лѣстницамъ взобрались на валы, сбили непріятельскія батареи, перешли въ другой ровъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ былъ уже вырытъ, и оттуда взобрались на другой валъ, овладѣли имъ и ворвались въ улицы Праги. Поляки, пораженные неожиданностью, противъ первой и второй колонны защищались слабо; Зайончекъ бросился впередъ къ окопамъ, хотѣлъ заворотить бѣгущихъ стрѣлковъ, но встрѣченъ былъ выстрѣлами. Онъ думалъ сначала, что это свои; оказалось, что это были русскіе. Зайончекъ постыдно убѣжалъ за мостъ. «Настоящій зайчикъ», говорили объ немъ послѣ поляки, намекая на его фамилію; одни говорили, что онъ неучъ, другіе, что трусъ, а третьи, чтó онъ подкупленъ москалями.

Третья и четвертая колонны, преодолѣвъ много затрудненій, овладѣли баттареями. Нигдѣ, по выраженію Суворова, не дали непріятелю образумиться, поражая его и преслѣдуя убійственнымъ натискомъ штыковъ. Самая жесточайшая свалка была у Звѣринца, гдѣ столпились со всѣхъ сторонъ поляки, и стали изъ засѣкъ отражать нападеніе русскихъ. Но подоспѣли заднія

ныхъ пунктахъ: на правомъ крылѣ на самомъ берегу Вислы подполковника Родіонова 350 челов., влѣво отъ 4-й колонны подполковника Грекова 630 чел., между нимъ и пятою колонною подполковника Бузина 750 челов.; на лѣвомъ крылѣ у 6 колонны подполковника Адріана Денисова 500 челов., да на берегу Вислы Василія Денисова 425 человѣкъ.

части колонны, и поляки, стѣсненные и окруженные съ двухъ сторонъ, погибли. Генералы Ясинскій и Грабовскій были убиты. Къ довершенію бѣды и замѣшательства, вдругъ взорвало пороховой погребъ съ ядрами и бомбами.

Овладѣвши валомъ, одни бросились въ Прагу и гнали поляковъ штыками, а другіе разрывали валъ и прочищали путь для конницы. Затѣмъ, когда четыре колонны были уже за ретраншаментомъ, пятая и шестая ударили на укрѣпленія каждая съ своего пункта, овладѣли баттареями и ворвались въ Прагу, поражая поляковъ штыками. Пятая по прямому направленію овладѣла укрѣпленіями, прямо добѣжала до самаго моста, ведущаго изъ Праги въ Варшаву. Между тѣмъ Денисовъ расправился съ тѣми, которые засѣли на острову, и принудилъ ихъ штыками къ сдачѣ. Капитанъ артиллеріи Рѣзвый провезъ артиллерію къ рѣкѣ и у моста дошелъ до берега Вислы.

Вавржецкій, напрасно пытавшись заворотить бѣгущіе полки, самъ ушелъ черезъ мостъ съ однимъ офицеромъ и двумя жителями Праги. Уже русскіе егеря вступали на мостъ, и стрѣляли. На Вавржецкаго, какъ видно изъ его собственнаго сознанія, нашелъ какъ будто столбнякъ, такъ что офицеръ и два солдата ссадили его съ лошади, привели въ разсудокъ и указали на пушку, которая стояла на другомъ берегу у моста. Но канониры, которые находились при этой пушкѣ, попрятались въ дома, и Вавржецкій самолично вытащилъ одного канонера, приволокъ его къ пушкѣ и велѣлъ палить изъ нея. Въ то же время другіе въ попыхахъ привезли еще двѣ пушки, но изъ нихъ нельзя было стрѣлять: при пушкахъ не было зажигательныхъ трубокъ, такая была исправность. Уже русскіе готовы были ворваться въ Варшаву; на противоположномъ берегу успѣли однако собраться караульные солдаты съ топорами, а къ нимъ примкнула толпа жителей. Вавржецкій приказывалъ скорѣе рубить мостъ и жечь его. Солдаты бросились къ мосту съ топорами, рубили канаты. Убито двое работавшихъ; подъ двумя адъютантами Вавржецкаго были убиты лошади. Наконецъ, и жолнеры и жители не выдержали русскихъ выстрѣловъ, и бѣжали. Вавржецкій пустился за ними и уговаривалъ идти съ топорами снова. Собрались наконецъ артиллеристы и открыли канонаду изъ большихъ орудій.

Между тѣмъ разсвѣло. Вавржецкій скакалъ верхомъ по Варшавѣ, созывалъ варшавянъ, приказывалъ идти на берегъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, показать непріятелю, что столица готова мужественно обороняться: варшавяне сидѣли, запершись въ домахъ, а другіе толпились въ костелахъ и просили божіей помощи. Начальникъ, самъ лично не показавшій въ этотъ день

ни храбрости, ни распорядительности, едва успѣлъ согнать до трехъ тысячъ отважныхъ. Но за Рѣзвымъ придвинулось къ берегу еще больше русской артиллеріи. Пальба усилилась. Русскія гранаты и ядра разогнали толпу защитниковъ столицы. Мостъ былъ истребленъ не только самими поляками, но и русскими ядрами. По донесенію Суворова, одна бомба попала въ залу засѣданія высочайшаго совѣта и убила черепками секретаря [1]).

Солнце взошло. День былъ ясный. «Вся Прага, — говоритъ въ своемъ донесеніи Суворовъ,—была устлана мертвыми тѣлами, кровь текла потоками. Унылый звонъ набата на башняхъ варшавскихъ костеловъ сливался съ воплями и криками раненыхъ и бѣжавшихъ, со свистомъ пуль, съ трескомъ лопавшихся бомбъ». Остатки войскъ, не успѣвшіе спастись по мосту, бросились къ Вислѣ, за рѣчку, отдѣлявшую Прагу, и тамъ на мысѣ, образуемомъ устьемъ этой рѣчки съ Вислою, совершено было самое страшное и послѣднее истребленіе польскаго войска, въ виду всей безсильной Варшавы, смотрѣвшей на это зрѣлище. Разъяренные русскіе воины не внимали уже голосамъ, просившимъ помилованія; напрасно поляки бросали оружіе и отдавались въ плѣнъ—ихъ кололи штыками. Русскіе солдаты припоминали своихъ безоружныхъ товарищей, истребленныхъ въ Варшавѣ въ день революціи, и теперь мстили за ихъ кровь польскою кровью. Тѣ батальоны, которые въ апрѣлѣ были въ Варшавѣ и въ день революціи потеряли своихъ товарищей, особенно отличались жестокостью. Зейме разсказываетъ, что ему говорилъ полковникъ Ливенъ, какъ онъ, уже при концѣ битвы, наткнулся на гренадера, который въ ожесточеніи кололъ штыкомъ безоружныхъ поляковъ и даже раненыхъ; былъ у него еще топоръ; какъ бы для того, чтобы разнообразить свои упражненія, онъ имъ разрубливалъ полякамъ головы. Полковникъ сталъ бранить его за звѣрство, а гренадеръ отвѣчалъ: «Это все собаки; они противъ насъ дрались, такъ пусть всѣ погибаютъ». Одинъ казакъ для потѣхи воткнулъ на пику маленькаго ребенка; другой, вырвавъ дитя изъ объятій заколотой матери, разбивалъ его о стѣну. Но были примѣры и гуманности. По разсказамъ, слышаннымъ Зейме отъ того же Ливена, когда загорѣлся мостъ, онъ увидѣлъ, какъ гренадеръ несъ на рукахъ мальчика и говорилъ: «Посмотрите, ваше высокоблагородіе, казакъ хотѣлъ этого мальчика бросить въ огонь; я его спасъ». — Браво, камрадъ, сказалъ полковникъ, что же ты хочешь дѣлать съ нимъ?—«Не знаю, ваше высокоблагородіе;

[1]) Этого факта нѣтъ нигдѣ въ современныхъ извѣстіяхъ, поэтому, быть можетъ, Суворову сообщили невѣрно.

только посмотрите, какой хорошенькій мальчикъ, какъ же было его не спасти?» И онъ поцѣловалъ ребенка, который рученками держался ему за шею. Польскіе разсказы, а за ними и европейскія повѣствованія объ этой войнѣ говорятъ, будто русскіе варварски истребили всѣхъ обитателей Праги, не исключая женщинъ и дѣтей, и вся Прага представляла кучу развалинъ. Извѣстіе это не выдерживаетъ критики. Что Прага не вся была истреблена, доказывается уже тѣмъ, что, впослѣдствіи, при размѣщеніи войска по квартирамъ, часть русскаго войска помѣщена была на квартирахъ въ Прагѣ, а это было бы невозможно, еслибы въ ней всѣ дома были сожжены и жители истреблены. Нельзя предположить, чтобъ жители Праги оставались въ предмѣстьѣ, когда существовало два моста въ Варшаву; особенно женщины съ дѣтьми, по естественному чувству самосохраненія, должны были бѣжать, если не прежде прибытія Суворова, то по крайней мѣрѣ, когда уже начата была русскими канонада. Само польское военное начальство должно было содѣйствовать тому, чтобы удалить женщинъ и дѣтей, дабы ихъ вопли и крики не производили на солдатъ ослабляющаго вліянія, и не деморализовали мужества войска. Такимъ образомъ, если происходили варварства надъ жителями, почему-нибудь не успѣвшими выбраться изъ Праги, то вѣроятно въ небольшомъ числѣ, тѣмъ болѣе, что, по сказаніямъ самихъ поляковъ, какъ только русскіе овладѣли Прагою, Суворовъ послалъ офицеровъ оповѣстить жителей, какіе оставались въ Прагѣ, чтобы они скорѣе выходили съ правой стороны Праги, и бѣжали въ русскій лагерь, гдѣ они могутъ быть безопасны, и всѣ дѣйствительно, которые по этому призыву ушли туда, остались цѣлы, хотя нѣкоторыхъ ограбили. Такъ спаслись монахини бернардинки, девятнадцать монаховъ бернардиновъ; тѣ же, которые не успѣли бѣжать изъ монастырей, были побиты, а дѣвицы, находившіяся въ монастырѣ на ученьи, не успѣвшія убѣжать въ русскій лагерь, изнасилованы и потомъ побиты. Варварства были очень возможны въ тотъ вѣкъ, особенно въ такомъ войскѣ, куда старались отдавать за проступки буяновъ съ самою дурною нравственностью, самыхъ негодныхъ въ обществѣ, гдѣ служили Донцы, носившіе на себѣ много признаковъ азіатской грубости. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько совершенныхъ варварствъ въ Прагѣ въ этотъ день, не могутъ падать на память великаго полководца, который въ самый развалъ битвы имѣлъ настолько великодушія и благородства, что помышлялъ о спасеніи беззащитныхъ враговъ.

Въ восемь часовъ утра все было кончено. Пожаръ въ Прагѣ успѣлъ истребить только три улицы. Суворовъ остановилъ без-

полезную ярость солдатъ своихъ и не приказалъ жечь и истреблять Праги.

Русскія извѣстія того времени говорятъ, что поляковъ погибло до 12,000. Многіе изъ этого числа, спасаясь отъ русскихъ штыковъ, потонули въ Вислѣ. Въ плѣнъ взято только 1,000 чел., да 250 офицеровъ. Изъ русскихъ оказалось убитыхъ 349, раненыхъ 1,602 чел. и изъ нихъ тяжело 929. Офицеровъ убито 8, а ранено 42.

Это неожиданное пораженіе поляковъ распространило ужасъ въ Варшавѣ; патріоты уже не въ силахъ были ничего сдѣлать. Народъ вопилъ и кричалъ, что надобно скорѣе просить пощады, пока русскіе въ Варшавѣ не сдѣлали того же, что въ Прагѣ. Игнатій Потоцкій вмѣстѣ съ Закржевскимъ въ совѣтѣ былъ того же мнѣнія. Рьяный поджигатель на крайнія мѣры, Коллонтай, старался всѣми силами подвинуть къ упорству народъ—напрасно. Коллонтай, разсчитывая, что если народъ выдастъ его Суворову, то ему, какъ заклятѣйшему врагу Россіи, не можетъ быть хорошо, бѣжалъ изъ Варшавы, забравши съ собой порядочную сумму: говорили, что она простиралась до 15,000 червонцевъ. Вавржецкій говорилъ, что Коллонтай забралъ съ собой драгоцѣнныя вещи, которыя въ разное время обыватели жертвовали Костюшкѣ на руки, для спасенія погибающаго отечества.

Высочайшій совѣтъ послалъ къ Суворову Игнатія Потоцкаго. Но Суворовъ принялъ его дурно. «Я,—сказалъ онъ,—не хочу имѣть никакого дѣла съ начальниками революціи. Моя государыня не ведетъ войны ни съ королемъ, ни съ народомъ польскимъ, а только съ мятежниками. Пусть пришлютъ ко мнѣ депутатовъ отъ законнаго правительства».—«Такъ казните меня, сказалъ Потоцкій, но пощадите невинный народъ, который мы обольстили». Эта рѣчь понравилась Суворову, но все-таки, твердый начальнымъ принципамъ, онъ не сталъ вступать въ переговоры съ Потоцкимъ, какъ съ членомъ революціи, пришедшимъ къ нему отъ революціоннаго правительства.

Высочайшій совѣтъ, по возвращеніи Потоцкаго, разсудилъ, что теперь ему, совѣту, нечего и дѣлать, и отнесся съ такимъ письмомъ къ варшавскому магистрату, какъ къ мѣсту, учрежденному издавна и существовавшему до революціи:

«Высочайшій совѣтъ полагаетъ, что для сохраненія города Варшавы президентъ города немедленно отъ имени города долженъ послать нѣсколько особъ съ трубачемъ къ россійскому генералу, чтобы выпросить отъ него увѣреніе въ безопасности жизни и имущества, заявивъ ему, что, въ противномъ случаѣ, мы всѣ до единаго будемъ защищаться до послѣдней капли крови».

По этому заявленію совѣта, магистратъ обратился къ королю [1]. Король созвалъ къ себѣ членовъ совѣта, Вавржецкаго и генераловъ. Начались взаимные споры, упреки, обвиненія. Генералъ Мокрановскій высказалъ совѣту много горькаго и первый объявилъ, что со ввѣреннымъ ему войскомъ знать не хочетъ никакого высочайшаго совѣта, а повинуется одному королю и начальнику. Извѣстивъ всѣхъ о положеніи дѣлъ, король обратился къ Вавржецкому и генераламъ и сказалъ: «Суворовъ не согласится ни на какую капитуляцію, иначе какъ съ условіемъ, если войско положитъ оружіе». Король приглашалъ генераловъ сдѣлать это. — «У насъ еще двадцать тысячъ, сказалъ Вавржецкій, у насъ наберется до ста пушекъ. Постыдно съ такими силами класть оружіе; если мы не въ силахъ болѣе удержать революцію и спасти отечество, по крайней мѣрѣ, подержавшись, мы можемъ вытребовать какое-нибудь общее обезпеченіе для обывателей, поверженныхъ въ несчастіе революціею, а если и этого нельзя, то погибнемъ со славою». — «Столица, представлялъ король, не хочетъ болѣе защищаться». — «Пусть столица отдается графу Суворову, сказалъ Вавржецкій, а войско уйдетъ въ Великую Польшу, занятую пруссаками. Русскіе за нимъ не послѣдуютъ, потому что они не имѣютъ на это повелѣній. Пока прусскій король снесется съ императрицею и попроситъ помощи, настанетъ зима. Пруссаки намъ не страшны; мы одолѣемъ ихъ, а между тѣмъ ваше величество напишете императрицѣ представленіе, что обыватели потерпѣли ужаснѣйшія звѣрства отъ казаковъ, опишете, какъ они жгли и мучили людей; объясните, что краю, разоренному войскомъ, грозитъ голодъ, страна пустѣетъ; правдивое изображеніе нашихъ бѣдствій должно тронуть душу великой монархини; пусть она выпуститъ взятыхъ въ неволю обывателей, возвратитъ имъ собственность и объявитъ, чего она хочетъ отъ несчастной Польши». — Начальникъ совѣтовалъ самому королю ѣхать съ войскомъ. Послѣ всѣхъ такихъ толковъ король уже ночью прислалъ Суворову такое письмо:

«Магистратъ города Варшавы, желая моего ходатайства предъ

---

[1]) У поляковъ объ ихъ послѣднемъ королѣ сохранилось, между прочимъ, такое фантастическое преданіе. Въ роковое утро пражскаго штурма Станиславъ-Августъ, изнуренный тревогою, упалъ въ кресло и вздремнулъ. Русское ядро, ударившее въ стѣну королевскаго замка, пробудило его. Онъ увидѣлъ въ углубленіи большого окна высокаго роста женщину въ бѣломъ одѣяніи: она смотрѣла на него чрезвычайно грустно. Испуганный король вскрикнулъ: прибѣжали бывшіе въ другой комнатѣ. Привидѣніе исчезло. Эта самая женщина, какъ онъ говорилъ, являлась къ отцу его наканунѣ дня полтавской битвы, когда послѣдній былъ на сторонѣ Карла XII и въ его войскѣ.

вами, хочетъ знать ваши дальнѣйшія намѣренія относительно столицы. Я же долженъ вамъ сообщить, что всѣ граждане рѣшились защищаться до послѣдняго, если вы не поручитесь за цѣлость ихъ имуществъ и особъ».

Суворовъ тотчасъ отвѣчалъ:

«Именемъ ея императорскаго величества, моей августѣйшей государыни, обѣщаю сохраненіе имуществъ и особъ всѣхъ граждапъ, а равно и забвеніе всего прошедшаго. Войска ея величества, вошедшія въ Варшаву, не будутъ дѣлать никакихъ безчинствъ».

Утромъ въ квартиру Суворова, находившуюся въ селѣ Вьонзовнѣ, явились депутаты отъ городского магистрата, Францъ Макаровичъ, Доминикъ Борковскій и Станиславъ Стршалкевичъ (послѣдній отъ обывателей). Суворовъ сидѣлъ тогда на обрубкѣ дерева и, увидѣвъ ихъ, бросилъ отъ себя саблю и, поцѣловавшись съ ними, сказалъ: «миръ и согласіе!» Принесенное письмо къ Суворову было въ современномъ переводѣ таково:

«Попеченіе и опека магистрата о городѣ требуютъ, во всѣхъ случаяхъ, угрожающихъ опасностію, предвидѣть и ограждать обывателей; въ настоящемъ положеніи видя городъ и обывателей, по причинѣ приблизившихся войскъ ея императорскаго величества, всероссійской монархини, магистратъ не можетъ не рѣшиться приступить къ главнокомандующему генералу войскъ россійскихъ, да обрѣтетъ его благосклонное воззрѣніе на обывателей города и пощаду жизни и имуществъ тѣхъ, которые кладутъ оружіе».

Суворовъ далъ имъ на бумагѣ пункты:

1) Оружіе сложить за городомъ, гдѣ сами заблагоразсудятъ, о чемъ дружественно условиться.

2) Всю артиллерію съ ея снарядами вывезти къ тому же мѣсту.

3) Наипоспѣшнѣйше исправить мостъ; войско россійское вступитъ въ городъ и приметъ самый городъ и его обывателей подъ свое покровительство.

4) Всевысочайшимъ именемъ ея величества торжественно обѣщается войскамъ польскимъ, по сложеніи оружія, увольненіе тотчасъ въ ихъ домы съ полною безпечностію, не касаясь ни до чего, каждому принадлежащаго.

5) Его королевскому величеству всеподобающая честь.

6) Ея императорскаго величества всевысочайшимъ именемъ торжественное обѣщаніе: обыватели, въ ихъ особахъ и имѣніяхъ, ничѣмъ повреждены не будутъ и оскорблены, останутся въ полномъ обезпеченіи ихъ домовства и все забвенію предано будетъ.

7) Ея императорскаго величества войско вступитъ въ городъ сего числа по полудни, по сдѣланіи моста или завтра.

«Вы просили только цѣлости жизни и имуществъ, сказалъ Суворовъ, я вамъ даю больше: пусть все будетъ забыто на вѣки и установится между нами дружественная пріязнь».

На другой день, 26 числа, тѣ же самые депутаты пріѣхали къ Суворову и привезли отвѣтъ отъ города такого содержанія въ современномъ переводѣ:

«Получивъ отъ своихъ уполномоченныхъ пункты отъ его сіятельства графа Суворова-Рымникскаго, за оказанную благосклонность обывателямъ магистратъ города Варшавы приноситъ чувствительнѣйшую благодарность, а на полученные пункты имѣетъ честь отвѣчать:

1) Городъ Варшава сложитъ свое оружіе тамъ, гдѣ по-дружески условятся.

2) Артиллеріи и аммуниціи у города Варшавы нѣтъ.

3) Мостъ городъ Варшава исправитъ какъ можно наискорѣе и войска россійскія вступятъ въ городъ и возьмутъ его и обывателей подъ свое покровительство.

4) Городъ Варшава не имѣетъ въ своей власти войскъ Рѣчи-Посполитой, и не можетъ выполнить четвертаго пункта, а сколько возможно будетъ, городъ будетъ склонять начальниковъ войсковыхъ до выполненія этого пункта.

5) Городъ Варшава имѣетъ всегда къ своему королю высокопочитаніе, и отъ сего пріятнаго для него правила никогда не станетъ отступаться.

6) На обѣщаніе обезпеченія особъ, равно и имѣнія обывателей и жителей города Варшавы, полагается на основаніи всѣхъ настоящихъ пунктовъ, въ надеждѣ, что все, по сіе время случившееся, со стороны Россіи забыто будетъ.

7) Объявленіе вашего сіятельства, что войска ея императорскаго величества вступятъ въ городъ по окончаніи моста завтрашняго числа по утру, не можетъ быть въ разсужденіи времени, ибо для починки моста необходимо нужно дней нѣсколько, и къ тому же и войскамъ Рѣчи-Посполитой для выхода изъ Варшавы требуется восьми дней».

«Я замѣчаю, — сказалъ Суворовъ, — что желаютъ продлить время. Ступайте обратно и скажите, чтобы рѣшались немедленно».

Побѣдитель къ прежнимъ пунктамъ прибавилъ еще одинъ, въ такой формѣ: «Дружеское увѣдомленіе съ удостовѣреніемъ общаго согласія утѣшительно получилъ. Когда войска моей всемилостивѣйшей государыни проходить будутъ черезъ Варшаву, прошу о благо-

разумномъ положенiи и соблюденiи тишины и порядка въ семъ городѣ отъ полевыхъ внутреннихъ войскъ, ежели будутъ. Торжественно симъ увѣдомляю, что обыватели, мѣщане и посторонніе защитою ихъ особъ и имѣній пользоваться и забвенію все предано будетъ, какъ въ 6-мъ пунктѣ моихъ прежнихъ постановленій утверждаю».

Такъ какъ поляки отговаривались, будто починка моста требуетъ много времени, Суворовъ возложилъ эту починку на русскихъ, и поручилъ надзоръ генералъ-майору Буксгевдену.

Дѣла начинали-было склоняться къ такому повороту, что Суворовъ могъ опасаться, не придется ли ему опять дѣйствовать оружіемъ. Онъ далъ приказаніе Ферзену послать генералъ-майора Денисова за четыре мили отъ Праги, вверхъ по теченію Вислы, и тамъ переправиться, а вслѣдъ затѣмъ предполагалось переправляться и самому Ферзену.

Въ Варшавѣ было безпокойно. Жители, желая, чтобы русскіе скорѣе вошли въ городъ и революція прекратилась, бросились къ мосту и стали наводить его со стороны Варшавы. Но Вавржецкій объявилъ, что онъ станетъ стрѣлять картечью по тѣмъ, которые будутъ поправлять мостъ. Король послалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно выходилъ изъ города, когда не хочетъ сдаваться. Вавржецкій отвѣчалъ: «Я не могу выйти ранѣе осьми дней; мнѣ нужно отослать транспорты, пушки, аммуницію, магазины, и до тѣхъ поръ, пока не отправлю транспортовъ, не позволю починять моста. Можете меня убить или выдать; а я не согласенъ на такое скорое вступленіе россійскихъ войскъ въ столицу».

Ободренные упорствомъ начальника крайніе патріоты, члены клуба, кричали: «лучше пасть всѣмъ подъ развалинами Варшавы, чѣмъ постыдно надѣть вновь сброшенное московское ярмо». Продолжали предлагать кровавыя мѣры, угрожали перерѣзать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, перевѣшать расположенныхъ къ Россіи поляковъ, поставить Варшаву въ такое положеніе, чтобы она не имѣла никакой надежды на милость и снисхожденіе русскаго военачальника и поэтому должна была вся, какъ одинъ человѣкъ защищаться. — «Пусть вся Варшава вооружится, мы сладимъ съ Суворовымъ; за нами вся Польша поголовно поднимется. Еще мы не въ послѣдней крайности; измѣна, подкупы, трусость, вотъ что заставляетъ насъ кланяться Москвѣ»! Такъ кричали ревностные. Умѣренные патріоты указывали, что если кого и можно укорять и подозрѣвать по поводу послѣднихъ событій, то самихъ патріотовъ и перваго Зайончека, который кричалъ громче всѣхъ

о защитѣ, а когда пришло къ дѣлу, то бѣжалъ постыдно изъ Праги.

Станиславъ-Августъ боялся возобновленія непріязненныхъ дѣйствій. Войско изъявляло желаніе, чтобы онъ выѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ, народъ кричалъ, что не пуститъ короля, и чтобы угодить всѣмъ, король отправилъ къ Суворову ночью въ 3 часа подполковника Гофмана съ извѣстіемъ, что въ городѣ безпокойство, и король проситъ дать восемь дней на размышленіе. Суворовъ наотрѣзъ сказалъ, что и думать объ этомъ нечего. Въ 9 часовъ утра явился снова Игнатій Потоцкій съ тою же просьбою. Вмѣстѣ съ тѣмъ Потоцкій сталъ дѣлать Суворову соображенія о будущемъ устройствѣ Польши и изъявлялъ преданность Екатеринѣ и Россіи. Суворовъ отвергнулъ просьбу и не сталъ вступать въ разговоры. Черезъ часъ по прибытіи Потоцкаго, прибылъ въ русскій лагерь товарищъ его Мостовскій, съ письмомъ отъ короля къ Потоцкому. Въ немъ было полномочіе трактовать о мирѣ.

Суворовъ прочелъ и сказалъ: «Господа! съ Польшею войны нѣтъ. Я не присланъ сюда министромъ; я военачальникъ и пришелъ сокрушать толпы мятежниковъ, и кромѣ посланныхъ уже вамъ статей ни о чемъ толковать не буду. Но я уважаю стѣсненное положеніе короля; съ одной стороны ваша такъ-называемая наивысшая рада докучаетъ ему повторительными просьбами объ осьмидневномъ срокѣ, а съ другой войска грозятъ увезти его съ собою. Изъ уваженія къ королевской особѣ и заботясь о его безопасности, я даю вамъ отсрочку до 1 ноября. Къ этому дню приготовьтесь; войска наши вступятъ въ столицу».

На другой день, на острастку полякамъ, Денисовъ переправился черезъ Вислу, конница вплавь, а пѣхота частью на лошадяхъ, а частью на судахъ съ артиллеріею. Польскія войска намѣревались-было препятствовать переправѣ, но отступили, какъ только увидали, что русскіе приготовляютъ рѣшительныя мѣры.

Мостъ былъ почти наведенъ. Вавржецкій торопился выводомъ войска. Уже онъ отправилъ Гедройца изъ-подъ Мокотова, куда послѣдній недавно прибылъ, въ Тарчинъ. Король дѣлалъ видъ, будто хочетъ ѣхать съ войскомъ, и приказалъ приготовлять экипажи, но 27 октября (8 ноября) утромъ, нѣсколько тысячъ мужчинъ и женщинъ собралось у крыльца дворца; они объявили, что не пустятъ изъ столицы короля. Вавржецкій, проѣхавъ посреди этой толпы къ королю, замѣтилъ, что есть возможность провезти его съ военнымъ конвоемъ, но Станиславъ-Августъ самъ не хочетъ ѣхать, а только показываетъ видъ, будто этого желаетъ, но не можетъ исполнить желанія. Король сталъ просить начальника положить оружіе, чтобы, такимъ образомъ, не

было раздвоенія народа. «Ваше величество,—сказалъ Вавржецкій,—лучше ходатайствуйте у графа Суворова, чтобы онъ на насъ не шелъ съ оружіемъ, а пропустилъ бы насъ въ Пруссію. Варшава сдается императрицѣ; мы оставляемъ со столицею весь край ея величеству, а сами идемъ въ прусскія владѣнія. Это отнюдь не будетъ въ ущербъ ея государству. Безчестно класть оружіе, и если нужна жертва для спасенія чести войска, я отдамъ себя и готовъ претерпѣть жесточайшія мученія и смерть».— «Когда же вы уѣзжаете?» спросилъ король.—«Непремѣнно сегодня же, сейчасъ», отвѣчалъ Вавржецкій. — «А со мною что̀ будетъ?» сказалъ король. — «Вы всегда можете оправдаться, что васъ не выпускаетъ народъ; впрочемъ въ вашей волѣ ѣхать и не ѣхать».

Король не поѣхалъ; передъ патріотами онъ показывалъ видъ, что его не выпускаетъ народъ, а передъ народомъ и передъ Суворовымъ, — что его хотѣли насильно увезти. Въ слѣдующую ночь Вавржецкій уѣхалъ съ президентомъ города Варшавы Закржевскимъ, и взялъ съ собою на 157,000 зл. золота и серебра изъ монетнаго двора. Зайончекъ прежде нихъ уѣхалъ въ Галицію подъ предлогомъ леченія отъ раны, взявши 1,000 червонцевъ. Генералы: Понятовскій, Вьельгорскій, Грабовскій, Мокрановскій, Цихоцкій, Піотровскій остались въ Варшавѣ, принесли покорность королю и положили оружіе. Также поступило множество офицеровъ, не поѣхавъ съ Вавржецкимъ и оставшись въ столицѣ. Члены высочайшаго совѣта сложили свое званіе и передали королю верховную власть.

Рано утромъ, 28 окт. (9 нояб.), къ Суворову опять явились депутаты отъ варшавскаго магистрата съ двумя письмами. Въ первомъ было написано:

«Магистратъ города Варшавы въ дополненіе поданныхъ генералъ-аншефу Суворову обывателями города Варшавы имѣетъ честь донести:

1) Огнестрѣльное оружіе, какъ-то: карабины, пистолеты, равномѣрно сабли и пики, обыватели города Варшавы сегодня во всѣхъ кварталахъ сложили, которое магистратъ барками къ берегу представитъ. Другого же рода оружіе, дорожное, находящееся въ лавкахъ въ продажѣ, и у обывателей употребляемое для охоты, для лучшей безопасности будетъ взято въ ратушу и запечатано магистратомъ.

2) Порохъ и прочая аммуниція, у обывателей находящаяся, также собрана и сложена будетъ тамъ, гдѣ вашимъ сіятельствомъ приказано будетъ, равномѣрно и та аммуниція, которая бы войсками оставлена была, отдана будетъ.

3) Въ разсужденіи войска, находящагося въ Варшавѣ, выполненіе сего пункта его величество король изволитъ принять на себя благосклонно.

4) Касательно моста магистратъ ручается, что онъ въ назначенное время со стороны Варшавы будетъ оконченъ.

5) Въ разсужденіи увольненія россійскихъ плѣнныхъ, его королевское величество изволитъ принять на себя благосклонно.

6) О сложеніи оружія войсками, о выходѣ тѣхъ же войскъ изъ Варшавы, магистратъ не замедлитъ просить его королевское величество, кромѣ конной и пѣшей гвардіи, числомъ до тысячи человѣкъ, для карауловъ во дворцѣ и для конвоя его величеству; равно для полицейскихъ надобностей останется триста человѣкъ.

7) Когда войска россійскія будутъ входить въ городъ, то магистратъ надлежащимъ порядкомъ встрѣтить ихъ имѣетъ».

Второе письмо въ сдѣланномъ тогда переводѣ гласитъ такъ:

«Магистратъ города Варшавы повторительное обезпеченіе обывателямъ и жителямъ города Варшавы въ разсужденіи безопасности особъ, домовъ, имѣній, получивши, долгомъ себѣ поставляетъ за причиненіе въ городѣ общей радости, которая всѣхъ коснулась, главнокомандующему войсками россійскими графу Суворову-Рымникскому принести наичувствительнѣйшую благодарность. Для выполненія пунктовъ капитуляціи, предписанныхъ обывателямъ города чрезъ его сіятельство графа Суворова-Рымникскаго, все, что отъ города и магистрата зависитъ, будетъ выполнено неукоснительно. Мостъ уже починяется и въ настоящее время оконченъ будетъ; обыватели оружіе складываютъ, и для спокойствія народа магистратъ выдалъ свои публикаціи, о чемъ имѣетъ честь донести».

«Городъ—сказали депутаты—желаетъ, чтобы войска ея величества вступили скорѣе въ городъ, потому что мятежная партія думаетъ производить безпорядки и самой королевской особѣ можетъ быть опасность отъ мятежниковъ».

Суворову было это пріятно и онъ сказалъ, что, по желанію Варшавы, поспѣшитъ вступленіемъ въ городъ.

Въ тотъ же день король прислалъ Суворову такое письмо:

«Вашъ прямой и честный образъ дѣйствій съ нами въ особенности возбуждаетъ во мнѣ признательность. Не могу вамъ лучше засвидѣтельствовать ее, какъ отпустивъ на свободу русскихъ военныхъ, здѣсь находившихся, и передать ихъ генералу, достойному надъ ними начальствовать. Молю Бога, да сохранитъ онъ васъ въ здоровьѣ и въ своемъ покровительствѣ».

Суворовъ послалъ полковника князя Лобанова-Ростовскаго въ Варшаву извѣстить короля и городъ, что русскія войска

вступятъ въ столицу на другой день, 29 числа. Въ письмахъ къ Станиславу-Августу русскій военачальникъ такъ выражался:

«Приношу нижайшую благодарность вашему величеству за любезное письмо отъ 27 окт. (8 ноября), которымъ ваше величество изволили почтить меня. Если я тороплюсь введеніемъ войскъ моей августѣйшей государыни, то это единственно потому, что искры революціи еще не погасли, и есть еще отъявленные злоумышленники, какъ ваше величество увидите изъ донесенія, которое будетъ имѣть честь представить вашему величеству полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій».

На другой день рано утромъ представили Суворову ключи отъ города Варшавы; онъ отправилъ ихъ съ курьеромъ къ Румянцову при такомъ донесеніи:

«Ея императорскаго величества къ священнымъ стопамъ Варшава повергаетъ свои ключи; оные вашему сіятельству имѣю счастіе поднести, и вручителя ихъ генералъ-майора Исленьева въ высокое покровительство поручить».

Въ этотъ же день началось вступленіе войскъ въ Варшаву; сперва проходилъ корпусъ Потемкина, потомъ Дерфельдена и т. д. Ферзену приказано было оставить свой постъ выше по теченію Вислы и присоединиться къ остальнымъ корпусамъ. Войско проходило съ распущенными знаменами, съ музыкою и съ барабаннымъ боемъ. Народъ толпился по улицамъ и въ окнахъ домовъ и кричалъ: «виватъ Екатерина!» Магистратъ съ толпою мѣщанства встрѣчалъ Суворова на берегу; поднесли ему хлѣбъ и соль. «И вотъ — говорилъ Суворовъ — эти поляки, которые были недавно такъ звѣроподобны и чаяли себя непобѣдимыми, теперь стали кротки, яко агнцы».

Современники-поляки сообщаютъ, будто Суворовъ далъ приказаніе, чтобы поляки не выглядывали изъ оконъ нижнихъ этажей: это сдѣлано для того, чтобы задорные не вздумали отпустить какой-нибудь штуки, а казаки въ досадѣ не ударили бы на нихъ въ окна пиками.

Все русское войско расположилось около Варшавы. Самъ главнокомандующій имѣлъ свою квартиру въ Мокотовѣ, но въ столицѣ у него была другая—во дворцѣ примаса, недавно опустѣвшемъ. Примасъ, братъ короля, скончался въ іюлѣ, во время осады Варшавы прусскимъ королемъ и русскимъ генераломъ Ферзеномъ. Впослѣдствіи, Суворовъ, по своему обыкновенію чудачить, говорилъ, что въ этомъ дворцѣ ему не спится: являются къ нему души усопшихъ примасовъ и безпокоятъ его.

Магистратъ представилъ Суворову всѣхъ плѣнныхъ, находившихся въ Варшавѣ; тутъ были генералы Арсеньевъ, Милаше-

вичъ, Сухтеленъ, бароны Ашъ и Билеръ [1]), совѣтникъ Дивовъ и всѣ захваченные въ посольствѣ, штабъ и оберъ-офицеры и тысяча триста семьдесятъ шесть человѣкъ солдатъ. «Свиданіе ихъ съ своими,—писалъ Суворовъ,—было не только слезное и чувствительное, но важное и нѣчто священное.»

Главнокомандующій послалъ генералъ - поручика Потемкина къ королю, успокоить и извѣстить о своемъ желаніи представиться его величеству. Когда Суворовъ въѣзжалъ въ замокъ, народъ окружилъ его съ восклицаніями и съ веселыми криками. Потемкинъ привезъ отъ короля просьбу, чтобы на два дня замолкло побѣдоносное оружіе ея императорскаго величества, и онъ будетъ стараться окончить дѣло безъ кровопролитія и побудитъ войско положить оружіе. Суворовъ отправилъ къ королю барона Аша, бывшаго резидентомъ и находившагося во все время революціи въ плѣну, со слѣдующими статьями:

«Симъ торжественно объявляю:

1) Войска, по сложеніи оружія передъ ихъ начальниками, тотчасъ отпускать съ билетами отъ ихъ же начальства въ свои домы по желанію, а оружіе, какъ и пушки и прочую военную аммуницію, помянутые начальники долженствуютъ доставить въ Варшаву въ арсеналъ.

2) Вся ихъ собственность при нихъ.

3) Начальники, штабъ и оберъ-офицеры, какъ и шляхтичи, останутся при ихъ оружіи.

Варшава, окт. 31, 1794 г.»

Начальникъ польскаго возстанія послалъ впередъ пятьдесятъ пушекъ и самъ отправился въ Тарчинъ, гдѣ назначено сборное мѣсто, и куда впередъ отправлено было войско изъ Варшавы. Изъ пяти тысячъ, которыя Вавржецкій тамъ долженъ былъ застать, едва нашелъ онъ около восьмисотъ человѣкъ, которыхъ кое-какъ удержалъ Гедройцъ. Остальные всѣ, съ офицерами, убѣжали обратно въ Варшаву, — слагать оружіе. Чрезъ нѣсколько часовъ ночью прискакалъ туда курьеръ отъ генерала Каменецкаго: этотъ генералъ взялъ въ команду корпусъ предводимый прежде Понятовскимъ и оставленный имъ; теперь онъ извѣщалъ по командѣ своего военачальника, что подначальные его взбунтовались, не хотятъ болѣе продолжать войны, думаютъ послѣдовать примѣру своего начальника, котораго любили, и признаютъ надъ собою власть одного короля; уже многіе ушли въ Варшаву положить оружіе передъ Суворовымъ.

---

[1]) Приношу искреннюю благодарность потомку его барону Билеру за обязательное дозволеніе пользоваться важными фамильными бумагами его предка.

Вавржецкій отнялъ команду у Каменецкаго и послалъ на мѣсто его генерала Ніосоловскаго; онъ приказывалъ привести къ себѣ тѣхъ, которые остались еще вѣрны. Ніосоловскій не былъ счастливѣе своего предшественника. Офицеры волновали солдатъ. «Насъ ведутъ на убой! кричали они: начальникъ не хочетъ принимать отъ Суворова условій, а они намъ выгодны». Цѣлый полкъ въ глазахъ Ніосоловскаго бросилъ оружіе и ушелъ. Ніосоловскій хотѣлъ употребить строгость, приказалъ арестовать офицеровъ, но отъ этого еще сильнѣе разгорѣлось волненіе; его не слушали, одна толпа жолнеровъ уходила за другою; наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ, войско какъ будто успокоилось и пошло-было за генераломъ, но когда оно дошло до того мѣста, гдѣ дороги раздвоивались, и одна вѣтвь вела въ Тарчинъ, другая въ Варшаву, тутъ всѣ поворотили въ Варшаву и оставили Ніосоловскаго съ пушками, но безъ людей.

Вавржецкій, потерявъ почти весь свой отрядъ, соединился съ Домбровскимъ, Мадалинскимъ и другими генералами; но и въ ихъ отрядахъ было уже волненіе. Генералы думали-было устроить войско и направить по краковской дорогѣ, на Конске. Но когда пришли они въ Древевицы, здѣсь между самими генералами произошли ссоры и несогласія. Домбровскій, человѣкъ значительно обнѣмечившійся, хотѣлъ отдаваться прусскому королю. Вавржецкій не соглашался и предпочиталъ въ случаѣ крайности лучше сдаться Суворову. Въ это время прибылъ отъ Суворова подполковникъ Каменевъ съ предложеніемъ отъ 31-го октября, которое приведено выше.

Условія, предложенныя Суворовымъ, не показались польскимъ генераламъ удовлетворительными. Въ нихъ не было сказано о совершенной амнистіи участникамъ возстанія. Суворовъ уже объявилъ ее прежде, но Вавржецкій и его подначальные генералы не знали объ этомъ. Вавржецкій отправилъ вмѣстѣ съ Каменевымъ къ Суворову генерала Горенскаго, а самъ рѣшился дожидаться отвѣта.

Въ войскѣ его между тѣмъ смятеніе усилилось. Поляки изъ Великой Польши, отошедшей къ Пруссіи, настаивали, чтобы войско поддалось не русскимъ, а прусскому королю. Прусскій генералъ Клейцъ письменно приглашалъ Домбровскаго сдаться Пруссіи. Великополяне говорили: «Этимъ вы спасете всѣхъ насъ; за ваше предпочтеніе прусскаго короля и за довѣріе къ нему, онъ дастъ намъ амнистію.» — «Я не могу вступать въ переговоры съ прусскимъ королемъ, сказалъ Вавржецкій; словамъ прусскаго короля и его собственноручнымъ подписямъ вѣрить нельзя; онъ уже поступилъ съ нашимъ отечествомъ самымъ вѣролом-

нымъ образомъ. Я лучше повѣрю подписи и ручательству Суворова, чѣмъ прусскихъ военачальниковъ, русской императрицѣ, чѣмъ прусскому королю». Когда противники настаивали на своемъ, Вавржецкій сказалъ: «Съ моего вѣдома и позволенія ни одинъ батальонъ не перейдетъ къ прусскому королю; прежде меня убейте, потомъ выходите. Я послалъ къ Суворову; если генералъ Горенскій не привезетъ торжественнаго увѣренія въ амнистіи, всѣ будемъ драться и падемъ со славою».

Волненіе не переставало. Простоявъ дня два въ Древевицахъ, Вавржецкій двинулся на Конске и когда дошелъ до Опочни, тутъ какой-то прусскій майоръ взволновалъ жолнеровъ, настраивая ихъ предпочесть прусскаго короля русской императрицѣ. Вавржецкій, испытавъ напрасно средства убѣжденія, приказалъ стрѣлять въ непокорныхъ, а тѣ въ свою очередь пускали пули въ товарищей; другіе же толпами, изъ кавалеріи и пѣхоты, не участвуя въ свалкѣ, уходили. Успокоивши мятежъ съ пролитіемъ крови, Вавржецкій пошелъ далѣе, и 5-го (16-го) ноября достигъ до Радошина. Тутъ пріѣхалъ Горенскій и привезъ желанную амнистію. Тогда Вавржецкій собралъ свое войско, прочиталъ увѣреніе Суворова въ амнистіи, и объявилъ, что онъ сдается Суворову и вѣритъ русской императрицѣ скорѣе, чѣмъ прусскому королю. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать счетъ войсковой казнѣ и раздѣлилъ ее между офицерами и солдатами. Толпы жолнеровъ приходили къ нему просить паспортовъ. Вавржецкій всѣмъ подписывалъ и каждый уходилъ съ паспортомъ домой или куда хотѣлъ. На другой день прибылъ въ польскій лагерь генералъ Денисовъ и объявилъ, что Суворовъ приглашаетъ Вавржецкаго и генераловъ къ себѣ.

«Я не читалъ этой обязанности въ обѣщаніи генералъ-аншефа Суворова,—сказалъ Вавржецкій,—напротивъ онъ всѣмъ обѣщалъ паспорты и безопасный проѣздъ, куда кто пожелаетъ. Не думаю, чтобы я былъ исключенъ изъ этого правила, или кто-нибудь изъ генераловъ».

«Я ни васъ и никого изъ генераловъ не думалъ арестовать и отбирать у васъ оружіе; я исполняю только данное мнѣ приказаніе просить васъ пріѣхать въ Варшаву», сказалъ Денисовъ.

Нельзя было противиться. Вавржецкій поѣхалъ; съ нимъ Гелгудъ, Домбровскій, Ніосоловскій, Гедройцъ, Закржевскій и другіе. Провожавшій ихъ отрядъ назывался почетнымъ конвоемъ. Пушки были отобраны русскими.

Суворовъ извѣстилъ тогда Румянцева такою реляціею:

«Виватъ, великая Екатерина! все кончено! Польша обезоружена!»

Въ день самаго пріѣзда Суворова въ Варшаву, Игнатій Потоцкій явился къ нему и подалъ такого рода записку:

«Есть два способа успокоить Польшу, это—или раздѣлить ее, или дать ей хорошую конституцію. Нѣтъ поляка, который бы не предпочелъ печальной судьбы отечества состоянію узаконенной анархіи, въ какомъ находился народъ во время вспыхнувшаго возстанія. Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Что значитъ такое правленіе, гдѣ все, что его составляетъ — король, республика, миръ — не болѣе какъ игра пустыхъ словъ? Но тутъ возникаетъ великій вопросъ, который развязать слѣдуетъ въ настоящее время. Неужели, успокоивая Польшу раздѣломъ, думали приготовить для сѣвера и для всей Европы умиротвореніе? Конечно, разрѣшить эту задачу не въ силахъ приватное лицо, и только хорошо знающій дѣла и вліятельный кабинетъ въ состояніи дать по этому предмету вѣрныя указанія.

«Другой способъ успокоенія Польши—дать ей хорошую конституцію; но въ интересахъ ли Россіи дать ее Польшѣ? Думаю, такъ. Осмѣливаюсь утверждать это въ противность мнѣнію свѣтлыхъ умовъ Россіи, и считаю долгомъ объясниться.

«Извѣстно, что безпорядки Рѣчи-Посполитой были однимъ изъ принциповъ системы Петра Великаго. Въ тѣ времена, Россія со стороны нѣмцевъ ограждалась одною Польшею, и такой принципъ былъ сообразенъ интересамъ русскаго правительства и государства. Теперь ея границы измѣнились; Россія непосредственно соприкасается границами съ странами, подчиненными абсолютному правленію, и мудрые принципы Петра Великаго не могутъ прилагаться къ настоящей системѣ. Теперь, когда лживая метафизика, введенная въ жизнь во Франціи, произвела безпорядокъ въ законахъ, правилахъ, обязанностяхъ общества, я полагаю, что желаніе монархическаго умѣреннаго правленія не можетъ быть подозрительнымъ для великой монархини и ея кабинета. Что касается поляковъ, то подобная конституція — ихъ единственное разумное желаніе. Еслибы россійская имперія склонилась къ ней, нашъ народъ избралъ бы на польскій престолъ тотъ родъ, какой пожелаетъ императрица; въ особенности желательно, чтобы выборъ этотъ палъ на того изъ царевичей, который наиболѣе будетъ почтенъ ея расположеніемъ и благодѣяніями. Эти мысли существуютъ издавна; я могу доказать это, и думаю, что ихъ раздѣляютъ всѣ мои соотечественники.

«Если эти соображенія относительно второго способа успокоенія Польши заслуживаютъ ближайшаго вниманія, то сознаюсь, что насильственныя принудительныя средства, которыми укро-

щали настоящее возстаніе, не облегчаютъ дѣла. Побѣждать кротостію, благодѣяніями, и геніемъ болѣе достойно императрицы Екатерины въ глазахъ Европы».

Поляки говорятъ, что Суворову понравился тонъ этой записки, и онъ удивлялся уму польскаго великаго политика. Но изъ тогдашнихъ собственноручныхъ писемъ Суворова оказывается не то: «Графъ Игнацъ вралъ»—выразился онъ объ немъ. Тѣмъ не менѣе записка была послана къ государынѣ.

Чрезъ десять дней Суворовъ получилъ отъ короля для доставленія императрицѣ письмо такого содержанія:

«Сестра государыня! Судьба Польши въ вашихъ рукахъ. Ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее. Кого бы вы ни назначили моимъ преемникомъ, но, пока я могу говорить, я считаю для себя непозволительнымъ пренебречь моими обязанностями по отношенію къ моей націи и не призвать на нее великодушія вашего императорскаго величества. Польская армія уничтожена. Существуетъ еще нація; и она перестанетъ существовать, если ваши повелѣнія и величіе души вашей не подадутъ ей помощи. Въ наибольшей части страны военныя безпокойства воспрепятствовали жатвѣ. Обработка земли стала невозможною вездѣ, гдѣ похищенъ скотъ. Житницы поселянъ пусты, хаты ихъ сожжены, или разорены; сами они бѣгаютъ тысячами за границу. Многіе богатые землевладѣльцы сдѣлали тоже. Польша начинаетъ походить на пустыню. Голодъ почти неизбѣженъ на слѣдующій годъ, особенно если другіе сосѣди не перестанутъ уводить у насъ жителей, скотъ и занимать наши владѣнія. Кажется, той, чье оружіе единственно все покорило, надлежитъ предписать границы другимъ и произнести, какое послѣдствіе угодно ей дать своимъ побѣдамъ. Не смѣю предугадывать, но думаю, что вы предпочтете такое, которое можетъ сдѣлать три милліона народа наименѣе несчастными».

Суворовъ, препровождая на благоусмотрѣніе императрицы письмо короля, осмѣлился съ своей стороны чрезъ графа Зубова сдѣлать представленія въ пользу Польши. Екатерина была имъ недовольна за это; уважая въ немъ великаго полководца, она считала его неспособнымъ къ политическимъ соображеніямъ. Придворная партія не любила его. Великія заслуги этого человѣка, замѣчаетъ тогдашній англійскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, не спасли его отъ осмѣянія за то, что онъ осмѣлился обратиться къ Зубову съ письмомъ, въ которомъ хотѣлъ возбудить участіе къ королю, и вообще самъ оказывалъ состраданіе къ несчастной участи Польши.

Екатерина отвѣчала польскому королю письмомъ въ такихъ выраженіяхъ:

«Судьба Польши, которую ваше величество изобразили мнѣ въ письмѣ отъ 21 ноября н. ст., есть слѣдствіе принциповъ, разрушительныхъ для всякаго порядка и всякаго общества, почерпнутыхъ въ образцѣ народа, сдѣлавшагося добычею всякаго рода крайностей и заблужденій. Я не могла предвидѣть всѣхъ гибельныхъ слѣдствій и засыпать подъ ногами польскаго народа бездну, которую вырыли его развратители. Всѣ мои заботы въ этомъ отношеніи были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Между всѣми бѣдствіями, постигшими его въ настоящее время, предвидимый голодъ безъ сомнѣнія самое ужасное. Я дала приказаніе предупреждать его, насколько это человѣчески возможно. Но это соображеніе, соединенное съ знаніемъ опасностей, которымъ вы подвергаетесь посреди необузданнаго варшавскаго народа, побуждаетъ меня желать, чтобы ваше величество какъ можно скорѣе оставили этотъ преступный городъ и переѣхали въ Гродно. Фельдмаршалъ графъ Суворовъ имѣетъ порученіе сдѣлать это предложеніе и принять необходимыя мѣры—препроводить васъ туда бережно и прилично. Ваше величество должны знать мой характеръ: я неспособна употреблять во зло успѣхи, данные благостію Провидѣнія и правотою моего дѣла. Вы можете спокойно ожидать, пока государственная мудрость и всеобщая необходимость мира не рѣшатъ дальнѣйшей судьбы Польши. Съ такимъ расположеніемъ остаюсь доброю сестрою вашего величества».

Въ тоже время императрица прислала къ Суворову письмо, въ которомъ предписывала ему отправить короля въ Гродно. «Присутствіе его въ Варшавѣ,—писала она,—только что можетъ отягощать сей несчастный городъ, лишенный многихъ способовъ къ продовольствію, гдѣ и особа его не въ безопасности, особливо когда крайность принудитъ васъ или передать его прусскимъ войскамъ, или же предать собственному его жребію. Я не ожидаю, чтобъ по симъ, столь убѣдительнымъ, доводамъ могли вы встрѣтить на сіе предложеніе со стороны короля затрудненія, но если бы паче чаянія сіе и воспослѣдовало, то въ такомъ случаѣ имѣете вы ему объявить необиновенно, что на то есть моя воля непремѣнная и что право оружія и завоеванія налагаетъ на него законъ повиноваться безпредѣльно требованіямъ и предположеніямъ моимъ, а за симъ не пріемля уже никакихъ отговорокъ и въ самомъ кратчайшемъ времени приступите вы къ исполненію вамъ предписаннаго. На нужныя же для таковаго перемѣщенія издержки, равно какъ и на удовлетвореніе какихъ-либо другихъ

надобностей его величества, велѣли мы къ вамъ отпустить 8,000 червонныхъ голландскихъ, которые въ наличности вамъ съ симъ же курьеромъ и будутъ доставлены. Оную сумму вы, по усмотрѣнію вашему, всю ли сполна или употребивъ часть оной на тѣ же путевыя издержки, а затѣмъ остающуюся можете отдать въ распоряженіе того изъ генералъ-майоровъ нашихъ, кого изберете вы подъ видомъ почести для препровожденія его величества до Гродны, повелѣвъ ему оказывать королю всевозможнѣйшія уваженія, при томъ увѣдомивъ его величество, что попеченіе о его приличномъ содержаніи на все время пребыванія его въ Гроднѣ возлагается на нашего генерала князя Репнина».

Императрица приказала генералъ-губернатору Литвы, Репнину, сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для принятія и помѣщенія польскаго короля въ Гродно. Письмо ея къ Репнину очень замѣчательно тѣмъ, что оно высказываетъ вполнѣ ея взглядъ на короля, на Польшу.

«Для пребыванія въ Гроднѣ короля польскаго,—пишетъ Екатерина,—прикажите немедленно приготовить въ зáмкѣ приличные покои, гдѣ бы его величество могъ спокойно помѣститься; по прибытіи же его въ сей городъ, опредѣлить къ дому его для почета надлежащій караулъ, и притомъ наше желаніе есть, чтобы и всѣ приставленные отъ васъ къ сему государю оказывали ему всевозможнѣйшее уваженіе; а поелику управленіе дѣлъ въ Гродно происходитъ именемъ и властію нашею, то само по себѣ разумѣется, что король ни въ какія дѣла входить не можетъ, и въ отправленіи дѣлъ никакого участія имѣть не долженъ, а вы всемѣрно стараться будете до оныхъ его отнюдь не допускать. Многіе опыты насъ удостовѣрили, что сей государь былъ всегда вопреки пользъ нашихъ, ибо ни единое не совершилось событіе, въ которомъ бы онъ не нашелся главою или соучастникомъ и соревнователемъ. Извѣстность таковая, да и давнее познаніе ваше свойствъ и качествъ его, долженствуетъ поставить васъ противъ него въ крайнюю осторожность. Посему за перепискою его и другими сношеніями надлежитъ принять весьма близкое наблюденіе, позволяя чинить сіе съ такими токмо людьми, кои не могутъ быть подвержены подозрѣнію, не исключая родныхъ его, коихъ безъ причины отдалять отъ него не слѣдуетъ».

8-го января 1795 года, короля препроводили въ Гродно.

Здѣсь кончается наша исторія. Политическое существованіе Рѣчи-Посполитой прекратилось. Не стало ни верховной власти, ни министровъ, ни войска. Покоренная русскимъ оружіемъ поль-

ская территорія, за исключеніемъ провинцій уступленныхъ Пруссіи, сдѣлалась собственностью Россіи по праву завоевателя. Такъ-называемый третій раздѣлъ былъ собственно уступкою Пруссіи и Австріи, со стороны Россіи, части территоріи пріобрѣтенной.

Такъ пало государство, существовавшее около 1,000 лѣтъ, пало по непреложному нравственному историческому закону, по которому всякая нелогичность, всякая несовмѣстимость противныхъ началъ въ общественномъ строѣ производитъ внутреннюю болѣзнь, а послѣдняя, если не будутъ приняты противъ нея мѣры въ-пору, при развивающихъ ее обстоятельствахъ, скоро или поздно доводитъ весь общественный механизмъ до разрушенія. Въ нашемъ введеніи мы высказали, что коренныхъ причинъ паденія Польши слѣдуетъ искать не въ явленіяхъ политической и общественной жизни по одиночкѣ, а въ томъ складѣ племеннаго характера, который производитъ эти явленія или сообщаетъ имъ видъ и направленіе и котораго раннее образованіе теряется во временахъ, мало доступныхъ для историческаго изслѣдованія. Оттуда истекало и то замѣчательное отсутствіе политическаго благоразумія и то крайнее противорѣчіе, чѣмъ отличались поляки въ дѣлѣ устройства своего государства [1]).

---

[1]) Такъ въ отрывочныхъ и неполныхъ извѣстіяхъ византійцевъ о предкахъ поляковъ, славянахъ VI вѣка, мы уже замѣчаемъ тѣ черты, какими отличались поляки XVII и XVIII вѣковъ. Какъ славяне VI вѣка, по описанію Прокопія и Маврикія, не хотѣли сложиться во что-нибудь похожее на государство, не терпѣли надъ собою единовластія, дорожа болѣе всего личною свободою, жили въ разбивку, черезъ что и пріобрѣли отъ грековъ кличку—*споры* (отъ *σποράδην*—врозь), не ладили и безпрестанно ссорились между собою, такъ и потомки ихъ, польскіе паны и шляхтичи, хотя и доросли уже до потребности государства, но вѣрные правамъ прародителей, постоянно и болѣе всего заботились о томъ, чтобъ это государство какъ можно меньше напоминало имъ о своемъ бытіи; имѣли короля, но лишили его почти всякой власти, и ревниво ограждая свою частную свободу, безпрестанно боялись, чтобъ онъ какъ-нибудь не нашелъ путей къ усиленію, жили себѣ въ разбивку въ своихъ маетностяхъ и дворахъ, не любили городовъ, въ которыхъ скучиваться предоставляли жидамъ и нѣмцамъ, и ссорились между собою, подвигая цѣлыя околицы одна на другую, а когда сходились на свои сеймы, то вели совѣщанія также безтолково и нестройно, какъ ихъ прародители при Маврикіѣ на вѣчахъ. Тоже добродушіе, тоже гостепріимство и хлѣбосольство, что̀ такъ поражало въ славянахъ византійцевъ, является выпуклыми признаками характера и быта поляковъ XVIII вѣка. Какъ славяне VI вѣка, по извѣстіямъ византійцевъ, иногда поднимались, воодушевлялись, и предпринимали великіе подвиги, но никогда не доводили своего дѣла до конца, остывали и растрачивали свои силы на внутреннія безладицы, такъ и поляки въ XVIII вѣкѣ на своемъ четырехлѣтнемъ сеймѣ показали, что они способны вдругъ воодушевиться, зашумѣть, накричать цѣлому свѣту о своихъ великихъ приготовленіяхъ и ничего не довести до конца, раздраживъ только тѣхъ, которыхъ опасались. Императоръ Маврикій совѣтовалъ своимъ дѣтямъ и государственнымъ мужамъ Византіи не бояться славянскихъ затѣй и пользуясь тѣмъ, что у славянъ всегда много головъ и всѣ между собою не

Польша сложилась въ республику, поставила свободу знаменемъ своего политическаго бытія въ ряду европейскихъ державъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживала и ревниво сохраняла у себя крайнее рабство, безпредѣльное униженіе человѣческаго достоинства. Отъ этого выходило, что поляки хотѣли быть свободными гражданами, а были только деспотами. Возможность деспотствовать — самая ужаснѣйшая нравственная отрава человѣка. Если въ частности и бывали такіе крѣпкіе Митридаты, что могли устоять противъ ея губительной силы, то цѣлое общество, вездѣ состоящее изъ большинства натуръ малосильныхъ, не можетъ ее выдержать. Она пріучаетъ человѣка къ праздности, умственной лѣни, къ неумѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, къ необузданности страстей, къ жестокости, къ эгоизму, къ предпочтенію собственныхъ узкихъ интересовъ потребностямъ общаго блага. Униженія и страданія порабощенныхъ отомщаются деморализаціею поработителей. Но существованіе рабства въ государствѣ само по себѣ еще не должно было погубить Польши; мы видимъ это зло и въ другихъ державахъ; дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ оно было, господствовалъ монархическій строй; мелкіе деспоты, какъ-бы ни деморализовались отъ своего положенія, но будучи подчинены единой верховной силѣ, — уже черезъ то самое составляютъ между собою единое тѣло и по неволѣ должны дѣйствовать за одно въ дѣлахъ, касающихся цѣлости государства; такимъ образомъ, при внутреннихъ язвахъ невѣжества, угнетенія, человѣческаго униженія, государство можетъ быть еще достаточно крѣпкимъ противъ внѣшнихъ ударовъ. Притомъ, самая верховная деспотическая власть, по своей натурѣ склонная поддерживать коснѣніе и невѣжество, иногда принуждена бываетъ измѣнять себѣ, когда въ сосѣднихъ краяхъ превосходство умственныхъ силъ надъ матеріальными покажетъ ей несостоятельность однихъ только матеріальныхъ въ случаѣ борьбы съ такими соперниками, которые обладаютъ еще силами

ладятъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ приласкать и подкупить и, такимъ образомъ, не допускать ихъ сойтись между собою и установить надъ собою единую верховную власть. Сосѣди Польши, въ XVIII вѣкѣ, конечно, не руководствовались этимъ наставленіемъ византійскаго государя, жившаго въ концѣ VI вѣка, а между тѣмъ буквально исполнили его надъ поляками своего времени. Во времена этого Маврикія, какъ разсказываютъ, явился къ грекамъ изъ аварскаго войска славянинъ, родомъ изъ прибалтійской славянщины. «У насъ въ землѣ, говорилъ онъ, нѣтъ оружія, мы не воюемъ, а все только поемъ и веселимся!» Какъ эти ляхи VI-го вѣка похожи были на своихъ потомковъ, тѣхъ шляхтичей, которые не терпѣли у себя въ странѣ собственной военной силы и, не ломая головы надъ политическими вопросами, пили свою неподражаемую старую водку и танцовали свою несравненную мазурку!

и перваго рода. Тогда, не изъ любви къ человѣчеству, а изъ самосохраненія, опасаясь столкновеній съ болѣе просвѣщенными и болѣе свободными странами, сами деспоты вводятъ у себя признаки иноземнаго устроенія, которые при дальнѣйшихъ благопріятствующихъ имъ условіяхъ, могутъ привести къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ въ общественномъ строѣ и въ умственномъ развитіи народа. Въ такой республикѣ, какъ Польша, гдѣ рабство успѣло глубоко испортить свободный классъ, гдѣ каждый свободный думалъ болѣе всего о себѣ самомъ и менѣе всего о нуждахъ и благосостояніи своего государства, нé откуда было начаться благодѣтельнымъ перемѣнамъ. Толпа правящихъ своею страною гражданъ не могла согласиться на счетъ средствъ возрожденія отечества, еще менѣе могла исполнить то, чтó нужно было для общаго блага, какъ скорó при этомъ должны были терпѣть частные интересы. Передовые люди, понимавшіе сущность обстоятельствъ лучше большинства, не имѣли для своихъ идей и дѣйствій точки опоры. Имъ приходилось бороться съ закоренѣлыми предразсудками и эгоистическими привычками этого большинства; понятно, что ихъ увѣщанія оставались голосомъ вопіющаго въ пустыни. Первымъ шагомъ къ возрожденію Польши могло быть только истребленіе всеразвращающаго рабства; но истребить его въ республикѣ, состоящей изъ деспотовъ, привыкшихъ издавна къ сладости безусловнаго господства надъ рабами, не только трудно, но невозможно до тѣхъ поръ, пока республика будетъ оставаться республикою. Такимъ образомъ выходитъ, что Польшѣ вредило республиканское правленіе.

Но мы были бы крайне несправедливы, еслибы видѣли зло въ республикѣ самой по себѣ. Республиканскій строй общества, имѣющій идеаломъ свободу, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, не можетъ быть источникомъ разрушенія. Вездѣ, гдѣ только существовали и упадали республики, не самая сущность республиканскаго строя была причиною ихъ паденія, а всегда другія явленія, вредныя именно потому, что были противны духу республиканскаго правленія. Въ Польшѣ оказывается тоже. Формы польской республики, какъ мы уже замѣчали, не были безусловно дурны, а во многихъ отношеніяхъ ставили Польшу по общественному развитію выше другихъ государствъ Европы, а если въ этихъ формахъ были недостатки, то, безъ сомнѣнія, недостатки эти давно-бы исправились, еслибы сами поляки не поддались деморализаціи, лишавшей ихъ возможности работать надъ улучшеніемъ общества, и, главнымъ образомъ, питаемой существованіемъ у нихъ рабства. Республика, какъ лучшій образъ обще-

ственнаго устроенія, требуетъ для своего поддержанія того, что въ человѣческомъ существѣ есть наилучшаго — добродѣтели и любви къ правдѣ; безъ этого условія республика идетъ къ разрушенію; а потому деморализованная республика, сохраняя наружно республиканскія формы, не можетъ уже возродиться и исправиться.

Такимъ образомъ, не республиканскій строй Рѣчи-Посполитой съ одной стороны, но и не рабство, существовавшее въ ней, съ другой—привели это государство къ паденію; нелогичное чудовищное сочетаніе двухъ противоположныхъ стихій оказало на нее губительное дѣйствіе.

Четырехлѣтній сеймъ наглядно показалъ невозможность республикѣ спасти себя и изцѣлиться отъ своего развращенія. Видя явную опасность, угрожавшую государственной самостоятельности, поляки съ лихорадочнымъ движеніемъ схватились за дѣло преобразованія, но, протолковавши два съ половиною года, ничего не сдѣлали, хотя въ то время имъ никто не мѣшалъ. Современники, знавшіе общество того времени, сознавали, что еслибы они двадцатьпять лѣтъ разсуждали на сеймѣ, оставаясь съ прежними нравами, то изъ ихъ разсужденій все равно ничего бы не вышло. Кружокъ людей, старавшихся о томъ, чтобы отечество возродилось какъ можно скорѣе, придумали переворотъ 3 мая, который можно скорѣе назвать фокусомъ, чѣмъ дѣломъ преобразованія. Несостоятельность этой, прославленной въ свое время, конституціи, кромѣ способа ея провозглашенія, высказалась и въ самой сущности ея содержанія. Она не устранила того губительнаго противорѣчія, которое разъѣдало Польшу. Съ одной стороны, значеніе короля хотя и было усилено, но не до такой степени, чтобы уничтожить республиканскую стихію и дать верховной власти возможность водворить въ странѣ подчиненіе единой волѣ. Конституція 3-го мая не установляла самодержавія, абсолютизма, какъ кричали ея противники; съ другой стороны, она не уничтожала и не искореняла изъ Польши рабства, а только напугала рабовладѣльцевъ опасеніями за будущее время. Пытались залечить видимыя раны общества, но корень болѣзни оставался почти нетронутымъ. Польша все-таки оставлена была во власти дворянства, деспотически господствующаго надъ громадою народа. Творцы конституціи не могли поступить иначе по стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ находились, да отчасти и по собственнымъ привычкамъ. Поэтому-то мы имѣемъ причину предполагать, что безъ тѣхъ печальныхъ и неизбѣжныхъ, по ходу вещей, обстоятельствъ, которыя обра-

тили въ прахъ и майскую конституцію и вслѣдъ затѣмъ самую Рѣчь-Посполитую, Польша съ помощію этой конституціи не могла достигнуть возрожденія и разъѣдавшія ее противорѣчія въ общественномъ строѣ оставались бы по прежнему, ведя ее къ разрушенію.

Гродненскій сеймъ, новое отпаденіе отъ Польши провинцій, еще большее, чѣмъ прежде, подчиненіе Россіи той части государства, которой оставили тѣнь самостоятельности, наконецъ презрительное обращеніе съ націею державъ, въ рукахъ которыхъ былъ ея жребій — все это пробудило остатокъ нравственно человѣческихъ чувствъ въ деморализованномъ обществѣ. Вспыхнуло возстаніе. На челѣ его явилась личность безукоризненно честная, благородная. Послѣдователь идей Франклина и Вашингтона, одинъ изъ сѣятелей новой свободы на дѣвственной почвѣ Америки, Костюшко былъ республиканецъ до костей; онъ не любилъ монархизма по принципу; онъ не выставилъ короля хотя бы даже значкомъ для своего возстанія, да притомъ и тогдашній король былъ такого рода, что не годился ему ни на что́. Ближайшая цѣль его была освободить отечество отъ иноземнаго нападенія; что́ съ отечествомъ должно быть въ случаѣ успѣха — Костюшко, повидимому, не задавался на счетъ этого никакими планами, а предоставлялъ все будущей волѣ освобожденнаго народа. Единственно, что́ онъ намѣтилъ впередъ для будущихъ реформъ, это—освобожденіе хлоповъ, выраженное въ универсалѣ 7-го мая. Этимъ какъ будто устранялась старая историческая нелогичность: Польша оставалась республикою, но уже безъ рабства. Мы высказали наше мнѣніе о несостоятельности этого распоряженія: оно не могло имѣть смысла окончательнаго закона, прежде, чѣмъ не было утверждено волею сейма; но сеймъ, составленный изъ рабовладѣльцевъ, по минованіи опасности, безъ всякаго сомнѣнія, постарался бы поставить все на прежнюю ногу. Притомъ же въ универсалѣ самого Костюшки видна недоконченность; крестьяне, хотя и освобождались отъ рабства, хотя, кромѣ того, надѣлялись грунтами, однако не избавлялись совершенно отъ рабочихъ обязанностей къ бывшимъ владѣльцамъ, а это одно могло свести вопросъ съ фактической почвы на почву либеральной риторики. Было ли это въ Костюшкѣ слѣдствіемъ осторожности, или въ немъ, при его американскомъ перевоспитаніи, все еще высказывался полякъ и шляхтичъ, мы не беремся рѣшать, тѣмъ болѣе, что его универсалъ, во всякомъ случаѣ, относительно самый либеральный и самый человѣчный актъ польской исторіи, остался безслѣднымъ. Воз-

станіе, которое такъ энергически двигалъ полякъ-американецъ, не имѣло успѣха, не только отъ того, что не выдержало борьбы съ русскимъ оружіемъ, находившимся въ рукахъ геніальнаго Суворова, но и отъ того, что оно разбивалось о прежнюю заматерѣлую польскую деморализацію. Какъ ни возбудителенъ былъ для поляковъ постигшій ихъ ударъ, но въ одинъ годъ не могло общество сбросить съ себя вѣковыхъ пороковъ. Мы видѣли, какъ обычное мелочное предпочтеніе своихъ личныхъ выгодъ общей идеѣ безпрестанно высказывалось въ исторіи 1794 года, какъ много лжи и фальши было въ польскомъ патріотизмѣ, когда, при всеобщемъ воодушевленіи на словахъ, воины Костюшки были и наги и голодны, а масса простого народа, несмотря на всѣ воззванія военачальника, отнюдь не имѣла ни желанія, ни повода защищать бытіе Рѣчи-Посполитой. Даже съ болѣе правдивымъ патріотизмомъ у шляхты, и съ болѣе счастливыми обстоятельствами дѣло возстанія едва ли могло дойти до чего-нибудь прочнаго. Полякъ того времени, въ крайнемъ случаѣ, могъ возстановить только форму своего бывшаго государства, котораго ядро уже сгнило, а возстановленная форма, безъ здороваго содержанія, при первомъ натискѣ противнаго вѣтра, опять подверглась бы распаденію.

Было бы неумѣстно вдаваться въ вопросъ о справедливости способа дѣйствій державъ, рѣшившихъ судьбу Польши въ концѣ XVIII-го вѣка. По причинѣ своего внутренняго разстройства, лишившись нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ къ самозащищенію отъ внѣшнихъ ударовъ, Польша стала жертвою той политики, которая освобождала кабинеты государствъ отъ необходимости слѣдовать нравственнымъ основамъ справедливости и соображаться съ законностью, изобрѣтенною только для подданныхъ и необязательною для властей. Въ политикѣ понятіе о справедливости чаще всего служило только для взаимнаго обмана и для приличія. Достаточнымъ считалось найти благовидный предлогъ для совершенія такихъ дѣлъ, которыя, безъ этого предлога, не рѣшались во всеуслышаніе назвать справедливыми. Коварство и насиліе были подпорою государственной безопасности. Одни другихъ упрекали въ коварствѣ, въ несправедливости, въ насиліи, а между тѣмъ не ставили въ вину себѣ того, въ чемъ обвиняли другихъ. Власти не заботились объ общественномъ благомнѣніи на счетъ своихъ поступковъ, а подчиненному имъ обществу не дозволяли думать иначе, какъ приказывали имъ сами. Массы народовъ переходили изъ-подъ одной державы подъ другую, обязанныя питать чувства любви и предан-

ности къ тѣмъ, кого прежде приказывали имъ считать врагами; министры рѣшали ихъ судьбу въ тайныхъ совѣщаніяхъ, не спрашивая ихъ согласія; возникали войны за принадлежность областей: разореніе постигало ничѣмъ невиновныхъ жителей спорныхъ земель, а сами эти жители не смѣли ни защищаться, ни возвышать за себя голоса; сила оружія передавала ихъ новымъ властямъ; ихъ подчиняли чуждымъ для нихъ законамъ и порядкамъ, жестоко угнетали и карали, когда они не въ силахъ были свыкнуться съ этими законами и порядками. Сокровища, собранныя кровавымъ потомъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, тратились, по прихоти властей, на опустошительныя войны, съ восхваляемою цѣлью расширенія и округленія границъ государства или возстановленія правъ, софистически вытянутыхъ изъ архивовъ дипломатіи и генеалогіи; сотни тысячъ здоровыхъ людей отрывались отъ семействъ и мирныхъ занятій, посылались на убой, и благодаря невѣжеству, въ которомъ власти старались держать народъ, не смѣли роптать, воображая себѣ, что въ самомъ дѣлѣ идутъ на смерть за правое и богоугодное дѣло; тайна покрывала замыслы и истинныя дѣянія власти, а толпѣ, въ утѣшеніе, бросали благообразную ложь; голосъ правды жестоко наказывался, какъ дерзкое нарушеніе общественнаго спокойствія, а куренія риторовъ, воспѣвавшихъ побѣды, пріобрѣтенія, мудрость и великодушіе властей, назначались служить катихизисомъ, утверждавшимъ въ умахъ и сердцахъ слѣпоту и обольщеніе. При господствѣ такой политики, слабымъ государствамъ не было другой гарантіи отъ алчности и властолюбія сильныхъ, кромѣ взаимной ихъ зависти другъ къ другу. Пока сильные не могли сойтись на счетъ слабыхъ или, будучи заняты другимъ, не имѣли на нихъ поползновенія, слабые были безопасны; но какъ только сильные между собою поладятъ, слабые могли безнаказанно подвергнуться такимъ перемѣнамъ, какихъ не желали. Переходъ мелкихъ государствъ и областей изъ рукъ въ руки и передѣлы ихъ были обычнымъ явленіемъ при договорахъ, заканчивавшихъ войны, въ которыя втягивались иногда всѣ европейскія государства. Польша, слабое и беззащитное государство (хотя имѣвшее всѣ условія для того, чтобъ быть могучею державою) долго спасалась отъ гибели только потому, что сосѣди не могли скоро подѣлиться ею. Но обстоятельства, наконецъ, поставили ихъ въ необходимость согласить свои стремленія, и Польша попала подъ колесо неумолимой политики, не знавшей другихъ способовъ дѣйствія, кромѣ коварства и насилія.

Можно ли обвинять за то державы, слѣдовавшія такой поли-

тикѣ? Конечно, нѣтъ. Когда государства сформировались и возросли при помощи коварства и насилія, то и должны были тѣмъ же самымъ охранять свою безопасность и поддерживать свое значеніе. Сама Польша въ былыя времена расширилась тѣмъ же способомъ: развѣ не насиліемъ захватила она Червонную Русь? Развѣ не коварствомъ и не насиліемъ присоединила къ себѣ великое княжество Литовское? Развѣ поляки спрашивали объ этомъ желанія у массы русскаго народа, когда считали его своимъ достояніемъ на томъ основаніи, что когда-то насильно владѣвшій русскимъ народомъ литовскій князь женился на польской королевѣ, а впослѣдствіи его потомки выбирались въ польскіе короли, и наконецъ, при одномъ изъ нихъ, поляки успѣли склонить на свою сторону нѣкоторыхъ аристократовъ, другихъ обмануть, третьихъ напугать и, такимъ образомъ, написать на пергаменѣ договоръ литовскаго и русскаго народовъ съ польскимъ, тогда какъ эти народы и не знали и не думали объ этомъ пергаменѣ? Развѣ не обращали русскій народъ насильно въ другую вѣру, не ругались надъ его вѣковою святынею? Народъ этотъ бунтовалъ, а его сажали на колья и жгли. Все это развѣ не коварство, не насиліе? Овладѣніе Москвою посредствомъ плутовъ, называвшихся чужими именами, развѣ не коварство, не насиліе? Не чужда была сама Польша тѣхъ способовъ, которые въ свое время стерли ее съ карты Европы. И ни одно государство не было чуждо ихъ; и какъ бы ни умягчались политическія формы—коварство и насиліе всегда останутся необходимыми въ государственныхъ отношеніяхъ до тѣхъ поръ, пока люди не додумаются устроить свои политическія общества на иныхъ началахъ.

Съ безпристрастнымъ сознаніемъ, безъ всякаго патріотическаго самообольщенія, скажемъ, что изъ всѣхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, совершенныхъ въ Европѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ, пріобрѣтеніе Екатериною русскихъ провинцій отъ Польши едва ли не самое правое дѣло, по крайней мѣрѣ относительно. Екатерина возвращала своему государству то, что̀ принадлежало ему на основаніи не однихъ династическихъ воспоминаній или архивныхъ документовъ, а—вѣковой, живой народной связи. Что масса русскаго народа, находившагося подъ властью Польши, униженнаго, порабощеннаго и состоявшаго въ послѣднее время изъ одного низшаго класса, желала соединенія съ Россіею—это не подлежитъ сомнѣнію. Вѣка проходили, а желаніе это не остывало. Въ XVII-мъ вѣкѣ, южная Русь отдалась добровольно русскому государству, народъ ея проливалъ потоки собственной крови, ненавидя Польшу, не желая быть съ нею въ соединеніи, и между тѣмъ сама Россія насильно возвращала его Польшѣ. При

Екатеринѣ, едва только вновь блеснула надежда на соединеніе съ Россіею, народъ заявлялъ это желаніе самымъ очевиднымъ образомъ: современные поляки хоромъ твердили объ этомъ. Такимъ образомъ, Россія присоединяла къ себѣ страны, въ которыхъ большинство народонаселенія дѣйствительно этого желало. Вотъ здѣсь-то и правота Россіи. Между тѣмъ Россія не поставила этой правоты своей на челѣ своихъ дѣйствій. Предпочтенъ темный путь политики. Россія пользовалась только сочувствіемъ къ себѣ русской громады въ польскихъ областяхъ настолько, насколько оно могло быть однимъ изъ орудій, годнымъ для политики, и то не главнымъ орудіемъ. Этого мало. Россія возвратила себѣ русскія земли; сбылись завѣтныя желанія многихъ поколѣній, и какъ страшно былъ обманутъ, какъ поруганъ въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ! Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-ляховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія; и долго, долго суждено было ему терпѣть прежнюю долю. А какова была эта доля—пусть онъ самъ скажетъ намъ свою исторію. Вотъ народная пѣсня, записанная нами на Волыни [1]:

«Наступала туча черная, наступила еще и сизая: была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! За отца сынъ не отбудетъ дѣла, ни отецъ за сына! Живутъ люди, живутъ люди, живутъ слободою; идетъ мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ доч-

---

[1]) Наступила чорна хмара—настала щей сива:
Була Польща, була Польща, та стала Россія;
Синъ за батька не одбуде, а батько за сина!
Живуть люде, живуть люде, живуть слободою;
Иде мати на ланъ жати разомъ изъ дочкою.
Прийшли вони до ланочку: помогай намъ, Боже
И святая неділонька, велика госпоже!
Сіли жъ вони обідати — гіркій нашъ обіде!
Оглянуться назадъ себе, ажъ окомонъ иде.
Приїхавъ вінъ до ланочка, нагай распускае:
— Ой чомъ же васъ, вражихъ людей, по-трое не мае!!!
Ой зачавъ же ихъ окомонъ лаяти та бити:
— Ой чомъ же вамъ, вражимъ людямъ, снопівъ не носити?
А въ нашого окомона червоная шапка;
Якъ приде до панщини — скаче якъ та жабка.
А въ нашого окомона шовкові онучи;
Плачуть плачуть бідні люде изъ панщини йдучи.
Пооблазили воламъ шиї біднимъ людямъ руки...
Ой ярини по півтори, а зимени копу.
Треба стати поправитись, хочъ якому хлопу,
Змолотити и звіяти и въ шпихліръ собрати,
А въ вечері по вечері та на варту стати.

кой; пришли онѣ на нивушку: помогай намъ, Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Сѣли пообѣдать: горекъ нашъ обѣдъ! Онѣ оглянулись назадъ,—экономъ идетъ. Пріѣхалъ онъ на нивушку, нагайку расправляетъ: Отъ чего же васъ, вражьихъ людей, не трое?! И началъ экономъ ругаться, да драться: Зачѣмъ вы, вражьи люди, сноповъ не носите?! А у нашего эконома красная шапка; а пріѣдетъ онъ на барщину, такъ скачетъ, какъ жаба. А у нашего эконома шелковая обувь; плачутъ, плачутъ бѣдные люди, съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. Собери-молъ ярового хлѣба полторы копы, а озимаго — копу! Хоть какому мужику впору — все вымолотить, вывѣять и въ анбаръ сложить. А вечеромъ, поужинавъ, въ караулъ ступай! Пошли они въ шинокъ — дай, шинкарка, кварту; выпьемъ съ горя по стакану, а потомъ и въ караулъ! Ходитъ попъ по церкви, да книжку читаетъ: Отъ чего васъ, добрыхъ людей, въ церкви не бываетъ?! Какъ же намъ, батюшка, въ церковь-то ходить: съ воскресенья до другого нужно молотить»!

Вотъ гдѣ настоящая исторія, правдивая исторія народной жизни, которая катилась незамѣтно для профессоровъ, академиковъ, членовъ историческихъ обществъ, исторія, совсѣмъ несогласная съ тѣмъ, чтó мы слыхивали отъ нашихъ піитъ, риторовъ, педагоговъ. Намъ воспѣвали торжество вѣрнаго росса надъ кичливымъ ляхомъ, а русскій народъ пѣлъ о томъ, какъ кичливый ляхъ-экономъ билъ вѣрнаго росса-хлопа нагайками; намъ восхваляли мудрость, человѣколюбіе и попечительность нашихъ властей въ такое-то и такое время, а народъ пѣлъ, что отъ тяжкой, чужой невольной работы, при горькомъ обѣдѣ, у него облѣзла на рукахъ кожа, а у его воловъ стерлась шерсть на шеѣ отъ неснимаемаго ярма; въ насъ возбуждали патріотическое умиленіе при мысли о томъ, что русскій народъ, долго находившійся подъ гнетомъ Польши, возсоединился съ своимъ древнимъ отечествомъ къ великой его радости, а этотъ русскій народъ говорилъ, что для него все равно—Россія ли или Польша, словно двѣ тучи: «одна черная, другая сизая», солнце же для него еще не показывалось; насъ въ школахъ заставляли содрогаться при описаніяхъ гоненій и поруганій, какія чинили поляки надъ

Прийшли вони до шинкарки — дай, шинкарко, кварту;
Випьемъ зъ жалю по стакану, тай станемъ на варту!
Ходить попокъ по церковці, у книжку читае:
— Ой чомъ же васъ, добрихъ людей, у церкві не мае?
— Ой якъ же намъ, добродію, у церкву ходити,
Одъ неділі до неділі кажуть молотити!

православною вѣрою, а народъ, въ своихъ пѣсняхъ, никому, кромѣ его, невѣдомыхъ и непонятныхъ, заявлялъ о томъ, что и теперь православныя церкви стоятъ пустыми, потому что паны-ляхи гонятъ его на работу въ воскресные дни. Такъ дѣлалось почти семьдесятъ лѣтъ въ имперіи, которая считалась русскою, православною и гордилась своею силою. Рѣчь-Посполитая исчезла съ географической карты, шляхетскія поколѣнія метались во всѣ стороны, отчаянными средствами пытаясь поднять изъ могилы и воскресить своего мертвеца, еще заживо сгнившаго, а между тѣмъ, для милліоновъ русскихъ хлоповъ, для той русской массы, за которую шелъ многовѣковой споръ Россіи съ Польшею, проливались потоки крови—для нихъ однихъ продолжала существовать эта Рѣчь-Посполитая.

Великое призваніе лежитъ на Россіи по отношенію къ этому народу. Избавившись, наконецъ, отъ постыднаго *ляхскаго* ярма, онъ долженъ теперь получить просвѣщеніе, и тогда русскій историкъ вполнѣ будетъ имѣть право сказать, что паденіе Рѣчи-Посполитой отозвалось, хотя не въ близкомъ поколѣніи, благодѣтельными послѣдствіями для русскаго народа.

Н. Костомаровъ.

ЦАРЬ БОРИСЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЦАРЬ БОРИСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.

ЦАРИЦА МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА, его жена, дочь Малюты Скуратова.

ЦАРЕВИЧЪ ѲЕДОРЪ }
ЦАРЕВНА КСЕНІЯ } ихъ дѣти.

ЦАРИЦА ИРИНА ѲЕДОРОВНА, во иночествѣ АЛЕКСАНДРА, сестра царя Бориса, вдова царя Ѳедора Іоанновича.

ЦАРИЦА МАРІЯ ѲЕДОРОВНА НАГАЯ, во иночествѣ МАРѲА, вдова Іоанна Грознаго.

ХРИСТІАНЪ, герцогъ датскій, женихъ царевны Ксеніи.

ГОЛЬКЪ }
БРАГЕ } его совѣтники.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ, ближній бояринъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАСМАНОВЪ, бояринъ и воевода.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ }
АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ }
КНЯЗЬ РЕПНИНЪ }
КНЯЗЬ ЧЕРКАССКІЙ } бояре.
КНЯЗЬ СИЦКІЙ }
КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ }
САЛТЫКОВЪ }

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛУПЪ-КЛЕШНИНЪ, во схимѣ братъ ЛЕВКИ.

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА, боярыня.

АѲАНАСІЙ ВЛАСЬЕВЪ, думный дьякъ.

ВОЕЙКОВЪ, воевода Тарскій.

ДЕМЕНТЬЕВНА, барская барыня.
РИЧАРДЪ ЛИ, посолъ англійскій.
МИРАНДА, папскій нунцій.
БАРОНЪ ЛОГАУ, посолъ австрійскій.
ЛЕВЪ САПѢГА, посолъ литовскій.
ЭРИКЪ ГЕНДРИХСОНЪ, посолъ шведскій.
АВРААМИ ЛЮСЪ, посолъ флорентійскій.
ГЕРМЕРСЪ, любскій бургомистеръ, присланный отъ ганзейскихъ городовъ.
АРХИМАНДРИТЪ КИРИЛЛЪ, посолъ иверскій.
ЛАЧИНЪ БЕКЪ, посолъ персидскій.
ЧЕЛИБЕЙ, посолъ турецкій.
ХЛОПКО-КОСОЛАПЪ, атаманъ разбойниковъ.
РѢШЕТО, НАКОВАЛЬНЯ } его эсаулы.
МИТЬКА, разбойникъ.
ПОСАДСКІЙ.
МИСАИЛЪ ПОВАДИНЪ, ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ } бѣглые монахи.
1-й, 2-й } часовые.
1-й, 2-й } сыщики.
1-ая, 2-ая, 3-ья, 4-ая } бабы.
ВРАЧЪ.
СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.
СПАЛЬНИКЪ.
СТОЛЬНИКЪ.
КРИЛОШАНКА.
ПРИСТАВЪ.

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрѣльцы, посольская свита, монахи, бѣглые крестьяне, разбойники, нищіе, сыщики, слуги и народъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го столѣтій.

ДѢЙСТВІЕ I.

Престольная палата.

САЛТЫКОВЪ и ВОЕЙКОВЪ.

САЛТЫКОВЪ.

Ты во̀-время, бояринъ, съ доброй вѣстью
Вернулся изъ Сибири: угодилъ
Какъ разъ попасть въ тотъ день, какъ государь
Вѣнчается на царство!

ВОЕЙКОВЪ.

Богу слава!
Довольно онъ откладывалъ вѣнчанье
Со дня, какъ земской думою соборной
На царство былъ избранъ!

САЛТЫКОВЪ.

Да, да, въ шеломѣ,
А не въ вѣнцѣ, съ мечемъ замѣсто скиптра,
Онъ ждалъ татаръ. Но ханъ, имъ устрашенный,
Бѣжалъ назадъ! И то сказать: пятьсотъ
Насъ вышло тысячъ въ поле. Безъ удара
Казы-Гирей разсыпанъ — и ни капли
Не пролилося русской крови!

ВОЕЙКОВЪ.

Слава
Царю Борису!

САЛТЫКОВЪ.

Слава и хвала!
Подумаешь: какъ царь Иванъ Васильичъ

Оставилъ Русь Θеодору царю!
Война и моръ — въ предѣлахъ русскихъ ляхи —
Ханъ подъ Москвой — на брошенныхъ поляхъ
Ни колоса! А нынѣ, посмотри-ка!
Все благодать: амбары полны хлѣба —
Исправлены пути — въ приказахъ правда —
А къ рубежу попробуй подойти
Ляхъ, или нѣмецъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Что̀ и говорить!
Воскресла вся земля! Царю не даромъ
Отъ всѣхъ любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва отъ роду не видала!
На-силу я проѣхалъ чрезъ толпу;
На двадцать верстъ кругомъ запружены
Дороги всѣ; народъ со всѣхъ концовъ
Валитъ къ Москвѣ; всѣ улицы полны,
И всѣ дома, отъ гребней до завалинъ,
Стоятъ въ цвѣтахъ и въ зелени! Я думалъ:
Авось къ царю до выхода проѣду!
Куды! я чай, отъ валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Тамъ
Услышалъ я: въ соборѣ царь Борисъ —
Вѣнчается!

САЛТЫКОВЪ.

Сейчасъ вернется въ теремъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Ты что-жъ не тамъ?

САЛТЫКОВЪ.

Пословъ примать наряженъ.

ВОЕЙКОВЪ.

Какихъ пословъ?

САЛТЫКОВЪ.

Да мало-ль ихъ! Отъ папы,
Отъ цесаря, отъ Англіи, отъ Свеи,

От Персіи, отъ Польши, отъ Ганзы —
Не перечтешь!

ВОЕЙКОВЪ.

И всѣхъ ихъ приметъ царь?

САЛТЫКОВЪ.

Всѣхъ съ этого престола слушать будетъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Пора, пора возсѣсть ему на немъ!
Семь мѣсяцевъ вѣнчанія мы ждали!

САЛТЫКОВЪ.

А до того, чай, цѣлыхъ шесть недѣль
Пріять вѣнецъ его молили!

ВОЕЙКОВЪ.

Да,
Смиренію такому нѣтъ примѣра.
До насъ дошло, какъ вашимъ онъ моленьямъ
Внять не хотѣлъ!

САЛТЫКОВЪ.

И еслибы владыка
Отъ церкви отлученіемъ ему
Не угрозилъ — быть можетъ, и доселѣ
Мы были-бъ безъ царя!

ВОЕЙКОВЪ.

А говорили:
Честолюбивъ!

САЛТЫКОВЪ.

Поди ты! Мало-ль что̀
О немъ толкуютъ! Говорили также:
Онъ Димитрія царевича извелъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Безбожники! безсовѣстные люди!
Когда-бъ извелъ Димитрія Борисъ,
Онъ сталъ-ли бы отъ царства отрекаться!

САЛТЫКОВЪ.

Вѣстимо нѣтъ! когда скончался Ѳедоръ,
Рыдали всѣ, но скорбь ничья сравниться
Со скорбію Бориса не могла.

ВОЕЙКОВЪ.

Я былъ уже въ походѣ; не сподобилъ
Меня Господь къ усопшаго рукѣ
Съ другими приложиться. Говорятъ,
Былъ чудно свѣтелъ ликъ его?

САЛТЫКОВЪ.

Тиха
Была его и благостна кончина.
Онъ никому не позабылъ сказать
Прощальное, привѣтливое слово;
Когда-жъ своей царицы скорбь увидѣлъ:
«Аринушка сказалъ онъ, ты не плачь.
«Меня Господь проститъ, что государить
«Я не умѣлъ!» И руку взявъ ея,
Держалъ въ своей, и кротко улыбаясь,
Такъ погрузился словно въ тихій сонъ —
И отошелъ. И на его лицѣ
Улыбка та послѣдняя осталась.

ВОЕЙКОВЪ.

Царь благодушный!

САЛТЫКОВЪ.

Послѣ похоронъ
Постриглася царица.

ВОЕЙКОВЪ.

И тогда-же
Съ ней заперся правитель?

САЛТЫКОВЪ.

Въ тотъ-же день.
Моленіямъ боярскимъ не внимая,
Онъ говорилъ: «Со смертію царя
«Постыли мнѣ волненіе и пышность,
«И блескъ и шумъ. Здѣсь, близъ моей сестры,
«Останусь я; молиться съ ней хочу я,
«И здѣсь умру!»

Звонъ во всѣ кремлевскіе колокола.

ВОЕЙКОВЪ — подходя къ окну.

Идутъ, идутъ! Народъ
Волнуется! Вотъ ужъ несутъ хоругви!
А вотъ попы съ иконами, съ крестами!
Вотъ патріархъ! Вотъ стольники! Бояре!
Вотъ стряпчіе царевы! Вотъ онъ самъ!
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ, въ золотой одеждѣ,
Съ державою и скипетромъ въ рукахъ!
Какъ онъ идетъ! Всѣ пали на колѣни —
Между рядовъ безмолвныхъ онъ проходитъ
Ко Красному крыльцу—остановился,
Столпились всѣ—онъ говоритъ къ народу...

Молчаніе; потомъ взрывъ радостныхъ криковъ.

Цѣлуетъ крестъ — вотъ на крыльцо вступаетъ —
Какъ свѣтелъ онъ! Сіяніе какое
Въ его очахъ! Нѣтъ, самъ Иванъ Васильичъ
Въ величіи подобномъ не являлся —
Во истину то царь всея Руси!

Трубы и дворцовые колокола. Рынды входятъ и становятся у престола; потомъ бояре; потомъ стряпчіе съ царской стряпней; потомъ ближніе бояре; потомъ самъ ЦАРЬ БОРИСЪ, въ полномъ облаченіи, съ державой и скипетромъ. За нимъ царевичъ ѲЕДОРЪ. Борисъ всходитъ на подножіе престола.

БОРИСЪ — стоя на подножьи.

Соизволеньемъ Божіимъ и волей
Соборной думы—не моимъ хотѣньемъ —
Я на престолъ царей и самодержцевъ
Всея Руси вступаю днесь. Всевышній
Да укрѣпитъ мой умъ, и дастъ мнѣ силы
На трудный долгъ! Да просвѣтитъ меня,
Чтобы бразды, мнѣ русскою землею
Врученныя, достойно я держалъ,

Чтобы царилъ я праведно и мудро,
На тишину Руси, какъ царь Өеодоръ,
На страхъ врагамъ, какъ грозный Іоаннъ!

Садится на престолъ. Царевичъ Өедоръ садится по его правую руку.

ВОЕЙКОВЪ — опускаясь на колѣни.

Великій царь! Господь тебя услышалъ:
Твои враги разбиты въ пухъ и прахъ!
Воейковъ я, твой Тарскій воевода,
Тебѣ привезшій радостную вѣсть,
Что ханъ Кучумъ, свирѣпый царь сибирскій,
На Русь возстать дерзнувшій мятежомъ,
Бѣжалъ отъ насъ въ кровопролитной битвѣ
И палъ отъ рукъ ногайскихъ мурзъ. Сибирь,
Твоей опять покорная державѣ,
Тебѣ на вѣкъ всецѣло бьетъ челомъ!

БОРИСЪ.

Благодаренье Господу! Да будетъ
Въ сей свѣтлый день намъ знаменіемъ добрымъ
Благая вѣсть! Встань, воевода Тарскій,
И цѣпь сію, въ знакъ милости великой,
Отъ насъ прими!

Снимаетъ съ себя цѣпь и надѣваетъ на Воейкова.

Мой сынъ, царевичъ Өедоръ,
Вамъ здравствуетъ со мной, бояре! Онъ
Лѣтами младъ, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. Въ немъ буду
Готовить мнѣ достойнаго на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я васъ прошу!

Өедоръ кланяется.

БОЯРЕ.

Да здравствуетъ царевичъ!
Живетъ царевичъ!

САЛТЫКОВЪ.

Государь, послы
Ждутъ позволенья милости твоей
На царствіи здоровать!

БОРИСЪ.

Пусть войдутъ!

Трубный тушъ и литавры. Входитъ посолъ англійскій, предшествуемый двумя стольниками; за нимъ идетъ его свита и останавливается, не доходя престола. Посолъ подходитъ къ престолу; стольники раздаются на право и на лѣво. При входѣ слѣдующихъ пословъ соблюдаются тѣ же обряды.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ Елисаветы, Ричардъ Ли!

РИЧАРДЪ ЛИ.

Британніи Великой королева
Царю Борису дружескій поклонъ
Усердно шлетъ, его на русскомъ тронѣ
Привѣтствуя какъ друга своего,
Какъ кровнаго, возлюбленнаго брата.
Великій царь! Ей дорогъ несказанно
Съ тобой союзъ, и еслибы избрать
Для сына ты межъ юными княжнами
Британніи невѣсту захотѣлъ,
Твое свойство вмѣнила-бъ королева
Себѣ въ любовь, и видѣла-бы въ немъ
Залогъ союза нашихъ двухъ народовъ
И совершенье мысли Іоанна,
Который былъ ей другомъ.... Графа Дарби
Младая дочь красою превышаетъ
Красавицъ всѣхъ, а кровь ея одна
Съ Елисаветы королевской кровью!

БОРИСЪ.

Благодарю сестру Елисавету,
Ея союзомъ болѣ дорожу,
Чѣмъ всѣхъ другихъ высокихъ государей,
Писавшихъ къ намъ о томъ же. Но мой сынъ
Ѳедоръ младъ еще о бракѣ думать —
Мы подождемъ.

Ричардъ Ли отходитъ, предшествуемый стольниками. Трубы и литавры. Входитъ папскій нунцій.

САЛТЫКОВЪ.

Миранда, нунцій папы!

МИРАНДА.

Великій царь всея земли московской!
Святой отецъ Климентъ тебѣ свое
Апостольское шлетъ благословенье
И здравствуетъ на государствѣ! Въ знакъ
Особенной своей къ тебѣ любви,
Онъ утвердить твой титулъ предлагаетъ,
Какъ титулы богемскихъ королей
И польскихъ утвердилъ онъ. Если-жъ ты
Своей душой, миролюбиво-мудрой,
Столь вѣдомой намѣстнику Христа,
Какъ онъ, о царь, скорбишь о раздѣленьи
Родныхъ церквей—онъ черезъ насъ готовъ
Войти съ твоимъ священствомъ въ соглашенье,
Да прекратится распря прежнихъ лѣтъ
И будетъ вновь единый пастырь стаду
Единому!

БОРИСЪ.

Святѣйшаго Климента
Благодарю. Мы чтимъ вѣнчанныхъ римскихъ
Епископовъ, и воздаемъ усердно
Имъ долгъ и честь. Но Господу Христу
Мы на землѣ намѣстника не знаемъ.
Нашъ царскій санъ, по волѣ Божьей, мы
Отъ русской всей земли пріяли—болѣ-жъ
Ни отъ кого не просимъ утвержденья.
Когда святой отецъ ревнуетъ къ вѣрѣ,
Да согласитъ владыкъ онъ христіанскихъ
Идти собща́ на турскаго султана,
О вѣрѣ братій нашихъ свободить!
То сблизитъ насъ усердіемъ единымъ
Къ единому кресту. О съединеньи-жъ
Родныхъ церквей мы молимся всѣ дни
Когда святую слышимъ литургію.

Миранда отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ австрійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Баронъ Лога̀у, цесарскій посолъ!

ЛОГАУ.

Великій царь! Рудольфусъ, римскій цесарь,

Тебѣ на царствѣ братскій шлетъ поклонъ,
Моля тебя помочь ему войсками
И деньгами, чтобы могли султану
Мы дать отпоръ, безбожному Махмету,
Грозящему изъ Венгріи идти
На Австрію!

БОРИСЪ.

Не въ первый разъ султану
Австрійскимъ мы обязаны посольствомъ.
При Ѳедорѣ, покойномъ государѣ,
Мы учинили съ вами договоръ:
Отъ турокъ вамъ помочь казною нашей,
Съ тѣмъ, чтобы вы взвели Максимильяна,
Рудольфа брата, на литовскій тронъ.
Вы приняли исправно наши деньги,
Но, подъ рукой, съ Литвою сговорились—
И Жигимонта свейскаго признали,
Врага Руси, литовскимъ королемъ!

ЛОГАУ.

Великій царь, мы не́-были вольны!
Нашъ претендентъ, Максимильянъ, Замойскимъ
Въ Силезіи былъ полоненъ.

БОРИСЪ.

И вмѣсто
Чтобы его оружьемъ свободить,
Съ Литвой скорѣй вы заключили миръ
И даромъ насъ поссорили съ султаномъ.

ЛОГАУ.

Не мы, о царь! Султанъ твой давній врагъ,
И на Москву онъ хана насылаетъ
Не въ первый разъ. Когда ты дашь ему
Насъ одолѣть, ты своего-жъ злодѣя
Усилишь, государь!

БОРИСЪ.

Походъ крестовый
Я на него Европѣ предлагаю.

Онъ врагъ намъ всѣмъ, не мой одинъ. Испаньи,
Сициліи, и рыцарямъ Мальтійскимъ,
Венеціи и Генуи онъ врагъ,
Досадчивъ всѣмъ державамъ христіанскимъ!
Пускай-же всѣ подымутъ общій стягъ
На Турцію! Тогда не изъ послѣднихъ
Увидятъ насъ. Но до того, мы будемъ
Лишь наши грани русскія беречь.
Мы не хотимъ для Австріи руками
Жаръ загребать. Казною, такъ и быть,
Мы учинимъ вамъ снова вспоможенье,
Войска-жъ свои пока побережемъ.

Логау отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ литовскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ литовскій, канцлеръ Левъ Сапѣга!

САПѢГА.

Великій царь! Твой братъ, король на Польшѣ,
Король на Свеи, и великій князь
Земли литовской, Третій Жигимонтъ,
Прислалъ тебѣ со мною, Львомъ Сапѣгой,
Его короны канцлеромъ, поклонъ
И гратуляцію на царствѣ! Наше
Къ концу приходитъ скоро перемирье,
Но Жигимонтъ, и мы, паны, хотимъ
Уже забыть вражду съ Москвою. То
Король Батуръ съ царемъ Иваномъ прались—
На души-жъ ихъ пускай тотъ ляжетъ споръ!
Ты-жъ новую вчинаешь династію,
И твоему величеству не нужно
Литигіумъ тотъ старый пильновать.
Коль Жигимонта свейскимъ королемъ
Признаешь ты, и титулъ обѣщаешь
Ему давать, который у него
Его-жъ правитель, Карлусъ, отымаетъ,
Эстонію-жъ землей признаешь польской—
То мы тебѣ Ливонію уступимъ
И грамату согласны подписать
На вѣчный миръ съ Москвою!

БОРИСЪ.

Панъ Сапѣга!
Ты шесть недѣль, въ Москвѣ, кажися, ждалъ,
Пока тебѣ передъ собой явиться
Дозволилъ я. Ты времени довольно
Имѣлъ узнать войска и силы наши.
Сдается мнѣ, миръ будетъ Жигимонту
Нужнѣй, чѣмъ намъ. Ливонская земля
Съ Эстоніей есть вотчина Руси
Отъ Ярослава перваго, отъ сына
Владиміра святого. Родъ мой новъ,
Но я съ державой русскою пріялъ
Права ея древнѣйшихъ государей.
Доколѣ живъ, не уступлю изъ нихъ
Ни одного. Я Жигимонта свейскимъ
Не признаю владыкой. Герцогъ Карлусъ
Владѣетъ Свеей. Титуловъ пустыхъ
Я не даю.

САПѢГА.

Тогда, великій царь,
Осталось мнѣ, всѣвъ на коня, до дому
Скакать безъ мира?

БОРИСЪ.

Добраго пути!

САПѢГА.

Но царь великій, я-жъ не за войною—
За миромъ присланъ я!

БОРИСЪ.

Изъ уваженья
Ко брату Жигимонту, перемирье
Я вамъ продлю. Въ моей боярской думѣ
Ты можешь мой услышать уговоръ.

Сапѣга отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ шведскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ отъ Свеи, Эрикъ Гендрихсонъ!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Преславный царь! Правитель свейскій, Карлусъ,
Отъ всей души тебѣ на государствѣ
Свой шлетъ поклонъ, и проситъ, чтобы въ спорѣ
Его чиновъ съ литовскимъ Жигимонтомъ,
Ты свейскую корону поддержалъ!

БОРИСЪ.

Его зовутъ на королевство?

ГЕНДРИХСОНЪ.

Царь —

БОРИСЪ.

Да, да, я знаю! Свейскіе чины
Уже ему корону предлагали!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Когда тебѣ земли желанье нашей
Ужъ вѣдомо —

БОРИСЪ.

Я знаю все.

ГЕНДРИХСОНЪ.

Но герцогъ
Чинамъ отвѣта не́-далъ, и короны
Еще не принялъ.—

БОРИСЪ.

Онъ корону приметъ.
Къ престолу Карлусъ призванъ всей землей —
Онъ отказаться отъ него не можетъ.
Привѣтствую отнынѣ королемъ
Его я свейскимъ, Карлусомъ Девятымъ!
И если братъ нашъ Карлусъ съ нами хочетъ
Пребыть въ любви—пусть продолжаетъ онъ
Вести войну съ Литвою неуклонно,
Ливонію-жъ съ Эстоніей призна́етъ

Землею русской. Мы ему на томъ
Нашъ вѣчный миръ и дружбу обѣщаемъ!

Гендрихсонъ отходитъ. Трубы и литавры. Входитъ посолъ флорентійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Аврамій Люсъ, Флоренціи посолъ!

ЛЮСЪ.

Тебѣ, царю Московскія державы,
Избранному любовью всей земли,
Шлетъ Фердинандъ, изъ рода Медицеевъ,
Привѣтствіе и дружескій поклонъ.
Былъ дѣдъ его любовію народной,
Равно какъ ты, къ правленію призванъ—
Достоинства сроднили оба рода:
Какъ Козимо и какъ Лоренцо нашъ,
Ты другъ наукъ и вольнаго искусства.
То вѣдая, тебѣ великій вождь
Флоренціи услуги предлагаетъ
И радъ тебѣ художниковъ своихъ,
Ваятелей прислать и живописцевъ,
Литейщиковъ и зодчихъ, да цвѣтетъ
Твоя земля не только славой бранной,
Но и красой художества во вѣкъ!

БОРИСЪ.

Любезнаго я брата, Фердинанда,
Благодарю душевно; принимаю
Его любовь и добрую услугу
Признательно. Суровъ нашъ русскій край;
Намъ не́-далъ Богъ, какъ вамъ, подъ вольнымъ небомъ
Красой искусства очи веселить;
Но что́ надъ плотью высить человѣка,
Что́ радуетъ его безсмертный духъ,
Отъ Бога то ведетъ свое начало,
И вѣрю я, оно на пользу будетъ
И радость намъ!

ЛЮСЪ.

Прими-же, государь,
Въ знакъ непремѣнной дружбы Фердинанда,

Сей небольшой фіалъ. Изсѣченъ онъ
Изъ горнаго кристала, и оправленъ
Искуснѣйшимъ изъ нашихъ мастеровъ:
Ему Челлини имя.

БОРИСЪ.

Будетъ мнѣ
Двояко дорогъ этотъ даръ. Повѣдай
Великому Флоренціи вождю,
Что если есть въ землѣ моей русійской
Что-бъ ни было пригодное ему—
Оно его!

Люсъ отходитъ. Трубы и литавры. Входятъ ганзейскіе купцы: Гермерсъ и два ратсгерра, и подходятъ вмѣстѣ къ престолу. За ними идутъ слуги съ дарами.

САЛТЫКОВЪ.

Любчанскій бургомистеръ,
Отъ всѣхъ имперскихъ вольныхъ городовъ!

ГЕРМЕРСЪ.

Земли русійской свѣтлый императоръ
И славный царь! Любчанскіе купцы,
Отъ имени Ганзы высокохвальной,
На государствѣ здравствуютъ тебѣ!
Усердье наше вѣдомо Русіи:
Когда еще голландцы и французы,
И англичанъ пронырливый народъ,
Въ твой славный край не знали и дороги,
Уже Ганза исправно, аккуратно
И дешево всѣ лучшіе ему
Товары доставляла; и за то
Она была русійскими князьями
Избавлена отъ пошлинъ. Государь!
Вели-жъ и ты, чтобъ неприличныхъ пошлинъ
Не брали съ насъ! А мы, въ усердьи нашемъ,
Тебѣ дары посильные несемъ.
Изъ серебра литого вотъ фигуры:
Фортуна вотъ — въ ней двадцать фунтовъ слишкомъ—
А это вотъ богиня Венусъ — въ ней
Есть тридцать фунтовъ — это птица струсъ;
А вотъ павлинъ — вотъ левъ — вотъ два еленя
Вотъ два коня — пѣтухъ — и славный богъ

Меркуріусъ — всего сто десять фунтовъ
И двадцать три золотника!

БОРИСЪ.

Издавна
Намъ другомъ былъ почтенный городъ Любскъ.
Благодарю Ганзу за поздравленье
И за дары. Имперскихъ городовъ
Избавить мы отъ пошлины не можемъ
Зане у насъ купцы иныхъ земель
Ее несутъ. Но въ уваженье древней
Съ любчанами пріязни, мы велимъ
Съ нихъ пошлинъ брать отнынѣ половину,
Товары-жъ ихъ избавимъ отъ осмотра,
Съ тѣмъ, чтобъ они, по совѣсти, ихъ сами
Намъ объявляли.

ГЕРМЕРСЪ И ПРОЧІЕ — махая шапками.

Виватъ царь Борисъ!

Купцы уходятъ. Трубы играютъ тушъ другого характера. Изъ другихъ дверей входитъ посолъ персидскій; передъ нимъ идетъ Семенъ Годуновъ, которому Салтыковъ уступаетъ мѣсто. За посломъ слуги его несутъ драгоцѣнный престолъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь! Отъ Шахъ-Аббаса
Къ тебѣ посолъ персидскій Лачинъ-Бекъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій, грозный и пресвѣтлый царь!
Твой другъ и братъ, Аббасъ, владыка персkій,
Здороваетъ тебѣ на государствѣ
И братскій шлетъ поклонъ. Ты держишь Русь
Единою могучею рукой —
Простри, о царь, съ любовію другую
На моего владыку и прими
Отъ Шахъ-Аббаса, въ знакъ его пріязни,
Сей кованый изъ золота престолъ,
Въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ и въ алмазахъ,
Наслѣдье древнихъ шаховъ — изо всѣхъ
Цѣннѣйшее Аббасовыхъ сокровищъ!

БОРИСЪ.

Благодарю великаго Аббаса.
Его пріязнь тѣмъ болѣе цѣню,
Что слышалъ я, быть можетъ ложно, будто
Онъ хочетъ миръ съ султаномъ заключить,
Иверію-жъ, подвластную намъ землю,
И Александра, подданнаго намъ
Ея царя, тѣснитъ.

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій царь,
То клевета! Тебѣ сказалъ неправду
Царь Александръ. Онъ самъ дружитъ султану,
Какъ твоему, такъ нашему врагу!

БОРИСЪ.

Впустить сюда султанскаго посла!

Трубы и литавры. Входитъ посолъ турецкій и становится рядомъ съ персидскимъ. Слуги его несутъ за нимъ дары.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Къ царю посолъ султанскій Челибей!

ЧЕЛИБЕЙ.

Всея Руси могучій повелитель!
Султанъ Махметъ, твой другъ и братъ, тебѣ
Черезъ меня на воцареньи шлетъ
Привѣтствіе и, въ знакъ своей пріязни,
Сѣдло и златомъ кованую сбрую
Въ каменьяхъ драгоцѣнныхъ. Государь!
Султанъ Махметъ, добра тебѣ желая,
Предостеречь тебя велитъ, что твой
Невѣрный рабъ, царь Александръ, замыслилъ
Тебя предать, и къ перскому Аббасу
Въ подданство переходитъ!

БОРИСЪ.

Пусть войдетъ
Отъ Александра присланный посолъ!

Входитъ архимандритъ Кириллъ и падаетъ на колѣни передъ Борисомъ.

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Великій, благовѣрный государь!
Царь Александръ, твой ревностный слуга,
Тебѣ на царствѣ кланяется земно.
Не попусти, о царь всея Руси,
Ему въ конецъ погибнуть! Шахъ-Аббасъ
Безжалостно, безбожно разоряетъ
Иверію! султанъ Махметъ турецкій
Обрекъ ее пожарамъ и мечу!
Ограблены жилища наши — жены
Поруганы — семейства избіенны —
Монастыри въ развалинахъ — и церкви
Христовыя пылаютъ!

ЧЕЛИБЕЙ.

Славный царь,
Не вѣрь тому — не мы, а персы грабятъ
Иверію!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій государь,
Не вѣрь послу сунитскаго султана!
На языкѣ сунитовъ клевета,
Обманъ и ложь! Не разоряютъ персы
Иверію — они лишь турокъ гонятъ
Вонъ изъ нея, и только лишь твоихъ
Измѣнниковъ караютъ!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

Боже правый —
Иверія моя!

ЧЕЛИБЕЙ — къ Лачинъ-Беку.

Шеитъ невѣрный!
Султанъ тебѣ покажетъ въ Испаганѣ
Какъ гоните вы насъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Сунитскій пёсъ!
Въ Стамбулѣ мы съ тобою разочтемся!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

О государь, отъ злобы ихъ обоихъ
Будь намъ защитой!

БОРИСЪ.

Слушайте! Кто-бъ ни былъ
Подвластной намъ Иверіи тѣснитель —
Шахъ, иль султанъ — клянусь, не попущу
Ничьей рукѣ касаться русскихъ граней!
Дьякъ Аѳанасій! Ты напишешь нынѣ-жъ
Бутурлину съ Плещеевымъ приказъ
Вести полки на Терекъ. Лачинъ-Бекъ!
Тебѣ былъ путь не малый къ намъ отъ моря
Хвалынскаго. Ты видѣлъ нашимъ войскомъ
Покрытый край отъ Волги до Москвы.
Пятьсотъ и слишкомъ тысячъ поднялося
На мой призывъ. Когда я захочу,
Я вдвое ихъ могу поставить въ полѣ.
Съ Аббасомъ радъ я въ дружбѣ пребывать,
Но долженъ ты въ моей боярской думѣ
Дать за него намъ клятвенный обѣтъ:
Отъ перскихъ войскъ Иверію очистить.
А ты, султана турскаго посолъ —
Неси ему дары его обратно!
Намъ вѣдомо, на насъ кѣмъ поднятъ, шолъ
Казы-Гирей, кичася силой ратной!
Но онъ бѣжалъ! Прошли тѣ времена,
Когда Руси шатаніе и бѣды
Врагамъ надъ ней готовили побѣды!
Она стоитъ, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьямъ щитомъ, а недругамъ грозою!

Челибей уходитъ. Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входятъ боярыни, въ большомъ нарядѣ, по-двѣ въ рядъ. За ними царица МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА и царевна КСЕНІЯ. Всѣ кланяются имъ въ поясъ. Онѣ садятся по обѣ стороны престола.

БОРИСЪ.

Нашъ царскій долгъ оконченъ. Вотъ царица
Съ царевною пришли принять, бояре,
Здорованіе ваше!

БОЯРЕ.

Бьемъ челомъ

Царицѣ и царевнѣ! Имъ на царскомъ
Здороваемъ вѣнчаньи! Много лѣтъ
Вамъ, матушки вы наши!

ЦАРИЦА — съ поклономъ.

Государи,
Благодаримъ за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
Съ царевною!

БОЯРЕ.

Господь благослови
Тебя, царевна наша! Божья пташка!
Весенній цвѣтикъ нашъ!

КСЕНІЯ — съ поклономъ.

Не заслужила
Великой вашей ласки я, бояре,
И не себѣ любовь примаю вашу,
Но батюшкѣ царю!

ГОЛОСА.

Косатка наша!
Кто за царя не радъ-бы умереть?
Но любимъ мы тебя не за него—
За разумъ твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!
Господь съ тобой!

Шумъ за дверьми. Входитъ стрѣлецкій голова.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Великій государь!
Народа мы не можемъ удержать!
Врываются насильно, голосятъ:
«Хотимъ царю Борису поклониться,
«Царя Бориса видѣть!»

БОРИСЪ.

Настежъ двери!
Между народомъ русскимъ и царемъ
Преграды нѣтъ!

Толпа народа вваливается въ палату.

НАРОДЪ.

Отецъ родной! Поволь
Намъ свѣтлыя твои повидѣть очи!

БОРИСЪ.

Друзья мои, входите! Дорогіе
Вы гости мнѣ! Зови, царевна Ксенья,
Зови мірянъ къ почестному столу!

КСЕНІЯ — кланяясь.

Пожалуйте, міряне! Просимъ всѣхъ
Къ намъ на̀-хлѣбъ на̀-соль!

НАРОДЪ.

Матушка-царевна!
Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА — у дверей.

Назадъ! не будетъ мѣста!
И нищіе полѣзли!

БОРИСЪ.

Всѣмъ сегодня
Свободный входъ! Кто нищимъ вступитъ въ теремъ,
Имущимъ тотъ воротится домой!

Входитъ новая толпа.

НИЩІЕ.

Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебѣ
Христосъ Богъ съ Богородицей! Святая Троица со
Варварой мученицей! Кузьма со Демьяномъ!

БОРИСЪ.

Входите, божьи люди!—Вы-жъ, бояре,
Ведите всѣхъ къ почестному столу! Сходя съ престола.
Царица и царевна—ты, Θеодоръ —
Гостей моихъ идите угощать!
Вино и медъ чтобы лились рѣками!
Идите всѣ—я слѣдую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами, идетъ во внутренніе покои. Царевичъ Θедоръ, царица, Ксенія и боярыни слѣдуютъ за ними. Палата остается пуста.

БОРИСЪ — одинъ.

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
Держу бразды русійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ —
И побѣдилъ! Кто можетъ осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я къ цѣли шелъ? Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ
Проклятіе за то-бы мнѣ изрекъ,
Что для ея защиты и спасенья,
Не пожалѣлъ ребенка я отдать
Единаго? Мнѣ нá-душу не разъ
Ложилось камнемъ темное то дѣло,
И думалъ я: Что̀ если не достигну
Чего хочу? Что̀ если грѣхъ тотъ даромъ
Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
Не выдала! Я съ совѣстію счеты
Сегодня свелъ—и не боюсь поставить
Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь отъ меня притворство и обманъ!
Чрезъ пропасти и смрадныя болота
Къ престолу днесь меня приведшій мостъ
Ломаю я! Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы—сіяетъ солнце снова—
И держитъ скиптръ для правды и добра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Келья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Крилошанка вводитъ БОРИСА. За нимъ входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ — къ крилошанкѣ.

Ты говоришь: царица на молитвѣ?
Не смѣть ее тревожить. Въ этой кельи
Мы подождемъ.

Крилошанка уходитъ.

Давно-ли здѣсь, въ печали,
Съ сестрою я бесѣдовалъ вдвоемъ!

Смотритъ въ окно.

Вотъ теремъ тотъ, гдѣ я хотѣлъ провесть
Остатокъ дней! Судьба не такъ рѣшила:
Замѣсто рясы, плечи багряницей
Мнѣ облекла. Чу! Радостные крики,
Сюда насъ провожавшіе, опять
Послышались! Ты съ Шуйскимъ объѣзжалъ
Сейчасъ Москву. Что молвятъ? Всѣ-ль довольны?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Кому-жъ не быть довольнымъ, государь?
На перекресткахъ медъ и брага льются,
Все войско ты осыпалъ серебромъ;
Нѣтъ изъ бояръ ни одного, кому-бы
Ты не послалъ иль блюда золотого,
Иль цѣнной шубы съ своего плеча;
Всѣхъ должниковъ ты выкупилъ изъ тюремъ—
Кому-жъ не быть довольнымъ? Только, царь,
Не въ гнѣвъ тебѣ: ты безъ разбора началъ
Всѣхъ жаловать; ни на кого опалы
Не наложилъ; и даже самыхъ тѣхъ,
Которые при Ѳедорѣ хотѣли
Тебя сгубить, ты наградилъ сегодня.
Такъ, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоимъ усерднымъ слугамъ,
Что со врагами въ милости своей
Ты смѣшиваешь ихъ!

БОРИСЪ.

Враговъ ужъ болѣ
Нѣтъ у меня. Прошла пора борьбы,
И безъ различья нынѣ изливаться
Должна на всѣхъ царя Русіи милость,
Какъ солнца свѣтъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И волю языкамъ
Ты всѣмъ даешь. Романовы доселѣ
Мутятъ бояръ!

БОРИСЪ.

Чтó говорятъ они?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Да то-же, чтó и прежде говорили:
Не дѣльно-молъ, при Ѳедорѣ, крестьянъ
Ты прикрѣпилъ; боярамъ недочетъ-де
Въ работникахъ; пустуютъ-де ихъ земли
Отъ той поры, какъ некого къ себѣ
Имъ сманивать!

БОРИСЪ.

Я жалобу ту знаю.
Дворяне мыслятъ какъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Въ огонь и въ воду
Готовы эти за тебя; не мало
Поправились съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ день
Ты отмѣнилъ. А тоже бить челомъ
Сбираются тебѣ, что въ лѣсъ отъ нихъ
Бѣгутъ крестьяне.

БОРИСЪ.

Сами виноваты;
Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они;
Крестьяне не рабы; не въ кабалу
Я отдалъ ихъ. На-дняхъ указъ объявятъ:
Чтò за какой надѣлъ кому нести.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Владѣльцы, царь, роптать начнутъ.

БОРИСЪ.

Пусть ропщутъ,
Всѣмъ угодить не властенъ человѣкъ;
И если цѣлой выгода земли
Въ ущербъ пришлася сторонѣ единой,
Ту сторону не вправѣ я беречь.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Начни-же, царь, съ Романовыхъ. Строптивъ

Ихъ больно родъ, Өеодоръ вотъ Никитичъ
Ведетъ такія рѣчи....

БОРИСЪ.

Онъ въ отца;
Не можетъ мысли утаить. Тѣмъ лучше!
Я не боюсь того, кто говоритъ
Что́ думаетъ. Охотно я прощаю
Ихъ рѣчи тѣмъ, чьи у меня въ рукахъ
Теперь дѣла. Уже не нужно мнѣ
И день и ночь, безъ отдыха, какъ прежде,
За каждымъ словомъ каждаго слѣдить;
Къ инымъ теперь могу я начинаньямъ
Мысль обратить. Иванъ Васильичъ Третій
Русь отъ орды татарской свободилъ
И государству сильному начало
Поставилъ вновь. Но въ двѣсти лѣтъ насъ иго
Татарское отъ прочихъ христіанъ
Отрѣзало. Разорванную цѣпь
Я съ Западомъ связать намѣренъ снова;
Для Ксеніи изъ многихъ жениховъ
Не даромъ мною датскій королевичъ
Уже избра́нъ. Съ державами Европы
Земля должна, по прежнему, стать рядомъ,
А въ будущемъ ихъ, съ помощію Божьей,
Опередить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Ты смотришь вдаль, и царственной высоко
Ты мыслію паришь, а между тѣмъ
Вокругъ тебя не все идетъ такъ гладко,
Какъ кажется. Романовыхъ за рѣчи
Ихъ дерзкія ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на рѣчи,
На видъ покорный, преданный слуга,
Который врядъ-ли милости твоей
Усердствуетъ въ душѣ: Василій Шуйскій.

БОРИСЪ.

Не мнишь-ли ты, усердію его
Я вѣру далъ? Онъ служитъ мнѣ исправно
Затѣмъ, что знаетъ выгоду свою;

Я-жъ въ немъ цѣню не преданность, а разумъ.
Не можетъ царь по сердцу избирать
Окольныхъ слугъ, и по любви къ себѣ
Ихъ жаловать. Оказывать онъ ласку
Обязанъ тѣмъ, кто всѣхъ разумнѣй волю
Его вершитъ, быть къ каждому привѣтливъ
И милостивъ, и слѣпо никому
Не довѣрять.

КРИЛОШАНКА — докладываетъ.

Бояринъ князь Василій
Иванычъ Шуйскій!

БОРИСЪ.

Милости прошу.

Шуйскій входитъ.

Съ объѣзда ты заѣхалъ, князь Василій?
Что̀ новаго?

ШУЙСКІЙ.

Да что̀, царь-государь,
Не знаю какъ тебѣ и доложить!
На Балчугѣ двухъ смердовъ захватили,
Во кружечномъ дворѣ. Они тебя
Передъ толпой негодными словами
Осмѣлилися поносить.

БОРИСЪ.

За что́?

ШУЙСКІЙ.

За Юрьевъ день.

БОРИСЪ.

Что́ сдѣлала толпа?

ШУЙСКІЙ.

Накинулась на нихъ; чуть-чуть на клочья
Не разнесла; стрѣльцы едва отбили.

БОРИСЪ.

Гдѣ-жъ эти люди?

ШУЙСКІЙ.

Вкинуты пока
Обои въ яму.

БОРИСЪ.

Выпустить обоихъ!
Растолковать имъ, что на время только
Прикрѣплены они, затѣмъ, что всюду
Шаталися крестьяне, и скудѣла
Чрезъ то земля. Когда-же пріобыкнутъ
Сидѣть на мѣстѣ, снимется запретъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Помилуй, царь!

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государь!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Дозволь пытать ихъ, государь! Должно быть,
Подучены они; другіе могутъ
Найтись еще!

БОРИСЪ.

Не трогать никого.
Хотѣли-бъ вы, чтобъ омрачилъ я день
Вѣнчанья моего? День этотъ долженъ
Началомъ быть поры для царства новой;
Свѣтить Руси какъ утро долженъ онъ
И возвѣщать ей времена иныя
И рядъ благихъ, безоблачныхъ годовъ!

ШУЙСКІЙ.

Царь-государь, дозволь по правдѣ молвить,
По простотѣ: вѣдь страху-то ни въ комъ
Не будетъ такъ!

БОРИСЪ.

Надѣюся, не будетъ.
Не страхомъ я—любовію хочу
Держать людей. Прослыть боится слабымъ

Лишь тотъ, кто слабъ; а я силёнъ довольно,
Чтобъ не бояться милостивымъ быть.
Вернитеся къ народу, повѣстите
Прощенье всѣмъ—не только кто словами
Меня язвилъ, но кто виновенъ дѣломъ
Передо мной—хотя-бъ онъ умышлялъ
На жизнь мою, или мое здоровье!

Семенъ Годуновъ и Шуйскій уходятъ. Дверь отворяется. Двѣ инокини становятся по обѣ ея стороны. За ними входитъ царица ИРИНА, во иночествѣ Александра.

ИРИНА.

Прости меня, великій государь,
Я не ждала тебя сегодня. Въ церкви
Въ день твоего вѣнчанья за тебя
Молилась я.

Инокини уходятъ.

БОРИСЪ.

Царица и сестра!
По твоему, ты знаешь, настоянью,
Не безъ борьбы душевной, я рѣшился
Исполнить волю земскую, и царскій
Пріять вѣнецъ. Но разъ его пріявъ,
Почуялъ я, помазанный отъ Бога,
Что отъ Него-жъ и сила мнѣ дана
Владыкой быть, и что восторгъ народа
Вокругъ себя не даромъ слышу я.
Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное довѣріе и бодрость
Вошли въ него — и ими подѣлиться
Оно съ тобою хочетъ!

ИРИНА.

Миръ тебѣ!

БОРИСЪ.

Да, миренъ духъ мой. Въ бармы я облекся
На тишину земли, на счастье всѣмъ;
Мой свѣтелъ путь, и какъ ночной туманъ
Лежитъ за мной пережитое время.
Отрадно мнѣ сознанье это, но
Еще полнѣй была-бъ моя отрада,
Когда-бъ изъ устъ твоихъ услышалъ я,
Что дѣлишь ты ее со мною!

ИРИНА.

Братъ,
Я радуюсь, что всей земли желанье
Исполнилъ ты. Я никого не знаю,
Опричь тебя, кто могъ вѣнецъ-бы царскій
Достойно несть.

БОРИСЪ.

Въ годину тяжкихъ смутъ,
Когда, въ борьбѣ отчаянной съ врагами,
Я не щадилъ ихъ, часто ты за то
Меня винила. Но передъ собой
Одной Руси всегда величье видя,
Я шелъ впередъ, и не страшился всѣ
Преграды опрокинуть. Предъ одной,
Въ сомнѣніи, остановился я....
Но мысль о царствѣ одержала верхъ
Надъ колебаніемъ моимъ.... Преграда
Та рушилась.... Не произнесено
До дня сего о томъ межъ насъ ни слова.
Но съ той поры какъ будто бездны зѣвъ
Насъ раздѣлилъ.... Въ то время, можетъ быть,
Ты не могла судить иначе, но
Сегодня я передъ тобой, Ирина,
Очистился. Ты слышишь эти клики?
Въ величіи, невиданномъ по-нынѣ,
Ликуетъ Русь. Ея дивится силѣ
И другъ и врагъ. Сегодня я оправданъ
Любовію народной и успѣхомъ
Моихъ заботъ о царствѣ. Я хотѣлъ-бы
Услышать оправданіе мое
И отъ тебя, Ирина!

ИРИНА.

Оправданья
Ты ожидаешь, братъ? Въ тотъ страшный день,
Когда твой грѣхъ я сердцемъ отгадала,
Къ тебѣ глубокой жалости оно
Исполнилось. Я поняла тогда,
Что, схваченный неудержимой страстью,
Изъ собственной природы ею ты
Исхищенъ былъ. Противникамъ такъ часто
Желѣзную являя непреклонность,

Круша ихъ силу разумомъ своимъ,
Ты былъ дотоль согласенъ самъ съ собою.
Но здѣсь, Борисъ, нежданный, новый, страшный
Въ тебѣ раздоръ свершился. Высоту
Твоей души я вѣдала; твои
Я поняла страданья. Не холодность —
Нѣтъ, лишь боязнь твоей коснуться раны,
Меня вдали держала отъ тебя.
Когда-бъ ты мнѣ открылся — утѣшеньемъ,
Любовію тебѣ-бъ я отвѣчала,
Не поздними упреками. Но ты
Молчалъ тогда — теперь же хочешь мною
Оправданъ быть? Братъ, я за каждымъ днемъ
Твоимъ слѣжу, моля всечасно Бога,
Чтобъ каждый день твой искупленьемъ былъ
Великаго, ужаснаго грѣха,
Неправды той, черезъ нее-же нынѣ
Ты сталъ царемъ!

БОРИСЪ.

Отвороти свой взоръ
Отъ прошлаго. Широкая рѣка,
Несущая отъ края и до края
Судовъ громады, менѣе-ль свѣтла
Тѣмъ, что ея источники, быть можетъ,
Въ болотахъ дальнихъ кроются? Ирина,
Гляди впередъ! Гляди на свѣтлый путь
Передо мной! Что́ въ совѣсти моей
Схоронено, что́ для другихъ незримо —
Не можетъ то мнѣ помѣшать на славу
Руси царить!

ИРИНА.

Цари на славу ей!
Будь окруженъ любовью и почетомъ!
Будь праведенъ въ неправости своей —
Но не моги простить себѣ! Не лги
Передъ собой! Пусть будетъ только жизнь
Запятнана твоя — но духъ безсмертный
Пусть будетъ чистъ — не провинись предъ нимъ!
Не захоти отъ мысли отдохнуть,
Что искупать своимъ ты каждымъ мигомъ,
Дыханьемъ каждымъ, бьеньемъ каждымъ сердца,
Свой долженъ грѣхъ! И если изнеможешь

Подъ бременемъ тяжелымъ — въ эту келью
Тогда приди....

БОРИСЪ.

Твой приговоръ жестокъ.
Безвиннымъ я себя не мню. Безвиненъ
Не можетъ быть, кто съ жизнію ведетъ
Всегда борьбу; кто хоть какую цѣль
Передъ собой поставилъ; хоть какое
Желаніе въ груди несетъ. Въ ущербъ
Другому лишь желанья своего
Достигнетъ онъ! То мѣсто, гдѣ я сталъ,
Оно мое затѣмъ лишь, что другого
Я вытѣснилъ! Неправъ передъ другими
Всякъ, кто живетъ! Вся разница межъ насъ:
Кто для чего неправъ бываетъ. Если,
Чтобъ тьмы людей счастливыми содѣлать,
Я бо́льшую неправость совершилъ,
Чѣмъ тотъ, который блага никакого
Имъ не принесъ — кто-жъ, онъ, иль я, виновнѣй
Предъ Господомъ? Ирина, отъ тебя
Мое принять пришелъ я оправданье —
Я жду его — тебѣ до дна я душу
Мою открылъ—еще ли не оправданъ
Я предъ тобой?

ИРИНА.

Все ту же на тебѣ
Я вижу тѣнь. Куда бы ни пошелъ ты,
Вездѣ, всегда, зловѣщая она,
Идетъ съ тобой. Не властны мы уйти
Отъ прошлаго, Борисъ!

БОРИСЪ.

Постричься долженъ,
Кто мыслитъ такъ! Отъ дѣла отказаться!
Отшельникомъ въ пустыню отойти!
То не мое призваніе. Мой грѣхъ
Я сознаю; но вѣдаю, что имъ лишь
Русь велика! Оплакивать его
Я не могу! Мнѣ не́когда крушиться!
Не подъ ярмомъ раскаянья согбенъ,
Но полный силъ, съ подъятою главою,
Идти впередъ я долженъ, чтобъ Руси

Путь разчищать! Прости, сестра. Кто правъ —
Ты, или я — то времени теченье
Покажетъ намъ. Злодѣйство-ль совершилъ,
Иль заплатилъ Руси величью дань я —
Рѣшитъ земля въ годину испытанья!

ДѢЙСТВІЕ II.

Покой во дворцѣ.

Царевичъ ѲЕДОРЪ, царевна КСЕНІЯ и герцогъ ХРИСТІАНЪ датскій.

ѲЕДОРЪ.

Вотъ ужъ который день, братъ Христіанъ,
Мы сходимся съ тѣхъ поръ какъ ты помолвленъ
Со Ксеніей, и каждый разъ тебя,
Мнѣ кажется, мы оба больше любимъ.
Могли-бъ тебя мы слушать безъ конца,
Но ты досель о родинѣ намъ только
Разсказывалъ своей —

КСЕНІЯ.

Да, королевичъ,
Пора, чтобъ ты намъ о себѣ повѣдалъ.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Какъ выросъ ты? И какъ доселѣ жилъ?
И какъ во Фландріи сражался?

ѲЕДОРЪ.

Все,
Все разскажи намъ, Христіанъ. Мы стали
Теперь съ тобой родные; вмѣстѣ намъ
Пришлося жить, такъ надо знать другъ друга!

КСЕНІЯ.

Начни сначала. Дѣтство намъ свое
Сперва скажи!

ХРИСТІАНЪ.

Не сложная то повѣсть,

Царевна, будетъ: мой отецъ, король,
Со мной простясь, услалъ меня, ребенкомъ,
Изъ города въ норвежскій дальній зàмокъ,
И указалъ тамъ жить — зачѣмъ? не знаю.
Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосенъ вѣковыхъ,
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, чтó къ небу вознеслись,
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды,
И крутизна, гдѣ зàмокъ нашъ повисъ.
Ребенкомъ, тамъ, въ мечтаньи одинокомъ,
Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ,
И разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья,
Отважные мнѣ навѣвали сны,
И вдаль меня манили приключенья.
Въ одинъ покой случайно я проникъ;
Висѣли латы тамъ подъ слоемъ пыли,
А на столѣ лежало много книгъ —
Норвежскія то лѣтописи были.
Я сталъ читать — и ими, какъ огнемъ,
Охваченъ былъ сильнѣе съ каждымъ днёмъ,
И ярче все являлись мнѣ видѣнья:
Богатыри, и схватки, и сраженья.
Такъ время шло. Четырнадцати лѣтъ,
Я призванъ былъ въ столицу. Новый свѣтъ
Открылся мнѣ. Я съ радостію дѣтской
Предался жизни суетной и свѣтской —
Но не на долго. Праздности моей
Стыдиться сталъ я скоро. Прежнихъ дней
Воскресли сны и прежнія видѣнья:
Все тѣ-же сѣчи, схватки и сраженья.
И думалъ я: настанетъ-ли тотъ день,
Когда мечта, которую съ любовью
Я все ловлю, какъ вѣющую тѣнь,
Одѣнется и плотію и кровью?
И онъ насталъ. Вскипѣлъ великій бой,

Священный бой за вѣру и свободу:
Испаніи владыка всталъ войной,
Грозя цѣпями вольному народу.
Во Фландрію тогда Европы всей
Стекалися единовѣрныхъ рати —
И изъ тюрьмы я вырвался моей
На выручку преслѣдуемыхъ братій.

ѲЕДОРЪ.

Да, Христіанъ, мы слышали про то,
Какъ ты съ испанцомъ бился подъ Остендомъ.
Счастливъ-же ты! Тебѣ ужъ двадцать лѣтъ!
Ты могъ уже свои извѣдать силы,
Ты самъ себѣ на дѣлѣ испыталъ —
А я!

ХРИСТІАНЪ.

Тебѣ, царевичъ, суждена
Блистательнѣе доля. Ты стоишь
Близъ своего отца, чтобъ у него
Державою учиться управлять,
Какъ тѣ князья, которые отвсюду
Съѣзжалися въ испанскій станъ, учиться
У Спинолы, у пармскаго вождя,
Какъ управлять осадою.

ѲЕДОРЪ.

Ты правъ;
Отца примѣръ передъ собою видѣть,
То счастье для меня, и лучшей доли
Я-бъ не желалъ, какъ только научиться
Ему въ великомъ дѣлѣ помогать.
Но не легко дается та наука,
А празднымъ быть несносно. Ты-жъ успѣлъ
Узнать войну, ты отражалъ осаду,
Ты слышалъ пушекъ громъ, пищалей трескъ,
Вокругъ тебя летали ядра —

ХРИСТІАНЪ.

Да,
И я узналъ, что мужество и сила

Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже рѣшаютъ битвы
Какъ въ славныя, былыя времена,
И грустно мнѣ то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому дѣлу.

КСЕНІЯ.

И за это мнѣ
Ты, королевичъ.....

ѲЕДОРЪ.

Сразу полюбился?
Такъ, Ксенья?

КСЕНІЯ.

Такъ. Но я-бы знать хотѣла,
Его спросить хотѣла-бъ я: какъ *онъ*
Чужую могъ заочно полюбить?

ХРИСТІАНЪ.

Легко мнѣ дать отвѣтъ тебѣ, царевна:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтитъ весь міръ. Далеко
О немъ молва въ Европѣ разнеслась;
Кому-жъ его вблизи случалось видѣть,
Обвороженный, возвращался тотъ
На родину; но прославлялъ онъ столь-же
Величіе правителя Русіи,
Сколь совершенства дочери его.
Кто-бъ нибылъ то, посланникъ, или плѣнный,
Или купецъ ганзейскій — ни одинъ
Не забывалъ царевну Ксенью славить,
Ея красу, и умъ превозносить,
И неземную, ангельскую кротость.
Разсказы тѣ въ мою запали душу;
А дальній твой, несхожій съ нашимъ, край,
Все, что̀ молва о немъ къ намъ приносила:
Разливы рѣкъ, безбережныя степи,
Снѣга и льды, обычай, столь отличный
Отъ нашего; державы христіанской
Азійскій блескъ, съ преданьями отцовъ
Намъ общими — все это, какъ нарочно,

Набросило волшебный нѣкій свѣтъ
На образъ твой. Ты мнѣ предстала тою,
Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою...
Тебя добыть не мыслилъ я тогда,
Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
Приковывалъ мои невольно взоры —
И въ шумѣ битвъ, въ пылу кипящихъ силъ
Я рыцаря заслуживая шпоры,
Тебѣ, царевна, мысленно служилъ!

ѲЕДОРЪ.

Братъ Христіанъ, какъ странно и какъ ново
Мнѣ рѣчь твоя звучитъ! Не думалъ я,
Чтобъ можно было полюбить кого,
Не знаючи, иль не видавъ. Но правда
Мнѣ слышится въ твоихъ словахъ, и вмѣстѣ
Въ нихъ будто что-то чуется родное;
И хорошо съ тобой мнѣ, Христіанъ,
Такъ хорошо, какъ будто послѣ долгой
Разлуки я на родину вернулся.
И Ксенья вотъ задумалась, смотри!

КСЕНІЯ.

Задумалась я вправду. Новый міръ
Ты, королевичъ, мнѣ открылъ. У насъ
Не любятъ такъ. У насъ отцы дѣтей
Посватаютъ, не спрашивая ихъ,
И безъ любви другъ къ другу подъ вѣнецъ
Они идутъ. Я, признаюсь, всегда
Дивилася тому.

ѲЕДОРЪ.

Обычай этотъ
Къ намъ отъ татаръ привился, а до нихъ,
Вольна была невѣста жениха
Сама избрать.

ХРИСТІАНЪ.

Гаральдъ норвежскій нашъ
Дочь Ярослава русскаго посваталъ.
Но не былъ онъ втупору знаменитъ
И получилъ отказъ отъ Ярославны.

Тогда, въ печали, бросился онъ въ сѣчи,
Въ Сициліи рубился много лѣтъ
И въ Африкѣ, и наконецъ вернулся
Въ градъ Кіевъ онъ, побѣдами богатъ
И несказанной славою, и Эльса
Гаральда полюбила.

ѲЕДОРЪ.

Да, въ то время
Стекалось въ Кіевъ много жениховъ.
Другая Ярославна за Индрика
Французскаго пошла, а третья дочь
За короля венгерскаго Андрея.
Всѣмъ тремъ отецъ далъ волю выбирать.
Тогда у насъ свободнѣй, Христіанъ,
И лучше было. Втѣпоры у нѣмцовъ
Былъ мракъ еще, а въ Кіевѣ считалось
Ужъ сорокъ школъ. Татары все сгубили.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ твой то, царевичъ, воскреситъ,
Вознаградитъ потерянное время!

КСЕНІЯ.

Да, Христіанъ. Но, вѣрь мнѣ, ты не знаешь
Еще отца! Доселѣ видѣлъ ты
Его дѣла; но еслибъ видѣть могъ ты
Его любовь къ землѣ, его заботу,
Его печаль о томъ, чего свершить
Онъ не успѣлъ, его негодованье
На тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Опять идти по старому — и вмѣстѣ
Терпѣнье къ нимъ, и милость безъ конца —
Тогда бы ты узналъ его!

ХРИСТІАНЪ.

Хотя-бы
Его не зналъ я вовсе—и тогда
Онъ за любовь великую твою
Мнѣ-бъ дорогъ сталъ!

КСЕНІЯ.

Не потому его
Люблю я, Христіанъ, что онъ отецъ мнѣ;
Нѣтъ, я за то люблю его, что онъ
Такъ мало мыслитъ о себѣ!

ѲЕДОРЪ.

То правда;
Лишь объ одной землѣ его забота:
Татарщину у насъ онъ вывесть хочетъ,
Въ родное хочетъ насъ вернуть русло.
Подумаешь: и сами вѣдь породой
Мы хвастаться не можемъ; отъ татаръ вѣдь
Начало мы ведемъ!

ХРИСТІАНЪ.

Но двѣсти лѣтъ
Вы русскіе. Татарской крови мало
Осталось въ васъ.

ѲЕДОРЪ.

Ни капли не осталось!
И врядъ-ли-бы нашелся на Руси,
Кто-бъ ненавидѣлъ болѣе татаръ,
Чѣмъ мы съ отцомъ.

ХРИСТІАНЪ.

Они наврядъ-ли также
Царя Бориса любятъ съ той поры,
Какъ онъ разбилъ, при Ѳедорѣ, ихъ силу!

ѲЕДОРЪ.

Вѣдь вотъ теперь сидимъ мы здѣсь втроемъ
И говоримъ свободно, а въ народѣ
Вѣдь думаютъ, что Ксеньи и доселѣ
Ты не видалъ, что ты ее увидишь
Лишь подъ вѣнцомъ! А вмѣстѣ показаться
И думать вамъ нельзя, того обычай,
Вишь, не велитъ! Хотѣлось-бы мнѣ знать,
Когда она не пряталась, пока
Невѣстой не была, зачѣмъ теперь
Ей прятаться!

КСЕНІЯ.

Нельзя, сказалъ отецъ,
Все разомъ передѣлать; глубоко
Пустилъ у насъ чужой обычай корни
И медленно выводится.

ѲЕДОРЪ.

Къ прискорбью!
И матушка вотъ слѣдуетъ ему.
Ей нелюбо, что видѣться дозволилъ
Вамъ двумъ отецъ. Она-бы подъ замкомъ
Тебя держать хотѣла!

КСЕНІЯ.

Не вини
Ты нашу мать за это, королевичъ.
Не всякому дано такъ ясно видѣть
Какъ батюшкѣ.

ѲЕДОРЪ.

Не то одно. Что́ грѣхъ
Ужъ намъ таить! Еще за то косится
На Христіана наша мать, что онъ
Не нашей вѣры.

КСЕНІЯ—къ Христіану.

Но вѣдь нашу вѣру,
Не правда-ль, примешь ты?

ХРИСТІАНЪ.

Не торопи
Меня, царевна. Въ этомъ Богъ волёнъ.
Учителей я вашихъ обѣщалъ
Съ благоговѣньемъ выслушать, но только
По убѣжденью откажусь отъ вѣры
Моихъ отцовъ.

КСЕНІЯ.

Тогда спокойна я.
Не можешь, королевичъ, не принять
Ты нашей вѣры. Безъ грѣха могу я
Тебя любить.

ѲЕДОРЪ.

А я ужъ и подавно!
Дадимъ же мы втроемъ обѣтъ другъ другу
Любить другъ друга, помогать другъ другу,
Не мыслить врозь и вмѣстѣ жить всегда!
Ты, Ксенія, согласна?

КСЕНІЯ.

Всей душой!

ѲЕДОРЪ.

Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

И сердцемъ и душою!

ѲЕДОРЪ.

Но втайнѣ пусть союзъ нашъ остается!
Тѣмъ крѣпче будетъ онъ. Подумай только,
Чего не сможемъ сдѣлать мы втроемъ!
Ты нась учи всему, чѣмъ превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будемъ
Тебя знакомить съ Русью!

ХРИСТІАНЪ.

Дай мнѣ Богъ
Ей вмѣстѣ съ вами послужить!

ѲЕДОРЪ.

Втроемъ
Мы воскресимъ то время, о которомъ
Въ старинныхъ книгахъ ты читалъ, когда
Такъ близки были наши дѣды. Боже!
Продли отцу его на долго дни,
Чтобъ Русью стала снова Русь!

КСЕНІЯ.

Господь
Услышь тебя, Ѳеодоръ!

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Царь идетъ!

БОРИСЪ — входя.

Я перервалъ вашъ, дѣти, разговоръ.
Вы горячо о чемъ-то толковали.
Чтó, Христіанъ? Успѣлъ ты на Руси
Обжиться съ нами?

ѲЕДОРЪ.

Да, отецъ! Онъ русскій!
И русскій онъ обычай перенялъ:
Онъ на пути къ Москвѣ, себѣ въ забаву,
Смирялъ неѣзженныхъ коней!

БОРИСЪ.

Намъ Власьевъ
И Салтыковъ такъ донесли. Ты любишь
Искать вездѣ опасность, Христіанъ,
То укрощать коней, то по волнамъ
Ладьею править въ бурю?

ХРИСТІАНЪ.

Государь,
Я датчанинъ. Намъ, какъ и русскимъ, любо,
Когда не трубитъ бранная труба,
Извѣдывать умѣнье, или силу
Надъ чѣмъ пришлось.

БОРИСЪ.

Но Ксеніи моей
Твоя отвага даровая можетъ
Не пó-сердцу придтись.

ХРИСТІАНЪ.

Царевна Ксенья!
Скажи сама, по правдѣ: жениха
Ты робкаго могла-ли-бъ полюбить?

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, королевичъ.

БОРИСЪ.

Еслибы у насъ
Была война, тогда-бы, Христіанъ,
Ты удаль могъ свою намъ показать!

ХРИСТІАНЪ.

О, помяни-жъ ты это слово, царь!
И если кто войну тебѣ объявитъ,
Дай русскую вести мнѣ рать! Клянусь,
Я побѣдить враговъ твоихъ съумѣю,
Иль умереть, отецъ мой, за тебя!

ѲЕДОРЪ.

А мнѣ, отецъ, дозволь идти съ нимъ вмѣстѣ!
Обоимъ намъ дай кровью послужить
Родной землѣ!

БОРИСЪ.

Любезенъ мнѣ вашъ пылъ
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена отъ войнъ теперь на долго.
Не чаемъ мы вторженія враговъ;
Сосѣднія на перерывъ державы
Намъ предлагаютъ дружбу и союзъ;
Совмѣстниковъ на царство мы не знаемъ;
Незыблемъ нашъ и твердъ, стоитъ престолъ —
И мирными придется вамъ дѣлами
Довольнымъ быть.

СТОЛЬНИКЪ—входитъ.

Великій государь —
Бояринъ Годуновъ, Семенъ Никитичъ!

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

ѲЕДОРЪ.

Пойдемъ, братъ Христіанъ,
Пойдемъ, сестра. У батюшки дѣла!

Всѣ трое уходятъ. Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

БОРИСЪ—смотритъ на него съ удивленіемъ.

Что сталося съ тобой? Чѣмъ такъ, Никитичъ,
Встревоженъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Есть чѣмъ тревожиться! Возникнулъ слухъ:
Царевичъ живъ!

БОРИСЪ.

Живъ кто?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Царевичъ Дмитрій!

БОРИСЪ.

Съ ума ты, что̀-ль, сошелъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И самъ-бы радъ
Такъ думать, царь; но съ разныхъ къ намъ сторонъ
Все та-же вѣсть приходитъ: живъ Димитрій!

БОРИСЪ.

Кто слышалъ эту вѣсть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На площадяхъ,
Въ корчмахъ, вездѣ, гдѣ только два, иль три
Сойдутся человѣка, тотчасъ шепчутъ
Они о томъ промежъ себя.

БОРИСЪ.

И что̀-жъ
По ихнему? Какъ тотъ царевичъ Дмитрій
Воскреснуть могъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Все та-же басня, царь!

БОРИСЪ.

Какая басня? Говори!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ты помнишь —
Когда, падучимъ схваченный недугомъ,
Упалъ на ножъ и закололся онъ —
Ты помнишь....

БОРИСЪ.

Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нагіе оболгали
Тебя, что будто....

БОРИСЪ.

Помню басню ихъ.
Ну, что̀-жъ? Когда-бъ и вправду такъ случилось,
Какъ могъ воскреснуть онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Убійцы-молъ
Ошиблися — зарѣзали другого.

БОРИСЪ — *вставая.*

Кто смѣетъ это говорить? Его
Весь Угличъ мертвымъ видѣлъ! Ошибиться
Не могъ никто! Клешнинъ и Шуйскій, оба
Его въ соборѣ видѣли! Нѣтъ, нѣтъ,
То слухъ пустой; разсѣется онъ скоро
Какъ вѣтромъ дымъ. Но злостный на меня
Я вижу умыселъ. Опять въ томъ дѣлѣ
Меня винятъ. Забытую ту ложь
Изъ пыли кто-то выкопалъ, чтобъ ею
Ко мнѣ любовь Русіи подорвать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Романовы Черкасскихъ угощали
Вчерашній день. За ужиномъ у нихъ
Шла рѣчь о томъ-же. Слуги донесли.

БОРИСЪ.

Романовы? Которыхъ я щадилъ?
Они молву ту распускаютъ? Нѣтъ —
Нѣтъ, этого терпѣть нельзя!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Давно-бы
Такъ, государь!

БОРИСЪ.

Не будемъ торопиться —
Ихъ чтитъ народъ —

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лишь развяжи мнѣ руки!

БОРИСЪ — про себя.

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть. Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ, чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобъ въ сердцахъ послушныхъ какъ святыня
Она жила!
Къ Семену Годунову.
Съ Романовыми я
Повременю. Но если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться —
Въ тюрьму его! Ступай, развѣдай, какъ
И кѣмъ тотъ слухъ посѣянъ на Москвѣ?
До корня докопайся — и о всемъ
Мнѣ донеси! Семенъ Годуновъ уходитъ.

БОРИСЪ — одинъ.

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ,
Но и не Өедоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть, что̀ съ дороги
Отклонитъ насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ею —
Имъ гнѣвъ явить и кару я съумѣю!

Покой царицы Маріи Григорьевны.

ЦАРИЦА и дьякъ ВЛАСЬЕВЪ.

ЦАРИЦА.

Скажи мнѣ все; не бойся молвить правду;
Твои слова не выйдутъ изъ покоя
Изъ этого. Когда ты съ Салтыковымъ
Былъ въ датскую посыланъ землю, сватомъ,
Что̀ ты узналъ о женихѣ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всѣ вѣсти
О немъ я, матушка царица, прямо,
Какъ слышалъ, такъ и отписалъ къ царю,
Не утаилъ ни слова.

ЦАРИЦА.

Не хитри
Со мной, голубчикъ. Ты, чай, болѣ знаешь,
Чѣмъ отписалъ. Зачѣмъ король покойный
Услалъ его ребенкомъ отъ себя?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не вѣдаю, великая царица.

ЦАРИЦА.

Я вѣдаю. Король не почиталъ
Его за сына. Такъ-ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Видитъ Богъ,
О томъ не знаю.

ЦАРИЦА.

Аѳанасій Власьичъ,
Тебѣ со мной ломаться не разсчетъ.
Ты думный дьякъ, да только вѣдь и мы
Не изъ простыхъ. Инымъ словечкомъ нашимъ
Тебѣ не слѣдъ-бы брезгать. Въ гору можетъ
Оно поднять, да и съ горы содвинуть!
Ну, говори-жъ, да не утай, дружокъ:
Вѣдь до рожденья этого Хрестьяна,
Въ совѣтѣ быть король ужъ пересталъ
Съ своею королевой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Были толки.

ЦАРИЦА.

Ну, видишь-ли!

ВЛАСЬЕВЪ.

Великая царица,
Гдѣ-жъ толковъ не бываетъ? Мало-ль что̀
Болтаетъ людъ! По смерти королевы,

Король вернулъ его къ себѣ; и жилъ-же
Онъ при дворѣ съ своимъ со старшимъ братомъ,
Какъ королевскій сынъ!

ЦАРИЦА.

Не за урядъ-ли?
И старшій братъ, теперешній король,
Кажись, не больно жаловалъ его.
Такъ, что̀-ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всяко люди говорятъ;
Языкъ-то, благо, безъ костей. Не знаю
Какъ было прежде, нонѣ-же они
Въ согласіи; король его зоветъ
Своимъ любезнымъ братомъ.

ЦАРИЦА.

А когда
Захочетъ царь, какъ онъ уже задумалъ,
Его эстонскимъ сдѣлать королемъ,
Тогда его какъ братецъ будетъ звать?
Дороже, чай, Эстонская земля
Ему родства покажется съ царемъ!
Найдутся и улики. Ксенья-жъ наша
Очутится за нѣкимъ басурманомъ
Безъ племени и роду!

ВЛАСЬЕВЪ.

Эхъ, царица!
Бояться волка—не ходить и въ лѣсъ!
Что̀ толковать когда царевна Ксенья
Помолвлена!

ЦАРИЦА.

Помолвка не вѣнецъ.
Когда-бы ты, голубчикъ, согласился
Сказать царю что̀ мнѣ ты повѣстилъ...

ВЛАСЬЕВЪ.

Побойся Бога, матушка царица,
Я ничего не говорилъ тебѣ!

ЦАРИЦА.

Ну, ну, добро! Мы знаемъ то, что̀ знаемъ;
Ступай дружокъ, не бойся ничего!

Власьевъ уходитъ.

ЦАРИЦА — обращаясь къ двери.

Дементьевна!

ДЕМЕНТЬЕВНА — входя.

Здѣсь, матушка царица!

ЦАРИЦА.

Ну, что̀ ты тамъ про нихъ узнала?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Встали
Ранёхонько; на Воробьевы горы
Поѣхали; съ царевичемъ женихъ
Все ѣхалъ рядомъ; много говорили
Промежъ собой; смѣялись; потомъ
Скакались вмѣстѣ; обскакалъ женихъ
Царевича; но этотъ ничего,
Самъ будто радъ; души, вишь, въ нареченномъ
Не чаетъ зятѣ!

ЦАРИЦА.

Съ толку вовсе нѣмчинъ
Его ужъ сбилъ.

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Вернулися къ закускѣ;
Откушавши съ царевною втроемъ,
Въ покоѣ царскомъ вмѣстѣ оставались,
Какъ царь поволилъ.

ЦАРИЦА.

Новые порядки
Заводитъ царь. Онъ съ ними, что-ль, сидѣлъ?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ, матушка; спустя часокъ, изволилъ
Войти въ покой; пришелъ Семенъ Никитичъ,
Они-жъ ушли: царевичъ съ женихомъ,
Царевна во свѣтлицу.

ЦАРИЦА.

А часокъ

Таки-сидѣли вмѣстѣ? Ну, конечно,
Коль выдаютъ за нѣмчина ее,
Такъ и обычай надо ей нѣмецкій
Перенимать. Что слышала еще?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Боярыня вернулась Василиса
Изъ Кіева. Твои повидѣть очи
Ждетъ позволенья.

ЦАРИЦА.

Милости прошу,
Пускай войдетъ.

Дементьевна уходитъ. Входитъ ВОЛОХОВА и кланяется въ землю.

Здорово Василиса!
Вернулась съ богомолья своего?
Ну что, голубушка? Какъ можешь?

ВОЛОХОВА.

Терпитъ
Господь грѣхамъ, великая царица!

ЦАРИЦА.

Что-жъ? Видѣла Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

ВОЛОХОВА.

Охъ, матушка царица,
Какъ хорошо! Охъ, охъ, какъ хорошо!
Просвирку вотъ тамъ вынула во здравье
Твое, царица; а вотъ эту вотъ
За упокой родителя твого,
Григорія Лукьяныча!

ЦАРИЦА.

Спасибо,
Голубушка. Ну, что путемъ-дорогой
Узнала ты?

ВОЛОХОВА.

Чудесное настало,
Царица, время. Знаменья являетъ
Вездѣ Господь: всходили три луны
Намедни вразъ; теленкомъ двухголовымъ
Корова отелилась; колокольни

От̀ъ вѣтра падаютъ. И все то мнѣ
Печерскій нѣкій старецъ толковалъ:
Великія настанутъ перемѣны
И скоро-де совсѣмъ не будетъ можно
Узнать Руси!

ЦАРИЦА.

Да. И теперь ее,
Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
Посватали царевну!

ВОЛОХОВА.

Какъ не слышать!
Отъ радости, повѣришь-ли, царица,
И ноги подкосились!

ЦАРИЦА.

Ну, не много
Тутъ радости.

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка?

ЦАРИЦА.

Да развѣ
Своихъ князей-то нé-было? Не то,
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньюшку посватать!

ВОЛОХОВА.

А еще-бы!
Еще-бъ не радъ!

ЦАРИЦА.

Чѣмъ нѣмчина, Богъ вѣсть
Отколь выписывать.

ВОЛОХОВА.

Ахъ свѣтъ-царица!
Сказать-ли правду! Какъ узнала я,
Что нѣмчинъ онъ, такъ и кольнуло въ сердце!
Ей Богу, право!

ЦАРИЦА.

Слушай, Василиса:
Вѣдь не спроста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно, что не спроста́, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаянный,
Приворожилъ царевну. И царя
Съ царевичемъ, должно быть обошелъ.
Я Өедора не узнаю съ тѣхъ поръ,
Какъ на Москву женихъ пріѣхалъ. Смотритъ
Ему въ глаза, и только!

ВОЛОХОВА.

Право дѣло,
Царица матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услыхала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ приворотъ!

ЦАРИЦА.

А какъ по твоему?
Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка царица,
Какъ не помочь! Развѣдать только надо:
Въ чемъ сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Слѣдокъ его, царица,
Дай вынуть мнѣ и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

ЦАРИЦА.

Спасибо, мать. Прости-жъ теперь. Объ этомъ
Съ тобою послѣ потолкуемъ мы. Волохова уходитъ.

ЦАРИЦА — одна.

Спѣсивъ ужъ больно сталъ со мной Борисъ
Өеодорычъ. Дочь вздумалъ, не спросясь

У матери, за басурмана выдать!
Нѣтъ, погоди! Еще поспоримъ вмѣстѣ!

Лѣсъ.

Разбойничій станъ.

Атаманъ ХЛОПКО-КОСОЛАПЪ сидитъ на колодѣ. Передъ нимъ эсаулъ РѢШЕТО. Другіе разбойники стоятъ, или сидятъ отдѣльными кружками.

ХЛОПКО.

Хорошъ бы день, да некого бить. Кто сегодня на калужской засѣкѣ?

РѢШЕТО.

Саранча съ десятью молодцами.

ХЛОПКО.

А у Краснаго столба?

РѢШЕТО.

Шестоперъ съ Поддубнымъ. Митька сидитъ коло московской дороги.

ХЛОПКО.

Одинъ, что́-ли?

РѢШЕТО.

Кого ему еще? Онъ и одинъ десятерыхъ стои́тъ!

Подходитъ эсаулъ НАКОВАЛЬНЯ.

НАКОВАЛЬНЯ.

Атаманъ! Обходчики еще пять человѣкъ крестьянъ привели; къ тебѣ просятся. Вотъ ужъ третья артель на этой недѣлѣ.

ХЛОПКО.

Экъ ихъ подваливаетъ! Кажиный день новые! Давай сюда.

Наковальня уходитъ.

ХЛОПКО — къ Рѣшету.

А повѣсили тѣхъ молодцовъ, что́ къ намъ воевода вчера подослалъ?

РѢШЕТО.

Чѣмъ свѣтъ обоихъ вздернули.

ХЛОПКО.

Ладно.

Наковальня возвращается съ пятью крестьянами. Они кланяются Хлопку въ поясъ.

ГОЛОСА.

Въ ноги! Въ ноги!

Крестьяне кланяются въ ноги.

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

КРЕСТЬЯНЕ.

Къ твоей милости!

ХЛОПКО.

Чего просите?

ОДИНЪ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Защити, отецъ родной. Отъ вотченниковъ своихъ утекли. Хотимъ служить тебѣ вольными людьми!

ХЛОПКО.

Что, солоно, чай, на привязи пришлось.

ДРУГОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не въ моготу, родимый. Работы ну-тебѣ, а уходить не смѣй. Напредъ того, бывало, нéлюбо тебѣ у кого — иди куда хошь! Который вотченникъ будетъ пощедливѣй, къ тому и иди! А нонѣ, каковъ ни будь, гдѣ тебя указъ тотъ засталъ, тамъ и сиди; хошь волкомъ вой, а сиди.

ХЛОПКО.

Спасибо царю: о насъ постарался; нашего полку прибыло.

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Защити отецъ! Прими къ себѣ!

ХЛОПКО.

Много васъ приходитъ; да такъ ужъ быть, приму. А уговоръ такой: чтò прикажу — то, не разговаривая, дѣлать. А кто чтò не такъ—одна расправа: петля на шею. Согласны?

КРЕСТЬЯНЕ.

Согласны, батюшка! Будемъ служить тебѣ!

ХЛОПКО.

Ну, ступайте въ курень! Крестьяне уходятъ. Является посадскій.

ПОСАДСКІЙ.

Кто здѣсь Хлопко?

РАЗБОЙНИКИ.

Этотъ откуда выскочилъ? — Кто онъ такой? Съ неба свалился? — Да ты знаешь-ли куда попалъ?—Смотри, и шапки не ломаетъ!

ПОСАДСКІЙ.

Глухи вы, что̀-ли? Гдѣ атаманъ вашъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Вишь, какой шустрый! Да ты развѣ о двухъ головахъ?

ПОСАДСКІЙ.

А вы, чай, съ придурью? Да я и безъ васъ найду его!

Осматривается и идетъ прямо на атамана.

Ты Хлопко-Косолапъ!

ХЛОПКО.

Косолапъ и есть. Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. Побываешь въ моихъ лапахъ — узнаешь меня!

ПОСАДСКІЙ.

Хаживали на медвѣдя, не въ диковину намъ.

Ропотъ.

А коли ты атаманъ, такъ чего смотришь? За полъ-версты отсель меня съ двумя товарищи, остановилъ тюлень какой-то, здоровѣе тебя будетъ. Я ему толкую: мы къ тебѣ; а онъ, увалень, не говоря ни слова, сгребъ ихъ двухъ да и потащилъ.

РАЗБОЙНИКИ.

Ха, ха, ха! Да это они на Митьку наткнулись!

ПОСАДСКІЙ.

Я-бы разбилъ ему черепъ, да съ тобой ссориться не хотѣлъ.

ХЛОПКО.

Эй, милый человѣкъ! Да ты, я вижу безъ чиновъ!

ПОСАДСКІЙ.

Не въ моемъ обычаѣ.

ХЛОПКО.

А вотъ я тебя, душа моя, сперва на сукъ вздерну, а потомъ спрошу объ имени-прозвищѣ.

ПОСАДСКІЙ.

Ну, нѣтъ, шутишь. Раздумаешь вздернуть!

ХЛОПКО.

Да кто-жъ ты такой?

ПОСАДСКІЙ.

Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло промочить.

Къ разбойникамъ.

Эй! Вина!

Садится рядомъ съ Хлопкомъ.

Я къ тебѣ за дѣломъ, дядя; ты нуженъ мнѣ. Какъ по-твоему, кто у насъ царь на Руси?

ХЛОПКО.

Да ты и въ вправду не шутишь-ли со мной?

ПОСАДСКІЙ.

Я не шучу. А ты не отлынивай, говори: кто царь на Руси?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Борисъ Ѳедорычъ!

ПОСАДСКІЙ.

Неправда! Не отгадалъ! Дмитрій Иванычъ.

ХЛОПКО.

Какой, шутъ, Дмитрій Иванычъ?

ПОСАДСКІЙ.

Да развѣ ихъ два? Вѣстимо какой! Сынъ царя Ивана! Тотъ, кого воръ Годуновъ хотѣлъ извести, да не извелъ! Тотъ, кто собираетъ рать удальцовъ, на Москву вернуться, свой отцовскій столъ завоевать! Не вѣришь? Я отъ него къ тебѣ присланъ. Онъ жалѣетъ васъ; зоветъ тебя, со всѣми людьми, къ литовскому рубежу!

Разбойники столпляются вокругъ Посадскаго.

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь! Царевичъ зоветъ! Не даромъ шла молва, что живъ царевичъ!

ХЛОПКО.

Молву-то мы знаемъ, да кто-жъ мнѣ порукой, что этотъ къ намъ не подосланъ?

ПОСАДСКІЙ.

Какой тебѣ поруки? Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, услышишь о Дмитріѣ. Чѣмъ тебѣ здѣсь отъ Борисовыхъ воеводъ отстрѣливаться, иди ко Брянску лѣсными путями, становись подъ царскій стягъ! Великій государь пожалуетъ тебя; у него съ тобой одинъ супостатъ — воръ Годуновъ!

ХЛОПКО.

А, чортъ возьми, пожалуй и правда!

Шумъ за сценой. Является МИТЬКА, таща за шиворотъ одной рукой МИСАИЛА ПОВАДИНА, другой ГРИГОРІЯ ОТРЕПЬЕВА.

РАЗБОЙНИКИ.

Вотъ онъ и Митька! Ай-да Митька! Ай-да тюлень! Тащи, тащи! Не давай имъ упираться! Тащи ихъ сюда, посмотримъ, что̀ они за люди!

МИТЬКА — подтащивъ обоихъ къ Хлопку.

Пущать, что̀-ли?

ХЛОПКО.

Погоди пущать; допросимъ ихъ сперва. Кто вы такіе? Ты кто?

МИСАИЛЪ.

Смиренный инокъ Мисаилъ!

ХЛОПКО.

А ты?

ГРИГОРІЙ.

Смиренный инокъ Григорій!

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

МИСАИЛЪ.

Не сами пришли, пресвѣтлый и многославный воевода! Влекомы есми силою хищника сего!

ХЛОПКО.

Да въ лѣсъ-то мой какъ вы попали?

ГРИГОРІЙ.

Отъ немощи человѣческія плотскими боримые похоти, изъ монастыря пречестнаго Чуда, что̀ на Москвѣ-рѣцѣ, бѣжахомъ!

МИСАИЛЪ.

А простыми словами: изъ-подъ начала ушли; яви намъ милость, повелитель, дай у себя пристанище!

ХЛОПКО.

Биться дубинами умѣете?

МИСАИЛЪ.

Не сподобилъ Господь.

ХЛОПКО.

А на кулакахъ деретесь?

ГРИГОРІЙ.

И сей не вразумлены мудрости.

ХЛОПКО.

Такъ на кой вы мнѣ прахъ?

МИСАИЛЪ.

Пріими насъ, славный витязь, душеспасенія ради!

ГРИГОРІЙ.

Насыти насъ, гладныхъ, паче-же утоли жажду нашу сокомъ гроздія винограднаго, сирѣчь: вели пѣннику поднести!

ХЛОПКО.

Пѣннику вамъ поднесутъ; только у меня такой обычай: кого къ себѣ примаю, тотъ сперва долженъ свою удаль показать. Выходите оба съ Митькой на кулачки. Коли вдвоемъ побьете его, будетъ вамъ и пристанище. Хохотъ между разбойниками.

МИТЬКА.

Пущать, чтò-ли?

ХЛОПКО.

Пущай!

МИСАИЛЪ.

Умилосердись, повелитель!

ГРИГОРІЙ.

Не обреки, воевода, членовъ нашихъ сокрушенію!

ХЛОПКО.

Да развѣ онъ одинъ вамъ двоимъ не подъ-силу?

МИСАИЛЪ.

Свирѣпъ и страховиденъ!

ГРИГОРІЙ.

Дикообразенъ и скотоподобенъ!

ПОСАДСКІЙ — вставая.

Оставь ихъ, дядя Косолапъ! Гдѣ инокамъ смиреннымъ кулачиться? Вотъ я, пожалуй, выйду замѣсто ихъ!

ХЛОПКО.

Ты?

ПОСАДСКІЙ.

Ну, да, я.

ХЛОПКО.

На Митьку?

ПОСАДСКІЙ.

На Митьку, коли онъ Митька.

ХЛОПКО.

Одинъ?

ПОСАДСКІЙ.

А то какъ-же еще?

ХЛОПКО.

Да ты знаешь-ли Митьку? Вѣдь коли ты подосланъ, я успѣю повѣсить тебя, а коли ты вправду отъ царевича, такъ не слѣдъ тебѣ убиту быть.

ПОСАДСКІЙ.

За меня не бойся!

ХЛОПКО.

Ой-ли? Ну, какъ знаешь, посмотримъ. Становись, Митька!

МИТЬКА.

Чаво становиться-то?

ХЛОПКО.

Ну, собачій попъ, не разговаривай, становись!

ПОСАДСКІЙ.

Помѣряемся, тёзка! Побей меня.

МИТЬКА.

А что̀ ты мнѣ сдѣлалъ?

ПОСАДСКІЙ.

Такъ тебѣ надо чтó сдѣлать сперва? Изволь!

Сшибаетъ съ него шапку.

МИТЬКА.

Чтò-жъ ты это?

ПОСАДСКІЙ.

Мало съ тебя? Толкаетъ его въ бокъ.

МИТЬКА.

Не замай — тресну!

ПОСАДСКІЙ.

А я тебя!

МИТЬКА.

А ну, подойди!

Разбойники хохочутъ. Бой зачинается. Митька и посадскій, ставъ другъ противъ друга, ходятъ кругомъ, лѣвая рука на тычку, правая на маху. Михаилъ и Григорій садятся на землю и смотрятъ.

ПОСАДСКІЙ.

Чтó-жъ не бьешь?

МИТЬКА.

А вотъ постой!

Хочетъ ударить Посадскаго; тотъ увертывается и бьетъ его въ плечо.

МИСАИЛЪ.

Эхъ!

ГРИГОРІЙ.

Разъ! Разбойники хохочутъ.

МИТЬКА.

Ты чаво вертишься?

ПОСАДСКІЙ.

Не буду, тёзка. Изловчись, я подожду.

МИТЬКА — размахнувшись.

Такъ на-жъ тебѣ!

Бьетъ сплеча, Посадскій сторонится, Митька, съ размаху, падаетъ о-земь.

ПОСАДСКІЙ—притиснувъ его колѣномъ.

Убить, аль жива оставить?

РАЗБОЙНИКИ.

Ай-да, молодецъ! — Вотъ лихо было! — Невиданное дѣло! — Митьку осѣдлалъ!

ПОСАДСКІЙ — отпуская Митьку.

Кого люблю, того и бью. Вставай, тёзка, помиримся! Приходи въ Сѣверскую землю, подъ царскій стягъ! Царевичъ Дмитрій пожалуетъ тебя!

ХЛОПКО.

Такъ ты, что̀-ли, вправду отъ царевича? Побожись!

ПОСАДСКІЙ.

Какъ Богъ святъ, самъ Дмитрій зоветъ васъ! Много-ль у тебя бѣглыхъ крестьянъ, дядя Косолапъ?

ХЛОПКО.

Довольно есть, да мнѣ все не вѣрится....

ПОСАДСКІЙ — къ толпѣ.

Православные! Когда сядетъ Дмитрій на свой отцовскій столъ, всѣмъ Юрьевъ день отдастъ, всѣ кабалы порѣшитъ, всѣмъ свобода по старому!

КРИКИ.

Воздай ему Господь! Помоги ему на престолъ!

ПОСАДСКІЙ.

Казну Борисову межъ васъ раздѣлитъ!

КРИКИ.

Живетъ Дмитрій Иванычъ!

ПОСАДСКІЙ.

А теперь, ребята, атаманъ велитъ про его царское здоровье до-пьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какія тамъ у васъ бочки! Дядя Косолапъ угощаетъ!

Общее смятеніе, шумъ и крики. Посадскій незамѣтно скрывается.

ХЛОПКО.

Эй ты, пострѣлъ! Да гдѣ-жъ это онъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Кто?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Тотъ, что̀ взбударажилъ насъ!

РАЗБОЙНИКЪ.

Онъ сейчасъ тутъ стоялъ.

ХЛОПКО.

Куда-жъ онъ пропалъ? Насатанилъ да и провалился! Эй вы, отцы святые, кто это былъ?

МИСАИЛЪ.

Не вѣмъ.

ГРИГОРІЙ.

Не сказался ми.

ХЛОПКО.

Какъ, черти, не сказался? Вѣдь вы съ нимъ пришли, наплѣшники?

МИСАИЛЪ.

На исходищѣ путей стеклися, повелитель! Сладкорѣчіемъ мужа сего прельщенны есмы!

ГРИГОРІЙ.

Онъ-же убѣди насъ купно съ нимъ предъ очеса предстати твоя, имени-же своего не объяви!

ХЛОПКО.

Ну, диковина!

КРИКИ.

Эхма! Царевичъ въ Сѣверскую землю зоветъ! На Москву хочетъ вести! — Намъ Борисову казну отдаетъ! Къ царевичу! Къ царевичу! Веди насъ, атаманъ! — Когда къ царевичу поведешь?

ХЛОПКО.

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

Шумъ и смятеніе.

ДѢИСТВІЕ III.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

БОРИСЪ.

Нелѣпая, безумная та вѣсть —
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Димитрія, на насъ
Идетъ войной; литовскую онъ шляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасѣ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему перебѣгаютъ —
Молвой Москва встревожена — его
Намъ презирать нельзя! Доколь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Димитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно-ль?
Меня бродяга измѣнить заставитъ
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ-жъ свѣтъ тотъ лучезарный,
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ,
Когда къ нему я темной шелъ стезею?
Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
Мной купленный? Вступить на путь кровавый
Я долженъ былъ, или признать, что даромъ
Прошедшее свершилось. Колебаться
Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣй
Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
Вернуться будетъ къ милости.

Входитъ Семенъ Годуновъ.

Ну, что̀?
Что̀ ты узналъ? Кто этотъ человѣкъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Самъ сатана, я думаю! Нигдѣ
Я до слѣдовъ его не могъ добраться.
Подъ стражу мы людей довольно взяли,

Пытали всѣхъ; но ни съ огня, ни съ дыба,
Намъ показаній нé-далъ ни одинъ.

БОРИСЪ.

Мы знать должны ктó онъ! Во чтó-бъ ни стало,
Его назвать — хотя пришлось бы имя
Намъ выдумать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Найти такое можно.
Былъ въ Чудовѣ монахъ, Григорьемъ звали,
Стрѣлецкій сынъ, изъ Галича. Бѣжалъ
Недавно онъ, и, пьяный, похвалялся:
Царемъ-де буду на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Зачѣмъ
Меня не извѣстили?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь,
То былъ пустой, безпутный побродяга,
Хвастунъ и враль; монахи всѣ ему
Въ глаза смѣялися.

БОРИСЪ.

Но, можетъ быть,
То онъ и есть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, не óнъ.
Тотъ воръ уменъ, мечомъ владѣть умѣетъ,
А этотъ только бражничалъ да лгалъ.

БОРИСЪ.

Какихъ онъ лѣтъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лѣтъ двадцати, иль болѣ.

БОРИСЪ.

Куда бѣжалъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На Стародубъ. Оттоль
Ушолъ въ Литву.

БОРИСЪ.

Какъ прозывался онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Отрепьевымъ.

БОРИСЪ.

Онъ намъ пригоденъ. Имъ
Того пока мы вора назовемъ.
Лишь то, что́ намъ является въ туманѣ,
Смущаетъ насъ; что̀ осязать мы можемъ,
Или назвать — свою теряетъ силу.
Гонца въ Литву отправить къ королю:
Чтобы скорѣй свою унялъ онъ шляхту;
Что стыдно-де пособіе чинить
Негодному, безпутному бродягѣ;
Что Гришка-де Отрепьевъ, бѣглый инокъ,
Морочитъ ихъ; что если въ мирѣ быть
Со мной хотятъ — чтобъ выдали его!
Развѣдчиковъ умножить. Знать я долженъ,
Что̀ говорятъ, что̀ думаютъ бояре,
Имъ на́-руку пришлася эта вѣсть!
Романовымъ избраніе мое
Досель какъ ножъ; ближайшею роднею
Они себя Θеодору считаютъ;
А Шуйскіе мнѣ рады-бъ отомстить
За князь Иванъ Петровича; всѣ-жъ вмѣстѣ
Мнѣ Юрьевъ день простить они не могутъ!
Что̀ слышно въ городѣ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

По вечерамъ
Къ Романовымъ съѣзжаются бояре
И шепчутъ много, но отъ слугъ они
Хоронятся. И чью-то чашу пили
Въ молчаніи.

БОРИСЪ.

Измѣнничье гнѣздо!
Я знаю чью! Награду обѣщать
Тому, кто мнѣ на нихъ найдетъ улику!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Улика будетъ.

БОРИСЪ.

Голодъ, между тѣмъ,
Досель еще свирѣпствуетъ. Напрасно
Народу я всѣ житницы открылъ,
Истощены мои запасы. Въ день,
Когда вѣнецъ я царскій мой пріялъ,
Я обѣщалъ: послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать, чѣмъ допустить, чтобъ былъ
Кто либо нищъ, иль бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнитъ
Что̀ обѣщалъ. Когда казны не станетъ,
Онъ серебро и золото отдастъ,
Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
Свою отдастъ — но чтобъ лихихъ людей
Не слушали; чтобы ловили всѣхъ,
Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
Произнести!

Входитъ царевичъ Ѳедоръ.

Мстиславскому сказать,
Чтобъ воеводство надъ войсками принялъ.
Украинскимъ ужъ болѣ воеводамъ
Не вѣрю я. Ступай, исполни все
Какъ я велѣлъ.

Семенъ Годуновъ уходитъ.

ѲЕДОРЪ.

Отецъ, такъ это правда?
Землѣ грозитъ опасность? Этотъ дерзкій,
Безумный самозванецъ въ самомъ дѣлѣ
Могъ обмануть украйны? Могъ рубежъ
Переступить? и на тебя войною
Теперь идетъ?

БОРИСЪ.

Не долго будетъ онъ,
Надѣюсь я, торжествовать. Улики
У насъ въ рукахъ.

ѲЕДОРЪ.

Но, между тѣмъ, у насъ
Онъ города́ беретъ? Отецъ, пошли,
Пошли меня и брата Христіана
Къ твоимъ войскамъ! Вели, чтобъ подъ начало
Онъ взялъ меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ, еслибъ врагъ
Достойный шелъ на Русь, быть можетъ, я
Послалъ-бы васъ; но съ этимъ темнымъ воромъ
Царевичу всея Руси сразиться
Не есть хвала. Кто плахѣ обреченъ —
Не царскими тотъ имется руками.

ѲЕДОРЪ.

Не княжескими также. Ты однако
Мстиславскаго на этого врага
Сейчасъ послалъ. Его ты, стало быть,
Ничтожнымъ не считаешь. Ты велишь
Хватать всѣхъ тѣхъ, кто произноситъ имя
Покойнаго царевича — отецъ,
Намъ правосудье вѣдомо твое —
Ты могъ-ли-бы то сдѣлать, еслибъ ты
Опасности не чаялъ? Мы со Ксеньей
Объ этомъ долго толковали; горько
Казалося и непонятно намъ,
Что ты, отецъ, который столько разъ
Намъ говорилъ: «я лишь дѣла караю,
Но ни во чью не вмѣшиваюсь мысль» —
Что началъ ты доискиваться мыслей,
Что ты за мысль, за слово посылаешь
Людей на казнь! Но мы рѣшили такъ:
Насилуешь свое, отецъ, ты сердце
Затѣмъ, что Русь въ опасности. И если
Оно такъ есть — и если въ самомъ дѣлѣ
Опасность ей грозитъ — кому-жъ, отецъ,
Встрѣчать ее, кому коли не мнѣ?

БОРИСЪ.

Кипитъ въ насъ быстро молодости кровь;
Хотѣлъ бы ты, во что-бъ ни стало, доблесть
Свою скорѣе показать; но разумъ
Иного требуетъ. Ты призванъ, сынъ,
Русійскимъ царствомъ править. Намъ не даромъ
Величіе дается. Отказаться
Отъ многого должны мы. Обо мнѣ
Со Ксеніей вы вмѣстѣ толковали —
Въ одномъ вы не ошиблись: не охотно

Ко строгости я прибѣгаю. Сердце
Меня склоняетъ милостивымъ быть.
Но если злая мнѣ необходимость
Велитъ карать — я жалость подавляю
И не боюсь прослыть жестокимъ.

ѲЕДОРЪ.

Видишь!
Ты говоришь: необходимость — стало,
Опасность есть!

БОРИСЪ.

Она явиться можетъ —
И чтобъ ее предупредить, я долженъ
Теперь быть строгъ. Когда придетъ пора,
Я къ милости вернусь. Гдѣ Ксенья? Мы
Не видѣлись сегодня. Пусть она
Ко мнѣ придетъ.

Ѳедоръ уходитъ.

Мнѣ кажется, когда
Ея услышу голосъ, легче будетъ
Мнѣ на душѣ. Царенья моего
Безоблачна взошла заря. Какую
Она, всходя, мнѣ славу обѣщала!
Ее не можетъ призракъ помрачить!
Съ минувшимъ я покончилъ. Что̀ свершилось,
То кануло въ ничто! Какое право
Имѣетъ прахъ? Земля меня вѣнчала,
А хочетъ тѣнь войти въ мои права!
Я съ именемъ, со звукомъ, спорить долженъ!

Ѳедоръ возвращается со Ксеніей.

Поди ко мнѣ, дитя мое, садись —
Но что̀ съ тобой? Ты плакала?

КСЕНІЯ.

Отецъ —

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь, какъ будто ты какую
Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да, мой отецъ,
Ты молвилъ правду — понесла утрату
Я страшную! Не я одна — мы всѣ —

Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
Утратили мы всѣ — ты сталъ не тотъ!
Куда твоя дѣвалась благость? Ты-ли,
Ты-ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался — радость
Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
Съ любовію смотрѣли и съ довѣрьемъ —
Теперь-же — о какая перемѣна!
Теперь со страхомъ смотрятъ на тебя!
Взгляни вокругъ: вездѣ боязнь и трепетъ —
Ужъ были казни — о доносахъ шепчутъ,
Которые ты награждать велишь —
Москва дрожитъ — такъ было, говорятъ,
Во времена царя Ивана —

БОРИСЪ.

Ксенья —

КСЕНІЯ.

Ты сталъ жестокъ —

БОРИСЪ.

Опомнись Ксенья. Ты
Меня довольно знаешь. Если я,
Котораго терпѣніе тебѣ
Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать —
То, стало быть, я не могу иначе!
Ты то пойми.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, этого понять
Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
Ты чистъ какъ день! Презрѣніемъ лишь долженъ
Ты отвѣчать на эту клевету!

БОРИСЪ.

Такъ на нее доселѣ отвѣчалъ я.
Но, Ксенія, презрѣніе мое
Почли за страхъ. Ты слышала, какую
Они сплели объ этомъ дѣлѣ басню —
Невѣдомый воспользовался воръ
Молвою той, и нынѣ —

ХРИСТІАНЪ — отворяя дверь.

Государь,
Могу-ли я...?

БОРИСЪ.

Войди.

ХРИСТІАНЪ.

Великій царь —
Дозволишь-ли мнѣ молвить?

БОРИСЪ.

Говори.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ и царь! Увѣренъ-ли ты въ томъ,
Что человѣкъ, который на тебя
Идетъ войной — не истинный Димитрій?

БОРИСЪ.

Въ умѣ-ль ты, королевичъ? Кто въ тебя
Вселилъ ту мысль?

ХРИСТІАНЪ.

Молва такая ходитъ —
За тайну мой совѣтникъ Голькъ сегодня
Мнѣ повѣстилъ, что слышалъ гдѣ-то онъ:
Не самъ царевичъ Дмитрій закололся,
Но былъ убитъ. Иные-жъ говорятъ,
Что не его убили, но другого,
Ошибкою. Одинъ противорѣчитъ
Другому слухъ. Кто знаетъ, государь,
Не скрыто-ль что̀ въ семъ дѣлѣ отъ тебя?
И всѣ-ль тебѣ подробности извѣстны
Димитріевой смерти? Можетъ быть,
Въ тѣ дни и вправду было покушенье
На жизнь его, и спасся онъ? Я тотчасъ
Подумалъ, царь, что̀ если въ самомъ дѣлѣ
Димитрій живъ — ты первый поспѣшишь
Его признать!

БОРИСЪ.

И ты не обманулся.
Когда-бъ нежданно истинный Димитрій

Явился намъ—я первый-бы на встрѣчу
Ему пошелъ и передъ нимъ сложилъ-бы
Я власть мою и царскій мой вѣнецъ.
Но Дмитрій мертвъ! Онъ прахъ! Сомнѣній нѣтъ!
И лишь одни враги Руси, одни
Измѣнники тотъ распускаютъ слухъ!
Забудь о немъ. Въ Димитріевой смерти
Увѣренъ я.

ѲЕДОРЪ.

Но такъ-ли онъ погибъ,
Какъ донесли тебѣ, отецъ? Въ томъ слухѣ
Объ углицкомъ убійствѣ часто правда
Мнѣ чуялась. Со дня-жъ какъ мамку ту
Увидѣлъ я —

БОРИСЪ.

Гдѣ встрѣтился ты съ ней?

ѲЕДОРЪ.

У матушки.

БОРИСЪ.

Ей во дворцѣ не мѣсто.
За клевету Нагихъ ее втупо̀ру
Я щедро наградилъ; съ нея довольно —
Ей здѣсь не мѣсто!

ѲЕДОРЪ.

Стало быть, и ты,
Отецъ, ее подозрѣваешь?

БОРИСЪ.

Нѣтъ!
Нѣтъ, никого подозрить не могу.
Доказано мнѣ вѣрно: закололся
Въ недугѣ онъ!

СТОЛЬНИКЪ — входя.

Великій государь,
Царица къ милости твоей идетъ!

БОРИСЪ.

Что̀ надо ей? Мнѣ некогда!

СТОЛЬНИКЪ.

Она
Ужъ у дверей.

БОРИСЪ.

Оставьте, дѣти, насъ!

Ѳедоръ, Ксенія и Христіанъ уходятъ. Входятъ боярыни, а за ними царица.

ЦАРИЦА — съ поклономъ.

Не прогнѣвись, свѣтъ-государь Борисъ
Ѳеодорычъ, и на свою рабу
Не наложи опалы за докуку!

Къ боярынямъ.

А вы, голубушки, ступайте въ сѣни,
Пождите тамъ.

Боярыни уходятъ.

БОРИСЪ.

Какой тебя, царица,
Приводитъ спѣхъ?

ЦАРИЦА.

Охъ свѣтъ мой, государь,
Мы всѣ спѣшимъ! Ты Ксеньюшку посватать
Вотъ поспѣшилъ, а королевичъ твой
Спѣшитъ провѣдать какъ пропалъ царенокъ
Тамъ въ Угличѣ. И нѣмчины его
Промежъ себя толкуютъ: ужъ не вправду-ль
Зарѣзанъ былъ царенокъ? Какъ оно
По твоему? По моему, не гоже;
Имъ толковать не слѣдъ.

БОРИСЪ.

Ихъ толкамъ я
Не властенъ помѣшать; всѣ-жъ рѣчи ихъ
Мнѣ вѣдомы.

ЦАРИЦА.

Всѣ-ль, свѣтъ мой? А вотъ мнѣ
Оно не такъ сдается. Не смекнулъ-ли
Чего женихъ? Онъ эти дни съ чего-то
Сталъ пасмуренъ.

БОРИСЪ.

Не мнишь-ли ты, онъ слухамъ
Повѣрилъ тѣмъ?

ЦАРИЦА.

Гдѣ мнить мнѣ, государь!
Ты лучше знаешь. Не хотѣлъ ты слушать
Что̀ про его рожденіе тебѣ
Сказала я. Когда ты положилъ,
Чтобъ этотъ безотецкій сынъ дѣтей
Сбилъ съ разума — твоя святая воля!
Такъ, значитъ, быть должно!

БОРИСЪ.

Царица Марья —
Куда ты гнешь? Коли что̀ знаешь ты,
Скажи мнѣ прямо!

ЦАРИЦА.

Батюшки мои!
Что̀-жъ я скажу? Ты развѣ самъ не видишь?
Женихъ съ дѣтьми толкуетъ цѣлый день;
Тѣ слушаютъ; сомнѣніе на нихъ
Ужъ онъ навелъ. Пожди еще немного,
И скоро все они узнаютъ.

БОРИСЪ.

Марья!
Я запретилъ тебѣ напоминать
Объ этомъ мнѣ!

ЦАРИЦА.

Я, батюшка, молчу;
Четырнадцать вотъ скоро лѣтъ молчала,
Да не пришла-ль пора заговорить?
Не поздно-ль будетъ, если нѣмчинъ твой
Доищется улики на тебя?

БОРИСЪ.

Чего-жъ ты хочешь?

ЦАРИЦА.

Мнѣ-ль чего хотѣть,
Свѣтъ-государь! Свое я мѣсто знаю.
Мнѣ, безтолковой бабѣ, и не гоже
Совѣтовать тебѣ. Ты дочь посваталъ
Безъ моего совѣта; безъ меня-же
Ты самъ найдешь что̀ сдѣлать!

БОРИСЪ.

Въ Христіанѣ
Увѣренъ я.

ЦАРИЦА.

Увѣренъ, такъ и ладно.
По моему-жъ, по бабьему уму,
Не отъ народа ждать бѣды намъ надо,
Не отъ бояръ—не въ городѣ для насъ
Опасность есть, а въ теремѣ твоемъ.
Доколѣ въ немъ останется твой нѣмчинъ—
Спокойно спать не можемъ мы!

БОРИСЪ.

Довольно!
Молчи о томъ. Царю Руси нѣтъ дѣла,
Что дочери Скуратова Малюты
Не по-сердцу женихъ избранный имъ.
Не твоему то племени понять
Что̀ для Руси величія пригодно!

ЦАРИЦА.

Гдѣ, батюшка, намъ это понимать!
Родитель мой служилъ царю Ивану
По простотѣ. Усердіе его
Царь жаловалъ. А ты меня посваталъ
Чтобы къ царю Ивану ближе стать.
Что́-жъ? Удалось. Ты царскимъ свояком,
Ты шуриномъ сталъ царскимъ, а потомъ
Правителемъ, а нынѣ государемъ.
Гдѣ-жъ дочери Скуратова Малюты
Указывать тебѣ! Передъ тобой
Поклонную я голову держать
Всегда должна. Прости-же, государь,
Прости меня за глупую мою,
За бабью рѣчь. Впередъ, отецъ, не буду!

Уходитъ. Входитъ Семенъ Годуновъ.

БОРИСЪ.

Какія вѣсти? Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Черниговъ взятъ!

БОРИСЪ.

Не можетъ быть!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Измѣнники связали
Въ немъ воеводъ и къ вору привели.
Путивль, Валуйки, Бѣлгородъ, Воронежъ,
Ему сдались — Елецъ и Кромы также.
Одинъ лишь Сѣверскъ держится. Басмановъ
Засѣлъ въ немъ на́-смерть. Лаской и угрозой
Старался воръ склонить его, но онъ
На увѣщанья отвѣчалъ ему
Картечію.

БОРИСЪ.

Я не ошибся въ немъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Я говорилъ тебѣ: не вѣрь боярамъ!
Вѣрь только тѣмъ, кто, какъ и мы съ тобой,
Не древней крови!

БОРИСЪ.

Что̀ еще принесъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Мятежный духъ какъ будто обуялъ
Не только край, но самыя войска.
Что день, къ врагу они перебѣгаютъ,
Скудѣетъ рать —

БОРИСЪ.

О чемъ-же воеводы
Тамъ думаютъ? Отъ страху-ль потеряли
Разсудокъ свой? Наказъ послать имъ строгій,
Чтобъ вѣшали измѣнниковъ! Чтобъ всѣхъ,
Кто лишь помыслитъ къ вору перейти,
Всѣхъ, безъ пощады, смертію казнили!
Не то—я самъ явлюся между нихъ! —

СТОЛЬНИКЪ — входя.

Бояринъ князь Василь Иванычъ Шуйскій!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Съ чѣмъ старая лисица приплелась?

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

Шуйскій входитъ. Борисъ смотритъ на него пристально.

Ты слышалъ вѣсти?

ШУЙСКІЙ.

Слышалъ,
Царь-государь.

БОРИСЪ.

Что̀ скажешь ты на это?

ШУЙСКІЙ.

Не ладно, царь.

БОРИСЪ.

Не ладно — вижу я!
А кто виной? Бояре продаютъ —
Да, продаютъ меня!

ШУЙСКІЙ.

Суди ихъ Богъ!

БОРИСЪ.

Имъ божьяго суда не миновать.
Но до того я въ скорыхъ числахъ буду
Ихъ самъ судить. Мстиславскаго межъ тѣмъ
Я къ рати шлю.

ШУЙСКІЙ.

Ему и книги въ руки.
Онъ старше всѣхъ. Головъ тамъ больно много.
Не прогнѣвись, великій государь,
За простоту, дозволь мнѣ слово молвить.

БОРИСЪ.

Скажи.

ШУЙСКІЙ.

Когда-бъ ты захотѣлъ туда
Поѣхать самъ—все снялъ-бы какъ рукою.

БОРИСЪ.

А вамъ Москву оставить? Знаемъ это.
Нѣтъ, оставлять Москву царю не часъ.
Придумай лучше.

ШУЙСКІЙ.

А не то, еще
Вотъ что́, пожалуй: вдовая царица,
Димитріева мать, теперь на Выксѣ,
Пострижена сидитъ. Ее-бы, царь,
Ты выписалъ. Пускай передъ народомъ
Свидѣтельствуетъ крестно, что Димитрій
Во гробѣ спитъ.

БОРИСЪ.

Послать за ней! Но дологъ
До Выксы путь. Возстановить покорность
Мы здѣсь должны. Примѣръ я надъ иными
Ужъ показалъ. Что́? Утихаютъ толки?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужъ и не знаешь право
Кого хватать, кого не трогать? Всѣ
Одно наладили. Куда ни сунься,
Все та-же пѣсня: царь Борисъ хотѣлъ-де
Димитрія царевича известь,
Но божіимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
И будетъ скоро....

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!
Иль устрашить тѣмъ думаютъ меня
Что много ихъ? Но еслибъ сотни тысячъ
Меня въ глаза убійцей называли —
Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смириться
Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я-жъ его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винятъ упорно —
Такъ я-жъ упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ кто изъ насъ устанетъ прежде!

Домъ Өедора Никитича Романова.

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ, АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ, КНЯЗЬ СИЦКІЙ, КНЯЗЬ РЕПНИНЪ и КНЯЗЬ ЧЕРКАССКІЙ за столомъ.

ӨЕД. НИКИТИЧЪ — наливая имъ вина.

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ —
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ӨЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринъ,
Не разберешь. Разымчиво ужъ больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А коли такъ—
И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумѣетъ. Нуте-жъ:
Во здравіе царя и государя
Всея Руси!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕПНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ ноздѣ покорить!

СИЦКІЙ.

А ужъ не мало
Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты о татарахъ, что̀-ли?

РЕПНИНЪ.

Аль, можетъ, о татаринѣ?

СИЦКІЙ.

Нѣтъ, этотъ
Еще крѣпо́къ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взятъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Еще по чарочкѣ!

ВСѢ.

Про государя!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

Челомъ, бояре вамъ! Чью пьете чару?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Царя и государя, князь Василій
Ивановичъ. На, выпей!

ШУЙСКІЙ.

Эхъ Ѳеодоръ
Никитичъ, чай, указъ-то государевъ
Ты позабылъ? Не такъ, бояре, пьете:

Подымаетъ чару.

«Великому, избранному отъ Бога,
«Имъ чтимому и имъ превознесенну,
«И скифетры полночныя страны
«Самодержащему царю Борису,
«Съ царицею, съ царевичемъ его,
«И всѣми дома царскаго вѣтвями,
«Мы, сущіе въ палатѣ сей, воздвигли,
«Въ душевное спасенье и во здравье
«Тѣлесное, сію съ молитвой чашу.
«Чтобъ славилось отъ моря и до моря,
«И до конецъ вселенныя, его
«Пресвѣтлое, царя Бориса, имя,

«На честь ему, а русскимъ славнымъ царствамъ
«На прибавленье; чтобы государи
«Послушливо ему служили всѣ,
«И всѣ-бы трепетали посѣченья
«Его меча; на насъ-же, на рабѣхъ
«Величества его, чтобъ безъ урыву
«Щедротъ лилися рѣки неоскудно
«Отъ милосердія его пучины
«И разума!»—Ухъ, утомился. Вотъ
Бояре, какъ указано намъ пить.

Не пьетъ, а ставитъ чару на столъ.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ужъ больно кудревато; не запомнишь.

ШУЙСКІЙ.

Я выдолбилъ.

РЕПНИНЪ.

Не всѣ его меча,
Кажись, трепещутъ.

СИЦКІЙ.

Да и не на всѣхъ
Его щедроты льются.

ЧЕРКАССКІЙ.

Исчерпа́лъ
Пучину милосердія.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ—къ Шуйскому.

Ты съ Верьху?

ШУЙСКІЙ.

Былъ на Верьху.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, что-жъ?

ШУЙСКІЙ.

Все славу Богу.
Рвать языки велѣлъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Что́ ты? Кому?

СИЦКІЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКІЙ.

Да всѣмъ, кто скажетъ,
Что Дмитрія извелъ онъ, аль что Дмитрій
Не изведенъ, а живъ.

РЕППИНЪ.

Такъ какъ-же быть?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что́-жъ надо говорить?

ШУЙСКІЙ.

А то, что́ было
При Θедорѣ приказано: что Дмитрій
Въ недугѣ закололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно,
Ужъ онъ чиниться пересталъ. Да развѣ
Онъ казнями кого переувѣритъ?

ШУЙСКІЙ.

Пускай казнитъ; мѣшать ему не надо.

СИЦКІЙ.

Какъ не смекнетъ онъ, что когда къ Москвѣ
Подступитъ *тотъ*, ему не сдобровать?

ШУЙСКІЙ.

На каждаго на мудреца довольно
Есть простоты. Когда-жъ мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видитъ, что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты, князь Василій
Ивановичъ, ты въ Угличъ былъ посыланъ
На розыскъ тотъ. Скажи, хоть разъ, по правдѣ,
По совѣсти: убитъ, аль нѣтъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Убитаго ребенка видѣлъ я.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да Дмитрія-ль?

ШУЙСКІЙ.

Сказали мнѣ, что Дмитрій.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да самъ-то ты?

ШУЙСКІЙ.

А гдѣ-жъ его мнѣ знать?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что-жъ мыслишь ты о томъ, который нынѣ
На насъ идетъ?

ШУЙСКІЙ.

А то-же, что́ и вы.
Языкъ намъ врагъ. И батюшка Борисъ
Ѳеодорычъ, должно быть, это знаетъ;
Насъ отъ врага онъ избавлять велитъ.

РЕПНИНЪ — къ Ѳедору Никитичу.

Хозяинъ ласковый, да такъ, пожалуй,
И до тебя онъ доберется?

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Трудно.
Что́ скажетъ онъ? Романовы признали
Димитрія царемъ? Да вся Москва
Того лишь ждетъ, чтобъ мы его признали.
Аль что его убійцей мы зовемъ?
Да пусть о томъ лишь слухъ пройдетъ въ народѣ—
Его каменьями побьютъ!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мы
Пока молчимъ. Народъ-же говоритъ:
Романовы поближе Годунова
Къ Ѳеодору царю стояли. Еслибъ

Романовъ сѣлъ на царство—Юрьевъ день
Намъ отдалъ-бы!

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Романовымъ не нужно-бъ
Заискивать у меньшихъ у дворянъ;
Народъ боярство любитъ родовое
За то, что выгоды у нихъ однѣ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мелкихъ онъ не терпитъ. Нѣтъ, до насъ
Добраться трудно.

Входитъ Семенъ Годуновъ со стрѣльцами.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Бьемъ челомъ, бояре!
Вы, государи, Ѳедоръ съ Александромъ
Никитичи, по царскому указу
Подъ стражу взяты!

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Мы? Подъ стражу взяты?
За что́?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За то, что извести хотѣли
Царя и государя колдовствомъ.
Довелъ на васъ вашъ казначей Бортеневъ.
Коренья тѣ, что́ вы ужъ припасли,
Онъ предъявилъ. У патріарха вамъ
Допросъ, немедля, учинятъ. Вы также,
Князья Черкасскій, Сицкій и Репнинъ,
Обвинены.

СИЦКІЙ.

Мы въ чемъ-же?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За одно
Съ Романовыми были. Васъ подъ стражу
Беру я съ ними.

Къ Шуйскому.

Князь Василь Иванычъ!
Тебѣ велитъ великій государь
Вести допросъ надъ ними.

ѲЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Видитъ Богъ,
Насиліе и клевета!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Возможно-ль?
По одному извѣту казначея,
Котораго за кражу я прогналъ
Тому три дня?

ЧЕРКАССКІЙ.

Вотъ онъ тебѣ и платитъ!

СИЦКІЙ.

А царь ему, должно быть? Боже правый!
Да это вточь какъ при царѣ Иванѣ!

ШУЙСКІЙ.

Не гоже такъ, бояре, говорить!
Царь милостивъ. А мнѣ Господь свидѣтель,
Я вашего не вѣдалъ воровства!
Помыслить смѣть на батюшку царя!
Ахъ грѣхъ какой! Пойдемъ, Семенъ Никитичъ,
Пойдемъ къ владыкѣ, начинать допросъ.
Помилуй Богъ царя и государя!

Уводятъ бояръ, окруженныхъ стрѣльцами.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ — одинъ.

«Убитъ, но живъ»! Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой врагъ
Всталъ на меня изъ гроба грозной тѣнью!
Я ждалъ невзгодъ; возможныя всѣ бѣды
Предусмотрѣлъ: войну, и моръ, и голодъ,
И мятежи—и всѣмъ имъ дать отпоръ
Я былъ готовъ. Но чтобъ воскресъ убитый—
Я ждать не могъ! Меня безъ обороны
Засталъ ударъ. Державнымъ кораблемъ
Въ моей спокойной управляя силѣ,
Я въ ясный день на бѣгъ его глядѣлъ.

Вдругъ грянулъ громъ. Съ налету взрыла буря
Морскую гладь—крутитъ и ломитъ древо,
И парусъ рветъ.... Не время разбирать,
Чей небо грѣхъ крушеніемъ караетъ—
Долгъ кормчаго скорѣй спасти корабль!
Бѣда грозитъ—рубить я долженъ спасти!
Нѣтъ выбора—прошла пора медленій
И кротости! Кто врагъ царю Борису—
Тотъ царству врагъ! Пощады никому!
Казнь кличетъ казнь—власть требовала жертвъ—
И первыхъ кровь чтобъ не лилася даромъ,
Топоръ все вновь подъемлется къ ударамъ!

Входитъ Шуйскій.

ШУЙСКІЙ.

По твоему, великій государь,
Являюся указу.

БОРИСЪ.

Князь Василій!
Ты избранъ мной быть старшимъ у допроса
Романовыхъ. Мнѣ вѣрность показать
Даю тебѣ я случай.

ШУЙСКІЙ.

Заслужу,
Царь-государь, великое твое
Довѣріе!

БОРИСЪ.

Издавна злоба ихъ
Мнѣ вѣдома. Но за мое терпѣнье
Я ожидалъ раскаянья отъ нихъ;
Они-жъ бояръ съ собою на меня
Замыслили поднять, а мнѣ погибель
Готовили.

ШУЙСКІЙ.

Не даромъ отъ меня
Таилися они!

БОРИСЪ.

Твой розыскъ нынѣ
Явитъ: какъ мыслишь ты ко мнѣ.

ШУЙСКІЙ.

Помилуй,

Царь-государь! Ужъ на мое радѣнье,
Кажись, ты можешь положиться....

БОРИСЪ.

Прежде-жъ,
Чѣмъ Дмитріева мать, царица Маѳа,
Свидѣтельствовать будетъ на Москвѣ,
Что сынъ ея до смерти закололся
И погребенъ, ты выѣдешь на площадь
И съ лобнаго объявишь мѣста: самъ-де,
Своими-де очами видѣлъ ты
Трупъ Дмитрія — и крестнымъ цѣлованьемъ
То утвердишь. Межъ тѣмъ, я со владыкой
Велѣлъ вездѣ Отрепьеву гласить
Анаѳему; въ церквахъ, въ монастыряхъ,
На перекресткахъ всѣхъ, его съ анвоновъ
Велѣлъ клясти! Быть можетъ, вразумится
Чрезъ то народъ.

ШУЙСКІЙ.

Наврядъ-ли, государь.
Не въ гнѣвъ тебѣ, а диву я даюся,
Какъ мало страху на Москвѣ!

БОРИСЪ.

Досель?

ШУЙСКІЙ.

Ты кой-кого и пристрастилъ, пожалуй,
А все-же —

БОРИСЪ.

Ну?

ШУЙСКІЙ.

Да что, царь-государь!
Хоть-бы теперь: Романовыхъ подъ стражу
Ты взять велѣлъ. И по дѣломъ. Да развѣ
Они одни?

БОРИСЪ.

Другіе также взяты.

ШУЙСКІЙ.

Кто, государь? Черкасскій съ Репнинымъ?

Да Сицкій князь? Всего три человѣка!
А мало-ль ихъ? И думають они:
Всѣхъ не забрать!

БОРИСЪ.

Такъ думаютъ у васъ?
Такъ вѣдайте-жъ: что̀ сдѣлано досель —
Одно лишь вамъ остереженье было,
Острастка то лишь малая была —
Гнѣвъ впереди! Уходитъ.

ШУЙСКІЙ — одинъ.

Святая простота!
Даетъ понять: «тебя насквозь я вижу,
Ты за одно съ другими!» А, межъ тѣмъ,
Что̀ ни скажу, за правду все примаетъ.
Боится насъ, а намъ грозитъ. Борисъ
Ѳеодорычъ, ты-ль это? Я тебя
Не узнаю. Куда дѣвалась ловкость
Твоя, отецъ? И нравомъ сталъ не тотъ,
Ей Богу! То ужъ черезъ чуръ опасливъ,
То вдругъ вспылишь и ломишь напрямикъ,
Ни дать, ни взять, какъ мой покойный дядя,
Котораго въ тюрьмѣ ты удавилъ.
Когда кто такъ становится неровенъ,
То знакъ плохой!

Уходитъ. Входитъ ХРИСТІАНЪ; за нимъ ГОЛЬКЪ и БРАГЕ.

ГОЛЬКЪ.

Высочество! Подумай:
Сомнѣній нѣтъ, исходъ въ семъ дѣлѣ ясенъ:
Царемъ Димитрій будетъ, а Борису
Погибели не миновать. Что̀ нужды,
Что ложный то Димитрій? Онъ побѣдно
Идетъ къ Москвѣ — и Русь его встрѣчаетъ!

БРАГЕ.

А въ преступленіи Бориса, принцъ,
Достаточно теперь ты убѣжденъ:
Намъ присланныя тайно показанья
Тѣхъ въ Данію бѣжавшихъ угличанъ,
Все, что̀ мы здѣсь узнали стороною,
Чего не могъ ты не замѣтить самъ —

А сверхъ всего, народный громкій голосъ
И казни тѣ жестокія — все, все,
Его винитъ, ему уликой служитъ!

ГОЛЬКЪ.

До короля-жъ дошла молва, что царь
Эстонію, короны датской лену,
Не Даніи намѣренъ возвратить,
Но дать тебѣ. Король за это гнѣвенъ.
Спѣши его умилостивить, принцъ!
Ждать отъ Бориса нечего намъ болѣ—
Его звѣзда зашла!

БРАГЕ.

Земли русійской
Царевну ты, высочество, посваталъ,
Не дочь слуги, злодѣйствомъ на престолъ
Взошедшаго. Когда законный царь,
Иль тотъ, кого земля такимъ признала,
Съ него вѣнецъ срываетъ — обѣщаньемъ
Не связанъ ты. Отъ брака отказаться
Ты долженъ, принцъ!

ХРИСТІАНЪ.

Довольно! Все, что́ вы
О немъ сказали, самъ себѣ сказалъ я —
Но я не въ силахъ слушать васъ.... моя
Кружи́тся голова....

ГОЛЬКЪ.

Ты блѣденъ, принцъ —
Ты нездоровъ —

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, я нездоровъ....
Вы совершенно правы — точно такъ —
Убійца онъ.... мнѣ холодно сегодня....
Она не знаетъ ни о чемъ.

БРАГЕ.

Дозволь,
Позвать врача, высочество!

ХРИСТІАНЪ.

Не надо.
Оно пройдетъ. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

ГОЛЬКЪ.

Принцъ,
Ты вправду боленъ....

ХРИСТІАНЪ.

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нѣтъ, я здоровъ. Оставьте
Меня теперь — я дамъ отвѣтъ вамъ скоро.

Голькъ и Браге уходятъ.

ХРИСТІАНЪ — одинъ.

Подъ этимъ кровомъ долѣ оставаться
Не долженъ я. Мнѣ дѣтскій крикъ предсмертный
Здѣсь слышится — я вижу пятна крови
На этихъ тканяхъ.... я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь межъ нами
Все кончено.

Входитъ КСЕНІЯ и останавливается въ дверяхъ.

КСЕНІЯ.

Одинъ ты, Христіанъ?
Съ кѣмъ говорилъ ты?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенія, постой —
Не уходи — тебѣ сказать мнѣ надо —
Вѣдь ты еще не знаешь? Мы должны
Разстаться, Ксенья!

КСЕНІЯ.

Что́ съ тобой? Зачѣмъ
Разстаться намъ?

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, зачѣмъ разстаться?
Кто хочетъ насъ съ тобою разлучить?
Ты не моя-ль? Кто говоритъ, чтобъ душу
Я разорвалъ? Нѣтъ, требовать того
Не можетъ честь!

КСЕНІЯ.

Опомнись, Христіанъ;
Твои слова безъ смысла. Что̀ случилось?

ХРИСТІАНЪ.

Бѣги со мной!

КСЕНІЯ.

Святая Матерь Божія!
Ужель я отгадала? Христіанъ —
Кто видѣлся съ тобой? Чьей клеветѣ
Ты на отца повѣрилъ?

ХРИСТІАНЪ.

Ксенья, Ксенья!
И жизнь, и душу я-бъ хотѣлъ отдать,
Чтобъ эту скорбь, чтобъ эту злую боль
Взять отъ тебя!

КСЕНІЯ.

И ты повѣрилъ? Ты?
Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

Нельзя остаться мнѣ —
Нельзя — ты видишь!

КСЕНІЯ.

Выброси скорѣй
Изъ сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернитъ, а не отца! Какъ могъ ты
Повѣрить ей!

ХРИСТІАНЪ.

Не правда-ль? Ей повѣрить
Я самъ не могъ? Она вошла насильно!
Отъ лобныхъ мѣстъ кровавыми ручьями
Въ меня влилась!

КСЕНІЯ.

Да, онъ жестокъ во гнѣвѣ!
Я не хочу — я не могу его
Оправдывать! Но развѣ ты не видишь?
Негодованьемъ гнѣвъ его рожденъ
На клевету! Такимъ онъ не́ былъ прежде!

Ты зналъ его! Ужели ты забылъ
Какъ былъ высокъ, какъ милостивъ душою
Онъ былъ всегда! Какъ могъ — какъ могъ — какъ могъ
Повѣрить ты! О Христіанъ, какую
Ты пропасть вырылъ между нами!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ!
Разъединить чужое преступленье
Насъ не должно! Душа моя съ твоею
Въ одно слилась! Когда-бъ земля подъ нами
Разсѣлася — когда-бы это небо
Обрушилось на насъ — не врозь, а вмѣстѣ
Погибли-бъ мы!

КСЕНІЯ.

Ужъ мы разлучены!
Да, Христіанъ! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь изъ сердца вырвать вонъ?
Когда отца кругомъ тѣснятъ враги,
Друзья-жъ бѣгутъ — ты также переходишь
Къ его врагамъ!

Входитъ царевичъ ѲЕДОРЪ, ими не замѣчаемый.

Но еслибъ отъ него
И всѣ ушли—и еслибъ цѣлый міръ
Его винилъ—одна-бы я сказала:
Неправда то! Одна-бы я осталась
Съ моимъ отцомъ!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ у тебя отца!
Твоимъ отцомъ убійца быть не можетъ!
Ты сирота! Какъ я, ты сирота!
Бѣги со мной! Я не на счастье, Ксенья,
Тебя зову, не на престолъ! Быть можетъ,
Я осужденъ къ лишеньямъ и къ нуждѣ —
Быть можетъ, я скитаться буду — но
Гдѣ-бъ я ни сталъ, то мѣсто, гдѣ я стану,
Оно всегда достойно будетъ насъ!
А этотъ теремъ, Ксенья....

ѲЕДОРЪ — выступаетъ впередъ.

Королевичъ!

ХРИСТІАНЪ.

А, ты былъ здѣсь? Ты слышалъ все? Тѣмъ лучше!
Я не скрываюсь отъ тебя — ты долженъ
Меня понять!

ѲЕДОРЪ.

Тебя я понялъ. Ты
Царя Бориса оскорбилъ смертельно —
Ты наглый лжецъ!

ХРИСТІАНЪ.

Братъ Ѳедоръ —

ѲЕДОРЪ.

Гнусный ты
Безстыдный лжецъ и клеветникъ!

ХРИСТІАНЪ.

Царевичъ!
Войди въ себя!

ѲЕДОРЪ.

Предатель! Переметчикъ!
Іуда ты!

ХРИСТІАНЪ.

Войди въ себя, царевичъ!
Опомнися! Когда ты оскорбленъ —
Не бранью мстить ты долженъ! На Руси
Такъ встарину не дѣлали!

ѲЕДОРЪ.

Ты правъ —
Спасибо, что напомнилъ —

Срываетъ со стѣны двѣ сабли и подаетъ одну Христіану.

Бейся нà-смерть!

КСЕНІЯ.

Побойтесь Бога! Чтò вы, чтò вы? Стойте!
Какъ? Братъ на брата!

ХРИСТІАНЪ — бросая саблю.

Нѣтъ, не стану биться!
Ты братъ ея!

КСЕНІЯ.

О, до чего дошли мы!
Давно-ли мы втроемъ, въ покоѣ этомъ,
Такъ мирно говорили, такъ хотѣли
Служить Руси — а нынѣ!

ХРИСТІАНЪ.

Что̀ со мной?
Кругомъ меня все потемнѣло вдругъ —
Меня не держатъ ноги —

Садится.

ѲЕДОРЪ — бросая саблю.

Христіанъ,
Ты нездоровъ?

ХРИСТІАНЪ — озираясь.

Вы оба здѣсь? Со мною?
Какъ счастливъ я! Друзья, скажите, что̀
Случилося?

КСЕНІЯ.

Онъ боленъ!

ѲЕДОРЪ.

Слава Богу,
То былъ лишь бредъ? Сестра, останься съ нимъ,
Я за врачомъ пойду!

ХРИСТІАНЪ.

Не уходи —
Мнѣ хорошо. Но что́-то надо мною
Какъ облако внезапно пронеслось —
Былъ шумъ въ ушахъ — такъ, говорятъ, бываетъ
Когда дурману выпьешь... я припомнить
Стараюсь что-то... самъ не знаю что̀...
Ловлю, ловлю... и все теряю...

Вскакивая.

Вспомнилъ!
Бѣжимъ отсель!

Падаетъ въ кресла.

У пристани корабль
Норвежскій ждетъ — ужъ якорь подымаютъ —
Скорѣй на палубу, скорѣй!

КСЕНІЯ.

Онъ бредитъ!

ХРИСТІАНЪ.

Я говорю вамъ всѣмъ: неправда то!
Всѣхъ, кто дерзнетъ подумать, что царевна
Убійцы дочь, на бой я вызываю!
Прижмись ко мнѣ — не бойся, Ксенья, этихъ
Зеленыхъ волнъ! — Я слушать васъ усталъ —
Я знаю самъ — прибавьте парусовъ!
Какое дѣло намъ, что на Руси
Убійца царь! Вотъ берегъ, берегъ! Ксенья —
Мы спасены!

КСЕНІЯ.

Братъ, братъ, что́ сталось съ нимъ?

ХРИСТІАНЪ.

Друзья мои, мнѣ кажется, я бредилъ?
Мнѣ очень дурно. Голова моя
Такъ кружится, а сердце то забьется,
То вдругъ замретъ...

КСЕНІЯ.

Ты боленъ, Христіанъ!
Встань, обоприся на̀-руку мою —

ѲЕДОРЪ.

Я поведу его!

ХРИСТІАНЪ.

Спасибо, братъ —
Спасибо, Ксенья—это все пройдетъ —
Какъ хорошо мнѣ между васъ обоихъ!

Уходитъ поддерживаемый Ѳедоромъ и Ксеніей.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Красная площадь съ Лобнымъ мѣстомъ.

Нѣсколько переодѣтыхъ сыщиковъ.

ГЛАВНЫЙ СЫЩИКЪ, — наряженный дьячкомъ.

Сейчасъ народъ повалитъ изъ церквей!
Вмѣшайтеся въ толпу; глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Димитрію идетъ,
Отрепьева-жъ клянутъ; такъ будутъ толки!

ВТОРОЙ СЫЩИКЪ — въ одеждѣ купца.

Какіе толки! Всякъ теперь боится
Промолвиться.

ПЕРВЫЙ.

А мы на что? Зачѣмъ
Двойную намъ награду обѣщалъ
Семенъ Никитичъ? Зачинайте смѣло,
Тотъ съ тѣмъ, тотъ съ этимъ разговоръ, прикиньтесь,
Что вы къ Москвѣ Отрепьевымъ тѣмъ тайно
Подосланы; когда-жъ кто проболтается —
Хвать за̀-воротъ его! А если будетъ
Кому изъ васъ нужна подмога — свистомъ
Подать маякъ! Ну, живо, разсыпайтесь!
Идетъ народъ!

Толпа выходитъ изъ церкви.

ОДИНЪ ПОСАДСКІЙ.

Великій грѣхъ служить
Живому человѣку панихиду!

ДРУГОЙ.

Тяжелый грѣхъ!

ТРЕТІЙ.

А кто же тотъ Отрепьевъ,
Кому они анаѳему гласили?

ПЕРВЫЙ.

Монахъ какой-то подвернулся.

ВТОРОЙ.

Чтó-жъ,
Какое дѣло до того монаха
Царевичу Димитрію?

ПЕРВЫЙ.

Молчи!
Насъ слушаютъ.

СЫЩИКЪ.

О чемъ вы, государи,
Ведете рѣчь?

ПЕРВЫЙ.

Да говоримъ: дай Богъ
Измѣнщика, Отрепьева того,
Что Дмитріемъ осмѣлился назваться,
Поймать скорѣй!

СЫЩИКЪ — про себя.

Гмъ! Эти-то съ чутьемъ!

Подходятъ нѣсколько другихъ.

ОДИНЪ.

Вишь, изворотъ затѣяли какóй!
Безбожники!

ДРУГОЙ.

Знать, плохо имъ пришлось,
Губителямъ!

ТРЕТІЙ.

Романовы въ тюрьму
Посажены.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Помилуй Богъ, за чтó?

ПЯТЫЙ.

Боятся ихъ за то, что много знаютъ!

Проходятъ.

ОДНА БАБА — догоняетъ другую.

Да постой, голубушка, куда-жъ ты спѣшишь?

ВТОРАЯ.

Въ соборъ, въ соборъ, матушка! Панафиду, вишь, служатъ и большую анаѳему поютъ!

ПЕРВАЯ.

Да кто-жъ это скончался?

ВТОРАЯ.

Никакъ Гришка Отрепьевъ какой-то! Охъ, боюсь опоздать

ТРЕТЬЯ БАБА — пристаетъ къ нимъ.

Не Гришка, не Гришка, матушка! царевича Дмитріемъ зовутъ!

ПЕРВАЯ.

Такъ ему, стало, анаѳему служатъ? А панафида по комъ-же?

ВТОРАЯ.

По Гришкѣ, должно быть!

ЧЕТВЕРТАЯ БАБА — догоняетъ ихъ.

Постойте, кормилицы, и я съ вами! По какому Гришкѣ царевичъ панафиду служитъ?

ВСѢ ЧЕТВЕРО ВМѢСТѢ.

Да пойми ты, мать — я въ толкъ не возьму. — Ахти, опоздаемъ! — Да побойтесь Бога — кто-же скончался-то?—Пойдемъ, пойдемъ! Анаѳема скончался, Гришка—царевичъ служитъ панафиду!

Уходятъ.

СЫЩИКЪ — глядя имъ вслѣдъ.

Проваливай, бабье! отъ васъ ни шерсти,
Ни молока!

Подходятъ два мужика.

ПЕРВЫЙ — указывая на сыщика.

Ѳедюха! А Ѳедюха!
Смотри, у энтого какая сзади
Коса болтается! Чай изъ духовныхъ?

ВТОРОЙ.

Божественный, должно быть, человѣкъ.
Покажемъ листъ ему!

ПЕРВЫЙ.

Нешто, покажемъ!

Къ сыщику.

Отецъ родной, поволь тебя спросить:
Ты грамотный никакъ?

СЫЩИКЪ.

Господь сподобилъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ сдѣлай божескую милость: вотъ
Какой-то листъ нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

СЫЩИКЪ.

Предъяви!

Читаетъ.

«Мы Божіею милостію, Димитрій Ивановичъ,
«Царь и великій князь
«Всея Руси, ко всѣмъ русійскимъ людямъ:
«Господнимъ нѣкимъ превеликимъ чудомъ
«Сохранены и спасены....» Гмъ, гмъ!

Читаетъ про себя, потомъ громко.

«И первыхъ тѣхъ, которые на встрѣчу
«Со хлѣбомъ-солью къ намъ придутъ, тѣхъ первыхъ
«Пожалуемъ». Эй, люди, говорите:
Кто далъ вамъ листъ!

ПЕРВЫЙ.

Нашли подъ воротами,
Ей-богу-ну!

ВТОРОЙ.

Подъ самой подворотней!

СЫЩИКЪ.

А кто подкинулъ?

ПЕРВЫЙ.

Видитъ Богъ, не знаемъ!

СЫЩИКЪ.

Не знаете?

Свиститъ. Нѣсколько сыщиковъ подбѣгаютъ.

Хватайте этихъ двухъ!
Въ застѣнокъ ихъ!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ родной, за что́?

ВТОРОЙ.

За что́, помилуй?

СЫЩИКЪ.

Вамъ въ застѣнкѣ скажутъ!

Мужиковъ уводятъ среди общаго ропота. Подходитъ купецъ въ разговорѣ со вторымъ сыщикомъ.

СЫЩИКЪ.

Да что̀, почтенный, что̀ за торгъ у насъ?
Себѣ въ накладъ вѣдь продаемъ сегодня.
А съ нѣмцовъ пошлинъ половину снялъ!
Какой тутъ торгъ!

КУПЕЦЪ.

Такъ, такъ, родимый; сами
Концовъ свести не можемъ. Разоренье
Пришло на насъ!

СЫЩИКЪ — таинственно.

Одна надежда нонѣ —
Царь Дмитрій Іоанновичъ. Не терпитъ
Ни нѣмцовъ онъ, ни англичанъ. Пусть только
Пожалуетъ!

КУПЕЦЪ.

А что́?

СЫЩИКЪ.

Подметный листъ
Попался мнѣ: всѣхъ, говоритъ, купцовъ
Отъ пошлинъ свобожу!

КУПЕЦЪ.

Подай-то Богъ!

СЫЩИКЪ — хватаетъ его за̀-воротъ.

Такъ вотъ ты какъ! Такъ ты стоишь за вора?
Эй, нашли! Эй! Сыщики бросаются на купца.

ПОСАДСКІЕ И НАРОДЪ.

Да что́ вы! Бойтесь Бога!
За что̀ его?

1-й СЫЩИКЪ.

А вы чего вступились?
Хватай ихъ всѣхъ!

НАРОДЪ.

Нѣтъ, всѣхъ-то не перехватаешь! Бей ихъ, ребята! Довольно намъ терпѣть отъ сыщиковъ!

Звонъ бубенъ. Пѣшіе бубенщики. Передъ ними приставъ.

ПРИСТАВЪ.

Раздайтесь! Мѣсто! Мѣсто!
Бояринъ князь Василь Иванычъ Шуйскій!

ШУЙСКІЙ — въ сопровожденіи двухъ дьяковъ.

Съ чего, міряне, подняли вы шумъ!
Грѣхъ вамъ мутиться!

НАРОДЪ.

Батюшка, Василій Ивановичъ! Вступись, отецъ родной! Твой родъ вѣдь всегда за насъ стоялъ, а нонѣ намъ отъ сыщиковъ житья нѣтъ! Вступись, батюшка!

ШУЙСКІЙ.

Опомнитесь, міряне. Царь Борисъ
Өеодорычъ такъ приказалъ. Онъ знаетъ
Кого хватать. А вы пройти мнѣ дайте
До Лобнаго до мѣста; по указу,
По царскому, я рѣчь скажу.

Идетъ къ Лобному мѣсту.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, этотъ
Не вступится!

ДРУГОЙ.

Да, не чета Иванъ
Петровичу!

ТРЕТІЙ.

Какую-жъ рѣчь онъ скажетъ?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ послушаемъ.

ШУЙСКІЙ—съ Лобнаго мѣста.

Народъ московскій!
Вамъ всѣмъ: гостямъ, и всѣмъ торговымъ людямъ,
Всѣмъ воинскимъ, посадскимъ, и слободскимъ,
Митрополичьимъ всѣмъ, и монастырскимъ,
И вольнымъ, и кабальнымъ всякимъ людямъ,
Я, князь Василь Иванычъ Шуйскій, бью
Напредъ челомъ!

Кланяется на всѣ стороны.

Вамъ вѣдомо, что нѣкій
Еретикъ злой, разстрига, чернокнижникъ
И явный воръ, Отрепьевъ Гришка, Бога
Не убоясь, діаволу въ угоду,
Дерзнулъ себя царевичемъ покойнымъ,
Дмитріемъ Иванычемъ назвать...

Ропотъ.

И, съ помощью литовской рати, нынѣ
Идетъ къ Москвѣ, а съ нимъ не мало нашихъ...
Изъ Сѣверской земли...

ОДИНЪ.

Слышь, съ нимъ и наши!

ШУЙСКІЙ.

Измѣнниковъ. И хочетъ онъ, разстрига,
Великаго, почтеннаго отъ Бога
Царя Бориса Ѳедорыча свергнуть,
И церковь православную попрать,
И вовлекти въ латинскую насъ ересь.
Чтó вѣдая, великій государь
Мнѣ повелѣлъ вамъ повѣстить сегодня
Все, чтó своими видѣлъ я очами,
Когда, при Ѳедорѣ царѣ, посыланъ
Я въ Угличъ былъ, чтобъ розыскъ учинить:
Какъ тамъ царевичъ Дмитрій Іоанньчъ
Упалъ на ножъ и закололся.

ДРУГОЙ.

Знаемъ!

ТРЕТІЙ.

Слыхали то!

ШУЙСКІЙ.

И по пріѣздѣ, мы,
Съ Андреемъ со Петровичемъ, въ соборъ
Отправились, съ Лупъ-Клешнинымъ, и тамъ
Увидѣли младенца бездыханна,
Предъ алтаремъ лежаща, и его
Пресѣчена была гортань.

ТРЕТІЙ—вполголоса.

Да кто-же
Младенецъ былъ?

ШУЙСКІЙ.

Что Гришка-же Отрепьевъ
Не Дмитрій есть, а нѣкій бѣглый воръ,
Отъ церкви отлученный и проклятый —
Въ томъ я клянусь, и крестъ на томъ цѣлую,
И не видать мнѣ царствія небесна,
И быть на страшномъ Божіемъ судѣ
Мнѣ проклятy, и въ огнь идти мнѣ вѣчный,
Когда солгалъ!

Цѣлуетъ свой тѣльный крестъ.

ПЕРВЫЙ.

Да въ чемъ-же онъ клянется?

ВТОРОЙ.

Что́ Дмитрій не Отрепьевъ.

ТРЕТІЙ.

Безъ него
Мы знаемъ то!

ПЕРВЫЙ.

Постой, онъ говоритъ!

ШУЙСКІЙ.

И вѣдомый ере́тикъ тотъ и воръ
Великаго, почтеннаго отъ Бога,
И милосерднаго царя Бориса
Кусательно язвитъ, а отъ себя

Вамъ милостей не мало обѣщаетъ,
И Юрьевъ день обратно вамъ сулитъ.
И вамъ велитъ великій государь
Тому разстригѣ вѣры не давать;
А кто повѣритъ, или кто посмѣетъ
Сказать, что онъ есть истинный Димитрій —
Великій царь тому, немедля, вырвать
Велитъ языкъ. Я все сказалъ—простите!

Кланяется и сходитъ съ Лобнаго мѣста. Молчаніе въ народѣ.

ОДИНЪ.

Вотъ-те и рѣчь!

ДРУГОЙ.

Къ чему онъ велъ ее?

ТРЕТІЙ.

Знать, близко тотъ.

ПЕРВЫЙ.

И нашихъ съ нимъ довольно.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

И милости, слышь, обѣщаетъ намъ.

ВТОРОЙ.

Да, Юрьевъ день, слышь, отдаетъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ что́-же?

ПЕРВЫЙ.

А то, что, слышь, языкъ свой береги.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Побережемъ.

ПЯТЫЙ.

А не идти-ль туда?

ВТОРОЙ.

Куда туда?

ПЯТЫЙ.

На встрѣчу-то?

ТРЕТІЙ.

Ну, ну,
Чай, подождемъ.

ПЯТЫЙ.

Да долго-ль ждать?

ВТОРОЙ.

А здѣсь-то
Спужались, чай!

ТРЕТІЙ.

Да, есть съ чего спужаться;
Вѣдь тотъ-то прирожоный!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Подождемъ!

ВТОРОЙ.

Ну, подождемъ.

ПЕРВЫЙ.

И вправду подождемъ.

Народъ расходится, разговаривая вполголоса.

Покой во дворцѣ съ низкимъ сводомъ и рѣшетчатымъ окномъ.

Вдовая царица МАРІЯ НАГАЯ, во иночествѣ МАРѲА, одна.

МАРѲА.

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь трепеща!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою

Я предъ народомъ русскимъ утвердила —
Но кто-бъ ни-былъ невѣдомый твой мститель,
Идущій на Бориса—да хранитъ
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Лгать буду я!
Моимъ его я сыномъ буду звать!
Кто-бъ ни былъ онъ — онъ врагъ тебѣ, убійца —
Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество
Небесныя ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви съ него украденный вѣнецъ!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтобъ онъ, какъ звѣрь во прахѣ издыхая,
Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги —
Идутъ! Меня забила дрожь — и холодъ
Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей — то онъ!
Убійца тутъ — онъ близко — Матерь Божья!
Дай мнѣ владѣть собой! Притворствомъ сердца
Исполни мнѣ — изгладь печаль съ лица —
Перероди меня — содѣлай схожей
Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
Изобразить съумѣла-бы я радость
О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

Входитъ Борисъ со свѣчей, которую ставитъ на столъ.

БОРИСЪ — съ поклономъ.

Царица Марья Өедоровна, бью
Тебѣ челомъ!

МАРӨА.

Пострижена царица
По твоему указу. Предъ тобой
Лишь инокиня Марөа.

БОРИСЪ.

Твой обѣтъ
Не умаляетъ званья твоего.
Я предъ тобой благоговѣю нынѣ
Какъ нѣкогда благоговѣлъ, когда
Сидѣла ты съ царемъ Иваномъ рядомъ.

МАРѲА.

Благодарю.

БОРИСЪ.

Царица, до тебя
Ужъ вѣсть дошла —

МАРѲА.

Что сынъ мой отыскался?
Дошла, дошла! Благословенъ Господь!
Когда его увижу я?

БОРИСЪ.

Царица,
Въ умѣ-ли ты? Твой сынъ, сама ты знаешь,
Четырнадцать ужъ лѣтъ тому, въ недугѣ
Упалъ на ножъ —

МАРѲА.

Зарѣзанъ былъ. — Ты то-ли
Хотѣлъ сказать? Но я лишилась чувствъ
Когда та вѣсть достигла до меня —
Его я мертвымъ не видала!

БОРИСЪ.

Но
Онъ мертвъ, царица — онъ убился — въ томъ
Сомнѣній нѣтъ —

МАРѲА.

Такъ мнила я сама...

БОРИСЪ.

Его весь Угличъ мертвымъ видѣлъ —

МАРѲА.

Я
Не видѣла его!

БОРИСЪ.

На панихидѣ
Ты у его молилась трупа —

МАРѲА.

Слезы

Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрій живъ! Примѣты мнѣ его
Всѣ сказаны — онъ живъ, онъ живъ мой Дмитрій!
Онъ живъ, мой сынъ!

БОРИСЪ.

Возможно-ль? Радость блещетъ
Въ твоихъ очахъ? Ужель ты вправду вѣришь,
Что живъ твой сынъ? Ужель мнѣ сомнѣваться?
Ужели былъ и Клешнинымъ и Шуйскимъ
Обмануть я?

Входитъ царица МАРІЯ ГРИГОРЬЕВНА.

ЦАРИЦА.

Не прогнѣвись Борисъ
Ѳеодорычъ. Твой разговоръ съ царицей
Я слышала за дверью. Не втерпёжъ,
Свѣтъ-государь, мнѣ стало: поклониться
Царицѣ Марѳѣ захотѣлось.

Кланяется.

Земно
Тебѣ я, матушка царица Марѳа
Ѳеодоровна, кланяюся. Слышу:
Царевича ты мертвымъ не считаешь?
Такъ, стало, тотъ, кто въ Угличѣ убился,
Тебѣ не сынъ?

МАРѲА.

Не знаю, кто убился —
Димитрій живъ? Отъ вашихъ рукъ онъ Божьимъ
Невѣдомо былъ промысломъ спасенъ!
Хвала Творцу и Матери пречистой,
Мой сынъ спасенъ!

БОРИСЪ.

Царица — если вѣришь
Ты истинно тому, что̀ говоришь —
Повѣдай мнѣ: кто подмѣнилъ его?
Кѣмъ онъ и какъ изъ Углича похищенъ?
Гдѣ онъ досель скрывался? Чтобы вѣру
Тебѣ я далъ, я долженъ вѣдать все!

МАРѲА.

Какое дѣло мнѣ, ты вѣришь, нѣтъ-ли?

Вѣрь, или нѣтъ — довольно: живъ мой сынъ —
Не удалось твое злодѣйство!

БОРИСЪ.

Нѣтъ!
Не можетъ быть! Неправда! Быть не можетъ!
Какъ спасся онъ?

МАРѲА.

Дрожишь ты наконецъ!

БОРИСЪ.

Какъ спасся онъ? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мнѣ!

ЦАРИЦА.

Свѣтъ-государь Борисъ
Ѳеодорычъ, быть можетъ, обойдемся
Безъ пытки мы! Ты, матушка-царица,
Его убитымъ не видала?

МАРѲА.

Нѣтъ!

ЦАРИЦА.

А полно такъ-ли, матушка? Подумай.

МАРѲА.

Могла-ль его убитымъ видѣть я,
Когда убитъ онъ не́-былъ?

ЦАРИЦА.

А посмотримъ.
Отворяя дверь.
Войди, голубка!
Входитъ ВОЛОХОВА.

ЦАРИЦА — къ Марѳѣ.

Знаешь ты ее?

МАРѲА.

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

ЦАРИЦА.

Чтó, матушка, съ тобой?
Чтó взволновалася ты такъ? Зачѣмъ
Тебя приводитъ въ ужасъ Василиса?

МАРѲА.

Прочь! Прочь ее! Кровь на ея рукахъ!
Кровь Дмитрія! Будь проклята во-вѣки!
Будь проклята!

ЦАРИЦА — къ Волоховой.

Довольно, Василиса,
Ступай себѣ.

Волохова уходитъ.

Ну, батюшка Борисъ
Ѳеодорычъ? Увѣрился теперь,
Что нѣтъ въ живыхъ ея царёнка? То-то!
Ужъ ты за пытку-было! Ты уменъ,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть иныя
Чувствительнѣй и дыба и когтей.
Чего-жъ ты, свѣтъ, задумался? Забылъ-ли
Зачѣмъ пришелъ?

Дергаетъ Марѳу зà-руки.

Опомнися, царица!
Оправься, мать. Ну, государь?

БОРИСЪ.

Царица,
Ты выдала себя. Теперь мы знаемъ,
Не можешь ты за сына почитать
Обманщика, дерзнувшаго назваться
Димитріемъ. Какъ ни погибъ царевичъ —
Хотя-бъ о томъ мнѣ ложно донесли —
Но онъ погибъ. Твоя печаль, повѣрь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мнѣ нà-душу твое ложится горе.
Я-бъ много далъ, чтобъ прошлое вернуть —
Но прошлое не въ нашей власти. Мы
Должны теперь о настоящемъ думать.
Великую, царица, можешь ты
Бѣду отъ царства отвратить: лишь стóитъ
Передъ народомъ клятву дать тебѣ,
Что Дмитрій мертвъ и погребенъ. Согласна-ль
На это ты?

МАРѲА.

Я выдала себя —
Мой сынъ убитъ. Но какъ о томъ народу
Я повѣщу? Ты въ томъ-ли мнѣ велишь
Крестъ цѣловать, что на моихъ глазахъ
Тобою купленная мамка сына
Убійцамъ въ руки предала?

БОРИСЪ.

Клянусь,
Я не приказывалъ того!

МАРѲА.

Мой сынъ
Тобой убитъ. Судьба другого сына
Послала мнѣ — его я принимаю!
Димитріемъ его зову! Приди,
Приди ко мнѣ, воскресшій мой Димитрій!
Приди убійцу свергнуть твоего!
Да, онъ придетъ! Онъ близко, близко—вижу
Побѣдные его ужъ блещутъ стяги—
Онъ подъ Москвой—предъ именемъ его
Отверзлися кремлевскія ворота —
Безъ бою онъ вступаетъ въ городъ свой —
Народный плескъ я слышу—льются слезы —
Димитрій царь! И къ конскому хвосту
Примкнутаго тебя, его убійцу,
Влекутъ на казнь!

ЦАРИЦА.

Пророчитъ гибель намъ
Твоя гортань?

Схватываетъ зажженную свѣчу и бросается съ нею на Марѳу.

Такъ подавись-же, сука!

БОРИСЪ—удерживая ее, къ Марѳѣ.

Отчаянью прощаю твоему.
Размыслишь ты, что месть твоя не можетъ
Царевича вернуть, но что въ твоей,
Царица, власти помѣшать потокамъ
Кровавымъ течь, и брату встать на брата.
Не мысли ты, что до Москвы безъ боя
Дойдетъ тотъ воръ! Нѣтъ, онъ лишь чужеземцевъ

Къ намъ приведетъ! Раздоръ лишь воспалитъ онъ!
Утраченный тебѣ твой дорогъ сынъ;
Но менѣе-ль тебѣ, царица, дорогъ
Покой земли? Молчаніемъ своимъ
Усобицѣ откроешь ты затворы,
Тьма бѣдъ, царица, по твоей винѣ,
Падетъ на Русь! За нихъ предъ Богомъ будешь
Ты отвѣчать. О томъ раздумать время
Даю тебѣ—прости! Свѣти мнѣ, Марья!

Уходитъ съ царицей.

МАРѲА — одна.

Ушли—и жало жгучее уносятъ
Въ своихъ сердцахъ! Я ранила ихъ на̀-смерть,
Я, Дмитріева мать! Теперь ихъ дни
Отравлены! Безъ сна ихъ будутъ ночи!
Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ—
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топоръ падетъ на голову ему!
Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
Я буду звать безвѣстнаго бродягу!
Чтобъ отомстить злодѣю твоему,
На твой престолъ онъ доженъ сѣсть; вѣнецъ твой
Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
Нарядится онъ въ золото и въ жемчугъ —
А ты, мой сынъ, мое дитя, межъ тѣмъ,
Въ сырой землѣ ждать будешь воскресенья,
Во гробикѣ! О, Господи! Послѣдній
Ребенокъ нищаго на божьемъ солнцѣ
Волёнъ играть—ты-жъ, для вѣнца рожденный,
Лежишь во тьмѣ и въ холодѣ! Не время
Твои пресѣкло дни! Ты могъ-бы жить!
Ты выросъ-бы! На славу всей землѣ
Ты-бъ царствовалъ теперь! Но ты убитъ!
Убитъ мой сынъ! Убитъ, убитъ, мой Дмитрій!

Падаетъ на̀-земь и рыдаетъ.

Покой во дворцѣ.

БОРИСЪ сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ врачъ.

БОРИСЪ.

Не легче королевичу?

ВРАЧЪ.

Увы,
Великій царь, припадки стали чаще!

БОРИСЪ.

Надежда есть?

ВРАЧЪ.

Не много, государь.

БОРИСЪ.

Но чѣмъ онъ такъ внезапно заболѣлъ?

ВРАЧЪ.

Невѣдомые признаки сбиваютъ
Насъ съ толку, царь.

БОРИСЪ.

Послушай! Жизнь его
Мнѣ собственной моей дороже жизни!
Сокровища не знаю я такого,
Котораго-бъ не отдалъ за него!
Скажи своимъ товарищамъ, скажи имъ—
И помни самъ—нѣтъ почестей такихъ,
Какими-бы я щедро не осыпалъ
Спасителя его!

ВРАЧЪ.

Великій царь,
Не почести намъ знанья придадутъ.
По долгу мы служить тебѣ готовы;
Награда намъ не деньги, а успѣхъ.
Но случая подобнаго ни разу
Никто изъ насъ не встрѣтилъ.

БОРИСЪ.

Воротись

Къ нему скорѣй. Блюди его; науку
Всю истощи свою! Во что-бъ ни стало,
Спаси его! Скажи другимъ: предѣловъ
Не будетъ благодарности моей!
Ступай, ступай!

Врачъ уходитъ.

БОРИСЪ — одинъ.

Ужели насъ Господь
Еще накажетъ этою потерей!
Онъ то звено, которымъ вновь связалъ-бы
Я древнюю, расторгнутую цѣпь
Межъ Западомъ и русскою державой!
Черезъ него ей возвратилъ-бы море
Варяжское! Что Ярославъ стяжалъ,
Что подъ чужимъ мы игомъ потеряли—
Безъ боя то, безъ спора возвратилъ-бы
Я вновь Руси! Со смертію его
Все рушится. А Ксенія моя!
Чѣмъ чистая душа ея виновна,
Что преступленье нѣкогда свершилъ
Ея отецъ? Ты, бѣдная! Легко
Жилось тебѣ, и по наслышкѣ только
Ты вѣдала о горестяхъ людскихъ.
Ужели ихъ на дѣлѣ испытать
Такъ рано ты осуждена? Ужели
Всѣ бѣды съединятся, чтобы разомъ
На насъ упасть? Здѣсь умираетъ зять,
А тамъ растетъ тотъ врагъ непостижимый—
Моя вина, которой утвердить
На вѣки я хотѣлъ работу жизни,
Она-жъ тяжелой рушится скалой
На зданіе мое!

Входитъ Семенъ Годуновъ со сверткомъ въ рукахъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій царь —

БОРИСЪ.

Какую новую бѣду еще
Ты мнѣ принесъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То не бѣда, а дерзость,

Великій государь; къ тебѣ писать
Осмѣлился тотъ воръ.....

БОРИСЪ.

Подай сюда,
Видъ царской грамоты имѣетъ свертокъ,
И царская привѣшена печать....
Искусно все поддѣлано. Прочти!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — читаетъ.

«Великій князь и царь всея Русіи
«Димитрій Іоанновичъ, тебѣ,
«Борису Годунову! Отъ ножа
«Бывъ твоего избавлены чудесно,
«Идемъ возсѣсть на царскій нашъ престолъ
«И судъ держать великій надъ тобою.
«И казни злой тебѣ не миновать
«Когда пріимемъ наши государства.
«Но если ты, свою познавши мерзость,
«До нашего прихода съ головы,
«Со скверныя со своея, самъ сложишь
«Нашъ воровски похищенный вѣнецъ,
«И въ схиму облечешься, и смиренно
«Въ монастырь оплакивать свой грѣхъ
«Затворишься—мы, въ жалости души,
«Тебя на казнь не обречемъ, но милость
«Тебѣ, Борису, царскую мы нашу
«Тогда явимъ. Путивль, осьмого марта».

Борисъ закрываетъ лицо руками.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тебя кручинитъ этотъ дерзкій листъ?

БОРИСЪ.

Не оттого, что послѣ всѣхъ трудовъ
И напряженья цѣлой жизни, тяжко
Лишиться было-бъ мнѣ вѣнца! Всегда
Я былъ готовъ судьбы удары встрѣтить.
Но если онъ мнѣ *милость* предлагаетъ,
Разсчитывать онъ долженъ, что вся Русь
Отпасть готова отъ меня! И онъ,
Быть можетъ, правъ. Тѣ самые, кто слезно

Меня взойти молили на престолъ,
Они-жъ теперь, безъ нуды и безъ боя,
Ему предать меня спѣшатъ! И здѣсь,
Здѣсь, на Москвѣ, покорные наружно,
Въ душѣ врагу усердствуютъ они!
А что́ я сдѣлалъ для земли, что́ я
Для государства сдѣлалъ—то забыто!
Мнѣ это горько.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь, что́ можетъ
Тотъ наглый воръ? —

БОРИСЪ.

Такимъ его считалъ я,
Такимъ считать велитъ его разсудокъ —
Но послѣ всѣхъ невзгодъ моихъ, невольно
Сомнѣнія рождаются во мнѣ.
Свидѣтеля мнѣ надо, кто бы видѣлъ
Димитрія умершимъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Но царица
Созналася....

БОРИСЪ.

Сознаніе ея
Могло испугомъ вынужденно быть.
Я вѣдаю, что было покушенье,
Но знать хочу: была ли смерть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Его
Василій Шуйскій мертвымъ видѣлъ....

БОРИСЪ.

Шуйскій!
Могу ли вѣрить я ему?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тогда
Вели призвать Андрея Клешнина.
Онъ схиму принялъ, Богу отдался,
Онъ не солжетъ.

БОРИСЪ.

Послать за нимъ! Но тайно
Пусть онъ придетъ. И говорить ни съ кѣмъ
Чтобы не смѣлъ!

СТОЛЬНИКЪ — отворяя дверь.

Великій государь,
Врачи тебѣ прислали повѣстить:
Отходитъ королевичъ!

БОРИСЪ.

Боже правый!

Уходитъ съ Годуновымъ. Царевичъ Ѳедоръ отворяетъ дверь, осматривается и говоритъ за кулисы.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ никого — войди, сестра!

КСЕНІЯ — входя.

Какъ мнѣ
Наединѣ съ тобою быть хотѣлось!
Что́ ты узналъ о немъ?

ѲЕДОРЪ.

Не допустили
Меня къ нему; но я у двери слушалъ:
Тебя зоветъ съ собою громко онъ
Въ Норвегію, и то же обвиненье
Твердитъ о нашемъ объ отцѣ....

КСЕНІЯ.

Ужасный,
Ужасный бредъ!

ѲЕДОРЪ.

Бредъ, говоришь ты?

КСЕНІЯ.

Какъ?
Ты думаешь онъ вправду вѣритъ?

ѲЕДОРЪ.

Ксенья —
Когда-бъ одно лишь это могъ я думать?

КСЕНІЯ.

Но что-жъ еще?

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

КСЕНІЯ — взявъ его за руку.

Братъ, слышишь?

ѲЕДОРЪ.

Чтó?

КСЕНІЯ.

На половинѣ той
Забѣгали!...

ѲЕДОРЪ.

Отецъ идетъ сюда —

КСЕНІЯ.

Мнѣ страшно, Ѳедоръ!

БОРИСЪ — входя.

Ксенія моя —

КСЕНІЯ.

Отецъ, чтó тамъ случилось?

БОРИСЪ.

Будь тверда —
Крѣпися, Ксенья!

ѲЕДОРЪ — къ Борису.

Пощади ее!

КСЕНІЯ.

Да, я тверда! Я все могу услышать —
Надежды нѣтъ? Нѣтъ никакой? Скажи!

БОРИСЪ.

Все кончено!

Ксенія шатается и падаетъ.

БОРИСЪ — поддерживая ее.

Господь съ тобою, Ксенья!

ДѢЙСТВІЕ V.

Престольная палата.

Ночь. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу.

ДВОЕ ЧАСОВЫХЪ.

ПЕРВЫЙ.

Что́, долго ли до смѣны?

ВТОРОЙ.

Чай, усталъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, жутко какъ-то.

ВТОРОЙ.

Да и мнѣ, признаться,
Не по́-сердцу въ палатѣ этой. Все
Какъ будто ходитъ кто-то. Поглядишь —
Нѣтъ никого!

ПЕРВЫЙ.

Ну, Богъ съ тобой! Не къ ночи
Объ этомъ рѣчь.

ВТОРОЙ.

Часокъ еще, пожалуй,
Стоять придется.

ПЕРВЫЙ.

То-то. А, ей-богу,
Двойную смѣну на дворѣ бы лучше
Я простоялъ!

ВТОРОЙ.

Вишь, самъ заводишь рѣчь!

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, чуръ меня! О чемъ-нибудь другомъ
Заговоримъ. Замѣтилъ ты сегодня,
Какъ пасмуренъ былъ царь?

ВТОРОЙ.

И впрямъ, онъ былъ
Еще мрачнѣй, чѣмъ эти дни.

ПЕРВЫЙ.

Кручина....

ВТОРОЙ.

Да, есть о чемъ. А, говорятъ, Басмановъ
Того разбилъ недавно вора.

ПЕРВЫЙ.

Чтó же
Все мраченъ царь? Не вѣритъ, чтó-ли?

ВТОРОЙ.

Ликъ-то
Какъ страшенъ сталъ!

ПЕРВЫЙ.

Глядитъ и не глядитъ —

ВТОРОЙ.

Я-бъ не хотѣлъ теперь его увидѣть!

ПЕРВЫЙ.

Избави Богъ!

ВТОРОЙ.

Постой — ты слышалъ?

ПЕРВЫЙ.

Чтó?

ВТОРОЙ.

Дверь скрыпнула!...

ПЕРВЫЙ

Ну, ври себѣ!

ВТОРОЙ.

Шаги!...

ПЕРВЫЙ.

И впрямъ шаги....

ВТОРОЙ.

То изъ покоевъ царскихъ
Сюда идутъ.... все ближе....

ПЕРВЫЙ — съ испугомъ.

Кто идетъ!

ВТОРОЙ.

Молчи, молчи! Онъ самъ!

БОРИСЪ въ рубахѣ, поверхъ которой накинутъ опашень, входитъ, ихъ не замѣчая.

БОРИСЪ — про себя.

«Убитъ, но живъ!»
Меня съ одра все тотъ же призракъ гонитъ.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покой находитъ,
Въ росѣ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ, и день и ночь,
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется,
Кружась безъ отдыха... «Убитъ, но живъ!»
Я совершилъ безъ пользы преступленье!
Проклятья даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я —
Когда онъ живъ — зачѣмъ же я, какъ Каинъ,
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатилъ за эту смерть — душою
Ее купилъ! Я требую, чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату —
Такъ пусть же мой противникъ вправду згинетъ,
Иль пусть опять безвиненъ буду я!

Осматривается.

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
Гдѣ, въ день вѣнчанья моего, я въ блескѣ
Невиданномъ дотолѣ возсѣдалъ!
Онъ мой еще. Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

Подходитъ и отступаетъ въ ужасѣ.

Престолъ мой занятъ!

Приходитъ въ себя.

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ!....

Безумный бредъ! Все та-же мысль! Рожденье
Безсонницы! Но нѣтъ—я точно вижу—
Вновь что-то тамъ колеблется какъ дымъ—
Сгущается—и образомъ стать хочетъ!
Ты—ты! Я знаю чѣмъ ты хочешь стать—
Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами!

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

БОРИСЪ.

Кто здѣсь говоритъ?

Увидѣвъ часовыхъ.

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
Подслушивать?

ВТОРОЙ.

Великій государь—
Наряжены мы теремъ караулить!..

БОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ-же ваши очи?
Смотри туда! Чтò на престолѣ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь.... я ничего не вижу!...

БОРИСЪ.

Такъ подойди-жъ и бердышомъ своимъ
Ударь въ престолъ! Чего дрожишь? Иди—
Ударь въ престолъ!

Часовой подходитъ къ престолу.

Стой! Воротись—не надо!
Я надъ тобой смѣялся! Развѣ ты
Не видишь, трусъ, что это мѣсяцъ свѣтитъ
Такъ отъ окна? Тебѣ и нѣвѣсть чтò
Почудилось?.... Смотрите-же, вы оба:
О томъ, чтò здѣсь вы слышали сейчасъ,
Иль видѣли—молчать подъ смертной казнью!
Вы знаете меня!

Вздрогнувъ.

Кто тамъ?

Входитъ Семенъ Годуновъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То я,
Великій государь! Тебя ищу я....

БОРИСЪ.

Кто право далъ тебѣ за мной слѣдить?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — тихо.

Андрей Клешнинъ, по твоему велѣнью,
Къ тебѣ пришелъ.

БОРИСЪ — къ часовымъ.

Ступайте оба прочь!

Часовые уходятъ.

БОРИСЪ.

Никто не видѣлъ Клешнина?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ

Никто.
По тайному крыльцу его я въ теремъ
Самъ проводилъ.

БОРИСЪ.

Впусти его!

Семенъ Годуновъ уходитъ.

Подъ схимой
Онъ отъ мірскихъ укрылся треволненій
А я, какъ грозный нѣкогда Иванъ,
Безъ отдыха метусь. Какъ онъ, средь ночи
Жду схимника, чтобы сомнѣнье мнѣ
Онъ разрѣшилъ. И какъ при немъ, такъ нынѣ
При мнѣ грозитъ Русіи распаденье!
Уже-ль судьба минувшіе тѣ дни
Надъ нею повторяетъ? Или въ двадцать
Протекшихъ лѣтъ не двинулся я съ мѣста?
И что̀ я прожилъ, былъ пустой лишь сонъ?
Сдается мнѣ, я шелъ, все шелъ впередъ,
И мнилъ пройти великое пространство,
Но только кругъ огромный очертилъ,
И, утомлёнъ, на то-жъ вернулся мѣсто,

Откуда шелъ. Лишь имена смѣнились,
Преграда та-жъ осталась предо мной—
Противникъ живъ—вѣнецъ мой лишь насмѣшка,
А истина—злодѣйство есть мое—
И за него проклятья!

Входитъ КЛЕШНИНЪ въ схимѣ и въ веригахъ.

БОРИСЪ.

Это ты?

КЛЕШНИНЪ.

Я самъ. Зачѣмъ меня ты потревожилъ?
Спокойно не́-далъ умереть? Въ чемъ дѣло?

БОРИСЪ.

Давно съ тобою не видались мы.

КЛЕШНИНЪ.

И лучше-бы намъ вовсе не видаться.

БОРИСЪ.

Ты нуженъ мнѣ.

КЛЕШНИНЪ.

Еще? Кого зарѣзать
Задумалъ ты?

БОРИСЪ.

Твоя не впору дерзость,
Ее терпѣть я не хочу!

КЛЕШНИНЪ.

А я
Хочу быть дерзокъ. Или, мнишь ты, послѣ
Того, что́ я видаю по ночамъ,
Ты страшенъ мнѣ?

БОРИСЪ.

Оставь обычай свой.
Дай мнѣ отвѣтъ по правдѣ: въ Угличъ ты
На розыскъ тотъ посыланъ съ Шуйскимъ былъ,
Дай мнѣ отвѣтъ—и царствіемъ небеснымъ
Мнѣ поклянись: убитъ, иль нѣтъ Димитрій?

КЛЕШНИНЪ.

Убитъ-ли онъ? Дивлюся я тебѣ.
Или мою не разглядѣлъ ты схиму?
Такъ посмотри-же на мое лицо!
Зачѣмъ-бы я постился столько лѣтъ?
Зачѣмъ-бы я носилъ вериги эти?
Зачѣмъ живой зарылся-бъ въ землю я,
Когда-бъ убитъ онъ нé-былъ?

БОРИСЪ.

Ты его
Самъ видѣлъ мертвымъ?

КЛЕШНИНЪ.

Будь спокоенъ. Мы
Его убійцъ названье не украли—
Оно, по праву, наше: на гортани
Зіяетъ рана въ цѣлую ладонь!

БОРИСЪ.

И нé было подмѣна?

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ. Когда-бы
Его черты забыть я могъ—мнѣ ихъ
Мои-бы сны напомнили...

БОРИСЪ.

Кто-жъ тотъ,
Кто называетъ Дмитріемъ себя?

КЛЕШНИНЪ.

По чемъ мнѣ знать! Духъ, можетъ быть, иль хуже,
Но говорить съ тобой объ этомъ ночью
Я не хочу. Объ эту пору чутокъ
Бываетъ тотъ!

БОРИСЪ.

Андрей —

КЛЕШНИНЪ.

Забудь Андрея!

Четырнадцать ужъ лѣтъ въ болотѣ черти
Играютъ имъ. Братъ Левкій предъ тобой.

БОРИСЪ.

Постригся ты, но схима не смирила
Твой злобный духъ. Не кротостію рѣчь
Твоя звучитъ.

КЛЕШНИНЪ.

Не въ кротости спасенье.
Ты мягко стлалъ, но не помогъ себѣ
Медовой рѣчью въ горькую годину.
Не помогли и казни. Надъ тобой
Проклятье Божье. Мерзость ты свою
Познай, какъ я; прими такую-жъ схиму;
Сложи вѣнецъ; молися и постись;
Заприся въ кельѣ —

БОРИСЪ.

Русскою землею
Блюсти ее, на царство я избранъ!
Въ невзгоды часъ съ престола моего
Я не сойду какъ скоморохъ съ подмостокъ!
Съ мечомъ въ рукахъ, не съ четками, я встрѣчу
Врага земли!

КЛЕШНИНЪ.

Земля тебя клянетъ!
А врагъ у насъ съ тобой одинъ: оружью
Онъ твоему смѣется! Съ нимъ сразиться
Ты можешь только, павши ницъ во прахъ
Передъ крестомъ!

БОРИСЪ.

Когда придетъ мой часъ,
Я принесу за грѣхъ мой покаянье.
Теперь грозу я долженъ встрѣтить. Если
Тебѣ еще что вѣдомо въ семъ дѣлѣ,
Скажи мнѣ все!

КЛЕШНИНЪ.

Я все тебѣ сказалъ.
Убійца ты. Волхвы тебѣ когда-то
Семь лѣтъ царенья предсказали. Близокъ
Твой смертный часъ. Прости — я ухожу.

Онъ инока, отъ Левкія прими
Благословенье днесь.

БОРИСЪ.

Передъ твоей
Священною склоняюся я схимой —
Не предъ тобой, монахъ!

КЛЕШНИНЪ.

Лобзай-же руку,
Благословляющую тя!

БОРИСЪ.

Твою?

КЛЕШНИНЪ.

Она въ крови? Такъ что́-жъ? Ты развѣ чище?
Сложи вѣнецъ!

БОРИСЪ.

Съ судьбой бороться буду
Я до конца!

КЛЕШНИНЪ.

Такъ умирай какъ песъ!

Уходитъ

Утро. Покой передъ царской опочивальней.

Спальникъ слушаетъ у дверей. Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Что́ государь? Каковъ онъ?

СПАЛЬНИКЪ.

До разсвѣта
Въ постелю не ложился. Все ходилъ,
По прежнему, и самъ съ собою все
Какъ будто разговаривалъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Басмановъ

Сей ночью прибылъ; о своей побѣдѣ
Царю отчетъ привезъ онъ. Царь его
Не принималъ?

СПАЛЬНИКЪ.

Нѣтъ. Грамату къ себѣ
Потребовалъ; прочтя, перекрестился,
Ему-жъ велѣлъ быть къ лобному столу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И легъ въ постель?

СПАЛЬНИКЪ.

Легъ, только не надолго;
Чрезъ краткій часъ всталъ снова, и велѣлъ
Царевича позвать; а намъ далъ строгій
Запретъ за два покоя никого
Къ нимъ не пускать.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Они доселѣ вмѣстѣ?

СПАЛЬНИКЪ.

Досель.... но вотъ, кажись, идутъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Уйдемъ!

Оба уходятъ. БОРИСЪ входитъ, въ разговорѣ съ царевичемъ ѲЕДОРОМЪ.

БОРИСЪ.

Мы трудныя съ тобою времена
Проходимъ, сынъ. Предвидѣть мы не можемъ,
Какой борьба пріиметъ оборотъ
Съ врагомъ Руси. Мои слабѣютъ силы;
Престолъ мой новъ; опасна смерть моя
Для нашего теперь была-бы рода;
Предупредить волненья мы должны.
Я положилъ: торжественною клятвой
Связать бояръ въ ихъ вѣрности тебѣ.
Сегодня, сынъ, тебя вѣнчать на царство
Я положилъ!

ѲЕДОРЪ.

Отецъ, помилуй! Какъ?

Въ тотъ самый день, когда ты честь воздать
Басманову за славную побѣду
Готовишься?

БОРИСЪ.

Измѣнчива судьба.
Мы на лету ея всечасно ласку
Ловить должны. Усердье къ намъ людей
Съ ней за одно. Сегодня прежнимъ блескомъ
Мой свѣтитъ скиптръ. Въ Бориса счастье снова
Повѣрили. Сегодня уклониться
Отъ царской воли никому не можетъ
И въ мысль войти. Но знаемъ-ли мы что́
Насъ завтра ждетъ? Я на обѣдѣ царскомъ
Отъ всѣхъ бояръ хочу тебѣ присяги
Потребовать.

ѲЕДОРЪ.

Прошу тебя, отецъ,
Уволь меня!

БОРИСЪ.

Пріять вѣнецъ русійскій
Назначенъ ты въ тотъ самый день, когда
На царство я взведенъ былъ земской думой.
Себѣ и роду своему престолъ
Упрочить ты обязанъ.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, отецъ!
Я не могу — уволь меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Ѳедоръ —
Что̀ значитъ это?

ѲЕДОРЪ.

Не гнѣвись, отецъ —
Вѣнчаться не могу я! На престолъ —
Я не имѣю права!

БОРИСЪ.

Какъ?

ѲЕДОРЪ.

Отецъ,
Прости меня! Ты борешься упорно —
Я-жъ не увѣренъ, что противникъ твой —
Не истинный Димитрій!

БОРИСЪ.

Не увѣренъ?
Ты, Ѳедоръ — ты?

ѲЕДОРЪ.

Я углицкое дѣло
Читалъ, отецъ, и Шуйскаго тотъ розыскъ.
Безсовѣстно допросъ былъ учиненъ!
Отыскивать не такъ-бы долженъ правду
Кто-бъ искренно хотѣлъ ее узнать!

БОРИСЪ.

Но правда та мнѣ вѣдома!

ѲЕДОРЪ.

Ты могъ
Обмануть быть!

БОРИСЪ.

Нѣтъ, нé былъ я обмануть!

ѲЕДОРЪ.

Отъ Шуйскаго лишь углицкое дѣло
Ты то узналъ!

БОРИСЪ.

Я прежде зналъ его!

ѲЕДОРЪ.

Ты?

БОРИСЪ.

Я!

ѲЕДОРЪ.

Отецъ! Какъ могъ его ты знать?

БОРИСЪ.

Когда тебѣ улики дамъ я въ руки,
Что Дмитрій мертвъ —

ѲЕДОРЪ.

Какъ? У тебя иныя
Улики есть, чѣмъ тѣ, что̀ собралъ Шуйскій?

БОРИСЪ.

Иныя — да!

ѲЕДОРЪ.

И ты доселѣ ихъ
Не предъявилъ?

БОРИСЪ.

Я ихъ не предъявлю!
Мнѣ на̀-слово повѣрить долженъ ты!
Димитрій мертвъ!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, прежде не повѣрю,
Чѣмъ самъ увижу тѣ улики!

БОРИСЪ.

Ты —
Ихъ требуешь? Ты хочешь ихъ, сынъ Ѳедоръ?
Такъ знай-же все!

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Молчи!
Повѣрилъ я! Не говори ни слова —
Повѣрилъ я!

Молчаніе.

БОРИСЪ.

Не долго мнѣ осталось
На свѣтѣ жить. Земли мнѣ русской слава,
Свидѣтель Богъ, была дороже власти.
Но, вижу я, на мнѣ благословенья
Быть не могло.

ѲЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Оно не можетъ
Быть на тебѣ!

БОРИСЪ.

Ты чистъ и бѣлъ. Тебя
Отъ прикасанья зла предохранить
Мнѣ удалось. Господь твою державу
Благословитъ.

ѲЕДОРЪ.

О, если-бъ не пришлось мнѣ
Ее принять!

БОРИСЪ.

Неизлечимъ недугъ
Душевный мой.- Онъ разрушаетъ тѣло —
И быстро я, усильямъ вопреки,
Иду къ концу. Въ страданьи человѣкъ
Бываетъ слабъ. Мнѣ вѣдать тяжело,
Что всѣ меня клянутъ.... Услышать слово
Привѣтное я былъ-бы радъ.... Молчаніе.

ѲЕДОРЪ.

Прости! Уходитъ.

Столовая Палата.

Великолѣпно убранные столы въ нѣсколько рядовъ. За ними, въ ожиданіи, сидятъ бояре. На правой сторонѣ просценіума, царскій столъ, съ пятью приборами. Нѣсколько лицъ разговариваютъ на просценіумѣ.

САЛТЫКОВЪ.

Намъ не везетъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Побѣду надъ собою
Мы празднуемъ!

САЛТЫКОВЪ.

Неволей торжествуемъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Да полно такъ-ли плохо? Вѣдь виной
Въ побѣдѣ этой лишь одинъ Басмановъ;
Не будь его, Димитрій смялъ-бы насъ!

САЛТЫКОВЪ.

Онъ насъ и смялъ. Ужъ наши отступали,
Какъ врагъ того Басманова принесъ.
Окрысился, упёрся — а къ нему
Какъ разъ, на помощь нѣмцы подоспѣли.

ГОЛИЦЫНЪ.

Проклятые!

САЛТЫКОВЪ.

Какое горе имъ!
Борису присягали, за Бориса
Кладутъ животъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Басмановъ за него-же!

САЛТЫКОВЪ.

А то, не бось, за насъ? Собака знаетъ,
Чей ѣла кормъ!

ШУЙСКІЙ — подходитъ.

О чемъ, бояре, вы?

САЛТЫКОВЪ.

Да все о томъ-же, князь Василь Иванычъ,
О радости великой.

ШУЙСКІЙ.

Какъ бы только
Не горевать пришлося намъ! Мнѣ пишутъ:
Онъ вновь собрать успѣлъ свои дружины,
Къ нему идетъ подмога отъ Литвы,
А Роща-Долгорукій, со Змѣевымъ,
Передались ему; Мосальскій также,
И Татевъ то-жъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты шутишь, князь?

ШУЙСКІЙ.

Ей-Богу.

САЛТЫКОВЪ.

Царь вѣдаетъ?

ШУЙСКІЙ.

Зачѣмъ его тревожить?
Пожалуй, пиръ сегодняшній та вѣсть
Испортила-бъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, слава Богу! Лишь-бы
Басманова царь не послалъ опять!

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! Нельзя намъ на Москвѣ
Быть безъ него!

САЛТЫКОВЪ.

Признайся, князь Василій,
Вѣдь это *ты* царя-то надоумилъ
Басманова призвать?

ШУЙСКІЙ — смѣясь.

А кто-жъ еще?
Вѣдь онъ себѣ награду заслужилъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Хитёръ-же ты!

ШУЙСКІЙ.

Ну, гдѣ ужъ намъ хитрить!

САЛТЫКОВЪ.

А вотъ и онъ!

Входитъ БАСМАНОВЪ, всѣ раздаются.

ШУЙСКІЙ — идетъ ему на встрѣчу.

Челомъ, бояринъ Петръ
Ѳеодорычъ, тебѣ отъ всей отъ думы!
Утѣшилъ насъ, ей-Богу-ну! А то,
И батюшкѣ царю кручинно стало;
Какъ съ воромъ-молъ не справиться-то съ тѣмъ,
Съ разстригою!

БАСМАНОВЪ.

На врядъ-ли онъ разстрига.

ШУЙСКІЙ.

Разстрига, нѣтъ-ли—тотъ-же воръ. Теперь
Чай, не начнетъ!

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, князь Василь Иванычъ,

Боюсь, начнетъ. Хоть онъ и воръ, а удаль
Намъ показалъ свою. И любо видѣть
Какъ рубится! Въ бѣдѣ не унываетъ:
Когда его войска погнали мы,
Послѣдній онъ, и шагъ за шагомъ только,
Намъ уступилъ. Такъ, говорятъ, косматый,
Осиленный ловцами, покидаетъ
Добычу левъ!

ШУЙСКІЙ — смѣясь.

Да ты, никакъ, бояринъ,
Не въ шутку хвалишь вора!

БАСМАНОВЪ.

Не таюсь,
Мнѣ по-сердцу и вражая отвага!

ШУЙСКІЙ.

А за твою тебѣ сегодня царь
Воздастъ почетъ!

БАСМАНОВЪ.

Храни его Господь!
Но лучше-бы меня теперь у войска
Оставилъ онъ. Не надо-бъ дать врагу
Опомниться.

ШУЙСКІЙ.

И безъ тебя, бояринъ,
Его добьютъ. Ты-жъ для совѣта намъ
Здѣсь надобенъ.

САЛТЫКОВЪ.

Не даромъ государь
Пожаловалъ тебя въ бояре. Будешь
Насъ разуму учить!

ГОЛИЦЫНЪ.

Намъ будешь въ думѣ
Указывать!

БАСМАНОВЪ.

Боюся, не съумѣю
Вамъ быть подъ стать.

ГОЛИЦЫНЪ.

Мы славимся породой,
А ты умомъ!

БАСМАНОВЪ.

Кто чѣмъ богатъ!

Входитъ СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ. Всѣ ему кланяются. За нимъ два стольника несутъ богатую шубу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — къ Басманову.

Бояринъ
Петръ Өедорычъ! Великій государь,
До своего до царскаго прихода,
Мнѣ приказалъ привѣтствовать тебя,
И эту шубу, съ своего плеча,
Прислалъ тебѣ въ подарокъ!

ВСѢ — кланяясь Басманову.

Съ царской лаской!

Стольники надѣваютъ на него шубу.

БАСМАНОВЪ.

Не заслужилъ я милости великой!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То лишь починъ. Угодно государю
Тебѣ такія почести воздать,
Какихъ еще онъ никому доселѣ
Не воздавалъ!

ШУЙСКІЙ.

Мое взыграло сердце!
Кому-жъ и честь, когда не воеводѣ,
Что̀ отъ врага лютѣйшаго въ конецъ
Избавилъ насъ!

Къ Семену Годунову.

Но успокой, родимый,
Скажи, Семенъ Никитичъ, правда-ль: ночью
Недужалъ царь?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, миловалъ Господь,
Одна была усталость.

ШУЙСКІЙ.

Богу слава!
И то сказать, ни день, ни ночь, покоя
Нѣтъ милости его. За то теперь
Онъ отъ хлопотъ ужъ можетъ отдохнуть!

Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входитъ БОРИСЪ, въ царскомъ облаченіи. За нимъ царевичъ ѲЕДОРЪ, ЦАРИЦА и КСЕНІЯ.

САЛТЫКОВЪ къ Голицыну.

Какъ блѣденъ онъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Мертвецъ!

БОРИСЪ — къ Басманову.

Бояринъ Петръ
Ѳеодорычъ!

Басмановъ опускается на колѣни, Борисъ его подымаетъ.

БОРИСЪ.

За доблесть за твою,
За славную за службу и за кровь —
Прими отъ насъ великій нашъ поклонъ
И отъ земли русійской челобитье!

Беретъ у стольника золотое блюдо, насыпанное червонцами, и подаетъ Басманову

БАСМАНОВЪ — принимая блюдо.

Великій царь! За малую ты службу
Чрезъ мѣру мнѣ сегодня воздаешь!
Дозволь мнѣ, царь, вернуться къ войску. Тамъ,
Быть можетъ, мнѣ твою удастся милость
И вправду заслужить!

Передаетъ блюдо стольнику.

БОРИСЪ.

Пожди еще.
Тяжелое принудило насъ время
Быть строгими. Москва всѣ эти дни
Опалъ довольно видѣла и казней.
Она должна увидѣть на тебѣ
Какъ вѣрныхъ слугъ, за правду ихъ, умѣетъ
Царь награждать. Садись со мною рядомъ.

Садится за столъ. По правую его руку царица, Ѳедоръ и Ксенія; по лѣвую Басмановъ. Бояре размѣщаются за другими столами. Слуги разносятъ блюда.

ОДИНЪ БОЯРИНЪ — за крайнимъ столомъ на лѣво.

Мнѣ на царевну Ксенью жаль смотрѣть;
Вошла въ палату, на ногахъ едва
Держалася.

ДРУГОЙ.

По женихѣ тоскуетъ.
Чай, не легко сидѣть въ алмазахъ ей
Да въ жемчугѣ, когда на сердцѣ смерть!

ПЕРВЫЙ.

Царевичъ также нéвеселъ.

ДРУГОЙ.

А царь-то!

БОРИСЪ — къ Басманову.

Не въ радостный ты часъ къ намъ прибылъ, Петръ.
Семейное меня постигло горе;
Затѣмъ порой задумчивъ я кажусь;
Но славная твоя побѣда насъ
Оправила.

БАСМАНОВЪ.

Великій государь,
Дай Богъ тебѣ веселья и здоровья
И всѣхъ враговъ подъ ноги покорить!

САЛТЫКОВЪ— за другимъ столомъ на лѣво.

Мы похоронный точно пиръ справляемъ.
Смотри, какъ онъ веселымъ хочетъ быть,
А самъ не свой!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ему недугъ, быть можетъ,
Не въ моготу.

САЛТЫКОВЪ.

Кабы да тотъ недугъ
Намъ впрокъ пошелъ! Царевны Ксеньи жаль.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, жаль ее.

САЛТЫКОВЪ.

Что̀ съ братомъ и съ сестрой
Мы сдѣлаемъ, когда на царство тотъ
Пожалуетъ?

БОРИСЪ.

Царевна Ксенья, встань
И дорогому гостю поднеси
Заздравную стопу!

КСЕНІЯ — обходитъ столъ и подноситъ стопу Басманову, съ поклономъ.

Уважь, бояринъ!

БАСМАНОВЪ — принимая стопу.

Во здравіе царя и государя!

ВСѢ.

Во здравіе царя и государя!

БОРИСЪ — вставая.

Во здравіе боярина Петра
Басманова! Пусть долго онъ живетъ,
На образецъ другимъ, землѣ на славу,
Врагамъ на страхъ!

ВСѢ.

Во здравіе его
И много лѣтъ!

БОРИСЪ.

Да славится во вѣки
Святая Русь и да погибнутъ всѣ
Ея враги!

ВСѢ.

Анаѳема врагамъ!

БОРИСЪ — садясь.

Семь лѣтъ прошло, что я земли русійской
Пріялъ вѣнецъ. Господня благодать
Была надъ ней — доколь, подобно язвѣ
Египетской, тотъ не явился врагъ,

Надъ нимъ же мы побѣду торжествуемъ.
Часъ не далекъ, когда, проклятый Богомъ,
Онъ на землѣ достойную себѣ
Пріиметъ мзду. Господь дѣла караетъ
Неправыя; въ сердцахъ читаетъ Онъ,
И судъ Его, какъ громовая туча,
Всегда виситъ надъ головою тѣхъ,
Что́ злое въ сердцѣ держать умышленье.
Бояре всѣ! Что́ заслужили-бъ тѣ,
Что́, сидя здѣсь, за царскою трапезой,
Въ душѣ своей усердствовали-бъ тайно
Разбитому Басмановымъ врагу?

ГОЛОСА.

Помилуй, царь!

БОРИСЪ.

Моей-бы ждали смерти,
Чтобъ перейти къ тому лихому вору,
Наслѣдника-жъ хотѣли-бъ моего
Ему предать?

ГОЛОСА — съ разныхъ сторонъ.

Царь-государь, помилуй!
Возможно-ли! — И въ мысль то не вмѣстится! —
Нѣтъ между насъ предателей!

БОРИСЪ.

Пусть встанетъ
Кто вѣренъ мнѣ!

ВСѢ — вставая.

Мы всѣ тебѣ вѣрны!

ГОЛИЦЫНЪ — къ Салтыкову.

Что́, всталъ, небось?

САЛТЫКОВЪ.

А ты-то?

ГОЛИЦЫНЪ.

По неволѣ
Подымешься. Не выдать-же себя!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что будете служить
Ѳеодору по вѣрѣ и по правдѣ!

ВСѢ.

Клянемся, царь!

БОРИСЪ.

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станетъ!

ВСѢ.

Всѣ клянемся!

БОРИСЪ.

Клянитесь мнѣ, что если между васъ
Кто-либо держитъ злобу на меня,
Онъ злобы той на сына не захочетъ
Перенести!

ВСѢ.

Во всемъ тебѣ клянемся!

ШУЙСКІЙ.

Ужъ положися на своихъ рабовъ,
Царь-батюшка!

БОРИСЪ.

Въ соборѣ вашу клятву
Вы цѣлованьемъ крестнымъ утвердите.
Мы въ животѣ и смерти не вольны —
Я Ѳедора хочу еще при жизни
Моей вѣнчать. Отъ младости онъ мной
Наставленъ былъ въ наукѣ государской.
Господь ему превыше лѣтъ его
Далъ свѣтлый умъ, и съ духомъ твердымъ кротость
Въ немъ сочеталъ — и правоты любовь,
Нетронутую мудрствованьемъ ложнымъ,
Въ него вложилъ.—Его царенье будетъ
На радость вамъ, на славу всей землѣ!
Чего я сдѣлать не успѣлъ для царства —
То онъ свершитъ — Выступаетъ впередъ.
И за него теперь
Заздравный сей я кубокъ подымаю!

ВСѢ.

Да здравствуетъ царевичъ! Много лѣтъ
Царевичу Өеодору!

ОДИНЪ БОЯРИНЪ — указывая на Бориса.

Что́ съ нимъ?

ДРУГОЙ.

Шатается!

БОРИСЪ.

Басмановъ —

БАСМАНОВЪ — подхватывая его.

Государь!

Смятеніе между боярами.

КСЕНІЯ.

Отецъ! Отецъ!

БОРИСЪ.

Мнѣ дурно —

ӨЕДОРЪ.

За врачомъ
Бѣжать скорѣй!

БОРИСЪ.

Не надо... смертный часъ
Мой настаетъ...

Его сажаютъ въ кресла.

ЦАРИЦА.

Ахъ Господи! Не просто
Случился грѣхъ! Знать, тутъ была отрава!

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Отравленъ царь!

БОРИСЪ.

Нѣтъ — не́ было отравы!
Иль мните вы, безсильна скорбь одна
Разрушить плоть?

ӨЕДОРЪ.

О, велика твоя
Предъ Богомъ скорбь!

БОРИСЪ.

Сынъ Θедоръ — Ксенья — дѣти!
Храни васъ Богъ! Князь Шуйскій — подойди!
Другъ друга мы довольно знаемъ. Помни:
Въ мой смертный часъ я Господа молю:
Какъ ты мнѣ клятву соблюдешь, пусть такъ
И онъ тебя помилуетъ! — Басмановъ —
Спѣши къ войскамъ! Тебѣ я завѣщаю
Престолъ спасти! О, Господи, тяжелъ,
Тяжолъ твой гнѣвъ! Грѣхи мои Ты не́-далъ
Мнѣ заслужить!

ΘЕДОРЪ.

Клянусь тебѣ, отецъ,
Не забывать, что искупить я долженъ
Ихъ жизнью всей!

БОРИСЪ — къ боярамъ.

Блюдите вашу клятву!
Вамъ ясенъ долгъ — Господь караетъ ложь —
Отъ зла лишь зло родится — все едино:
Себѣ-ль мы имъ служить хотимъ, иль царству—
Оно ни намъ, ни царству впрокъ нейдетъ!

ЦАРИЦА — кланяясь въ ноги.

Свѣтъ-государь! Прости меня въ чемъ я
Грѣшна передъ тобой!

БОРИСЪ.

Мой меркнетъ взоръ —

КСЕНІЯ.

О Господи! Будь милостивъ къ нему!

БОРИСЪ.

Простите всѣ! Я отхожу — сынъ Θедоръ — Встаетъ.
Дай руку мнѣ! Бояре! — вотъ вашъ царь!

Падаетъ въ кресла. Занавѣсъ опускается.

Гр. А. Толстой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

Статья первая.

Изданіемъ въ свѣтъ «Сочиненій Лудвига Бёрне» какъ издатель, такъ и переводчикъ, оказали истинную услугу русской читающей публикѣ [1]). Отсутствіе сочиненій Бёрне въ нашей переводной литературѣ составляло значительный пробѣлъ, пробѣлъ тѣмъ болѣе чувствительный, что знакомство съ этимъ писателемъ можетъ быть какъ нельзя болѣе поучительно для нашего общества. Бёрне принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ мы не прочь назвать «элементарными» писателями, т.-е. такими, которые, не задаваясь какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ, научнымъ, литературнымъ или политическимъ, посвящаютъ свою дѣятельность разъясненію основныхъ понятій общественной жизни народа. Тамъ, гдѣ эти основныя понятія давно уже вошли въ сознаніе людей, въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти понятія облеклись уже въ живыя формы, сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ той или другой націи, тамъ, конечно, сочиненія Бёрне имѣютъ только историческій интересъ, не говоря конечно объ интересѣ, возбуждаемомъ остроуміемъ, ироніею, зло-

---

[1]) *Сочиненія Лудвига Бёрне,* въ переводѣ Петра Вейнберга. Спб. 1870 г. Въ 2-хъ томахъ.

стію, силою языка писателя. У насъ же, сочиненія Бёрне имѣютъ несравненно болѣе важное значеніе по той простой причинѣ, что основныя понятія правильной общественной жизни находятся въ младенческомъ состояніи; идеи и начала, проповѣдуемыя Бёрне, давнымъ давно перешедшія въ дѣйствительность на Западѣ, составляютъ у насъ еще въ большей части случаевъ мечту, для осуществленія которой мы не имѣемъ ни достаточно силы, ни достаточно нравственнаго развитія. Однимъ словомъ, то, что болѣе зрѣлыя общества найдутъ или находятъ въ Бёрне устарѣлымъ; то, что для нихъ давно перестало быть вопросами дня; то, что для нихъ стало уже прошедшимъ, то для насъ представляется еще будущимъ. Для нашего общества Бёрне не только не устарѣлъ, но мы не имѣемъ права назвать его даже современнымъ писателемъ, потому что идеи и тѣ условія жизни, которыя защищаетъ Бёрне, для насъ представляются въ такой же дали, какъ обѣтованная земля представлялась взорамъ стараго Моисея. Что воззрѣнія Бёрне на общественные вопросы не только не устарѣли для насъ, но, напротивъ, стоятъ впереди тѣхъ воззрѣній, которыми довольствуется русское общество, въ этомъ можетъ легко убѣдиться всякій, кто только возьметъ въ руки два тома изданныхъ сочиненій Бёрне. Необыкновенное количество точекъ, указывающихъ на пропуски, на каждой страницѣ, какъ бы твердятъ вамъ по двадцати разъ: виноградъ зеленъ! этого вамъ нельзя, это запрещенный плодъ! Запрещенный плодъ сладокъ, и мы, открывъ нѣмецкое изданіе Бёрне въ двѣнадцати томахъ, вкусили его, и нашли, что многое изъ того, что показалось переводчику «зеленымъ виноградомъ», оказалось зрѣлымъ плодомъ, который онъ могъ предоставить намъ вкусить безъ всякихъ опасеній. Излишество пропусковъ въ русскомъ изданіи избранныхъ сочиненій Бёрне есть едва ли не единственный недостатокъ, на который мы можемъ указать; впрочемъ и за него мы не станемъ дѣлать упрековъ издателю, потому что хорошо знаемъ русскую пословицу: у страха глаза велики! Пословица эта должна быть чисто русскаго происхожденія, потому что нигдѣ она не имѣетъ для себя такой законной, исторической почвы, какъ у насъ. Тѣмъ болѣе не станемъ дѣлать упрековъ издателю за кастрированіе Бёрне, что давно уже пріучились довольствоваться малымъ, постоянно твердя себѣ: лучше мало чѣмъ ничего.

Какъ ни не полно русское изданіе сочиненій Бёрне, тѣмъ не менѣе оно достаточно ярко характеризуетъ этого писателя, чтобы понять весь его смыслъ, все его значеніе. Значеніе Бёрне въ Германіи было чрезвычайно велико, и мы при разборѣ его

сочиненій увидимъ, съ какою необыкновенною энергіею, силою, настойчивостью будилъ онъ уснувшее нѣмецкое общество. Своимъ горячимъ словомъ, точно изъ тысячи трубъ трубилъ онъ свободу и независимость народа; своею ѣдкою сатирой уничтожалъ онъ шаловливый произволъ; своею горькою ироніею душилъ онъ лакейскія наклонности деморализованнаго общества Германіи. Онъ обращался къ своей странѣ съ пламенною рѣчью, въ которой страстная любовь перемѣшивалась съ страстною ненавистью, и говорилъ своему народу: ты не народъ, а сборище недостойныхъ и жалкихъ рабовъ; у тебя нѣтъ ни свободы слова, ни даже свободы совѣсти; у тебя нѣтъ справедливаго суда, суда присяжныхъ, который распространялся бы безъ исключенія на всѣ дѣла, частныя или политическія; у тебя нѣтъ народнаго представительства, у тебя нѣтъ, однимъ словомъ, всего того, что должно быть у цивилизованнаго государства. Бёрне стремился со всѣмъ пыломъ своей огненной натуры къ единству Германіи, мечтая, что единство его родины неразрывно связано съ ея свободою—жалкая иллюзія—и конечно въ томъ громадномъ шагѣ впередъ, который сдѣланъ на этомъ пути нѣмцами, Бёрне принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Бёрне является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ писателей нашего вѣка, и никто въ нѣмецкой литературѣ не можетъ оспаривать у него пальму первенства въ этомъ отношеніи. Распространеніе здравыхъ политическихъ понятій и караніе затхлыхъ и отжившихъ воззрѣній—такова была задача всей его жизни, которую онъ выполнилъ съ такимъ несравненнымъ талантомъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ задался мыслію служить обществу и преслѣдовалъ ее до самой смерти, и немного можно представить примѣровъ, гдѣ бы это служеніе обществу было такъ искренно, такъ чисто, гдѣ бы такъ мало было въ немъ примѣси личнаго элемента. Никто съ бо́льшимъ правомъ, какъ Бёрне, не могъ избрать себѣ девизомъ тѣ слова, которыя онъ выставилъ эпиграфомъ къ одной изъ своихъ статей: «j'aime mieux ma famille que moi, ma patrie que ma famille, et l'univers que ma patrie».

I.

Если безкорыстное служеніе обществу, своей родинѣ, всему человѣчеству, всегда должно вызывать удивленіе и безграничное уваженіе, то тѣмъ болѣе въ такія эпохи, когда служеніе обществу вызываетъ въ окружающей средѣ презрительную

улыбку, когда каждый индивидуумъ заботится только о собственномъ благѣ. Это самыя тяжелыя эпохи, какія только случаются въ исторіи народа, потому что онѣ свидѣтельствуютъ о глубокомъ нравственномъ паденіи общества. Въ такую именно эпоху и появился Бёрне въ Германіи: политическая жизнь была раздавлена; на всѣхъ пунктахъ торжествовала реакція; болѣе чѣмъ тридцать маленькихъ деспотовъ ликовали свою побѣду надъ «глупымъ» народомъ. Война за освобожденіе послужила только ко благу абсолютизма; сверженіе Наполеона не было торжествомъ для возставшаго для защиты своей земли народа; пораженіе его было вмѣстѣ и пораженіемъ только-что показавшейся на горизонтѣ свободы. А какія надежды возлагались на эту войну за освобожденіе, какъ коварны оказались большіе и маленькіе правители Германіи, и какимъ довѣрчивымъ, или вѣрнѣе, наивно-глупымъ представляется нѣмецкій народъ! Картина въ самомъ дѣлѣ поразительная. Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ народъ лишенъ всякаго голоса, за нимъ не признаются никакія права, народъ принадлежитъ верховнымъ представителямъ и дворянской кастѣ, которая горда, надменна и полна презрѣнія ко всему, что не имѣетъ частички «фонъ». Рабство и сословные предразсудки—вотъ самыя полныя выраженія политической жизни Германіи до тѣхъ поръ, пока сюда не долетѣло звучное эхо первыхъ громовыхъ раскатовъ французской революціи. Правительства и дворянство съ трепетомъ и негодованіемъ смотрятъ на первые удары, направленные противъ средневѣкового строя жизни, и пачинаютъ понимать, что французское движеніе неминуемо должно сдѣлаться обще-европейскимъ. Средневѣковая Германія понимала необходимость потушить пожаръ, вспыхнувшій во Франціи, прежде чѣмъ огненная головня—декларація правъ человѣка, не заброшена будетъ на нѣмецкую почву. Нѣмецкая дворянская каста повела народъ, какъ стадо барановъ, на уничтоженіе революціонной гидры, которая должна была барановъ превратить въ людей. Австрія, а вслѣдъ затѣмъ и Пруссія и остальныя нѣмецкія государства были разбиты, чуть не уничтожены французскими войсками. Штейнъ, этотъ замѣчательный государственный человѣкъ Пруссіи, уже въ 1796 году сказалъ, что «деспотическія правительства уничтожаютъ характеръ народа, отдаляя его отъ общественныхъ дѣлъ и поручая управленіе его цѣлому войску чиновниковъ-интригановъ». Деспотическіе нѣмецкіе государи безпрекословно повиновались Наполеону, лишь бы только онъ не лишалъ ихъ права произвольно властвовать надъ своими подданными. Въ Парижѣ былъ изготовленъ актъ Рейнскаго Союза, который былъ

жестокимъ ударомъ для Пруссіи, но напрасно правительство надѣялось, что новая война избавитъ Германію отъ владычества французовъ. Результатомъ войны 1806 года было полное уничтоженіе Пруссіи, и самъ Наполеонъ, удивленный быстротою побѣды, выражался о пруссакахъ, что они еще ничтожнѣе австрійцевъ. Насколько ничтожна сдѣлалась Германія, неотступавшая отъ средневѣковыхъ понятій, можно заключить изъ словъ Наполеона, сказанныхъ прусскому посланнику Гольцу послѣ тильзитскаго мира: «Я рѣшился—такъ выражался этотъ пагубный для исторіи человѣчества геній—назначить Эльбу границею для короля; переговоровъ вести не нужно, потому что я переговорилъ уже обо всемъ съ императоромъ Александромъ, дружбою котораго я дорожу; король обязанъ своимъ спасеніемъ рыцарской привязанности этого монарха: безъ того мой братъ Іеронимъ сдѣлался бы королемъ прусскимъ, а теперешняя династія была бы низвержена. При такихъ обстоятельствахъ надобно считать милостію, если я что-нибудь предоставляю королю». Но какъ ни пагубны были для Германіи завоеванія французовъ, вторженіе ихъ имѣло и выгодную сторону — идеи французской революціи были брошены въ почву, и на первый разъ какъ бы пробудили самую націю. Сами правительства, казалось, убѣдились, что борьба сдѣлается возможною только тогда, когда у французовъ будетъ заимствовано ихъ нравственное орудіе—демократическій духъ, возбужденный концомъ XVIII-го столѣтія. Нѣмецкіе правители, высѣченные Наполеономъ, воспламенились наружною любовью къ свободѣ, равенству и братству, рѣшились откинуть узкій аристократизмъ, дворянство отказывалось отъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, всѣ стали восхвалять благородство и патріотизмъ нѣмецкаго народа. На эту удочку патріотизма и либерализма поддался, разумѣется, наивный народъ, и въ награду за свое добродушіе получилъ въ концѣ концовъ такое «отеческое» правленіе, которое было несравненно наглѣе французскаго владычества. Германію покрылъ знаменитый союзъ, извѣстный подъ именемъ «тугендбунда», который щедрою рукою разсыпалъ нѣмецкому народу благія обѣщанія. Народъ возгорѣлъ жаждою къ мщенію и надеждами послѣ побѣды надъ французами сдѣлаться свободнымъ народомъ.

Не всѣ разумѣется думали только о томъ, какъ бы обмануть народъ; нѣкоторыя изъ личностей, ставшихъ во главѣ управленія, дѣйствительно были воодушевлены, если не любовью къ народу, то сознаніемъ, что только свобода и новый порядокъ, основанный на болѣе справедливыхъ, демократическихъ началахъ, можетъ спасти Германію отъ вѣрной гибели и повести для осво-

божденія страны не тупое стадо, а сознательную народную силу. Такія личности стали во главѣ прусскаго правительства, и король, душою и тѣломъ преданный абсолютизму, долженъ былъ съ покорностію смотрѣть какъ, съ одной стороны, Шарнгорстъ совершалъ преобразованія въ военномъ устройствѣ, вводилъ обязательную для всѣхъ гражданъ военную службу, уничтожалъ привилегію дворянъ занимать высшія государственныя должности, а съ другой, баронъ Штейнъ, который, не взирая на крики бюрократіи и юнкерской партіи, производилъ одну реформу за другою, которыя всѣ взятыя вмѣстѣ должны были вести къ одному — къ устройству дѣйствительнаго народнаго представительства въ Германіи. Весь этотъ либерализмъ крайне не нравился Наполеону, который понималъ, что, благодаря ему, народный духъ оживится въ Германіи и тогда страна эта ускользнетъ изъ его рукъ. По приказанію Наполеона, «тугендбундъ» былъ уничтоженъ, но разумѣется только номинально, и вмѣсто одного союза, Германія покрылась сѣтью патріотическихъ «тайныхъ» обществъ, возбуждавшихъ въ народѣ ненависть къ иноземцамъ. Одинаково ненавистенъ былъ ему Штейнъ съ его реформами, котораго одинъ изъ слугъ этого «республиканскаго героя» называлъ демагогомъ, жалуясь, что пруссаки «виновны въ опасныхъ революціонныхъ и демагогическихъ козняхъ». Бо́льшая же часть этихъ демагоговъ особаго рода принадлежала къ аристократіи, которая была въ ярости не отъ того, что въ странѣ господствовалъ Наполеонъ, а за то, что она потеряла свои привилегіи, придворныя должности и значительную часть доходовъ. Все, къ чему стремились подобные заговорщики, это—возвратить старое доброе время, захватить опять прежнія права и преимущества и подчинить своей власти низшіе классы народа, держа его въ черномъ тѣлѣ. Что такова была цѣль этихъ средневѣковыхъ феодаловъ, они доказали то какъ нельзя лучше въ 1814 и послѣдующихъ годахъ, когда реакція свирѣпствовала во всей Германіи. Если теперь они одѣвали іезуитскую маску либерализма и прикидывались даже защитниками народныхъ правъ, то только потому, что они хорошо понимали, что достичь имъ своихъ цѣлей безъ содѣйствія народа нѣтъ никакой возможности. То, къ чему искренно стремились Штейнъ, Шарнгорстъ и другіе честные патріоты, къ тому масса нѣмецкаго дворянства приставала съ заднею мыслію, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ ненавистныхъ демократическихъ нововведеній. Что касается народа, то онъ, не задумываясь, лѣзъ въ разставленныя ему сѣти. Народъ воспламенился самымъ горячимъ патріотизмомъ, проникся самою глубокою ненавистію къ французамъ, и потому,

когда въ 1813 году явилось воззваніе «къ моему народу» короля Фридриха Вильгельма III, тогда по всей Германіи, можно сказать, раздался торжественный гулъ, возвѣщавшій, что въ народѣ проснулась львиная сила. Литература приняла воинственный характеръ, раздались патріотическія пѣсни Арндта, Кернера, и народъ бросился со страстію въ войну, которая точно въ насмѣшку называется «войною за освобожденіе». Война за освобожденіе избавила, правда, Германію отъ французскаго господства, но, къ несчастію, оно замѣнилось болѣе тяжкимъ господствомъ развращающаго деспотизма. Всѣ сладкія надежды, которыя возлагались на войну за освобожденіе, были уничтожены въ прахъ, и Германія вмѣсто свободныхъ учрежденій и единства, къ которому она стремилась, получила жалкій союзъ всевозможныхъ королей, князей и князьковъ, большихъ и маленькихъ герцоговъ. Ничто не могло быть обиднѣе для нѣмецкаго народа, да и вообще для всѣхъ народовъ, какъ этотъ оскорбительный вѣнскій конгрессъ, на которомъ, по выраженію одного современника, главнымъ образомъ занимались торгомъ людей. Собраніе интригановъ или государственныхъ мужей цѣлой Европы заботилось только о томъ, на долю какого государя выпадетъ тотъ или другой клокъ, заселенной живыми людьми, земли. О народѣ, о его правахъ тутъ разумѣется никто не заботился, да и зачѣмъ было заботиться послѣ того, что онъ принесъ въ жертву свое достояніе, свою кровь, въ жертву сильнымъ міра сего. Казалось, что и этой чести было достаточно для народа! О свободѣ прессы, объ уничтоженіи сословныхъ кастъ, о всяческихъ учрежденіяхъ на благо народа, забыли и думать, и только смѣялись довольно нагло надъ тѣми, кто принималъ всѣ эти обѣщанія серьезно. Въ самомъ дѣлѣ наивные люди! Немногіе истинные патріоты, въ родѣ Штейна, горько жаловались на обманъ. «Теперь, писалъ онъ, наступило время ничтожностей и посредственностей. Всѣ подобные люди выплываютъ наружу и занимаютъ свои старыя положенія; тѣ же, которые все поставили на карту, теперь забыты и ими пренебрегаютъ». Забытъ былъ народъ, которому такъ недавно еще расточали самую низкую лесть.

Точно также насмѣялся вѣнскій конгрессъ и надъ идеею германскаго единства, вдохновлявшею поэтовъ, а съ ними вмѣстѣ, и цѣлый народъ, и никто другой какъ президентъ вѣнскаго конгресса князь Меттернихъ выразился такимъ образомъ: «Германія есть не что иное, какъ географическое выраженіе». Священный Союзъ увѣнчивалъ собою зданіе, въ основаніи котораго лежало полное презрѣніе къ народнымъ правамъ. Самая безнравственная политика досталась въ удѣлъ Германіи. Но какъ ни

безплодна оказалась для нѣмецкаго народа эта восторженная эпоха войны за освобожденіе, стоившая ей столько крови, столькихъ жертвъ, тѣмъ не менѣе идеи, брошенныя въ націю, рано или поздно, должны были дать результаты, идеи эти не умерли, въ нихъ успѣло воспитаться цѣлое поколѣніе. Толчекъ, данный націи, былъ такъ силенъ, что, несмотря на злую реакцію, смѣнившую либеральное броженіе, вызванная агитація не могла тотчасъ же исчезнуть. Университетская молодежь, принимавшая такое дѣятельное участіе въ національномъ движеніи, игравшая такую важную роль въ послѣднихъ судьбахъ своего отечества, не могла и не хотѣла отказаться отъ нея; а такъ какъ правительства не дозволяли ей дѣйствовать открыто, то среди ея началась естественнымъ образомъ подпольная работа. Въ Берлинѣ кружокъ студентовъ составилъ союзъ, имѣвшій цѣлію поддерживать идеи войны за освобожденіе; подобные же союзы образовались и въ другихъ университетахъ. Союзы эти стремились слиться въ одинъ большой національный союзъ, и образованіе его должно было открыться большимъ праздникомъ. Праздникъ этотъ произошелъ въ Вартбургѣ, гдѣ торжествовали трехсотлѣтній юбилей реформаціи, 18-го октября 1817 года. Въ этотъ день подъ вечеръ, на горѣ, лежащей противъ города, разведенъ былъ костеръ, и среди воодушевленныхъ рѣчей сожжены были произведенія Коцебу, игравшаго роль русскаго шпіона, Кампца, Галлера и нѣкоторыхъ другихъ, произведенія, пропитанныя духомъ абсолютизма и народнаго предательства. Этотъ праздникъ университетской молодежи не замедлилъ возбудить трусость, ненависть и страсть къ преслѣдованію во всѣхъ деспотическихъ правительствахъ. Союзъ этотъ долженъ быть работать на пользу единства Германіи, въ основаніи котораго легли бы свободныя учрежденія. Недолго продолжалась дѣятельность этого патріотическаго союза. Воспользовавшись фанатическимъ убійствомъ Коцебу, совершеннымъ Зандомъ, правительства точно почувствовали свои руки развязанными, и съ этой минуты начались самыя дикія и безсмысленныя гоненія. Назначена была «центральная слѣдственная коммиссія», которая, воспользовавшись одиночнымъ фактомъ — преступленіемъ Занда, постаралась обобщить его, притянула къ этому дѣлу цѣлую массу молодежи, замѣшанную въ студенческомъ союзѣ, и затѣмъ новую массу другихъ лицъ, которыя находились въ какомъ-нибудь соприкосновеніи съ первыми. Тюрьмы и крѣпости переполнились. Инквизиторы деспотизма торжествовали; они могли утолить свою жажду гнусныхъ преслѣдованій, запугать высшія власти и обезпечить за собою, вмѣстѣ съ постоянно новыми жер-

твами, постоянно новыя выгоды, мѣста, награды, почетъ и власть. По цѣлой Германіи началась, по выраженію одного историка этой печальной эпохи, «охота на демагоговъ», а демагоговъ было довольно, такъ какъ всякаго истинно честнаго человѣка клеймили тогда именемъ демагога. Этой шайкѣ инквизиторовъ, которая погубила столько честныхъ, благородныхъ, полныхъ здоровыхъ силъ людей, которая срѣзала цвѣтъ молодежи, помогала другая шайка негодяевъ — журналистовъ и продажныхъ писакъ, которые постоянно подливали масла въ огонь, напуская своими доносами разсвирѣпѣлыхъ звѣрей на всякое проявленіе честной мысли, направленной къ истинному благу отчизны. Политическая жизнь въ Германіи была задавлена; всякій, который осмѣливался думать и высказывать свои заботы о всеобщемъ благоденствіи, почитался чуть не государственнымъ преступникомъ и подвергался гоненіямъ. Отсутствіе общихъ интересовъ, тупоумный деспотизмъ и вражда каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго, казалось, неминуемо должны были водвориться въ обществѣ, и въ значительной степени водворились на самомъ дѣлѣ. Дворянство и бюрократія ликовали, потому что они начинали уже опасаться, что навсегда исчезло это доброе, старое время всякихъ злоупотребленій и насилій. Оно вернулось съ новыми, обновленными силами. Мы не станемъ останавливаться болѣе подробно на этой грустной эпохѣ «слѣдственной коммиссіи», «демагогическихъ происковъ», въ которыхъ подозрѣвались всѣ тѣ, которые не спѣшили заявить себя какою-нибудь подлостію; мы не станемъ упоминать здѣсь всѣхъ этихъ героевъ раболѣпства и циническихъ выходокъ въ видѣ Кампцовъ, Шукмановъ, Ярке и остальной обскурантной клики. Самое забавное тутъ то, что эта реакціонная гуща всегда прикрывала свои доносы такъ-сказать государственною пользою, но пожалуй еще забавнѣе то, что находились добродушные, но не дальновидные люди, которые серьезно принимали Кампцовъ и Шукмановъ и подобныхъ имъ фальшивыхъ патріотовъ за людей, дѣйствительно пекущихся о народныхъ интересахъ.

Реакція — вотъ въ одномъ словѣ весь результатъ, весь итогъ того горячаго настроенія нѣмецкаго народа, которое выразилось во время войны за освобожденіе; вотъ весь плодъ всѣхъ потраченныхъ жертвъ, благородныхъ стремленій, пламенной энергіи, одержавшихъ верхъ надъ французскимъ господствомъ. Увлекшійся народъ не понялъ, что, сражаясь противъ Франціи, онъ борется противъ новыхъ идей, принесенныхъ французскою революціею; онъ не понялъ, что онъ проливаетъ свою кровь не за свое освобожденіе, а за торжество старины, за торжество абсо-

лютизма, за произволъ власти и за продленіе своего безправія. Немногіе только не заблуждались, немногіе съумѣли понять лицемѣріе нѣмецкихъ правителей и дворянской касты. Эти немногіе не раздѣляли всеобщей ненависти къ Франціи, они разумно умѣли отдѣлять Наполеона отъ французскаго народа, и не только не радовались униженію Франціи, но были имъ глубоко опечалены. Они понимали, что побѣда однихъ деспотовъ, традиціонныхъ, надъ другимъ деспотомъ, ставшимъ тѣмъ, благодаря дурно направленной геніальной силѣ, была вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдой надъ французскою революціею и надъ тѣми новыми началами, которыя были провозглашены ею. Задача этихъ немногихъ свѣтлыхъ умовъ была рѣзко начерчена. Они должны были во время господствовавшей дикой реакціи и вмѣстѣ ненависти къ Франціи дѣйствовать на нѣмецкое общество такимъ образомъ, чтобы ненависть къ Франціи уступила мѣсто горячему къ ней сочувствію. Сочувствіе къ Франціи было равносильно сочувствію ея идеямъ, ея стремленіямъ, ея молодымъ традиціямъ, однимъ словомъ, ея революціи, очищенной отъ всѣхъ наносныхъ, часто печальныхъ, элементовъ; а тотъ, кто сочувствовалъ революціи и французскому народу, долженъ былъ неминуемо, силою логики, доходить до ожесточенной ненависти къ свирѣпствовавшей реакціи, къ нѣмецкимъ порядкамъ, къ абсолютнымъ идеямъ, къ вѣковому деспотизму, господствовавшему въ Германіи. Къ этимъ немногимъ свѣтлымъ умамъ принадлежалъ конечно и Бёрне, выступившій дѣятельно на литературное поприще именно въ эти трудныя времена реакціи. Послѣ того, что мы сказали объ отношеніи французофобства къ политической гнилости, намъ будетъ уже совершенно понятна горячая любовь Бёрне къ Франціи и французамъ, и въ этомъ тепломъ чувствѣ мы не только не усмотримъ ненависти къ Германіи, а напротивъ страстное желаніе увидѣть дорогую для него родину, освобожденную отъ тяжелыхъ путъ абсолютизма, которыя мѣшали, и до сихъ поръ отчасти мѣшаютъ, свободному развитію націи.

Если таковы были политическія условія, при которыхъ выступилъ Бёрне на общественную арену, то каково, спрашивается, было положеніе нѣмецкой литературы, въ которой Бёрне занялъ такое видное мѣсто? Чтобы понять его значеніе въ нѣмецкой литературѣ, мы должны, хоть въ немногихъ словахъ, освѣжить въ памяти читателей исторію этой литературы до появленія Бёрне.

II.

Передъ французскою революціею, нѣмецкая литература, по выраженію Шлоссера, совершенно опошлѣла. Причина такого упадка заключалась въ отсутствіи въ самомъ обществѣ живыхъ стремленій не только къ свободѣ, но къ самостоятельному существованію. Политическая атмосфера производила разлагающее впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, сильные таланты, геніи вырываются наружу, несмотря ни на какія обстоятельства, и примѣровъ тому можно было бы представить очень много въ исторіи каждой литературы, не исключая и нашей собственной. Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь—живыя тому доказательства; но подобные таланты не даютъ и половины того, что́ могли бы дать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и во всякомъ случаѣ вліяніе ихъ на общество не бываетъ пропорціонально силѣ ихъ таланта. Точно тоже встрѣчаемъ мы и въ нѣмецкой литературѣ конца XVIII столѣтія и начала XIX. Шиллеръ, Гёте являются на литературной аренѣ; но живя среди общества, лишеннаго всякой политической свободы, они сами подчиняются господствующему вліянію, и не только не порождаютъ собою сильной, вліятельной литературной школы, но не имѣютъ достаточно могущества, чтобы не допустить господства самаго отсталаго романтическаго направленія, которое выражало собою стремленія, коснѣвшаго въ старыхъ понятіяхъ дворянства. Конечно, вліяніе того или другого таланта зависитъ не только отъ атмосферы, въ которой онъ нравственно дышетъ, но также и отъ личныхъ наклонностей писателя. Когда эти личныя наклонности человѣка заставляютъ его ставить выше всего мишуру придворной жизни, когда они заставляютъ «великаго» Гёте быть дюжиннымъ «тайнымъ совѣтникомъ», тогда разумѣется нечего думать писателю имѣть потрясающее нравственное вліяніе на общество. «Тайный совѣтникъ» всегда покажетъ свои уши изъ-за поэта, и половина вліянія пропадаетъ изъ-за одного этого. Писатель, обладающій даже меньшимъ талантомъ, чѣмъ мраморный колоссъ Гёте, но въ которомъ сильнѣе развито чувство любви къ человѣчеству и къ своему народу, въ которомъ общественные интересы преобладаютъ надъ маленькимъ и всегда остающемся ничтожнымъ *Я*, способенъ имѣть несравненно бо́льшее вліяніе на современное ему общество, а вмѣстѣ съ нимъ и на ходъ цѣлой литературы. Для сравненія можно взять примѣръ изъ нѣмецкой же литературы. Гёте и Лессингъ — вотъ два крупныхъ писателя. По глубинѣ своего ума, Лессингъ нисколько не уступалъ уму

Гёте, но таланта, если хотите, геніальности, въ немъ разумѣется было меньше; и однако, несмотря на это, не прибѣгая вовсе къ парадоксальности, можно смѣло сказать, что дѣятельность Лессинга наложила на ходъ нѣмецкой литературы болѣе рельефную печать, чѣмъ дѣятельность Гёте. Гдѣ же причина такого явленія? Причина того очевидно заключается въ томъ, что Гёте непосредственно руководился своимъ талантомъ, онъ искалъ вдохновенія въ самомъ себѣ, считая что его «я» должно быть средоточіемъ, такъ-сказать центромъ цѣлаго міра. Злая ошибка! Въ немъ не было той живой струны, которая при прикосновеніи какого-нибудь общаго интереса издавала бы дивные звуки; онъ никогда, однимъ словомъ, не могъ дойти до того, чтобы позабыть свою собственную личность, свой собственный геній подъ давленіемъ какихъ бы то ни было событій. Лессингъ же—совершенно напротивъ. Его дѣятельностію главнымъ образомъ руководила идея добра, пользы, которую онъ хотѣлъ принести обществу; онъ работалъ, воодушевляемый не своею собственною личностію, а стремленіемъ доставить торжество тѣмъ идеямъ, осуществленіе которыхъ онъ считалъ благодѣтельнымъ для той страны, гдѣ онъ жилъ. Онъ въ такой же степени руководился въ своей жизни общественными интересами, какъ Гёте интересами, по сравненію съ цѣлымъ обществомъ, своей маленькой личности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тотъ писатель, который забываетъ себя ради общества, которому онъ служитъ, достоинъ несравненно бóльшаго уваженія чѣмъ тотъ, который не знаетъ другого бога кромѣ собственной своей личности. Писателей можно судить и цѣнить, съ одной стороны, по ихъ непосредственному таланту и, съ другой, по той пользѣ, которую они приносятъ своему обществу, по тому вліянію, которое они имѣютъ на общественное развитіе. Общественное же развитіе сказывается въ томъ, какъ велико въ обществѣ стремленіе къ свободному существованію и свободному пользованію всѣми своими правами. Какъ бы ни былъ великъ талантъ, геній человѣка, но если только своими сочиненіями онъ способствуетъ распространенію рабскаго духа въ обществѣ, поддерживаетъ рутинныя мнѣнія и воззрѣнія, тогда, не задумываясь, можно сказать, что талантъ этотъ или геній вреденъ, пагубенъ для общества, и пусть лучше онъ не родится.

Бёрне во всѣхъ своихъ сужденіяхъ о нѣмецкой литературѣ и ея дѣятеляхъ именно руководился подобнымъ мѣриломъ—насколько дѣятельность человѣка была проникнута общественною пользою, общественными интересами. Онъ никогда не отказывался отъ этого масштаба, и потому заслуги, выставляемыя обык-

новенно защитниками «чистаго художества», имѣли въ его глазахъ чрезвычайно мало значенія. Первый вопросъ, который онъ дѣлалъ писателю, котораго хотя мимоходомъ онъ призывалъ на свой судъ: «что́ ты сдѣлалъ для пробужденія или для развитія здороваго, свободнаго духа въ обществѣ?» Подобное мѣрило, быть можетъ и не совсѣмъ согласное съ началами рутинной эстетической критики, чрезвычайно понятно, въ особенности, когда оно прилагается къ литературѣ, привыкшей только или витать въ недосягаемыхъ высотахъ, или замыкаться въ узкій низменный кругъ сантиментальничанья и весьма сомнительной морали. Нѣмецкая литература въ теченіи всего XVIII-го вѣка, за немногими, но блестящими исключеніями, находилась именно въ подобномъ состояніи и потому неудивительно, что въ живомъ, свѣжемъ человѣкѣ должна была обнаружиться реакція противъ упорнаго разъединенія литературы съ требованіями народныхъ интересовъ. Неудивительно и то, если реакція эта выражалась въ рѣзкихъ заявленіяхъ, какъ случалось, напр., это у Бёрне въ его сужденіяхъ о Гёте, Шиллерѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

У писателя XIX-го столѣтія, появившагося во время разгара реакціи, не могло не развиться жестокое, но вмѣстѣ справедливое раздраженіе противъ всей почти нѣмецкой литературы, которую даже самъ Гёте называлъ «литературно-безхарактерною». Окидывая быстрымъ взоромъ огромный литературный періодъ за цѣлые сто лѣтъ, что́ встрѣчалъ въ ней новѣйшій писатель? Рѣзкое противорѣчіе между литературою и дѣйствительностью съ одной стороны, и съ другой — какое-то рабское отношеніе къ высшимъ классамъ и интересамъ высшаго общества. Объ интересахъ народа, о развитіи массы, почти ни у кого нѣтъ и помину. Литература не только не борется съ абсолютизмомъ, господствующимъ въ политической жизни, но скорѣе содѣйствуетъ его стремленіямъ. Играя такую роль, она, конечно, не могла имѣть дѣйствительнаго вліянія на развитіе нѣмецкаго народа. Другими словами, между литературою и жизнію массы существовалъ полный разладъ.

Въ началѣ XVIII-го вѣка, когда въ другихъ передовыхъ странахъ Европы литература получала все болѣе и болѣе блеска; когда въ Англіи на литературную арену выступили такіе таланты какъ Аддиссонъ, Свифтъ, Дефое, Ричардсонъ, Юмъ; когда во Франціи засвѣтили такія звѣзды, какъ Лесажъ, Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, въ Германіи литература находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ вовсе перестали говорить и писать по-нѣмецки: родной языкъ былъ окончательно забытъ. Дворы и дворянство употребляли французскій

языкъ, воспитывались на французскій ладъ, читали французскія книжки, и притомъ еще самыя дурныя, самыя нелѣпыя. Въ сферахъ не-аристократическихъ читали книги XVII-го столѣтія, написанныя испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Наука, философія, пріобрѣвшая себѣ замѣчательнаго представителя въ Лейбницѣ, точно также не осмѣливалась употреблять нѣмецкій языкъ, и Лейбницъ долженъ былъ писать на иностранныхъ языкахъ подъ опасеніемъ, что иначе его не захотятъ читать въ его собственномъ отечествѣ. Большую услугу въ возвращеніи въ Германіи къ родному языку оказали піэтисты и близко стоявшій къ нимъ ученый Христіанъ Томазіусъ, который первый объявилъ въ лейпцигскомъ университетѣ, что онъ будетъ читать свои лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Подобное объявленіе произвело неописанный скандалъ. Томазіусъ былъ рѣшительнымъ реформаторомъ какъ въ отношеніи языка, такъ и по отношенію во взглядахъ на общій характеръ образованія. Онъ возсталъ противъ всеобщаго употребленія изуродованной латыни, и поддерживалъ свое требованіе не только чтеніемъ лекцій на нѣмецкомъ языкѣ, не только нѣмецкими сочиненіями, которыя были такъ благодѣтельны для распространенія въ Германіи просвѣщенія, но также и своимъ сатирико - критическимъ журналомъ, существовавшимъ нѣсколько лѣтъ. Свой журналъ Томазіусъ старался дѣлать возможно болѣе понятнымъ для народа. Томазіусъ прокладываетъ своими трудами путь, по которому двинулась цѣлая литературная фаланга.

Во главѣ этой фаланги нужно поставить человѣка не особенно умнаго и не особенно талантливаго, но который тѣмъ неменѣе сдѣлалъ очень много для распространенія въ литературѣ нѣмецкаго языка и для проникновенія въ жизнь новаго духа. Готтшедъ руководился совершенно иными побужденіями въ своей литературной дѣятельности, чѣмъ Томазіусъ. Этотъ послѣдній былъ одолѣваемъ страстнымъ желаніемъ вырвать свое отечество изъ того состоянія варварства, въ которомъ оно находилось, Готтшедъ же исключительно былъ побуждаемъ жаждою славы и, главнымъ образомъ, тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя она приноситъ собою. Онъ обладалъ необыкновенною легкостію схватывать быстро все, что ему попадалось на дорогѣ, и не углубляясь, не проникая въ сущность дѣла, онъ во всемъ былъ поверхностенъ, вездѣ являлся посредственностію, что, быть можетъ, было одною изъ главныхъ причинъ его успѣха и популярности. Не было такой отрасли литературы, въ которой онъ не попробовалъ бы своихъ силъ, и вездѣ онъ оставался однимъ и тѣмъ же: сегодня онъ писалъ философскія сочиненія, завтра драматическія произведенія, поэмы, романы; то онъ появлялся

на каѳедрѣ, какъ профессоръ, то дѣлался отчаяннымъ журналистомъ. Сочиненія его, не имѣвшія почти никакихъ литературныхъ достоинствъ, были полезны въ томъ отношеніи, что они нѣсколько расширяли кругъ читателей, и заимствованныя большею частію изъ французскихъ книгъ, они знакомили съ идеями, бродившими въ болѣе живомъ обществѣ. Благодаря этимъ идеямъ, взятымъ цѣликомъ изъ иностранныхъ сочиненій, у Готтшеда оказывался иногда довольно трезвый взглядъ на литературныя произведенія, хотя онъ и лишенъ былъ художественнаго чутья. Этотъ трезвый взглядъ выразился, напр., по отношенію къ «Мессіадѣ» Клопштока, въ которомъ онъ не призналъ почти никакого таланта, что́ было разумѣется большою ошибкою, но справедливо напалъ на напыщенность поэта, на его приторную нѣжность, сантиментальность, слезливость, наконецъ на самое содержаніе поэмы. Онъ осмѣялъ небесныя видѣнія Клопштока, и за это подвергся самымъ жестокимъ упрекамъ—популярность Готтшеда была поколеблена въ самомъ своемъ основаніи.

Какъ ни ничтоженъ былъ самъ по себѣ Готтшедъ, но онъ имѣлъ большое вліяніе, и это одно уже можетъ свидѣтельствовать о чрезвычайно низкомъ уровнѣ нѣмецкаго общества и нѣмецкой литературы. Вліяніе это въ литературѣ видно изъ того одного, что Готтшедъ имѣлъ цѣлую школу, среди которой были люди болѣе талантливые, чѣмъ самъ Готтшедъ. Конечно, мы не станемъ подробно говорить ни объ этихъ ученикахъ, ни даже о дальнѣйшихъ дѣятеляхъ въ нѣмецкой литературѣ, такъ какъ наша цѣль, дѣлая краткій перечень литературнымъ силамъ XVIII-го столѣтія, ограничивается тѣмъ, чтобы указать, какъ бѣдственно дѣйствовали на развитіе націи отсутствіе всякой политической свободы и уродливое порабощеніе народа одною кастою дворянскою, и какъ естественно, что писатель XIX-го вѣка, подобный Бёрне, главнымъ образомъ сосредоточиваетъ свои силы на политической сторонѣ жизни и съ пренебреженіемъ относится ко всякимъ художественнымъ талантамъ, какихъ бы размѣровъ они ни были.

Боязнь коснуться злоупотребленій высшихъ классовъ отличала всѣхъ писателей, слѣдовавшихъ по стопамъ Готтшеда. Ни стихотворенія Цахаріэ, ни разсказы Геллерта, ни сатиры Рабенера не переступали дозволенной черты. Всѣ произведенія этихъ писателей ограничиваются описаніями и легкими насмѣшками надъ маленькими людьми, и какъ чумы бѣгутъ всякаго соприкосновенія съ сильными міра. Чтобы задѣвать власть, дворянство, нападать на душную политическую атмосферу, нужно было имѣть много гражданскаго мужества, и оно никогда не обходилось даромъ.

Школа Готтшеда могла убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ талантливаго писателя-сатирика Лискова. Лисковъ отважился возстать противъ нѣмецкихъ правителей, противъ важныхъ лицъ; онъ ударилъ своимъ сатирическимъ бичемъ уродливые средневѣковыя учрежденія и нравы и за то жестоко поплатился многими годами заключенія въ крѣпости, гдѣ онъ оставался до самой своей смерти. Лисковъ, нападая на варварскія злоупотребленія высшихъ лицъ, не нашелъ защиты и у своей литературной братьи, къ которой онъ высказалъ презрѣніе въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «Трактатъ о достоинствахъ и необходимости бездарныхъ писакъ». Противъ Лискова поднялись со всѣхъ сторонъ; ему никогда не могли простить, что онъ осмѣлился возстать противъ установившихся авторитетовъ, и что тамъ, гдѣ другіе открывали геніальность, онъ видѣлъ только ограниченность и слабоуміе. Лисковъ стремился разорвать тяжелыя цѣпи среднихъ вѣковъ, впустить хотя слабый лучъ свѣта въ окружавшую его тьму и указать путь къ новой жизни посредствомъ новаго образованія. Лисковъ не имѣлъ вліянія, не пользовался популярностью, потому что онъ всѣмъ говорилъ правду, коловшую глаза; напротивъ, всѣ наперерывъ бросали въ него грязью—обыкновенная участь писателя, возстающаго противъ господствующей рутины.

Въ заслугу писателямъ школы Готтшеда можно поставить то, что они, впрочемъ отдѣлившись отъ Готтшеда, основали литературное общество и стали издавать журналъ подъ именемъ «Бременскій Сборникъ» (Bremer Beiträge). Журналъ этотъ долженъ былъ содѣйствовать успѣхамъ образованія, проникнутаго новымъ духомъ, и если въ числѣ сотрудниковъ этого журнала является Клопштокъ, который помѣщаетъ тутъ первыя пѣсни «Мессіады», то только потому, что издатели не могли не признавать въ немъ сильнаго таланта, хотя и сознавали, что произведеніе это противорѣчитъ цѣлому направленію «Бременскаго Сборника». Читающая публика въ это время была чрезвычайно незначительна, такъ что писатели и издатели журналовъ писали тогда едва-ли не другъ для друга. Одинъ изъ современныхъ этому періоду нѣмецкой литературы писателей, жалуясь на малый кругъ читающей публики, говорилъ: «Покамѣстъ книги будутъ находиться только въ рукахъ студентовъ, профессоровъ и журналистовъ, до тѣхъ поръ, мнѣ кажется, едва ли стóитъ писать что-нибудь для настоящаго поколѣнія. Если въ Германіи существуетъ читающая публика, которая состоитъ не изъ ученыхъ по профессіи, то признаюсь въ своемъ невѣжествѣ—я никогда не зналъ о существованіи такой публики». Это было сказано во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Если кругъ читающей публики былъ такъ огра-

ниченъ, то вина лежала, съ одной стороны, конечно на цѣломъ строѣ нѣмецкой жизни, съ другой—на самихъ писателяхъ, которые не имѣли ни силы, ни энергіи, ни таланта, ни смѣлости, чтобы разрушить старый порядокъ и призвать къ дѣятельной жизни подавленные классы народа.

Болѣе обширный кругъ читателей долженъ былъ создаться послѣдующими писателями, среди которыхъ на первый планъ выступаютъ: поэтъ Виландъ, историкъ и публицистъ Гердеръ и великій критикъ Лессингъ, который имѣлъ самое рѣшительное и могущественное вліяніе на ходъ нѣмецкой литературы. Виландъ выступилъ на литературное поприще какъ послѣдователь и поклонникъ Клопштока; его первыя произведенія отличаются тою же сантиментальностью, плаксивою возвышенностью, святостью, небеснымъ настроеніемъ, какъ и Клопштокова «Мессіада». Но Виландъ не долго оставался на этомъ пути, и нападенія, которыя были сдѣланы на него въ литературѣ, а главнымъ образомъ въ журналѣ, въ которомъ принималъ участіе Лессингъ, помогли ему выбраться изъ дебрей, въ которыхъ заблудился Клопштокъ. Перемѣна въ Виландѣ произошла чрезвычайно быстро, и онъ сталъ теперь самъ шутить и насмѣхаться надъ тою чувствительностью и тѣмъ возвышенно-святымъ настроеніемъ, передъ которыми прежде преклонялся. Переходъ былъ чрезвычайно рѣзкій. Виландъ сдѣлался теперь писателемъ по преимуществу свѣтскимъ; легкомысліе, остроуміе, поверхностная иронія стали отличительными качествами Виланда. Новая манера Виланда пришлась какъ нельзя болѣе по плечу «образованному» нѣмецкому обществу, которое до сихъ поръ не читало ничего другого кромѣ французскихъ книгъ. Виландъ перешелъ на другой путь совершенно сознательно, онъ сознавалъ необходимость распространить нѣмецкую литературу среди высшаго общества, и это удалось ему какъ нельзя болѣе. «Благодаря Виланду,—говоритъ Шлоссеръ въ своей исторіи XVIII-го вѣка,—пробудился живой интересъ къ литературѣ въ той части нашей націи, которой недоступны ни серьезность взгляда, ни наука, которая знала Лессинга только по его пьесамъ, которая въ своей суетливой праздности ищетъ интереснаго развлеченія и находитъ его въ свѣтскомъ обществѣ, въ театрѣ, на минеральныхъ водахъ, на роскошныхъ гуляньяхъ, а между прочимъ также въ книгахъ и журналахъ». Самъ Виландъ говоритъ почти тоже самое, когда пишетъ къ одному изъ своихъ друзей: «Германія не имѣетъ еще такого писателя, котораго могла бы читать та часть публики, которая не получила университетскаго образованія, а пока не будетъ такого писателя, не будетъ и литературы». Высшіе

классы были поражены, встрѣтивъ нѣмецкаго писателя съ запасомъ такого реализма, такой граціи, съ такимъ остроуміемъ и такою терпимостью, какимъ представился имъ Виландъ. Его чувственная поэзія открыла двери, какъ выражается одинъ историкъ литературы, высшаго общества нѣмецкой литературѣ, и пріобрѣла союзниковъ литературному движенію среди свѣтскихъ людей скептиковъ, среди пустыхъ и занятыхъ только модами людей. Конечно, роль писателя, пишущаго исключительно для высшихъ классовъ общества, служащаго только ихъ интересамъ, скорѣе достойна презрѣнія, нежели похвалы; но Виландъ находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что въ то время нужно было заботиться прежде всего о размноженіи круга читателей и о томъ, чтобы нѣмецкая литература вытѣснила изъ общества безграничное господство французской. Но то самое обстоятельство, что Виландъ могъ съ успѣхомъ исполнить подобную задачу, доказываетъ уже, какъ неглубока была его натура, и какъ нетребователенъ былъ его умъ и талантъ, который могъ довольствоваться созданіемъ только такихъ произведеній, которыя ни въ какомъ случаѣ не превышали бы уровня развитія общества того времени. Виландъ изъ своихъ произведеній, между которыми особенно славились романъ «Агатонъ» гдѣ онъ, разсказывалъ свою собственную исторію, «Комическіе разсказы», «Оберонъ», «Граціи», написанныя прекраснымъ языкомъ, извлекъ двойную пользу: и большую популярность, славу первокласснаго поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальныя выгоды, любовь и ласки высшихъ сферъ. Подъ конецъ его дѣятельности литература стала для него чистымъ ремесломъ, при помощи котораго онъ заботился только, какъ бы пріобрѣсти больше денегъ. Несмотря на то, что Виландъ въ свое время былъ провозглашенъ великимъ талантомъ, вліяніе его на нѣмецкую литературу и нѣмецкую жизнь не могло быть особенно благотворно, потому что для этого онъ не обладалъ ни достаточною самостоятельностію мысли и еще менѣе самостоятельностію характера, которая побуждала бы его возвышаться надъ мелкими матеріальными выгодами.

Того, что не хватало Виланду, чтобы сдѣлаться первокласснымъ писателемъ и наложить на ходъ нѣмецкой литературы печать своего генія, то въ изобиліи было у Лессинга, который даетъ своими трудами новое направленіе нѣмецкой мысли и пробуждаетъ націю къ самостоятельному существованію и самостоятельному развитію. Въ какой бы сферѣ ни проявлялось раболѣпство, Лессингъ энергически возстаетъ противъ него, всюду является онъ проповѣдникомъ свободной мысли и свободной жизни. Личная его жизнь соотвѣтствовала всему, что онъ требуетъ отъ націи. Онъ никогда не

преклонялся передъ высшими классами, никогда не раболѣпствовалъ, подобно его преемнику Гёте, передъ маленькими дворами, никогда не унижалъ своего таланта низкою лестью тѣмъ, которые владычествовали вовсе не въ силу своихъ личныхъ достоинствъ. Лессингъ никогда не добивался почестей и отличія; всякая зависимость была невыносима для его благородной гордости; во всѣхъ поступкахъ, во всей дѣятельности онъ руководился только однимъ— что полезно для его общества, для нѣмецкой націи. Впрочемъ, какъ свойственно великому уму, онъ не ограничивался только національными вопросами, онъ касался и общечеловѣческихъ задачъ, и въ этомъ направленіи ничто не можетъ сравниться съ его «Натаномъ Мудрымъ», въ которомъ наши читатели, конечно, помнятъ, съ какою удивительною глубиною Лессингъ схватилъ вопросъ религіозной терпимости [1]). На ряду съ «Натаномъ» въ отношеніи философскихъ воззрѣній Лессинга должна быть поставлена его полемическая дѣятельность, полная необыкновенной силы, противъ ограниченнаго фанатика пастора Гёце. Среди сумбура религіозныхъ понятій, всяческихъ суевѣрій, такъ распространенныхъ въ массѣ, Лессингъ является могучимъ защитникомъ раціонализма.

Какъ драматургъ Лессингъ, помимо своего знаменитаго «Натана», создалъ еще нѣсколько сценическихъ произведеній, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны трагедія «Эмилія Галотти» и комедія «Минна фонъ-Барнгельмъ, написанныя съ цѣлію пробудить въ нѣмцахъ стремленіе къ національной жизни, къ самостоятельности, и научить нѣмцевъ чувству собственнаго достоинства. Лессингъ отлично понималъ, что онъ не рожденъ быть геніальнымъ драматическимъ писателемъ, и самъ онъ въ своей «Гамбургской Драматургіи» въ послѣдней статьѣ говоритъ: «Мнѣ часто дѣлаютъ честь, принимая меня за драматическаго поэта. Это происходитъ оттого, что меня дурно понимаютъ. Нѣсколько драматическихъ попытокъ еще недостаточны. Тотъ еще не живописецъ, который умѣетъ держать въ рукѣ кисть и растереть краски. Первые изъ этихъ опытовъ были написаны еще въ тѣ годы, когда охоту къ писанію и легкость принимаешь за геніальность. Что же касается до тѣхъ, которые явились позже, совѣсть моя подсказываетъ мнѣ, что я обязанъ исключительно критикѣ въ томъ, что есть въ нихъ болѣе сноснаго». И нѣсколько далѣе онъ возвращается къ тому же сознанію, что онъ не драматическій писатель, когда онъ говоритъ: «Мнѣ нужно отказаться сдѣлать для нѣмецкаго театра то, что Гольдони сдѣлалъ для

---

[1]) См. русск. перев. въ «Вѣстникѣ Европы», 1868, окт. и нояб.

итальянскаго, когда онъ обогащалъ его въ теченіи одного года тринадцатью новыми пьесами». Лессингъ былъ правъ. Его истинное призваніе, истинное назначеніе было быть критикомъ, и въ этой области никто не превосходитъ его ни глубиною, ни силою таланта. Если Лессингъ обращался къ театру, къ философіи, то всегда проводилъ онъ здѣсь политическіе взгляды, свои политическія стремленія, которыя, нужно ли прибавлять, были направлены къ одному, это—къ освобожденію Германіи отъ лжи и насилія правительства и господствующихъ классовъ. Если мы не встрѣчаемъ у Лессинга такихъ произведеній, гдѣ бы онъ прямо обращался къ политическимъ вопросамъ, то только потому, что путь къ нимъ былъ загражденъ всевозможными полицейскими заставами. Мысль объ освобожденіи своей родины и своего народа отъ подавлявшаго жизнь деспотизма, мысль объ измѣненіи всего политическаго строя, который мѣшалъ свободному развитію націи и не позволялъ ей придти къ разумному сознанію своей силы и выказать свои нравственныя способности, эта мысль никогда не покидала Лессинга, и ее не трудно отыскать какъ въ его философскихъ произведеніяхъ, въ его драматическихъ произведеніяхъ, такъ точно и въ его критикѣ, въ его знаменитой «Гамбургской Драматургіи». Произведеніе это, писанное въ формѣ журнальныхъ статеекъ, имѣло огромный успѣхъ, пропорціональный не меньшему кругу читателей, такъ что послѣ того, что «Драматургія» появилась въ газетѣ, она имѣла еще въ короткій періодъ времени три изданія. Успѣхъ этотъ конечно объясняется не мѣткими сужденіями объ актерахъ и пьесахъ, а тою глубиною, серьезностію, новизною мыслей, которыя Лессингъ высказывалъ по поводу театральныхъ явленій. Театръ тутъ былъ только предлогомъ, которымъ пользовался авторъ, чтобы въ болѣе популярной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе подозрительной для «предержащихъ властей» высказывать свои идеи и пробуждать нѣмецкое общество отъ сросшейся съ нимъ апатіи. Всю свою «Драматургію» онъ велъ къ тому, чтобы сказать нѣмцамъ, что у нихъ нѣтъ драматической поэзіи, что у нихъ нѣтъ драматическихъ поэтовъ, что они жалкіе и ничтожные подражатели и больше ничего; онъ желалъ, чтобы ему былъ предложенъ вопросъ — да отчего же у насъ нѣтъ поэтовъ, отчего у насъ нѣтъ національнаго театра? и тогда онъ имѣлъ бы право отвѣтить: а что вы сдѣлали для того, чтобы имѣть его? вы не только ничего не сдѣлали, но вы мѣшаете, не даете возможности развиться ему! «Не смѣшна-ли идея, — говоритъ Лессингъ въ своей «Драматургіи», — желать, чтобы у нѣмцевъ былъ національный театръ, когда нѣмцы еще

вовсе не нація! Я не говорю о политической организаціи, но только о нравственномъ характерѣ. Слѣдовало бы сказать, что нашъ характеръ именно состоитъ въ томъ, что мы вовсе его не имѣемъ». Вотъ основная мысль, лежащая въ Лессинговой «Драматургіи». Народъ не можетъ имѣть здороваго, серьезнаго драматическаго искусства, до тѣхъ поръ, пока этотъ народъ представляетъ собою только бездушную массу; онъ не можетъ имѣть его, пока онъ не дышетъ свободнымъ воздухомъ, пока онъ не сброситъ съ себя тяжелыя путы такого политическаго порядка, который уничтожаетъ всякую самостоятельность въ жизни, а слѣдовательно и самостоятельность мысли. Случайно можетъ родиться талантъ или геній, но онъ не образуетъ собою еще драматической поэзіи, такъ точно какъ одинъ писатель или даже нѣсколько не составляютъ еще литературы. Чтобы литература, театръ процвѣтали въ какой-нибудь странѣ, для этого необходимо, чтобы она окружена была такою теплою атмосферою, при которой люди, общество могли бы открыто, свободно говорить о всѣхъ своихъ дѣлахъ, о всѣхъ сторонахъ своей жизни; нужно, чтобы условія жизни благопріятствовали всестороннему развитію даннаго общества, или по крайней мѣрѣ искусственными преградами не стѣсняли свободнаго проявленія человѣческой дѣятельности. Иначе литература, какъ и театръ, будутъ всегда чахлымъ цвѣткомъ, отцвѣтшимъ, прежде нежели успѣлъ онъ распуститься, или слабымъ отголоскомъ того, что̀ производитъ литература или театръ въ какой-нибудь другой странѣ, т.-е. ничѣмъ инымъ какъ блѣднымъ и жалкимъ подражаніемъ. Такъ именно оно и было въ Германіи. Политическій строй Германіи, нравственный порядокъ, господствовавшій въ ней, были таковы, что деморализировали націю и довели ее до того, что она какъ бы удовлетворилась своимъ положеніемъ, и сдѣлалась рѣшительно равнодушною ко всѣмъ общественнымъ интересамъ.

При такомъ положеніи, при такомъ отсутствіи общихъ, связывающихъ людей, интересовъ не могло быть и рѣчи о самостоятельной литературѣ, о національномъ театрѣ. Лессингъ это понималъ какъ нельзя лучше, и потому не уставалъ говорить своимъ соотечественникамъ: сдѣлайтесь народомъ, будьте самостоятельны, независимы, свободны, и тогда все будетъ въ вашемъ распоряженіи, и богатая литература и оригинальный театръ, безъ этого же вы навсегда останетесь жалкимъ стадомъ овецъ, произвольно управляемымъ правительствомъ. Ни самостоятельности, ни свободы не было въ странѣ, а потому и вмѣсто оригинальной литературы, оригинальнаго театра, были только и литература и театръ, заимствованные у чужого народа, именно у

французовъ. Заимствованіе это было сдѣлано не въ силу потребности націи, а просто въ силу распространеннаго между высшими классами изуродованнаго французскаго воспитанія. Подражаніе французамъ въ литературѣ было какъ бы доказательствомъ того, что она существовала только для аристократіи. Расинъ, Корнель были тутъ въ большомъ почетѣ, и этого было достаточно для Лессинга, чтобы уничтожать и того и другого, и въ своемъ увлеченіи доходить даже до несправедливости къ нимъ. «Дайте мнѣ какую угодно пьесу Корнеля, — восклицалъ онъ, — и я берусь написать ее лучше чѣмъ онъ! Кто держитъ пари»? Но изъ этого нападенія на французскихъ псевдо-классиковъ не слѣдуетъ выводить, чтобы Лессингъ былъ зараженъ тѣмъ «французоѣдствомъ», которымъ отличалась нѣмецкая литература въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Онъ нападалъ на нихъ только для того, чтобы уничтожить ихъ вліяніе на нѣмецкихъ писателей, чтобы отрезвить нѣмецкую литературу, которая пресмыкалась передъ этими давно отжившими моделями. Онъ показывалъ ихъ фальшь, тщательно занимался разборомъ ихъ неестественности, и быть можетъ сознательно доходилъ до преувеличенія ихъ въ своемъ порицаніи, потому что онъ видѣлъ, что они идутъ въ разрѣзъ дѣйствительной жизни и ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть воспитательнаго значенія для его страны. Что у Лессинга не было ожесточенія противъ всего французскаго, ожесточенія, которое не дѣлало бы чести да и не было бы совмѣстно съ его широкимъ умомъ, доказывается тѣмъ, что онъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ драматическимъ произведеніямъ Дидро. Комедіи и драмы послѣдняго не имѣли серьезнаго значенія, это были диссертаціи на заданную тему и, разумѣется, не могли своимъ художественнымъ достоинствомъ возбуждать восторга въ такомъ глубокомъ критикѣ, какимъ былъ Лессингъ. Отчего же хвалилъ ихъ авторъ «Драматургіи»? Восхваленіе Дидро проистекало просто изъ того, что Лессингъ впереди своихъ художественныхъ задачъ, эстетическихъ вопросовъ ставилъ независимо болѣе важный вопросъ о пользѣ, приносимой извѣстнымъ произведеніемъ обществу. Польза же драматическихъ произведеній Дидро была несомнѣнная; съ одной стороны, онъ проводилъ въ нихъ идеи, выработанныя новѣйшею философіею, идеи «гуманныя» по преимуществу и потому самому отвѣчавшія требованіямъ времени; съ другой стороны Дидро уничтожалъ своимъ театромъ обаятельную силу псевдо-классической школы и на первый планъ выставлялъ интересы простой, обыденной жизни. Однимъ словомъ цѣль, которой служилъ Дидро, была тожественна съ цѣлью, къ кото-

рой стремился и Лессингъ. Оба они были людьми новаго времени, оба проповѣдовали новыя начала, оба стремились къ тому, чтобы разрушить средневѣковой строй и вселить въ народную жизнь новый духъ, освободивъ ее отъ давленія высшихъ классовъ.

Широкое начало гуманности, вдохновлявшее Лессинга, вдохновляло и другого писателя, имѣвшаго значительное вліяніе на нѣмецкую литературу, именно Гердера. Несмотря на ихъ общую цѣль въ литературной дѣятельности своей, Гердеръ сплошь и рядомъ являлся противникомъ Лессинга, хотя критическія произведенія послѣдняго имѣли большое вліяніе на Гердера. Значеніе Гердера было, конечно, далеко не такъ велико какъ Лессинга для пробужденія національнаго духа, но цѣль его была таже самая: онъ желалъ вызвать стремленіе къ независимости въ нѣмецкомъ народѣ, онъ хотѣлъ, чтобы взаимныя отношенія низшихъ и высшихъ классовъ были въ корнѣ измѣнены, чтобы яркій лучъ освѣтилъ собою тьму, въ которой блуждалъ народъ, благодаря своему невѣжеству. Жизнь широкая, бурная — вотъ чего хотѣлъ Гердеръ для своего народа. Licht, Liebe, Leben — было его девизомъ. Космополитическая идея находила себѣ въ Гердерѣ больше простора, чѣмъ въ Лессингѣ, благо всего человѣчества занимало его больше чѣмъ кого бы то ни было. Полу-поэтъ, полу-философъ, полу-историкъ, Гердеръ вездѣ оставилъ свой оригинальный слѣдъ. Горячая фантазія, необыкновенная самоувѣренность отличали всѣ его произведенія, принадлежащія къ области поэзіи, философіи, исторіи. Гердеръ ведетъ отчаянную борьбу съ рутиной, не хочетъ знать никакихъ правилъ, и въ своемъ поэтическомъ воодушевленіи поклоняется только народной поэзіи, и только въ ней одной признаетъ силу, богатство образовъ, истинно бурныя страсти. Въ этомъ духѣ онъ написалъ сборникъ «національныхъ пѣсенъ», въ которомъ изображены съ удивительною правдою и простотою характеры, наклонности, страсти различныхъ націй. Поэтическое настроеніе Гердера какъ нельзя болѣе видно и въ другомъ его произведеніи, полу-философскомъ, полу-мечтательномъ, именно въ «Духѣ еврейской поэзіи». Фантазія, или, быть можетъ, вѣрнѣе будетъ сказать идеализмъ, отличавшій Гердера такъ рѣзко отъ реалиста Лессинга, играетъ важную роль и въ самомъ извѣстномъ его сочиненіи: «Идеи о философіи исторіи человѣчества». Сочиненіе это гармонируетъ со всею остальною дѣятельностью Гердера, направленною къ одному: къ проповѣди гуманности, на которую онъ указываетъ какъ на высшее начало, руководящее или долженствующее руководить человѣчествомъ.

Во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности происходитъ

въ это время въ Германіи сильное движеніе. Лессингъ даетъ сильный толчекъ литературѣ, Гердеръ исторіи; въ области философіи это движеніе выражается въ переворотѣ, совершенномъ Кантомъ. Движеніе это поддерживается не только отдѣльными сочиненіями этихъ сильныхъ умовъ, но оно распространяется журналами, которые пріобрѣтаютъ большую популярность и къ которымъ присоединяются всѣ громкія имена того времени. Другъ Лессинга, Николаи, извѣстный своимъ сочиненіемъ, «Письма о нынѣшнемъ состояніи изящныхъ искусствъ въ Германіи», вышедшимъ въ свѣтъ въ 1755 г. безъ имени автора, и сдѣлавшійся впослѣдствіи не болѣе и не менѣе какъ литературнымъ спекулянтомъ, основалъ вмѣстѣ съ Вейссе, одинаково другомъ Лессинга, «Библіотеку изящныхъ искусствъ и знаній», съ цѣлію быть новымъ судилищемъ и постановлять приговоры надъ прошедшими, настоящими и будущими произведеніями, согласно началамъ, провозглашеннымъ новою эстетическою критикою. Лессингъ не принималъ въ этомъ изданіи дѣятельнаго участія, потому что онъ занятъ былъ другимъ журналомъ, который былъ основанъ вскорѣ послѣ «Библіотеки», именно «Литературными письмами», основанными точно также при главномъ содѣйствіи Николаи. Журналы эти имѣли большое вліяніе; они стремились къ тому, чтобы уничтожить въ нѣмцахъ страсть къ подражанію, пробудить самостоятельность мысли, и яростно нападали на все рутинное, устарѣвшее, гнилое. Въ этихъ журналахъ разрушались старые авторитеты, уничтожались старые боги и провозглашалось новое знаніе, новая жизнь. На подобіе «Библіотеки изящныхъ искусствъ и знаній» и «Литературныхъ писемъ» основалъ журналъ и Виландъ; но его «Нѣмецкій Меркурій» не имѣлъ тѣхъ реформаторскихъ цѣлей, какими отличались первые два журнала. Цѣль его была — спекуляція, и это конечно не могло не отзываться на самомъ изданіи. Въ это время въ Германіи, разумѣется, не могло быть и рѣчи о свободѣ печати, и потому всякіе политическіе вопросы должны были быть отстраняемы; но это не мѣшало тому, чтобы въ статьяхъ, на первый взглядъ посвященныхъ чисто литературной пропагандѣ, нельзя было читать между строкъ и политической пропаганды. Большая заслуга въ дѣлѣ нѣмецкой журналистики принадлежитъ Шлецеру, который прямо осмѣлился затронуть политическіе вопросы. Своею «Новою Перепискою» онъ создалъ, по выраженію Шлоссера, «трибуналъ, передъ приговорами котораго блѣднѣли всѣ германскіе ненавистники просвѣщенія, всѣ многочисленные маленькіе тираны, или деспотическіе чиновники и полицейскіе, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, у которыхъ осталось столько чести и стыда, что

они могли еще краснѣть или блѣднѣть». Журналъ Шлецера обнаруживалъ всѣ возможныя злоупотребленія, которыя годами, столѣтіями хранились подъ спудомъ канцелярской тайны. Онъ сдѣлался грозою привилегированныхъ классовъ; онъ съ большимъ мужествомъ обличалъ продажность, развратъ высшаго общества; онъ ратовалъ за избавленіе народа отъ произвола дворянской касты, которая во мракѣ всеобщаго невѣжества творила невѣроятныя вещи. Страшный гулъ поднялся противъ Шлецера. Владѣтельные князья, аристократія, бюрократія направили на издателя «Новой Переписки» свою злобу и месть. Онъ проповѣдовалъ въ своемъ журналѣ свободу печати, и сами правительства не могли не убѣдиться, какой невѣроятный вредъ происходитъ отъ того, что всѣ злоупотребленія, всѣ насилія не выходятъ на свѣтъ. Шлецеръ велъ въ одно и тоже время борьбу противъ іезуитовъ и злоупотребленій духовенства, и съ этой стороны находилъ себѣ поддержку въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и рѣдкихъ правителей, именно въ Іосифѣ II. Съ 1782 г., «Новая Переписка» приняла названіе «Государственныхъ Вѣдомостей» и съ этихъ поръ значеніе этого журнала сдѣлалось еще болѣе велико, онъ положительно служилъ интересамъ цѣлой Германіи.

Движеніе, вызванное такими талантами какъ Лессингъ, Гердеръ, Кантъ, поддержанное и распространенное возникшею журналистикою, должно было отозваться и отозвалось на нѣмецкой молодежи. Съ одной стороны, критика Лессинга открыла нѣмецкому юношеству нищету нѣмецкой литературы, побуждала отбросить подражаніе французскимъ псевдо-классикамъ и указывала на Шекспира какъ на великій образецъ; съ другой стороны, страстный, пламенный призывъ Руссо къ непосредственной естественности нашелъ себѣ отзывъ въ молодыхъ сердцахъ чувствительныхъ нѣмцевъ, на которыхъ и съ этой стороны Руссо имѣлъ большое вліяніе. Менцель въ своей «Исторіи нѣмецкой литературы» называетъ не даромъ Руссо патріархомъ новаго сантиментализма. Во всякомъ случаѣ, сантиментализмъ Руссо былъ несравненно здоровѣе сладенькаго сантиментализма нѣмецкаго происхожденія. Подъ вліяніемъ Лессинга и Руссо, нѣмецкая молодежь, вооружившись необыкновенною энергію, провозгласила своимъ лозунгомъ: свобода и природа! и стала съ увлеченіемъ, свойственнымъ молодости, «потрясать столбы рутины, на которыхъ покоился храмъ филистерства». Непримиримая вражда была объявлена всему устарѣвшему, гнилому, съ необыкновеннымъ жаромъ стали нападать на всѣ сословные предразсудки, горячая сатира бичевала пороки и злоупотребленія сильныхъ, съ трескомъ, шумомъ накидывались на отжившія общественныя формы, съ па-

фосомъ провозглашали они свободу, съ громомъ и молніею возвѣщаемъ былъ конецъ тираніямъ, приготовляясь служить для защиты новыхъ началъ, новой жизни. Этотъ періодъ получилъ названіе въ нѣмецкой литературѣ періода «бурь и волненій» (Sturm und Drang). Казалось, что отнынѣ заря новой жизни засвѣтила для Германіи.... но это только казалось.

Это направленіе, полное «бурныхъ стремленій», раздвоилось, оно раздѣлилось такъ-сказать на два лагеря. Съ одной стороны, въ Геттингенѣ образовался «союзъ геттингенскихъ бардовъ», которые въ силу какой-то особой логики ухитрились слить въ одно цѣлое свои «бурныя стремленія» къ свободѣ, къ новой жизни, къ новымъ воззрѣніямъ, съ плаксиво-догматическою поэзіею Клопштока, котораго они провозгласили главою союза. Къ этому союзу примыкалъ по всей правдѣ и Бюргеръ, творецъ нѣмецкихъ балладъ, который до сихъ поръ еще не забытъ въ Германіи. Несмотря на нѣкоторый сумбуръ, господствовавшій въ головахъ нѣмецкихъ бардовъ, они оказали тѣмъ не менѣе свою долю пользы нѣмецкому народу. Они старались вырвать нѣмецкое юношество изъ раболѣпства, господствовавшаго тогда въ обществѣ, отклонить его отъ лакейской угодливости и лести передъ дворомъ, они стремились поселить въ нѣмецкомъ народѣ рядомъ съ лучшимъ образованіемъ чувство собственнаго достоинства, благородной гордости и жажду свободы и независимости. Они желали освѣжить общественное мнѣніе, обновить и облагородить нѣмецкіе нравы. Къ несчастью только, они не понимали, что подобные результаты не достигаются сладкимъ воспѣваніемъ дружбы, любви и природы. Изъ того, какъ образовался этотъ союзъ, къ которому цѣликомъ принадлежали Фоссъ, два брата Штальберги, Гельти, два Миллера, Бойе и нѣкоторые другіе, легко видѣть, могло ли выйти что-нибудь серьезное изъ дѣятельности этихъ сантиментально-мечтательныхъ нѣмцевъ, признавшихъ Клопштока своимъ божкомъ. «Ахъ,—писалъ Фоссъ, одинъ изъ основателей гёттингенскаго союза бардовъ, въ письмѣ къ другу, 12-го сентября (1772 г.),—вы должны были бы быть здѣсь. Оба Миллера, Ганъ, Гельти и я отправились вечеромъ въ близлежащую деревню, былъ славный вечеръ и полная луна. Мы совершенно отдались ощущеніямъ чудной природы. Мы выпили въ крестьянской хижинѣ молока и отправились къ открытому полю. Тутъ нашли мы небольшую дубовую рощу, и намъ всѣмъ внезапно пришла мысль подъ этими священными деревьями освятить клятвою союзъ дружбы....» Призывая луну и звѣзды быть свидѣтелями ихъ закрѣпленнаго союза, «они клялись въ вѣчной дружбѣ». Если эта прелестная картинка достаточно освѣ-

щаетъ уже глубокомысліе и степень серьезности союза бардовъ, то еще болѣе бросается въ глаза незрѣлость этихъ реформаторовъ, когда мы вспомнимъ, что на своихъ празднествахъ они торжественно провозглашали тосты въ честь Клопштока и Лессинга и восклицали: «да погибнетъ развратитель нравовъ Виландъ, да погибнетъ Вольтеръ!» Странныя сопоставленія! Этому направленію приверженцевъ «бурныхъ стремленій» не трудно разумѣется было превратиться впослѣдствіи въ католическо - средневѣковый романтизмъ.

Направленіе «бурныхъ стремленій» представлялось не исключительно геттингенскими бардами. Противъ этой группы молодыхъ поэтовъ стояла другая группа болѣе симпатичная, группа, необразовавшая собою никакого союза подъ тѣнію дубовыхъ деревьевъ. Въ этой группѣ пророкомъ былъ не старецъ Клопштокъ, а «бурный геній» Шекспиръ, почитаніе котораго доходило до обожанія. Въ этой группѣ не признавались никакіе законы, никакія правила, все возлагалось на силу природы. Писатели, причислявшіе себя къ породѣ «бурныхъ геніевъ» (Kraftgenies) не налагали никакихъ оковъ своей фантазіи, своему воображенію. Эти «бурные геніи» были недовольны существовавшимъ порядкомъ, они стремились къ лучшему устройству, политическая атмосфера казалась имъ слишкомъ удушливою и въ нихъ бушевали порывы къ свободѣ. Къ этимъ «бурнымъ геніямъ» нужно отнести Шубарта, который рано познакомился съ тюрьмою, благодаря своему республиканскому вдохновенію. Въ своихъ пламенныхъ стихахъ онъ нападалъ на правителей, обвиняя ихъ во всѣхъ страданіяхъ народа и обнаруживая ихъ злоупотребленія. Этотъ самый Шубартъ въ стихотвореніи, полномъ злобы и горечи, оплакалъ первый раздѣлъ Польши. Онъ вздыхалъ по свободѣ какъ страстный любовникъ и съ отчаяніемъ восклицалъ:

Aber wo find ich dich, heilige Freiheit
O Du, des Himmels Erstegeborne?

Это благородное настроеніе Шубарта, это порывистое стремленіе къ свободѣ, эта смѣлость, стоившая автору цѣлые годы заключенія, среди господствовавшаго въ обществѣ раболѣпства и пресмыканія передъ всевозможными маленькими дворами, дѣлаетъ Шубарта однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ представителей періода «бурныхъ стремленій» въ нѣмецкой литературѣ. Къ этой же группѣ писателей принадлежитъ и Клингеръ, который своею драмою, написанною еще во время его юности, «Sturm und Drang», далъ имя цѣлому направленію въ литературѣ. Вмѣстѣ съ богатою фантазіею, Клингеръ соединялъ въ себѣ глубокую

любовь къ свободѣ и человѣчеству, на которое онъ смотрѣлъ съ большимъ состраданіемъ. Руссо былъ его моделью, онъ поклонялся ему, и во всѣхъ своихъ, особенно первыхъ произведеніяхъ онъ является ученикомъ его. Все что выходитъ изъ рукъ природы хорошо, но все портится людьми — таково воззрѣніе Клингера, заимствованное имъ у своего учителя.

Это направленіе «бурныхъ стремленій» и «бурныхъ геніевъ» въ сущности не создало ни одного дѣйствительнаго генія, или выходящаго изъ ряда крупнаго таланта, который имѣлъ бы достаточно силы, чтобы выполнить задачу, начерченную Лессингомъ. Упрочить самостоятельность національной литературы выпало на долю Гёте и Шиллера, которые появляются въ періодъ «бурныхъ стремленій». «Бурные геніи» не имѣли именно достаточно генія, чтобы дать своему направленію такую прочную, неразрушимую силу, которая обусловила бы собою весь будущій ходъ развитія нѣмецкой литературы. Ихъ стремленіе къ свободѣ, къ уничтоженію раболѣпства въ обществѣ, къ пробужденію духа независимости, самостоятельности, самоуваженія, не пережило ихъ самихъ, и въ колоссальномъ Гёте мы находимъ уже, вмѣсто горячаго и страстнаго отношенія къ стремленіямъ «бурныхъ геніевъ», только холодное и высокомѣрное равнодушіе.

Первыя произведенія Шиллера родились на вулканической почвѣ «бурныхъ стремленій» и при появленіи «Разбойниковъ» писатели этого направленія привѣтствовали Шиллера какъ своего. Шиллеръ въ это время дѣйствительно былъ подъ вліяніемъ «бурныхъ стремленій»; онъ наслаждался и увлекался поэмами Шубарта, въ немъ сильно было чувство любви къ свободѣ, и это настроеніе сохранилось въ немъ болѣе или менѣе во всю его жизнь. Въ двухъ слѣдующихъ его произведеніяхъ, въ «Коварствѣ и Любви» и въ «Фіеско» стремленія Шиллера опредѣляются еще болѣе рѣзко. Политическая тенденція его—явно республиканская; онъ бичуетъ развратъ дворовъ, онъ возстаетъ противъ наглой гордости аристократіи, ничѣмъ не оправдываемой, и представляетъ возмутительную картину отношеній между высшими и низшими сословіями. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ авторъ «Фіеско», «Коварство и Любовь» становится впослѣдствіи вовсе въ иныя отношенія ко двору, еслибы мы не знали, какое вліяніе имѣлъ на Шиллера Гёте. Шиллеръ— кто можетъ это отрицать — имѣлъ огромное благотворное вліяніе на нѣмецкую націю, его образовательное значеніе сохраняется и до нашего времени, потому что въ авторѣ «Вильгельма Телля» былъ неисчерпаемый источникъ теплой любви къ человѣчеству. Вліяніе идей, проповѣдуемыхъ Шиллеромъ, было бы

несравненно обширнѣе въ его время, ему скорѣе удалось бы пробудить въ нѣмецкомъ народѣ жажду свободы и независимости, еслибы Гёте не дѣйствовалъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Мы, разумѣется, вовсе не намѣрены здѣсь говорить о поэтическомъ значеніи такихъ талантовъ, какъ Шиллеръ и Гёте; мы преслѣдуемъ только одну цѣль—указать, въ какой мѣрѣ затрогивались въ нѣмецкой литературѣ политическія идеи до появленія перваго истиннаго политическаго писателя, Лудвига Берне.

Въ смыслѣ политическомъ великій поэтъ Гёте является совершеннымъ ничтожнымъ. Насколько благотворна была его дѣятельность въ литературномъ отношеніи, какъ творца «Фауста», «Эгмонта» и цѣлаго ряда другихъ произведеній, настолько же вредна она была, настолько же пагубно дѣйствовала она на политическое развитіе націи. Недостойное услужничество нашло въ Гёте своего представителя.

Причина этого необычайнаго явленія, что такой колоссальный умъ, такой великій талантъ встрѣтились въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ такимъ ничтожнымъ характеромъ, съ такою политическою ограниченностію, кроется въ необъятномъ эгоизмѣ Гёте. Эгоизмъ—вотъ основная черта Гёте, черта, объясняющая намъ всю жизнь, всю дѣятельность, все поведеніе этого человѣка. Гёте смотрѣлъ на себя какъ на средоточіе цѣлаго міра; ему казалось, что не онъ долженъ служить цѣлому міру, а цѣлый міръ долженъ служить ему одному. Лишенный даже и тѣни любви къ человѣчеству, Гёте направлялъ весь свой талантъ, весь свой геній вовсе не къ тому, чтобы улучшить нравственное положеніе людей, доставить торжество новымъ идеямъ, быть, однимъ словомъ, проповѣдникомъ правды, справедливости, свободы, до всего этого ему не было никакого дѣла, ему нужно было только торжество его личности, потому что онъ боготворилъ только одну свою личность. Для него не было другой святыни. Ему не было никакого дѣла до страданій его народа, до бѣдствій его родины. Достаточно было нѣсколько льстивыхъ словъ Наполеона, чтобы Гёте перешелъ на его сторону. Во время самыхъ тяжелыхъ годинъ его отечества, во время самыхъ рѣшительныхъ европейскихъ переворотовъ, Гёте какъ нельзя болѣе спокойно занимался изученіемъ китайскаго языка. Придворная жизнь, которая пришлась такъ по вкусу Гёте и въ которую онъ такъ въѣлся, окончательно развратила его характеръ. Совершенно естественно, что презрительное отношеніе Гёте ко всѣмъ самымъ горячимъ вопросамъ народной жизни, должно было оттолкнуть отъ него большую часть молодежи, которая смотрѣла на него какъ на явленіе, принадлежа-

щее прошедшему времени. На остальную же часть молодежи Гёте имѣлъ самое вредное вліяніе; онъ привилъ къ ней, какъ выражается Менцель, самую вредную болѣзнь: смотрѣть на весь міръ свысока и находить его для себя слишкомъ мелкимъ.

Конечно, Гёте могъ быть совершенно удовлетворенъ тѣмъ обожаніемъ, которымъ окружало его высшее общество, и его самолюбіе находило себѣ въ немъ полное удовлетвореніе; онъ сознавалъ себя богомъ, другіе не оспаривали его божества—ему больше ничего не было нужно. Нападки, дѣлавшіеся иногда на Гёте, встрѣчали сильный отпоръ въ его друзьяхъ, до тѣхъ поръ, пока самъ Гёте, соединившись съ Шиллеромъ, не сталъ издавать журнала, «die Horen», который долженъ былъ, по ихъ собственнымъ словамъ «превзойти все, что когда-нибудь появлялось въ этомъ родѣ». Въ этомъ журналѣ, такъ точно какъ и въ Шиллеровомъ «Альманахѣ Музъ», стали появляться жестокія насмѣшки надъ всѣми противниками Гёте и Шиллера. Если нападки не могли имѣть никакого значенія для Гёте, то онъ могъ бы кажется задуматься, обозрѣвая весь пройденный имъ путь, на грустный для всякаго великаго писателя фактъ — тотъ фактъ, что появленіе Гёте въ нѣмецкой литературѣ не дало ей немедленныхъ результатовъ, что онъ не только не создалъ своего направленія, но такъ-сказать былъ обойденъ другимъ направленіемъ—средневѣковымъ романтизмомъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, школа Гёте, гдѣ цѣлая фаланга писателей, идущихъ по его стопамъ, гдѣ такъ отражается въ литературѣ и въ жизни того времени появленіе геніальнаго Гёте? Ничего подобнаго нѣтъ. Не будь Гёте пропитанъ самымъ жалкимъ эгоизмомъ, мѣшавшимъ ему понимать общественные интересы, отнесись онъ сочувственно къ народной жизни, его произведенія, оставаясь міровыми, отвѣчали бы стремленіямъ общества и имѣли бы потрясающее вліяніе на освобожденіе націи отъ цѣпей нравственнаго и физическаго рабства. Почва для Гёте была уже во многихъ отношеніяхъ подготовлена предшествовавшими писателями, работавшими для пробужденія народнаго духа; но его холодная, эгоистическая натура не чувствовала потребности искать себѣ сочувствія въ цѣломъ морѣ народной жизни. Поэтому-то Гёте и не имѣлъ такого крупнаго и немедленнаго вліянія на нѣмецкую жизнь и нѣмецкую литературу, которое онъ могъ имѣть, обладая такимъ геніемъ. Литературное движеніе, какъ и движеніе народной жизни, оставило его въ сторонѣ, и прошло мимо, какъ будто бы Гёте не стоялъ на дорогѣ. Правда, романтическое направленіе, начавшее господствовать въ Германіи, окружило Гёте почетомъ, причисляя его къ своимъ, но этотъ почетъ долженъ былъ быть скорѣе оскорбите-

ленъ, нежели пріятенъ Гёте. Направленіе, которое отрицало новую жизнь, не признавало новыхъ началъ, которое искало въ среднихъ вѣкахъ для себя идеаловъ, которое было солидарно со всѣми стремленіями касты феодаловъ—сочувствіе такого направленія, собственно говоря, было самымъ обиднымъ наказаніемъ для Гёте. Вмѣсто того, чтобы литература стала передовою силою въ развитіи новыхъ началъ и новыхъ идей, провозглашенныхъ французскою революціею, въ Германіи она становится, благодаря индифферентизму Гёте и его придворнымъ поклоненіямъ, тормозомъ къ движенію націи впередъ на пути свободы и самостоятельнаго существованія. Не пользовавшаяся никогда свободою, нѣмецкая литература не въ состояніи была понять, что̀ скрывается за тѣми, быть можетъ слишкомъ бурными, проявленіями французской революціи, которыя наводили на нее ужасъ, она не въ состояніи была понять, что смерть стараго порядка, средневѣковаго общественнаго строя, не можетъ произойти безъ всякаго кризиса, безъ потрясающихъ взрывовъ. Она не догадывалась, что роды новаго міра не могли пройти безъ того, чтобы не вырвать оглушительныхъ криковъ и раздирательныхъ стоновъ изъ груди старой Европы. Нѣмецкая литература, лишенная геніальнаго руководителя, какимъ могъ бы быть Гёте, еслибы въ немъ было сколько-нибудь политическаго смысла и любви къ человѣчеству, перепугалась и думала найти спасеніе отъ наплыва новыхъ идей и демократическихъ стремленій въ идеяхъ и стремленіяхъ католическаго, средневѣковаго строя. Такимъ образомъ, романтическое направленіе явилось въ Германіи какъ реакція противъ французской революціи, и потому происхожденіе его было чисто политическое. Въ то время, когда во Франціи объявляется, что «старый богъ пересталъ господствовать» и провозглашается религія разума, въ Германіи обращаются къ горячему католицизму и восхваляются старыя католическія формы; въ то время, когда во Франціи навсегда падаетъ, по крайней мѣрѣ нравственно, монархическое начало, въ Германіи литература старается усилить обожаніе деспотической власти, поэтизируя ее на всѣ лады; наконецъ, когда во Франціи провозглашаются «права человѣка» и ставится какъ девизъ: «свобода, равенство и братство» и вмѣстѣ съ тѣмъ рушится аристократія, дворянство, въ Германіи возносятся хвалебные гимны феодальной эпохѣ и воспѣваются нравы рыцарства. Романтическая школа, направленная противъ революціи, вела борьбу со всѣмъ современнымъ духомъ, литература, позабывъ свое истинное назначеніе—служить народнымъ интересамъ, сдѣлалась оплотомъ сгнившаго порядка, опорою вкоренившихся предразсудковъ, суевѣрій и всего

того, отчего французская революція силилась освободить европейское общество. Романтическая школа желала изъ Гёте сдѣлать себѣ конституціоннаго короля, потому что она видѣла, что онъ нисколько не противорѣчитъ ея стремленіямъ, что въ своихъ практическихъ воззрѣніяхъ они довольно близко стоятъ другъ къ другу. Шиллеру же никогда не были прощены его либеральныя и революціонныя стремленія, которыя съ такою силою сказались въ его первыхъ произведеніяхъ, и которыя не пропадали въ немъ никогда, несмотря на дружбу, которая соединила его впослѣдствіи съ Гёте.

Но если Шиллеръ не пользовался уваженіемъ у романтической школы, то онъ былъ совершенно вознагражденъ тѣмъ успѣхомъ, тою популярностью, которою онъ пользовался не среди аристократическаго романтизма, а среди демократическихъ слоевъ общества. Народъ всегда съумѣетъ понять, кто его любитъ, и кто презираетъ. Главными представителями романтическаго направленія въ Германіи были братья Шлегели, Новалисъ, Тикъ, литературнымъ же органомъ ихъ былъ журналъ «Атеней», который издавался двумя братьями Шлегелями. Направленіе это становилось все болѣе и болѣе исключительнымъ, и съ каждымъ днемъ вызывало къ себѣ все большія и большія симпатіи со стороны аристократіи, которая переживала тогда не совсѣмъ пріятныя минуты. Она дрожала за свое существованіе, опасаясь, что буря, разразившаяся во Франціи, снесетъ ее съ лица земли. Аристократія радовалась, что и въ литературѣ проводится дорогое для нихъ начало, что люди раздѣляются на двѣ породы, одна—созданная для труда, для тяжелой жизни, между тѣмъ какъ другая—для жизни беззаботной, для наслажденія, для искусства, поэзіи. Возвращеніе къ идеямъ среднихъ вѣковъ, преклоненіе передъ дряхлыми формами жизни, конечно не могло найти отголоска въ массѣ, которая искала себѣ въ литературѣ другихъ идей, другихъ писателей. Она нашла ихъ временно въ періодъ войнъ въ тѣхъ горячихъ писателяхъ, которые какъ бы составляютъ особое направленіе патріотическое. Къ этому направленію должны быть причислены Кёрнеръ, Уландъ, Арндтъ, Герресъ, которые раздѣляли народныя стремленія, сочувствовали ихъ интересамъ, умѣли понимать ихъ, потому что воодушевлены были истинною любовью къ свободѣ и прогрессу. Голосъ этихъ поэтовъ, которые находили протяжное эхо въ сердцѣ народа, былъ прерванъ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ, наступившею послѣ нихъ реакціею, установившимся Священнымъ Союзомъ. Время реакціи было временемъ высшаго торжества для романтической школы, когда она достигла до апогея своего развитія; но достиг-

нувъ высшей точки, она неминуемо должна была начать опускаться. Аристократіи не нужна была болѣе помощь литературы; правительства, въ воспоминаніе оказанныхъ услугъ, брали себѣ защитниковъ романтизма въ служеніе, и они превращались въ не что иное какъ въ жалкихъ льстецовъ. Однимъ словомъ, роль ихъ была сыграна. Одну довольно важную услугу, которую оказала романтическая школа, именно ту, что она познакомила Германію съ иностранными поэтами, съ Шекспиромъ, Калдерономъ, Лопесъ-де-Вега, Дантомъ, Аріостомъ и другими, она постаралась какъ бы заставить забыть, нанося громадный вредъ нѣмецкой литературѣ, бросая въ нее средневѣковый мусоръ. Когда въ 1815 году, послѣ окончанія войнъ и наступленія реакціи, народъ увидѣлъ себя обманутымъ во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, когда онъ понялъ, что обѣщанія, которыя такъ щедро сыпались въ минуты кризисовъ, добровольно никогда не будутъ выполнены, онъ инстинктивно долженъ былъ оттолкнуться отъ всего, что стояло въ близкомъ отношеніи къ правительствамъ и аристократіи. Раболѣпная литература представляла собою въ это время самое жалкое зрѣлище. Одна половина, романтическая, не заключала въ себѣ ничего живого, напротивъ, все въ ней было умерщвлено затхлыми идеями прошедшаго; другая половина, которая была болѣе понятна народу, совершенно опошлилась. Достаточно вспомнить, что въ этой послѣдней господствовалъ Коцебу.

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX-го вѣка, нѣмецкая литература была немного въ лучшемъ положеніи чѣмъ въ началѣ XVIII-го. Какъ тогда, можно было сказать, что литература не существовала, такъ точно и теперь можно было повторить тѣ же слова. Гдѣ же причина такого печальнаго явленія, печальнаго тѣмъ болѣе, что оно случилось послѣ того, что въ прошедшемъ нѣмецкой литературы можно уже было насчитать нѣсколько геніевъ? Не бѣда еще, когда въ какой-нибудь литературѣ послѣ цѣлаго ряда блестящихъ именъ наступаетъ пора, когда кромѣ второстепенныхъ талантовъ никто не появляется на литературномъ горизонтѣ. Важность заключается вовсе не въ первостепенныхъ талантахъ, судьба литературы, успѣхъ ея вовсе не обусловливается ими одними; гораздо важнѣе для литературы, чтобы въ ней не останавливалось развитіе идей, которыя могутъ идти впередъ помимо крупныхъ талантовъ. Какой прокъ отъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, когда міросозерцаніе ихъ узко, кругъ идей ограниченъ, когда они являются въ своей дѣятельности пропагандистами старины, рутины, отжившихъ идей! Пусть лучше не будетъ этихъ исключительныхъ талантливыхъ единицъ, но пусть вмѣсто того средній уровень идей постоянно толкаетъ впередъ. Бѣда нѣ-

мецкой литературы въ началѣ XIX-го вѣка заключалась именно въ томъ, что въ ней не было свѣтлыхъ идей, что она прозябала, что она покрывалась плѣсенью вслѣдствіе своей неподвижности. Причина такого явленія давно уже была объяснена Лессингомъ, когда онъ говорилъ, что нѣмецкій театръ не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ нѣмецкаго народа въ нравственномъ смыслѣ этого слова. Лессингъ былъ правъ. Нѣмецкая литература, какъ и всякая другая, не можетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока нѣтъ народа въ нравственномъ смыслѣ, т.-е. пока нѣтъ народа независимаго, пользующагося свободой и всѣми ея прерогативами, пока въ этомъ народѣ не будетъ пробуждена политическая жизнь. Писатель, который бы появился въ нѣмецкой литературѣ въ это время, т.-е. въ первой четверти XIX-го вѣка, долженъ былъ непремѣнно задуматься надъ ея жалкимъ положеніемъ, и ему должны были придти въ голову слова Лессинга: нѣтъ театра, нѣтъ литературы,—пока нѣтъ народа, пока нѣтъ свободы. Писатель, который бы появился въ это время, не могъ съ грустью не остановиться передъ печальнымъ фактомъ разложенія нѣмецкой литературы и передъ причиною этого факта: отсутствіе въ литературѣ здоровыхъ политическихъ идей, пробуждающихъ народную массу, которая въ свою очередь должна питать литературу. Если народъ былъ лишенъ здоровой политической жизни, если отсутствіе ея было причиной разложенія нѣмецкой литературы, то писатель, въ которомъ горяча была бы любовь къ своему народу, сильно сочувствіе его интересамъ, долженъ былъ бы всѣ силы своего таланта направить на пробужденіе нѣмецкаго народа, на внесеніе въ его жизнь тѣхъ политическихъ идей, безъ которыхъ нѣтъ будущаго для народа. Прошедшее нѣмецкой литературы, настоящее положеніе ея должны были служить подтвержденіемъ правдивыхъ словъ Лессинга. Больше чѣмъ когда-нибудь, на сцену долженъ былъ выступить политическій писатель, который силою своего убѣжденія и своего таланта воскресилъ бы жизнь и въ нѣмецкой литературѣ. Такимъ писателемъ и былъ Лудвигъ Бёрне.

Мы должны были остановиться нѣсколько подробно какъ на положеніи нѣмецкаго общества, среди котораго дѣйствовалъ Бёрне, такъ и на состояніи нѣмецкой литературы, и на ея послѣдовательномъ развитіи, потому что иначе связь Бёрне съ нѣмецкою литературою и его вліяніе на нее, быть можетъ, не были бы достаточно ясны для нашихъ читателей. Не припомнивъ состоянія нѣмецкаго общества и литературы, фигура Бёрне представилась бы намъ какъ бы изолированною, можно было бы сдѣлать заключеніе, что Бёрне съ своею литературною дѣятельностію, направленною главнымъ образомъ, чтобы не сказать исклю-

чительно, на политическіе вопросы, стоитъ особнякомъ въ общемъ развитіи литературы. Подобное заключеніе было бы прямо противоположно истинѣ. Бёрне напротивъ, по нашему мнѣнію, представляетъ собою связующее звено между старою литературою, которая замыкается фигурою Гёте и новою литературою, которая открывается писателями «молодой Германіи» и, проходя черезъ Гейне, доходитъ до современныхъ намъ писателей. Бёрне, окидывая взоромъ безправное положеніе нѣмецкаго народа, жалкое нравственное состояніе общества, подавляемое десятками мелкихъ правителей и цѣлою ватагою ихъ прислужниковъ, съ горечью смотрѣлъ на выродившуюся нѣмецкую литературу, которая въ своемъ паденіи дошла до средневѣковаго романтизма. Причина такого упадка была для него какъ нельзя болѣе ясна; онъ отлично понималъ, что причина безсилія, какъ общества такъ и литературы, заключается въ поразительномъ отсутствіи здоровыхъ политическихъ идей, значеніе которыхъ для общественнаго организма не понималъ даже такой великій умъ, какъ Гёте. Дать толчокъ нѣмецкой литературѣ, впустить въ нее свѣжую струю здороваго воздуха, пробудить общество своею злою сатирою, своею страстною любовію къ свободѣ—такова была задача Лудвига Бёрне, которую могъ выполнить только человѣкъ, обладавшій такимъ замѣчательнымъ талантомъ и гражданскою честностію, какъ авторъ «Парижскихъ писемъ». Бёрне сознательно направилъ свой многосторонній талантъ почти исключительно на политическую сторону, потому что онъ понималъ, какъ настоятельно необходимо сдѣлалось для нѣмецкаго общества и литературы усвоеніе себѣ правильныхъ политическихъ идей. Онъ имѣлъ примѣръ на отечественной литературѣ, до какого паденія можетъ она дойти, когда на первый планъ въ ней выдвигаются такъ-называемые художественные интересы и художественныя задачи.

Но прежде чѣмъ обратимся къ сочиненіямъ Лудвига Бёрне, мы остановимся на его біографіи, потому что ознакомленіе съ жизнію человѣка много поясняетъ и въ его произведеніяхъ. Только тогда, когда мы знакомимся съ жизнію человѣка, съ воспитаніемъ его, когда мы узнаемъ, гдѣ и въ какой средѣ прошли его дѣтскіе, юношескіе и зрѣлые года, когда мы узнаемъ въ какомъ кругу онъ вращался и съ какими людьми сталкивала его судьба — только тогда намъ становится совершенно понятно то или другое направленіе его мыслей, тѣ или другія воззрѣнія.

Е. Утинъ.

НАШИ ШМЕЛИ.

Я люблю разбѣгъ безумный
Силы юной, силы шумной,
Силы бьющей черезъ край.
Все дорогу уступай
Сокрушительному току!
Онъ могучъ, подобенъ року —
Все ниспровергаетъ въ прахъ,
Міръ подъемлетъ на плечахъ.
Полонъ воли, полонъ вѣры,
Онъ великія химеры,
Вдохновенья чудеса
Созидаетъ въ полчаса.

Но смѣшонъ задоръ кичливый,
Безтолковый и шумливый
Этихъ лысыхъ и пустыхъ
Вѣчныхъ отроковъ большихъ.
Но забавна ихъ охота
Вѣкъ соваться дѣлать что-то,
Что не нужно никому,
И, не вѣдая къ чему,
Въ пчельникъ, полный силъ и меда,
Создающаго народа,
Шмелемъ лишнимъ и шальнымъ
Вѣчно биться лбомъ тупымъ.

СКРОМНЫЯ ОЖИДАНІЯ.

I.

Тучи несутся, ложатся грядами,
Хмуры, свинцовы, чреваты дождями,
И безъ конца ихъ угрюмый полетъ,
Словно ихъ съ цѣлаго свѣта несетъ.

Ждемъ, недождемся — къ намъ будетъ ли вёдро!
Зиму у печекъ мы вынесли бодро, —
Не одолѣли насъ стужа, метель —
Жабою только доѣхалъ апрѣль.

Кукни кукушка! цвѣсти бы сирени —
Вѣдь на исходѣ и май-то весенній:
Солнышко выглянь — хоть носъ-то просунь!
Нѣтъ, подождемъ, что-то скажетъ іюнь!

Ждемъ. Но въ іюнѣ лишь вѣтры все дули;
Вѣтры все дули опять и въ іюлѣ,
Августу стлали изъ листьевъ постель....
Значитъ, надежда опять на апрѣль.

Тучи несутся, ложатся снѣгами,
Холодны, грозны, чреваты бѣдами:
Жабы, горячки, холера и крупъ....
Вотъ ужъ на это нашъ сѣверъ не глупъ!

II.

Мы не ждемъ въ ноябрѣ увидать на дворѣ
Нѣжно-алыя позднія розы, —
Къ намъ придутъ, знаемъ мы, въ снѣжномъ платьѣ зимы,
Наши дюжіе гости — морозы.

* * *

Мы не знаемъ тѣхъ благъ, отъ которыхъ на шагъ
Ужъ другіе счастливцы народы, —
Мы для жизни своей хоть мерцанья идей,
Хоть луча просимъ солнца свободы!

* * *

Мы народъ-мужичокъ — намъ бы хлѣба кусокъ,
Да хоть малость полегче бы бремя....
И ужъ гдѣ тамъ до благъ, если намъ изъ сермягъ
Даже выбиться было не время!

ОСЕННІЙ ЦВѢТЪ.

(Ѳ. И. Т—ву).

Акація душистая
Осенній цвѣтъ дала;
А роща желтолистая,
Недужная и мглистая,
Кругомъ ужъ замерла.

Больного поколѣнія
Осенній сонъ идетъ....
Лишь сила вдохновенія
Не знаетъ усыпленія
И вѣчный цвѣтъ даетъ.

П. Ковалевскій.

1870 г.

КРИТИКА МОИХЪ КРИТИКОВЪ.

II [1]).

Другимъ моимъ критикомъ, по порученію Академіи наукъ, былъ академикъ Шифнеръ. Трудно мнѣ было бы желать критика болѣе компетентнаго и многообъемлющаго по занимавшему меня предмету. Будучи однимъ изъ капитальнѣйшихъ оріенталистовъ настоящаго времени, и соединяя въ одномъ себѣ знаніе разнообразнѣйшихъ языковъ Востока, этотъ ученый въ то же время посвятилъ много времени и трудовъ сравнительному изученію миѳологіи, поэмъ и пѣсенъ разныхъ народовъ. Во время моихъ изысканій я былъ ему обязанъ множествомъ драгоцѣнныхъ указаній, и, только благодаря его доброжелательству и содѣйствію, имѣлъ возможность изучать II-й и III-й томы Радлоффа, изъ которыхъ II-й былъ уже тогда напечатанъ, но не выпущенъ въ свѣтъ, а III-й вовсе еще даже и не былъ напечатанъ. Я не могъ не убѣждаться на каждомъ шагу, до какой степени, въ вопросѣ о древней русской исторіи и древней русской литературѣ, важны труды и розысканія оріенталистовъ, въ особенности оріенталистовъ русской школы: поэтому-то я съ глубочайшимъ убѣжденіемъ высказалъ, въ концѣ моего труда, увѣренность, что дальнѣйшая судьба вопроса о русскихъ былинахъ находится въ рукахъ нашихъ оріенталистовъ, и отъ нихъ должно зависѣть разсмотрѣніе и рѣшеніе всего, касающагося этого предмета.

При такихъ обстоятельствахъ дѣла, я считаю въ высшей степени для себя важнымъ, что критика такого ученаго вообще, и оріенталиста въ особенности, каковъ академикъ Шифнеръ, подтвердила многія изъ тѣхъ положеній, которыя я считалъ наиважнѣйшими и къ которымъ всего болѣе стремилось мое изслѣдованіе.

Такъ, на первомъ мѣстѣ для меня стоитъ тотъ фактъ, что крити-

---

[1]) См. выше, февр. 897 стр.

ческій взглядъ мой на русскихъ богатырей признанъ теперь заслуживающимъ особеннаго вниманія. «Возставъ *противъ національныхъ выводовъ* прежнихъ изслѣдователей, говоритъ академикъ Шифнеръ, выставивъ *сантиментальность*, съ которою они старались характеризовать Добрыню, Илью Муромца и прочихъ богатырей, этихъ, по ихъ мнѣнію, представителей разныхъ сторонъ древне-русскаго быта, г. Стасовъ черезъ это самое заставляетъ хладнокровнѣе смотрѣть на особенности нашей эпической поэзіи, подверженной, впрочемъ, общимъ законамъ этого рода поэзіи; черезъ это онъ безспорно снискалъ право на признаніе за нимъ заслуги въ отечественной словесности». Въ приведенномъ отзывѣ мнѣ всего важнѣе то, что найдена справедливою именно мысль, постоянно стоявшая для меня на *первомъ* планѣ, пока я работалъ надъ своимъ изслѣдованіемъ: это—мысль о фантастичности большинства вещей, навязываемыхъ слишкомъ усердными изслѣдователями-патріотами нашей древней героической поэзіи. Все это казалось мнѣ ужаснѣйшею ложью и натяжкою, и я думалъ, что всего необходимѣе напасть на старинные, смѣшные предразсудки, и сбросить ихъ съ неуклюжихъ пьедесталовъ, нагороженныхъ перестаравшимися энтузіастами. Академія наукъ, согласясь съ мнѣніемъ академика Шифнера и признавъ мою систему нападенія на ложь и разрушенія ея—справедливою и достойною одобренія, удовлетворила всѣмъ моимъ самымъ задушевнымъ желаніямъ.

Въ такой же мѣрѣ важно и драгоцѣнно для меня было, въ рецензіи академика Шифнера, признаніе *принципа заимствованія* не только эпическаго матеріала, но даже цѣлыхъ эпическихъ произведеній одними народами отъ другихъ. Наши прежніе изслѣдователи никогда и нигдѣ не видѣли заимствованій: они объ нихъ и слышать не хотѣли, и для нихъ весь міръ былъ наполненъ одними только произведеніями общаго до-историческаго сродства. Послушать ихъ, то все на свѣтѣ происходило по родственному, по домашнему; всюду народы пробавлялись старинной провизіей, принесенной въ незапамятныя до-историческія времена изъ Азіи. Никакіе болѣе поздніе матеріалы не допускались. Однакоже новѣйшая оріентальная наука принуждена придти къ другимъ воззрѣніямъ, и, на этотъ разъ, устами академика Шифнера, высказываетъ, что древнѣйшіе азіатскіе оригиналы, къ числу которыхъ относятся индѣйскіе, существуютъ у разныхъ народовъ въ разныхъ передачахъ. Такъ, напримѣръ, монгольская поэма «*Дзанглунъ*» есть, по его словамъ, «китайская редакція индѣйскаго оригинала; легенды же, встрѣчающіяся въ немъ, находятся не только въ сборникахъ Кармашатака и Аванадашатака въ Канджурѣ, но и въ отдѣльныхъ сутрахъ древнѣйшаго времени». Поэма «*Гессеръ-ханъ*» существуетъ въ редакціяхъ и тибетской и монгольской, а самая поэма эта есть «сочиненіе собственно тибетское». «Даже у самоѣдовъ встрѣчаются слѣды чужого

влiянiя, напр. отголоски индѣйскихъ сказокъ о герояхъ, прилетающихъ на волшебной птицѣ для подачiя помощи. Это влiянiе чужихъ элементовъ возрастаетъ въ той мѣрѣ, какъ народы вступаютъ во взаимныя между собою отношенiя; *путемъ торговли обмѣниваются не только товары, но и произведенiя фантазiи»*. Основываясь на этомъ положенiи, академикъ Шифнеръ указываетъ на несомнѣнное (по его мнѣнiю) влiянiе, на наши былины, элемента скандинавскаго или сѣвернаго, а также элементовъ: западнаго, южнаго и восточнаго. «Инородцы тюркскаго происхожденiя (говоритъ онъ, между прочимъ) также обмѣнивались съ русскими. Разсказы восточные переходили къ намъ изъ Персiи черезъ посредство тюркскихъ племенъ», и, что́ для меня особенно важно, онъ прибавляетъ далѣе: «*Едва-ли до сихъ поръ успѣли оцѣнить всю важность роли этихъ тюркскихъ племенъ... Мы не можемъ не признать того удивительнаго таланта, съ которымъ тюркскiя племена воспринимали въ разныя эпохи своего существованiя прекраснѣйшiя поэтическiя произведенiя своихъ сосѣдей; у нихъ встрѣчаются не только разсказы иранскiе и буддiйскiе (полученные частiю черезъ посредство монголовъ), но и западные*». Итакъ, вотъ сколько подтвержденiй въ пользу того мнѣнiя, на которое я всего болѣе напиралъ, вслѣдъ за положенiемъ о полнѣйшей несамостоятельности русскихъ былинъ: а именно, что заимствованiя разсказовъ существуютъ всюду и у всѣхъ народовъ; что гдѣ ни копнуть, подъ конецъ приходится всегда натолкнуться, на самомъ донышкѣ, на древнѣйшiе разсказы азiатскiе, какъ всеобщiй корень, и что въ дѣлѣ заимствованiй особливо всегда отличались именно тюркскiе народы. Такимъ образомъ оказывается, что не одна безметодность и ненаучность могутъ приводить изслѣдователей къ противозаконной мысли о передачахъ отъ одного народа къ другому цѣлыхъ массъ эпическихъ произведенiй, но къ ней можетъ приводить, въ равной степени, также и метода и научность. Оказывается, что нельзя нынче, при изученiи поэмъ и пѣсенъ народныхъ, все только говорить объ обще-арiйскомъ до-историческомъ сродствѣ, но слѣдуетъ принимать во вниманiе еще и другiе факторы исторической жизни. Или, пожалуй, насъ станутъ увѣрять, что одни азiаты заимствуютъ другъ отъ друга поэмы и пѣсни, а европейскiе народы — Боже сохрани! — никогда, никогда такими дѣлами не занимаются.

Правда, академикъ Шифнеръ во многомъ со мною не согласенъ, и даже въ иномъ очень существенномъ. Но, какъ ни существенны эти разницы, все-таки онѣ являются чѣмъ-то второстепеннымъ въ сравненiи съ тѣми основными принципами, въ которыхъ онъ со мною сходится, и которые только-что изложены мною. Я не стану разсматривать здѣсь утвержденiя академика Шифнера, что тюркскiе наши сосѣди (въ Сибири и вообще на востокъ отъ нашихъ провинцiй) не только не передали намъ въ былины восточныхъ сказанiй, но еще

сами получили ихъ отъ насъ «черезъ вліяніе новгородскихъ промышленниковъ и нашихъ удалыхъ казаковъ». Я не стану разсматривать этого мнѣнія по той причинѣ, что оно тѣсно связано съ общею системою академика Шифнера, по которой русскій народъ всегда занимался раздаваніемъ своей поэзіи всѣмъ сосѣдямъ, направо и налѣво, на востокъ и на западъ, т.-е. сильнѣйшимъ образомъ вліялъ, заразъ, и на поэмы и пѣсни тюркскихъ племенъ въ Сибири, и на поэмы и пѣсни финновъ. Эта система требуетъ, безъ сомнѣнія, особаго разсмотрѣнія, преимущественно филологическо-критическаго. А покуда, я замѣчу, что отдѣльныя, отрывочныя русскія слова, найденныя академикомъ Шифнеромъ въ сибирскихъ пѣсняхъ [1]), на которыя онъ всего болѣе при этомъ опирается, мало еще сами по себѣ значутъ: во-первыхъ, они слишкомъ малочисленны; а во-вторыхъ, трудно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти слова, принадлежащія къ ежедневному быту, заимствованы отъ русскихъ очень недавно; наконецъ, въ третьихъ, несравненно болѣе велико и разнообразно число тюркскихъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ во времена гораздо болѣе отдаленныя отъ нашей эпохи [2]).

Но, кромѣ всего этого, въ настоящемъ вопросѣ мнѣ кажется особенно важнымъ то обстоятельство, что, при системѣ академика Шифнера, надо вообразить себѣ, что тюркскіе народы въ Сибири точно будто бы умышленно, въ продолженіе долгихъ столѣтій, тщательно уберегали себя отъ азіатскихъ разсказовъ, всюду гулявшихъ по цѣлой Азіи, и жившихъ даже рядомъ съ ними, на самыхъ границахъ земель ихъ; что все только ждали того времени, когда русскіе передадутъ имъ эти же самые азіатскіе разсказы посредствомъ новгородскихъ купцовъ своихъ и казаковъ XVI вѣка. Казалось бы, гораздо естественнѣе и проще во всѣхъ отношеніяхъ, и по географическимъ и по историческимъ условіямъ, было бы имъ получить эти азіатскіе разсказы прямо изъ Азіи, съ юга, отъ сопредѣльныхъ сосѣдей, а не отъ русскихъ. Самъ академикъ Шифнеръ подтверждаетъ это мое убѣжденіе, говоря въ одномъ мѣстѣ своего разбора (по поводу того, что *9 творцовъ* или *мудрецовъ* одной сибирской пѣсни указываютъ на древне-иранскую основу ея): «Вообще надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ и сказкахъ сибирскихъ татаръ сохранились отголоски не только буддійскіе, но и другіе, *указывающіе на древнія сношенія этихъ племенъ съ Ираномъ.* Какое вліяніе имѣла религія древняго Ирана на монголовъ, видно изъ сохранившихся иранскихъ именъ и терминовъ для обозначенія буддійскихъ

---

[1]) Предисловіе къ I-му тому Радлоффа Probender Volkslitteratur türk. Stämme Süd-Sibiriens, слова: *верста*, *печать*, *пудъ*, *безмѣнъ*, *шельма*.

[2]) *Савельевъ*, Мухаммед. нумизматика, CCX и слѣд.—*Клапротъ*, Словарь куманскаго языка, Mém. relatifs à l'Asie, III, 113—256.—Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики, изд. II отдѣл. Акад. Наукъ, 5 томовъ, 1854—61, статьи гг. Ковалевскаго, Григорьева, Березина, Казембека, Петрова.

понятій». Съ этимъ трудно было бы не согласиться именно мнѣ, когда тутъ всего болѣе подтверждаются мои мнѣнія, и, конечно, въ этихъ вліяніяхъ и заимствованіяхъ русскіе уже никоимъ образомъ не участвовали. Притомъ, если допустить передачу пѣсенъ отъ русскихъ къ тюркамъ, тогда что-бы оказалось? Оказалось бы гораздо больше русскаго въ русскихъ пѣсняхъ, и гораздо меньше тюркскаго въ тюркскихъ пѣсняхъ, чѣмъ теперь у насъ есть на лицо. Но такъ какъ дѣло выходитъ прямо наоборотъ, то, конечно, всего скорѣе должно предположить, что не тюрки заимствовали отъ русскихъ, а наоборотъ русскіе отъ тюрковъ.

Академикъ Шифнеръ указываетъ на персидское вліяніе, при посредствѣ тюрковъ, говоря, что это очевидно изъ тѣхъ данныхъ, которыя я показалъ, разбирая сказку объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Да, конечно, персидскаго вліянія на русскую народность я никогда не отрицалъ, и именно предполагалъ его при посредствѣ Кавказа, гдѣ это вліяніе огромно, гдѣ оно наложило свою печать на всѣ подробности жизни. Но нельзя, мнѣ кажется, сказать, чтобъ персидское вліяніе въ особенности доказывалось нашимъ Еруслановъ: эта сказка (ка́къ я высказалъ уже и печатно) никоимъ образомъ не происходитъ единственно изъ персидскихъ источниковъ: въ нее вошло много такихъ элементовъ, которые намъ неизвѣстны, до сихъ поръ, въ персидской поэзіи, и идутъ конечно изъ другихъ азіатскихъ источниковъ, всего скорѣе индѣйскихъ. Переходъ совершился, повидимому, не посредствомъ кавказско-тюркскихъ племенъ, сюда не подходящихъ, а посредствомъ племенъ монгольскихъ, у которыхъ (какъ мы теперь достовѣрно знаемъ), былъ свой пересказъ Рамаяны, значитъ легко могъ также быть свой пересказъ Магабгараты и другихъ поэмъ.

Но если я встрѣтилъ, со стороны академика Шифнера, самую твердую опору моему труду, то — я долженъ признаться—съ его же стороны встрѣтилъ и самыя серьезныя и полновѣсныя возраженія. То, что́ было высказано противъ моего изслѣдованія этимъ ученымъ, не имѣло уже никакого сходства съ легковѣсными и нѣсколько инвалидными замѣтками профессора Буслаева. На этотъ разъ сущность дѣла затрогивалась въ самыхъ существенныхъ основахъ. Однако, посмотримъ, дѣйствительно-ли я тутъ неправъ, ка́къ выходитъ изъ словъ моего критика?

У меня было изложено мнѣніе, что арійскій матеріалъ нашихъ былинъ полученъ нами не въ древнѣйшую эпоху исторіи, а чрезъ посредство племенъ не-арійскихъ, и въ формѣ развитія не-арійскаго, отъ тюрковъ и монголовъ, во времена довольно позднія; что наши былины имѣютъ преимущественно колоритъ буддійскій или же языческій именно потому, что буддійцами и язычниками были тѣ монгольскія и тюркскія племена, которыя нахлынули на Россію начиная

съ XIII вѣка, и цѣлыхъ два столѣтія налагали на нее печать своего присутствія. На это академикъ Шифнеръ возражаетъ мнѣ: «Слѣдуетъ-ли изъ того, что буддизмъ процвѣтаетъ нынѣ у монгольскихъ племенъ внутри Россіи, что монголы XIII столѣтія были также буддійцами и распространителями индѣйской цивилизаціи? Время, когда эта религія принята торжественно государями Чингисова дома, достаточно извѣстно; не менѣе хорошо извѣстны религіозные обряды, съ которыми познакомились наши великіе князья въ ордѣ. На какомъ основаніи можно допустить, что монголы и подчиненныя имъ тюркскія и другія племена были приверженцами буддизма и вслѣдствіе этого знакомы съ обильнымъ матеріаломъ индѣйскихъ разсказовъ и сказокъ»? Это возраженіе есть одно изъ самыхъ сильныхъ, какія могутъ быть сдѣланы предложенной мною теоріи. Дѣйствительно, ни одинъ изъ историческихъ источниковъ, доселѣ намъ извѣстныхъ, не указываетъ на то, чтобъ полчища Чингисхана и его преемниковъ принадлежали, хотя даже частію, къ числу приверженцевъ буддійской религіи. Важнѣйшій въ этомъ случаѣ источникъ, Плано Карпини, говоритъ только о язычникахъ, языческихъ жрецахъ, языческихъ жертвоприношеніяхъ, и только отчасти упоминаетъ элементъ христіанскій. Русская лѣтопись говоритъ также исключительно только о язычникахъ и языческихъ подробностяхъ, разсказывая о поѣздкахъ русскихъ князей въ орду и о казняхъ ихъ въ томъ случаѣ, когда они не хотѣли кланяться монгольскимъ идоламъ. Наконецъ, очень важнымъ доводомъ является то, что главное вліяніе буддійства, какъ извѣстно, состояло въ очеловѣченіи людей, во внесеніи милосердія, мягкости, кротости, и вообще всѣхъ лучшихъ душевныхъ свойствъ, въ междучеловѣческія отношенія; въ неограниченномъ воспрещеніи убійства, въ уничтоженіи человѣческихъ и животныхъ жертвоприношеній, въ порицаніи казней и охоты и т. д. [1]): но именно ничего подобнаго нельзя сказать про войска Чингисхановы, отличавшіяся постоянно на дѣлѣ всѣмъ самымъ противоположнымъ ученію буддійскому, такъ что Кёппенъ, для того, чтобъ доказать смягчающее, очеловѣчивающее дѣйствіе буддійства, не находитъ ничего лучше, какъ сравнить монголовъ временъ Чингисхановыхъ, съ монголами позднѣйшими, монголами-буддійцами [2]).

Но противъ всего этого у меня есть тоже не мало фактовъ и соображеній, имѣющихъ силу доказательности, смѣю сказать, рѣшительную. И во-первыхъ, начать съ того, что соображеніе въ родѣ послѣдне-приведеннаго всего менѣе можетъ быть принято во вниманіе. Если, положимъ, были буддійцы въ полчищахъ Чингисхана и его преемниковъ, то были тамъ не по доброй волѣ, не по собственной

---

[1]) *Köppen*, Religion des Buddha, 1857, 455 — 460.

[2]) Тамъ же, 481 — 2.

инициативѣ, а потому, что принуждены были къ тому силой. А при такомъ условіи, никакого уже вліянія конечно не имѣетъ религія: человѣкъ въ такомъ случаѣ повинуется приказанію, и дѣлаетъ лишь то, что̀ предписано, что̀ дѣлаютъ остальные товарищи, а не то, что̀ ему хотѣлось бы, и что̀ предписываетъ ему его образъ мыслей, его религія. Изъ *обязательныхъ*, не подлежащихъ выбору, дѣйствій военнаго человѣка (особливо человѣка XIII вѣка и человѣка-дикаря), еще нельзя дѣлать заключенія о его религіи. Далѣе, отсутствіе упоминаній о буддійской религіи путешественниками, бывшими въ станѣ у монголотюрковъ, еще не можетъ считаться чѣмъ-то рѣшительнымъ. Плано-Карпини говоритъ только о язычникахъ и христіанахъ, въ войскахъ монголо-тюркскихъ. Неужели же, однако, слѣдуетъ изъ этого выводить, что кромѣ язычниковъ и христіанъ не было людей, принадлежащихъ къ другимъ религіямъ? Этого никоимъ образомъ нельзя допустить. Есть факты, не оставляющіе сомнѣнія въ присутствіи буддійскаго элемента въ монголо-тюркскихъ полчищахъ XIII вѣка.

По словамъ Плано-Карпини, у Батыя было 600,000 войска, въ томъ числѣ 160,000 татаръ и 450,000 иноплеменниковъ. Какіе-же это были иноплеменники? Вѣдь не все-же язычники и христіане, о которыхъ только и говоритъ итальянскій монахъ. Войско Батыево было нѣчто сбродное, въ родѣ войска Наполеона, при его нашествіи на Россію. Восточныя извѣстія говорятъ, что когда порѣшенъ былъ въ 1235 году, походъ на Россію, было постановлено, что войска будутъ подставлены всѣми четырьмя вѣтвями Чингисова дома, т.-е. другими словами, взяты со всѣхъ земель, принадлежавшихъ тогда монголамъ [1]). По тогдашнимъ монгольскимъ порядкамъ, вмѣстѣ съ побѣдителями должны были отправляться на войну всѣ побѣжденные народы и племена. Кто изъ побѣжденныхъ царей, хановъ или вообще владыкъ не поставлялъ своего контингента, тому крѣпко за это доставалось: его въ конецъ разоряли, или даже стирали съ лица земли. Примѣры этого факта—безчисленны въ исторіи монголовъ, начиная со временъ самого Чингисхана, и потому мы ихъ приводить не станемъ. Такимъ образомъ, составъ Чингисханова, а потомъ Батыева войска — былъ самый мозаичный, самый сбродный. Тутъ были образчики со всей покоренной Азіи. Иначе не могло и быть, чтобъ составилось 600-тысячное войско. Но въ числѣ новыхъ подданныхъ, завоеванныхъ монголами, было уже много буддійцевъ: значительная часть китайцевъ, уйгуры и тибетцы — все это были буддійцы, какъ извѣстно изъ фактовъ несомнѣнныхъ. Всѣ они, задолго до XIII столѣтія, обратились уже къ ученію Будды, и вліяніе ихъ на монголовъ было необыкновенно сильно, сношенія — крайне тѣсны и часты. Отъ уйгуровъ Чингисханъ

[1]) *D'Ohsson*, Hist. des Mongols, II, 110.

заимствовалъ письмена для своего народа, тибетскимъ ламамъ оказывалъ необыкновенное почтеніе [1]), а китайское просвѣщеніе воспринималъ для своего народа черезъ посредство своего истинно-геніальнаго и глубоко-образованнаго министра Элю-Чутсая. Буддійское вліяніе было такъ сильно на Чингисхана и на его народъ, что въ этихъ дикихъ и свирѣпыхъ завоевателяхъ мы встрѣчаемъ вдругъ черты, которыхъ никогда бы въ нихъ не могли предполагать. Мы находимъ у нихъ такую терпимость вѣры, которую ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Они были преданы сами шаманству, но никогда не преслѣдовали никакой другой вѣры. Плано-Карпини съ удивленіемъ говоритъ про это ихъ качество, а восточные историки, излагая уставъ или сводъ законовъ Чингисхана, съ особеннымъ тщаніемъ упоминаютъ о предписаніяхъ *Яссы* давать полную свободу служителямъ какой бы то ни было религіи, и не отягчать ихъ никакими налогами, повинностями или службой [2]). Всѣ наслѣдники Чингисхана постоянно отличались тою же самою терпимостію: они, во-первыхъ, исполняли тѣмъ предписаніе своего предка, а во-вторыхъ, слѣдовали прямо внушеніямъ буддійской религіи, все болѣе и болѣе между ними распространявшейся. «Характеристическая черта буддійства, говоритъ Кёппенъ, отличающая его отъ *всѣхъ другихъ* положительныхъ религій,—это терпимость религіозная и церковная. Моисей предписывалъ своимъ евреямъ побивать всѣхъ идолопоклонниковъ; брахманы гонятъ и проклинаютъ каждаго, кто отвергаетъ ихъ положенія,—какъ чудовище, прикосновеніе къ которому отравляетъ и несетъ чуму; для поклонника ислама, всѣ иновѣрцы—невѣрныя собаки, заслуживающія смерти и живущія развѣ только для того, чтобъ служить правовѣрнымъ и платить имъ дань; католическая религія купается по горло въ крови еретиковъ и язычниковъ: одинъ буддизмъ не знаетъ никакихъ предразсудковъ противъ приверженцевъ чужихъ вѣроученій и обрядностей, не проповѣдуетъ ненависти къ иновѣрцамъ и отщепенцамъ, не приказываетъ ни избѣгать, ни преслѣдовать, ни наказывать, ни умерщвлять ихъ»... [3]) Что, кромѣ сильныхъ вліяній буддійскихъ, могло произвести то чудо, что Чингисханъ и его преемники, несмотря на весь свой деспотизмъ и страшную власть, относились совершенно спокойно ко всѣмъ религіямъ и не тревожили ни одну изъ нихъ? Если монголо-тюрки, въ продолженіе цѣлыхъ двухъсотъ лѣтъ, никогда не вмѣшивались въ наши церковныя дѣла, не гнали нашу религію и оставляли въ совершенномъ покоѣ наши церкви и монастыри, нашихъ митрополитовъ, поповъ и монаховъ, со всѣми нашими обрядами — то, конечно, мы всѣмъ этимъ обязаны буддій-

---

[1]) *Schmidt*, Gesch. der Ost-Mongolen von Ssanang-Ssetsen, 89.

[2]) D'Ohsson, I, 412.

[3]) *Köppen*, Religion des Budda, 461.

ству, вліявшему на монголо-тюрковъ, сначала шаманитовъ, а потомъ магометанъ. Тоже самое мы должны сказать и въ отношеніи политическомъ. Во время владычества своего надъ Россіею, монголо-тюрки почти не вмѣшивались во внутреннее управленіе и внутреннія дѣла нашего отечества, и, ограничиваясь только сбираніемъ дани, не заботились ни о чемъ другомъ, ничего не навязывали русскимъ, ни къ чему ихъ не принуждали; а если и являлись со своею жестокостію, со своею расправою и своими насильными сажаніями на престолъ и смѣщеніями съ него, то единственно потому, что были на то вызываемы и даже натравливаемы самими же русскими князьями, которые ссорились между собой, вздорили и дрались, а потомъ бѣгали въ орду жаловаться, фискалить и требовать себѣ расправы на врага. Откуда эта черта равнодушія и терпимости въ дикихъ азіатскихъ кочевникахъ? Ее объясняетъ то̀ же буддійство. «Буддійство, говоритъ Кёппенъ, посѣяло и возрастило не только религіозную, но и національную терпимость. Древній іудей, со своей ограниченной точки зрѣнія, раздѣляетъ людей на израильтянъ и ханаитянъ; грекъ со своей — почти столько же ограниченной — точки дѣлитъ людей на эллиновъ и варваровъ; брахманъ — на чистыхъ индусовъ и нечистыхъ млеччей; христіанинъ и мусульманинъ — на правовѣрныхъ и невѣрныхъ: буддизмъ стираетъ всѣ эти противоположности, и противоположность національную еще болѣе, чѣмъ противоположность религіозную. Для него, происхожденіе, раса, столь-же мало значатъ, какъ каста; онъ возвысилъ покоренные народы надъ ограниченнымъ горизонтомъ племенного міровоззрѣнія, по которому каждый народъ считаетъ себя чѣмъ-то истиннымъ, избраннымъ, превосходнымъ—центромъ міра»[1]). Такимъ образомъ буддійство, при всѣхъ своихъ великихъ недочетахъ и недостаткахъ, играло огромную роль въ судьбахъ Россіи. Но какъ распространялось буддійство у монголовъ? Эпоху XIII вѣка можно назвать по преимуществу эпохою сильнѣйшаго распространенія буддійства у народовъ монголо-тюркскихъ, не только на ихъ родинѣ, но даже во временномъ ихъ мѣстопребываніи, въ Персіи [2]). Ка́къ много было буддистовъ во владѣніяхъ уже и Чингисхана, мы узнаемъ изъ путешествія даосскаго монаха, китайца Чанъ-Чуня, вытребованнаго великимъ ханомъ въ 1222 году изъ монастыря къ нему въ орду, для религіозныхъ разговоровъ [3]): этотъ монахъ изъ Китая проѣхалъ сначала въ Монголію, но не засталъ уже тамъ Чингисхана, и потомъ долженъ былъ оттуда ѣхать въ Туркестанъ, на границы Индіи,

---

[1]) Тамъ-же, 470—471.

[2]) *Raschid-eldin,* Hist. des Mongols, trad. par Quatremère, 194.—*D'Ohsson,* IV, 147.

[3]) Си-ю-цзи, или описаніе путешествія на западъ, перев. архим. Палладія. «Труды пекинской миссіи». IV, 261.

гдѣ тогда дѣйствовало монгольское войско. Въ описаніи путешествія, пересѣкшаго тогдашнюю монгольскую имперію по разнымъ направленіямъ, много разъ говорится о буддійцахъ и буддійскихъ монастыряхъ, видѣнныхъ Чанъ-Чунемъ. Правда, владыка монголовъ самъ все еще оставался приверженцемъ шаманства, его наслѣдники тоже, и буддійство, принятое *оффиціально*, *торжественно*, сдѣлалось государственною религіею лишь при Хубилаѣ (вступившемъ на престолъ въ 1264 году). Но вѣдь подобные торжественные, государственные акты являются обыкновенно не началомъ, а заключеніемъ въ ходѣ всякаго значительнаго историческаго дѣла: новые элементы тысячами каналовъ проберутся сначала незамѣтно, тихомолкомъ, въ жизнь народную, и пустятъ тамъ корни, и только уже впослѣдствіи, гораздо позже, бываютъ признаны, допущены и утверждены верховною правительственною властію. Еще гораздо раньше временъ Хубилая, и вскорѣ послѣ Чингисхана, сами ханы монгольскіе подвергались вліянію той религіи и того міровоззрѣнія, которое было тогда въ Азіи, можно сказать, моднымъ, и съ каждымъ днемъ все больше и шире повсюду разросталось. Уже внукъ Чингисхановъ, царевичъ Годанъ перешелъ въ буддійство, и съ нимъ вмѣстѣ множество народа[1]). Его братъ, Гуюкъ, бывшій великимъ ханомъ съ 1246 по 1248 годъ, держалъ при себѣ много ламъ, и двое изъ нихъ, кашемирцы Уатотчи и Намо занимали важныя государственныя должности[2]). И, что́ для насъ всего важнѣе, этотъ самый Гуюкъ участвовалъ, еще царевичемъ, въ походѣ на Россію, подъ предводительствомъ Батыя. Его двоюродный братъ, Мангу, сдѣлавшійся великимъ ханомъ послѣ его смерти, настолько покровительствовалъ буддійству, и эта религія, въ его время, приняла такіе широкіе размѣры въ монгольскомъ государствѣ, что онъ упомянутаго выше ламу Намо сдѣлалъ (въ 1251 г.) верховнымъ ламой во всѣхъ монгольскихъ владѣніяхъ[3]). Примѣчательно, что Мангу, также какъ и его двоюродный братъ Гуюкъ, еще царевичемъ, участвовалъ въ походѣ на Россію. Монахъ Рубруквисъ, отправленный въ 1252 г. съ посольствомъ отъ короля Лудовика IX къ Мангу, уже великому хану, описываетъ буддійцевъ какъ едва-ли не самую многочисленную (кромѣ шамановъ) секту въ монгольской столицѣ. Конечно, Рубруквисъ не употребляетъ имени «буддійцы». Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ именно ихъ описываетъ: «У священниковъ ихъ,—говоритъ Рубруквисъ,—голова обрита, и борода тоже; платье у нихъ желтое, и они наблюдаютъ цѣломудріе съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ становятся обритыми; и живутъ они по сту и по двѣсти вмѣстѣ; сидятъ они въ своихъ

---

[1]) *Schmidt*, Ssanang-Ssetsen, 111—113.
[2]) *Raschid-eldin*, Hist. des Mongols, trad. par Quatremère, 189.
[3]) Raschid-Eldin, Hist. des Mongols, 189. D'Ohsson, II, 261.

капищахъ на двухъ скамьяхъ, одна противъ другой, съ книжками въ рукахъ, а голова у нихъ открыта, и читаютъ они про себя и старательно молчатъ, такъ что мнѣ случалось съ ними заговаривать, придя къ нимъ въ капище, а все отъ нихъ ничего не добьешся. Они всюду носятъ съ собой веревку со 100 или 200 нанизанными зернами, вотъ какъ у насъ четки, и все повторяютъ *«У-манъ-баккамъ»*[1]). Кто не узнаетъ во всемъ этомъ обстоятельнаго описанія буддійскихъ монаховъ, а въ ихъ формулѣ — знаменитое буддійское изреченіе *«Ом-мани-пад-ме-гум?»* И можно-ли сомнѣваться, что при такомъ распространеніи буддійства между монголами, въ теченіи XIII-го вѣка, значительное количество буддистовъ приходило тогда и въ Россію, въ числѣ монголо-тюркскихъ войскъ? Не оставили-же, *нарочно*, монголы всѣхъ буддійцевъ у себя дома, въ Азіи, когда съ людьми прочихъ вѣръ отправились походомъ на Россію! Если же несомнѣнно присутствіе буддійцевъ въ Россіи, уже начиная съ XIII-го вѣка, то несомнѣнно и то, что эти люди, какъ самые передовые въ то время, не только по религіи, но и въ другихъ отношеніяхъ передавали жителямъ покоренныхъ странъ тотъ эпическій запасъ, въ составъ котораго вошло наслѣдіе едва-ли не всѣхъ народовъ Азіи. Вообще, скажу я въ заключеніе, вопросъ о буддійствѣ и о его присутствіи въ Россіи я считаю однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ древней русской исторіи, а потому и рѣшился распространиться о немъ въ такой мѣрѣ, какъ читатель находитъ это здѣсь.

Далѣе, академикъ Шифнеръ говоритъ: «Монгольскія редакціи *«Гессеръ-Хана»* и калмыцкія *«Джангаріады»* едва-ли давно извѣстны въ странахъ, гдѣ русскіе имѣли ближайшія сношенія съ монгольскими племенами». Пускай такъ. Но этотъ интересный и малоизслѣдованный фактъ ничего не перемѣняетъ въ сущности дѣла. Я никогда не доказывалъ происхожденія русскихъ былинъ непосредственно отъ *«Гессеръ-Хана»*, или *«Джангаріады»*, или вообще отъ какой-бы то ни было азіатской поэмы или пѣсни. Мнѣ было важно указать только на распространеніе однихъ и тѣхъ-же преданій по всему Востоку, въ самыхъ многоразличныхъ формахъ, и для того пользовался доступными мнѣ матеріалами. Но какая именно поэма, когда и гдѣ была въ ходу, того я не знаю и знать не могу. Для этого надо, во-первыхъ, быть оріенталистомъ, а во-вторыхъ, надо, чтобъ исторія и хронологія восточныхъ поэмъ и пѣсенъ была окончательно утверждена: а этого, сколько я знаю, еще не сдѣлано, и, быть можетъ, пройдетъ много десятилѣтій, прежде чѣмъ это будетъ выполнено трудами многихъ отдѣльныхъ спеціалистовъ.

---

[1]) Voyage en orient du frère Guill. de Rubruk, въ изданіи: Recuil de voyages et de mémoires, publié par la Société de Géographie, T. IV, 1839, 284—285.—Bergeron, Voyage de Rubruquis. Paris, 1634, 104—105.

Академикъ Шифнеръ указываетъ мнѣ на неправильное распредѣленіе мною произведеній индѣйской поэзіи на двѣ категоріи, древнѣйшую и новѣйшую, брахманскую и буддійскую, такъ какъ, говоритъ онъ, буддійскія поэмы представляютъ величайшее обиліе разсказовъ, сказаній и сказокъ, почерпнутыхъ изъ устъ самого народа или изъ древнѣйшихъ сутръ и т. д., значитъ ихъ нельзя называть болѣе новыми, чѣмъ поэмы или сказки брахманскія. Но этого упрека принять я не согласенъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что древнѣйшіе элементы всякаго рода одинаково вошли и въ брахманскія, и въ буддійскія произведенія индѣйской поэзіи. Но тѣмъ не менѣе, изучая и тѣ и другія, я всюду наталкивался на тотъ фактъ, что тѣ изъ древнѣйшихъ азіатскихъ разсказовъ, которые являются въ буддійскихъ поэмахъ, пѣсняхъ или сборникахъ, обыкновенно облечены въ такія формы и загромождены такими подробностями, которыхъ нѣтъ въ пересказахъ болѣе древняго времени. Мнѣ довольно сослаться на тѣ самыя легенды о купцѣ Пурнѣ и о благочестивомъ Самгха-Ракшитѣ, которыя я привелъ, въ своемъ изслѣдованіи о былинахъ, изъ сочиненія Бюрнуфа. Что корень обѣихъ легендъ восходитъ до глубочайшей древности— это убѣжденіе я тогда-же высказалъ, но я былъ увѣренъ, что раньше буддизма не могло существовать тѣхъ ужасающихъ по плодовитости и надоѣдательности подробностей, которыя наполнили здѣсь собою сотни страницъ. Неужели всѣ эти лирическія обращенія, неужели всѣ эти размышленія главныхъ дѣйствующихъ лицъ самихъ съ собою, неужели всѣ эти разговоры Будды съ его послѣдователями, или разговоры ихъ между собою, о предметахъ буддійской вѣры и буддійскаго совершенства, уже издревле существовали въ этихъ разсказахъ? Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что они въ болѣе позднее время приложены и придѣланы къ древнѣйшимъ основамъ разсказа, и что самъ разсказъ при этомъ потерпѣлъ значительныя измѣненія. — А если это такъ, если я тутъ ничего невѣрнаго не сказалъ, то выхожу я правъ и въ томъ, что раздѣлилъ произведенія индѣйской поэзіи на двѣ главныхъ категоріи: на произведенія въ болѣе старой и въ болѣе поздней формѣ. Это раздѣленіе не мѣшаетъ нисколько тому, что и у тѣхъ и другихъ произведеній основы одинаково древнія, и что въ произведеніяхъ брахманскихъ есть очень много буддійскихъ подробностей, а въ буддійскихъ — много брахманскихъ.—Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать. Но мнѣ особенно важно было при этомъ случаѣ объяснить, что русскія былины имѣютъ сходство съ тѣми азіатскими разсказами, которые хотя и очень древни по происхожденію и по корню, но существуютъ въ буддійской позднѣйшей формѣ. Вотъ именно это-то я и сдѣлалъ, и не нахожу причины отъ этого мнѣнія отступиться, не найдя ему, покуда, достаточнаго опроверженія.

Въ заключеніе, я приведу еще одно возраженіе академика Шиф-

нера. Онъ говоритъ: «Если г. Стасовъ въ древнихъ индѣйскихъ эпопеяхъ находитъ первообразы русскихъ былинъ и удивляется множеству важныхъ подробностей, сходныхъ въ разсказѣ о Кришнѣ и въ былинахъ о Добрынѣ, то мы невольно принуждены обратить вниманіе г. Стасова на слова Макса Мюллера, приведенныя имъ же самимъ: «Правила, управляющія словами, съ одинаковою силою прилагаются «и къ сравнительному анализу легендъ. Когда мы находимъ въ сан-«скритскомъ языкѣ слова точь-въ-точь тѣ самыя, что въ греческомъ, «мы уже знаемъ, что это не могутъ быть одни и тѣ же слова..... Если «бы это были одни и тѣ же слова, они непремѣнно гораздо больше «были бы непохожи одно на другое.» На этотъ доводъ Макса Мюллера я не могу согласиться. Когда разсматриваешь коллекцію словъ, заимствованныхъ однимъ народомъ у другихъ, замѣчаешь, что они слѣдуютъ *двумъ* разнымъ системамъ, а не *одной*, какъ говорятъ М. Мюллеръ и академикъ Шифнеръ. Одни изъ нихъ дѣйствительно измѣняются сообразно съ фонетическими условіями воспринимающаго ихъ народа, и примѣровъ для подтвержденія этого факта представлять нечего: они слишкомъ извѣстны. Но есть другая группа словъ, которая слѣдуетъ совершенно другому закону: это слова, остающіяся вовсе безъ перемѣны, и заимствуемыя однимъ народомъ отъ другого въ томъ самомъ видѣ, какъ они существуютъ у первоначальныхъ своихъ хозяевъ. Такихъ словъ, и именно по преимуществу заимствованныхъ нами отъ восточныхъ народовъ, довольно. Вспомнимъ, напримѣръ, хоть слѣдующія: *алый*, *арбузъ*, *арака*, *арканъ*, *амбаръ*, *алтынъ*, *армякъ*, *артель*, *базаръ*, *богатырь*, *башка*, *бадья*, *басма*, *башмакъ*, *балбесъ*, *бирюкъ*, *буеракъ*, *буза*, *буланый*, *бубликъ*, *ватага*, *гайтанъ*, *есаулъ*, *епанча*, *жупанъ*, *зипунъ*, *кабакъ*, *кафтанъ*, *казна*, *калита*, *караулъ*, *карга*, *киса*, *колпакъ*, *орда*, *рундукъ*, *сарай*, *саламата*, *товаръ*, *чердакъ*, *харчи*, *чоботы*, *чубарый*, *улусъ*, *упырь*, *юрта*, и т. д. Если даже въ нѣкоторыхъ изъ этихъ, и имъ подобныхъ, словъ произошли измѣненія противъ первоначальнаго оригинала, то они вовсе несущественны и, можно сказать, вполнѣ ничтожны. Тоже самое относится и до поэмъ или легендъ. Однѣ изъ нихъ заимствуются со значительными измѣненіями, другія — вовсе безъ измѣненій. Я согласенъ отказаться отъ послѣдняго утвержденія своего лишь въ такомъ случаѣ, когда мнѣ будетъ доказано, что наши предки не приняли отъ другихъ народовъ очень многихъ словъ, съ оставленіемъ ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ. Пока этого не сдѣлано, я останусь при своемъ мнѣніи, что всѣ заимствованія, какъ-бы ни были различны ихъ категоріи, слѣдуютъ однимъ и тѣмъ-же законамъ, и что̀ мы принимаемъ относительно однихъ изъ числа ихъ, то̀ должны принимать и относительно другихъ.

Таковы главнѣйшія возраженія академика Шифнера. Я признаю ихъ значительность, но согласиться съ ними не могу. Что̀ же касается

до частныхъ, отдѣльныхъ указаній нѣкоторыхъ моихъ невѣрностей, въ отношеніи собственно оріентальномъ, то я, безъ сомнѣнія, принимаю ихъ съ величайшею благодарностью, и не премину ими воспользоваться въ томъ случаѣ, если мнѣ представится возможность издать мое изслѣдованіе отдѣльной книгой.

III.

Кромѣ двухъ академиковъ, разсматривавшихъ мой трудъ по порученію Академіи наукъ, и при этомъ представившихъ свои возраженія, у меня было еще нѣсколько другихъ возражателей, разсматривавшихъ мое изслѣдованіе по собственному своему желанію. Я не стану излагать ихъ мнѣній потому, что они болѣе состоятъ изъ восклицаній негодованія и вопросовъ недовѣрчивости: «Возможно-ли это?» «Мыслимо-ли то?» А главное, эти возраженія, всегда отрывочныя, не берутъ моихъ положеній и выводовъ въ ихъ сложности и въ ихъ деталяхъ, а только адресуются, и то, вскользь, къ тому, что имъ почему-нибудь кажется особенно непріязненнымъ и непозволительнымъ въ моемъ трудѣ. Таковы были возраженія г. Гильфердинга (въ газетѣ «*Москва*»), г. Безсонова (въ предисловіи къ VI выпуску сборника Кирѣевскаго), г. Веселовскаго въ «*Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*», г. Некрасова въ «*Годичномъ торжественномъ актѣ новороссійскаго университета 1869 г.*» Всѣ эти возраженія вертятся по большей части около одного и того же пункта, и не представляютъ ничего особенно назидательнаго. Но я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о сочиненіи г. Ореста Миллера: «*Илья Муромецъ и богатырство кіевское*», появившемся недавно. Я бы не сталъ говорить и про это сочиненіе, которое, несмотря на свой огромный объемъ, не представило мнѣ ничего новаго: уже прежде, изъ другихъ сочиненій, я достаточно зналъ объ образѣ мыслей и талантахъ этого автора. Но въ новой книгѣ я нахожу одинъ пунктъ, требующій непремѣннаго отвѣта съ моей стороны. Истина должна быть возстановлена.

Въ своемъ введеніи, г. Миллеръ говоритъ: «Съ появленіемъ труда г. Стасова могло показаться, что онъ идетъ совершенно самостоятельною, никакому *нѣмецкому навожденію* (!!) непричастною, дорогою; но такъ оно могло только показаться вслѣдствіе того, что г. Стасовъ не счелъ нужнымъ упомянуть о своемъ учителѣ. Можетъ быть, еслибы г. Буслаевъ въ свое время не поспѣшилъ откровенно и прямо выставить себя ученикомъ Гримма, и его пріемы сочли бы у насъ такими-же самостоятельными, какими недавно сочли, по недоразумѣнію, пріемы г. Стасова, сочли и возликовали о новыхъ, самородныхъ открытіяхъ русской науки—даже не посмотрѣвъ на то, что этими *открытіями* вы-

ставлялся въ самомъ невозможно невыгодномъ свѣтѣ народъ русскій». Находя, со своей стороны, что въ высказанныхъ мною мнѣніяхъ нѣтъ ничего самостоятельнаго, г. Миллеръ объясняетъ читателямъ своимъ, что я только слѣдовалъ за другими и подражалъ имъ. А именно: моя теорія есть не что иное, какъ заимствованная у извѣстнаго гёттингенскаго профессора и оріенталиста, Бенфея, теорія его о происхожденіи всѣхъ европейскихъ народныхъ сказокъ—изъ Индіи, черезъ посредство монголо-тюрковъ, нахлынувшихъ на Россію въ XIII вѣкѣ. Но даже и такое заимствованіе у Бенфея произошло, съ моей стороны не непосредственно, а изъ вторыхъ рукъ. Именно, уже раньше меня академикъ Шифнеръ занимался пересаживаніемъ на русскую почву идей Бенфея, но впослѣдствіи самъ же отъ нихъ благоразумно отступился и протестовалъ противъ нихъ, а я до сихъ поръ продолжаю отстаивать ихъ, недобросовѣстно выдавая чужое за свое.—На оба эти обвиненія я имѣлъ уже случай отвѣтствовать г. Оресту Миллеру, хотя и словесно, но публично—*цѣлыхъ два раза*, въ засѣданіяхъ Географическаго Общества, весною и осенью 1868 года. Но такъ какъ мой оппонентъ не обращаетъ вниманія на высказанные мною ему факты, и продолжаетъ печатно повторять то, въ чемъ нѣтъ ни единаго слова правды, то я принужденъ разъ навсегда, тоже печатно, отвѣтить ему по этому предмету.

Академикъ Шифнеръ *никогда* не былъ сторонникомъ бенфеевской системы, и, напротивъ, всегда возставалъ противъ нея. Тѣ немногія строки о русскихъ заимствованіяхъ съ Востока, которыя напечатаны въ предисловіи къ русскому переводу «*Шидди-Кура*» съ монгольскаго и калмыцкаго на русскій языкъ покойнымъ ламой Галсанъ - Гомбоевымъ, и на которыя обыкновенно ссылается г. Миллеръ, говоря о бенфеизмѣ академика Шифнера—вовсе не принадлежатъ этому послѣднему. Переводъ «*Шидди - Кура*» напечатанъ, въ 1864 году, въ VI томѣ «*Этнографическаго сборника*» Географическаго общества. Редакторами этого тома были: извѣстный нашъ ученый Н. В. Калачовъ и я: онъ какъ тогдашній предсѣдатель, а я—какъ тогдашній секретарь этнографическаго отдѣленія того общества. Въ то время часть моего сочиненія о происхожденіи былинъ была уже написана, и, находя въ «*Шидди-Курѣ*» новыя подтвержденія занимавшей меня мысли, я, переводя съ нѣмецкаго на русскій языкъ предисловіе къ нему академика Шифнера, просилъ у него позволенія прибавить къ этому предисловію нѣсколько своихъ словъ, о сходствахъ нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ сказокъ съ сказками «*Шидди-Кура*», и о восточныхъ вліяніяхъ на наши сказки. Академикъ Шифнеръ не раздѣлялъ всѣхъ моихъ мнѣній и согласенъ былъ только съ первою частію ихъ (на счетъ *сходства* русскихъ и восточныхъ сказокъ), но никакъ не со второю на счетъ *происхожденія* ихъ); однакоже дозволилъ мнѣ сдѣлать

мои прибавки, довѣрясь моимъ словамъ и не видавъ даже, ранѣе напечатанія, моихъ вставокъ. Такимъ образомъ принадлежатъ одному мнѣ слѣдующія строки предисловія: «*Заключающееся въ этомъ сочиненіи собраніе повѣстей или сказокъ имѣетъ для насъ особый интересъ потому, что мы здѣсь знакомимся не только съ образцами монгольской и калмыцкой поэзіи, но и съ источниками самой древно-русской поэзіи. Наукою дознано, что большая часть распространенныхъ въъ въ Европѣ и Азіи сказокъ и повѣстей происходитъ изъ Индіи: въ Европу онѣ проникали въ разное время посредствомъ аравитянъ и персіянъ, а частію и другихъ народовъ, въ Азіи же распространялись преимущественно вмѣстѣ съ буддизмомъ, такъ что въ настоящее время въ Китаѣ и Тибетѣ и до сихъ поръ уцѣлѣло большинство поэтическихъ созданій древне-индѣйскаго народнаго духа. Изъ Тибета же, какъ извѣстно, буддизмъ перенесенъ къ разнымъ племенамъ монгольскимъ. Такимъ образомъ, находя значительное сходство между народными русскими сказками и былинами, съ одной стороны, и монгольскими или калмыцкими повѣстями или сказками съ другой, не только въ главныхъ чертахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ (сравни наприм., 1-ю повѣсть Шидди-Кура о «Шести товарищахъ»—съ нашей сказкой о «семи Симіонахъ»; 3-ю повѣсть о «Масангѣ»—съ нашими сказками, разныхъ формъ и редакцій, о похожденіяхъ царевича или юноши, предательски оставленнаго въ пропасти, куда онъ спускался для добытія сокровищъ и т. д.), мы получаемъ возможность изучать основы нашей народной поэзіи и восходить постепенно до первообразныхъ ея типовъ, въ санскритской литературѣ, при чемъ монгольскія или калмыцкія редакціи служатъ однимъ изъ посредствующихъ звеньевъ*»; а въ концѣ предисловія эти слова: «*намъ остается желать, чтобъ этотъ переводъ послужилъ не только для ознакомленія съ поэтическими созданіями, находящимися въ обращеніи у нѣкоторыхъ изъ числа восточныхъ народовъ нашего отечества, но и для критически-сравнительнаго изученія сказокъ и повѣстей, съ незапамятныхъ временъ находящихся въ устахъ самого русскаго народа*».

Академикъ Шифнеръ не имѣетъ никакого участія въ высказанныхъ тутъ мнѣніяхъ. Не протестовалъ же онъ противъ нихъ, немедленно, потому, что тутъ не было теоріи, пространно изложенной, а всего только нѣсколько словъ, сказанныхъ вскользь, и онъ имѣлъ въ виду сдѣлать это при первомъ благопріятномъ случаѣ. Онъ это и выполнилъ въ предисловіи къ I-му тому изданнаго имъ сочиненія Радлоффа: «*Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens*». Здѣсь онъ протестовалъ самымъ положительнымъ образомъ противъ нераздѣляемой имъ мысли о заимствованіяхъ, русскими, эпическаго матеріала съ Востока, черезъ буддійцевъ. Такимъ образомъ, академикъ Шифнеръ ни въ какомъ отношеніи не можетъ нести отвѣтственности

за приведенныя выше строки предисловія, и, значитъ, никогда не отступался отъ одного мнѣнія и не переходилъ къ другому, по вопросу о происхожденіи русскихъ сказокъ и былинъ.

Что же касается до заимствованія, мною самимъ, мнѣній отъ профессора Бенфея, то г. Орестъ Миллеръ также очень глубоко ошибается, какъ я уже давно ему это докладывалъ, но только онъ этого не хочетъ слушать. Правда, я ничего не находилъ-бы ни дурного, ни постыднаго въ принятіи и развитіи такихъ мыслей, которыя признаешь справедливыми: для чего же и печатаются во всеобщее извѣстіе открытія въ области науки, какъ не для того, чтобъ всѣ, кого они интересуютъ, могли ихъ усвоивать, вносить въ свое сознаніе и, если возможно, давать имъ дальнѣйшее развитіе? Но мои мнѣнія о происхожденіи русскихъ былинъ образовались независимо отъ мнѣній Бенфея: эти послѣднія были *мнѣ вовсе неизвѣстны* въ то время, когда я началъ заниматься своимъ изслѣдованіемъ и когда мои мысли по этому предмету сложились совершенно опредѣленно. Я это могу доказать неоспоримыми фактами. Признаюсь, я никогда-бы не воображалъ, что мнѣ когда-нибудь придется разсказывать публично *исторію* моего изслѣдованія. Я не думалъ, что кому-нибудь она будетъ нужна или интересна: но теперь я къ этому вынужденъ, потому что мнѣ приписываютъ такія дѣйствія, которыхъ на дѣлѣ никогда не бывало.

Первымъ поводомъ къ моему изслѣдованію послужило *«Сказаніе о нѣкоемъ славномъ богатырѣ Уруланѣ Залазаревичѣ»*, напечатанное въ 1859 году въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древностей», профессора Тихонравова. Прочитавъ эту сказку о нашемъ Ерусланѣ Лазаревичѣ (о которомъ, признаюсь, я до тѣхъ поръ ничего не зналъ кромѣ имени), я нашелъ, что она имѣетъ величайшее сходство съ многими эпизодами Рустема, которые я зналъ до тѣхъ поръ только по одному плохому французскому переводу. Тутъ у меня блеснула мысль сравнить Еруслана съ Рустемомъ. Я тотчасъ же принялся за изученіе Шахъ-Намэ по переводу Моля, но скоро убѣдился, при этомъ, что есть, правда, множество эпизодовъ и подробностей, общихъ у нашей сказки съ Шахъ-Намэ, а есть въ ней также множество подробностей и деталей, неизвѣстныхъ персидской поэмѣ. Изъ этого я заключилъ, что хотя наша сказка, безъ малѣйшаго сомнѣнія и происходитъ съ Востока (сравненіе съ Шахъ-Намэ было слишкомъ поразительно), но никоимъ образомъ не прямо изъ Персіи, а изъ какихъ-то другихъ мѣстъ. Тогда мнѣ пришло въ голову просмотрѣть для этой цѣли другія восточныя поэмы, кромѣ Шахъ-Намэ. Съ конца 1859 и по конецъ или середину 1862 года я прошелъ, смѣю сказать, всѣ поэмы, пѣсни и сказки восточныя, какія нашлись въ восточномъ отдѣленіи публичной библіотеки, въ переводахъ на главнѣйшіе европейскіе языки. Я многое нашелъ для сравненія съ нашею сказкою о Ерусланѣ Лазаревичѣ, но при этомъ

убѣдился, что надо расширить рамки моего изслѣдованія, и что восточныя поэмы и пѣсни служили первообразомъ не для одного Еруслана, но и для многихъ другихъ произведеній древней нашей литературы. Особливою побудительною къ этому причиною были для меня русскія богатырскія пѣсни, которыя именно въ это самое время стали появляться у насъ въ печати. Съ 1860 года началъ выходить въ свѣтъ сборникъ Кирѣевскаго, съ 1861 года—сборникъ Рыбникова. По мѣрѣ того, какъ я читалъ помѣщенныя тамъ былины, я все больше и больше былъ пораженъ тѣмъ огромнымъ сходствомъ, которое оказывалось между ними и только-что незадолго до того узнанными мною восточными поэмами, пѣснями, легендами, сказками. Я не отыскивалъ сходствъ: они сами напрашивались, при случайно совпавшемъ, тогда, чтеніи оригиналовъ русскихъ и восточныхъ. Открывавшіяся же, такимъ образомъ, сходства *литературныя* тѣмъ болѣе были для меня интересны и важны, что въ то же самое время меня сильно занимали сходства *художественныя* и *бытовыя*, открывавшіяся при сличеніи множества предметовъ древней русской жизни съ подобными же предметами восточными. У меня въ то время была собрана значительная коллекція рисунковъ, снятыхъ съ русскихъ полотенецъ, заглавныхъ буквъ, орнаментовъ, и разныхъ бытовыхъ предметовъ, и тутъ я открывалъ, при существованіи самостоятельнаго элемента, также и значительныя сходства съ орнаментаціей и художественными формами азіатскими. Часть моихъ рисунковъ я предлагалъ даже не разъ на разсмотрѣніе членовъ этнографическаго отдѣленія Географическаго общества. Но свидѣтелями тогдашнихъ моихъ сравнительныхъ изысканій, столько же на почвѣ литературной, сколько и художественно-бытовой — изысканій, шедшихъ одновременно, исходившихъ изъ одной и той-же идеи, клонившихся къ одной и той же цѣли и взаимно помогавшихъ одно другому, были нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ и глубоко уважаемыхъ мною ученыхъ, съ которыми въ эту эпоху я особенно часто встрѣчался. Это были: библіотекари Императорской публичной библіотеки Е. Е. Беркгольцъ, В. Е. Генъ, мой старинный пріятель В. И. Ламанскій и извѣстный нашъ оріенталистъ П. И. Лерхъ. Всѣ эти многоуважаемыя лица могутъ засвидѣтельствовать, что мои открытія по части происхожденія русскихъ былинъ съ Востока шли именно тѣмъ путемъ, который я здѣсь указываю, и что мои мнѣнія слагались постепенно, по мѣрѣ узнаваемаго матеріала, и подъ прямымъ его вліяніемъ, а не вслѣдствіе предвзятой какой-либо системы или мысли. Многіе изъ переводовъ съ восточныхъ языковъ, особенно мнѣ послужившіе, появились также лишь въ концѣ 50-хъ или въ началѣ 60-хъ годовъ. Такъ, наприм., переводъ Магабгараты Фоша началъ выходить въ свѣтъ не раньше 1863 года, а сборникъ Радлоффа, игравшій въ моемъ изслѣдованіи одну изъ самыхъ важныхъ ролей,—не раньше 1866 года. Что касается

до перевода *«Панчатантры»* Бенфея и знаменитаго его *«Введенія»*, то я узналъ ихъ не раньше конца 1862 года или начала 1863 года. Не только сочиненія Бенфея, но даже и имени его я до тѣхъ поръ вовсе не зналъ. Что́ касается до его *«Панчатантры»*, то я узналъ о ней, въ указанное мною время, отъ Е. Е. Беркгольца: онъ рекомендовалъ мнѣ эту книгу не изъ-за ея теоріи (которая ему не была извѣстна), а только изъ-за того новаго восточнаго матеріала, который представлялся тутъ въ огромной массѣ, и который могъ мнѣ быть полезенъ. Я изучилъ рекомендованное мнѣ сочиненіе [1], и съ величайшею радостью нашелъ, что знаменитый гёттингенскій оріенталистъ, по части *сказокъ* цѣлой Европы приведенъ былъ, вслѣдствіе колоссальнаго своего сличенія европейскаго и восточнаго матеріала, по подлинникамъ, къ тѣмъ самымъ результатамъ, къ которымъ былъ приведенъ, въ гораздо болѣе ограниченной сферѣ, и я, при сличеніи нашихъ *былинъ* съ нѣкоторыми, даже немногочисленными произведеніями восточной поэзіи, по переводамъ. Я сильно былъ обрадованъ такому совпаденію, такъ какъ при этомъ мой трудъ получалъ, въ нѣкоторой степени, подтвержденіе въ изысканіяхъ великаго европейскаго ученаго. Упомянутыя выше лица помнятъ, безъ сомнѣнія, ка̀къ я былъ обрадованъ неожиданнымъ открытіемъ, въ книгѣ Бенфея, тѣхъ самыхъ выводовъ—относительно *сказокъ*—которые въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду передъ тѣмъ я имъ излагалъ, какъ относительно нашей орнаментистики, многихъ художественныхъ формъ, и разныхъ бытовыхъ предметовъ, такъ, наконецъ и относительно—*былинъ*.

Вотъ какимъ образомъ постепенно сложилась та система и тотъ взглядъ, которымъ я посвятилъ свое изслѣдованіе о происхожденіи русскихъ былинъ. Хороша-ли, худа-ли эта система, но она принадлежитъ мнѣ, и ни откуда не заимствована. Сами обстоятельства, въ которыхъ я находился, сложили и развили ее, и Бенфей съ академикомъ Шифнеромъ тутъ ровно ни при чемъ. Г. Миллеру это уже давно извѣстно: я не полѣнился цѣлыхъ *два раза* объяснять ему это, хотя и вкратцѣ, но при свидѣтеляхъ. Въ третій разъ не стану.

Что́ касается до самого Бенфея, то я считаю неумѣстнымъ и неприличнымъ вступаться за него противъ каррикатурныхъ нападокъ такого писателя, какъ г. Миллеръ. Этому отчаянному любителю «первоначальнаго, обще-арійскаго сродства» древнихъ литературныхъ произве-

---

[1] Я не знаю, былъ ли, въ концѣ 1862 и началѣ 1863 года, экземпляръ *«Панчатантры»* Бенфея въ Публичной библіотекѣ, но по крайней мѣрѣ въ восточномъ отдѣленіи—его не находилось въ то время. Я узналъ это сочиненіе по экземпляру изъ библіотеки великой княгини Елены Павловны, при которой Е. Е. Беркгольцъ состоялъ тогда библіотекаремъ.

деній Европы, невыносимъ Бенфей, какъ человѣкъ, очень просто объясняющій то, на что́ г. Миллеру съ товарищи нужны трансцендентальныя и заоблачныя рацеи. Поэтому онъ счелъ пригодною даже попытку, уронить его передъ своими читателями увѣреніемъ, что у этого Бенфея эта его зловредная система даже и не своя, а взята на прокатъ у XVIII-го вѣка, и только подновлена. Здѣсь выступаетъ на сцену такое колоссальное непониманіе разницы между поверхностными, произвольными, кое-какъ на живую нитку сметанными, можно сказать *фельетонными*, сближеніями старыхъ писателей прошлаго вѣка, и доказательствами Бенфея, опирающимися на громадную многостороннюю ученость и груды фактовъ, безконечно тонко и мастерски анатомированныхъ и прослѣженныхъ сквозь древнюю Азію и новую Европу, что каждому остается только жалѣть о бѣдномъ, близорукомъ человѣкѣ, вынужденномъ говорить о томъ, что́ ему не по плечу.

Но ему мало даже Бенфея. Доказательства *заимствованій* ему ненавистны, не только относительно русскихъ былинъ, не только относительно европейскихъ сказокъ, но даже относительно всего греческаго, и онъ восходитъ со своимъ презрѣніемъ и преслѣдованіемъ даже до Геродота, и съ неудовольствіемъ указываетъ тоже и на него, какъ на такого человѣка, который осмѣлился — по младенческому состоянію тогдашней науки — говорить о заимствованіяхъ Греціи изъ Египта. Бѣдный г. Миллеръ того не знаетъ, что новая наука находитъ младенчество не въ мнѣніи, признающемъ заимствованія, а въ мнѣніи не признающемъ его, и что чѣмъ болѣе изучаютъ напр. древнюю Грецію и Египетъ, тѣмъ болѣе убѣждаются въ глубокой правдѣ Геродота, разсказывающаго о томъ, сколько греки заимствовали отъ египтянъ и по части вѣрованій, и по части обрядовъ, и по части обычаевъ, и по части искусствъ. Новооткрывающіеся и вновь разработываемые теперь факты не перестаютъ громко говорить о томъ, ка́къ одинъ народъ заимствовалъ отъ другого все самое важное. Весь міръ постоянно живетъ заимствованіями, и только одинъ г. Миллеръ этого не знаетъ. Но еслибы онъ не былъ ослѣпленъ своими несчастными предразсудками, онъ бы давно обратилъ вниманіе на то, ка́къ много наши предки заимствовали со всѣхъ сторонъ, одно изъ Византіи, другое съ Востока, третье съ Запада, и заимствовали цѣлыми группами, цѣлыми категоріями (наприм. архитектуру, живопись, множество техническихъ производствъ, все предметы, куда древняя Русь не внесла ничего своего, не прибавила ни одной своей черточки). Нечего, кажется, скандализироваться, что ко всему остальному прибавляется теперь у насъ еще одна группа заимствованій—былины.

Вотъ, что̀ необходимо было объяснить по поводу новой книги г. Миллера, и на этомъ я могъ бы покончить всѣ свои счеты съ нею.

Опровергать все, что̀ высказываетъ противъ меня и моего изслѣдованія г. Миллеръ—я нахожу совершенно лишнимъ. Одна часть возраженій та же самая, что̀ и у профессора Буслаева (и на нее уже у меня отвѣчено), а другая еще хуже, такъ что на нее и того меньше можно представлять возраженія. Но разъ уже развернувши эту толстую книгу, я считаю нужнымъ представить здѣсь еще нѣсколько замѣтокъ, для того, чтобъ вывести публику изъ заблужденія на счетъ нѣкоторыхъ фактовъ, сообщенныхъ ей г. Миллеромъ на счетъ его самого.

Въ концѣ 1868 года, оставшись однажды очень недоволенъ одною моею полемическою статьею, г. Миллеръ напечаталъ въ «*Голосѣ*», что напрасно я, говоря о немъ, завелъ еще разъ рѣчь про его «злополучную» (по его собственнымъ словамъ) диссертацію: «*О нравственной стихіи въ поэзіи*», написанную имъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1858 году. «Въ то время я былъ совершенно не тотъ что теперь, говорилъ г. Миллеръ. Мнѣ пришлось (съ тѣхъ поръ) перейти черезъ нѣсколько видовъ развитія»,—и при этомъ онъ указывалъ на свое большое сочиненіе, имѣющее выйти въ непродолжительномъ времени. Это сочиненіе теперь вышло, оно-то и есть тотъ самый трактатъ объ Ильѣ Муромцѣ, изъ введенія къ которому приведены у меня выше отрывки. Обѣщанія г. Миллера казались мнѣ сомнительными: трудно человѣку, написавшему все то, что̀ написано въ «Нравственной стихіи», превратиться въ какого-то новаго человѣка. Однако я ждалъ, что-то будетъ? И вотъ, въ предисловіи новой книги повторено, что съ авторомъ произошла радикальная перемѣна, и онъ уже болѣе не приверженецъ «отвлеченно-нравственнаго и художественнаго космополитизма», какого прежде держался. Я готовъ былъ и этому вѣрить. Но оказалось, что г. Миллеръ напрасно обманывалъ насъ обѣщаніями и напрасно возлагалъ великія надежды на переходъ свой изъ космополитовъ въ славянофилы. Сущность дѣла отъ этого ничуть не измѣнилась, и новая книга его является достойнымъ *pendant* къ прежней, отъ которой онъ счелъ нужнымъ отрекаться теперь съ нѣкоторымъ чувствомъ омерзѣнія. Зачѣмъ было ему налагать, такимъ образомъ, на себя-же самого руки? Разницы между обѣими книгами, старою и новою, никакой нѣтъ, и чего заслуживала прежняя книга, того безъ сомнѣнія заслуживаетъ и нынѣшняя.

Въ прежней книгѣ невыносимъ былъ тотъ образъ мыслей, на основаніи котораго преслѣдовалась всякая самостоятельность, всякое самобытное движеніе, и превозносились такія качества, какъ самоотверженіе, покорность, смиреніе, отреченіе отъ себя въ пользу другихъ, тщета и суета всего мірского, плотскаго и грѣховнаго. *Умѣренность* во всемъ выставлялась чѣмъ-то примѣрнымъ и восхитительнымъ, чѣмъ-то

такимъ, къ чему надо стремиться: «Гдѣ середина—говорилъ г. Миллеръ—тамъ только и болѣе близости къ истинѣ». На основаніи этихъ превосходныхъ Молчалинскихъ принциповъ разсматривалась и вся поэзія древнихъ и новыхъ народовъ (кромѣ русскаго). Произведенія ея раздѣлялись на похвальныя и непохвальныя, со стороны нравственной, и тѣ, въ которыхъ оказывалось болѣе любезныхъ г. Миллеру моральныхъ качествъ, объявлялись за созданія болѣе достойныя, а тѣ, гдѣ такихъ качествъ не находилось, были признаны созданіями нехорошими, или по крайней мѣрѣ такими, которыя подлежатъ кроткому, почтительному выговору. Такъ были сравниваемы поэзія индѣйская съ греческою, кельтская съ германскою, и пальма первенства была отдана первой надъ второю, потому что тамъ особенно сильно дѣйствовало самоотверженіе, а тутъ являлось непохвальное активное, личное начало; точно также перевѣсъ былъ признанъ за кельтскою поэзіею, потому что она выражаетъ мотивы кротости, податливости и нѣжности, тогда какъ нѣмецкая—полна мотивовъ буйства, непокорности и свободы воли. Но развѣ не точь-въ-точь то же самое мы встрѣчаемъ и въ новой книгѣ г. Миллера? Вся поэзія русскихъ былинъ выхваляется выше всего на свѣтѣ, конечно, во-первыхъ, потому, что она русская (не даромъ же г. Миллеръ славянофилъ!), а главное за то, что тамъ онъ находитъ опять-таки тѣ же самые образцы драгоцѣннаго ему самоотверженія, покорности, кротости, прощенія обидъ, служенія другимъ, отсутствія чувства мести, и т. д. Однимъ словомъ, на его глаза, богатыри русскихъ былинъ примѣрные во всѣхъ отношеніяхъ субъекты, и на экзаменѣ добродѣтели конечно заслужили-бы золотую медаль. Вотъ этимъ-то они и драгоцѣнны г. Миллеру, этимъ-то нашъ эпосъ и выше всѣхъ эпосовъ на свѣтѣ; героя съ такою высокою нравственностію, какъ Илья Муромецъ, еще нигдѣ не видано на свѣтѣ, и это понятно, потому что и самъ народъ русскій, котораго онъ является полнѣйшимъ представителемъ, полонъ для г. Миллера всевозможныхъ совершенствъ.

Чтобъ доказать такія забавныя вещи (конечно ни въ чемъ не отличающіяся отъ положеній трактата о *«нравственной стихіи»*) нужно было прибѣгнуть къ аргументамъ самымъ удивительнымъ, и, разумѣется, нашъ славянофилъ въ нихъ не затруднился. Онъ объявляетъ, что если у нашихъ богатырей и есть что-нибудь неодобрительное, то оно ничуть не портитъ дѣла и ничего не измѣняетъ въ приговорахъ г. Миллера о нравственности, потому что все дурное, находимое у богатырей, либо остатки древнихъ, грубыхъ эпохъ, либо позднѣйшія искаженія, слѣдствія постороннихъ вліяній. Вотъ тутъ-то особенно хороши и кстати восточныя вліянія. Вали на нихъ что угодно! Вѣдь нельзя же, наконецъ, утаить, что въ русскихъ былинахъ пропасть об-

разчиковъ «безчеловѣчности», «звѣрства», «произвола». Ихъ видитъ и называетъ по имени самъ г. Миллеръ. Но что же изъ этого? Эти непріятныя подробности ничуть не конфузятъ его. Все это, говоритъ онъ, «восточныя вліянія». А есть тоже и другія вліянія: скандинавскія или варяжскія. Наприм. вотъ хоть «сребролюбіе», «добычелюбіе», «поползновенія на барство», «уклоненіе отъ простоты обычаевъ кіевскихъ»: вѣдь это тоже вещи не хорошія? Ну такъ чтожъ, ничего—эти пусть произошли именно отъ вліяній варяжскихъ. Но вотъ еще случай: иной разъ тамъ и сямъ нельзя же скрыть, что знаменитый Илья, великій носитель всѣхъ совершенствъ русскаго народа, производитъ кое-какія «жестокости», которыя ужъ просто никуда не годятся. Какъ съ этими-то быть? Ну, ничего, тоже можно кое-что объяснить и про нихъ, наприм. хоть то, что эти «жестокости» ничего другого не доказываютъ, кромѣ «ожесточенности русскаго народа», вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ. Вотъ и дѣло въ шляпѣ. Такимъ образомъ оказывается, что нѣтъ ничего лучше и выше нашего эпоса и нашихъ богатырей. Это отлично. Но только спрашивается, не повтореніе-ли это, про русскую поэзію, тѣхъ самыхъ мыслей, которыя въ *«Нравственной стихіи»* прилагались къ разнымъ иностраннымъ, удостоившимся одобренія, литературамъ? Гдѣ же превращеніе г. Миллера? Гдѣ его новые фазисы?

Сдѣлавшись славянофиломъ, понятно, что г. Миллеръ меньше чѣмъ когда-нибудь могъ выносить сравненіе русскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ превосходныхъ и восхитительныхъ, былинъ съ произведеніями народовъ, отмѣченныхъ у него въ числѣ непохвальныхъ по части нравственности и добродѣтелей, и онъ, разумѣется, съ приличными насмѣшечками говоритъ о «новомодныхъ цивилизаторахъ Европы, монголахъ», о «просвѣтительномъ нашествіи монголовъ на Россію», о «великой монгольской образованности», о «какихъ-нибудь монголо-калмыцкихъ поэмахъ», о «какихъ-нибудь эпическихъ кусочкахъ у шоровъ и койбаловъ», о «благодѣтеляхъ нашихъ тюркахъ» и т. д. Только, такъ какъ г. Миллеръ не надѣленъ даромъ остроумія, то всѣ эти прекрасные мотивы даромъ у него пропадаютъ, ничего изъ нихъ не выходитъ, и они такъ-таки прямо и идутъ какъ ключъ ко дну. Впрочемъ, не однѣ восточныя національности конфузитъ г. Миллеръ при сравненіи съ русскою: онъ срамитъ также самымъ основательнымъ манеромъ и нѣмецкую (точь-въ-точь какъ въ *«Нравственной стихіи»*), и, основываясь на писателѣ такого же достоинства и полета, какъ онъ самъ, Менцелѣ, доказываетъ какъ дважды-два-четыре, что нѣмцевъ одолѣваетъ пагубная страсть: *«Lust Unrecht zu thun»*. Это уже одно глубокое изреченіе показываетъ, безъ всякихъ другихъ доказательствъ, насколько мы добродѣтельнѣе и лучше нашихъ сосѣдей.

Я не стану выставлять здѣсь на показъ разныя другія совершенства новой книги г. Миллера, какъ наприм., его объясненія какихъ угодно сходствъ, самыхъ спеціальныхъ, самыхъ исключительныхъ, «общечеловѣческимъ единствомъ эпическаго творчества»—средство не дурное и вполнѣ эластическое для любого эскамотажа; не стану также говорить о мистическихъ и трансцендентальныхъ объясненіяхъ, посредствомъ которыхъ, отъ времени до времени, г. Миллеръ, для утѣшенія славянофильской братіи и возвеличенія великихъ русскихъ, объявляетъ вдругъ разныя аллегоріи о «божественномъ оратаѣ Микулѣ Селяниновичѣ», покровителѣ земледѣлія на Руси, или о его «сумкѣ», изображающей въ лицахъ «тягу» или «тяготу» земли русской, или о «разгулѣ Потока», подъ которымъ надо разумѣть «громъ и дождь», и т. д. Но я хочу, въ заключеніе моихъ краткихъ замѣтокъ, указать на одну черту, принадлежащую къ особенностямъ г. Миллера, прошедшаго сквозь разные фазисы. Это уморительное его либеральничанье и лже-демократизмъ. Подобно всѣмъ славянофиламъ, онъ не пропускаетъ ни одной оказіи, чтобъ не сказать что-нибудь про великій русскій народъ и великія его способности, ставящія его выше всѣхъ. Но, въ добавокъ ко всему остальному, онъ пробуетъ и въ былинахъ указать такія небывальщины, которыя всякій легко можетъ оцѣнить. То онъ вдругъ объявляетъ, что «самосудъ» составляетъ одну изъ древнѣйшихъ самостоятельныхъ чертъ нашихъ былинъ, и доказываетъ «совершеннѣйшую независимость былинъ, отъ какихъ-либо образцовъ позднѣйшаго и историческаго Востока», тогда какъ точь-въ-точь такихъ примѣровъ, какіе онъ приводитъ, расправы, произведенной самимъ героемъ надъ собственною женою, или другими лицами, безъ всякаго прибѣганія къ царской власти, можно привести въ восточныхъ образцахъ сколько угодно; то опять говоритъ, что «въ долгой гоньбѣ богатыря Вольги на конѣ за пѣшимъ Микулою явно высказывается то первенство, какое дается народомъ богатырю земледѣльцу передъ богатыремъ воиномъ» (извѣстно, что коренные славянофилы ужасно счастливы тѣмъ, что Илья-Муромецъ — родомъ изъ крестьянъ: тутъ они провидятъ страшно глубокія и многознаменательныя вещи!); то еще увѣряетъ, что когда Илья Муромецъ, въ одной былинѣ, сѣлъ въ гостяхъ у князя Владиміра на мѣсто среднее и возлѣ себя посадилъ «голей кабацкихъ», то подъ этимъ надо разумѣть, что тутъ «проглядываетъ сочувственное *общинное начало*», а если въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, князь Владиміръ учитъ этого богатыря взять себѣ жену, гдѣ можно будетъ, хоть у царя, хоть у короля, хоть у купца, хоть у попа, хоть у мужика подлаго, то въ этихъ словахъ проглядываетъ *«первоначальное славянское равенство»*; наконецъ, что «ни у древнихъ грековъ, ни у германцевъ не было той *свободной служ-*

бы, какую несетъ въ былинахъ у насъ Илья Муромецъ: потому-что *свободно можно служить только общинѣ, міру-народу*». На такія отчаянныя пошлости не возражаютъ. Онѣ назначены для славянофильской компаніи, вѣроятно наполняютъ сердце ея радостью (по крайней мѣрѣ тѣмъ ея членамъ, кто поглупѣе и похуже); прочіе люди могутъ только пожимать плечами.

Книга г. Миллера огромна. Въ ней 53 печатныхъ листа, и, значитъ, надо было очень много терпѣнія и труда со стороны автора, чтобъ прочитать все, о чемъ у него тамъ говорится, и написать все, о чемъ у него тамъ толкуется. Но наврядъ-ли кто отнесется съ почтеніемъ ко всему этому труду и терпѣнію. Безъ даровитости, безъ свѣтлой мысли, никакія груды фактовъ, скопленныхъ хоть со всѣхъ краевъ цѣлаго свѣта, ровно еще ничего не значатъ. А вотъ именно этихъ главныхъ качествъ у г. Миллера вовсе нѣтъ. У него ярко блещетъ все, что есть самаго противоположнаго даровитости и мысли. Мѣсто мысли занято у него славянофильствомъ, мѣсто даровитости—мелочностью и кропотливостью крота, который весь свой вѣкъ ковыряетъ и роется, и ничего въ цѣлый вѣкъ не выроетъ—кромѣ гнѣзда себѣ по вкусу. Каково гнѣздо г. Миллера—мы уже достаточно видѣли. Ничего другого не знаютъ и не вѣдаютъ слѣпые его глаза. У него въ толстомъ томѣ приведены быть можетъ тысячи тысячъ фактовъ, и однако же изъ нихъ ничего другого для него не выходитъ, кромѣ того, что у нашихъ былинъ есть сходство съ поэмами и пѣснями западно-европейскихъ народовъ и славянъ [1]), въ чемъ впрочемъ никто давно уже не сомнѣвается, послѣ трудовъ профессора Буслаева,—стоящихъ настолько же выше трудовъ г. Миллера, насколько трудъ мастера стоитъ выше ковырянья ученика, которому суждено никогда изъ учениковъ не выйти.—Но какой же, наконецъ, и изъ этихъ-то выводовъ окончательный выводъ? Тотъ, 1) что, несмотря ни на что, русская поэзія и русскія былины самостоятельны превыше всего на свѣтѣ, а по нравственности и высокимъ чувствамъ лучше и чище всего, что только

[1]) Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, одну любопытную вещь. Г. Миллеръ въ своихъ широковѣщаніяхъ всегда много толкуетъ о тожествѣ или по крайней мѣрѣ громадныхъ сходствахъ нашихъ былинъ съ пѣснями сербовъ, болгаръ, чеховъ и т. д. Теперь онъ привелъ все, что только могло, по его мнѣнію, служить его тезису. И теперь съ удивленіемъ всякій спроситъ: такъ вотъ что только, послѣ всѣхъ обѣщаній, у васъ оказывается сходствъ? Нѣсколько эпизодовъ изъ Ильи Муромца, исторія Ставровой жены, кое-что о Добрынѣ и Дунаѣ—и только? Все остальное—отдѣльныя подробности, или мелкія черты? Нѣтъ, у русскихъ былинъ, *въ общемъ*, гораздо менѣе сходства со славянскими пѣснями, чѣмъ съ французскими и нѣмецкими поэмами и пѣснями средневѣковыми. И на то, конечно, много историческихъ причинъ. Не здѣсь мѣсто подробно развивать это положеніе. Быть можетъ, я посвящу этому, однажды, особый трудъ.

когда-нибудь бывало, есть и будетъ, и 2) что именно въ этомъ самомъ, великомъ, эпосѣ *только* до сихъ поръ и выразился, *мыслительно*, нашъ народъ. Значитъ, сотни страницъ, употребленныя лишь на подобныя кривыя толкованія, становятся, не взирая ни на какой трудъ, ничтожными и ни на что негодными, и такой книгѣ нельзя желать успѣха. Русскій народъ имѣетъ за собою столько дѣйствительныхъ качествъ, заслугъ и значительныхъ историческихъ фактовъ, что не требуетъ себѣ на помощь славянофильской реторики и размазни.

Разсматривая «*Нравственную стихію*» г. Миллера, Добролюбовъ говорилъ: «книжонка не стоитъ серьезнаго разбора, и мы хотѣли-было промолчать о ней, какъ молчали мы о «Печатной правдѣ», «сонникахъ», «оракулахъ» и тому подобныхъ безтолковыхъ издѣліяхъ печатнаго мастерства. Разборы подобныхъ книгъ составляютъ подвигъ, и подвигъ весьма неблагодарный. Нужно ихъ уничтожать, а для этого надо слѣдить за ними изъ строки въ строку, потому что каждая строка въ нихъ заключаетъ въ себѣ непремѣнно — или ложь или чепуху». Прошло 12 лѣтъ, и г. Миллеръ написалъ еще разъ точь-въ-точь такую же книжку, только втрое длиннѣе. Онъ ничуть не перемѣнился. Ни «фазисы», ни славянофильство не помогли. Надо надѣяться, что и публика наша не перемѣнилась и поступитъ съ новою книжицею г. Миллера, какъ поступила со старою: отвернется отъ нея.

В. Стасовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта, 1870.

ЗЕМСКІЕ ИТОГИ.

Еще очень недавно каждая сессія земскихъ собраній, и особенно петербургскаго, возбуждала довольно живой интересъ въ значительной части нашего общества. Отъ земскихъ учрежденій всѣ чего-то ждали— и нужно сказать правду, иные оптимисты ждали отъ нихъ такъ много, что самыя ожиданія эти свидѣтельствовали о крайне недостаточномъ знакомствѣ нашего общества съ тѣми условіями, при которыхъ оно живетъ. Въ этомъ отношеніи никакъ нельзя обвинять земскія учрежденія за то, что они не оправдали всѣхъ ожиданій: самыя ожиданія были часто такого свойства, что исполненіе ихъ вовсе не зависѣло ни отъ того или другого состава земскихъ собраній, ни отъ того или другого направленія ихъ дѣятельности. Земскія учрежденія были только формою, даже словомъ, — съ которымъ самымъ смѣлымъ образомъ связывались мечтанія объ общемъ хозяйственномъ благоустройствѣ, водвореніи государственной бережливости, ослабленіи централизаціи, полномъ участіи общества въ назначеніи и распредѣленіи податей и повинностей, насажденіи просвѣщенія, контролѣ надъ дѣйствіями администраціи и о другихъ благахъ, которыя въ полномъ ихъ объемѣ также мало зависѣли отъ земскихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, измѣненіе климата или установленіе болѣе благопріятныхъ условій для русской печати.

Но съ другой стороны нельзя не сознаться, что земскія учрежденія во многомъ не выполнили и того, что не только входило въ «предначертанный» для нихъ кругъ дѣятельности, но даже относилось къ ихъ прямой обязанности. Они недостаточно заботились о введеніи благоустройства и въ той неширокой области, которая имъ отведена, т.-е. не вычинили, какъ слѣдуетъ, дорогъ и не вездѣ исправили мосты; они сами не вездѣ были достаточно бережливы: назначали, напримѣръ, себѣ большое жалованье и тратили средства необдуманно; во мно-

гихъ мѣстахъ не только не умѣли, но и не хотѣли правильно распредѣлить и сравнительно незначительную долю повинностей, которую собирали, такъ, напримѣръ, оставили наплечахъ крестьянъ всю натуральную повинность и обложили крестьянскія земли выше помѣщичьихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не заботились о народномъ образованіи, ибо не дали на школы ни копѣйки; далѣе, иногда они въ своихъ собственныхъ дѣлахъ такъ строго проводили принципы централизаціи, что имъ могъ-бы позавидовать любой администраторъ, и, наконецъ, они почти вездѣ не имѣли настолько такта или, лучше сказать, не съумѣли быть достаточно ловкими, чтобы подчинить своему контролю и такія административныя дѣйствія, которыя могли имъ быть подчинены.

Но и за все это строго обвинять земскія учрежденія нельзя, ибо мы увидимъ, что условія ихъ существованія были далеко неблагопріятныя. Лучше даже вовсе не обвинять, а просто отнестись къ ихъ дѣятельности, какъ къ извѣстному историческому явленію, объяснить его причины и вывести поученіе для будущаго....

Прежде всего не надобно забывать, что люди, которые засѣдали и засѣдаютъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а также и люди, которые поставлены къ нимъ въ оффиціальныя отношенія, не явились вдругъ, какъ что-либо чуждое нашей жизни, а напротивъ представляютъ собою продуктъ этой жизни со всѣми доселѣ занимавшими ее интересами, т.-е. сословными, служебными, имущественными и т. д. Такимъ образомъ, и въ новую дѣятельность эти люди необходимо должны внести свои прежнія привычки, взгляды и стремленія—и вся ихъ задача состояла въ томъ, чтобы согласовать между собою эти разнохарактерныя привычки и стремленія, которыя до того времени или вовсе не согласовались или были согласуемы заботами начальства. Такая совмѣстная дѣятельность разнохарактерныхъ лицъ всегда вызываетъ нѣкоторое раздраженіе; люди, интересы которыхъ были въ тѣни, естественно видятъ въ новомъ порядкѣ случай заявить свои требованія; напротивъ, люди, которые для своего благосостоянія не нуждаются ни въ какихъ преобразованіяхъ, отстаиваютъ добрый старый порядокъ; происходитъ борьба—и тотъ, кто сильнѣе, побѣждаетъ; но каковъ бы ни былъ исходъ этой борьбы, она всегда интересна, ибо представляетъ матеріалъ для изученія физіологіи общества.

Усвоивъ себѣ правильное понятіе о составѣ земскихъ учрежденій, надобно затѣмъ принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ они дѣйствовали и дѣйствуютъ—условія созданныя не при нихъ и не для нихъ, а существовавшія цѣлые вѣка и настолько освѣщенныя временемъ, что всякая мысль о ихъ несостоятельности почитается святотатственною. Такъ какъ условія эти далеко не всегда благопріятствовали той дѣятельности, къ которой стремились нѣкоторые неопытные сто-

ронники благихъ начинаній, то стремленія ихъ или оставались только стремленіями или приносили совсѣмъ не тотъ плодъ, котораго отъ нихъ ожидали. За это также винить ихъ нельзя,—но съ другой стороны нельзя не сказать, что неопытность и необдуманность вовсе не составляютъ особенно хорошихъ качествъ для такъ-называемыхъ общественныхъ дѣятелей.

Какъ бы то ни было, но сопоставляя результатъ, добытый изъ анализа частныхъ интересовъ лицъ, входившихъ въ составъ земскихъ учрежденій съ тѣми условіями, при которыхъ эти учрежденія существовали, можно совершенно правильно не только уяснить себѣ ихъ настоящее положеніе, но пожалуй и будущую судьбу. Впрочемъ, не желая пугать читателя предсказаніями будущаго, мы займемся только прошедшимъ и настоящимъ.

Если обратиться къ дѣятельности земскихъ учрежденій съ того момента, какъ они были «призваны къ жизни», то мы увидимъ, что первое время представители земства заботились не столько о томъ, что̀ составляло главную задачу ихъ дѣятельности, т.-е. не о дорогахъ, мостахъ, смѣтахъ и раскладкахъ, сколько объ отношеніяхъ, въ которыя поставлены они къ другимъ элементамъ государственной жизни, и прежде всего къ мѣстной администраціи. Въ доказательство можно привести уже тотъ фактъ, что изъ огромнаго количества ходатайствъ, которыя заявляло земство въ первое время своего существованія, самая значительная часть касалась измѣненія тѣхъ статей закона, которыми обусловливались сказанныя отношенія.

Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что самыя оживленныя пренія въ земскихъ собраніяхъ велись по поводу отношеній къ администраціи, и самыя яркія страницы докладовъ управъ были тѣ, въ которыхъ описывались административные промахи. Къ этому нужно прибавить, что и публика преимущественно интересовалась этими преніями и этими страницами, другихъ она почти не слушала и не читала. Такое направленіе дѣятельности земскихъ собраній и такое настроеніе общества было такъ замѣтно, что обратило даже на себя вниманіе бывшаго оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, который посвятилъ этому вопросу три большія статьи. «Въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ на счетъ земской реформы, говорила «Сѣверная Почта», встрѣчается взглядъ, который, противопоставляя правительство и земство одно другому, смотритъ на всякое прикосновеніе правительственной власти къ дѣламъ земскихъ учрежденій, какъ на присвоеніе непринадлежащихъ ей правъ. Съ этой точки зрѣнія *недовѣріе* и *подозрительность* становятся, во взаимныхъ отношеніяхъ и правительства и земства, какъ бы нормальнымъ положеніемъ и того и другого. Отсюда возникаетъ желаніе предоставить земскимъ учрежденіямъ всевозможныя гарантіи,

которыя оградили бы ихъ, какъ стѣною, отъ вторженія административной власти».

Если всмотрѣться пристальнѣе въ условія, при которыхъ возникли то недовѣріе и та подозрительность, о которыхъ говоритъ «Сѣверная Почта», то дѣло окажется совершенно просто. Что поводы къ этому со стороны административныхъ властей были, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; ихъ не могло не быть уже потому, что административныя власти должны были сдать земству не только различныя дѣла и бумаги по тѣмъ отраслямъ управленія, которыя переходили въ руки земства, но также больницы и другія богоугодныя заведенія, которыя, надо признаться, содержались далеко не въ порядкѣ. Припоминая отзывы объ этомъ предметѣ земскихъ учрежденій въ первый же годъ ихъ существованія, мы можемъ, въ видѣ примѣра, указать на слѣдующее: Костромская губернская управа говоритъ, напримѣръ, что «по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ дѣла разныхъ учрежденій поступали весьма медленно, возбуждали переписку и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ дѣла приказа общественнаго призрѣнія, поступили въ вѣдѣніе управы только черезъ полгода послѣ ея открытія. Благотворительныя же заведенія переданы въ такомъ видѣ, что прямо потребовали весьма значительныхъ исправленій, и переданныхъ капиталовъ оказалось мало». Такія же затрудненія встрѣтились при пріемѣ богоугодныхъ заведеній и во многихъ другихъ губерніяхъ. Въ Харьковѣ, напримѣръ, принадлежащія больницѣ вещи оказались спрятанными гдѣ-то въ сараѣ. Далѣе, во многихъ мѣстностяхъ возникли жалобы на неисправность передаваемыхъ земству путей сообщенія. Самый разительный примѣръ подобныхъ жалобъ представляетъ отчетъ петербургской земской управы за 1866 годъ. Въ отчетѣ этомъ, помѣщенномъ въ извлеченіи въ 5 № «Спб. Вѣд.» за 1867 г., говорится, что въ управу переданы дѣла различныхъ вѣдомствъ по предмету сельскаго хозяйства, но всѣ эти кипы бумагъ свидѣтельствовали, по словамъ отчета, о небрежномъ веденіи хозяйства, неэкономическомъ распоряженіи средствами земства и о безполезной растратѣ времени и силъ... Изъ продовольственнаго капитала передано лишь 50%, капиталы общественнаго презрѣнія и строительный, несмотря на ходатайство управы въ теченіи цѣлаго года, не переданы. Еще бо́льшія затрудненія встрѣтились при пріемѣ заведеній общественнаго призрѣнія. Гдовская, шлиссельбургская и новоладожская управы такъ описывали состояніе мѣстныхъ больницъ: зданія почти разрушаются отъ ветхости и гнилости; медикаментовъ, бѣлья и прочихъ принадлежностей не только не было въ надлежащемъ количествѣ (въ гдовской больницѣ, въ день ея пріема управою, изъ 16 человѣкъ больныхъ не у всѣхъ было надѣто бѣлье), но и состоявшее на лицо было до того плохо и ветхо, что не могло быть употребленнымъ. Состояніе путей сообщенія, если вѣрить отчету,

было также незавидное. «Въ строгомъ смыслѣ—говоритъ управа—у насъ нѣтъ путей сообщенія, а есть только самыя плохія дороги. Онѣ исправляются натуральною повинностью, но такъ какъ по существу своему губернская натуральная повинность немыслима, то и самое исправленіе дорогъ натурою не могло осуществиться. Прежде еще кое-какъ справлялись; только въ случаѣ проѣзда начальства сгоняли на самыя дурныя мѣста окрестныхъ жителей и заставляли ихъ задѣлывать ямы и пучины, но въ продолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ и этого не дѣлали, такъ что и боковыя канавы засорились и заросли. Мосты, трубы и гати, продолжаетъ отчетъ управы, найдены не въ лучшемъ положеніи; все было сгнивши и свалилось, ни одного сооруженія живого мы не получили».

Кромѣ дорогъ и больницъ важнымъ пунктомъ для столкновеній были обывательскія лошади. Въ прежнее время ими распоряжались административныя начальства по своему усмотрѣнію; со введеніемъ же земскихъ учрежденій эта повинность подчинена ихъ контролю. Это-то и дало поводъ къ ссорамъ, ибо администраторы съ большимъ трудомъ могли привыкнуть къ новому порядку. Жалобы были почти повсемѣстныя; печатно онѣ были заявлены въ губерніяхъ: херсонской, черниговской, полтавской, петербургской и другихъ. Даже въ послѣднее время, несмотря на благопріятныя для земства разъясненія вопроса сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ, обывательскія лошади послужили источникомъ столкновеній между земствомъ и администраціей екатеринославской губерніи. Бывшая петербургская управа въ своемъ отчетѣ говоритъ, что ей приходилось отказывать различнымъ присутственнымъ мѣстамъ на ихъ требованія открытыхъ листовъ или по неимѣнію права тѣми лицами, для которыхъ они требовались или по самому случаю, для которыхъ они требовались. Такъ, напр., палата государственныхъ имуществъ просила выслать 4 бланки открытыхъ листовъ для отправленія 4-хъ мальчиковъ, находившихся въ палатѣ для приготовленія къ писарскимъ должностямъ, а начальникъ охтенскаго капсюльнаго завода просилъ даже открытый листъ для отправленія техническаго мастера и двухъ мастеровыхъ въ капсюльное заведеніе, находящееся въ Черниговской губерніи.

Заявленія, подобныя только-что приведеннымъ, не могли, конечно, проходить безслѣдно. Задѣтые администраторы отвѣчали тѣмъ же; пользуясь своимъ правомъ контроля, они вмѣшивались въ дѣла земскихъ учрежденій въ такихъ случаяхъ, когда въ этомъ не было надобности, дѣлали ненужные протесты противъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ, какъ напримѣръ въ костромской губерніи, гдѣ губернаторъ въ 1865 году опротестовалъ всѣ уѣздныя смѣты и раскладки, тогда какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ совершенно сходныя раскладки оставлены безъ протеста,—или прямо становились въ непріязненныя отно-

шенія; напримѣръ въ херсонской губерніи, гдѣ административныя начальства предписывали крестьянскимъ обществамъ не исполнять требованій земскихъ управъ, или наконецъ, въ свою очередь, самымъ непохвальнымъ образомъ отзывались о дѣятельности земскихъ управъ, — какъ напримѣръ въ екатеринославской губерніи, гдѣ губернаторъ наполнилъ такими отзывами цѣлый нумеръ «Губернскихъ Вѣдомостей». Газеты указывали и на такой случай, что одинъ начальникъ губерніи надѣлалъ членамъ уѣздныхъ управъ личныхъ оскорбленій.

Эти причины конечно могли породить всевозможныя неудовольствія; но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что онѣ ихъ породили бы, въ значительно меньшей степени, еслибы самый составъ земскихъ учрежденій и административныя преданія, которыя они унаслѣдовали, не способствовали раздору.

Страсть къ «пререканіямъ» издавна существовала между провинціальными органами нашей администраціи; это знаетъ всякій, жившій въ провинціи; только пререканія эти совершались не гласно, ограничиваясь областью задорныхъ предложеній, непочтительныхъ рапортовъ, строгихъ предписаній и другихъ ѣдкихъ бумагъ. Кромѣ того, административный задоръ смягчался мыслью объ общемъ начальствѣ, которое, разрѣшая пререканія, дѣлало отеческія наставленія обѣимъ сторонамъ. Тамъ же, гдѣ органы губернской администраціи были независимы одинъ отъ другого и гдѣ, кромѣ бумажныхъ сношеній, требовались личныя, тамъ пререканія эти были и менѣе сдержанны и имѣли даже такъ - сказать огульный характеръ. Стóитъ только вспомнить, каковы бывали отношенія губернаторовъ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, чтобы a priori заключить, что земскія учрежденія, въ средѣ которыхъ засѣдали тѣ же предводители и которые были поставлены въ оффиціальныя отношенія къ тѣмъ же губернаторамъ, непремѣнно будутъ имѣть свои пререканія.

Кромѣ этой, такъ-сказать, административной причины были и другія, имѣвшія чисто общественный характеръ. Представители власти, живя въ провинціи, не остаются чѣмъ-либо чуждымъ той средѣ, въ которой они дѣйствуютъ; они вступаютъ съ мѣстнымъ обществомъ въ отношенія не административныя, встрѣчаются въ клубахъ, вмѣстѣ обѣдаютъ, играютъ въ карты и т. д. При этихъ условіяхъ, дѣло не обходится безъ ссоръ и дрязгъ, которыя изъ личныхъ отношеній легко переходятъ въ общественныя и именно образуютъ собою тотъ фундаментъ, на которомъ зиждутся у насъ всевозможныя пререканія. Наконецъ нельзя забывать, что такъ-называемая «борьба съ администраціей» давала обширный матеріалъ для звонкихъ рѣчей и либеральныхъ фразъ, которыя одно время составляли преобладающую страсть нашихъ общественныхъ дѣятелей.

Мы знаемъ, что насъ могутъ обвинить за такое мелочное объясненіе

явленія, которое, какъ бы незначительно оно ни было, тѣмъ не менѣе возбуждало большой интересъ въ обществѣ; намъ могутъ сказать, что мы забыли о тѣхъ почтенныхъ людяхъ, которые, чуждаясь личныхъ цѣлей, руководились стремлеінемъ къ общему благу и, являясь строгими обличителями зла, жертвовали собою. Такіе энтузіасты дѣйствительно были; были и люди, которые если не особенно горячо, то во всякомъ случаѣ совершенно честно относились къ своему дѣлу. Мы сами могли бы назвать ихъ имена и кстати указать на судьбу, ихъ постигшую, но тѣмъ не менѣе мы не беремъ назадъ ни одного слова, сказаннаго нами, ибо эти люди составляли незначительный процентъ и ихъ голосъ всегда бы оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если-бы въ извѣстный моментъ они не нашли поддержку въ большинствѣ, которое руководилось самыми несложными житейскими побужденіями. И дѣйствительно, когда направленіе большинства, вслѣдствіе постороннихъ причинъ и условій, мѣнялось, всѣ усилія энтузіастовъ пропадали даромъ. Кромѣ того, усилія эти и въ прежнее время имѣли несравненно меньшій успѣхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда большинству приходилось показать себя не на словахъ, а на дѣлѣ и пожертвовать для общаго блага своими личными интересами.

Какъ бы то ни было, всѣ эти пререканія не имѣли особенно серьезныхъ результатовъ и мало-по-малу страсть къ нимъ публики совершенно охладѣла. Съ одной стороны слишкомъ строгіе администраторы были умягчены распоряженіями высшаго начальства, съ другой —тѣ же распоряженія охладили и слишкомъ горячихъ дѣятелей въ средѣ земскихъ учрежденій.

Скоро обѣ стороны почувствовали, что худой миръ лучше доброй ссоры и начали успокоиваться. Этому успокоенію способствовало какъ то, что удобные предметы для блестящихъ обличеній, почерпаемые изъ «передачи дѣлъ и зданій» были исчерпаны, такъ и то, что самыя обличенія сдѣлались ненужными, ибо проходя, въ силу новаго закона, черезъ цензуру тѣхъ лицъ, которые обличались, они естественно теряли интересъ. Въ концѣ концовъ, и земскимъ учрежденіямъ пришлось ограничиться тѣми самыми ѣдкими бумагами, сочиненіе которыхъ издавна составляло спеціальность административныхъ мѣстъ и лицъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ дѣло шло только о губернскихъ властяхъ, спокойствіе водворялось мѣрами самыми ординарными: перемѣною личнаго состава нѣсколькими административными внушеніями и изданнымъ дополненіемъ къ закону о печати. Но когда въ петербургской губерніи земскія учрежденія затронули сферы высшія, то относительно ихъ была принята, какъ извѣстно, такая мѣра, вслѣдствіе которой на долгое время сдѣлались невозможными никакія пререканія.

Чтобъ быть справедливыми, мы должны указать и на хорошую

сторону всѣхъ этихъ столкновеній и обличеній. Съ того времени какъ начались эти обличенія, печать получила возможность обсуждать дѣйствія губернскихъ и даже столичныхъ администраторовъ, не называя ихъ «иксами» и «игреками». Отчеты земскихъ управъ и пренія собраній давали первое время весьма обильный матеріалъ для подобныхъ обсужденій и хотя изданія, занимавшіяся обработкою этого матеріала, должны были испытать административныя кары, тѣмъ не менѣе обсужденіе вошло въ обычай. Въ качествѣ добросовѣстнаго историка, мы должны напомнить читателямъ, что рядомъ съ запальчивыми обличеніями административныхъ промаховъ, въ средѣ земскихъ собраній въ первые годы ихъ дѣятельности слышались заявленія, имѣвшія если не по характеру, то по мысли, гораздо болѣе серьезное значеніе. Читатели поймутъ, почему мы отказываемся отъ подробнаго разсмотрѣнія этихъ заявленій; намъ достаточно сказать, что, смолкнувъ въ Петербургѣ три года тому назадъ, они нигдѣ болѣе не повторялись.

Отъ этихъ, такъ-сказать, внѣшнихъ явленій въ исторіи земскихъ учрежденій мы перейдемъ къ характеристикѣ ихъ внутренней дѣятельности и прежде всего остановимся на томъ, что̀ составляетъ, по нашему мнѣнію, главную задачу земства: на уравненіи податей и повинностей.

Еслибы для характеристики земскихъ учрежденій въ этомъ отношеніи намъ пришлось обратиться непосредственно къ земскимъ раскладкамъ и опредѣлять, насколько соблюдена въ нихъ справедливость и равномѣрность, то наша задача по обилію матеріаловъ и необходимости мѣстныхъ изслѣдованій была бы невыполнима. Къ счастію, для выполненія ея намъ нѣтъ необходимости пересматривать всѣ смѣты и раскладки, а достаточно обратиться къ одному вопросу, который болѣе трехъ лѣтъ задѣвалъ за живое всѣхъ земскихъ дѣятелей—это вопросъ о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя.

Читатели, которые слѣдили за печатными извѣстіями о ходѣ земскихъ собраній, помнятъ вѣроятно, какое значеніе имѣлъ этотъ вопросъ и какъ онъ сдѣлался у насъ лозунгомъ борьбы между лицами, отстаивавшими сословныя привилегіи и лицами, стремившимися къ ихъ нивеллированію. Чтобы уяснить это явленіе, мы должны сказать, что въ настоящемъ случаѣ дѣло шло не только о хозяйственной мѣрѣ, затрогивавшей тѣ или другіе имущественные интересы, но и о принципѣ, которымъ руководствовались люди, предлагавшіе эту мѣру и люди, отстаивавшіе прежній порядокъ. Извѣстно, что наше крестьянское сословіе, кромѣ уплаты разнаго рода прямыхъ и косвенныхъ податей и налоговъ, составляющихъ $^{9}/_{10}$ всего государственнаго прихода, несетъ еще всѣ натуральныя повинности, т.-е. ставитъ рекрутъ, чинитъ дороги, даетъ въ своихъ избахъ даровое помѣщеніе войскамъ и

возитъ на своихъ лошадяхъ начальствующихъ лицъ. Хотя со введеніемъ земскихъ учрежденій порядокъ этотъ не былъ измѣненъ законодательствомъ; но земскимъ учрежденіямъ дана возможность измѣнить его до извѣстной степени. Для этого стоило только замѣнить подводную и дорожную повинность денежнымъ сборомъ и распредѣлить ее между всѣми сословіями. Такъ какъ этотъ замѣнъ былъ выгоденъ для крестьянъ, то весьма естественно, что предложенія подобнаго рода прежде всего возникли въ уѣздныхъ собраніяхъ, гдѣ представители крестьянскаго сословія, составляя значительную часть гласныхъ, могли поддержать своими голосами людей, которые бы рѣшились пожертвовать, во имя справедливости, своими личными интересами. Такіе люди дѣйствительно нашлись и дѣйствительно многія уѣздныя собранія рѣшились облегчить такимъ образомъ крестьянскія повинности. Но за то губернскія собранія, имѣющія совершенно иной составъ, во многихъ мѣстностяхъ, старались всѣми мѣрами парализовать усилія уѣздныхъ и оставить прежній порядокъ. При этомъ случаѣ намъ необходимо указать причины такого развитія въ составѣ земскихъ собраній и то значеніе, которое имѣютъ вообще гласные отъ крестьянъ.

Не такъ давно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, — отличающемся въ своихъ сужденіяхъ болѣе либеральными фразами, нежели знаніемъ дѣла, — появилась ироническая характеристика плачевной роли, которую играютъ гласные отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ. Если вѣрить этой характеристикѣ, то гласные-крестьяне составляютъ только ненужный баластъ и умѣютъ лишь молча изъявлять свое согласіе на все, что угодно будетъ имъ приказать. Это конечно было бы очень плачевно, но это не совсѣмъ такъ. Дѣйствительно, гласные-крестьяне тамъ, гдѣ они составляютъ меньшинство, не имѣютъ никакого значенія. Не умѣя говорить не только либеральныхъ, но и никакихъ фразъ, они естественно молчатъ и соглашаются, зная, что плетью обуха не перешибешь. Но тѣмъ не менѣе интересы свои они понимаютъ очень хорошо и гдѣ между лицами говорящими найдется одинъ или двое такихъ, которые обращаютъ вниманіе и на ихъ интересы, они съ замѣчательнымъ единодушіемъ пристаютъ къ нимъ и при малѣйшемъ численномъ превосходствѣ одерживаютъ верхъ. Ниже намъ придется указать случай, гдѣ гласные отъ крестьянъ, составляя большинство въ собраніи, съ такимъ единодушіемъ отстаивали свои права противъ засѣдающаго вмѣстѣ съ ними начальства, что начальство это сдѣлало воззваніе къ высшей власти и дѣло кончилось судебнымъ разбирательствомъ, которое показало, какія мѣры употребляются иногда противъ лицъ, отстаивающихъ интересы крестьянскаго сословія. Обвиненные чуть не въ государственныхъ преступле-

ніяхъ, защитники крестьянскихъ интересовъ были оправданы высшей инстанціей суда, но ихъ дѣятельность была парализована.

Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ крестьянское сословіе имѣетъ весьма мало представителей, и это очень понятно; чтобы ѣхать въ губернскій городъ, особенно изъ дальнихъ уѣздовъ, нужно дѣлать значительныя траты, которыя крестьянамъ не подъ силу. Первое время, когда уѣздныя собранія считали себя вправѣ давать своимъ представителямъ денежныя пособія на проѣздъ, въ губернскіе гласные могли попасть и крестьяне; но этотъ порядокъ встрѣтилъ сильную оппозицію во многихъ губернскихъ собраніяхъ. Такъ какъ большинство ихъ состояло изъ людей достаточныхъ, то у нихъ естественно явилось желаніе обезпечить навсегда за достаточными классами преобладающее вліяніе. Это-то и было источникомъ краснорѣчивыхъ фразъ о необходимости безвозмезднаго служенія обществу и строгой бережливости въ расходованіи земскихъ суммъ, хотя въ данномъ случаѣ денежнымъ пособіемъ окупались только понесенныя издержки, а расходъ земства не превышалъ нѣсколькихъ сотъ рублей на уѣздъ. Защитникамъ безвозмезднаго служенія надо отдать справедливость въ томъ отношеніи, что они охотно отказывались отъ пятидесяти рублей въ годъ, которые могли получить въ качествѣ губернскихъ гласныхъ; но, конечно, когда дѣло шло о тысячахъ рублей, то и они находили безвозмездное служеніе практически неудобнымъ. Говоря объ этомъ «безвозмездномъ служеніи», мы невольно вспоминаемъ одно курьезное событіе, происшедшее два года тому назадъ въ тамбовскомъ губернскомъ собраніи, гдѣ элементъ ревнителей безвозмезднаго служенія былъ особенно многочисленъ. При введеніи земскихъ учрежденій въ Тамбовской губерніи, въ члены губернской управы былъ избранъ, между прочимъ, крестьянинъ Шишкинъ, избранъ очевидно для того, чтобы показать просвѣщенное покровительство крестьянскому сословію, что́, замѣтимъ кстати, часто дѣлалось въ первое время. Но вскорѣ (это было въ концѣ 1866 года) мода на такое покровительство прошла, и мѣсто, занимаемое Шишкинымъ, понадобилось другому. На слѣдующую сессію гласныхъ крестьянъ, лишенныхъ пособія отъ уѣздныхъ собраній, пріѣхало мало, и сторонники безвозмезднаго служенія обществу оказались въ огромномъ большинствѣ. Ревизуя отчетъ управы, собраніе нашло кое-какіе безпорядки, которые оно само называло незначительными; тѣмъ не менѣе послѣдовали мелкія объясненія, послѣ которыхъ предсѣдатель и нѣкоторые изъ членовъ управы заявили желаніе оставить службу, въ томъ числѣ генералъ-маіоръ Хавскій, завѣдывавшій именно тою частію, въ отчетности которой оказались безпорядки. Но собраніе усиленно упросило его остаться, а крестьянина Шишкина, который все время былъ въ разъѣздахъ, надсматривая за починкою дорогъ, само устранило отъ должности и даже представило сенату объ его

удаленіи, котораго однако не послѣдовало, ибо никакихъ причинъ къ этому не оказалось. Но дѣло не въ этомъ. По выходѣ прежняго предсѣдателя, которому собраніе, *несмотря на его просьбу*, не дало даже возможности объяснить встрѣченныя недоразумѣнія, приступили къ новымъ выборамъ и выбрали нѣкоего П. Б. Бланка, сотрудника газеты «Вѣсть» и слѣдовательно, уже по тому самому сторонника безвозмезднаго служенія. Дѣйствительно, г. Бланкъ тотчасъ послѣ избранія сказалъ по этому поводу нѣсколько весьма чувствительныхъ словъ, объяснивъ, что онъ всегда былъ противъ жалованья и если по необходимости рѣшается брать его, то проситъ назначить не больше, чѣмъ другимъ членамъ. Чтобы отблагодарить г. Бланка за это безкорыстіе, собраніе не только объявило ему содержаніе высшее сравнительно съ другими членами, но и увеличило въ полтора раза, сравнительно съ тѣмъ, что̀ получалъ прежній предсѣдатель. И г. Бланкъ не отказался ни отъ содержанія, ни отъ прибавки, хотя въ качествѣ предсѣдателя управы онъ и долженъ былъ знать, что увеличеніе жалованья послѣ выборовъ не только не прилично, но и противозаконно.

Въ 1866 году состоялось законодательное разъясненіе, которымъ назначеніе гласнымъ содержанія отъ земства положительно воспрещено, и съ тѣхъ поръ въ губернскія собранія могутъ попадать только люди зажиточные. Отъ этого иногда случается, что открытіе собраній откладывается по нѣскольку разъ за недостаткомъ установленнаго числа гласныхъ.

Очень понятно, что при такомъ составѣ губернскихъ собраній, переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя, не могло быть вездѣ принято сочувственно. Пользуясь протестами губернаторовъ (которые, при прежнемъ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, особенно охотно протестовали противъ замѣны натуральныхъ повинностей денежнымъ сборомъ), нѣкоторыя губернскія собранія кассировали постановленія уѣздныхъ. Такъ случилось въ Псковѣ, Тулѣ Тамбовѣ, Харьковѣ и пр. При этомъ почтенные представители земства находили себѣ сильную поддержку въ газетѣ «Вѣсть», которая съ особеннымъ азартомъ накидывалась на людей, желавшихъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія повинностей. Первое время на гласныхъ, считавшихъ болѣе удобнымъ чинить дороги наймомъ, нежели силою выгонять людей для ихъ починки, сыпались печатные и письменные доносы, ихъ называли коммунистами и соціалистами, въ ихъ предложеніяхъ видѣли колебанія основныхъ началъ общественнаго порядка, нарушеніе самыхъ драгоцѣнныхъ привилегій привилегированныхъ сословій.

Защитники натуральной повинности конечно не говорили прямо, что имъ жалко заплатить нѣсколько лишнихъ рублей; они обыкновенно прикрывались разными юридическими и хозяйственными сооб-

раженіями. Сперва доказывали, что замѣна натуральной повинности денежнымъ сборомъ можетъ быть сдѣлана не иначе, какъ съ согласія всѣхъ землевладѣльцевъ и съ утвержденія высшей власти, т.-е. тѣмъ порядкомъ, какой существовалъ до введенія земскихъ учрежденій; затѣмъ утверждали, что натуральная повинность можетъ быть замѣнена денежнымъ сборомъ, но привлекать къ этому сбору тѣ сословія, которыя ее прежде не отбывали, нельзя. Только когда оба эти соображенія были опровергнуты и дѣло разъяснено сенатомъ иначе, были пущены въ ходъ хозяйственные разсчеты, по которымъ выходило, что отбываніе натуральной повинности одними крестьянами гораздо выгоднѣе для этихъ послѣднихъ, нежели замѣнъ ее денежнымъ сборомъ, падающимъ на казенныя земли и на всѣ сословія. Это мудрое соображеніе не было, къ сожалѣнію, раздѣляемо самими крестьянами вѣроятно потому, что они съ одной стороны испытали на себѣ прелесть натуральной повинности, а съ другой знали, что при отправленіи ее наймомъ весь сборъ перейдетъ въ видѣ платы за работу въ ихъ же пользу, ибо никто другой на эту работу не пойдетъ, а количество ея отъ отдачи съ найма не увеличится.

Впрочемъ, чтобы показать въ надлежащемъ свѣтѣ приведенныя выше экономическія соображенія, достаточно сказать, что земскія собранія имѣютъ по закону право, не отмѣнивъ натуральной повинности, оцѣнить ее и сбавить съ крестьянскихъ земель соотвѣтственную часть сбора; но этого защитники хозяйственныхъ удобствъ натуральной повинности не дѣлаютъ. Изъ нашихъ словъ читатели вовсе не должны выводить заключенія, что усилія удержать натуральную повинность повторялись во всѣхъ губернскихъ собраніяхъ. Напротивъ, многіе изъ нихъ не только не препятствовали отмѣнѣ ея уѣздными собраніями, но и сами дѣлали тоже. Въ Полтавѣ и Симбирскѣ они сдѣлали это, несмотря на протесты губернаторовъ и вѣдомства государственныхъ имуществъ, которое также не особенно охотно подчинялось необходимости платить усиленный денежный взносъ, являвшійся слѣдствіемъ отмѣны натуральной повинности. Когда дѣло выяснилось окончательно, большинство губернскихъ собраній отнесло натуральныя повинности къ уѣзднымъ и затѣмъ уже не имѣло права вмѣшиваться въ ихъ отбываніе. Твердымъ осталось только одно харьковское губернское собраніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось и самымъ откровеннымъ. Коммиссія, избранная собраніемъ для обсужденія этого вопроса, прямо объяснила, что предметомъ обложенія долженъ быть трудъ и такъ какъ крестьянское сословіе самое трудящееся, то и вышло, что оно должно отбывать повинности въ усиленномъ размѣрѣ. Собраніе совершенно согласилось съ этимъ доводомъ и дорожная повинность осталась во всей губерніи на плечахъ крестьянъ. Чтобы достигнуть этого, харьковское губ. земское собраніе должно было при-

знать натуральную дорожную повинность губернскаго, что оно и сдѣлало. Въ силу этого распоряженія губернская управа, пребывая въ Харьковѣ, должна распредѣлить всѣ дороги въ губерніи по участкамъ между крестьянскими обществами, затѣмъ своевременно, смотря по состоянію погоды, распорядиться выгономъ крестьянъ во всѣхъ уѣздахъ и присмотрѣть за ихъ работами. Разумѣется, сдѣлать этого нельзя, и харьковскія дороги, если вѣрить заявленіямъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе по нимъ ѣздить, остаются вовсе безъ починки. Вслѣдствіе этого весною и осенью грязь непроходимая; но харьковское земство твердо стоитъ на этой грязной почвѣ.

Выше мы говорили, что переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя охотнѣе принимается въ уѣздныхъ собраніяхъ нежели въ губернскихъ; но и уѣздныя собранія не всегда могутъ сдѣлать это. Не говоря уже о случайностяхъ состава, иногда весьма неблагопріятнаго интересамъ крестьянскаго сословія, не малыя затрудненія къ проведенію подобныхъ мѣръ встрѣчаются со стороны предсѣдателей собраній. По закону, въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ предсѣдательствуютъ уѣздные предводители дворянства, которые иногда считаютъ своею обязанностію защищать исключительно интересы дворянскаго сословія и для поддержки этихъ интересовъ иногда весьма круто пользуются предсѣдательскою властью. Жалобы на узурпацію предсѣдательской власти послышались въ самыя первыя сессіи земскихъ собраній, и если нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ имѣли мелочной, личный характеръ, то другія были совершенно основательны. Иногда предсѣдатели, нисколько не скрывая своего презрѣнія къ представителямъ низшихъ классовъ, обнаруживали его въ самой дикой и неприличной формѣ. Въ одномъ уѣздномъ собраніи предсѣдатель обозвалъ представителя купеческаго сословія и притомъ городского голову безграмотнымъ, въ другомъ объяснилъ гласному отъ крестьянъ, опоздавшему придти въ собраніе, что тотъ долженъ «издыхать у дверей, дожидаясь его прихода» [1]). Но самыя серьезныя столкновенія предсѣдателей съ собраніями были именно въ тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдатели хотѣли остановить своею властью такую мѣру, которую они считали несоотвѣтствующею интересамъ дворянскаго сословія. Какъ мы уже сказали выше, отмѣна натуральныхъ повинностей была всегда оселкомъ, на которомъ можно было испытывать направленіе земскихъ собраній, и конечно эта мѣра могла всего скорѣе вызвать противодѣйствіе со стороны тѣхъ предсѣдателей, которые считали своею обязанностью отстаивать исключительныя сословныя привилегіи. Такъ это и было. Въ

[1]) Лица, передававшія намъ эти факты, ручались за ихъ достовѣрность и утверждали, что вслѣдствіе жалобъ со стороны обиженныхъ производятся формальныя изслѣдованія.

нѣкоторыхъ уѣздахъ, предсѣдатели прямо произносили свое veto противъ подобныхъ предложеній и прекращали самыя пренія, объявляя ихъ противозаконными. Такъ было въ Порховѣ, Лубнахъ, Богодуховѣ и пр. Въ богодуховскомъ собраніи, гдѣ предсѣдательствовалъ предводитель дворянства г. Карповъ, гласные, по преимуществу крестьяне, не захотѣли его послушаться, и онъ своею властію закрылъ собраніе. Этого мало. Г. Карповъ обвинилъ предсѣдателя и членовъ управы, сдѣлавшихъ ненавистное ему предложеніе, въ возбужденіи вражды между сословіями, слѣдствіемъ которой и были будто бы всѣ безпорядки, члены были удалены отъ должностей, предсѣдатель (г. Каразинъ) преданъ суду. Послѣдній актъ этой трагикомедіи происходилъ полгода тому назадъ въ публичномъ засѣданіи судебнаго департамента сената, докладъ дѣла и рѣчь защитника ясно показали присутствовавшимъ, какъ опасно бываетъ иногда проводить самыя легальныя мѣры, если онѣ идутъ въ разрѣзъ съ хорошо охраняемыми привилегіями. Г. Каразинъ, какъ мы слышали, оправданъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ въ продолженіи двухъ лѣтъ устраненъ отъ своей дѣятельности, а лица, обвинявшія его, остались цѣлы и невредимы.

Кромѣ натуральныхъ повинностей много хлопотъ надѣлало земскимъ собраніямъ обложеніе казенныхъ земель и лѣсовъ и частныхъ фабрикъ и заводовъ. Извѣстно, что наши казенныя земли и лѣса приносятъ очень мало даже валового дохода, такъ мало, что, несмотря на осторожность, съ которою земскія собранія облагаютъ земли личныхъ владѣльцевъ, вѣдомство государственныхъ имуществъ, по собственному его сознанію, не можетъ вынести и такого налога, который выносятъ личные владѣльцы. Это чистосердечное сознаніе представителей вѣдомства государственныхъ имуществъ, вмѣсто того, чтобъ поощрить ихъ начальство къ изысканію мѣръ къ устраненію бездоходности казенныхъ земель и лѣсовъ, заставляетъ его только домогаться ограниченія права земскихъ собраній облагать казенныя имущества наравнѣ съ частными. Разсказывать подробно исторію этихъ домогательствъ не стоитъ; они происходили *во всѣхъ губерніяхъ* и вездѣ имѣли одинаковый характеръ. Представители вѣдомства государственныхъ имуществъ съ полной откровенностью заявляли, что находящіеся въ ихъ управленіи земли и лѣса не могутъ выносить земскаго налога, ибо приносятъ очень мало дохода. Въ этомъ отношеніи они болѣе чѣмъ правы, такъ какъ en masse эти земли и лѣса вовсе дохода не приносятъ, потому что весь онъ идетъ на администрацію мѣстную и центральную, а есть губерніи, гдѣ его не хватаетъ и на одну мѣстную. Но земскія собранія, не оспаривая факта бездоходности, съ своей стороны заявляли, что бездоходность эта не можетъ мѣшать уплачивать налогъ, ибо иначе тѣмъ же будутъ отговариваться и частныя лица.

Послѣ обмѣна этихъ соображеній слѣдовалъ иногда протестъ, и

тогда дѣло переносилось въ сенатъ, который неуклонно объяснялъ, что по закону казенныя земли подлежатъ обложенію наравнѣ съ частными, и что фактическая бездоходность, завися отъ способовъ управленія, не можетъ препятствовать нормальной оцѣнкѣ, если только эта оцѣнка будетъ одинакова какъ для казенныхъ, такъ и для частныхъ земель. Такимъ образомъ, платить все-таки приходилось. Это конечно вполнѣ законно и отчасти полезно въ томъ отношеніи, что такимъ способомъ рельефно обрисовывалось странное положеніе вѣдомства государственныхъ имуществъ, затрачивающаго болѣе чѣмъ получаетъ, но въ видахъ общей равномѣрности въ распредѣленіи налоговъ можно было бы желать и иного. Дѣло въ томъ, что земскій налогъ на казенныя земли и лѣса, такъ или иначе, выплачивается изъ государственнаго казначейства, слѣдовательно 90% его получается съ крестьянъ, а еслибы онъ распредѣлялся земствомъ на частныя имущества, то крестьянамъ пришлось бы платить 4/5. Первое время въ земскихъ собраніяхъ много было толковъ о томъ, что казенныя земли слѣдовало бы передать въ руки земства. Новоузенское уѣздное собраніе предложило даже правительству продать ему эти земли, такъ какъ они сдавались за ничтожную плату нѣсколькимъ крупнымъ капиталистамъ, которые уже въ свою очередь сдавали ихъ по участкамъ мелкимъ съемщикамъ, увеличивая арендную плату въ 5 и 6 разъ. При такихъ обстоятельствахъ покупка земель земствомъ для отдачи изъ первыхъ рукъ мелкимъ арендаторамъ принесла бы несомнѣнную выгоду краю. Дѣло было почти устроено, разрѣшеніе состоялось и переговоры шли только объ условіяхъ, но это предпріятіе грозило большими невыгодами крупнымъ землевладѣльцамъ, которые были бы поставлены въ необходимость понизить арендную плату и за свои земли.

III.

Ни одинъ «вопросъ» не надѣлалъ въ средѣ земствъ такъ много шуму, какъ вопросъ объ участіи въ земскомъ налогѣ торговаго сословія. Въ началѣ своей дѣятельности земскія собранія особенно охотно облагали сборомъ торговыя свидѣтельства и промышленныя заведенія. Въ этомъ отношеніи интересы личныхъ и общинныхъ землевладѣльцевъ совершенно сходились, а гласныхъ отъ городовъ всегда такъ мало, что на ихъ жалобы можно было и не обращать вниманія. Но жалобы эти были услышаны, и послѣдовалъ законъ, по которому съ торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ позволялось брать не болѣе 25 и 10%, а фабрики и заводы оцѣнять только какъ строенія. Это-то и есть законъ 21 ноября 1866 г., который былъ признанъ земскими собраніями

за самое обидное нарушеніе правъ земства и вызвалъ въ средѣ его такъ много жалобъ, протестовъ, заявленій, ходатайствъ, хорошихъ словъ и дурныхъ дѣйствій. Эти дурныя дѣйствія состояли въ томъ, что нѣкоторыя земскія собранія, въ виду грозящей потери доходовъ, сократили расходы на народное здравіе и народное образованіе, и притомъ въ такомъ размѣрѣ, что сокращенія оказались чуть не значительнѣе ожидаемыхъ пользъ. Обращаясь теперь спокойно и безпристрастно къ обсужденію даннаго вопроса, мы должны сказать, что кое-что здѣсь носило совершенно не нужную печать аффектаціи, и иногда самое дѣло было очевидно только поводомъ къ либеральнымъ фразамъ сомнительной искренности. Но если нѣкоторыя изъ заявленій, сдѣланныхъ по поводу закона 21 ноября, и способны были вызвать улыбку на лицѣ спокойнаго наблюдателя, если взглядъ земскихъ собраній на этотъ законъ, какъ на ограниченіе ихъ правъ, и представляется весьма оригинальнымъ, ибо все право состояло въ собираніи денегъ съ самихъ себя, и если, наконецъ, въ нѣкоторыхъ жалобахъ ясно проглядывалъ чисто личный интересъ въ сокращеніи собственныхъ расходовъ, то съ другой стороны, нельзя не согласиться въ томъ, что наши законодательныя правила, опредѣляющія степень участія торговаго сословія въ расходахъ земства крайне неудовлетворительны. Только дѣло здѣсь не въ размѣрѣ, а въ способѣ налога. Еслибы земскимъ собраніямъ было предоставлено облагать дѣйствительно торговый капиталъ или доходъ, а не торговое свидѣтельство или патентъ; еслибы этотъ налогъ одинаково падалъ какъ на фабрики и заводы, такъ и на лавки съ товарами, и еслибы затѣмъ уже, въ виду малочисленности представителей городского сословія въ средѣ земства, была установлена норма отношенія къ налогу съ земель, то эта норма была бы полезнымъ охраненіемъ интересовъ торговли и промышленности и никто не смѣлъ бы сказать противъ нея ни слова. Но законодательство наше сохранило въ земскомъ налогѣ на торговлю и промышленность ту-же систему, которая существуетъ и въ государственномъ налогѣ, и которая соотвѣтствуетъ воспрещенной для земскихъ собраній душевой раскладкѣ прямыхъ податей. Благодаря этой системѣ, бѣднякъ, откупившійся взносомъ гильдейскихъ денегъ отъ рекрутства, и торговецъ, ведущій въ своей мѣстности сто-тысячный оборотъ обложены одинаковыми сборами, и этотъ-то сборъ остался нормою для земскаго налога.

Самый законъ 21 ноября былъ особенно неудобенъ тѣмъ, что его почти вездѣ пришлось примѣнять въ то время, когда уѣздныя смѣты и раскладки были уже составлены на старыхъ основаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это дѣйствительно вызвало большія затрудненія, ибо пришлось созывать собранія вновь. Между тѣмъ, поспѣшность въ

примѣненіи этого закона вовсе не была нужна. До какой степени легко можно было ее избѣжать, — показываетъ примѣръ Владимірской губерніи. Тамъ губернаторъ, открывая губернское собраніе, *забылъ* привезти съ собою письменный протестъ противъ раскладокъ уѣздныхъ собраній, неуспѣвшихъ примѣнить законъ 21-го ноября. Когда онъ, воротясь домой, прислалъ этотъ протестъ съ курьеромъ, первое засѣданіе собранія уже окончилось и протестъ рѣшеніемъ сената признанъ недѣйствительнымъ, такъ какъ, по закону, онъ долженъ быть предъявленъ при самомъ открытіи собранія. Такимъ образомъ, во Владимірской губерніи законъ 21-го ноября въ 1867 г. примѣненъ не былъ. Стоило всѣмъ губернаторамъ забыть свои протесты, и никакихъ затрудненій не произошло бы.

Чтобы показать наглядно, какъ составляются обыкновенно смѣты и раскладки и въ какомъ размѣрѣ участвуютъ въ обложеніи различныя сословія, мы приведемъ въ примѣръ раскладки, дѣйствующія въ настоящемъ году въ уѣздахъ Петербургской губерніи. Прежде всего съ торговли и промысловъ берутся цѣликомъ тѣ 25 и 10%, которые дозволены закономъ; затѣмъ налогъ на земли распредѣляется по системѣ, принятой губернскимъ собраніемъ для разверстки губернскаго сбора между уѣздами. Система эта очень проста: всѣ земли раздѣляются на два разряда: къ первому относятся земли усадебныя, пашни, луга и земли подъ желѣзными дорогами; ко второму—всѣ другія. Цѣнность первыхъ опредѣляется капитализаціею изъ 6% оброка за десятину высшаго крестьянскаго надѣла въ различныхъ мѣстностяхъ; средняя цѣнность вторыхъ назначается въ 5 руб. 25 коп. (какъ она принимается въ залогъ по казеннымъ подрядамъ), и эта цѣнность повышается и понижается соразмѣрно цѣнамъ земель перваго разряда. Такимъ образомъ, земли первой категоріи оцѣняются по разсчету высшаго дохода, который предоставило правительство помѣщикамъ не только за отчужденіе крестьянской земли, но и за потерю крестьянскаго труда, земли же второй категоріи оцѣняются по низшей нормѣ, какую казна можетъ принять для этихъ земель, не боясь потерь. Поэтому съ земель первой категоріи, безъ различія ихъ качества собирается, смотря по расходамъ уѣздовъ, въ Петергофскомъ, Лужскомъ и Новоладожскомъ отъ 8 до 10 коп., а въ Ямбургскомъ, Царскосельскомъ и Шлиссельбургскомъ отъ 18 до 20 к. съ десятины; земли же второй категоріи платятъ въ 7 разъ меньше. А такъ какъ у крестьянъ всѣ земли принадлежатъ къ первой категоріи, а у помѣщиковъ большая часть ко второй, то размѣръ участія различныхъ сословій въ земскомъ налогѣ совершенно ясенъ; остается только дополнить, что о зачетѣ натуральныхъ повинностей въ пересчитанныхъ нами уѣздахъ нѣтъ и помину, и ихъ всецѣло несетъ на своихъ плечахъ крестьянское сословіе.

Въ одной изъ нашихъ газетъ былъ, года два тому назадъ, разсказанъ одинъ случай, который въ настоящее время совершенно кстати будетъ припомнить.

19-го февраля 1867 года, крестьяне одного селенія во Владимірской губерніи, до тѣхъ поръ исправно отбывавшіе свои подати и повинности, вдругъ всѣ собрались уходить. На вопросъ властей о причинахъ такого рѣшенія, они отвѣчали, что по закону они обязаны владѣть землею 9 лѣтъ, но вышедшимъ четыре года назадъ всемилостивѣйшимъ манифестомъ срокъ наказанія каторжнымъ сокращенъ на одну треть; примѣняя къ себѣ этотъ манифестъ, они считаютъ и себя свободными не черезъ девять, а черезъ шесть лѣтъ....

При такомъ положеніи дѣлъ, мы конечно не сочтемъ себя вправѣ винить земскія учрежденія за то, что имъ приходится примѣняться къ общей системѣ государственныхъ налоговъ, т.-е. облагать подъ видомъ крестьянскихъ земель крестьянскій трудъ, но мы желали бы, чтобъ они сознавали всю ненормальность такого порядка вещей, старались по возможности исправить и не скрывали передъ обществомъ настоящаго положенія дѣлъ, которое они могутъ знать лучше нежели кто-либо.

Послѣднее требованіе уже было полтора года тому назадъ заявлено въ петербургскомъ губернскомъ собраніи. Одинъ изъ гласныхъ предложилъ управѣ уяснить, насколько платежныя средства населенія Петербургской губерніи соотвѣтствуютъ лежащимъ на немъ налогамъ. Предложеніе это, вѣроятно вслѣдствіе его щекотливости, не было поддержано, но вопросъ, который въ немъ заключался, будетъ постоянно тревожить земскія собранія до тѣхъ поръ, пока они наконецъ будутъ вынуждены дать на него прямой и категорическій отвѣтъ. Мы боимся только, что отвѣтъ будетъ данъ слишкомъ поздно, когда дѣло будетъ трудно поправить.

Петербургская губернская управа представила между прочимъ собранію въ нынѣшнюю сессію сводъ уѣздныхъ земскихъ смѣтъ и свѣдѣнія о количествѣ прямыхъ податей, собираемыхъ въ губерніи. Оказывается, что маленькая, неплодородная Петербургская губернія, имѣющая, не считая Петербурга, двѣсти тысячъ ревизскихъ душъ крестьянъ, вноситъ ежегодно 550 тысячъ казенныхъ податей и почти столько-же земскихъ. Изъ этой суммы 700 тысячъ падаетъ на земли, и притомъ $^{9}/_{10}$ на земли крестьянъ (это именно бóльшая часть земскаго налога, вся сумма котораго не превышаетъ 170 тысячъ и затѣмъ 530 тысячъ прямыхъ податей, которыя разсчитываются подушно и слѣдовательно падаютъ на однихъ крестьянъ). При этомъ не берутся въ разсчетъ ни налоги, собираемые въ видѣ акциза на вино и соль, ни паспортный налогъ, ни натуральныя повинности, особенно обремени-

тельныя при огромномъ количествѣ квартирующихъ въ Петербургской губерніи войскъ и неблагопріятномъ для устройства дорогъ грунтѣ, ни помѣщичьи платежи, которые вмѣстѣ съ оброчною податью государственныхъ крестьянъ далеко превышаютъ прямыя казенныя подати и земскій сборъ взятые вмѣстѣ.

Страшно подумать, какая цифра образовалась бы, еслибы мы захотѣли выразить въ рубляхъ то, что́ платитъ такъ или иначе крестьянское населеніе Петербургской губерніи. «А между тѣмъ, по словамъ той же петербургской управы, оказывается, что, какъ ни бѣдны наши города, какія бы неудобства ни терпѣли наши промышленность и торговля, но экономическое положеніе мѣщанъ и вообще горожанъ представляется менѣе шаткимъ нежели положеніе крестьянъ. У этихъ природныхъ сельскихъ хозяевъ, продолжаетъ управа, сельское хозяйство большею частію въ такомъ положеніи, что средній урожай ржи не даетъ болѣе трехъ зеренъ, а овса двухъ и двухъ съ половиной зеренъ; и каждое неблагопріятное состояніе атмосферы подвергаетъ цѣлые волости и уѣзды не затрудненію только, а даже голоду. Въ заключеніе, сама управа предвидитъ то время, когда придется выбирать повинности не изъ дѣйствительныхъ доходовъ хозяйства крестьянъ, а исключительно изъ ихъ личныхъ заработковъ, въ случаѣ же неисправности учреждать особыя работы, гдѣ бы цѣлыя общества недоимщиковъ отработывали свои недоимки».

Однимъ словомъ, дѣло идетъ въ будущемъ о сельскомъ пролетаріатѣ—величайшемъ изъ всѣхъ золъ, какое только можетъ угрожать обществу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е марта, 1870.

Ожиданія Европы отъ конституціоннаго переворота во Франціи.—Поземельный вопросъ въ Ирландіи. — Проектъ новаго закона о народномъ образованіи въ Англіи.—Вопросъ о смертной казни въ Сѣверо-германскомъ парламентѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи поголовная подача голосовъ совершила серьезный поворотъ противъ такъ-называемаго «личнаго правительства», по всей Европѣ проявилось нѣкоторое успокоеніе относительно разныхъ дипломатическихъ переговоровъ по вопросамъ иностранной политики: въ газетахъ стали рѣже появляться слухи о возможности войны между разными державами, кое-гдѣ состоялись попытки сдѣлать твердый шагъ по пути ко всеобщему обезоруженію, молва гласила даже, что между европейскими дворами началась, будто бы, переписка объ одновременномъ сокращеніи армій во всѣхъ государствахъ разомъ, или—если такой переписки нѣтъ, то она непремѣнно будетъ, такъ какъ проектъ переговоровъ уже составленъ парижскимъ кабинетомъ. Отъ времени до времени, эти миролюбивыя заявленія прерывались тяжкими сомнѣніями о возможности второго *coup d'état* во Франціи, за которымъ—въ случаѣ удачи—всѣ ожидали новыхъ проявленій наполеоновской воинственности и въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Внѣшнюю войну политическіе врачи продолжаютъ считать хорошимъ «отвлекающимъ» средствомъ—въ родѣ мушки—противъ внутреннихъ хроническихъ недуговъ. Но, къ счастію, старая рутина лишилась уже довѣрія въ Тюльери, и французскому народу открылся новый путь осуществить свои живѣйшія желанія безъ потрясеній, безъ кровопролитія, посредствомъ свободнаго слова, убѣжденія въ печати, на публичныхъ сходкахъ, въ законодательномъ корпусѣ. Одно *открытіе* этого пути произвело весьма сильное впечатлѣніе на умы всѣхъ государственныхъ людей въ Европѣ; все, что есть либеральнаго въ Европѣ, громко привѣтствовало «новую эру» второй имперіи, видя въ министерствѣ Олливье нѣкоторый залогъ

широкихъ преобразованій во Франціи и ожидая отъ этихъ преобразованій прочныхъ гарантій всеобщаго мира въ Европѣ. Несмотря на всѣ препятствія, какъ предусмотрѣнныя, такъ и непредвидѣнныя, новый парижскій кабинетъ оправдываетъ отчасти надежды европейскихъ политиковъ, и этого уже достаточно для нихъ, чтобы начать самый суровый походъ противъ французскихъ республиканцевъ. И вотъ что замѣчательно. За исключеніемъ англійской прессы, печать во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ одобряетъ министерство Олливье даже въ дѣлѣ преслѣдованія Рошфора за его рѣзкую статью въ «Марсельёзѣ». Что же касается до послѣдней революціонной попытки въ Парижѣ, она осуждается всею Европою, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта попытка является какъ бы прямымъ послѣдствіемъ настойчивости кабинета Олливье. Общественное мнѣніе во Франціи почти единодушно осуждало министровъ за преслѣдованіе статьи Рошфора; также единодушно карало оно министровъ по поводу послѣднихъ безпорядковъ, вызванныхъ арестомъ Рошфора, и только въ самое послѣднее время, послѣ новыхъ откровенныхъ, либеральныхъ заявленій кабинета, опять стало поддерживать свое новое конституціонное правительство. И теперь, впрочемъ, раздаются голоса противъ напрасныхъ арестовъ по поводу какого-то заговора, еще не разъясненнаго со дня (8-го февраля) парижскихъ баррикадъ. Но эти голоса касаются лишь этого спеціальнаго вопроса, а не вопроса о парламентскомъ характерѣ министерства вообще.

Въ своемъ ревностномъ желаніи мира, европейская пресса дошла до того, что стала совѣтовать французскимъ конституціоналистамъ принять энергическія мѣры противъ революціонныхъ республиканцевъ въ защиту министерства Олливье. И эти совѣты, особенно англійскихъ газетъ, не остались безъ послѣдствій. Даже чудовищный проектъ лондонской газеты «Times» о побиваніи республиканцевъ дубинами встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ въ «Figaro», которая и подала мысль объ учрежденіи особаго общества—Société des gourdins réunis, — члены котораго, вооруженные кольями, выходили бы на улицу всякій разъ, когда тамъ собираются толпы бунтующихъ людей и разгоняли бы бунтовщиковъ по домамъ. «Times» безцеремонно утверждала, что еслибъ Рошфора, вмѣсто отправленія въ тюрьму, подвергнуть палочнымъ ударамъ отъ руки «друзей порядка», и еслибъ ему дубиною даже проломили голову, то вся его популярность рушилась бы разомъ, такъ какъ тогда все дѣло приняло бы характеръ простой уличной драки, въ которой побитая сторона никогда не признается правою и даже подвергается осмѣянію. Рошфоръ съ разбитою головою—какъ смѣшно!... Впрочемъ, если отбросить цинизмъ лондонской газеты въ сторону и если представить себѣ, что полиція находится подъ контролемъ и въ полномъ распоряженіи самого общества—

какъ это дѣйствительно существуетъ въ Англіи—то въ такомъ случаѣ совѣтъ «Times» явится предъ нами совершенно въ иной формѣ, и тогда «Марсельёзѣ» не нужно было бы спрашивать министра юстиціи,— въ отвѣтъ на вышеупомянутое приглашеніе «Figaro», — что́ онъ скажетъ, если республиканцы, «въ свою очередь», образуютъ контръ-общество, которое будетъ имѣть въ редакціяхъ своихъ газетъ добрый запасъ палокъ, чтобы помѣряться силою и ловкостію съ членами буржуазнаго общества «Figaro». «Министерство—не правда-ли? (прибавляетъ органъ Рошфора) — постарается увидѣть въ этомъ заговоръ, имѣющій цѣлію измѣнить образъ правленія». Пока полиція во Франціи остается въ прямой и безпрекословной зависимости отъ правительства, пока она неподсудна обыкновеннымъ судамъ, по иску каждаго гражданина, считающаго себя почему-либо обиженнымъ тою или другою полицейскою властію, пока ей предоставлено право распоряжаться своими «головоломами» (casse-tête) почти безнаказанно,—до тѣхъ поръ всякія общества дубинъ, проектируемыя въ какой-нибудь редакціи, такъ и останутся проектами, потому что въ члены такихъ обществъ могутъ поступить лишь люди, готовые стоять за всякій порядокъ, подобно оффиціальной полиціи. Охранять порядокъ и общественное спокойствіе—дѣло несомнѣнно превосходное, такъ какъ только порядокъ и спокойствіе способствуютъ прочному и мирному преуспѣянію всякого народа по пути умственнаго и матеріальнаго развитія. Но порядокъ порядку рознь, и есть такіе порядки и такое спокойствіе, которые противны общественному прогрессу, хотя могутъ приносить значительную пользу тому, кому полезно всякое личное право, основанное на физической силѣ, всякое общественное безмолвіе и ослѣпленіе, обусловленныя чувствомъ не то страха, не то раболѣпія. За исключеніемъ Англіи, во всей Европѣ только въ одной Швейцаріи, кажется, простые граждане являются изрѣдка на защиту порядка и спокойствія, но и въ Швейцаріи полиція имѣетъ чисто исполнительный характеръ и находится въ зависимости отъ общественныхъ и судебныхъ учрежденій. Вездѣ же, гдѣ полиція играетъ роль начальства надъ публикою, гдѣ ей самой предоставлено право преслѣдовать гражданъ судомъ за нарушеніе сочиняемыхъ ею правилъ, а граждане остаются безъ всякихъ средствъ защиты противъ стѣснительныхъ предписаній и дѣйствій полиціи, — тамъ общество не станетъ добровольно содѣйствовать даже самымъ благотворнымъ усиліямъ полиціи. Тамъ общество не участвуетъ въ устроеніи того или другого полицейскаго порядка, и, поэтому, почти не заинтересовано въ его охраненіи, оно только терпитъ его, пользуется его хорошими сторонами, но своимъ собственнымъ не признаетъ и защищать его, слѣдовательно, не имѣетъ никакой охоты.

Вопросъ объ отношеніи полиціи къ мѣстному самоуправленію и

къ суду подвергнется, вѣроятно, подробной разработкѣ въ коммиссіи, назначенной французскимъ правительствомъ для составленія проекта новаго закона о самоуправленіи. Имя предсѣдателя этой коммиссіи, строгаго и честнаго конституціоналиста, Одиллона Барро, ручается за то, что коммиссія обратитъ серьезное вниманіе на вопросъ объ администраціи въ смыслѣ ограниченія ея власти. Само министерство усердно заботится о введеніи административной власти въ ея естественныя границы, и уже выработало въ этомъ направленіи два весьма важныхъ закона, изъ которыхъ одинъ лишаетъ правительство права ссылать людей въ Кайенну безъ всякаго суда и слѣдствія, а другой отмѣняетъ законъ объ общественной безопасности, который предоставлялъ администраціи право обыскивать, арестовать и бросать въ тюрьму всякаго «подозрительнаго» человѣка. Къ чести нынѣшняго французскаго правительства слѣдуетъ сказать, что оно отказывается отъ подобныхъ чрезвычайныхъ правъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ императоръ Наполеонъ III, въ прежнее время, ввелъ эти самые несправедливые и варварскіе законы: первый изъ нихъ установленъ вскорѣ послѣ государственнаго переворота 1851 г., а второй проведенъ въ законодательномъ корпусѣ въ 1858 году, въ отмщеніе обществу за покушеніе Орсини.

Что полиція не должна играть начальнической роли надъ земскими учрежденіями, а должна, напротивъ, являться вѣрнымъ исполнителемъ ихъ рѣшеній,—въ этомъ начинаютъ убѣждаться не только во Франціи, но и въ другихъ крупныхъ государствахъ Европы. Въ Пруссіи контроль надъ полиціею въ округахъ палата депутатовъ рѣшилась передать окружному начальнику (Amtshauptmann) и земскому совѣту, члены котораго, какъ и самъ окружной начальникъ, избираются и назначаются не правительствомъ, а мѣстными избирателями. Правда, законъ, заключающій въ себѣ подобныя постановленія, еще не утвержденъ окончательно, однако прусскіе либералы получили уже отъ перваго министра обѣщаніе сдѣлать имъ всевозможныя уступки по этому вопросу. И графъ Бисмаркъ, слѣдовательно, понимаетъ, что сила полиціи заключается не въ отчужденіи ея отъ остальныхъ учрежденій и самого общества, а скорѣе въ подчиненіи ея общественному надзору, земскимъ и городскимъ выборнымъ властямъ.

Какъ-бы то ни было, даже самая лучшая полиція лишается довѣрія со стороны общества или части его, если въ обществѣ произойдетъ слишкомъ глубокій разладъ между отдѣльными слоями его. Это мы видимъ, напримѣръ, въ нынѣшней Ирландіи, гдѣ чуть не ежедневно совершаются ужасныя злодѣйства, а виновныхъ все нѣтъ какъ нѣтъ. Правда, полиціи удается захватывать подозрительныхъ лицъ, но у нея на лицо оказывается такъ мало свидѣтелей, что присяжные не соглашаются ставить столь суровый приговоръ, какъ обвиненіе въ

аграрномъ злодѣйствѣ. Есть доказательство, впрочемъ, того, что присяжные засѣдатели просто не желаютъ обвинять кого-бы то ни было въ преступленіяхъ, вызываемыхъ неправильными и несправедливыми отношеніями между землевладѣльцами и земледѣльцами. Когда общественный разладъ доходитъ до такой высокой степени, полиція, въ глазахъ угнетенной стороны, становится лишь пособникомъ угнетателей, и потому о довѣріи къ ней не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока не измѣнены дурные законы, существованіе которыхъ обусловило и поддерживаетъ упомянутый сословный антагонизмъ. Нынѣшнее британское министерство отлично понимаетъ настоящія отношенія между обществомъ и полиціею въ Ирландіи и, не прибѣгая къ насильственнымъ, начальническимъ мѣрамъ, которыя могутъ лишь усилить раздраженіе и подозрительность общества, спѣшитъ провести чрезъ лондонскій парламентъ билль о поземельныхъ отношеніяхъ въ Ирландіи, который имѣетъ цѣлію удовлетворить справедливыя притязанія ирландскаго крестьянина, какъ живущаго на помѣщичьей землѣ въ качествѣ арендатора, такъ и простого, безземельнаго земледѣльческаго рабочаго.

Изъ двадцати милліоновъ акровъ [1]) всей земной поверхности Ирландіи, подвергаются воздѣлыванію около пятнадцати, которые предоставлены для этой цѣли 600 тысячамъ арендаторовъ, занимающихъ арендуемыя ими земли на взаимныхъ условіяхъ съ землевладѣльцами (ихъ около 8 тысячъ). Это «занятіе» земли опредѣляется въ Ирландіи троякимъ образомъ: контрактами, обычаемъ и волею помѣщиковъ. Первый видъ сдѣлокъ распространенъ весьма мало: только два процента аренды подходятъ подъ этотъ разрядъ; вообще говоря, ирландскіе помѣщики не любятъ заключать контрактовъ съ арендаторами, и доставляютъ это «преимущество» лишь арендаторамъ зажиточнымъ, обработывающимъ почву при помощи наемныхъ рабочихъ,—изъ числа этихъ арендаторовъ рѣдкій занимаетъ менѣе 200 акровъ земли.

Второй разрядъ арендаторовъ — около тридцати процентовъ всего числа—держится на землѣ силою обычая, прототипомъ котораго служитъ олстерскій (Ulster). Обычай этотъ установился въ Олстерѣ еще во времена Іакова I, когда состоялось заселеніе этой провинціи шотландскими земледѣльцами. Въ настоящее время этотъ обычай одинаково примѣняется ко всѣмъ арендаторамъ, къ какому бы племени или религіи они ни принадлежали, и онъ занесенъ изъ Олстера въ остальныя три провинціи Ирландіи. Фермеры, живущіе на такой землѣ, не заключаютъ никакихъ письменныхъ договоровъ съ владѣльцами, но тѣмъ не менѣе имѣютъ увѣренность въ томъ, что пока они платятъ свою арендную плату, никто не осмѣлится согнать ихъ съ занимае-

[1]) Акръ равняется одной трети десятины.

мой ими земли, и что, передавая свою ферму другому, они получатъ отъ новаго фермера хорошій кушъ за выѣздъ и приличное вознагражденіе за всѣ улучшенія, введенныя ими на своихъ участкахъ. Общая денежная сумма этихъ правъ на землю опредѣляется по взаимному соглашенію между удаляющимся фермеромъ и въѣзжающимъ. Обычай этотъ имѣетъ силу во всякомъ случаѣ, покидаетъ ли фермеръ свою землю по собственному желанію, или по требованію землевладѣльца, когда арендаторъ почему-либо прекращаетъ взносъ арендной платы въ условленные сроки. Въѣзжающій фермеръ берется уплатить долги удаляющагося;—этотъ фермеръ не можетъ, однако, занять землю безъ предварительнаго согласія владѣльца. Согласіе владѣльца требуется также во всѣхъ случаяхъ, когда арендаторъ желаетъ отдѣлить на своей фермѣ какой-нибудь участокъ земли для другого лица, или раздѣлить ферму между своими сыновьями. Смерть фермера не прекращаетъ его притязаній на землю, и его семьѣ предоставляется право назначить кого-либо изъ дѣтей главнымъ распорядителемъ фермы; всѣ другія дѣти получаютъ опредѣленную долю изъ той суммы денегъ, которую ихъ отецъ далъ при въѣздѣ,—вступившій въ управленіе фермою наслѣдникъ обязывается выдать эту сумму своимъ братьямъ и сестрамъ. Такимъ образомъ, слѣдуя обычаю, ни одинъ олстерскій арендаторъ не можетъ быть согнанъ съ земли, безъ возвращенія ему по крайней мѣрѣ, той суммы денегъ, какую онъ внесъ при въѣздѣ въ ферму. Высчитываютъ, что вся сумма такимъ образомъ употребленныхъ денегъ простирается до 15 или 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (слишкомъ 100 милліоновъ рублей). Весь этотъ громадный вкладъ не обезпеченъ положительнымъ закономъ, и фермеры не могутъ искать удовлетворенія своихъ арендаторскихъ правъ въ мѣстныхъ судахъ. Благодаря этому обстоятельству, всякій разъ, когда земля съ олстерскимъ обычаемъ переходитъ въ руки какого-нибудь «дурного» владѣльца (bad landlord), то-есть, такого, который придерживается относительно поземельной собственности такихъ же понятій, какія существуютъ относительно собственности промышленной,—права арендаторовъ, освященныя обычаями, подвергаются нарушенію или вслѣдствіе желанія владѣльца «очистить» свое помѣстье, или вслѣдствіе непомѣрнаго или безпрестаннаго повышенія арендной платы. Не имѣя защиты въ судахъ, фермеры стараются охранить свои обычныя права путемъ насилія надъ «дурными» помѣщиками или ихъ управляющими, и они ведутъ эту тайную, кровавую борьбу съ такимъ искусствомъ и столь дружно, что полиція только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаетъ на слѣды преступниковъ.

Третій разрядъ ирландскихъ фермеровъ находится еще въ болѣе дурномъ положеніи, такъ какъ они предоставлены въ полную зависимость отъ помѣщичьей воли, — эти арендаторы такъ и называются:

«tenants-at-will»; ихъ не защищаетъ ни письменный договоръ, ни обычай, ихъ можно согнать съ земли въ полугодовой срокъ, ихъ можно держать въ самомъ приниженномъ состояніи, посредствомъ угрозъ изгнаніемъ съ земли. Правда, и эти фермеры составили между собою негласный союзъ противъ землевладѣльцевъ и ихъ управляющихъ, но тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ крайне необезпеченное, и изъ ихъ-то рядовъ многіе предпочитаютъ переселеніе въ Соединенные Штаты кровавой мести надъ обидчиками. Не слѣдуетъ забывать, что эти самые арендаторы лишаются часто своего участка послѣ того, когда они вложили въ него не только значительный трудъ, но и капиталъ, сбереженный съ большими лишеніями; онъ строится на землѣ, обильно унаваживаетъ почву, роетъ канавы, обращаетъ пустынныя или болотистыя мѣста въ плодородныя поля, обводитъ ихъ прочными изгородями, обзаводится дорогимъ скотомъ,—и вотъ, наконецъ, когда онъ уже начинаетъ получать нѣкоторые результаты своихъ неусыпныхъ заботъ и стараній, и ждетъ съ радостью добраго вознагражденія за свое прилежаніе,—онъ вдругъ получаетъ отъ собственника земли повѣстку о такомъ повышеніи арендной платы, которое разомъ разбиваетъ всѣ его справедливыя надежды и напоминаетъ объ оскорбительной зависимости отъ тунеядца-владѣльца, не дающаго свободно вздохнуть своимъ арендаторамъ. Такое несчастное, необезпеченное положеніе фермера составляетъ главную причину того, что почва въ Ирландіи воздѣлана хуже, чѣмъ въ Англіи и Шотландіи, — вмѣсто того, чтобы употребить свои сбереженія на обработку земли, ирландскіе фермеры предпочитаютъ нести ихъ въ мѣстные банки даже за самый ничтожный процентъ. Консервативный журналъ «Quarterly Review» указываетъ на фактъ возрастанія итоговъ вкладовъ въ ирландскихъ банкахъ, какъ на доказательство процвѣтанія Ирландіи, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, почва Ирландіи постоянно бѣднѣетъ на всю ту сумму, которую фермеры несутъ въ мѣстные банки, и которую они вложили бы въ землю, еслибъ были обезпечены въ своемъ правѣ на всѣ результаты воздѣлыванія почвы.

Кромѣ положенія описанныхъ трехъ разрядовъ фермеровъ, вниманіе британскихъ политиковъ было обращено еще на бытъ земледѣльческихъ рабочихъ, которыхъ тоже считается около 600,000 человѣкъ. Въ числѣ этихъ рабочихъ есть множество фермерскихъ сыновей, съ малыхъ лѣтъ сжившихся съ мечтою объ устройствѣ своего собственнаго дома и добраго уголка земли. Это въ сущности весьма скромное желаніе встрѣчаетъ уже въ настоящее время нѣкоторый отпоръ со стороны теперешнихъ фермеровъ, такъ какъ эти послѣдніе опасаются, что желаніе рабочихъ можетъ повести къ уменьшенію ихъ собственныхъ участковъ, если парламентъ вздумаетъ удовлетворить не менѣе справедливыя требованія рабочихъ. Въ средѣ самихъ рабочихъ тоже

происходитъ весьма сильное броженіе, имѣющее въ себѣ нѣчто враждебное относительно фермеровъ. На одномъ изъ митинговъ въ Дондэльнѣ, 29-го ноября прошлаго года, земледѣльческіе рабочіе заставили замолчать сторонниковъ фермерскихъ правъ на землю. «Дайте намъ сперва — сказалъ одинъ изъ нихъ, Гудмэнъ — безусловную амнистію (то-есть помилованіе всѣхъ феніевъ), потомъ билль о рабочихъ, и тогда уже мы поговоримъ о фермерскомъ биллѣ». «Вы гоняете рабочихъ цѣлыми сотнями то туда, то сюда, по всей странѣ— говорилъ другой — дайте каждому рабочему по собственному дому и по акру земли, и мы поговоримъ тогда о положеніи фермеровъ; имъ лучше нашего». На этомъ митингѣ былъ лордъ Беллью и патеръ Кирнсъ, оба извѣстные сторонники фермерскихъ правъ, не разъ высказывавшіеся даже въ пользу феніянизма,— однако рабочіе не дали имъ возможности высказать свои мысли о правахъ фермеровъ на землю. Что земледѣльческіе рабочіе во всей Ирландіи, а не въ одномъ Дондэльнѣ, не идутъ въ своихъ требованіяхъ дальше одного акра земли да приличнаго жилища — это доказывается многочисленными заявленіями фермерскихъ сходокъ, собиравшихся по всей Ирландіи;— вездѣ, гдѣ въ резолюціяхъ ставился вопросъ о положеніи земледѣльческаго рабочаго, внесено заявленіе о необходимости включить въ поземельный билль особую статью, которая бы давала каждому рабочему право требовать отъ нанимателя хорошаго жилища съ акромъ удобной земли; нѣкоторыя резолюціи даже опредѣляли, сколько комнатъ должно быть въ жилищѣ. Немногіе фермеры и землевладѣльцы уже успѣли ввести въ обычай водвореніе рабочихъ на обработываемой ими фермѣ, и статистика показываетъ, что въ Ирландіи есть въ настоящее время около 50,000 крестьянъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи небольшіе участки земли — до одного акра, да около 80 тысячъ другихъ, сидящихъ на участкахъ въ 1 — 5 акровъ; — несомнѣнно, что значительная часть этихъ «обывателей» принадлежитъ къ классу простыхъ фермерскихъ или помѣщичьихъ рабочихъ. Эти статистическія цифры ясно показываютъ, что лишь незначительная часть рабочихъ пользуется нѣкоторою собственностію въ томъ дѣлѣ, которое можетъ идти и преуспѣвать лишь при помощи упругихъ и неутомимыхъ мышцъ земледѣльческаго класса. Всѣ другіе не имѣютъ никакого личнаго интереса въ обработываемой ими землѣ и лишь перегоняются «цѣлыми сотнями то туда, то сюда, по всей странѣ». Въ случаѣ какого-либо застоя въ сельско-хозяйственной промышленности, эти сотни людей разомъ теряютъ всякія средства къ существованію и имъ остается тогда лишь одинъ исходъ: выселеніе или въ Англію, или въ Соединенные Штаты, и дѣйствительно, земледѣльческіе рабочіе составляютъ самую крупную цифру въ числѣ ежегоднаго контингента выселенцевъ. Долгое время британскіе политики,

даже либеральные, видѣли въ этомъ фактѣ нормальное явленіе, простое слѣдствіе слишкомъ густого населенія, но феніянизмъ убѣдилъ ихъ теперь, что выселеніе земледѣльческихъ рабочихъ происходитъ отъ крайней необезпеченности рабочаго,—что это выселеніе было ничѣмъ инымъ, какъ «изгнаніемъ» изъ родной страны. Такимъ сильнымъ словомъ назвалъ выселеніе самъ первый министръ Англіи, Гладстонъ, во время разъясненія ирландскаго поземельнаго билля 15-го февраля.

Въ своемъ проектѣ новыхъ узаконеній объ ирландскомъ землевладѣніи, Гладстонъ основывается на существующемъ положеніи вещей, на заявленныхъ желаніяхъ заинтересованныхъ сторонъ, и онъ много благодаритъ текущую литературу по ирландскому вопросу за то, что она способствовала министерству разсмотрѣть поземельныя отношенія въ Ирландіи со всѣхъ сторонъ. «Я не помню — говоритъ онъ — ни одного случая, въ которомъ бы столь многіе джентльмены посвятили и время, и мысль, и свои знанія на пріобрѣтеніе свѣдѣній о состояніи Ирландіи». Нѣкоторые изъ своихъ аргументовъ министръ беретъ изъ сочиненій заявленныхъ феніевъ, съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ сообщеніямъ. Англійскій министръ не боится рѣзкихъ порицаній со стороны печати, ему страшно лишь молчаніе прессы по крупнымъ вопросамъ дня, — онъ не умѣетъ дѣлить мнѣнія на благонамѣренныя и неблагонадежныя, патріотическія и сепаратистскія, онъ одинаково благодаритъ всѣхъ писателей, потому что всѣ они дѣйствительно способствовали утвержденію въ странѣ и въ умахъ министровъ правильнаго понятія о требованіяхъ народа въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ нынѣшнее положеніе ирландскаго землевладѣнія. Англійскій министръ превосходно понимаетъ, что свободная — вполнѣ свободная печать — самая вѣрная и самая надежная союзница всякаго правительства, которое искренно желаетъ прислушиваться къ требованіямъ народа, въ видахъ полнаго удовлетворенія его нуждъ и жалобъ. Англійскимъ министрамъ и въ голову не приходитъ такая странная и жалкая мысль, что будто только они одни да ихъ директоры департаментовъ въ состояніи понимать крупные политическіе вопросы, и что въ обществѣ или враждебныхъ министерству партіяхъ нѣтъ вовсе никакихъ здравыхъ мнѣній и важныхъ свѣдѣній, познакомиться съ которыми весьма полезно не только всему обществу вообще, но и самимъ правителямъ. Благодаря этимъ весьма похвальнымъ качествамъ британскихъ министровъ, въ Англіи ни одинъ вопросъ — особенно изъ крупныхъ — не разрѣшается законодательнымъ порядкомъ, не создавъ предварительно цѣлой литературы, иногда весьма драгоцѣнной и поучительной для всего остальнаго образованнаго міра. По той же самой причинѣ, всякій вопросъ, однажды обратившись въ положительный законъ, оказывается въ Англіи серьезною, хорошо

обдуманною мѣрою, которую не приходится измѣнять на первыхъ же порахъ ея введенія въ жизнь, какъ это замѣчается повсюду, гдѣ печать пользуется свободою лишь въ мелкихъ вопросахъ, или въ такихъ, которые и вопросами-то называться не могутъ...

Но обратимся къ предложеніямъ Гладстона по поземельному вопросу. Исходя изъ существующаго положенія вещей, министръ старается ввести значительныя преобразованія, не производя слишкомъ рѣзкихъ перемѣнъ. Онъ предоставляетъ зажиточнымъ фермерамъ полную свободу заключенія долгосрочныхъ договоровъ съ землевладѣльцами, онъ обращаетъ олстерскій обычай въ законъ, онъ обезпечиваетъ за третьимъ разрядомъ арендаторовъ вознагражденіе за всѣ улучшенія почвы и предоставляетъ всѣмъ фермерамъ вообще становиться собственниками занимаемой ими земли всякій разъ, когда землевладѣлецъ изъявитъ желаніе продать свою собственность. Относительно требованій рабочихъ билль оказывается крайне скупымъ и недостаточнымъ; онъ только даетъ право фермерамъ строить коттэджи для рабочихъ и снабжать ихъ землею подъ огороды, — правительство предлагаетъ рабочимъ, сверхъ того, кредитъ на пріобрѣтеніе коттэджа и огорода въ полную собственность. Министръ надѣется, что новыя поземельныя отношенія, давъ фермерамъ полное обезпеченіе труда и капитала, потребляемыхъ ими на воздѣлываніе почвы, вмѣстѣ съ тѣмъ дадутъ сильный толчекъ развитію сельскаго хозяйства, которое, въ свою очередь, увеличитъ запросъ на земледѣльческій трудъ и, слѣдовательно, подыметъ заработную плату. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта надежда основана на весьма вѣскихъ экономическихъ соображеніяхъ, и что заработная плата дѣйствительно подымется съ введеніемъ новаго закона въ жизнь, но это увеличеніе заработковъ едва-ли продолжится на такой промежутокъ времени, впродолженіи котораго земледѣльческіе рабочіе могли бы достичь той степени умственной, нравственной и матеріальной состоятельности, когда человѣкъ научается понимать свое положеніе въ обществѣ и тѣсную солидарность своихъ личныхъ интересовъ съ интересами другихъ людей той же профессіи, когда, однимъ словомъ, онъ дѣлается способнымъ вести свое дѣло сообща, артельнымъ образомъ. Только одна земледѣльческая ассоціація способна вывести земледѣльческаго рабочаго и большую часть ирландскихъ фермеровъ изъ ихъ нынѣшняго подневольнаго положенія. Удачная попытка земледѣльческой ассоціаціи въ Ассингтонѣ, въ Англіи, послужитъ современемъ превосходнымъ образцомъ для всѣхъ земледѣльцевъ въ Соединенномъ Королевствѣ [1]). Теперь же можно

---

[1]) За недостаткомъ мѣста мы отлагаемъ до перваго удобнаго случая обстоятельно познакомить читателей съ этой любопытною земледѣльческой артелью, основанной Гордономъ, лѣтъ 30 тому назадъ, и принесшей послѣдствіи самые блестящіе резуль-

удовлетвориться и менѣе отрадными явленіями, въ родѣ желанія лондондеррійскихъ фермеровъ пріобрѣсть въ общую собственность свои участки въ имѣніи маркиза Уотерфорда, а это имѣніе приноситъ ежегодной аренды 13,600 фунтовъ стерлинговъ (около 90 тысячъ рублей),—имѣніе, значитъ, не маленькое. Министерство обѣщаетъ въ нынѣшнемъ же году отмѣнить и нелѣпые законы о майоратѣ и о наслѣдованіи посредствомъ такъ-называемыхъ «settlements» (которые передаютъ всѣ права собственности на землю иногда лицамъ, еще неродившимся, а дѣйствительному владѣльцу доставляютъ лишь обычный доходъ съ земли), — законы, сильно стѣснявшіе переходъ поземельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, и тѣмъ поддерживавшіе ту систему крупнаго личнаго землевладѣнія, о которой такъ много наговорили во всей Европѣ, и которая, въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ, осуждена самымъ рѣшительнымъ образомъ такимъ крупнымъ авторитетомъ, каковъ знаменитый химикъ Либихъ. Половину всего количества хлѣба, необходимаго для пропитанія жителей Британскихъ Острововъ, Англія получаетъ изъ-за границы. Отмѣна послѣднихъ аристократическихъ привилегій: майората и сеттлментовъ, поведетъ роковымъ образомъ къ постепенному переходу имѣній въ руки настоящихъ сельскихъ хозяевъ, и такъ какъ сидящимъ на каждомъ имѣніи земледѣльцамъ правительство предлагаетъ кредитъ для пріобрѣтенія имѣнія въ полную общую собственность, то несомнѣнно, что въ теченіи извѣстнаго періода времени ирландская земля станетъ наконецъ собственностію самого ирландскаго народа, и именно той части его, которая лично занимается сельскимъ хозяйствомъ. Конечно, вопросъ объ обезпеченіи земледѣльческихъ рабочихъ снова подниметсяя въ свое время, но можно надѣяться, во всякомъ случаѣ, что когда наступитъ это время, въ Ирландіи и самой Англіи будутъ уже превосходные примѣры земледѣльческой ассоціаціи, которые и послужатъ основаніемъ для дальнѣйшихъ реформъ въ поземельномъ вопросѣ. Нынѣшній же билль, несмотря на всю его важность и на здравыя начала, положенныя въ его фундаментъ, долженъ считаться лишь первымъ серьезнымъ шагомъ въ Англіи къ разрѣшенію великаго вопроса объ отношеніи человѣка къ землѣ. «Times» справедливо говоритъ, что этотъ билль «создаетъ новую область законодательства».

Закрѣпленіе за фермеромъ земли вездѣ, гдѣ нѣтъ олстерскаго обычая платить ему за выѣздъ и за улучшенія, совершается биллемъ посредствомъ признанія законнаго срока всякой аренды въ 31 годъ [1]),

---

таты. Срав. сочиненіе графа Парижскаго: Les Associations ouvrières en Angleterre, 1869, стр. 301—306; и сочиненіе Торнтона (Thrnutor): On Labour, 1869, 410—411.

[1]) Этотъ срокъ опредѣляется въ 21 годъ, если землевладѣлецъ самъ производитъ всѣ улучшенія на своей землѣ.

по прошествіи которыхъ землевладѣлецъ можетъ согнать фермера только въ томъ случаѣ, если уплатитъ ему за всѣ улучшенія почвы и за постройки. Само собою разумѣется, что ни узаконенный обычай, ни аренда не спасутъ фермера отъ изгнанія, если онъ перестанетъ платить въ опредѣленные сроки условленную плату, или начнетъ, безъ позволенія владѣльца, сдавать свою землю по участкамъ въ аренду другимъ лицамъ. Чтобы землевладѣльцы не устроили себѣ лазейки изъ статьи о правѣ изгнанія фермеровъ за невзносъ аренды, Гладстонъ рѣшился и вопросъ объ опредѣленіи арендной платы предоставить новымъ поземельнымъ судамъ, учреждаемымъ въ Ирландіи съ цѣлію разрѣшенія всѣхъ споровъ между помѣщиками, фермерами и рабочими. Въ доказательство необходимости предоставленія судамъ правъ опредѣлять арендную плату за ту или другую землю, министръ привелъ нѣсколько фактовъ, которые показываютъ, что землевладѣльцы повышаютъ иногда аренду до такой громадной цифры, что земля выдержать ее не можетъ и арендаторъ, сдѣлавшись должникомъ владѣльца, подпадаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полной зависимости отъ воли послѣдняго. Что долгъ растетъ на арендаторѣ — это заботитъ владѣльца весьма мало, такъ какъ вся цѣль его высокой аренды заключается лишь въ полномъ подчиненіи фермера своей волѣ. Билль Гладстона долженъ охранить фермеровъ и отъ этой напасти, такъ какъ судамъ предоставлено право признать арендную плату слишкомъ высокою и потребовать съ землевладѣльца уплаты за всѣ проторы и убытки, которые терпитъ арендаторъ отъ изгнанія съ земли за невзносъ непомѣрно высокой арендной платы. При новыхъ судахъ будутъ состоять правительственные оцѣнщики, которые должны опредѣлять вознагражденіе за всѣ улучшенія и постройки, а также подавать свои мнѣнія относительно высоты арендной платы.

Кромѣ ирландскаго билля, правительство Гладстона, въ лицѣ Форстера, внесло въ палату общинъ превосходный проектъ новаго закона о народномъ образованіи. Проектъ задается широкою цѣлію: доставить народное образованіе всѣмъ дѣтямъ Англіи отъ 5 до 14 лѣтъ. Въ настоящее время это образованіе получаетъ лишь одинъ милліонъ дѣтей, а полтора милліона остаются безъ всякаго образованія. Между тѣмъ въ странѣ уже созрѣло сознаніе опасности такого неудовлетворительнаго состоянія народной школы. «Отъ быстраго введенія хорошей системы элементарнаго образованія—сказалъ Форстеръ—зависитъ наше промышленное процвѣтаніе. Напрасно давать нашимъ рабочимъ ремесленное образованіе, не снабдивъ ихъ предварительно образованіемъ первоначальнымъ. Если мы предоставимъ нашихъ рабочихъ коснѣнію въ невѣжествѣ, то они, несмотря на свои крѣпкія мышцы и упорную энергію, потерпятъ пораженіе на полѣ всемірной конкурренціи. Отъ быстраго принятія мѣръ по народному образованію за-

виситъ также, по моему глубокому убѣжденію, исправная дѣятельность нашей конституціонной системы. Къ чести парламента, онъ рѣшилъ недавно, что Англія должна въ будущемъ управляться народнымъ правительствомъ. Я изъ числа тѣхъ, которые говорили, что народу можно довѣрить политическую силу и прежде, чѣмъ онъ пріобрѣтетъ первоначальное образованіе. Еслибъ мы ждали, пока онъ пріобрѣтетъ образованіе, намъ пришлось бы ожидать этого, вѣроятно, весьма долго. Теперь же, когда мы снабдили его политическою силою, намъ нечего медлить доставленіемъ ему образованія. Есть много вопросовъ и задачъ, которые должны быть рѣшены въ скоромъ времени, а развѣ невѣжественные избиратели могутъ разрѣшить ихъ? Отъ быстраго принятія мѣръ по народному образованію зависитъ также наша національная мощь. По всему цивилизованному міру общества скучиваются мало-по-малу въ большія массы, и мы должны знать, что намъ, на нашемъ небольшомъ островѣ не удастся удержать наше нынѣшнее мѣсто между націями, если мы не успѣемъ нашъ численный недостатокъ покрыть силою умственною. Мы всѣ знаемъ по печальному опыту, что знаніе не есть добродѣтель, что элементарное образованіе само по себѣ тоже не уничтожаетъ безнравственности, что образованіе, однимъ словомъ, не спасаетъ отъ искушеній; — но хотя знаніе не добродѣтель, необразованность есть все-таки слабость, а въ тяжкой, и безпрерывной житейской борьбѣ слабость значитъ несчастіе и часто ведетъ къ пороку. Вспомните тѣ деревни, въ которыхъ мы жили, и города, которые намъ случалось посѣщать, и скажите, не ужели вы не замѣтили тамъ, какъ дѣти, благодаря тому, что ихъ ничему не учатъ, или учатъ крайне дурно, постоянно подготовляются къ преступной жизни или къ вѣрной нищетѣ? Неужели зная все это, мы рѣшимся взять на себя отвѣтственность за продленіе этого невѣжества и этой слабости еще на цѣлый годъ?» —

Если принять во вниманіе отзывъ англійской прессы объ объяснительной рѣчи Форстера, то можно съ положительностію утверждать, что нынѣшняя палата общинъ едва ли согласится на «продленіе невѣжества и слабости еще на цѣлый годъ». Не только либеральныя газеты, но и консервативныя стараются убѣдить своихъ читателей въ возможности порѣшить этотъ важный вопросъ въ нынѣшнемъ году. Всѣ хлопочутъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы этотъ билль не сдѣлался ареною для борьбы партій, такъ какъ въ немъ есть нѣсколько крупныхъ нововведеній, могущихъ послужить поводомъ къ политическимъ интригамъ. Таковъ принципъ несектарной инспекціи, принципъ понужденія родителей къ отдачѣ дѣтей въ школы, и новое обремененіе плательщиковъ земскихъ налоговъ (тремя пенсами съ каждаго фунта наемной платы). Въ рядахъ консервативной партіи въ палатѣ общинъ есть и такіе люди, которые рѣшительно возстаютъ

противъ всякаго государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія, но есть среди нихъ и такіе, какъ напримѣръ сэръ Джонъ Пэкингтонъ, бывшій военнымъ министромъ въ послѣднемъ кабинетѣ Д'Израели, который въ своихъ планахъ по народному образованію идетъ гораздо далѣе и рѣшительнѣе самого министерства Гладстона.

Когда Форстеръ среди грома рукоплесканій окончилъ свою объяснительную рѣчь, въ палатѣ послышались многіе голоса о внесеніи въ билль дополнительныхъ статей объ учрежденіи отвѣтственнаго министерства по народному образованію. Пэкингтонъ сказалъ при этомъ, что онъ весьма сожалѣетъ, что Форстеръ произнесъ свою рѣчь лишь въ качествѣ секретаря государственнаго совѣта (Privy Council), а не министра народнаго просвѣщенія. Пэкингтонъ весьма желалъ бы ввесть въ Англію строго-понудительное образованіе, и какъ онъ, такъ и другіе члены палаты, особенно извѣстный кэмбриджскій профессоръ политической экономіи Фосеттъ (Fawcett), сильно настаивали на томъ, что понужденіе должно идти отъ лица самого государства, а не отъ училищныхъ совѣтовъ, какъ это предлагаетъ правительственный билль. Дѣло въ томъ, что эти совѣты будутъ состоять изъ выборныхъ лицъ (а выбирать ихъ будутъ совершенно безконтрольно городскія думы въ городахъ, и церковныя сходки (vestry) или частные съѣзды крупныхъ и почетныхъ домохозяевъ и землевладѣльцевъ (select vestry) въ сельскихъ приказахъ) и, слѣдовательно, если избраны будутъ сторонники понудительнаго образованія, то понужденіе въ данномъ учебномъ округѣ будетъ имѣть мѣсто, а если нѣтъ, то родителямъ предоставлена будетъ полная свобода относительно посылокъ своихъ дѣтей въ школы. Такимъ образомъ непремѣнно случится, что понужденіе будетъ введено лишь въ нѣкоторые округи, а никакъ не во всѣ. Между тѣмъ правительственный билль даетъ государству право требовать отъ мѣстныхъ жителей въ каждомъ учебномъ округѣ (учебнымъ округомъ въ городахъ служатъ бурги, а въ графствахъ приходы или союзы нѣсколькихъ приходовъ) учрежденія такого числа школъ, которое соотвѣтствовало бы числу находящихся въ томъ округѣ дѣтей отъ 6 до 14-лѣтняго возраста. Слѣдовательно, если понужденіе будетъ гдѣ-нибудь совершаться неудовлетворительно, то школы останутся пустыми, и мѣстные плательщики податей только напрасно понесутъ новыя тягости.

Скажемъ нѣсколько словъ о несектарной инспекціи. Въ настоящее время, правительственная инспекція школъ, получающихъ государственную субсидію (частныя школы въ Англіи правительственные инспекторы имѣютъ право посѣщать лишь съ дозволенія самихъ содержателей), производится инспекторами такъ, что каждый инспекторъ посѣщаетъ лишь тѣ школы, которыя находятся подъ вѣдѣніемъ лицъ одного съ инспекторомъ вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ происхо-

дитъ, что въ одной и той же мѣстности является иногда нѣсколько инспекторовъ для обозрѣнія какого-нибудь десятка школъ. Билль уничтожаетъ эту сектарную инспекцію, и предоставляетъ правительству право посылать инспекторовъ, не затрудняясь ихъ принадлежностію къ той или другой религіи. Чтобы еще болѣе ограничить сектарный характеръ народной школы, билль предлагаетъ дозволить родителямъ объявлять письменно о своемъ нежеланіи, чтобы дѣти ихъ обучались религіи, и содержатель школы долженъ исполнять это требованіе родителей. Нѣкоторые члены палаты заявили свое неудовольствіе на «умѣренность» билля въ этомъ вопросѣ и требовали введенія ирландской системы народнаго образованія, гдѣ религія вовсе исключена изъ предметовъ преподаванія. Форстеръ отвѣчаетъ на это требованіе слѣдующимъ образомъ:—«Намъ могутъ сказать: почему вы не запретите догматическое обученіе совершенно, почему вы не предпишите окончательно исключить религію изъ предметовъ преподаванія? Но въ такомъ случаѣ мы изъ религіознаго затрудненія впадемъ въ затрудненіе антирелигіозное. Мы желаемъ достигнуть лишь того, чего добивается большинство родителей, но съ соблюденіемъ правъ меньшинства; а я не сомнѣваюсь, что большинство родителей пожелаетъ, чтобы въ школѣ было религіозное образованіе и изученіе библіи. Если мы запретимъ преподаваніе религіи, то мы должны запретить чтеніе въ школахъ именно той книги, которая составляетъ основу исповѣдуемой нами религіи. Но, скажутъ намъ, нужно уничтожить обученіе догматамъ. Да какъ же это сдѣлать? Можемъ ли мы сказать учителямъ: «Библію читать вы можете, но объяснять ее не осмѣливайтесь». Или, можетъ быть, мы должны сами назначить, какія мѣста библіи слѣдуетъ читать въ школѣ, и какія нѣтъ? Я не говорю, что мы не въ состояніи этого сдѣлать, но я долженъ напомнить палатѣ, что такія регламентаціи принадлежатъ къ области опредѣленія частностей преподаванія, а это не входитъ въ вѣдѣніе центральнаго правительства, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное вмѣшательство правительства въ дѣло преподаванія потерпитъ полную неудачу».

Мы нарочно привели это мѣсто изъ рѣчи британскаго министра, чтобы показать, какое значеніе придаютъ въ Англіи преподаванію религіи въ народной школѣ. Министръ не прочь бы совершенно изгнать религію изъ школы, но вѣдь это значило бы запретить чтеніе и объясненіе одной, всѣмъ извѣстной книги, да и какъ же можно запретить чтеніе именно этой книги, когда правительство вовсе не занимается регламентаціею преподаванія, и ему все равно— по какимъ книгамъ учатъ въ народныхъ школахъ, лишь бы окончательные результаты этого обученія давали правительственнымъ инспекторамъ ручательство въ томъ, что изъ народныхъ школъ выходятъ дѣ-

ти грамотныя и разумныя, вооруженныя прочными свѣдѣніями изъ ариѳметики, исторіи, географіи.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Берлина, вопросъ, которымъ мы не разъ занимали читателей съ теоретической точки зрѣнія, разрѣшился въ Германіи практически: сѣверо-германскій парламентъ принялъ предложеніе депутата Кирхмана объ отмѣнѣ смертной казни по всей территоріи Союза. Противъ предложенія возставалъ самъ графъ Бисмаркъ, но за Бисмарка оказалось всего 81 голосъ, а за Кирхмана—118!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

Министерство 2-го января.

24 февраля, 1870.

Два мѣсяца тому назадъ, я особенно настаивалъ на трудности создать у насъ, изъ имѣющихся на лицо элементовъ, правительство либеральное и вмѣстѣ сильное. Въ настоящее время эта трудность облегчена, насколько то было возможно, но это еще не значитъ, что она устранена совсѣмъ. Министерство 2-го января, во всякомъ случаѣ — наилучшее, какое могло образоваться при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и изъ нынѣшней палаты. На первомъ планѣ въ немъ стоятъ три человѣка: Эмиль Олливье́, Бюффе́ и Дарю. Первый изъ нихъ—самый значительный, блестящій и способный изъ членовъ новаго кабинета; онъ же стоитъ и во главѣ его. Эмилю Олливье́ и тѣмъ политическимъ эволюціямъ, которыя приблизили его къ особѣ и довѣрію императора, мы обязаны самой возможностью совершающагося нынѣ предпріятія. Трудно себѣ представить даже, къ кому изъ депутатовъ могъ бы обратиться Наполеонъ, для возстановленія парламентскаго правленія, еслибы онъ не былъ знако́мъ съ Олливье́. Какъ только представлялся такой моментъ — Олливье́ становился неизбѣжнымъ агентомъ этого дѣла. И однакоже, кажется, я не ошибусь, сказавъ, что не ему, а скорѣе товарищамъ его, гг. Бюффе́ и Дарю, слѣдуетъ приписать необыкновенно благопріятный пріемъ, оказанный новому министерству общественнымъ мнѣніемъ. Причина ясна: правда, въ настоящее время наше общество менѣе, чѣмъ когда-либо, настроено въ пользу революціи, но зато оно настроено столь же рѣшительно противъ системы личнаго правленія и въ пользу мирнаго перехода къ тѣмъ формамъ и гаран-

тіямъ, которыя составляютъ сущность свободной политической жизни. Между тѣмъ Эмиль Олливье именно вслѣдствіе своей гибкости, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ уступокъ и того вліянія, какое имѣетъ на него императоръ, представлялся намъ, несмотря на весь свой либерализмъ, несовсѣмъ способнымъ къ той устойчивости противъ давленія свыше, которое бываетъ иногда обязанностію для министровъ парламентскихъ. Одно его имя казалось гарантіею слишкомъ недостаточной, и вотъ почему общество слѣдило безъ особеннаго довѣрія за фазисами министерскаго кризиса, пока къ Олливье не присоединились Дарю и Бюффе; вступленіе ихъ въ кабинетъ значительно прояснило положеніе дѣлъ. Правда, эти два человѣка никогда не были радикалами, подобно самому Олливье; но зато на ихъ сторонѣ весьма почтенное преимущество—они никогда не спотыкались. Особенно г. Бюффе слыветъ парламентаристомъ не только твердымъ, но даже упрямымъ и непреклоннымъ. Говорятъ, что именно по своей несговорчивости, онъ особенно непріятенъ императору, и при данныхъ обстоятельствахъ этотъ фактъ, конечно, могъ только способствовать хорошему пріему новаго кабинета въ общественномъ мнѣніи. Что касается Дарю, человѣка въ высшей степени почтеннаго, и который недавно — какъ я скажу ниже — оказалъ кабинету огромную услугу, то о немъ доселѣ говорили мало. Но о немъ извѣстно, что, бывъ близкимъ другомъ императора, онъ открыто порвалъ съ нимъ сношенія вслѣдствіе 2-го декабря. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи и вступилъ въ палату только при послѣднихъ выборахъ, въ качествѣ представителя умѣренной, но твердой оппозиціи.

Значеніе такихъ людей утвердило въ обществѣ мысль, что если императоръ до такой степени жертвуетъ личными своими наклонностями, чтобы согласиться на обращеніе къ людямъ особенно непріятнымъ ему по личному характеру или по связаннымъ съ ними воспоминаніямъ, то стало-быть онъ дѣйствуетъ искренно и въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно хочетъ попытаться возстановить парламентское правленіе. Я самъ, несмотря на нѣкоторые прискорбные признаки, расположенъ держаться такого убѣжденія, и не ручаясь безусловно за искренность Наполеона III, чего не въ состояніи сдѣлать никто, я склоненъ видѣть поручительство за нее именно въ самомъ составѣ кабинета. Къ сожалѣнію, я тутъ же долженъ оговориться, что въ ближайшей къ императору средѣ едва ли всѣ раздѣляютъ его нынѣшнее настроеніе.

Какъ бы то ни было, пріемъ кабинету былъ оказанъ хорошій, даже слишкомъ хорошій, въ томъ смыслѣ, что многіе, со свойственной французскому уму поспѣшностію, вообразили себѣ, будто уже все сдѣлано, всѣ задачи рѣшены и затѣмъ все пойдетъ легчайшимъ образомъ, къ удовольствію всѣхъ, за исключеніемъ однихъ «непримиримыхъ», которые значутъ не много и безъ одобренія которыхъ легко

можно бы обойтись. Разсудительные люди, то-есть меньшинство, понимали, что не всѣ препятствія были устранены. Прежде всего, очевидно было, что хотя члены новаго кабинета и соединились съ наилучшими намѣреніями въ общей мысли либерализма и преданности дѣлу страны, но они не имѣли времени согласиться между собою относительно отдѣльныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ приняли на себя круговую отвѣтственность за ходъ дѣлъ. Установить парламентскій способъ правленія еще труднѣе, чѣмъ примѣнять его. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ уже издавна дѣйствуетъ, партія вступающая въ управленіе имѣетъ готовую программу, знаетъ, что̀ она будетъ дѣлать и чего именно отъ нея ожидаютъ. Здѣсь не было ничего подобнаго. Намѣренія были единодушны, взаимны и добросовѣстны, но не было времени удостовѣриться, до какой степени согласіе существуетъ въ практическихъ взглядахъ. Кабинетъ, какъ мы видимъ его теперь, былъ такъ-сказать съимпровизованъ въ послѣднюю минуту, послѣ того какъ не удались разныя другія комбинаціи. Онъ, повторяю, — наилучшій, какого можно было ожидать, но онъ явился безъ плана для дѣйствій. Какія мѣры слѣдовало предложить палатѣ?—объ этомъ члены его не имѣли времени условиться впередъ.

А между тѣмъ есть вопросъ, по которому было необходимо предварительное соглашеніе не только между членами кабинета, но и между кабинетомъ и императоромъ. Это вопросъ о распущеніи палаты, которая нисколько не соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ. Конечно, если судить только по внѣшности, и принимать въ разсчетъ только либеральныя заявленія двухъ главныхъ группъ палаты, носящихъ названіе праваго и лѣваго центровъ, то высказанное сейчасъ мнѣніе можетъ показаться слишкомъ строгимъ; но оно совершенно справедливо и, прибавлю, въ настоящую минуту, оно уже довольно распространено. Многіе изъ членовъ большинства, даже изъ числа избранныхъ подъ вліяніемъ правительства, подписались подъ программою праваго центра вслѣдствіе напора общественнаго мнѣнія; но они сдѣлали это безъ искренняго убѣжденія и остались, по привычкѣ и по внутреннему вліянію, преданными людямъ стараго, личнаго режима, гг. Руэ и Форкаду. Министерство не можетъ положительно разсчитывать на эту группу и не могло разсчитывать на нее, когда составлялось. Къ сожалѣнію, теперь почти достовѣрно не только то, что кабинетъ во время своей формаціи не обсудилъ этого вопроса, какъ и остальныхъ, но еще и то, что г. Олливьѐ непосредственно, вмѣстѣ съ императоромъ, принялъ на себя впередъ нѣкоторыя обязательства противъ распущенія палаты, въ то время, когда онъ еще не сошелся со своими нынѣшними товарищами. Извѣстно, что императоръ упорно желаетъ сохранить нынѣшнюю палату, которая, между тѣмъ, рѣшительно несоотвѣтствуетъ настроенію общества и въ составѣ которой сильно отра-

зилось злоупотребленіе правительственною властію во время выборовъ. Это упрямство покажется вамъ, пожалуй, несовсѣмъ согласнымъ съ той предполагаемой искренностію Наполеона III въ его парламентскихъ намѣреніяхъ, о которой я говорилъ выше. Нѣтъ сомнѣнія, что первымъ условіемъ истинно парламентскаго правленія есть именно несомнѣнное согласіе представительства страны съ состояніемъ общественнаго мнѣнія. Все это такъ; но императоръ можетъ быть искрененъ, не будучи логиченъ, и можно допустить, что онъ не понимаетъ условій того, что самъ предпринялъ. Въ концѣ концовъ, конечно, такое непониманіе можетъ оказаться столь же вредно, какъ и недобросовѣстность. Трудно, впрочемъ, отдать себѣ отчетъ въ этомъ особомъ нерасположеніи императора къ преждевременнымъ выборамъ. По общему мнѣнію, еслибы выборы произвесть теперь, то они дали бы результатъ столь же благопріятный принципу династическому, какъ и парламентскимъ идеямъ, то-есть выразили бы въ высшей степени и съ особенною силою то, чего хочетъ общественное мнѣніе въ настоящую минуту, именно совмѣщенія свободы съ устойчивостью. А каково будетъ настроеніе общественнаго мнѣнія года черезъ два, три или хоть черезъ годъ—этого никто не можетъ предвидѣть. Можетъ быть, довѣріе въ то время будетъ сильно поколеблено, особенно если нынѣшніе порядки окажутся слишкомъ неопредѣленными. Но императоръ, повидимому, считаетъ дѣломъ самолюбія не отсылать депутатовъ по домамъ до полнаго исполненія ими ихъ полномочія, и даже смотритъ на распущеніе съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ. Кажется какъ будто потому именно, что нѣкогда, подъ вліяніемъ необходимости, дѣйствительной или мнимой, онъ счелъ себя обязаннымъ, для вступленія на престолъ, насильно разсѣять законодательное собраніе, котораго распустить онъ не имѣлъ права,—теперь онъ хочетъ показать, что такія вещи, или даже вещи издали напоминающія нѣчто подобное, хотя въ себѣ и законныя, не должны больше случаться. Этимъ онъ какъ бы хочетъ искупить прошлое, хотя такой образъ искупленія противенъ истиннымъ его интересамъ и можетъ обойтись ему дорого. Въ самомъ дѣлѣ, удерживая представительство, въ которомъ общественное мнѣніе не узнаетъ себя, онъ сохраняетъ въ силѣ единственный революціонный зачатокъ, совмѣстный съ нынѣшнимъ положеніемъ. Этотъ зачатокъ теперь собственно представляется неопаснымъ, но необдуманная горячность французскаго характера можетъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, внезапно дать ему грозное развитіе, отъ чего да избавитъ насъ небо.

Очевидно, связанный обѣщаніемъ не распускать палаты, принужденный жить съ большинствомъ менѣе либеральнымъ чѣмъ онъ самъ, и даже таящимъ враждебное чувство, не будучи въ состояніи совершить теперь наиболѣе нужное, именно — избирательную реформу, и

сверхъ всего этого, быть можетъ страдая внутреннимъ несогласіемъ, нашъ юный парламентскій кабинетъ до послѣднихъ дней находился, повидимому, въ положеніи довольно неудобномъ. Но непріятныя и неожиданныя обстоятельства, возникшія послѣ его образованія, пожалуй, скорѣе оказали ему услугу, чѣмъ принесли вредъ; именно, они дали, ему случай дѣйствовать, заниматься и составить себѣ физіономію. Вы догадываетесь, что я разумѣю дѣло принца Пьера Бонапарта и всѣ послѣдствія этого дѣла: процессъ, осужденіе и заключеніе въ тюрьму г. Рошфора, уличные безпорядки и т. д. Не скажу, конечно, что эти печальныя диверсіи доставили кабинету удовольствіе: онъ не настолько макіавелистиченъ. Но дѣло въ томъ, что эти диверсіи дали ему жизнь; онъ имѣлъ поводъ показаться сильнымъ, а такъ какъ уличные противники его пользуются глубокою и вполнѣ заслуженною непопулярностію, то общественное мнѣніе вмѣнило кабинету въ заслугу, что онъ такъ бойко совладалъ съ ними. Несовсѣмъ хорошо только то, что эти неожиданные случаи, въ которыхъ онъ конечно не виноватъ, поставили его на неблагопріятный склонъ. По всѣмъ признакамъ, кабинетъ впалъ въ нѣкоторое самообольщеніе относительно мнимой важности этихъ «событій»; онъ слишкомъ легко повѣрилъ существованію заговора тамъ, гдѣ дѣло, по всей вѣроятности, ограничивалось вспышкою довольно смѣшного свойства, и произвелъ значительное число арестованій, съ которыми теперь кажется не знаетъ что̀ и дѣлать. Тѣ вліянія, которыя ему враждебны и хотѣли бы ниспроверженія его въ пользу реакціи, поспѣшили извлечь пользу изъ его ошибки, и газеты, пребывшія вѣрными прежнимъ министрамъ, не преминули замѣтить, что г. Эмиль Олливье занимается караніемъ болѣе г. Руэ. Самая неистовая изъ этихъ газетъ, принадлежащая Кассаньякамъ, высказала даже съ цинической откровенностью, что хотя прежніе министры выдумывали несуществовавшіе заговоры, но что то, что̀ было позволено имперіи самовластной, не должно быть позволено имперіи либеральной. Иные полагаютъ даже, что нѣкоторыя высшія должностныя лица, какъ г. префектъ полиціи, намѣренно ввели г. Эмиля Олливье въ заблужденіе, увѣрили его въ воображаемомъ заговорѣ для того, чтобы извлечь отсюда пользу для себя и противъ самого министра. Какъ бы то ни было, теперь уже очень мало вѣрятъ въ дѣйствительное существованіе большого заговора, о которомъ говорили правительственныя газеты въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Если свесть бывшіе безпорядки къ ихъ истиннымъ размѣрамъ и обсудить ихъ хладнокровно, то они не только не представляютъ ничего тревожнаго, но напротивъ имѣютъ значеніе благопріятное, въ томъ смыслѣ, что обнаружили всю слабость революціонной партіи. Слабость эта выказалась дважды и двоякимъ образомъ, именно сперва на похоронахъ В. Нуара, а потомъ при арестованіи г. Рошфора.

Въ день похоронъ, можно сказать навѣрное, все, что есть недовольнаго въ Парижѣ, было на ногахъ, и цифры, указанныя газетами (отъ 100 до 150 тысячъ человѣкъ), по всѣмъ свѣдѣніямъ, не были преувеличены. Случай для попытки къ возстанію былъ самый благопріятный, и люди достовѣрные утверждаютъ, что вопросъ о такой попыткѣ въ тотъ день былъ въ самомъ дѣлѣ и серьезно обсуждаемъ; но они же прибавляютъ, что вопросъ этотъ единогласно былъ рѣшенъ въ смыслѣ отрицательномъ, и вотъ почему самъ г. Рошфоръ принужденъ былъ проповѣдовать спокойствіе и миръ, послѣ того какъ самъ обратилъ свою газету въ призывъ къ оружію, за который потомъ и поплатился шестимѣсячнымъ заключеніемъ. Разсказываютъ, что самые рѣшительные люди признали попытку невозможною при сравненіи силъ. Но то, что оказалось невозможнымъ въ этотъ день, среди одного изъ сильнѣйшихъ возбужденій, и при довольно дѣйствительномъ поводѣ, будетъ безъ сомнѣнія невозможно при всякихъ иныхъ обстоятельствахъ, ибо революціонная партія уже не дождется столь благопріятнаго стеченія ихъ. Это признаютъ, впрочемъ, и наиболѣе здравомыслящіе—относительно говоря—изъ самой этой партіи, которой существенный характеръ заключается именно въ недостаткѣ здраваго смысла. Они соглашаются, что революціи не совершаются по командѣ, и что онѣ не могутъ имѣть успѣха безъ почти единодушной поддержки общественнаго мнѣнія и спеціально—безъ содѣйствія классовъ буржуазіи. Но допуская это, они въ тоже время дѣлаютъ все возможное для того, чтобы возбуждать противъ себя и раздражать буржуазію, вмѣсто того, чтобы стараться расположить ее въ свою пользу. Такимъ образомъ, они вращаются въ поразительномъ противорѣчіи, нисколько того, повидимому, не замѣчая. Но, впрочемъ, для того, чтобы буржуазія перешла на сторону революціонеровъ, надо бы, кромѣ бо́льшаго благоразумія революціонеровъ, еще, чтобы императоръ самъ взялъ назадъ свои либеральныя уступки или подалъ бы сильные поводы недовѣрять его добросовѣстности. Пока этого не будетъ, революціонеры могутъ желать и возвѣщать революцію, но сдѣлать ее имъ не удастся, что они достаточно доказали при сценахъ, послѣдовавшихъ за арестованіемъ г. Рошфора.

Никогда не бывало ничего болѣе жалкаго и смѣшного! Правда и то, что въ дѣлѣ участвовалъ только авангардъ наиболѣе безразсудныхъ. Всѣ сколько-нибудь серьезные люди той же крайней партіи нарочно остались дома и весьма не одобряли эту безсмысленную попытку. Можете быть увѣрены, что попытки болѣе серьезной никогда и не будетъ, пока правительство не впадетъ снова въ реакцію. Для того, чтобы создать положеніе дѣлъ съ характеромъ дѣйствительно революціоннымъ надо, чтобы случилось что-нибудь въ родѣ государственнаго переворота Карла X. Лица близкія къ императору увѣряютъ, что не

слѣдуетъ опасаться ничего подобнаго и считаютъ его вообще уже неспособнымъ къ какому-либо смѣлому почину. Въ особенности партія герцога Персиньи горько оплакиваетъ апатію, въ какую впалъ его вѣнценосный другъ. Г. де-Персиньи принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые разсчитываютъ на то, что свобода вызоветъ крайности, которыя, въ свою очередь, вызовутъ и оправдаютъ новую мѣру самовластія. Есть и другіе, подобные ему господа, и при дворѣ охотно говорятъ о той необходимости возобновить 2 декабря, которая должна представиться современемъ; но эта партія желала бы императору побольше энергіи. Въ ожиданіи лучшаго, они покамѣстъ обращаютъ себѣ сколько возможно въ пользу неловкости министровъ и ихъ приверженцевъ. Тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ людей такъ-называемыхъ «старыхъ партій» очень охотно и очень открыто приняли на себя оказать содѣйствіе кабинету, разумѣется, далъ поводъ выставить передъ глазами императора вѣчно тревожившій его призракъ орлеанизма.

Въ самомъ дѣлѣ, эти «старыя партіи» состоятъ главнымъ образомъ изъ людей, управлявшихъ дѣлами при Людовикѣ-Филиппѣ. Долгое время отстраняемые опасливою заботливостію, и склонные сами, по внушенію личнаго достоинства, оставаться въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока имперія была деспотизмомъ, люди эти теперь бросились, быть можетъ слишкомъ съ большою поспѣшностію, въ салоны новыхъ министровъ, при появленіи первыхъ лучей либеральнаго возрожденія. Одни изъ нихъ были привлечены желаніемъ засвидѣтельствовать свое патріотическое удовольствіе, другіе влеченіемъ къ интригамъ, третьи наконецъ просто тоскою по оффиціальнымъ гостиннымъ, изъ которыхъ они были изгнаны со времени имперіи; они явились теперь на сцену въ полномъ составѣ, съ гг. Гизо́ и Одилономъ Барро́ во главѣ, съ поспѣшностію поистинѣ немного-комическою, которою тайные враги кабинета съумѣли воспользоваться противъ него. Казалось, какъ будто «старыя партіи» могутъ и будутъ распоряжаться отнынѣ всѣми должностями, напр. префектовъ, и даже постами посланниковъ. Герцогъ Брольи намѣревался отправиться въ Лондонъ или Константинополь, а г. Прево́-Парадоль, корифей юнаго орлеанизма и близкій другъ принцовъ орлеанскихъ, просилъ для себя посольства въ Вашингтонѣ и получилъ на это обѣщаніе г. Эмиля Олливьѐ.

Все это произвело эффектъ несовсѣмъ благопріятный, какъ для самихъ этихъ господъ, которые, какъ показалось, ужъ слишкомъ поторопились преданностію, такъ и для кабинета, который оказался вдругъ подъ какимъ-то наводненіемъ покровителей, пріятелей и просителей, такого рода, что императору очевидно не предстояло никакого повода особенно довѣрять имъ. Въ настоящую минуту весь этотъ великій напоръ, повидимому, уменьшился; но должно быть обѣ стороны хорошенько пораздумали. Какъ кажется, г. Прево́-Парадоль уже не рас-

полагаетъ ѣхать въ Вашингтонъ. Но г. Гизо́, который, несмотря на глубокую старость, сохраняетъ всю свою страсть къ преобладанію и къ интригамъ, г. Гизо́ держится за свое, и утвердился твердою ногою во всѣхъ министерствахъ, и въ особенности въ министерствахъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ. Онъ совершенно зануздалъ и осѣдлалъ г. Эмиля Олливье́, котораго главный недостатокъ—тщеславіе, полное наивности. Молодой нашъ хранитель печати считаетъ себѣ за большую честь имѣть у себя постояннымъ царедворцемъ этого знаменитаго, но опаснаго и компрометтирующаго старика. Сношеніямъ между этими двумя лицами мы будемъ обязаны тѣмъ, что получимъ нѣчто въ родѣ pendant къ собору, засѣдающему въ Римѣ. Г. Гизо́, съ тѣхъ поръ, какъ не можетъ управлять великими государственными дѣлами, старался внести, куда могъ, свою ненасытную жажду царствовать и возрождать. Въ особенности же навязалъ онъ свое преобладаніе реформатской церкви, къ которой онъ принадлежитъ самъ, и въ которой дѣятельность его уже произвела результаты самые плачевные.

Гизо принадлежитъ къ партіи правовѣрія и нетерпимости и выхлопоталъ у г. Эмиля Олливье́ разрѣшеніе созвать синодъ, которымъ предполагаетъ управлять самъ. Добродушный министръ увидѣлъ въ этомъ ходатайствѣ только случай сдѣлать удовольствіе своему маститому другу и вмѣстѣ выказать благоволеніе одной изъ диссидентскихъ церквей. Но г. Гизо знаетъ очень хорошо, что́ дѣлаетъ. Онъ заставитъ своихъ приверженцовъ возобновить старые догматы и старыя формулы, и произнесть проклятіе противъ протестантовъ либеральныхъ. Этотъ синодъ, по всему вѣроятію, поведетъ къ формальному расколу для котораго задатки уже готовы, такъ какъ значительная часть французской протестантской церкви твердо намѣрена не отставать отъ вѣка; и вотъ противъ нея-то направляются происки г. Гизо́.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мы находимъ ту же особу во главѣ коммиссіи, которой поручено составить проектъ закона о свободѣ высшаго преподаванія. Высшимъ преподаваніемъ мы называемъ здѣсь то, которое въ Германіи и Россіи ввѣрено университетамъ, а во Франціи — *академіямъ*, представляющимъ совокупность факультетовъ. Это высшее преподаваніе всегда, современи революціи, находилась въ зависимости отъ государства, хотя разныя правительства не разъ давали обѣщаніе освободить его отъ опеки. Теперь, наконецъ, повидимому собираются сдержать это обѣщаніе, но такимъ образомъ, чтобы драгоцѣнною свободою могло воспользоваться только духовенство, которому г. Гизо́ совершенно преданъ, несмотря на свое качество протестанта. Въ самомъ дѣлѣ, предполагается сдѣлать уступку не въ томъ смыслѣ, чтобы кто-либо могъ открывать свободный курсъ или хотя бы одинъ факультетъ, но съ такимъ огра-

ниченіемъ, чтобы открывалась непремѣнно полная академія, чего разумѣется никто не въ состояніи сдѣлать, кромѣ богатой и могущественной корпораціи, каково духовенство. Надо надѣяться, что возраженія печати остановятъ осуществленіе проекта въ такомъ видѣ и заставятъ измѣнить его. Къ сожалѣнію, наиболѣе либеральные изъ нашихъ министровъ, сами въ тоже время—клерикалы. Такимъ образомъ, они возбуждаютъ негодованіе къ себѣ демократіи, въ то время какъ въ качествѣ либераловъ и предполагаемыхъ орлеанистовъ, они подозрительны двору.

Если вы соберете воедино всѣ указанныя мною обстоятельства: недостатокъ между министрами согласія относительно почина, нѣсколько реакціонныя послѣдствія случаевъ съ Пьеромъ Бонапартомъ и Рошфоромъ, двусмысленность положенія кабинета по отношенію къ малолиберальной палатѣ, которая сознаетъ за собою покровительство императора, наконецъ, слишкомъ замѣтное вторженіе клерикаловъ, то поймете безъ труда, что положеніе новаго кабинета въ короткое время стало труднымъ и даже опаснымъ. Я долженъ прибавить, что онъ имѣетъ при особѣ императора могущественнаго врага въ лицѣ г. Клемана Дювернуа́, о которомъ я уже бесѣдовалъ съ вами и который редижируетъ газету *Peuple francais*, подъ внушеніями Наполеона III и съ помощью изъ его собственной шкатулки. Этотъ фаворитъ-журналистъ самъ долженъ былъ вступить въ кабинетъ въ то время, когда г. Олливье, еще не получивъ согласія гг. Бюффе и Дарю, не зналъ еще, гдѣ найти себѣ товарищей. Назначеніе его было уже подписано. И такъ, съ перваго же дня образованія новаго кабинета, г. Дювернуа былъ поставленъ во враждебное къ нему отношеніе, не успѣвъ попасть въ кабинетъ самъ. Не высказываясь открыто въ своей газетѣ, онъ сталъ съ ловкостію и предательствомъ эксплуатировать ошибки министровъ и слабыя стороны положенія дѣлъ, и именно успѣлъ убѣдить императора, что нѣкоторые министры втайнѣ составили заговоръ въ пользу распущенія палаты, и что они-то и стоятъ за тѣми либеральными и демократическими газетами, которыя ежедневно требуютъ этого распущенія. Этимъ онъ успѣлъ задѣть императора за его слабую струну. Полу-орлеанистскій цвѣтъ кабинета также не остался безъ употребленія въ дѣло.

Однимъ словомъ, Наполеонъ III, повидимому, какъ будто даже согласился на очищеніе кабинета, удаливъ изъ него министровъ, поддерживаемыхъ лѣвымъ центромъ. Хотѣли сохранить одного Эмиля Олливье. Но такъ или иначе, эта интрига кончила тѣмъ, что нашла себѣ открытаго руководителя въ Дювернуа, въ его газетѣ и въ палатѣ, гдѣ онъ состоитъ членомъ, и трудно повѣрить, чтобы императоръ не зналъ ничего объ этой интригѣ, или не одобрялъ бы ее. Она должна была достигнуть своей цѣли, по поводу запросовъ лѣвой стороны от-

носительно внутренней политики новаго министерства. Въ сущности, лѣвая сторона нисколько не враждебна кабинету, и паденіе послѣдняго даже огорчило бы ее; но, по недостатку рѣшительности, лѣвая сторона очутилась въ ложномъ положеніи, а въ настоящемъ случаѣ является даже невольною союзницею маневровъ правой стороны и Клемана Дювернуа. Вся эта интрига, искусно задуманная и проведенная смѣло, разбилась однако, встрѣтивъ неожиданную энергію и ловкость кабинета: побѣда министровъ составляетъ потому великое событіе настоящей минуты, когда я пишу вамъ.

Министры начали съ того, что дали слово другъ другу или остаться, или пасть вмѣстѣ; потомъ, они рѣшились выступить предъ палатою въ лицѣ Дарю, то-есть именно такого министра, котораго удалить — хотѣла наиболѣе правая сторона. Она требовала отъ министровъ формальнаго обязательства не распускать палаты; она разсчитывала, что въ такомъ случаѣ болѣе враждебные ей министры удалятся, и передѣланное министерство окажется готовымъ къ ея услугамъ. Рѣчь Дарю разстроила весь планъ этой кампаніи: противники министерства увидѣли, что они могутъ, въ случаѣ отставки всего министерства, произвести кризисъ болѣе сильный, нежели то имъ желательно, да и притомъ ничего не выиграютъ относительно обезпеченія палаты въ ея дальнѣйшемъ существованіи, а потому благоразумно отступили. Дарю, плохой ораторъ, притомъ читавшій свое заявленіе, и читавшій весьма дурно, одержалъ побѣду, которой могъ бы позавидовать первоклассный ораторъ. Однихъ онъ увлекъ, другихъ смирилъ своею искренностію, честностію и прямотою языка. Съ вчерашняго дня, это самый важный членъ кабинета. Надолго-ли? Надолго, если кабинетъ съумѣетъ не дать палатѣ перевести духа и самъ не устанетъ въ доведеніи обѣщанныхъ реформъ до конца. По правдѣ, я не смѣю разсчитывать на это, и боюсь, что черезъ двѣ недѣли, много черезъ мѣсяцъ, министры снова очутятся въ такомъ же неловкомъ положеніи, изъ котораго они такъ неожиданно поднялись, благодаря болѣе честности, нежели ловкости и силѣ. Кабинету нужна страшная популярность, чтобы подчинить себѣ и палату, нежелающую распуститься, и императора, нежелающаго ее распускать. Эту популярность кабинетъ имѣетъ въ настоящую минуту; но поддерживать ее нужно ежедневными усиліями.

Дарю посвятилъ нѣсколько строкъ своей рѣчи иностранной политикѣ, и говорилъ о мирѣ, какъ человѣкъ искренно того желающій, но въ тоже время неувѣренный въ продолжительности мира. Общество у насъ настроено миролюбиво и ни за что не хочетъ удалиться отъ вопросовъ внутренней политики; но послѣднія парламентскія событія въ Баваріи не мало насъ занимали. Нашего министра иностранныхъ дѣлъ считаютъ менѣе его предшественниковъ уступчивымъ

въ отношеніи къ Пруссіи. Но Дарю достаточно парламентаренъ, чтобы противъ воли палаты вмѣшаться въ чужія дѣла. Въ важномъ случаѣ онъ поспѣшилъ бы вынести на каѳедру всякій вопросъ внѣшней политики, чтобы заручиться мнѣніемъ страны. Мы положительно имѣемъ теперь увѣренность, что насъ не ожидаетъ никакая случайность, пока у дѣлъ останется нынѣшнее министерство. Имѣть такую увѣренность—не мало, даже очень много. Въ миролюбіи внѣшней политики насъ еще болѣе увѣряетъ то, что военный министръ согласился уменьшить будущій наборъ на 10,000 человѣкъ. При этомъ, конечно, не обошлось безъ борьбы между военнымъ министромъ и министромъ финансовъ; послѣдній, говорятъ, желалъ бо́льшаго сокращенія, но для начала хорошо и то. Можетъ быть, императоръ уступилъ съ сожалѣніемъ, но все же уступилъ. «Подвижная гвардія» (garde mobile), учрежденная съ такимъ шумомъ, и стоившая такихъ денегъ безъ всякихъ однако результатовъ, какъ извѣщаютъ, будетъ скоро уничтожена, и тогда наши военныя средства сократятся до прежней численности, предъ эпохою Садовы. Для насъ это совершенно удовлетворительно, и вполнѣ успокоительно для всѣхъ.

Въ послѣднее время прошелъ у насъ слухъ о союзѣ Франціи съ Россіей. По этому поводу могу сказать, что подобный слухъ у насъ никогда не пользуется популярностью; масса публики руководится при этомъ чисто сантиментальными взглядами, по поводу Польши; но люди серьезные не любятъ этого слуха потому, что союзъ съ Россіею можетъ возникнуть не иначе, какъ ради какого-нибудь большого вопроса, для разрѣшенія котораго нужна война и сопряженный съ нею рискъ. Но, въ концѣ концовъ, мы—миролюбивы такъ, какъ никогда; мы не любимъ Пруссію, и все же любимъ миръ; мы знаемъ, что наше положеніе въ Европѣ не то, что было прежде, и все же хотимъ мира.

Возвращаюсь къ внутреннимъ дѣламъ. Парламентское торжество министерства не могло быть не омрачено процессомъ П. Бонапарта. Тутъ ему много хлопотъ. Для династіи непріятно уже видѣть одного изъ своихъ членовъ на скамьѣ подсудимыхъ, и при томъ по обвиненію въ убійствѣ. Трудно утѣшаться смягчающими обстоятельствами, которыя безъ сомнѣнія будутъ найдены, но едва ли сами найдутъ себѣ признаніе въ обществѣ. Приговоръ обвинительной камеры уже публикованъ; въ немъ удивило всѣхъ то, что, въ противность французской юстиціи, обвинители болѣе были озабочены оправданіемъ, нежели обвиненіемъ, и потому старались заподозрить показанія единственнаго свидѣтеля убійства де-Фонвьелля, пользовавшагося симпатіею своихъ политическихъ друзей и любовью всѣхъ знавшихъ его. Казалось бы, такія нападенія на свидѣтеля слѣдовало предоставить защитнику обвиненнаго.

Обвинительная камера поступила благоразумно, предоставивъ при-

сяжнымъ рѣшить вопросъ: было ли въ этомъ дѣлѣ нападеніе на принца, или онъ былъ вызванъ? Но исключительный характеръ ареста обвиненнаго, пользовавшагося почти полною свободою, чрезвычайно раздражилъ общественное мнѣніе, у насъ, гдѣ равенство составляетъ страсть, можно сказать, манію. Подозрительность въ публикѣ развилась теперь до того, что всякое наказаніе принца покажется мягкимъ, а между тѣмъ обстоятельства дѣла не требуютъ смертной казни. Для смягченія обвиненія, конечно, воспользуются тѣмъ обстоятельствомъ, что лица, передававшія вызовъ на дуэль, были вооружены, и слѣдовательно могли возбудить принца, хотя въ такое время всеобщаго раздраженія наша молодежь имѣетъ привычку носить съ собою револьверы, но это больше обычай, такъ какъ многіе изъ нихъ не умѣютъ даже порядочно владѣть своимъ револьверомъ. Обыкновенные присяжные при искусномъ адвокатѣ могли бы даже оправдать принца; но спеціальное жюри, какое будетъ избрано въ настоящемъ случаѣ, если не захочетъ угодить страстямъ общества, идущимъ черезъ-чуръ далеко, то во всякомъ случаѣ не пренебрежетъ и современнымъ состояніемъ и настроеніемъ умовъ. Я полагаю, что принцъ будетъ присужденъ къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія, несмотря на то, что 36 присяжныхъ, въ этомъ случаѣ, избираются изъ совѣтниковъ генеральныхъ совѣтовъ, и слѣдовательно лицъ, обязанныхъ своими мѣстами одному правительству. Въ усердіи ихъ сомнѣваться нельзя, но нѣтъ также причины думать, чтобы у нихъ совсѣмъ недостало такта принять въ соображеніе возмущенное чувство справедливости въ обществѣ.

На дняхъ, вышло новое, народное и иллюстрированное изданіе «Жизни Іисуса» Эрн. Ренана. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ этой новой формѣ Ренанъ будетъ имѣть успѣхъ; но нельзя не пожалѣть, что его трудъ сдѣлался предметомъ чистой спекуляціи книжныхъ барышниковъ: банальныя и вульгарныя картинки, которыми украшена теперь «Жизнь Іисуса» очевидно разсчитаны на привлеченіе простодушныхъ покупщиковъ. Впрочемъ, это изданіе примѣчательно новымъ предисловіемъ Ренана, которое надѣлало шуму, несмотря на всеобщее увлеченіе политикою. На этотъ разъ, Ренанъ говоритъ, съ весьма почтенною независимостью, такія вещи, которыя, я боюсь, едва ли понравятся его поклонникамъ. Свободные мыслители во Франціи, собственно говоря, настроены враждебно по отношенію къ христіанству. Знакомые съ христіанствомъ не иначе какъ въ формѣ католичества, формѣ для нихъ ненавистной, они всегда съ наслажденіемъ повторяютъ слова Вольтера: «Ecrasez l'infame»! Къ католичеству они относятся радикально-отрицательно и безусловно - непримиримо. Ренанъ не таковъ; но наши свободные мыслители скрывали отъ себя это обстоятельство,

и видя въ Ренанѣ сильное орудіе противъ католичества, привѣтствовали съ энтузіазмомъ его литературную и ученую дѣятельность. И Ренанъ съ своей стороны не высказывалъ до сихъ поръ опредѣленно своего личнаго образа мыслей. Нынѣшній разъ онъ поступилъ искренне и высказался христіаниномъ, правда, не на католическій манеръ, такъ какъ онъ отвергаетъ все сверхъестественное, но на манеръ нашихъ протестантовъ-либераловъ. Впрочемъ, предоставлю самому Ренану слово. Мѣсто весьма любопытное и вы не посѣтуете за цитату:

«Христіанство — говоритъ Ренанъ — необходимо для нравственнаго и религіознаго воспитанія человѣчества, какъ изученіе греческихъ древностей необходимо для умственнаго воспитанія. Конечно, нѣтъ надобности разсматривать греческую и латинскую литературу, какъ нѣчто вдохновенное, для того, чтобы избрать ихъ основаніемъ воспитанія; точно также, нѣтъ надобности видѣть въ библіи и въ церкви нѣчто сверхъестественное, чтобы признать ихъ существенными основами прогресса образованія*). Въ теченіе восемнадцати вѣковъ, лучшее въ этомъ мірѣ совершалось подъ вліяніемъ христіанства. *Всякая страна, которая въ дѣлѣ своего моральнаго усовершенствованія будетъ вынуждена дѣйствовать без помощи христіанства, представитъ всегда въ своихъ учрежденіяхъ, повидимому, самыхъ прочныхъ, слабую сторону»*.

Достаточно уже и этого, чтобы Ренану возбудить противъ себя свободныхъ мыслителей. Но онъ еще продолжаетъ: «Это замѣчаніе — говоритъ Ренанъ — я обращаю особенно къ французской демократіи. Я не принадлежу къ демократической партіи, и даже думаю, что эта партія оказываетъ плохую услугу тому дѣлу, которому она думаетъ служить. Но имя демократіи мнѣ дорого, если подъ нимъ разумѣютъ любовь къ народу и къ его дѣламъ, сопровождаемую убѣжденіемъ,

---

*) Новый случай для «Моск. Вѣд.» воскликнуть противъ «Вѣстника Европы», который, по ихъ мнѣнію, враждебно относится къ древнимъ языкамъ, и въ то же время, устами своего корреспондента приводитъ мнѣніе Ренана о необходимости изученія древнихъ языковъ для умственнаго воспитанія. Такъ «Вѣдом.» уже упрекали насъ, по поводу мнѣнія, высказаннаго о древнихъ языкахъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ романа Ауэрбаха. Мы имъ отвѣчали на послѣднее; тотъ же отвѣтъ можно повторить и теперь, съ присоединеніемъ небольшого замѣчанія. «Моск. Вѣд.», ратующія противъ реальнаго образованія, сообщили (№ 6, 1870 г.) о томъ, что въ Пруссіи изъ реальныхъ училищъ дозволяется записываться въ университетъ для слушанія лекцій. Но «Моск. Вѣд.» немедленно отнесли это обстоятельство къ числу «не имѣющихъ интереса для русскихъ читателей». Между тѣмъ это обстоятельство весьма интересно для русскихъ читателей, такъ какъ «Моск. Вѣд.» увѣряли ихъ, что за границею древніе языки одни даютъ право на слушаніе лекцій въ университетѣ, и поносили насъ всячески, когда мы настаивали на необходимости дать воспитанникамъ реальныхъ гимназій право слушанія лекцій въ университетахъ. «Моск. Вѣд.» третируютъ русскую публику en canaille; если за границею что-нибудь и есть хорошаго, то онѣ говорятъ нашей публикѣ: это не для васъ, это вамъ не интересно и знать! — *Ред.*

что общество въ сущности покоится на добродѣтели низшихъ классовъ. Французская демократія, независимо отъ своихъ добрыхъ качествъ, горячности и преданности, страдаетъ важнымъ недостаткомъ. Рьяная и завистливая, она претендуетъ установить счастье и права каждаго, безъ того, чтобы въ то же время проповѣдывать добродѣтель, самоотверженіе и самопожертвованіе. Часто говорятъ, что французская революція вышла изъ евангелія; это — полнѣйшее заблужденіе. Никто не былъ такъ мало ученикомъ Іисуса, какъ виновники революціи. Идея французской демократіи, это — идея правъ человѣка, доведенная въ своемъ развитіи до крайности. Точкою отправленія ей не служитъ милосердіе — самоотреченіе; она преслѣдуетъ одно правосудіе и тревожно ищетъ равенства. Все это доставляетъ могущество для разрушенія, но на этомъ нельзя ничего создать. Міръ держится отчасти идеаломъ и любовью. Ему нужна та обильная благость, которую распространялъ Іисусъ на все, чего онъ прикасался: ему нужна религіозная цѣль, мечта, нѣжное утѣшеніе слабому. Общество, гдѣ никто не любитъ, гдѣ никто не боготворитъ—не просуществуетъ. Тотъ жестоко ошибается, кто представляетъ себѣ человѣчество чѣмъ-то, если можно такъ выразиться, плоскимъ, гдѣ не должно быть ни подчиненія, ни взаимныхъ связей, ни цѣпи, связующей живого съ мертвымъ, ни уваженія, ни почитанія».

Вотъ замѣчательная страница! Я не скажу, чтобы частная мораль у насъ стояла на низшей ступени, нежели у сосѣдей; но, къ несчастью, справедливо и то, что извѣстная доля морали, необходимая для прочности всякаго политическаго строя и прогресса, замѣтно уменьшается у насъ. Ренанъ коснулся нашей язвы. Наша демократія тѣмъ менѣе способна къ преобразованію, что она считаетъ себя совершенствомъ съ самаго дня своего рожденія. Она считаетъ революцію самою совершенною реформою, недопускающею никакихъ измѣненій, прибавленій и сдѣлокъ. Посмотрите, какъ примутъ проповѣдь Ренана. Впрочемъ, я охотно признаю, что Ренанъ, въ извѣстномъ смыслѣ, зашелъ далеко въ своемъ христіанствѣ. Въ томъ же предисловіи онъ рисуетъ самоотверженіе такими красками, что, можно подумать, орденъ нищенствующихъ есть лучшій идеалъ христіанства. Нельзя однако не удивляться смѣлости Ренана, съ которою онъ рискнулъ своею популярностію.

Подобныя же идеи я нашелъ въ сочиненіи совсѣмъ другого рода: «Организація труда», сенатора Ле-Плэ. Несмотря на заглавіе и предметъ труда, авторъ далеко не соціалистъ, въ смыслѣ, напримѣръ, Фурьера, Луи Блана или Прудона. Конечно, еслибы онъ былъ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, то онъ, вѣроятно, не былъ бы сенаторомъ. Но хотя онъ и сенаторъ, однако тѣмъ не менѣе ему нельзя отказать ни въ возвышенности образа мыслей, ни въ независимости

мнѣнія, ни въ большой учености. Ле-Плэ, еще болѣе чѣмъ Ренанъ, пораженъ признаками паденія французской цивилизаціи и вообще цивилизаціи современной. Оригинальность и великая заслуга Ле-Плэ заключается въ огромномъ научномъ аппаратѣ, множествѣ наблюденій и фактовъ, которые служатъ опорою его тексту. Будучи отличнымъ инженеромъ, онъ совершилъ много путешествій, управлялъ большими предпріятіями за границей, и именно въ Россіи, былъ даже въ Сибири, и вездѣ наблюдалъ за многообразными условіями рабочаго класса. Извлеченные имъ изъ опыта принципы безспорно хороши, но, къ сожалѣнію, едва-ли они примѣнимы. Напримѣръ, онъ считаетъ фамилію, собственную недвижимость—главнымъ условіемъ благосостоянія рабочаго; чтобы дойти до этой истины, не нужно много путешествовать; но какъ достигнуть того при современномъ развитіи промышленности въ городахъ? Я слышалъ, что Ле-Плэ, имѣющій большое вліяніе при дворѣ и пользующійся большимъ довѣріемъ императора, хочетъ учредить большое общество устройства жилищъ для рабочихъ по всей Франціи. Опыты тому уже были сдѣланы, при весьма значительныхъ средствахъ, и именно въ Мюльгаузенѣ. Но имъ вредитъ то, что по смерти первыхъ владѣльцевъ, дома должны быть проданы. Дома попадаютъ въ руки спекулянтовъ и работникъ обращается въ жильца; а желали именно противнаго. Если Ле-Плэ хочетъ успѣть, то ему нужно уничтожить нашъ законъ обязательнаго раздѣла наслѣдства и установить свободу завѣщать.

Мнѣ остается еще указать на значительный трудъ Эдг. Кине́: «Сотвореніе міра». Это нѣчто въ родѣ поэтической философіи природы, синтезъ фактовъ, добытыхъ современнымъ состояніемъ положительныхъ наукъ. Подобные смѣшанные труды, въ половину положительнаго характера, въ половину поэтическаго, обыкновенно бываютъ неудачны и мало удовлетворяютъ серьезныхъ людей. Но нельзя не сознаться, что избранный Эдгаромъ Кине́ сюжетъ какъ нельзя болѣе соотвѣтственъ силамъ его мысли и пера. Пусть позитивисты запрещаютъ намъ всякія умозрѣнія, но духъ человѣческій не перестанетъ никогда углубляться въ догадочное рѣшеніе великихъ проблеммъ, ускользающихъ отъ разума. Эти попытки никогда не удадутся вполнѣ, но онѣ будутъ безпрерывно возобновляться, и если кто-нибудь на этомъ поприщѣ можетъ имѣть относительный успѣхъ, то это именно Кине́. Самые замѣчательные изъ его прежнихъ трудовъ: «Странствующій Жидъ» и «Волшебникъ Мерлинъ» принадлежатъ къ тому же роду, какъ и «Сотвореніе міра»: тамъ была философія исторіи, тутъ—философія природы.

Наша сцена въ эти два послѣдніе мѣсяца не сдѣлала большихъ завоеваній, и довольствовалась прежними пріобрѣтеніями. Театръ «Французской-Комедіи» представилъ дебютъ молодого поэта М. Маню-

эля, пьеса котораго, одноактная, «Рабочіе», касается слегка соціальнаго вопроса, но нѣтъ ничего раздражающаго; авторъ имѣетъ въ виду вызвать одну симпатію. Кромѣ этого счастливаго дебюта, я могу только упомянуть о весьма бурномъ возстановленіи на сценѣ одного изъ самыхъ матеріалистическихъ и самыхъ грубыхъ, но въ то же время хорошо построенныхъ произведеній Виктора Гюго: «Лукреція Борджіа». Пьеса понравилась. Она имѣетъ солидныя качества; что же касается ея недостатковъ, то самое злоупотребленіе, которое дѣлаютъ этимъ родомъ литературы, служитъ причиною того, что подобныя произведенія мало цѣнятся большинствомъ публики. Первое представленіе было скорѣе политическое, нежели литературное: апплодировали, видя намеки автора во всемъ, что̀ онъ говоритъ о фамиліи Борджіа. Конечно, такая оппозиція не представляетъ трудностей, но за то она не представляетъ и опасностей. Она можетъ быть непріятна, но она останется безвредною, пока правительство не впадетъ въ реакцію.

Post-scriptum. — Сегодня вечеромъ, когда я собирался заключить это письмо, министерство одержало новую и значительную побѣду; она замѣчательна тѣмъ, что сама лѣвая сторона была вынуждена подавать голосъ вмѣстѣ съ нимъ, между тѣмъ какъ крайняя правая оставила министерство безъ поддержки. Дѣло шло объ оффиціальныхъ кандидатурахъ, которыя покинуты Эмилемъ Олливье безъ всякихъ оговорокъ. Все это создало новое положеніе вещей и сообщило большую увѣренность въ возможности основать либеральную имперію, но, конечно, съ условіемъ, что императоръ не стѣснитъ ничѣмъ своихъ министровъ, и что̀ весьма сомнительно въ настоящій моментъ.

Н.

ПЕРВЫЕ И ПОСЛѢДНІЕ ШАГИ.

По поводу выставки произведеній гг. Айвазовскаго и Каменскаго.

Въ русскомъ искусствѣ чаще приходится подводить итоги, чѣмъ открывать новые счеты, и хорошо еще, когда послѣдніе не заключаются на первой же страницѣ.... Русскій талантъ недолговѣченъ, какъ и русское лѣто — мелькнетъ, пообѣщаетъ, и нѣтъ его. Покуда собирался нѣжиться подъ его теплыми лучами, смотришь, и самыхъ лучей уже не стало! Не отъ того-ли спѣлый плодъ дарованія у насъ такая же рѣдкость, какъ спѣлое яблоко въ Петербургѣ? Люди свѣду-

щіе утверждаютъ, будто это происходитъ именно отъ солнца, и члены общества садоводства изыскиваютъ, какъ слышно, практическія средства для доставленія зрѣлости яблокамъ, а члены общества поощренія художествъ — дарованіямъ. Проектъ акклиматизаціи послѣднихъ былъ даже разосланъ на обсужденіе избранныхъ вертоградарей искусства. Проектъ очень милъ, и остается лишь пожалѣть о томъ, что сочинитель его призываетъ солнце и тепло исключительно на головы людей, подвизающихся кистями и рѣзцомъ, какъ-будто перья, циркули, реторты и другія орудія искусства и науки такъ уже освоились съ тьмою, что о нихъ и заботиться не стóитъ! Можно, напротивъ, увѣрить г. автора, что лопаты, напримѣръ, или желѣзные ломы петербургскихъ дворниковъ еще болѣе выиграли бы отъ южной зимы, чѣмъ Академія художествъ, пересадить которую проектируется въ Кіевъ. Уже о чиновникахъ и говорить нéчего—ихъ желтыя лица моментально разцвѣли бы, безъ различія классовъ и окладовъ, и поле отечественной бюрократіи покрылось-бы розами, взамѣнъ желтой цикоріи и одуванчиковъ.... Имѣя въ виду все это, нѣтъ повода сердиться на садоводственные пріемы проекта, пересаживающаго людей какъ овощи,—надо сожалѣть развѣ о маломъ числѣ избранныхъ для пересадки.

Въ самомъ дѣлѣ, читатель, я весьма сочувствую положенію Академіи художествъ, обреченной видѣть на берегу Невы «огромные сфинксы» въ то время, какъ ей обѣщаютъ показать на Крещатикѣ памятникъ Богдана Хмельницкаго, пока еще непоставленный, и прибавлю— къ счастью, потому что если онъ будетъ поставленъ, то господиномъ Микѣшинымъ — «академикомъ, какъ извѣстно, за композицію».... Я до такой степени сочувствую столь отчаянному положенію, что обѣщаю заранѣе восхититься и тою оперою, которую напишетъ новопризнанный «композиторъ» на Крещатикѣ; но все это однакоже при одномъ условіи, чтобы тутъ же непремѣнно скрипѣли чиновничьи перья и шаркали лопаты, за одно съ мягкимъ движеніемъ кистей и звукомъ рѣзцовъ.... А то, подумайте только: тамъ пишутъ удивительныя картины, сѣкутъ поразительные мраморы, г. Микѣшинъ даже сочиняетъ оперу, — а тутъ отъ того, что гдѣ-то какой-то мостъ сгорѣлъ, и холодъ и голодъ усиливаются, и кругомъ выступаютъ такія картины, какихъ нигдѣ, при самомъ лучшемъ освѣщеніи, не увидать мыслящему и наблюдающему художнику! Вы тамъ изображаете намъ ликующую жизнь и жирные вареники хохла,—а тутъ фунтъ мяса стóитъ двадцать копѣекъ, и пѣвица Маркизіо простуживается! Но пусть еще себѣ мясо дорожаетъ и синьора Маркизіо простуживается— это хоть понять можно: на мосту сгорѣли быки, и быки должны быть дороже; г-жа Маркизіо захотѣла отмстить за г-жу Лукку, и ей за это отмстила Мста; а зачѣмъ, казалось бы, дорожать извощикамъ? Вѣдь

говядины они также мало вкушаютъ, какъ и итальянской оперы. Можетъ быть, они тоже простудились? Но если даже и они — простудились, то отчего вздорожали и стали рѣдки квартиры? Вѣдь не перешли же эти люди въ бель-этажи, во избѣжаніе простуды на будущее время? Говорятъ, всѣ квартиры заняло человѣчество, сообщающее разными путями, кому слѣдуетъ, деньги, для полученія еще больше денегъ за свои пути сообщенія.... Вѣрно одно, что многіе путные граждане остались на зиму безъ квартиръ и вынуждены были прибѣгнуть въ выселенію семей куда ни попало. Словомъ, что́ бы ни случилось, а Петербургъ отдувайся за все.

И вотъ, однако, окруженный напастями со всѣхъ сторонъ, отчаянный городъ продолжаетъ взирать на сфинксовъ и композиторствовать съ г. Микѣшинымъ, ѣстъ мясо (на какія только деньги?), ѣздитъ на рысакахъ и давитъ тѣхъ, кто на нихъ не ѣздитъ, слушаетъ простудившихся пѣвцовъ, выпускаетъ въ одинъ вечеръ по семи тысячъ въ камеліяхъ къ ногамъ танцовщицъ, которыя даже не удостоиваютъ попирать ихъ своими дорого стоющими подошвами, а предоставляютъ тутъ же выметать половою щеткою; принимаетъ китайцевъ и генерала Флёри; не принимаетъ никакихъ отговорокъ по части скобленія тротуаровъ, которые безъ этого не представляли бы и половины опасности для обывательскихъ носовъ и затылковъ; Невскій проспектъ чуть не натираетъ воскомъ; строчитъ предписанія и отношенія, сочиняетъ проекты обрусенія (все это во մракѣ-то?), выставляетъ телятъ и нéтелей, покровительствуетъ искусствамъ и не покровительствуетъ литературѣ.... словомъ, дѣлаетъ видъ, какъ-будто онъ и въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ неугрожаемъ, будто онъ сытъ и прикрытъ отъ ненастья, будто въ немъ половина населенія не щелкаетъ зубами отъ голода и холода, покуда другая половина платитъ по 20 копѣекъ за фунтъ говядины и устилаетъ цвѣтами путь «европейскимъ талантамъ» — чтобъ, значитъ, Европа чувствовала.... Не знаю, какъ кому, а мнѣ выметенный и устланный процентными бумагами и камеліями Петербургъ представляется мрачною «città dolente» Данта; вывѣска мясной лавки, съ золотымъ быкомъ на лазоревомъ фонѣ — надписью на воротахъ ада: «lasciate ogni speranza!» Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство должно обуревать петербуржца, несущаго пустой желудокъ мимо этого золотого тельца? На окнахъ лавки Елисѣева я недавно видѣлъ горшки съ кустиками зрѣлой земляники, и задалъ себѣ задачу: сколько заключаетъ каждая ягодка обѣдовъ бѣдняка? Оказалось, что заключаетъ ихъ достаточное количество, ибо каждый кустикъ продается по 25 рублей, а ягодъ на немъ штукъ по двѣнадцати.... Пройдя сто шаговъ, я встрѣтилъ оборваннаго и стараго человѣка, непьянаго, который съ какимъ-то отупѣніемъ твердилъ вслухъ, глядя въ землю: «говядина—двадцать копѣекъ!—съ нами Богъ!...» и опять: «говядина—

двадцать копѣекъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся! Съ нами Богъ! говядина—20 копѣекъ!» Пока еще мстинскіе быки были цѣлы, въ одно служебное мѣсто является изнемогшій отъ лишеній всякаго рода, съ цынгой во рту, заштатный чиновникъ и проситъ себѣ занятій писаря,—а это значитъ 10 рублей въ мѣсяцъ.

— Мнѣ не достаетъ десяти рублей, чтобъ имѣть возможность ѣсть мясо,—безъ мяса, говоритъ докторъ, я умру.... а купить его нѐ на что....

Ему доставили тогда эту возможность. Спрашивается, сколько онъ съѣстъ его теперь? и кому будетъ хуже отъ Мсты — доннѣ-ли Маркизіо или ему?

Да, Петербургъ ужасный городъ, г. сочинитель кіевскаго проекта! И вы не вѣрьте ему на Невскомъ проспектѣ, на Сергіевской и въ Михайловскомъ театрѣ! Повѣрьте ему лучше, если можете, на заднихъ дворахъ и черныхъ лѣстницахъ (которыя правильнѣе бы назвать кромѣшними) даже красивыхъ домовъ, съ владѣльцами, сѣющими камеліи на театральномъ полу: гдѣ горитъ газъ, покуда не спитъ оберъ-полиціймейстеръ, тамъ витаютъ такіе газы, когда онъ уснетъ, что отъ нихъ можно и не проснуться обывателю, заплатившему свои часто пóтомъ добытые рубли за то, будто бы, что «нонче на этотъ счетъ строго!» А потому, спѣшите, пожалуйста, развить вашъ любезный проектъ! будьте до конца добры, дайте намъ всѣмъ выбраться изъ этого гнѣзда дѣйствительнаго мрака и нищеты, искусственнаго газоваго свѣта и роскоши; унесите насъ отъ нашей общей матери золотухи и батюшки тифа... А покуда, пусть уже мы всѣ, безъ раздѣленія сословій и спеціальностей, будемъ тащить это бремя, и въ полу-тьмѣ разсматривать произведенія нашихъ художниковъ, черпающихъ (и иногда не мелко) изъ одного съ нами источника лишеній и гнета осѣдлавшей насъ жизни... Вы желаете идеализировать ихъ взоры и влить розовенькаго романтизма въ бурую бурду существенности? Нѣтъ, пусть ужъ они смотрятъ глазами хоть грубой, но вѣрной дѣйствительности, на ея грубость и язвы, на ея рѣдкіе и блѣдные, но тѣмъ болѣе дорогіе, лучи свѣта. Оставьте ихъ дѣтьми этой строгой, общей матери, и пусть она выноситъ ихъ въ своемъ чревѣ какъ и насъ,—тогда только ихъ горе и радость будутъ нашимъ горемъ и радостію, тогда только мы отзовемся на нихъ... Художникъ долженъ быть воплотитель того, чтó носитъ въ себѣ, молча или безсознательно, все общество, котораго онъ чадо, а не нарядная прелестница, красующаяся гдѣ-то тамъ, въ своемъ прекрасномъ далекѣ, чтобы увѣрять насъ, будто нѣтъ ни тьмы, ни борьбы, а есть одно вѣчное ликованіе... И пускай розовый романтизмъ достигаетъ берега своими послѣдними ослабѣвшими шагами! дайте дорогу первымъ здоровымъ шагамъ реализма на поприщѣ родныхъ искусствъ. Пускай художники поспѣютъ за литературою, и от-

празднуютъ, какъ она, юбилеи корифеевъ романтизма. Онъ успѣлъ послужить довольно и дѣлу и дѣятелямъ—не помянемъ же его лихомъ...

Вотъ сама Академія, въ своихъ стѣнахъ, наглядно представляетъ вамъ этотъ конецъ и это начало—въ произведеніяхъ маститаго пейзажиста и молодого ваятеля. Первый, своими яркими, поразительными тонами и пріемами, ослѣпляющій болѣе тридцати лѣтъ сряду наши взоры, выслуживаетъ полную гражданскую пенсію... Второй, только два года назадъ занесъ въ свой формуляръ первое отличіе за свою «Вдову».

Никто, къ сожалѣнію, не велъ точнаго счета холстамъ, вышедшимъ картинами изъ-подъ рукъ г. Айвазовскаго, но онъ самъ, какъ мы слышали, приблизительно насчитываетъ ихъ до трехъ тысячъ. Производительность по-истинѣ изумительная и которая поклонниками южнаго солнца можетъ быть объяснена, пожалуй, вліяніемъ этого свѣтила на художника — уроженца и жителя юга. Если же этотъ изумительный успѣхъ производства переложить на успѣхъ сбыта (всѣ картины г. Айвазовскаго всегда продавались, и притомъ по цѣнамъ отъ десяти тысячъ и болѣе, до минимума нѣсколькихъ сотъ рублей за каждую), то окажется, что можно быть не разъ милліонеромъ, родившись однажды романтикомъ. Позволительно однако усумниться, чтобы успѣхъ этого необыкновеннаго дарованія, въ свое время совершенно заслуженный, могъ повториться, еслибы г. Айвазовскій еще повторился во всемъ его первоначальномъ блескѣ. Даже продолжающаяся знаменитость его должна быть отчасти объяснена привычкою, отчасти отсутствіемъ равносильнаго таланта, развитого на реальномъ поприщѣ. Дался ему успѣхъ сразу, какъ и итальянской музыкѣ, и продержался, какъ она, до созрѣвшихъ новыхъ требованій и пониманій въ искусствѣ. Въ его живописи та же внѣшность поэзіи, доступность формы и прiубранность, фіоритурность красокъ: какъ и она, онѣ горятъ, онѣ блестятъ, онѣ свѣжи и почти импровизированы. Та и другая не ищутъ, не добиваются, но или берутъ свое alla prima, или проходятъ не касаясь предмета, дѣлаютъ *fiasco*. И той и другой не къ лицу серьезная важность—тутъ онѣ обнаруживаютъ всю свою несостоятельность. Пѣть какъ поется, писать какъ пишется—должно быть ихъ девизомъ. А все-же къ чему не быть откровенными: итальянской музыкѣ, какъ и живописи г. Айвазовскаго, мы обязаны не одною минутою наслажденія. Покуда первая баюкаетъ своею задушевною кантиленою, легкою какъ жизнь Италіи, ее нашептавшею, такъ хорошо грезится, такъ ей подпѣвается... Пока нашъ пейзажистъ довольствуется водою, воздухомъ, пространной далью, игрою мѣсяца на волнахъ, туманомъ, который заволокъ ущелья, обнялъ и перевилъ горы тонкими лентами легкой дымки; покуда онъ разливаетъ потоки свѣта съ яснаго бездоннаго неба на цѣпи высоко сверкающихъ снѣговъ, бороздитъ колесами пароходовъ рѣки; сводитъ

задумчивыя ночи на тихіе хутора, клубитъ сѣрыя тучи надъ сѣрымъ и бушующимъ моремъ, гонитъ ураганы и вообще распоряжается стихіями—съ искусствомъ, смѣлостію, вкусомъ и наблюдательностью ему свойственными—до тѣхъ поръ онъ въ своей сферѣ... Всюду, гдѣ онъ пользуется мотивами, съ дѣтства ему натверженными красивою южною природою, мотивами, которые онъ успѣлъ полюбить и до того выносить въ себѣ, что всегда можетъ ихъ воспроизвесть на память, какъ неучившійся музыкѣ воспроизводитъ ее по слуху,—словомъ, тамъ, гдѣ онъ только Айвазовскій,—онъ талантливый и симпатичный мастеръ, не даромъ снискавшій себѣ популярность. Но да упасутъ боги всякій талантъ отъ заблужденія, что можно, не учась и не домогаясь, не проводя мѣсяцевъ и годовъ въ томительномъ высматриваніи тайнъ и подробностей природы, похитить тайну ея скрытой красоты, не яркой и не случайной, не красоты мгновеній, а той вѣчной и неизмѣнно спокойной красоты, которая лежитъ въ ней независимо отъ момента и отъ мѣста, отъ юга или сѣвера,—все равно, блѣдная-ли то береза осѣняетъ убогій долъ, или пальма раскинула свой зонтикъ надъ золотомъ полуденной пустыни.—Извѣстнымъ сочетаніемъ красокъ, искусствомъ противупоставленія контрастовъ освѣщенія, вѣрностью общаго тона и вкусомъ можно достигнуть условной прелести, даже повѣять воспоминаніемъ чего-то видѣннаго, испытаннаго, дать почувствовать правду данной минуты, даннаго впечатлѣнія, передать, такъ сказать анекдотъ изъ жизни природы; но чтобы представить ея живой отрывокъ, уловить на холстъ образъ ея *вѣчной* красоты, пахнуть самою непосредственностію ея жизни — всего этого нельзя сдѣлать однимъ искусствомъ техники и знаніемъ ея пріемовъ. Г. Айвазовскій, безспорно, поэтъ (хотя и изъ школы Бенедиктова и Марлинскаго), на его картинахъ можно указать цѣлыя части, написанныя въ минуты истиннаго вдохновенія и рядомъ такія, которыя дописывались холодно, чтобъ только вышла картина. Онъ спѣшитъ, потому что и вдохновеніе торопится — оно неспособно горѣть долго; а между тѣмъ, ремесло живописи требуетъ времени, какого, напримѣръ, не требуетъ слово: послѣднее кладетъ своимъ эпитетомъ сразу и прямо ту краску, какая нужна, тотъ оттѣнокъ, для воспроизведенія котораго живописи надо возиться съ политурой, подмалевывать, писать, выжидать, чтобъ подсохло и лисировать уже по сухому... Нѣтъ никакой возможности не перепламенѣть, въ теченіи сутокъ, покуда холстъ сохнетъ!.. А между тѣмъ, вдохновеніе, вылившееся въ водѣ или влетѣвшее въ воздухъ, заставляетъ ждать своего прихода для остальныхъ частей картины. Художникъ не ждетъ—и картину дописываетъ уже кобальтами и киноварью, тамъ гдѣ нужны краски природы. Отъ этого нѣтъ почти ни одного произведенія г. Айвазовскаго вполнѣ выдержаннаго: вездѣ — изумительныя отдѣльности и несостоятельность цѣлаго; вспышки вдох-

новенія и потоки риторики или рутины. Зеленая влага его волнъ достигаетъ часто прозрачности и сырости почти реальныхъ—ощутительныхъ. Хочется зачерпнуть этой воды, окунуться въ нее. Вода Ріона (на настоящей выставкѣ)—это вѣрная до точности передача характера горныхъ рѣчекъ, питаемыхъ вѣчными льдами (глетчерами)... Воздухъ его умѣетъ быть глубокимъ до того, что иной разъ просунулъ-бы, кажется, руку сквозь холстъ... И рядомъ съ этимъ деревья, первые планы земли и горъ, фигуры и другіе иностранцы, какъ-бы на зло самому себѣ впущенные пейзажистомъ въ свой художественный домъ, производятъ постоянно тамъ ужасающій безпорядокъ! Не станемъ касаться подробно того отдѣла произведеній г. Айвазовскаго, въ которомъ проявляется его невѣроятное суевѣріе во всемогущество пейзажа, гдѣ онъ мнитъ волшебнымъ мановеніемъ этого слабѣйшаго изъ орудій живописи вызывать въ образахъ и очертаніяхъ «духъ, носящійся надъ бездною», «первобытный хаосъ мірозданія» и т. п. Это заблужденіе, надо полагать, случайное, болѣзнь, отъ которой художникъ вылечился самими произведеніями, ею вызванными... Тутъ уже слѣдуетъ удивляться не тому, что духъ вышелъ какою-то бѣлою летучею мышью, а хаосъ не тѣмъ грандіознымъ хаосомъ, о которомъ мечталъ художникъ, но простымъ безпорядкомъ красокъ перепачканной палитры,—нѣтъ, надо изумляться, какъ такой знатокъ дѣла могъ ожидать, что выйдетъ иначе... Я, пожалуй, знаю одного пейзажиста, — правда совершенно бездарнаго,—который изобразилъ посредствомъ пейзажа «безсмертіе души»; да и то собственно онъ этого не изображалъ, а сдѣлалъ кавказское ущелье и въ немъ ѣдущаго русскаго офицера верхомъ. Безсмертія тутъ, какъ видите, нѣтъ еще никакого и не было-бы, еслибъ чеченецъ не поспѣшилъ обязательно подстрѣлить офицера, какъ куропатку. Здѣсь оно собственно и начинается. Для этого нѣкоторая молодая особа съ крыльями за спиною, какъ это бываетъ въ балетахъ, спускается съ очень плохо написаннаго воздуха къ офицеру, которому воронъ клюетъ въ свою очередь очи. Мораль картины такая: всякій офицеръ, какъ и куропатка, состоятъ изъ тѣла и души; душа, по крайней-мѣрѣ, у офицера, безсмертна; а такъ какъ она безсмертна, то ее и уносятъ въ плохо написанное небо; тѣло же—земля еси, и потому составляетъ снѣдь ворона. Конечно, все это въ своемъ родѣ безсмертно; но не раскрой снисходительно самъ хухожникъ всѣхъ тайнъ его произведенія, и зрителю оставалось-бы только постоять надъ картиною и отойти, сказавши, какъ у Гоголя: «чортъ знаетъ что такое!»

Вообще вторженія въ чужую область въ мірѣ искусства дѣло всегда рисковое и никогда не свидѣтельствуютъ о дальновидности художника. Нѣтъ никакой возможности вообразить себѣ, что цвѣтъ можно передать звукомъ, а мелодіею изобразить краску; идею безплотную никакъ не воплотишь въ образъ, а развѣ только въ безобразіе! Танцовальными

па можно передавать все, что угодно, кромѣ движеній души; и если въ балетахъ изображаютъ великодушіе, месть, властолюбіе, даже патріотическія чувства и самую смерть, посредствомъ подкидыванія все однихъ и тѣхъ-же ногъ, то посѣщающимъ Большой театръ художникамъ можно посовѣтовать только не принимать этихъ уроковъ Терпсихоры за преподаваніе имъ правилъ искусства. Это она преподаетъ нѣчто совсѣмъ другое, и кому-то совсѣмъ другому, а не имъ...

Область пейзажа опредѣлена точными границами, и только въ нихъ пейзажисту дано проявлять свою власть. Для этого онъ имѣетъ, во-первыхъ, *марину*, то-есть передачу воды и воздуха — это первый, простѣйшій видъ пейзажиста,—представителемъ его можетъ служить нашъ Айвазовскій; далѣе, собственно *пейзажъ,* или изображеніе земли и скалъ, растительности, воды, съ незначительными, въ видѣ аксессуарныхъ пятенъ, зданіями и фигурами людей и животныхъ, — таковъ Каламъ; наконецъ—соединеніе марины и пейзажа, съ прибавленіемъ цѣлыхъ рядовъ зданій, городовъ и фигуръ, играющихъ роль болѣе чѣмъ пятенъ, но входящихъ, такъ-сказать, органически въ тѣло пейзажа. Мы знаемъ лучше другихъ въ этомъ родѣ дюссельдорфскаго Андрея Аахенбаха. Это самый полный видъ пейзажиста. Сообразно сложности перечисленныхъ видовъ, усложняются и обязанности пейзажиста: то, чего достаетъ для перваго, окажется весьма недостаточнымъ для второго, а третьему уже понадобится сумма средствъ ихъ обоихъ. Вотъ почему однимъ врожденнымъ дарованіемъ, какъ бы имъ щедро ни надѣлила природа, не дойти до Калама и еще менѣе не возвыситься до А. Аахенбаха. Тутъ нужно долгое, настойчивое и терпѣливое преслѣдованіе цѣли, тѣ высиживанія и высматриванія, копированіе съ натуры этюдовъ при данномъ освѣщеніи, въ данномъ пунктѣ, о которыхъ говорено выше; тѣ выскабливанія и стиранія красокъ, переписыванье и передѣлыванье, которыми реалистъ Аахенбахъ доходитъ до животрепетанія природы въ своихъ добросовѣстныхъ и высокодаровитыхъ произведеніяхъ.

Я не даромъ заговорилъ объ Аахенбахѣ. За неимѣніемъ своего первокласснаго таланта по части пейзажа реальнаго, наши современные художники чутко поняли, что свѣтъ имъ долженъ идти пока изъ Дюссельдорфа. Первый примѣръ благотворнаго вліянія замѣтно выразился въ г. Боголюбовѣ. Смолоду увлеченный обаяніемъ г. Айвазовскаго, онъ скоро почувствовалъ, что Айвазовскимъ сдѣлаться нельзя потому, что имъ надо родиться. И вотъ онъ, съ твердостію и настойчивостію, столь рѣдкою въ русскомъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе художникѣ, да еще избалованномъ ранними лаврами Академіи и легкимъ успѣхомъ мариниста, заперся въ студію европейскаго мастера, и тамъ, позабывъ на-скоро пріобрѣтенное, принялся учиться съ азовъ, и выучился въ дѣльнаго, реальнаго, хотя, правда, и не самостоятельнаго,

пейзажиста. Природа далеко не такъ богато наградила г. Боголюбова, но трудомъ и волею онъ взялъ свое и расширилъ первоначальное узкое поприще до предѣловъ полнаго пейзажа... Если-бы г. Айвазовскій способенъ былъ столько потрудиться, мы имѣли-бы своего Аахенбаха, и имя его заняло бы мѣсто не въ одной нашей, но и въ общеевропейской живописи. Къ сожалѣнію, лѣнь и талантъ родятся почти всегда вмѣстѣ, и оттого-то вертоградъ нашихъ искусствъ особенно пестрѣетъ цвѣтами и надеждами, но не особенно плодами и достиженіями... Иначе незачѣмъ было-бы нашимъ академикамъ и профессорамъ браться за дюссельдорфскую указку теперь, какъ они брались за женевскую прежде—въ студіи Калама. Мимолетное вліяніе г. Айвазовскаго на молодыхъ художниковъ всегда оканчивалось рано, а тѣ, которые подъ нимъ оставались долѣе, увидѣли нѣсколько поздно, что идти по его торному слѣду нельзя, и принялись все-таки пробивать себѣ дорогу сами. Одинъ изъ даровитѣйшихъ пейзажистовъ нашихъ, г. Лагоріо, началъ свою карьеру подъ руководствомъ знаменитаго ѳеодосійскаго маринйста, а довершилъ ее только за этюдомъ и рисункомъ въ Римѣ, испытавъ прежде всю сладость извѣстности и скораго сбыта своихъ картинъ на родинѣ. Этотъ періодъ его дѣятельности такъ навсегда и остался лучшимъ въ артистической жизни. Въ студіи природы и подъ *ея* указкой онъ писалъ такъ, какъ ни прежде, ни послѣ уже писать не могъ; и прекрасное его дарованіе закрыло свой счетъ въ то время, когда только-бы и ждать отъ него капитальныхъ вкладовъ...

Въ мастерской Калама я видѣлъ увѣнчаннаго Академіею г. Мещерскаго — съ карандашомъ въ рукѣ, копирующаго рисунки своего учителя, и академика Эрасси, все еще сидящаго на этюдахъ. И эти извѣстные художники, конечно, не краснѣютъ за свои воспоминанія... Два знаменитые пейзажа, сдѣланные Каламомъ для нашей Академіи: «Тишина и буря», долго служили школою для пейзажной молодежи; на копіяхъ съ нихъ выучился не одинъ молодой талантъ первымъ шагамъ въ своемъ дѣлѣ... Можетъ быть, безъ такихъ приготовленій мы не имѣли бы теперь ни тѣхъ зрѣлыхъ, хотя значительно еще ошвейцаренныхъ и не вполнѣ еще самобытныхъ, художниковъ, какъ гг. Мещерскій и Эрасси, ни наслѣдовавшихъ имъ, уже гораздо болѣе самостоятельныхъ мастеровъ, Дюккера и барона Клодта. У этихъ уже пейзажъ не отзывается чужими отголосками далекихъ Альповъ, онъ заводитъ свои, незатѣйливые, но близкіе, душѣ мотивы родной природы... Двое Каменевыхъ, Шишкинъ и другіе съ меньшимъ противу нихъ талантомъ, но съ одинаковою послѣдовательностью, идутъ по тому-же пути... Теперь, кажется, можно предсказать, не слишкомъ забѣгая впередъ, близкое появленіе новой жизни въ нашемъ пейзажѣ, — дождаться-бы ему только своего Ѳедотова. Гоголь нашей бытовой живо-

писи, Ѳедотовъ выдвинулъ ее разомъ и вѣрною рукою на настоящій путь. Цѣлая вереница дарованій, болѣе или менѣе надежныхъ, болѣе или менѣе прилежныхъ, но всегда чуткихъ однажды данному лозунгу, создала уже цѣлую школу реальнаго и мыслящаго жанра, увлекая своимъ потокомъ даже модныхъ дамскихъ портретистовъ, которые скоро дѣлаются самыми крупными ея пріобрѣтеніями. Общность направленія вызываетъ общность интересовъ, и вотъ вся эта талантливая молодежь складывается въ «художественную артель»,сходится по вечерамъ рисовать и бесѣдовать, набираетъ съобща заказы, для поддержанія средствъ къ жизни и наконецъ предпринимаетъ и издаетъ (хотя на первый разъ и невполнѣ удовлетворительно, чтó она, конечно, лучше другихъ сама знаетъ) альбомъ произведеній годичной художественной выставки. Таковы первые видимые шаги реализма въ нашемъ искусствѣ. Далѣе будетъ случай указать еще на другіе...

Обращаясь къ настоящей причинѣ нашей статьи — выставкѣ картинъ г. Айвазовскаго, можно назвать предстоящіе передъ нами 15 большихъ видовъ Кавказа (изъ нихъ одинъ даже громадный) краткой христоматіей знаменитаго профессора. Тутъ есть образцы всего, чтó онъ когда-либо производилъ и образцы того, кáкъ онъ производилъ: здѣсь и давно-знакомая южная ночь съ извѣстною игрою мѣсяца на круглящейся поверхности моря, — такая-же мечтательная, такая-же чисто Айвазовскаго ночь... Здѣсь и влажное дыханіе ущелій, и дымка облаковъ на чреслахъ голубоватыхъ горъ... Тутъ-же и безпокойныя фигуры,—земля и деревья первыхъ плановъ, и фіолетовый Тифлисъ (чѣмъ нѣсколько сконфужены гг. кавказцы), и превосходная, совсѣмъ водяная волна—одна въ цѣлой картинѣ,—и весьма эффектно окрашенный малиновою зарею Гунибъ (на этотъ разъ къ общему энтузіазму гг. кавказцевъ), и битва русскихъ съ кабардинцами, такая кровавая, что потокъ, ниспадая съ страшной высоты, доноситъ въ пропасть не смѣшанныя съ водою струи крови (явленіе непредусмотрѣнное физикою), а убитые мюриды своимъ полетомъ внизъ головою напоминаютъ даже, грѣшнымъ дѣломъ, извѣстное пареніе духа надъ бездною... Но тутъ же опять чудная панорама снѣжной цѣпи Кавказа, залитая цѣлымъ потокомъ свѣта съ яснаго полуденнаго неба... Рядомъ задумчивый малороссійскій хуторокъ ночью (ночь — всегда добрая муза г-ну Айвазовскому)... Наконецъ — египетскія пирамиды (съ удивительной силой освѣщенія), и Суэзскій каналъ, который недавно видѣлъ художникъ... Словомъ—тутъ въ извлеченіи весь Айвазовскій, и если когда, то именно теперь итогъ ему подводится самъ собою. Даже трактуя въ первый разъ страну имъ никогда невиданную и неписанную, художникъ является тѣмъ же живописцемъ Крыма и Константинополя, столько намъ всѣмъ знакомыхъ и такъ много разъ видѣнныхъ. Да и не послѣ тридцатилѣтней слишкомъ практики на одномъ и томъ же по-

прищѣ родятся новая жизнь, новый характеръ, новый пріемъ!... Сошлюсь на кончающихъ лучшихъ дѣятелей нашей литературы. Доказательствомъ значительной живучести дарованія художника служитъ уже то, что картины, написанныя ветераномъ пейзажа, да еще послѣ «парящихъ духовъ» и «хаосовъ», въ состояніи напомнить прежняго, до-хаосной эпохи, Айвазовскаго. Такъ кончать не всякому удается. А что нашъ профессоръ кончаетъ, какъ и наши писатели-ветераны,—въ этомъ, вѣроятно, не сомнѣваются ни они, ни онъ. И потому, сколько бы еще ни исписалъ онъ холстовъ, а все-таки будетъ знать, что кончилъ... и, подводя итогъ, можетъ сказать себѣ: съ честью кончилъ!

Но, подобно тому, какъ въ природѣ, конецъ чего-нибудь всегда совпадаетъ съ началомъ чего-нибудь, въ искусствѣ конецъ одного направленія всегда сливается съ началомъ другого. Переступите порогъ, за которымъ вы оставили послѣдніе шаги громкаго, многолѣтняго шествія—и передъ вами предстанутъ первые шаги только-что входящаго въ область искусства ваятеля.

Конецъ и начало художественной жизни! На какія размышленія они наводятъ! Сколько ожиданій, золотыхъ надеждъ, тревоги и робкихъ опасеній, съ одной стороны,—безумной удали и унынія! сколько задачъ и несокрушимой готовности стремиться и достигать! какой избытокъ силы!... А съ другой—усталость и разочарованіе, если не равнодушіе, сплошная горечь въ малой каплѣ сладости, оставленной успѣхомъ, котораго когда-то такъ мучительно и не щадя силъ добивался, который не давался такъ упорно, такъ сокрушительно долго!... Не всѣмъ нестись на легкихъ его крыльяхъ, — большинство плетется на собственныхъ ногахъ, и счастливъ, кто донесетъ ихъ до привала непереломанными отъ пути...

А нашъ ваятель, надо сознаться, выступаетъ надежными и собственными ногами. Тѣмъ пріятнѣе пожелать ему—счастливаго пути, и въ добрый часъ!

Маленькая выставка его не блистаетъ количествомъ, ни затѣйливостью произведеній—

Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ!

Нѣтъ мокрыхъ драпировокъ, заимствованныхъ у антиковъ; художникъ не усиливается состязаться съ тою жизнію, тѣми представленіями объ искусствѣ, которыя сложились не при немъ, разработаны и воспроизведены прежде него: онъ ищетъ около себя, видитъ жизнь, которая кругомъ ходитъ, людей, которые подлѣ живутъ, и одѣваетъ ихъ въ платья, какія они носятъ—сухія, вседневныя платья, сшитыя

по образу и подобію нашихъ. Самое большее что́ онъ себѣ позволяетъ, такъ это раздѣть совершенно крошечныхъ ребятъ и воспользоваться всею прелестью ихъ пухленькихъ формъ и уморительно-милыхъ движеній, заставивъ прятаться подъ широкимъ лопухомъ отъ падающаго сверху дождя. Зато надо видѣть эту комическую серьезность, почти торжественность, мальчика, который, держа надъ головкою лопухъ, сознаетъ необыкновенную важность исполненнаго имъ дѣла: на немъ лежитъ обязанность большого — защищать еще меньшую, чѣмъ онъ самъ, сестренку... Онъ сосредоточенно сжалъ губки и вперился весь глазами на капающую воду, отъ которой дѣвочка, и боязливо и смѣясь, жмется къ нему... Граціознѣе, и въ тоже время реальнѣе по выполненію, нельзя желать группы. Художникъ, чувствующій такъ полно красоту, можетъ быть прелестнѣйшихъ изъ созданій вселенной—дѣтей, уже тѣмъ самымъ заявляетъ себя поэтомъ.

Знакомая прежде «Вдова» съ ребенкомъ на рукахъ,—склоненная грустно-покорнымъ лицомъ къ этому единственному дорогому слѣду утраченнаго счастья и ласкъ,—еще разъ напоминаетъ собою о первомъ шагѣ г. Каменскаго. За нею выступаетъ и самъ «первый шагъ» — послѣднее произведеніе молодого ваятеля. И если то было еще шагомъ къ достиженію, такъ это уже является самымъ достиженіемъ. Здѣсь нѣтъ и признака колебанія, или ощупыванія,—здѣсь реальный поэтъ ставитъ ногу на твердую почву, и, не сдѣлай онъ ничего болѣе, его группа сдѣлаетъ свое.

Обѣ группы—два момента одной и той же жизни: спеленатый ребенокъ первый всталъ на ноги и отважно ступилъ на собственныхъ ножонкахъ; грустный взглядъ матери озарился свѣтомъ радости и губы разцвѣли улыбкою—при видѣ готовящагося новаго счастія, новыхъ ласкъ... Вотъ она, теперь уже счастливая мать, присѣла на колѣно и, спустивъ на полъ сына, поощряетъ его ступить. Дитя, почти съ отчаяніемъ рѣшимости, ступило и пошатнулось; ухватилось ручонкою за одну изъ разставленныхъ около него рукъ матери и уже замышляетъ повторить свой подвигъ. Личико его дѣтски строго — онъ чувствуетъ, что совершаетъ нѣчто великое. Сіяніе чистаго восторга праздникомъ разливается по лицу матери. Достигнуто исполненіе давняго ожиданія... Ребенокъ пошелъ! Что́ это значитъ, знаетъ только мать, выносившая и выкормившая его грудью. Ребенокъ пошелъ! это первый видимый залогъ будущаго человѣка, это наглядное сознаніе идущей рядомъ, своей собственной обновленной жизни, это радость цѣлаго дома, событіе для знакомыхъ.

Проще мотива нельзя было выбрать; умнѣе выбрать было невозможно и лучше выполнить трудно. Все—начиная отъ изящнаго изгиба стана матери, до этой шаткой походки крѣпенькихъ нагихъ ножекъ мальчика, отъ складокъ ея платья, не взирая на свою необы-

чайную реальность, нисколько не мѣшающихъ чувствовать подъ ними молодое прекрасное тѣло и слѣдить за женственностью его движеній,—все, до этой распахнувшейся на груди дѣтской рубашонки, гдѣ видно, какъ она была сложена и какъ помялась отъ рукъ, гдѣ замѣтенъ самый рубецъ, — рѣшительно все дышетъ тою правдою, тою жизнью и простотою, которыя уравниваютъ мастерство рукъ человѣческихъ съ дѣлами величайшаго изъ мастеровъ — природы. *Такъ* передавать и *такую* вседневность — вотъ задача современнаго искусства. Нашъ молодой ваятель ее выполнилъ блистательно, и его заслуга тѣмъ бóльшая, что реальная скульптура — нововведеніе еще свѣжее. Глина и мраморъ, можно сказать, только на дняхъ почувствовали себя гражданами своего вѣка: до тѣхъ поръ они отсылались непремѣнно во времена до Рождества Христова. Немногіе изъ талантовъ Европы, а за ними и кое-кто изъ нашихъ, отважились на подобное развѣнчаніе (какъ думали недавно) скульптуры. Богини и вакханки одѣлись въ платья — и, оказывается, ничего не проиграли. Гулять на легкѣ, на морозѣ современнаго міра, имъ давно представлялось не совсѣмъ удобно, и гораздо лучше было уступить эту должность богинямъ въ трико, для возбужденія удовольствій въ посѣтителяхъ театровъ... Искусство не должно идти гдѣ-то между землею и небомъ—ему одна общая дорога съ людьми, которымъ оно служитъ. Отвергать его необходимость въ общей экономіи жизни такое-же недоразумѣніе, какъ считать потребностью прежде всѣхъ другихъ. Сухая земля одѣвается лѣтомъ въ зелень и цвѣты, не переставая производить хлѣбъ и картофель. Пусть же и дѣйствительность будетъ убрана цвѣтомъ искусствъ. Она отъ этого не перестанетъ ковать машины и класть рельсы, даже поддерживать преемственность входящихъ и исходящихъ бумагъ....

П. К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АРАКЧЕЕВСКІЯ ВОЕННЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ.

Матеріалы для новѣйшей русской исторіи.—Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году.—Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. Спб. 1870.

Вопросъ о постоянныхъ арміяхъ, ихъ значеніи, численности, занималъ весьма часто общественное мнѣніе западной Европы, и въ послѣднее время не проходило ни одной сессіи парламента безъ того, чтобы этотъ вопросъ не былъ поднятъ въ той или другой формѣ. Съ одной стороны, никто не оспариваетъ необходимости матеріальной силы, спеціально назначаемой для охраны государства; но съ другой—нѣтъ сомнѣнія, что такая охрана медленно, но не менѣе вѣрно, какъ и вторженіе непріятеля, истощаетъ охраняемую страну. Въ виду дилеммы, которую представляетъ вопросъ о постоянныхъ арміяхъ, любопытна попытка, которую на-дняхъ сдѣлало баденское правительство съ цѣлію вознаградить страну за ущербъ, какой наноситъ ей постоянная армія извлеченіемъ изъ нея силъ, и притомъ самыхъ лучшихъ силъ, съ точки зрѣнія возраста. Въ Баденѣ намѣреваются устроить при полкахъ зимнія школы для обученія солдатъ раціональному сельскому хозяйству и ремесламъ. Такимъ образомъ, отлучка земледѣльца въ войскѣ послужитъ для него средствомъ къ образованію, и общество, по возвращеніи солдата въ его среду, не только не будетъ обременено членомъ, потерявшимъ всякую способность къ производительному труду, но, напротивъ, найдетъ въ немъ болѣе просвѣщеннаго и болѣе искуснаго сотрудника.

Нельзя не отнестись сочувственно къ добрымъ намѣреніямъ баденскаго военнаго министерства, заслуживающимъ подражанія, но нельзя не вспомнить при этомъ, что въ царствованіе Александра I у насъ была сдѣлана чуть не подобная же попытка, обставленная снаружи самыми гуманными цѣлями и заключившаяся фактомъ, полнымъ самыхъ печальныхъ воспоминаній. Таковы были Аракчеевскія военныя поселенія, исторія которыхъ начинаетъ проясняться только въ самое послѣднее время.

До сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно даже, кому принадлежитъ проектъ этого учрежденія, кто его составилъ. Покойный Е. П. Ковалевскій, въ своей книгѣ: «Графъ Блудовъ и его время», говоритъ, что проектъ военныхъ поселеній напоминаетъ проекты императора Павла,

писанные имъ еще наслѣдникомъ. Только великій князь полагалъ поселить войска по границамъ Россіи, сообразно силамъ противолежащаго государства, для того, чтобъ имѣть возможность удержать нападеніе его. Другіе приписываютъ мысль этого учрежденія самому императору Александру, который руководился гуманною цѣлію—дать осѣдлость солдату. Какъ бы то ни было, но военныя поселенія совершенно противорѣчили духу русскаго народа и были осуществлены на время страшными мѣрами жестокости графа Аракчеева, который постоянно, въ своихъ отчетахъ и донесеніяхъ императору [1]) старался указывать на гуманную цѣль учрежденія и выставлять его, какъ нѣчто цивилизующее и благодѣтельное для государства; донесенія эти изложены фразистымъ языкомъ, явно бившимъ на эффектъ и извѣстное впечатлѣніе, и, быть можетъ, никогда еще истина такъ не противорѣчила этому краснорѣчію, которымъ она закрывалась, какъ въ этомъ случаѣ. Когда чаша долготерпѣнія народнаго переполнилась, разразился бунтъ. Народъ никогда не встаетъ по причинамъ ничтожнымъ: онъ необыкновенно консервативенъ и терпѣливъ; онъ испробуетъ всѣ пути, чтобъ выдти изъ ужаснаго своего положенія, онъ будетъ смиряться въ безвыходной обстановкѣ, когда уже исчезнетъ всякая надежда на облегченіе, и способенъ надолго мириться на ничтожныхъ уступкахъ, принимая ихъ за зарю будущаго улучшенія; для того, чтобъ онъ всталъ — потребны многія условія и между прочимъ хотя бы мнимая законность, хотя бы тѣнь ея, которую онъ, при своемъ невѣжествѣ и суевѣріи, легко раздуваетъ въ твердую почву подъ собою. Онъ возставалъ противъ власти во имя другой, верховной власти, которую онъ не могъ вообразить себѣ иначе, какъ абсолютно справедливою, какъ естественною защитницею его правъ, попранныхъ органами ея безъ ея вѣдома и вопреки ея намѣреніямъ. Все это выразилось въ бунтѣ военныхъ поселеній, къ разъясненію котораго можетъ содѣйствовать между прочимъ и вышеуказанное изданіе, въ качествѣ матеріаловъ для будущаго историка эпохи Александра I.

По рѣкѣ Волхову, видѣвшему дружины новгородцевъ, растягивались поселенные полки, раздѣленные полями и лугами, принадлежавшими каждому округу; роты жили отдѣльно, у каждой была своя ротная площадь, гауптвахта, общія риги и гумны; всѣ постройки были стройны и единообразны, какъ фрунтъ; всѣ избы, для гармоніи, были одинаковыхъ размѣровъ, такъ что маленькая и огромная семья имѣли для своего помѣщенія одинаковое количество кубическихъ аршинъ; чистота и порядокъ заведены были примѣрные, и начальническому взору поселеніе всегда представлялось, какъ вычищенный, парадный мундиръ, а начальническое сердце Аракчеева не лишено было своей доли звѣр-

[1]) См. Новгородскій Сборникъ 1867—1868 г.

ской сантиментальности и способности умиляться. Онъ зналъ, что «порядокъ» не дается безъ жертвъ, что осуществленіе великой идеи всегда сопряжено съ страданіями для отдѣльныхъ личностей, но что̀ они значатъ передъ общимъ благомъ? Палки, шпицрутены, розги — превосходное и испытанное средство для цивилизаціи мужиковъ; чѣмъ строже и неумолимѣе поступать съ ними — тѣмъ успѣхъ надежнѣе; обладателю великой идеи военныхъ поселеній не надобны были указчики и совѣтники, а требовались только одни исполнители, не разсуждающіе, не порицающіе, даже не понимающіе всего того, что они дѣлать обязаны; чѣмъ больше такихъ исполнителей, тѣмъ неотъемлемѣе слава реформатора; умныхъ и образованныхъ, и въ особенности высокопоставленныхъ людей онъ возилъ взглянуть на поселенія, какъ напримѣръ, Сперанскаго, и былъ счастливъ, что они не только одобряли идеи солдата-реформатора, но восхищались ихъ практическимъ осуществленіемъ и печатали о нихъ лирическіе диѳирамбы. Онъ завелъ даже свой печатный органъ, «Семидневный Листокъ военнаго поселенія», гдѣ кантонисты, въ стихахъ и прозѣ, воспѣвали его дѣянія и счастье поселянъ, этихъ «нѣжнѣйшихъ друзей», среди которыхъ «науки, чести, славы, благочестіе и кротки нравы цвѣли какъ розы» — объ оркестрѣ на палкахъ и шпицрутенахъ, разумѣется, умалчивалось. «Листокъ» скончался на 6-мъ нумерѣ, но дѣло осталось; почилъ императоръ Александръ, но дѣло продолжало свое существованіе и послѣ него, порождая среди поселянъ бѣдность, деморализацію, стоны и ужасающую смертность — *одинъ изъ десяти* — которая не считалась большою; если смертность усиливалась — начинались слѣдствія, начальники отдавались подъ судъ, который обыкновенно ничѣмъ не кончался. «Главные начальники, говоритъ Панаевъ, выбравъ что̀ было получше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначали ихъ частными начальниками работъ, предоставивъ въ полное ихъ распоряженіе батальоны, на работѣ бывшіе. Батальонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязаны были не разбирать средствъ и быть покорными, даже противу присяги и совѣсти. Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь-бы сдѣлано было, что приказано начальникомъ. Шпіонства съ одной стороны, и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противъ ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими — съ другой, ослабляли совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными.... Войска были деморализованы начальствомъ, и начальники, съ своей стороны, получая приказанія свыше, кои могли возбуждать ропотъ между нижними чинами, исполняли эти приказанія не прямо, но старались внушить солдатамъ, что ежели бы имъ при-

казано не было, то они бы не стали такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая *секретно* не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на работы и по праздникамъ... Поселенные начальники, какъ окружные, такъ и ротные, будучи въ зависимости отъ нижнихъ чиновъ и опасаясь жалобъ и доносовъ, вообще командовали слабо. Поселяне не любили начальства, и ежели повиновались, то единственно изъ страха, ибо поселенія были наполнены войсками, ненавидящими поселенія и поселянъ, въ особенности потому, что нигдѣ не было хуже стоянки на квартирахъ, какъ у поселянъ». Когда въ 1831 г. дѣйствующія войска были выведены въ Польшу, въ поселеніяхъ оставались одни резервные батальоны, состоявшіе изъ небольшого числа старыхъ солдатъ и дополненные до комплекта дѣтьми военныхъ поселянъ. Такимъ образомъ, управленіе, основанное на одномъ страхѣ, потеряло свою главную и единственную опору. Надобно было только искру, чтобъ вся накопленная годами ненависть вспыхнула. Этой искрою послужила холера.

Первое появленіе этой болѣзни на Руси возбудило самые странные толки. Даже начальство, при всей своей прозорливости, не знало, что это такое, но наставленія и циркуляры съ надписью «секретно», «весьма секретно», эти талисманы нашего стараго режима, тѣмъ не менѣе облетѣли зараженныя мѣста; обладатели «секретовъ» ничего толкомъ не объясняя, предписывали жителямъ извѣстную діэту, ставили въ обязанность имѣть перцовку, заводили карантины, заставляли, при въѣздахъ въ селенія, курить навозныя кучи; дворянство избирало особыхъ «смотрителей», которые чуть не уморили крестьянъ съ голоду, ибо, не внемля рыданіямъ бабъ и мольбамъ мужиковъ, заставляли выливать квасъ въ навозъ, а капусту, рѣдьку и другія овощи выкидывать за селенія въ овраги; случалось, что повезетъ крестьянинъ продавать соленую рыбу, а смотритель схватитъ его среди селенія, обложитъ возъ съ рыбой соломою, зажжетъ ее и устроитъ, такимъ образомъ, торжественный аутодафе. Во всѣхъ распоряженіяхъ выказывалась таинственная мудрость: холера шла съ юга на сѣверъ, и, естественно, слѣдовало ожидать, что кордонныя линіи будутъ проведены поперекъ всѣхъ путей, идущихъ отъ Москвы къ Петербургу; но ихъ провели вдоль посреди дорогъ, съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ стороны — одну приказано было считать благополучною, другую неблагополучною; къ сожалѣнію, холера не выказывала ни малѣйшаго вниманія къ мѣропріятіямъ начальства, иногда оставляя обѣ стороны благополучными, иногда обращая неблагополучную въ благополучную, и обратно. Но коса нашла на камень: начальство не уступало тоже и продолжало упорно держаться своего распредѣленія, окуривая всякаго проѣзжаго хлористою известью въ баняхъ и передавая его самого,

лошадей, экипажъ и имущество, на длинныхъ шестахъ, съ неблагополучной стороны на благополучную. Случалось иногда такъ, что какое-нибудь село стояло на сторонѣ, оффиціально признанной благополучной, а крестьянское поле на сторонѣ противоположной; крестьяне безпрепятственно переѣзжали за снопами, дровами и сѣномъ на неблагополучную сторону, но при возвращеніи съ поля, то-есть, съ неблагополучной стороны, въ село, т.-е. въ благополучную сторону, были останавливаемы: дрова, сѣно, снопы раскладывались и передавались на село на длинныхъ шестахъ, точно также телѣги и лошади.

Извѣстно, что холерная эпидемія совпала съ польскимъ возстаніемъ, и потому нѣкоторые повѣствователи, впрочемъ, совершенно голословно, приписываютъ народныя волненія подстрекательствамъ неблагонамѣренныхъ людей, направляемыхъ поляками. Мы склонны думать, что одного паническаго страха передъ эпидеміей и совершенно неблагоразумныхъ и никакимъ объясненіямъ не поддающихся мѣръ администраціи было достаточно, чтобы породить въ народѣ самые нелѣпые толки. Ничего не понимая ни въ мѣропріятіяхъ, ни въ холерѣ, народъ искалъ причинъ этого явленія около себя и находилъ ихъ въ своихъ мнимыхъ или настоящихъ врагахъ. Помѣщичьи крестьяне не любили господъ, государственные — чиновниковъ, то-есть господъ же, поселяне—своихъ начальниковъ, офицеровъ, петербургскій людъ—полицію и докторовъ, которыми онъ считалъ вообще нѣмцевъ; былъ еще одинъ общій врагъ, съ которымъ въ то время вели мы войну—поляки. И не у однихъ крестьянъ, а и у людей съ нѣкоторымъ образованіемъ составилось такое умозаключеніе: холера—это выдумка господъ, которые, будучи подстрекаемы и подкупаемы поляками, отравляютъ озера, рѣки и колодцы, даже грибы и ягоды. Подъ вліяніемъ страха и сильнаго нервнаго возбужденія вѣрится обыкновенно несравненно скорѣе, чѣмъ при нормальномъ состояніи духа, самымъ нелѣпымъ и невозможнымъ слухамъ; подозрительность развивается до крайней степени и, естественно, прежде всего и всего сильнѣе обращается къ тѣмъ, кого мы считаемъ своими врагами, о чьей погибели, ради своего собственнаго благосостоянія, мы мечтали не разъ въ безсильной ярости. Никакихъ злонамѣренныхъ людей тутъ не нужно—все дѣлается само собою и подстрекателемъ является наиболѣе смѣлый изъ своей же среды, въ формѣ слуха, предположенія, хотя бы самаго противоестественнаго, выражающій общую мысль. «Для дураковъ—ядъ да холера, а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго козьяго племени не было», сказалъ одинъ старикъ во время поселенскаго бунта. Этой фразой вполнѣ резюмируется настроеніе недовольныхъ, глупыхъ и умныхъ, порожденное извѣстными причинами...

Одинъ изъ повѣствователей о бунтѣ говоритъ, что народъ впалъ въ какое-то «непостижимое умопомраченіе». Мы видѣли, что это умо-

помраченіе, напротивъ, совершенно понятно при невѣжествѣ, забитости и легковѣріи массы. Вся исторія нашего развитія до послѣднихъ дней чрезвычайно наглядно рисуетъ намъ это свойство русскаго человѣка, безъ разбора, вѣрить всякимъ бреднямъ. Мы даже сдѣлали успѣхи въ этомъ отношеніи: прежде нелѣпые слухи распускали люди, именуемые оффиціально «злонамѣренными», теперь этимъ позорнымъ ремесломъ занимаются благонамѣренные патріоты, какъ сами себя они величаютъ; прежде «злонамѣренные» люди возбуждали ненависть между сословіями и народностями, теперь благонамѣренные патріоты возбуждаютъ ненависть даже между возрастами. Загорѣлся Щукинъ дворъ, благонамѣренные патріоты нашли своевременнымъ и прекраснымъ бросить, посредствомъ печатнаго станка, обвиненіемъ въ молодежь; сгорѣлъ Симбирскъ—виноваты поляки; плохо идутъ внутреннія дѣла—виноваты «интрига», «сепаратизмъ», «нигилизмъ», и проч. Бунтовавшіе крестьяне и военные поселяне кричали, что ихъ отравливаютъ господа, что ядъ разлитъ всюду; благонамѣреннымъ патріотамъ этимъ ядомъ служатъ—«интрига» и прочія чудища. Бунтовавшіе поселяне говорили, что начальники дали подписку въ томъ, чтобъ изводить народъ; quasi-патріотическія газеты и теперь говорятъ, что канцелярскій ржондъ и имъ подобные дали подписку въ томъ, чтобъ сгубить Россію. Надѣемся, что насъ никто не упрекнетъ въ натяжкѣ: эта близорукость, это «умопомраченіе», и въ томъ, и въ другомъ лагерѣ, какъ ни далеки они другъ отъ друга по своему образованію, слишкомъ ярко бросаются въ глаза, чтобъ сравненіе не легло подъ перо само собою. Конечно, только благодаря полиціи не составилось еще шаекъ, которыя бы ходили по Руси и истребляли бы всѣхъ, не признающихъ власти патріотовъ-самозванцевъ; только опасаясь городской полиціи «Московскія Вѣдомости» не приняли совѣта своихъ друзей—«взять бичъ!»

Но крестьяне и поселяне въ 1831 г. были рѣшительнѣе: они взяли бичи, дубины и другія домашнія орудія и пошли по городамъ и селамъ искать «измѣнниковъ» и «сепаратистовъ», которые будто бы разсыпали отраву.—«Намъ приказано избивать господъ», кричали они; помѣщиковъ и вообще господъ, имѣвшихъ несчастіе попадаться имъ на встрѣчу, они сѣкли до полусмерти, нѣкоторыхъ совсѣмъ отправляли на тотъ свѣтъ; начальство разбѣгалось, граждане, то-есть жители городовъ, сами составляли общества для истребленія отравителей, а потому на просьбы вооружиться противъ поселянъ, отвѣчали: «Намъ-то что за дѣло? Вѣдь поселяне идутъ противъ господъ—ну, и вѣдайтесь съ ними, какъ знаете, а наше дѣло—сторона». Вооруженные косами, вилами и чѣмъ попало, человѣкъ 300 поселянъ пришли въ Старую Русу, заставили архимандрита, настоятеля тамошняго монастыря, выдти съ крестнымъ ходомъ на городскую площадь и привести всѣхъ ихъ къ присягѣ, чтобы дѣйствовать всѣмъ имъ за одно и другъ

другу не измѣнять. Укрѣпленные такимъ образомъ, они разгромили городскую аптеку и заставили аптекаря пробовать лекарства изъ всѣхъ стклянокъ и банокъ, въ удостовѣреніе, что онъ не отравляетъ ими воду; разумѣется, аптекарь поплатился за это жизнію; совершивъ еще нѣсколько подвиговъ, они избили до смерти полиціймейстера, майора Манжоса, и трупъ его привязали къ хвосту разъяренной лошади, которая мыкала его по улицамъ до тѣхъ поръ, пока не остался одинъ только безобразный костякъ. Толпа оставила городъ и направилась по деревнямъ, ища себѣ добычи. Слухъ объ этихъ подвигахъ дошелъ до другихъ поселенныхъ полковъ, между прочимъ австрійскаго и гренадерскаго короля прусскаго, и воспламенилъ ихъ также на кровавые, ужасающіе своимъ звѣрствомъ, подвиги противъ начальства. Командиры, получивъ предписаніе о мѣрахъ предосторожности противъ холеры, сбираютъ офицеровъ на совѣщаніе, а между поселянами распространяется слухъ, что офицеры даютъ подписку въ томъ, чтобъ истреблять ядомъ народъ. Одинъ унтеръ-офицеръ, желая отдѣлаться отъ жившей у него безпаспортной дѣвки, рѣшился попугать ее: взявъ хлоровой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты. Известь закипѣла. «Вотъ этимъ убью тебя!» сказалъ онъ.—«Караулъ! травятъ!» закричала дѣвка. Прибѣжавшіе поселяне схватили мнимаго отравителя и представили къ своему капитану, капитанъ написалъ подполковнику Бутовичу, начальнику округа военнаго поселенія гренадерскаго австрійскаго полка, что поймали отравителя. Бутовичъ немедленно отправился на мѣсто происшествія вмѣстѣ съ штабъ-лекаремъ Богоявленскимъ, котораго онъ взялъ съ собою для объясненій съ поселянами, и докторъ сдѣлался первою жертвою.—«Говори, гдѣ у тебя ядъ?» закричала толпа и бросилась къ нему, вооруженная шкворнями и вилами, и требовала, чтобъ онъ написалъ имена «подписавшихся на холеру». Докторъ старался убѣдить ихъ, что они заблуждаются, что никакого яда нѣтъ, что хлоровая известь употребляется для окурки.—«Знаемъ мы, какая это окурка—она насквозь прожигаетъ, это мышьякъ». Доктора стали бить. Это происходило въ ригѣ, куда поселяне привели его для допроса. Взглянувъ на потолокъ, одинъ поселянинъ сказалъ: «Что его слушать! давайте-ка веревку, повѣсимъ его». Тотчасъ эта мысль была подхвачена криками: «вѣшать, вѣшать!» Полуживой отъ побоевъ, напуганный этою послѣднею угрозою, докторъ сказалъ, что подписка дѣйствительно была и написалъ имена всѣхъ начальниковъ.—«Больше намъ ничего не нужно», сказали обрадованные поселяне и положили Богоявленскаго почти мертваго къ сторонѣ. Было чего и радоваться имъ: они воображали, что теперь всякія насилія возможны, потому что у нихъ есть письменное доказательство преступленій начальства. Какими средствами они достали его—вопросъ маловажный, потому что допросы «съ пристрастіемъ» употреблялись самимъ началь-

ствомъ, и не разъ, конечно, шпицрутины вырывали у поселянъ признанія въ такихъ проступкахъ, которые они и не думали совершать. Вѣрили ли они этому вынужденному показанію? Большинство, по всей вѣроятности, вѣрило; остальнымъ было все равно—хорошо что есть какъ бы законный предлогъ къ расправѣ, къ мщенію за все то, что они вытерпѣли отъ командировъ.

Бутовичъ потерялся, какъ и другіе офицеры. Поселяне вышли изъ всякаго повиновенія, и тѣ изъ нихъ, которые не принимали участія въ бунтѣ, оставались пассивными. Бутовичъ обратился-было къ одной фузелерной ротѣ, на которую онъ разсчитывалъ; онъ убѣждалъ роту стрѣлять въ поселянъ. «Стрѣляютъ только въ непріятелей», отвѣчали ему изъ фронта. — «Дамъ сто рублей за каждый выстрѣлъ», сказалъ Бутовичъ, вынимая изъ кармана деньги. Солдаты опустили ружья къ ногѣ. «Какой же онъ намъ начальникъ, когда подговариваетъ противъ насъ стрѣлять», заговорили поселяне, перемигиваясь съ солдатами. «Онъ вѣрно подкупленъ, измѣнщикъ». Одинъ пьяный поселянинъ подошелъ къ Бутовичу и сказалъ: «желаете вы умереть съ покаяніемъ, ваше высокоблагородіе?» А потомъ, ударивъ его по головѣ, сорвалъ эполеты и закричалъ: «берите его!» Поручикъ Забѣлинъ, выхвативъ у одного солдата ружье, крикнулъ ротѣ: «За мной, колите мужиковъ!» Но солдаты не трогались, а поселяне, избивъ Забѣлина, связали его вмѣстѣ съ Бутовичемъ возжами и потащили въ ригу.

Однородныя явленія происходили и въ округѣ прусскаго полка. Мятежники схватили офицеровъ и батальоннаго командира и заключили ихъ на гауптвахту, а командиромъ своимъ избрали инженеръ-капитана Костарева, которому, однако, постоянно грозили смертью. Это былъ командиръ только для виду и вся его роль ограничивалась тѣмъ, что онъ по возможности останавливалъ поселянъ отъ убійствъ; но убійства все-таки были совершены ночью, на плацу, куда выводили несчастныхъ и казнили тамъ, предварительно вымучивъ у нихъ признаніе, что они были подкуплены и дали согласіе отравлять народъ. Плачъ офицерскихъ женъ не трогалъ толпу, и когда онѣ собрались къ священнику, чтобъ раздѣлить свою горесть, свой страхъ и облегчить отчаяніе, одна поселянка пожилая «и, повидимому, степенная», подошла къ знакомымъ ей офицерскимъ женамъ и, вмѣсто утѣшенія, сказала имъ: «Когда нашихъ мужей били, вы тогда чай пили».

Несравненно умнѣе Костарева поступилъ другой инженеръ, подполковникъ Панаевъ, человѣкъ уже пожилой. Услыхавъ о бунтѣ въ австрійскомъ округѣ, онъ поѣхалъ туда и нашелъ человѣкъ 300, стоявшихъ въ разныхъ кучкахъ. — «Что вы тутъ дѣлаете?» спросилъ онъ.—«Холеру выгоняемъ», отвѣчали ему и не сняли шапокъ.—«Гдѣ ваши начальники?» — «Вонъ тамъ лежатъ», отвѣчали поселяне, указывая на ригу. — «Какъ лежатъ?» — «Да такъ; положили, такъ и ле-

жатъ; да что долго говорить, все одно племя, кладите и его! Государь приказалъ всѣхъ бить, потому что какіе-то два генерала выстрѣлили по немъ на Исакіевскомъ мосту въ Петербургѣ». Панаевъ обратился къ говорившему эти слова съ такимъ вопросомъ: «Ежели это воля государя, то, конечно, исполнить ее должно, но развѣ ты былъ въ Петербургѣ и самъ слышалъ какъ государь приказалъ?»—«Вотъ онъ такъ говоритъ», отвѣчалъ поселянинъ, показывая на другого, а этотъ послѣдній на третьяго. Панаевъ превыгодно воспользовался этимъ моментомъ и мотивами, которыми крестьяне объясняли свои буйства. Кромѣ того, онъ имѣлъ на своей сторонѣ то огромное преимущество, что при постройкахъ, которыя онъ возводилъ въ округѣ, не тѣснилъ поселянъ и старался разумно распредѣлять между ними работы. Извѣстный такимъ образомъ съ лучшей стороны поселянамъ, онъ сталъ говорить имъ, что слухамъ нечего вѣрить: «Подозрѣвая своихъ начальниковъ въ отравленіи, вы обратились бы ко мнѣ, какъ къ старшему въ округѣ. Не будучи вашимъ прямымъ начальникомъ, я разузналъ бы это дѣло безпристрастно: для меня всѣ равны, и я посадилъ бы вашихъ начальниковъ подъ арестъ, а изъ поселянъ мы выбрали бы депутатовъ къ государю императору и если ваши начальники въ самомъ дѣлѣ такіе изверги, то государь пришлетъ палача для казни ихъ, а намъ самимъ нечего и руки объ нихъ марать». Рѣчь эта подѣйствовала на поселянъ: «вѣдь онъ дѣло говоритъ», заговорили одни, но другіе кричали: «не слушайте его». Толпа, между тѣмъ, возросла до 1000 человѣкъ, и нѣсколько человѣкъ крикнули:

— «Не слушайте, кладите всѣхъ на повалъ, не надо намъ и государя!»

Минута была рѣшительная, но Панаевъ и тутъ не потерялся. — «Какъ, разбойники?» закричалъ онъ. «Кто осмѣлился возстать на государя? Ребята! кто вѣренъ государю, кричите ура!» Въ толпѣ закричали ура, и Панаевъ сталъ переписывать тѣхъ, которые объявили себя вѣрными государю. Такимъ образомъ, ему удалось раздѣлить бунтующихъ на двѣ части и поступить рѣшительнѣе. Въ сопровожденіи поселянъ онъ отправился въ ригу: здѣсь лежали еще полуживые подполковникъ Бутовичъ и поручикъ Забѣлинъ, и мертвые уже штабъ-лекарь и офицеръ Пановъ. Какой-то кантонистъ подкидывалъ эполетъ Бутовича. Панаевъ прикрикнулъ на кантониста и велѣлъ пристегнуть эполетъ къ плечу Бутовича. «Передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ», сказалъ послѣдній. Въ своемъ разсказѣ о бунтѣ, капитанъ Заикинъ говоритъ, что будто Бутовичъ сказалъ Панаеву: «Вотъ какъ здѣсь насъ мучаютъ, заступитесь, Николай Ивановичъ!» — «Вѣдь я сколько разъ говорилъ вамъ, что распоряженія ваши бѣды намъ надѣлаютъ», возразилъ будто бы Панаевъ. Самъ Панаевъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, но въ томъ положеніи, въ какое

онъ принужденъ былъ поставить себя къ бунтовщикамъ, такая фраза въ устахъ его весьма естественна. Во всякомъ случаѣ, вліяніе его возрастало; онъ не могъ помѣшать убійству еще двухъ офицеровъ, потому что поселяне покончили съ ними прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подойти къ нимъ, но затѣмъ офицеровъ только хватали и отдавали Панаеву подъ арестъ. Одного изъ нихъ, Соколова, поселяне сильно избили, но сторона, стоявшая за Панаева, отняла его и передала командиру. Во время этой борьбы, одинъ унтеръ-офицеръ горько плакалъ. — «О чемъ ты плачешь?» спросилъ Панаевъ. — «Что дѣлается! убиваютъ не командира, а отца», отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.—«Такъ ты, вмѣсто того, чтобъ плакать, пошелъ бы къ поселянамъ и убѣдилъ ихъ отдать его мнѣ». Унтеръ-офицеръ побѣжалъ, и черезъ минуту Панаевъ увидалъ, что онъ коломъ билъ Соколова. — «Что ты дѣлаешь? не самъ ли ты говорилъ мнѣ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ», сказалъ Панаевъ. Унтеръ-офицеръ отвѣчалъ ему: «Ужъ видно, что теперь пора такая, ваше высокоблагородіе: видите, что весь міръ бьетъ, чтожъ я буду стоять такъ!»

У Панаева въ разсказѣ вырывается тутъ жестокая и несправедливая фраза: «Вотъ, говоритъ онъ, образецъ сужденій большей части людей въ такихъ случаяхъ; *уговаривать ихъ можно только штыкомъ или пушкою»*. А между тѣмъ, всѣ дѣйствія Панаева и поведеніе поселянъ опровергаютъ это самымъ очевиднымъ образомъ: у него не было никакой пушки, никакого оружія, и однимъ своимъ благоразуміемъ, хладнокровною находчивостію, мужествомъ, убѣжденіями, знаніемъ человѣческаго сердца, на которое онъ дѣйствовалъ средствами отвѣчающими даннымъ случаямъ и перипетіямъ мятежа, онъ успѣлъ прекратить убійства, отправилъ депутатовъ къ государю, заставилъ поселянъ похоронить жертвы ихъ ярости и среди возбужденной толпы возстановить нѣкоторый порядокъ и уваженіе къ принципу власти. Быть можетъ никогда, ни одинъ офицеръ не находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ Панаевъ, а потому примѣръ его заслуживаетъ общаго вниманія и изученія. Собственный разсказъ его о бунтѣ и своихъ дѣйствіяхъ повсюду простъ и правдивъ; независимо отъ того внутренняго убѣжденія, которое сообщается читателю тономъ и ясностію повѣствованія, въ пользу его говоритъ и разсказъ Заикина, а этотъ офицеръ не былъ расположенъ къ Панаеву.

Государь принялъ депутатовъ грозно, но прибавилъ: «Если въ васъ есть хоть искра человѣколюбія, то раскайтесь въ своихъ поступкахъ; я пріѣду и, можетъ быть, помирюсь». Передъ государемъ пріѣхалъ Орловъ, прочиталъ поселянамъ высочайшій указъ о холерѣ и увѣщевалъ ихъ. Всѣ молчали. Вдругъ одинъ поселянинъ крикнулъ: «Положимъ, что холера и существуетъ, а зачѣмъ начальство роздало ядъ?» Орловъ сталъ объяснять ему дѣйствія лекарства, но такъ какъ,

по всей вѣроятности, эти объясненія были очень смутны, то крестьянинъ не уступалъ ему и приводилъ свои доказательства. Тогда, Орловъ, ударивъ себя по бедру, сказалъ: «Молчи! или я тебя черезъ крышу перекину». Это превосходный образчикъ тогдашнихъ начальническихъ «объясненій» съ подчиненными. Однако, принять крутыя мѣры Орловъ побоялся: онъ велѣлъ отправить арестованныхъ на гауптвахтѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ Новгородъ, и сказалъ поселянамъ: «Если окажутся виновными, то всѣ отвѣтятъ по всей строгости законовъ». Панаевъ самъ отвезъ въ Новгородъ 38 арестованныхъ офицеровъ, которымъ грозила смерть безъ его распорядительности. О посѣщеніи государя заимствуемъ у Панаева слѣдующія подробности: «Государь принялъ отъ меня рапортъ о состояніи округа и, увидѣвъ, что 8 человѣкъ показаны въ командировкѣ (до исключенія такъ показывались убитые), сказалъ мнѣ: «Это въ дальней!» и потомъ вышелъ изъ коляски, поцѣловалъ меня и изволилъ сказать: «Спасибо, старый сослуживецъ, что ты здѣсь не потерялъ разума,—я этого никогда не забуду». Потомъ увидѣвъ стоящихъ на колѣняхъ поселянъ съ хлѣбомъ и солью, сказалъ имъ: «Не беру вашего хлѣба, идите и молитесь Богу!» Вошедъ въ экзерциргаузъ и взглянувъ на стоящихъ поселянъ, коимъ майоръ Баллашъ скомандовалъ: «шапки долой!», прошелъ въ церковь; я слѣдовалъ за нимъ.» Поговоривъ съ священникомъ и Панаевымъ о нравственномъ состояніи поселянъ, государь приказалъ священнику служить. «Не будучи приготовленъ къ сему приказанію и не имѣя при себѣ церковно-служителя или пѣвчихъ, священникъ началъ прямо: «Господу помолимся» — и самъ запѣлъ: «Господи помилуй. О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, Господу помолимся!» Въ это время пѣвчій изъ военныхъ поселянъ, стоявшій во фронтѣ на колѣняхъ, вдругъ вскочилъ съ колѣней, побѣжалъ къ священнику и, на бѣгу, началъ пѣть: «Господи помилуй!» Послѣ окончанія всей эктеньи, государь приказалъ мнѣ командовать: «Накройся, вставай, справа и слѣва кругомъ заходи!» Потомъ приказалъ еще вздвоить ряды и началъ имъ говорить: «Какъ смѣли вы возстать противъ меня?!» И когда поселяне отвѣчали, что они противъ него не возставали, то государь сказалъ имъ: «Вы убили своихъ начальниковъ, Богомъ и мною надъ вами поставленныхъ,—это все равно, что вы подняли руку свою на меня!» Потомъ говорилъ онъ, что эта болѣзнь послана намъ Господомъ за наши грѣхи, что и самъ онъ потерялъ брата отъ этой болѣзни, а потому надо съ кротостію переносить волю господню, и, увидѣвъ одного унтеръ-офицера съ анненскимъ крестомъ и двумя медалями, подозвалъ къ себѣ, какъ равно и всѣхъ кавалеровъ, тутъ бывшихъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ: «васъ ли я вижу? И вы живы всѣ?» Анненскій кавалеръ отвѣчалъ: «Слава Богу, ваше величество,

Богъ помиловалъ!» Но государь сказалъ ему и прочимъ кавалерамъ: «молчи и не срами Бога! вы, кавалеры, должны были всѣ лечь тутъ и не допустить истреблять вашихъ начальниковъ!» Потомъ, обратясь ко мнѣ, изволилъ сказать такъ, чтобъ всѣ слышали: «А ты съ ними не шути и при первомъ ослушаніи выведи и тутъ же разстрѣляй на мѣстѣ!» Потомъ началъ говорить, чтобъ выдали виновныхъ, но поселяне молчали. Я въ то время, стоя въ рядахъ поселянъ, услышалъ, что сзади меня какой-то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: «а что, братцы, — полно, государь ли это? Не изъ нихъ ли переряженецъ?» Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха и, кажется, государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ и спросилъ ихъ: «Раскаиваетесь ли вы?», и когда они начали кричать: «раскаиваемся!», то государь отломилъ кусокъ кренделя и изволилъ скушать, сказавъ: «Ну, вотъ я ѣмъ вашъ хлѣбъ и соль; конечно, я могу васъ простить, но какъ Богъ васъ проститъ!?»

Въ округѣ прусскаго полка повторилась почти таже сцена. Государь сказалъ между прочимъ поселянамъ, послѣ эктеніи: «Еслибъ я и хотѣлъ васъ простить, то проститъ ли васъ законъ, проститъ ли Богъ?» и потребовалъ выдачи зачинщиковъ. Поселяне молчали. Государь не настаивалъ и сказалъ: «Раскаиваетесь ли вы въ вашихъ поступкахъ?» Немногіе невнятно признавались въ своей виновности, а звучный голосъ одного изъ поселянъ покрылъ ихъ неясный голосъ обычнымъ привѣтомъ: «Дай Богъ вашему величеству много лѣтъ здравствовать!»—«Будете ли стараться заслужить за ваши преступленія?»—«Рады стараться, в. и. величество!»—«Будете ли молиться за убитыхъ?» Отвѣтъ былъ утвердительный. Когда поселяне поднесли государю бѣлый хлѣбъ и свѣжіе соты, онъ, отстранивъ рукою поднесенное, сказалъ: «я тогда приму отъ васъ хлѣбъ-соль, когда съ вами помирюсь», и тотчасъ уѣхалъ.

Въ теченіи цѣлаго мѣсяца поселянъ оставляли между страхомъ наказанія и надеждою на помилованіе; Орловъ жилъ въ Новгородѣ, ничего не предпринимая. Вдругъ, въ одну ночь взяли 160 поселянъ въ австрійскомъ округѣ и, заковавъ ихъ въ кандалы, по 10 человѣкъ на одинъ желѣзный прутъ, отправили въ Новгородъ. «Достойно примѣчанія», говоритъ Панаевъ, «что хотя дѣйствовали въ скорости безъ лишняго разбору, изъ всѣхъ доставленныхъ оказался правымъ только одинъ; прочіе всѣ, по собственному ихъ сознанію, осуждены». Въ округѣ прусскаго полка употреблена была таже мѣра. Результатъ драмы, по словамъ священника Воинова, былъ таковъ: «Убійцы наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь на каторжную работу. Прочіе виновные, по степени преступленій, подвергнуты наказаніямъ по опредѣленію военнаго суда. Наказанія производились частію въ Новгородѣ,

частію въ штабѣ округовъ на мѣстахъ преступленій, *при сборѣ всѣхъ поселянъ и ихъ семействъ....* Сцена на плацу во время наказаній была шумна и ужасна, и дѣйствовала на умъ и воображеніе поселянъ сильно. Удары кнута и бичеваніе шпицрутенами съ воплемъ и стономъ бичуемыхъ раздавались по штабу, но крикъ кантонистовъ и визгъ женщинъ подъ розгами—заглушалъ и покрывалъ все. Поселянамъ казалось, какъ они увѣряли впослѣдствіи, что грѣхи ихъ изъ-подъ ударовъ вылетали изъ тѣла и поднимались въ видѣ брызжущаго пара.»

Кровавый бунтъ не остался безъ послѣдствій: онъ нанесъ жестокій ударъ самой идеѣ военныхъ поселеній и освободилъ народъ отъ ужаснаго эксперимента, который пробовали надъ нимъ съ замѣчательнымъ ослѣпленіемъ и отсутствіемъ всякой дальновидности. Правительство, жестоко наказывая бунтовщиковъ, убѣдилось, однако, что причины бунта лежали не въ холерѣ — она была только искрой — а гораздо глубже. Говорятъ, что послѣ бунта императоръ Николай сказалъ: «Быть можетъ, существуетъ важное неудобство въ соединеніи въ одну общую жизнь солдата и мужика, потому что дисциплина и рабство — два несовмѣстныя начала. Я охотно могу допустить существованіе націи безъ рабства, но не допускаю арміи безъ дисциплины» (P. Lacroix. Hist. de la vie et de règne de Nicolas I. Paris. 1868).

Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. И. Л. Горемыкина. Спб. 1869. Стр. 159.

Въ древней Польшѣ крестьянство пользовалось и личной свободой и правомъ собственности на землю, но съ XIV вѣка оно стало понемногу терять свои права вслѣдствіе усиленія шляхетства, духовнаго и свѣтскаго, которое, посредствомъ многоразличныхъ привилегій, освобождалось постепенно изъ-подъ дѣйствія общаго государственнаго закона и вмѣстѣ съ тѣмъ присвоивало себѣ надъ крестьянами тѣ права, которыя должны были бы принадлежать одной государственной власти. Съ начала XVI в., въ Польшѣ окончательно водворяется крѣпостное право. Естественно, что сосредоточеніе всѣхъ правъ въ одномъ сословіи губительно подѣйствовало и на развитіе средняго класса; до XVI вѣка этотъ классъ, торговлею и промышленностію, пріобрѣлъ такое значеніе, что богатство многихъ жителей такихъ городовъ, какъ Краковъ, Олькушъ, Сандомиръ, Ярославъ, могло соперничать съ богатствомъ первыхъ землевладѣльцевъ Польши. Напр., краковскій мѣщанинъ Вѣржинекъ угощалъ съѣхавшихся государей и поднесъ имъ всѣмъ подарки, цѣнность которыхъ равнялась 100,000 червонныхъ злотыхъ; другой мѣщанинъ, Кемпничъ, далъ взаймы германскому императору 6,000 гривенъ серебра; краковскій же мѣщанинъ, Гарный, при Сигизмундѣ I, имѣлъ въ заставѣ королевскихъ имѣній и соляныхъ копей на 26,000 червон. злотыхъ; многіе купцы вели заграничную торговлю на собственныхъ корабляхъ. Не такова была доля крестьянъ. Крестьянинъ жилъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, какъ наемникъ, удерживаемый принужденіемъ, а горожанинъ, какъ гость, терпимый

въ чужомъ домѣ, но всегда зависящій отъ произвола или каприза его хозяина. Среди многочисленныхъ стѣсненій, произвола и насилія достаточно упомянуть о постановленіи сейма 1613 года, по которому горожанамъ, наравнѣ съ хлопами, запрещено носить шелковыя ткани, дорогіе мѣха и сафьяны; въ 1612 г. это запрещеніе распространено и на женщинъ обоихъ этихъ сословій. Подъ бременемъ произвола и стѣсненій, среднее сословіе мало-по-малу совсѣмъ уничтожилось, а торговля и промышленность перешли въ руки евреевъ. До конца XVIII вѣка, въ положеніи крестьянъ не произошло никакихъ измѣненій къ лучшему; попытки нѣкоторыхъ поляковъ на сеймахъ въ пользу угнетеннаго сословія кончались полнѣйшей неудачей; освобожденіе крестьянъ Наполеономъ въ 1807 г., безъ права на землю, не принесло имъ никакой существенной пользы, а единственная статья Наполеонова кодекса, установлявшая право всякаго безсрочнаго арендатора пріобрѣсти въ собственность арендуемое имущество посредствомъ выкупа, была уничтожена на сеймѣ 1825 г., хотя огромное большинство крестьянъ находилось въ такомъ положеніи, что о выкупѣ они не могли и думать. Только нынѣшнему царствованію принадлежитъ неотъемлемая заслуга существеннаго улучшенія быта крестьянъ, и какъ бы ни пошла исторія Польши въ будущемъ, какія бы перемѣны въ судьбѣ ея ни послѣдовали, Россія, актомъ надѣла крестьянъ землею, навсегда упрочила себѣ почетное мѣсто въ исторіи.

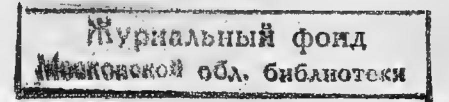
Судьба польскаго крестьянства могла бы послужить предметомъ чрезвычайно любопытной монографіи; о трудѣ г. Горемыкина отнюдь нельзя сказать, чтобъ это были даже «очерки исторіи крестьянъ»; это скорѣе—оффиціальная записка, составленная добросовѣстно, но крайне сухо, игнорирующая внутренній бытъ крестьянъ и почти только указывающая на главнѣйшія законодательныя мѣры, которыя измѣняли ихъ положеніе. Г. Горемыкинъ не особенно хорошо овладѣлъ и этой не широкой темою, допустивъ въ свою весьма необъемистую монографію многочисленныя повторенія, и расположивъ матеріалъ, преимущественно въ первой половинѣ книги, довольно неудачно. Впрочемъ, въ нашей исторической литературѣ этотъ трудъ все-таки не безполезный.

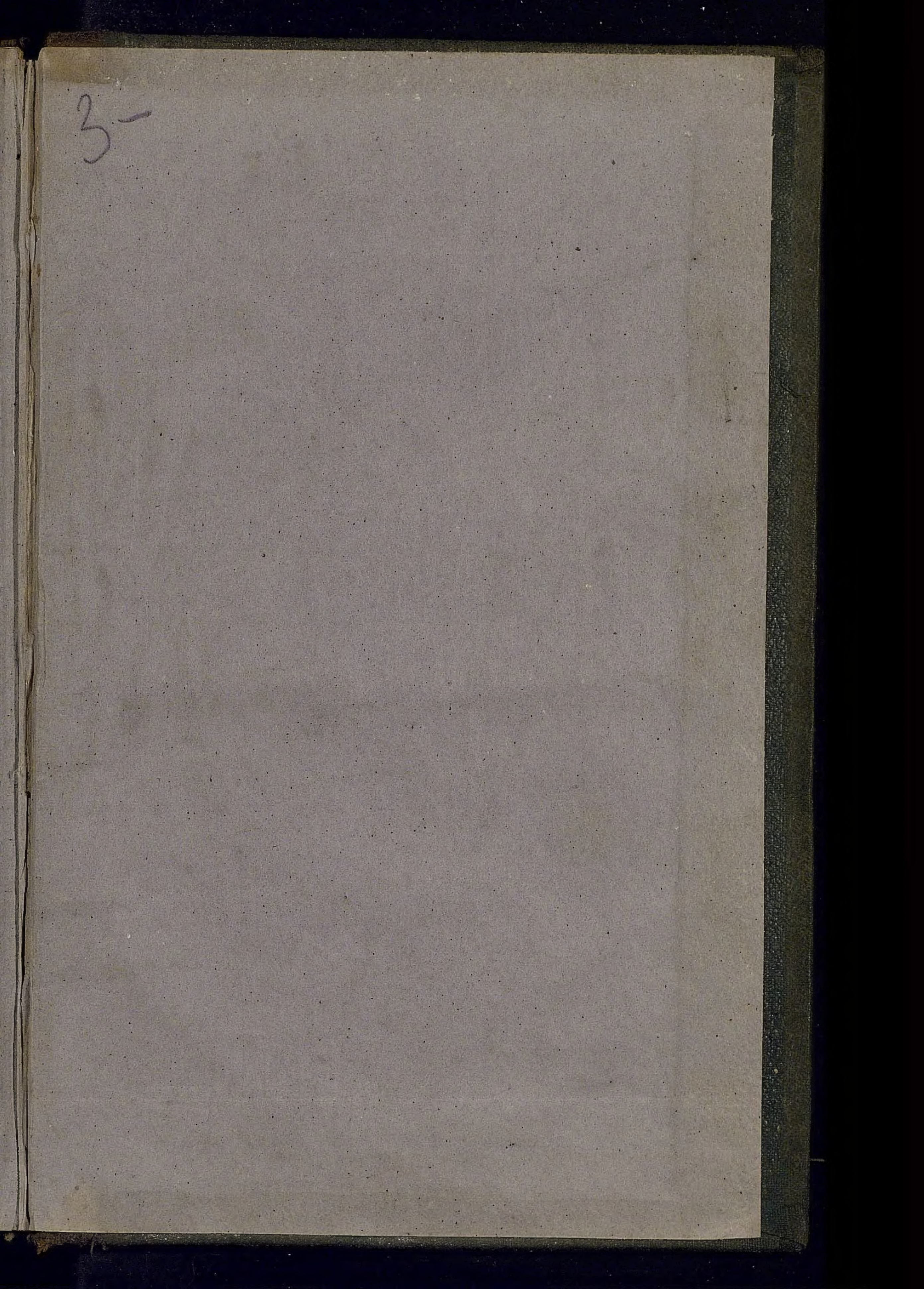
ПОПРАВКА.

Въ январьской книгѣ, стр. 390, строч. 7 св., напечатано: *150,000*; слѣдуетъ: 15,500,000.

Въ февральской книгѣ, стр. 764, строч. 22 св., напечатано: *противенъ*; слѣдуетъ: притворенъ.

М. Стасюлевичъ.

3-

